

Михаил Васильевич
Ломоносов

ПЕРЕПИСКА. 1737–1765

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ

ПЕРЕПИСКА

1737–1765

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛОМОНОСОВЪ»

МОСКВА 2010

ББК 72.3
УДК 929
Л75

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Составление, подготовка текста и примечания
Г. Г. Мартынова

Под редакцией
Б. А. Градовой

ISBN 978-5-91678-030-7

© Г. Г. Мартынов, составление, примечания, 2010
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание представляет собой собрание ученой корреспонденции Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) — первого русского ученого-естествоиспытателя мирового значения, поэта, заложившего основы современного русского литературного языка, филолога, историка и просветителя.

Официальные, деловые и частные письма и записки Ломоносова и к Ломоносову собраны здесь с исключительной полнотой, возможной на сегодняшний день. Это позволило подробно осветить жизненный и творческий путь Ломоносова, воссоздать яркую картину его масштабной деятельности.

Корреспонденция охватывает период 1737–1765 годов. Она велась Ломоносовым на немецком, латинском, русском и французском языках. Среди его адресатов — крупнейший ученый и организатор науки XVIII века Леонард Эйлер, государственный канцлер Михаил Воронцов, всемогущий приближенный императрицы Елизаветы Петровны меценат Иван Шувалов, на протяжении долгих лет покровительствовавший Ломоносову, и многие другие. Поэтому, как и для любого другого ученого такого уровня, корреспонденция Ломоносова представляет огромную научную, историческую и общекультурную ценность.

Все документы (161) разделены на четыре отдела, согласно основным периодам биографии Ломоносова, и даются на языке оригинала в сопровождении заново отредактированных или вновь сделанных переводов. Составлены комментарии и справочный аппарат, подобраны иллюстрации.

Впервые часть переписки Ломоносова была опубликована в 1784 году. Это были несколько его писем к И. И. Шувалову, напечатанных, несомненно, с подачи самого адресата, стоявшего у истоков формирования «мифа о Ломоносове» как человеке, безупречном во всех проявлениях.

Серьезные попытки собрать корреспонденцию Ломоносова предпринимались фактически с 1865 года А. А. Куником, П. С. Билярским, П. П. Пекарским. Однако к настоящему времени имеются всего два давних издания на эту тему.

В первый и единственный раз в отдельном издании переписка Ломоносова, включая письма его корреспондентов, была собрана Л. Б. Модзалевским, много лет готовившим восьмой, заключительный том «Сочинений Ломоносова», выпускавшихся Академией наук с 1891 года. Однако последний том смог выйти только в 1948 году, уже после смерти составителя, и дорабатывался редакторами. Издание это — сугубо научное и уже давно стало библиографической редкостью, современному читателю оно доступно мало.

В 1957 г. письма, но только одного Ломоносова, были напечатаны в десятом томе его «Полного собрания сочинений», разумеется, также имеющем характер научной публикации.

Справедливости ради отметим, что ряд писем из изданий 1948 и 1957 годов перепечатывался в посвященных Ломоносову научно-популярных и популярных изданиях.

Однако новых собраний переписки Ломоносова не появлялось уже более 50 лет, в течение которых случались, разумеется, и новые находки. Сведения о них разбросаны по многим печатным источникам в России и за рубежом.

При подготовке настоящего издания были заново сверены архивные шифры подлинников, хранящихся в архивах Петербурга и Москвы. В ряде случаев это позволило уточнить не только шифры архивного хранения, но и даты написания, исправить смысловые неточности, что не так уж редко случается при первых публикациях.

К сожалению, не все архивные документы оказались доступными, в нескольких случаях по ранее опубликованным данным их даже и не удалось найти. С другой стороны, в результате этой, как известно любому исследователю, скрупулезной работы, требующей особой тщательности, в научный оборот оказались введены несколько новых документов, либо современных Ломоносову копий, ранее в печати не появлявшихся. Разысканы и заново изучены все первые публикации переписки Ломоносова, как отечественные, так и зарубежные.

Как известно, архив Ломоносова дошел до нас с большими лакунами, особенно — и это весьма досадно — именно в части его переписки, комплексное воссоздание которой всегда требовало от тех, кто ею занимался, больших усилий. Существует и особая проблема: в случае Ломоносова сложно отделить письма, в привычном значении этого слова (как документы частного характера), от того, что обычно принято называть служебными бумагами. Надеемся, что в настоящем издании вполне удалось соблюсти необходимый в данном случае баланс.

Письма печатаются в современной орфографии, но с соблюдением особенностей написания оригиналов. Подчеркивания слов и фраз, встречающиеся в подлинниках, выделены *курсивом*. Редакторские конъюнктуры заключены [в квадратные скобки].

К письмам составлены примечания, в которых прежде всего указаны обстоятельства их появления. Подробно раскрыто, о ком и о чем идет речь, даны сведения, необходимые для реального и историко-культурного понимания текста. Объяснены события истории, термины и понятия, редкие и устаревшие слова. Проведена атрибуция прижизненных Ломоносову изданий и публикаций, упоминаемых в текстах. В примечаниях использованы и дополнительные архивные документы, в т. ч. выявленные впервые.

Справочный аппарат состоит из краткого биографического словаря корреспондентов Ломоносова, списка условных сокращений и указателя переписки (по номерам).

Иллюстративный ряд составляют портреты адресатов Ломоносова.

Совсем не просто составить книгу, посвященную очень далекому от нас сейчас XVIII веку, причем сделать это так, чтобы она в равной степени была интересна и специалистам, историкам науки, и учителям и преподавателям вузов, и студентам, и широкому кругу читателей, интересующихся жизнью, бытом, идеями России 1730–1760-х годов. Надеемся, что в известной степени сделать это нам все-таки удалось.

Г. Г. Мартынов

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ГЕРМАНИЯ

1737–1741

1.   ОБЩИЙ РЕПОРТ МАРБУРГСКИХ СТУДЕНТОВ
(М. В. ЛОМОНОСОВА, Д. И. ВИНОГРАДОВА, Г. У. РАЙЗЕРА)
В КАНЦЕЛЯРИЮ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК¹
Не позднее 15 (4) сентября 1737 г. Марбург

Rapport

Nachdemahlen auf Ihre Kayserlichen Maytt. hohen Befehl von der Kayserlichen Academie der Wissenschaften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wissenschaften und Sprachen zu erlernen, um zur Metallurgie zu präpariren, und zu dem Ende eine Instruction bekommen, worinnen nebst specificirung der zu erlernenden Wissenschaften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle halbe Jahr von unsern studiis und angewandten Geldern genauen Bericht abzustatten, wie auch specimina von unsern progressen bey zu legen. Als rapportiren wir heimit untertänigst, dass, nach dem wir hier in Marburg den 15ten Nov. n. St. 1736 angekommen, wir sogleich bey einem hiesigen Doctore Medicinae Conradi ein Collegium Chymiae theoretico-practicum für 120 thaler bedungen, worinnen er uns Stahlis fundamenta Chymiae lateinisch erklären, und die darin vorkommende Experimenta in praxin bringen sol[1]te. Weil er aber praestanda weder praestirte, noch praestiren kon[n]te; so haben wir dasselbige Collegium mit Gutbefinden des Herrn Regierungs-Raths Wolffs nach 3 Wochen aufgegeben, und sind im Januario dieses 1737sten Jahres in ein Collegium Chymiae publicum, welches der hiesige professor Duysing über Teichmeyers Institutiones Chymiae hält, und noch fortfähret, gegangen. Über die Mechanic liest der H. Regierungs-Rath selbst in seinem Cursu mathematico und wird auch die Hydraulic und Hydrostatic immediate drauferklären. Was sonst einen jeden ins besondere anbelanget, so habe ich G. U. Raiser

die Architectur beyrn H. Regierungs-Rath mitangehöret, einen Französischen Sprach-Meister vom November vorigen Jahres, wie auch einen Zeichen-Meister vom April erstlich 2, nun mehro aber 4 stunden in der Woche gehalten. Ich Michael Lomonosoff und ich Demetrius Winogradoff haben bis auf den April in der deutschen Sprache, Arithmetic, Geometrie und Trigonometrie Unterricht genossen, und vom May-Monaht die Frantzösische Sprache und das Zeichnen angefangen.

Репорт

По Высочайшему Ея Императорскаго Велич[ества] повелению, Императорская Академия Наук отправила нас в Марбург², учиться химии и другим относящимся сюда наукам и языкам, необходимым для подготовки к [изучению] металлургии. С этой целью мы получили Инструкцию, в которой нам обозначены науки и языки, подлежащие изучению, и вместе с тем поручено представлять пополугодно подробные отчеты о наших занятиях и об употреблении денег, с приложением образцов наших успехов³. Вследствие сего имеем честь почтительнейше донести, что, прибыв сюда, в Марбург, 15-го нояб[ря] н[ового] ст[илия] 1736 года, мы тотчас же за 120 талеров договорились с здешним Doctore Medicinae⁴ Конради, слушать у него Collegium Chymiae theoretico-practicum⁵, на которых он обязывался объяснять нам на латинском языке Stahl's fundamenta Chymiae⁶ и показывать на практике встречающиеся при этом опыты. Но так как он не только не исполнял, но и не мог исполнить обещанного, то мы, с согласия г[осподина] регирунгсрата Вольфа, через три недели отказались от этих Collegium⁷ и в январе нынешнего 1737-го года начали слушать Collegium Chymiae publicum⁸, которые здешний профессор Дуйзинг читает и теперь еще продолжает читать о тейхмейеровых Institutiones Chymiae⁹. О механике читает сам г[осподин] регирунгсрат в своем Cursu mathematico¹⁰; вслед за тем он станет объяснять гидравлику и гидростатику¹¹. Что же еще касается отдельно каждого из нас, то я, Г. У. Райзер, слушал у г[осподина] регирунгсрата [лекции] архитектуры и с ноября прошлого года брал у учителя французского языка, а с апреля месяца и учителя рисования сначала по 2, а теперь по 4 урока в неделю. Я, Михаил Ломоносов, и я, Дми-

трий Виноградов, до апреля месяца брали уроки немецкого языка, арифметики, геометрии и тригонометрии, а с мая начали учиться французскому языку и рисованию^{12*}.

Источники текста

Автограф на немецком языке рукой Г. У. Райзера: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 5. № 112. Л. 1–2* (установлено Б. А. Градовой). Помета вверху первого листа: «Praes. in Cancell. Acad. d. 26. Sept. 1737» («получ[ено] в Канцел[ярии] Акад[емии] 26 сент[ября] 1737»). На нижнем поле первого листа помета: «Репорт от учеников из Марбурга».

Публикации: *Куник I*, с. 112–113 (немецкий текст по автографу). *Куник II*, с. 254–255 (русский перевод). *ПСС 10*, с. 361–363 (немецкий текст и русский перевод), с указанием в примечаниях: «Местонахождение подлинника неизвестно» (*ПСС 10*, с. 766).

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Направить запрос к марбургским студентам Академическая канцелярия определила 14 августа 1737 г.: «За моря в Марбурх писать на немецком языке к ученикам Михайле Ломоносову, Дмитрею Виноградову и к Рейзеру с требованием о присылке от них о науках, что обучились и обучаются» (цит по: *ПСС 10*, с. 793). По получении запроса студенты представили требуемый репорт. Дополнительно Ломоносов написал барону И. А. Корфу лично (см. документ № 2).

² Студенты М. В. Ломоносов (22-х лет), Д. И. Виноградов (16-ти лет) и Г. У. Райзер (17-ти лет) были отправлены в Германию на основании резолюции Кабинета Ея Императорского Величества от 13 марта 1736 г. на доклад барона И. А. Корфа от 5 марта 1736 г.: «По сему докладу вышеписанных трех учеников для обучения металлургии отправить в Фрейбург к бергфизику Генкелю и на содержание их отсылать в Академию наук по тысячи по двести рублей на год, из которой суммы определить им годового жалованья в бытность их в Фрейберге по рассуждению Академии наук, чтоб могли себя тамо содержать без излишества, а что будет от той суммы оставаться, удерживать в казну при Академии наук. А как они, будучи в Фрейберге, науку примут и потребно им будет ехать для окончания тех своих наук и смотрения славнейших химических лабораторий в Англию, Голландию и во Францию, тогда им для тамошней бытности и возвращения в Россию учинить прибавку из вышеписанной остаточной суммы по рассмотрению. Андрей Остерман. Павел Ягушинский. К[нязь] Алексей Черкасской» (*Куник, II*, с. 231).

---

* Перевод А. А. Куника.

Первоначально назначенный план, однако, пришлось изменить. Как сказано в состоявшемся затем определении Академии наук, поскольку «из полученных ныне от бергфизика Генкеля писем от 7-го и 17-го мая сего года оказывается, что сумма, требуемая им на дальнейшее обучение и содержание означенных студентов, далеко превышает сумму, Всемилостивейше назначенную на это Ея Императорским Величеством, то постановлено: упомянутых трех учеников отправить сперва в Марбург, в Гессене, с тем, чтобы они там усвоили себе начальные основания металлургии, химии и прочих относящихся сюда наук, к изучению которых здесь не представляется случая. Они обязаны продолжать свои занятия под руководством профессора Вольфа, к которому об этом имеет быть написано особо, и согласно Инструкции, которую получают, должны повести эти занятия и устроить свой образ жизни так, чтобы по прошествии двух лет, в видах достижения предположенной Ея Императорским Величеством цели, могли еще практически изучить дело во Фрейберге и других горных местах, в Голландии, Англии, Франции и т. д. Каждому из них назначается в год по 300 рублей, из которых они должны не только содержать себя, но и покрыть издержки на проезд в Марбург и все другие необходимые расходы. Остальные 300 рублей остаются в запасе, с тем, чтобы из них могли быть уплачены могущие встретиться экстренные расходы и путевые издержки в случае дальнейшей поездки в Голландию, Англию и Францию» (*Куник, II, с. 242–243; подлинник по-немецки*).

18 августа 1736 г. студенты получили инструкцию и рекомендательное письмо к Х. Вольфу от барона И. А. Корфа. Выехав из Петербурга 19 сентября морским путем через Кронштадт и Любек, в Марбург они прибыли 14 (3) ноября и официально были зачислены в Марбургский университет 17 (6) ноября 1736 г.

Настоящее письмо — первый известный общий репорт марбургских студентов о своих занятиях.

³ Инструкция на немецком языке датирована 17 августа 1736 г. Перевод, сделанный в Академической канцелярии 18 августа, с подписями-автографами студентов: «Понеже по всемилостивейшему указу Ея Императорскаго Величества марта от 7 дня 1736 года определено при Академии наук отправить трех студентов, Густава Ульриха Рейзера, Дмитрия Виноградова, Михайла Ломоносова, в Марбург и в Гессенские горные места, дабы они там химии и горным делам учились и Государство бы со временем от них некоторую пользу получить могло, то дается им на то следующая инструкция, а именно студентам Дмитрию Виноградову, Густаву Ульриху Рейзеру, Михайлу Ломоносову.

1) Должны они во всех местах во время своего пребывания показывать пристойные нравы и поступки, так же и о продолжении своих наук наилучше стараться.

2) К получению желанного намерения ничего не оставлять, что до химической науки и горных дел касается, а при том учиться и естественной истории, физике, геометрии и тригонометрии, механике, гидравлике и гидротехнике.

3) Объявленным наукам учиться ему [!] у тамошнего советника Правительства господина Вольфа и требовать от него при всех случаях совета, а к нему о том уже писано и впредь письменная пересылка с ним содержится быть имеет.

4) Положивши основание в теории, должен он при осматривании рудопромысловых мест различные свойства гор и руд, так же и случающуюся при том работе и прочие к тому принадлежащие машины и строения прилежно примечать, а при плавлении и отделении руд в лабораториях сам трудиться, и везде в практике ничего не пренебрегать, чем он свое знание в химии и в горных делах в возможное совершенство привести может.

5) Стараться им о получении такой способности в русском, немецком, латинском и французском языках, чтоб они ими свободно говорить и писать могли, а при том учиться прилежно рисованию.

6) Присылать всегда по прошествии полугода в Академию наук известия, каким наукам и языкам он обучается; так же и нечто из своих трудов в свидетельство прилежания и притом счет с росписками о своих расходах.

7) Ежели он [!] потом, смотря по обстоятельствам, далее в Саксонию, Голландию, Англию и Францию посланы быть имеют, то дана будет ему тогда новая инструкция.

Чему помянутые Густав Ульрих Рейзер, Дмитрий Виноградов и Михайло Ломоносов точно последовать должны.

Ея Императорскаго Величества действительный камергер
и Академии наук главный командир барон
фон Корф.

Такову инструкцию студент Михайло Ломоносов получил, по которой точно исполнять будет.

Такову инструкцию получил студент Дмитрий Виноградов, по которой точно исполнять будет.

Такову инструкцию получил студент Рейзер, по которой точно исполнять будет» (Куник II, с. 246–247).

Вторая инструкция марбургским студентам датирована 30 августа 1737 г. (см. примеч. 3 к документу № 3), третья — 29 мая 1738 г. (см. примеч. 4 к документу № 6).

⁴ доктором медицины (*лат.*). См. также документ № 10 и примеч. к нему.

⁵ теоретико-практические лекции химии (*лат.*).

⁶ начальные основания химии Штала (лат.). Подразумевается издание: *Stahl G. E. Fundamenta chymiae dogmaticae et experimentalis. Norimbergae, 1723* (*Шталь Г. Э. Основания догматической и экспериментальной химии. Нюрнберг, 1723*). Книга была куплена Ломоносовым в Марбурге (*ПСС 10*, с. 370, 375, 769).

⁷ лекций (лат.).

⁸ публичные лекции химии (лат.).

⁹ Подразумевается издание: *Teichmeyer H. F. Institutiones chemiae dogmaticae et experimentalis in quibus chemicorum principia, instrumenta, operationes et producta succincta methodo traduntur in usum auditorii sui cum figuris aeneis et indicibus. Jenae, 1729* (*Тейхмейер Г. Ф. Наставления по догматической и экспериментальной химии, в которых сжато рассказывается об основаниях, инструментах, операциях и продуктах химиков. С рисунками на меди и указателями. Йена, 1729*). Книга была куплена Ломоносовым в Марбурге (*ПСС 10*, с. 370, 375, 767).

¹⁰ математическом курсе (лат.). Лекции Вольфа по механике составляют 1-й раздел 2-го тома его труда: *Wolf Ch. Elementa matheseos universae. Halae Magdeburgicae, 1713–1715* (*Вольф Х. Элементы всей математики. Галле в Магдебургской области, 1713–1715*), переизданного также в Женеве в 1732–1735 гг. и в Галле в 1730–1738 гг. Ломоносов в Марбурге купил первые 3 тома этого сочинения в женевском издании, а 4-й том — в издании, вышедшем в Галле в 1738 г. (*ПСС 10*, с. 370, 375, 770).

¹¹ Гидравлика и гидростатика составляют 2-ю и 4-ю части 2-го тома «Элементов всей математики» Х. Вольфа.

¹² Занятия по рисованию требовались для привития навыков изображения предметов при изучении наук, но о том, кто давал марбургским студентам эти уроки, в известных документах сведений нет.

2. ЛОМОНОСОВ — БАРОНУ И. А. КОРФУ¹

15 (4) сентября 1737 г. Марбург

Hochwolgebohrner Herr
Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz hohe Gnaden Bezeugungen, deren ich mich in der Zeit in tieffer Unterhänigkeit erinnere, haben mich schon längst aufgefo[r]-dert Denenselben schriftlich den respect zu bezeugen. Weil aber biss dato der teutschen Sprache nicht mächtig bin gewesen, und jetzo etwas darin gethan, so habe mich in tieffer demuth erkünnen wol-

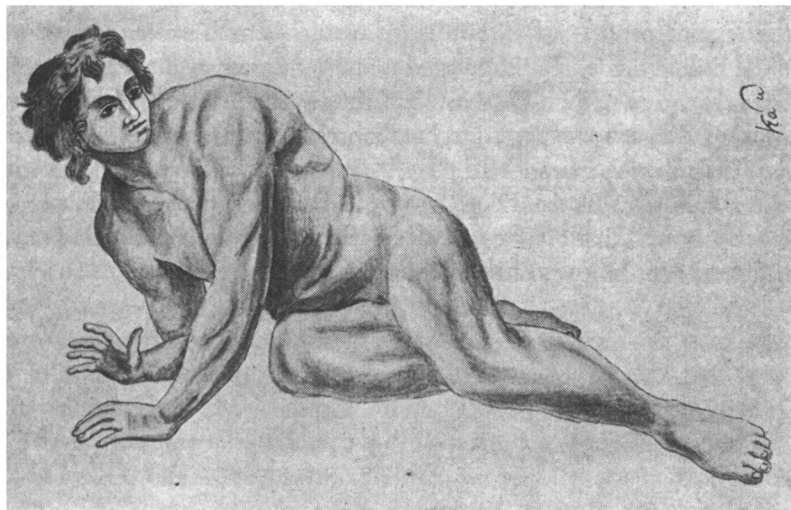
len Denenselben nicht nur meine unterthänigste Pflicht abzustatten, sondern auch die Erstlinge der teutschen Schprache auf zu opfern. Denn Ew. Excellenz hohe Gnade ist diejenige, der ich einzig und allen meine Wohlfart zuschreiben muss, in dem Dieselben durch hohe Verteidigung bey Ihro Majesteten es dahin vermittelt haben, dass mir, ob schon aller dieser hohen Wohlthaten unwürdig, in Gnaden zu gestanden, meine Studia auf ausländische Academien zu excoliren. Da vor diese hohe Gnaden Bezeugungen nicht genugsamen Danck abzustatten vermag, so widme Denenselben aufewig mein dankbahres Hertz, welches Zeit lebens diese unschätzbahre Gunst in Ehrerbittungs vollen Andenken verehren wird. U[e]brigens ergeth an Ew. Ex[c]ellentz mein demütiges Bitten, Dieselben wollen gütigst denjenigen mit Dero fernere hohe Gnade erfreuen, der dafür mit geziemender Hochachtung und schuldigster Ehrerbittung biss in Todt verharret.

Ew. Hochgebohrnen Excellenz
unterthänigster Diener
Michael Lomonosoff.

Marburg d. 15 Sept.
Anno 1737.

Высокородный господин,
Милостивый государь господин камергер!

Великие милости Вашего Превосходительства, о которых я всегда вспоминаю с глубокой преданностию, уже давно побуждали меня письменно засвидетельствовать Вам мое высокопочитание. Но как я до сих пор еще немецким языком не владел и только теперь несколько в оном успел, то я всенижайше осмелился не только исполнить почтительнейший долг свой, но и поднести Вам первый свой опыт в немецком языке. Всем моим благополучием я единственно высокой милости Вашего Превосходительства обязан, ибо благосклонным заступничеством Вашим перед Ея Величеством Вы успели исходатайствовать, чтобы мне, хотя и недостойн я толиких благодеяний, Всемилостивейше дозволено обучаться наукам в чужестранных Академиях. Не в состоянии будучи воздать Вам должную благодарность за толь великие милости, я навеки повергаю к стопам Вашим признательное мое сердце, которое на всю жизнь

Каин. Ученический рисунок Ломоносова

сохранит в благоговейной памяти такое неоцененное благорасположение. За сим обращаюсь к Вашему Превосходительству с всенижайшею просьбою соблаговолить осчастливить и впредь благосклонным вниманием Вашим того, кто с своей стороны с подобающим почтением и достождною почитательною покорностью до смерти пребывает

Вашего Превосходительства
всенижайшим слугою
Михаил Ломоносов.

Марбург, 15 сент[ября]
1737 г.*

Источники текста

Автограф на немецком языке: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 66. Л. 1–2*. Помета сверху первого листа: «Praes. in Cancell. Acad. d. 26ⁱ Septbr 1737» («получ[ено] в Канцел[ярии] Акад[емии] 26 сент[я]б[ря] 1737»). Полное факсимиле: *Каталог выставки*, с. 20.

Описание: *Модзалевский*, с. 89.

Публикации: *Куник I*, с. 115–116 (немецкий текст по автографу), *Куник II*, с. 260 (русский перевод). *Сочинения 8*, с. 43–44 и *ПСС 10*, с. 415–416 (немецкий текст и русский перевод).

К письму приложен отдельный лист — ученический рисунок Ломоносова с надписью «Каин» и подписью-автографом на обороте: «M. Lomonosoff» (*ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 66. Л. 3*).

Публикации рисунка: *Модзалевский*, между с. 90 и 91; *Модзалевский Л. Б. Рисунки Ломоносова // Ломоносов 2*, между с. 280 и 281. *Сочинения 8*, между с. 44 и 45. *ПСС 10*, между с. 416 и 417. *Каталог выставки*, с. 20.

Письмо печатается по первой публикации. Рисунок воспроизведен по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Самое раннее из известных сейчас писем Ломоносова, написанное к тому же на немецком языке, которого до отправки в Германию он не знал, но в течение 10 месяцев пребывания в Марбурге овладел им настолько, что смог отправить в Академию наук свой собственный эпистолярный опыт. Одновременно, помимо научных занятий, Ломоносов изучал французский язык и учился рисованию (см. документ № 1).

---

* Перевод А. А. Куника.

В тот же день, 15 (4) сентября 1737 г., Х. Вольф писал барону И. А. Корфу: «Виноградов и Ломоносов начинают уже говорить по-немецки и довольно хорошо понимают то, о чем говорится, нужно, конечно, несколько времени на то, пока русский, который решительно ничего не смыслит в немецком языке, успеет усовершенствоваться в нем. Стали они учиться рисованию, которое им пригодится в механике и естественной истории» (*Жулик II*, с. 258; подлинник по-немецки).

Для предъявления вещественных доказательств своих успехов Ломоносов приложил к письму ученический рисунок, изображающий Каина. Рисунок сделан с гравюры, находящейся в 3-й части (таблица 1) руководства по рисованию, выпущенного Петербургской Академией наук с параллельными текстами на немецком и русском языках: *Gründlich-verfasste Regeln oder Kurtze Anleitung zu der Zeichen-Kunst* / Hrsgb. von J. D. Preissler, der Nürnbergischen Kunst-Mahler-Academie Director. St.-Pb., 1734 (*Основательно изложенные правила, или Краткое руководство к рисовальному искусству* / Под ред. И. Д. Прейслера, директора Нюрнбергской Академии Художеств. СПб., 1734). Руководство, ставившее целью в последовательном порядке научить рисовать с натуры, было дано студентам при отъезде из Петербурга как пособие при уроках рисования, предусмотренных инструкцией 1736 г. (см. примеч. 3 к документу № 1). Гравюра из руководства воспроизведена: *Модзалевский Л. Б. Рисунки Ломоносова // Ломоносов 2*, между с. 280 и 281.

О популярности в России руководства — первой книги по обучению изобразительному искусству на русском языке — свидетельствуют его переиздания в 1749, 1754, 1781, 1795 и 1810 гг. (*СК 2*, с. 469–470; *СК ин. 2*, с. 318).

3. БАРОН И. А. КОРФ — МАРБУРГСКИМ СТУДЕНТАМ
(М. В. ЛОМОНОСОВУ, Д. И. ВИНОГРАДОВУ, Г. У. РАЙЗЕРУ)
7 (18) октября 1737 г. Петербург

An die Studiosos in Marpurg.

Messieurs.

Ich habe Ihre Rechnung ohne Datum und den Rapport ohne Unterschrift erhalten. Sie werden künftig hin sich der Accuratesse befleissigen und bemühen I. K. Maj. hohe Intention zu erfüllen und der Ihnen mit gegebenen Instruction nachzukommen. Wie Sie sich in dem Studio histor. naturalis zu verhalten haben, wird der H. Regierungs-Rath Ihnen communiciren. Ein jeder hat von demselben 2 Tertial, nehmlich

200 R., entweder aufeinmahl oder nach und nach, so wie es der H. Regierung-Rath vor gut befinden wird, zu empfangen. Ich bin etc.

Студентам в Марбурге.

Господа.

Я получил Ваш счет без означения числа и репорт без подписи¹. Прошу Вас впредь быть аккуратнее, стараться исполнять Высочайшую волю Е[я] И[мператорскаго] Вел[ичества] и следовать данной Вам Инструкции². О том, как Вам поступать при Studio histor. naturalis³, Вам сообщит г[осподин] регирунгсрат [Вольф]. Каждый из Вас имеет получить от него деньги за две трети, то есть 200 р[ублей], либо за один раз, либо по частям, смотря по тому, как признает за лучшее г[осподин] регирунгсрат. Остаюсь etc.*

Источники текста

Черновой автограф на немецком языке: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 5. № 126. Л. 1.

Печатается по первой публикации: *Куник I*, с. 117 (немецкий текст по черновому автографу), *Куник II*, с. 262 (русский перевод).

Примечания

¹ См. документ № 1. Приложенный к репорту счет расходам Ломоносова опубликован: *Куник I*, с. 116; *Куник II*, с. 261. ПСС 10, с. 324.

² См. примеч. 3 к документу № 1.

³ изучении естественной истор[ии] (*лат.*). Соответствующая инструкция марбургским студентам, составленная Г. В. Крафтом и И. Амманом на немецком языке, датирована 30 августа (10 сентября) 1737 г.: «При изучении естественной истории, которою желают заняться три господина студента, посланные в Германию, всего необходимее и полезнее для них, согласно данной им инструкции, та часть, в которой говорится о минералах, или так называемое царство ископаемых. В ней указывается, как узнавать и отличать все породы камней, руд и т. д. и вообще все естественные тела, находимые в земле. Лучше всего это изучается следующим образом.

Прежде всего им необходимо прилежно читать дельного автора, у которого все эти предметы по хорошей методе распределены на известные классы, роды и виды, с означением их характеристических отличий. По этому предмету рекомендуются Regnum Minerale Эман. Кёнига и различные сочинения господина Вудварда.

---

* Перевод А. А. Куника.

Усвоив себе различные названия и отличительные признаки [минералов], они могут в деревнях, в рудниках или, буде представится возможность, в кабинете, хорошо снабженном такими телами, наглядно ознакомиться с ними и при рассмотрении их составить себе о них ясное понятие, так чтобы тотчас могли узнавать их, если они опять встретятся им в другом месте.

Хорошо бы было также, если бы они сами составили себе небольшую коллекцию важнейших минералов и преимущественно таких, которые труднее всего отличить от других. Пересматривая ее почаще, они таким образом не забыли бы того, чему однажды успели научиться.

Местами встречается также почти бесчисленное множество разных фигурчатых камней, которые часто бывают купоросного или железного свойства. С ними они могут ознакомиться из книги господина Лангена *Historia Lapidum Figuratorum* и из сочинений господина Шейхцера и Вудварда.

Знание драгоценных камней приносит также своего рода пользу. Лучшим руководством по этой части им может служить *Historia Gemmarum A. Боэция де Боота*. Но ясное понятие об этих камнях можно получить лишь в хорошо устроенном кабинете.

Для изучения ботаники, если они захотят и будут иметь время заняться ею, нет лучше и легче методы господина Турнефора; при помощи ее они в короткое время будут уметь отличать каждое растение по его цветам и плодам и причислять к тому классу и роду, к которому оно принадлежит.

Прежде всего им необходимо, по сочинению этого автора: *Isagoge in Rem Herbariam*, изучить различные виды цветов и их строение и хорошенько запомнить, что такое *Flos Apetalos* или *Petalodes*, что значит *Flos Simplex* или *Compositus*, *Flos Monopetalus* или *Polypetalus*, и что такое *Flos Labiatus*, *Campaniformis Rosaceus*, *Papilionaceus*, *Flosculusus* или *Radiatus* и проч., потому что на этих началах и основана вся метода.

Найдя в саду, в лесу или на поле растение, тщательно рассмотрев его цветок и плод и видя по строению их, что оно принадлежит к тому или другому классу, они должны сперва отыскать тот род растений, к которому должен быть отнесен неизвестный им экземпляр, а потом, убедившись в роде растения, пересмотреть различные виды этого рода с тем, чтобы найти, не сходен ли один из этих видов с их растением по названию корней, листьев или цвета. Когда они найдут и это, то им следует справиться с указанными по этому предмету сочинениями, в которых можно найти или более подробное описание, или хороший рисунок. Если описание и рисунок совершенно сходны с найденным растением, то им нечего сомневаться в том, что они нашли настоящий его вид и что их растение есть именно то самое, о котором писали просмотренные ими авторы. Знакомство с растениями может им принести пользу и удоволь-

ствии при путешествиях, которые им по возвращении, может быть, придется совершить по России и Сибири к рудникам, а Академии может доставить повод к новым открытиям.

Если они не хотят остаться без всяких сведений и по части царства животных, хотя это и имеет мало связи с их главным занятием, то они могут:

О четвероногих прилежно читать сочинение Райя *Synopsis methodica animalium quadrupedum*;

О птицах прочесть его же *Synopsis Avium* и почаще просматривать сочинения Геснера, Альдрованди и “Орнитологию” Виллогби, ради находящихся в этих книгах описаний и рисунков;

О рыбах — *Synopsis Piscium* Райя и “Ихтиологию” Виллогби, из-за находящихся в ней рисунков.

О насекомых — его же *Historia Insectorum*.

О раковинах и разных морских насекомых они могут справляться в сочинениях Бонани, Листерии и Румпфенса, написанных по этому предмету.

Всякий раз, когда они будут иметь возможность видеть кунсткамеру или кабинет, в которых хранятся подобные предметы по части естественной истории, они не должны упускать такого случая, потому что наглядное изучение вещей даст им гораздо более верное понятие о них, нежели самый хороший рисунок или самое точное описание.

Коль скоро ими будет рассмотрено что-нибудь особенное, они должны отметить это у себя и сделать краткое описание вещи, с тем, чтобы потом им легче было припомнить виденное.

Но при всем этом само собою разумеется, что господа студенты должны заняться этим весьма обширным изучением естественной истории настолько, насколько это возможно будет сделать без ущерба главной предписанной им цели, то есть упражнению в горном искусстве и систематической химии» (*Жулик II*, с. 262–265; подлинник по-немецки).

4. ЛОМОНОСОВ — БАРОНУ И. А. КОРФУ

20 (9) ноября 1737 г. Марбург

Hochwolgebohrner Herr,
Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz mir erwiesene hohe Gnaden-Bezeigungen haben sich in meinem Ehrerbittungs-vollen Andencken vermehret, und damit meine unterthänigste Danckbarkeit, indem Dieselben in Gnaden zu

gestanden, zweyhundert Rubel zur meinen Sustentation überzusenden. Wiewohl ich nun diese hoch erwiesene Gnade nicht abzustatten vermag, sondern ewig schuldig bleibe¹, und verheisse mich zu befeisigen der uns mit gegebenen und neulich empfangenen Instruction nachzukommen, und Ihre Kayserl. Maytt. hohe Intention zu erfüllen. Ew. Excellenz ersuche ich demnach unterthänig, nach Dero hohen Gütigkeit, mir diejenige Gnade ins künftige zugönnen, welche mich bisshero so sehr erfreuet hat, und die mich verpflichtet mit aller ersinnlichen Submission zu verharren

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellenz
Unterthänigster Diener
Michael Lomonosoff.

Marburg, d. 20 Nov.
Anno 1737.

Высокородный господин,
Милостивый государь господин камергер!

Знаки высокой милости, оказанные мне Вашим Превосходительством, а купно и глубочайшую мою благодарность за них, еще паче преумножили Вы новым знаком Вашего благоволения, пересылкой мне двухсот рублей на мое содержание. Не имея возможности отплатить Вам за толь великую милость и оставаясь вечно в долгу, я обещаюсь всеми силами следовать как данной нам при отъезде², так и недавно полученной новой Инструкции³ и исполнить высокие предначертания Ея Импер[аторскаго] Велич[ества]. Затем нижайше прошу Ваше Превосходительство милостиво удостоить меня и впредь того милостивого благорасположения, которое столь утешало меня до сих пор и обязывает меня со всевозможною преданностью пребывать

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Михаил Ломоносов.

Марбург, 20 нояб[ря]
1737 г.*

---

* Перевод А. А. Куника.

Источники текста

Автограф на немецком языке: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 51. Л. 1–2. Помета вверху первого листа: «Prs. in Cancell. Acad. d. 23 X^{br} 1737» («п[о]л[у]ч[ено] в Канцел[ярии] Акад[емии] 23 декабря 1737»).

Описание: *Модзалевский*, с. 89.

Публикации: *Куник I*, с. 121 (немецкий текст по автографу), *Куник II*, с. 266 (русский перевод). *Сочинения 8*, с. 45–46 и *ПСС. 10*, с. 417–418 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по первой публикации, с уточнением по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ В *Куник I*: «sondern noch schuldig bleibe» («оставаясь еще в долгу»).

² См. примеч. 3 к документу № 1.

³ См. примеч. 3 к документу № 3.

5. ОБЩИЙ РЕПОРТ МАРБУРГСКИХ СТУДЕНТОВ
(М. В. ЛОМОНОСОВА, Д. И. ВИНОГРАДОВА, Г. У. РАЙЗЕРА)
В КАНЦЕЛЯРИЮ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
25 (14) марта 1738 г. Марбург

Rapport

Nachdemahlen auf Ihre Kayserl. Maytt. hohen Befehl von der Kayserlichen Academie der Wissenschaften wir nach Marburg geschickt worden, um die Chymie nebst andern dazu gehörigen Wissenschaften und Sprachen zu erlernen und zu der Metallurgie zu präpariren, und zu dem Ende eine Instruction bekommen, worinnen nebst Speciminibus der zu erlernenden Wissenschaften und Sprachen uns auch anbefohlen worden, alle Halbjahr von unsern Studiis und angewandeten Geldern genauen Bericht abzuschtatten, wie auch Specimina von unsern progressen beyzulegen. Als rapportiren wir hiemit allerunterthänigst, dass nach abfertigung unsers vorigen Rapports wir bey dem H. Regierungrath Wolff die Mechanic, Hydrostatic, Aërometrie und Hydraulic, und bey dem H. Doktor Duysing das Collegium Chymicum theoreticum absolviret. Nunmehr aber Collegia über die dogmatische Physic und Logic bey ebendem H. Regierungrath Wolff hören. Es hat auch ein jeder von uns den Frantzösischen Sprachmeister und

Zeichen-Meister bishero gehalten. Was sonst die uns überschickte Instruction über die Historiam naturalem anbelanget, so haben wir darinnen noch nichts thun können, weil die uns vorgeschlagene Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen sind...¹

Репорт

По Высочайшему Ея Император[скаго] Велич[ества] повелению Императорская Академия наук отправила нас в Марбург для изучения химии и других относящихся к сему наук и языков, равно как и для подготовки к металлургии. С этою целью нам дана Инструкция², в которой, сверх перечня наук и языков, подлежащих изучению, поручается каждые полгода подавать подробные отчеты о наших занятиях и израсходованных нами деньгах с приложением образчиков наших успехов. В исполнение сего имеем честь почтительнейше донести, что после отправления прошлого репорта нашего³ мы у г[осподина] регирунгсрата Вольфа прошли курс механики, гидростатики, аэрометрии и гидравлики, а у г[осподина] доктора Дуйзинга Collegium Chymicum theoreticum⁴, в настоящее же время слушаем у того же г[осподина] регирунгсрата Вольфа Collegia⁵ догматической физики⁶ и логики⁷. Кроме того, каждый из нас нанимал себе учителя французского языка и учителя рисования. Что касается до присланной нам инструкции по Historiam naturalem⁸, то мы по ней еще ничего не могли сделать, потому что предложенных нам книг нельзя получить раньше Пасхальной ярмарки⁹...*

Источники текста

Автограф на немецком языке рукой Ломоносова: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 67. Л. 1—2об. Помета вверху первого листа: «Praes. in Cancell. Acad. d. 12^t April 1738» («получ[ено] в Канцел[ярии] Акад[емии] 12 апреля 1738»). На нижнем поле первого листа помета: «Щет от учеников». Полное факсимиле: *Каталог выставки*, с. 21.

Описание: *Модзалевский*, с. 229.

Публикации: *Куник I*, с. 122 (начало немецкого текста по автографу до слов: «nicht zu bekommen sind»). *Куник II*, с. 267—268 (русский перевод).

---

* Перевод А. А. Куника.

ПСС 10, с. 363–367 (полная публикация немецкого текста с русским переводом).

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Далее следуют счета расходам Райзера, Ломоносова и Виноградова (ПСС 10, с. 364–365).

² См. примеч. 3 к документу № 1.

³ См. документ № 1.

⁴ курс теоретической химии (лат.). 18 (7) июля 1739 г. Ю. Г. Дуйзинг выдал Ломоносову свидетельство: «Что весьма достойный и даровитый юноша Михаил Ломоносов, студент философии, отличный воспитанник Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Всероссийской, с неутомимым прилежанием слушал лекции химии, читанные мною в течение 1737 года, и что, по моему убеждению, он извлек из них немалую пользу, в том я, согласно желанию его, сим свидетельствую. В Марбурге июля 18 дня, 1739 года» (Куник II, с. 301; подлинник по-латыни).

⁵ лекции (лат.).

⁶ «Догматической физикой» сокращенно называлась система натуральной философии, впервые изложенная в трех книгах: 1) *WolfCh. Vernünfftige Gedancken von den Würcungen der Natur*. Halle, 1723 (Вольф Х. Разумные мысли о действиях природы. Галле, 1723); 2) *WolfCh. Vernünfftige Gedancken von den Absichten der natürlichen Dinge*. Halle, 1724 (Вольф Х. Разумные мысли о назначении природных вещей. Галле, 1723); 3) *WolfCh. Vernünfftige Gedancken von dem Gebrauche der Theile des menschlichen Leibes, der Thiere und Pflanzen*. Frankfurt und Leipzig, 1725 (Вольф Х. Разумные мысли об употреблении частей человеческого тела, животных и растений. Франкфурт и Лейпциг, 1725). Находясь в Марбурге, Ломоносов приобрел их переиздание 1734 г. (ПСС 10, с. 372, 376, 776).

⁷ Первое издание: *WolfCh. Philosophia rationalis, sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usus scientiarum atque vitae aptata*. Francofurti et Lipsiae, 1728 (Вольф Х. Рациональная философия, или логика, разработанная научным методом и приспособленная для нужд наук и жизни. Франкфурт и Лейпциг, 1728). Ломоносов в Марбурге приобрел переиздание 1732 г. (ПСС 10, с. 370, 375, 770).

⁸ естественной истории (лат.). См. примеч. 3 к документу № 3.

⁹ Книжная ярмарка в Лейпциге — центр европейской книжной торговли начиная с XVII в.

26 (15) марта 1738 г. Марбург

Hochwohlgebohrner Herr
Gnädiger Herr Cammerherr!

Ew. Excellenz werden nicht ungnädig deuten, dass ich Denselbigen die mit so viel grossen Affairen beschäftiget, mit meinem schlechten Schreiben beschwehrlich falle. Es verpflichtet mich meine Schuldigkeit, dass ich Denselbigen für Dero grossen Wohlthaten meine Dankbarkeit alle Augenblick bezeuge; vielmehr nun als ich von meinen Studiis und allem was mir allergnädigst befohlen rapportire. Ew. Ex[c]ellentz geruhen in letzt übersandter Instruction uns zu befehlen, dass einjeder von uns die der Historiae naturali und Metallurgie gehörige Bücher, nebst etlichen Ertzen sich anschaffen sollte. Weil aber diejenige Bücher vor der Oster-Messe nicht zu bekommen sind, und die Winter-Zeit nicht bequem gewesen die Berg-Werke zu besehen, wo wir die Ertzen zur besseren Erkän[n]tmiss des mineralischen Reichs anschaffen könnten, so haben wir dieses auf Anrathen des Herrn Regierungs-Rath Wolff auf folgende Sommer ausgesetzt. Dessenthalben unterstehe ich mich aus festen Vertrauen zu Dero mir vormahls bekannten Gewogenheit eine unterthänigste Bitte bey Denselbigen ein zulegen: Dieselbige geruhen diese hohe Gnade zu erweisen, dasjenige, was wir auf die obgemeldete Sachen, wie auch zu unserer Subsistance anwenden sollen, zu überschicken. Ich vertraue mich auf Dero Gewogenheit; Ew. Excellenz werden diese Kühnheit demjenigen pardoniren, der lebenslang mit schuldigster Dankbarkeit, und tieffester Ehrerbitigkeit verharren wird

Ew. Hochwohlgebohrnen Excellenz
Unterthänigster Knecht
Michael Lomonosoff.

Marburg, d. 26 Mart.
A[nno] 1738/

Высокородный господин
Милостивый государь господин камергер!

Благоволите, Ваше Превосходительство, милостиво извинить, что я, при множестве важных занятий Ваших, своим жалким

Барон И. А. Корф

писанием Вас утруждаю. Обязанным себя считаю при всяком случае свидетельствовать Вам признательность свою за великие Ваши благодеяния; тем паче теперь, когда надлежит мне доносить о моих занятиях и обо всем, что мне было милостиво поручено. В последней присланной нам Инструкции² Ваше Превосходительство изволите приказывать нам, чтобы каждый из нас приобрел себе соответствующие сочинения по *Historiae naturali*³ и металлургии, а также некоторые руды. Но так как книг этих нельзя добыть раньше Пасхальной ярмарки, а зимнее время неудобно для посещения рудников, где бы нам можно было достать руды для вящего познания минерального царства, то мы по совету господина регирунгсрата Вольфа отложили это до будущего лета. Вследствие того я, в твердом уповании на прежнее благорасположение Ваше, осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою благоволить оказать нам великую милость присылкою тех денег, которые мы должны употребить как на вышеозначенные предметы, так и на наше пропитание⁴. Полагаясь на Вашу благосклонность, нижайше прошу Ваше Превосходительство простить толикую смелость тому, кто всю жизнь свою пребудет с должной признательностью и глубочайшим высокопочитанием

Вашего Превосходительства
всенижайшим слугою
Михаил Ломоносов.

Марбург, 26 марта
1738 г.*

Источники текста

Автограф на немецком языке: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 52. Л. 1–2. Помета вверху первого листа: «Praes. in Cancell. Acad. d. 12^e April 1738» («получ[ено] в Канцел[ярии] Акад[емии] 12 апреля 1738»).

Описание: *Модзалевский*, с. 89.

Публикации: *Куник I*, с. 123 (немецкий текст по автографу), *Куник II*, с. 268–269 (русский перевод). *Сочинения 8*, с. 46–48 и *ПСС 10*, с. 418–419 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по первой публикации.

---

* Перевод А. А. Куника.

Примечания

¹ Личное письмо Ломоносова в дополнение к общему репорту марбургских студентов от 25 (14) марта 1738 г. (см. документ № 5). В примечаниях в ПСС тем не менее сказано: «Публикуемое письмо написано Ломоносовым в ответ на датированную 29 мая 1738 г. уже третью по счету инструкцию Академии наук...» (ПСС 10, с. 794). Каким образом можно написать ответ как минимум за два месяца до получения соответствующего запроса, составители примечаний не пояснили.

² См. примеч. 3 к документу № 3.

³ естественной истории (*лат.*).

⁴ Деньги на содержание студентов в сумме 300 рублей были переведены через Х. Вольфа в конце мая 1738 г. вместе с третьей по счету инструкцией: «По Высочайшему Е[я] И[мператорского] В[еличества] повелению студентам Райзеру, Виноградову и Ломоносову строжайше предписывается:

1) Составлять репорты свои яснее, отчетливее и подробнее прежнего. Донося о своих ученых занятиях, они должны сообщать, до чего именно дошли в той или другой науке, и означать лекции, которые они слушают у того или другого профессора или учителя, и от времени до времени присылать пробные диссертации, сочиненные ими в присутствии г[осподи]на регирунгсрата Вольфа.

2) По хозяйственным делам они должны перечислять все расходы, как напр[имер], при заказе платья показывать, что стоит сукно...

приклад...

работа...

по расходам на книги...

сколько заплачено за самую книгу и сколько за переплет...

О книгах, купленных ими во время пребывания в Германии, прислать вместе со счетом и самый список книгам.

3) Учителей танцевания и фехтования, по получении сего, более не держать, и вообще не тратить денег на наряды и пустое щегольство, а прилежно и старательно исполнять то, что предписано в Инструкциях, которые они получили при отъезде и впоследствии.

4) Остерегаться делать долги, а довольствоваться теми тремястами рублей, которые им назначены в год, и покупать себе на эти деньги все то, что им необходимо для достижения главной цели, так как Академия не только не заплатит ничего, что будет превышать эту сумму, но и подвергнет их за такое преступление должному взысканию» (*Куник II*, с. 270–271; подлинник по-немецки).

Некоторое представление о быте Ломоносова в Марбурге дают воспоминания И. С. Пюттера: «Среди прочих [студентов] там находились двое молодых

русских, посланных царицей в Марбург, которые жили насупротив меня. Один из них в особенности привлек мое внимание, так как я частенько наблюдал поутру, как он ел свой завтрак, состоявший из нескольких селедок и доброй порции пива. Я потом познакомился с ним ближе и сумел оценить как его прилежание, так и силу суждения и образ мыслей. Это был прославившийся впоследствии в своей стране Ломоносов...» (*Ломоносов в воспоминаниях*, с. 69; подлинник по-немецки).

7. РЕПОРТ ЛОМОНОСОВА
в КАНЦЕЛЯРИЮ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
15 (4) октября 1738 г. Марбург

Rapport
an die Kayserliche Academie der Wissenschaften
zu St. Petersburg

Nachdem ich den letzten Rapport alleruntertänigst abgefertiget, habe bey dem Herrn Regierungs-Rath und Professor Wolf das Collegium physicum theoreticum von 11 biss 12 des Morgens, und Collegium logicum von 4 biss 5 des Nachmittags gehört. Nunmehr aber das Collegium physicum experimentale von 9 biss 10 des Morgens, wie auch das Collegium methaphysicum von 3 biss 4 Nachmittags bey ebendem Her[r]n Regierungs-Rath Wolf frequentire. Die Chemie aber in den Börhaavens, Stahls und Stabels Schrifftten repetire. Ich habe mich auch biss dato in dem Zeichnen von 10 biss 11 des Morgens exerciret...¹

Репорт
в Императорскую Академию наук
в С.-Петербурге

После почтительнейшего отправления последнего моего донесения² я у господина регирунгсрата и профессора Вольфа слушал Collegium physicum theoreticum³ по утрам от 11 до 12 часов и Collegium logicum⁴ после обеда от 4 до 5 часов. В настоящее же время я у того же господина регирунгсрата Вольфа посещаю Collegium

physicum experimentale⁵ от 9 до 10 часов утра и Collegium methaphysicum⁶ от 3 до 4 часов после обеда. Химию повторяю по сочинениям Бургава⁷, Шталя⁸ и Штабеля⁹. До сих пор я по утрам от 10 до 11 часов упражнялся также в рисовании...^{10*}

Источники текста

Автограф на немецком языке: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 37. Л. 3–4.

Описание: Модзалевский, с. 229.

Публикации: Куник I, с. 129–132 (немецкий текст по автографу), Куник II, с. 277–278 (русский перевод, без реестра купленным книгам). ПСС 10, с. 368–377 (полная публикация немецкого текста с русским переводом).

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Далее следует счет расходам Ломоносова, в том числе обширный реестр книг на нескольких языках, приобретенных им в Марбурге (ПСС 10, с. 368–373).

² См. документ № 6.

³ лекции теоретической физики (лат.). См. примеч. 6 к документу № 5.

⁴ лекции логики (лат.). См. примеч. 7 к документу № 5.

⁵ лекции экспериментальной физики (лат.). Издание: *Wolf Ch. Experimenta physica, oder allerhand nützliche Versuche, dadurch zu genaues Erken[n]tniss der Natur und Kunst der Weg gebähnet wird. Th. 1–3. Halle in Magdeburgischen, 1721–1723; 2-te Aufl., Allerhand nützliche Versuche... Halle in Magdeburgischen, 1727–1729 (Вольф Х. Физические эксперименты, или всякого рода полезные опыты, которыми прокладывается путь к точному познанию природы и искусства. Ч. 1–3. Галле в Магдебургской области, 1721–1723; 2-е изд. Всякого рода полезные опыты... Галле в Магдебургской области, 1727–1729). Ломоносов в Марбурге купил 1-ю часть 2-го изд. (ПСС 10, с. 372, 376, 776).*

⁶ лекции метафизики (лат.). «Немецкой метафизикой» сокращенно называлось издание: *Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Weisheit mitgetheilet von Christian Wolff. Franckfurt und Leipzig, 1736 (Разумные мысли о Боге, о мире и о душе человека и вообще обо всех вещах, сообщенные любителям мудрости Христианом Вольфом. Франкфурт и Лейпциг, 1736). Находясь в Марбурге, Ломоносов купил ее для себя (ПСС 10, с. 372, 376, 776).*

⁷ *Elementa chemiae, quae anniversario labore docuit in publicis, privatisque scholis Hermannus Boerhaave. Lugduni Batavorum, 1732 (Элементы химии, которые*

---

* Перевод А. А. Куника.

излагал в ежегодных общественных и частных курсах Герман Бургав. Лейден, 1732). Ломоносов в Марбурге купил эту книгу (*ПСС 10*, с. 369, 374, 769).

⁸ См. примеч. 6 к документу № 1.

⁹ *Stabel G. F. Chymiae dogmatico-experimentalis tomus prior, compectens doctrinae chymicae fundamenta. Halae Magdeburgicae, 1728 (Штабель Г. Ф. Догматико-экспериментальная химия. Том первый, содержащий основы химической науки. Галле в Магдебургской области, 1728). Ломоносов в Марбурге купил эту книгу (ПСС 10, с. 372, 376, 774).*

¹⁰ В качестве свидетельства успехов в обучении Ломоносов приложил к репорту две работы: 1) диссертацию на латинском языке: «*Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeeexistentis dependente*» («Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предсуществующей жидкости»; см. *ПСС 1*, с. 5–21); 2) русский перевод «Оды, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон, Архиепископ Дюк Камбрейский, Священные Римския Империи Принц», в 1681 г. (*ПСС 8*, с. 8–13).

8. ЛОМОНОСОВ — И. Ф. ГЕНКЕЛЮ¹

Вторая половина (после 13) декабря — конец (после 24) декабря 1739 г.
Фрейберг

Viro nobilissimo atque doctissimo Henkelio
Rei metallicaе consiliario,
Michaël Lomonosoff
S[alutem] d[icit].

Aetas, Nomen atque merita Tua persvadent, ut ea, quae objurgantibus verbis, ac me militum ordini annumeratum iri minantibus, expressus dolor protulerit, non malitiosae mentis, sed laesae innocentiae argumentum fuisse indicem. Non enim tam inutilem, ut praeter terenda venena nil praestare possem. Vir supra mortalium sortem positus, illustri Wolfius me judicavit. Neque ii, quorum patrocinio serenissimae Nostrae Dominae Imperatrici commendatus sum, improvidi atque imprudentes sunt. Novi profecto, quid Augustissimae Authocrat[o]ris nomine mandatum est. Mihi praescripta, quam severissime, Te ipso teste, observo. At illa, quae praesente excellentissimo Comite caeterisque commilitonibus pronunciasti, patienter ferre jussus non sum.

Caeterum, quoniam me ex officina Tua chymica exire debere obliquis verbis significasti; diebus duobus abfui. Verum mandato Monarchae Clementissimae obtemperans laboribus adesse teneor. Quam ob rem cognitum habere vellem, an in aeternum societatem et amorem abnuisti, atque alta mente reposita sedet levi de causa exorta ira. Quod me attinet; omnia oblivioni tradere non recuso, atque naturali meo genio obtempero. Haec sunt, quae sentio, Tibique animi mei sensa aperio; atque benevolentiae pristinae memor, haec aut infecta aut nunquam memoranda esse cupio. Confido enim, quod discipulos Tuos amicos potius quam inimicos futuros esse velis. Quod si igitur haec Tibi in votis sunt, peto, ut me certiorem facias.

Dabam hodie.

Мужа знаменитейшего и ученейшего,
горного советника Генкеля
Михаил Ломоносов
приветствует.

Ваши лета, Ваше имя и заслуги побуждают меня изъяснить, что произнесенное мною в огорчении, возбужденном бранью и угрозою отдать меня в солдаты, было свидетельством не злобного умысла, а уязвленной невинности. Ведь даже знаменитый Вольф, выше простых смертных поставленный, не почитал меня столь бесполезным человеком, который лишь на трение ядов был бы пригоден. Да и те, чрез предстательство коих я покровительство Всемиловивейшей Государыни Императрицы нашей имею, не суть люди нерассудительные [и] неразумные. Мне совершенно известна воля Ее Величества, и я, в чем на Вас самого ссылаюсь, мне предписанное соблюдаю строжайше. Но то, что Вами сказано, было сказано в присутствии Сиятельнейшего Графа [Рейсского] и прочих моих товарищей², терпеливо сносить никто мне не приказал. Понеже Вы мне косвенными словами намекнули, чтобы я Вашу химическую лабораторию оставил, того ради я два дни и не ходил к Вам. Повинуясь, однако, воле Всемиловивейшей Монархини, я должен при занятиях присутствовать; поэтому желал бы знать, навсегда ли Вы мне в сообществе своем и любви отказываете и пребывает ли все еще [глубоко] в сердце Вашем гнев, неважную причину возбужденный. Что ж до меня

надлежит, то я готов предать все забвению, повинуюсь естественной моей склонности. Вот чувства мои, которые чистосердечно пред Вами обнажаю. Помня Вашу прежнюю ко мне благосклонность, желаю, чтобы случившееся как бы никогда не было или вовсе не вспоминалось, ибо я уверен, что Вы в учениках своих скорее друзей, нежели врагов видеть желаете. Итак, ежели Ваше желание таково, то прошу Вас меня о том известить.

Писал сегодня.*

Источники текста

Автограф на латинском языке: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 53. Л. 1–2.*

Описание: *Модзалевский*, с. 89.

Публикация: *Куник I*, с. 167 (латинский текст по автографу), *Куник II*, с. 317–318 (русский перевод). *Сочинения 8*, с. 48–50 и *ПСС 10*, с. 420–421 (латинский текст и русский перевод).

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Закончив обучение в Марбурге, Ломоносов, Райзер и Виноградов 25 (14) июля 1739 г. приехали во Фрейберг для изучения горного дела и металлургии. И. Ф. Генкель слыл более строгим руководителем для своих учеников, чем Вольф для студентов Марбургского университета. В случае с взрывным темпераментом Ломоносова это быстро привело к острому конфликту между ними.

Письмо Ломоносова Генкель приложил к своему доношению в Петербургскую Академию наук от 20–22 (9–11) июня 1740 г.: «...Сначала я почти отличал его [перед другими], но вскоре заметил, что он человек не очень доброго нрава и предан пьянству; а потому не раз, хотя и тщетно, делал ему за это замечания. Видя однако же, что у него светлая голова и что он оказывает успехи в изучении металлургии, я все еще надеялся, что он исправится. Но мало-помалу он сам выказал свое искусство притворяться и явно показал, что он не только не умеет владеть собою, но и не хочет слушаться других. Наконец он не постыдился оставить всякое уважение к своему начальству, по уполномочию которого я действовал, и без всякого зазрения совести грубо оскорбил меня и мое семейство. <...> Поручил я ему, между прочим, заняться у огня работою такого рода, которую обыкновенно и сам исполнял, да и другие не отказывались делать, но он мне два раза наотрез ответил: не хочу. Видя, что он, кажется, намерен отделаться от работы и уже давно желает разыгрывать роль

---

* Перевод А. А. Куника.

господина, я решился воспользоваться этим удобным случаем, чтобы испытать его послушание, и стал настаивать на своем, объясняя ему, что он таким образом ничему не научится, да и здесь будет совершенно бесполезен: солдату необходимо понюхать пороху. Едва я успел сказать это, как он с шумом и необыкновенными ухватками отправился домой, в свою комнату, которая отделена от моего музея только простою кирпичною перегородкою, так что при громком разговоре в той и другой части легко можно слышать то, что говорится. Тут-то он, во всеуслышание моей семьи, начал страшно шуметь, изо всех сил стучать в перегородку, кричал из окна, ругался и даже, по самому простонародному немецкому обыкновению, во все горло крикнул из окна на улицу: *Hunnig fuit*, несмотря на то, что насупротив его жил полковник, и в то же время по улице проходил офицер. Затем он, сначала не в пьяном виде, ходил по городу из одного места в другое, наконец напился, произносил против меня разные неприличные слова и, чтобы приобрести себе расположение, старался восстановить против меня моих добрых приятелей <...>, рассказывая им, что я дурно о них отзывался. Проходя мимо моих домашних, он вел себя очень дерзко, и, что всего хуже, вечером часов в десять, придя домой, закричал во все горло, чтоб я его... О других неслыханных выходках его я уже не стану говорить.

На следующий день он не пришел в лабораторию, а прислал мне вечером прилагаемое при сем письмо, в котором, под видом извинения, обнаруживал скорее упорство и дерзость, с примесью разных ложных обвинений и натяжек для своего оправдания, так что я счел для себя неприличным не только потакать ему, но и отвечать на его письмо. Наконец, на четвертый день, после долгих увещаний его товарищами, и после разных других дерзостей с его стороны, он пришел ко мне в комнату и, по-видимому, изъявил раскаяние в своем необычайном проступке. Намылив ему сперва по заслугам голову, я потом опять стал обращаться с ним так ласково, как будто между нами ничего не было. Но ни строгость, ни ласки не действовали на него, и с каждым днем становилось очевиднее, что от него нельзя ожидать исправления, так как поступки его происходят не от слабости характера, а от умышленной злости. При всем том я не терял надежды, что мне еще удастся образумить его, и потому приостановил на время донесение, которое хотел послать об этом Академии. Но недель шесть тому назад он снова, и притом в совершенно трезвом виде, до такой степени забылся против меня, что я уже более не мог не взяться за перо. Он стал требовать от меня денег; а так как я, по весьма уважительной причине, отказал ему в них, то он нагло напустился на меня со словами: ну так воз[ь]мите себе деньги, потом при мне дерзко нахлобучил на себя шляпу, плюнул, взбешенный убежал от меня и, не простившись со мною, противу своего обыкновения, заставил меня одного отправиться домой. Несколько дней спустя, когда все трое

советовались со мною о посещении рудника, я начал уговаривать их, чтобы они были бережливее с своими деньгами, и в особенности объяснял г[осподину] Ломоносову, что не могу более выдавать ему деньги на стол в том количестве, в каком они по примерному соображению назначены Академиею, а должен удерживать часть этих денег, потому что он издержал уже слишком много. На это он мне прямо в глаза дерзко ответил, что я обязан дать ему эти деньги, в противном случае он напишет об этом в Петербург и станет жаловаться на меня. При этом он, как мне казалось, был не совсем в трезвом виде. Раздраженный этою новою наглою выходкою и припоминая, с какою кротостью и даже с какою особенною вежливостью я постоянно обходился с ним, сколько трудов я потратил на него, и сколько совершенно незаслуженных оскорблений человек этот нанес мне за все это, особенно своими предосудительными для меня рассказами в городе о том, что я только хочу разбогатеть на русские деньги, — припоминая все это, я, признаюсь, не мог уже вынести такого наглого злоупотребления моим терпением и, схватив его за руку (конечно, не с нежными комплиментами, а в сильном волнении), вытолкал его от себя из комнаты, о чем до сих пор жалею только потому, что причинил этим немало вреда своему здоровью и душевному спокойствию. После этого я уже не видел его более, а только знаю наверно, что он в тот же самый день в страшно пьяном виде шатался по улицам и, проходя мимо моего семейства, был очень дерзок и невежлив. Наконец я узнал также, что он уже и прежде в разных местах вел себя неприлично, ужасно буянил в своей квартире, колотил людей, участвовал в разных драках в винном погребке, брался с здешними молокососами-школьниками, с самого начала слишком пьянствовал, поддерживал подозрительную переписку с какою-то марбургской девушкой, одним словом, вел себя непристойно. Мне хотелось еще дожидаться его возвращения и дальнейшего его поведения, но так как в ожидании этого прошло очень много времени, то, наконец, г[осподин] Райзер на днях сообщил мне, что г[осподин] Ломоносов, писавший ему из Лейпцига, живет там очень весело и просит, чтобы квартира его была сдана, что и сделано. Когда отворили его комнату и пересмотрели его вещи, то оказалось, что он увез с собою полученные им от меня на подержание пробирные весы, со всеми принадлежащими к ним пробирными гирьками, ценю в 10 р[ейхс]т[але]р[ов]. К сему считаю долгом присовокупить, что за исключением некоторых опытов и уроков курс металлургии уже был окончен до его отъезда; репетиция же отложена до следующей зимы, так как летнее время должно быть употреблено на изучение рудокопного и горнозаводского дела...» (Куник II, с. 321–324; подлинник по-немецки).

² Ученики съезжались к И. Ф. Генкелю со всей Европы, но одновременно их должно было быть не более шести.

16 (5) ноября 1740 г. Марбург¹

Hoch-Edelgebohrner Herr,
Hoch geneigter Herr Bibliothecarius!

Ich kan[n] mir leicht vorstellen, was für ein Unwillen die Academie der Wiessenschafften wieder mich habe; dieweil ich ohne Dero Vorbe-
wust mich von Freyberg entfernet habe. Ich glaube fast, dass mein Ver-
folger sich über mein ferneres Unglück erfreuen werde, indem
Ew. Hoch-Edelgeboh[r]e[n] von meiner den 21 May aus Leipzig abge-
schickten Klage (was ich neulich von Freyberg vernommen) nichts wüs-
sten, und man hat die Zeit gewonnen mich bey der Academie der Wies-
senschafften mit Lügen verhasst zu machen; allein wofern Derselben
der von dem Herrn Berg-Rath Hen[c]kel an mir ausgeübte Neid, Ver-
folgung und Verachtung und mir daraus erfolgtes Unglück und Noth
bewusst wäre, so würde[n] Sie mich gewiess viel mehr Erbarmen[s] als
Straffe[n]s würdig achten wollen. Es ist zwar wahr, dass mein Verbre-
chen, so ich sonst hier begangen (welches doch mehr denen unbehilf-
lichen und wiederwärtigen Umständen, einer verführerischen Compag-
nie, wie auch dem des mir allergnädigst verwilligten Stipendii gar zu
langem Ausbleiben, als meinem unordentlichen Leben zuzuschreiben
ist) zur Bestrafung meiner gegenwärtigen Unschuld viel beytragen
werde. Aber ich bin des festen Vertrauens, dass Ew. Hoch-Edelgeboh-
r[e]n als ein Ihro Mayestet Unserer Allergnädigsten Kaise[r]in treu[e]r
Diener u[nd] von Allerhöchst Deroselbe[n] gesetzter Richter diesen
meinen unterthänigsten Bericht und Klage geduldig durch zu lesen,
und ohne Ansehen der Person zu urtheilen geruhen werden. Ew. Hoch-
Edelgeboh[r]e[n] ist wo[h]l bewusst, dass ich seit meiner Ankunft nach
Freyberg Lust und Fleiss in Erlernung des Bergwesens und der Chymie,
dem Berg-Rath Hen[c]kel einen gehörigen Respect und Gehorsam ge-
wiessen und dabey ein anständiges Leben geführet, wessen nicht nur
der Herr Hof-Cammerrath Junker, sondern Er selbst mein Zeige ist.
Ich habe auf alle Art und Weise gesucht ihm zu gefallen, allein es hat
nichts geholfen, sondern seine Bosheit, Geitz, Falsch und neidisch Ge-
müth legten sich bald an Tag. Denn, so bald wir von dem Herrn Hof-
Cammerrath den Abschied genommen, so hat er, der Bergrath Hen[c]-
kel angefangen das von der Academie der Wiessenschafften uns
bestimmtes Geld auf zu halten. Wir mussten erst zehen Mahl zu ihn

kommen, ehe wir was von ihm erbetteln kon[n]ten. Er predigte aber auch eine halbe Stunde allemahl darüber, mit einer verdrüsslichen Mi[e]ne sagend: er hätte kein Geld; die Academie hätte schon lange versprochen seinen halben Lohn 500 Rubel ihm zu überschicken, und sie hält doch ihr Wort nicht. Unterdessen hat et in der gantzen Stadt sagen lassen, man sollte uns gantz und gar nichts borgen; selbst aber (wie ich erfahren habe) kauffte für das unsrige Geld Kuxen, und machte eigenen Profit. Bey so bestalten Sachen mussten wir fast immer ohne Geld bleiben, und die Ge[se]lschaft, von der wir etwas in dem Bergwesen profitiren kön[n]ten, entbehren. Ferner was den Cursum Chymicum anbelangt, so hat er in den ersten vier Monath kaum die doctrinam de salibus absolviret, worzu man einen Monath genug hätte; die übrige Zeit aber hat zu allen den wichtigsten Materien, als Metallen, halb-Metallen, Erden, Steinen und Schwefel lang genug gewesen seyn müssen. Wobey aber die meiste Experimenta seiner Ungeschicklichkeit wegen verdorben. Dergleichen fatalen Begebenheiten (die nebst seinen socis frigidis und lehrem Geschwätze dictiret) machen die Helfte von unserem Diario aus. In zwischen, verachtete er die gantze vernünfftige Philosophie, und da ich die Phaenomena Chymica seinem Befehl nach auslegen sol[l]te, so hat er gleich (weil es nicht nach seinem peripathetischem Concept, sondern ex Principiis Mechanicis et Hydrostaticis geschah) wieder still zu schweigen befohlen, und seiner gewöhnlichen Naseweisheit nach als eine Grillenfängerey zum Ho[h]n und Spott verkehret. In der Zeit aber habe ich erfahren, dass ihm der H. Graf Rays 150, der H. von Knecht, und der M. Freyesleben einjeder nur ein Hundert Reichsthaler für die Chymie bezahle, desswegen habe ich bey jemand heimlich geklagt, dass der Bergrath einen unbilligen Preis von uns nehme; wir aber derohalben müssen Noth leiden, und einige nützliche Sachen zu Erlernung der Chymie u[nd] Metallurgie entbehren. Welches doch war nicht geheim gehalten, sondern ihm erzehlet. Worzu er sprach: die Zarin ist reich, kan[n] noch so viel bezahlen. Nach dieser Zeit, bin ich gewar worden, dass seine Bosheit keine Schranken habe. Die erste Gelegenheit mich zu schimpfen hatte er in Laboratorio in Gegenwart derer Herren Commilitonum. Er nöthigte mich den Mercurium sublimatum zu reiben. Da ich aber von wegen des garstigen und schädlichen Geruchs, so niemand vertragen kon[n]te, mich entschuldigte, so hat er mich nicht nur zum Nichts nutzen genennet, sondern noch dazu gefragt, ob ich lieber ein Soldat werden wol[l]te, ja endlich mit hö[h]nischen Worten die Thür gewiesen. Diesen Compliment

musste ich nur mit Grämen u[nd] Argern verdauen u[nd] darzu den H. um Verzeigung bitten. Kurtz darauf hat er mich ohne aller Ursache aus meinem Logis in ein anderes vertrieben, welches weder wohlfeiler noch besser war: ja die Ursache war diese: der Wirt war ein Doctor Medicinae, mit dem er wegen einiger Praxium uneinig worden; und ich musste dabey 2 Rthl. für die Sache über zu tragen und eben so viel dem Wirth zu viel bezahlen, weil die Zeit noch nicht aus war, auf welche ich die Stube gemüthet habe. Mit diesem aber war er noch nicht zufrieden, sondern suchte mich noch besser an zu packen, welches auch gefunden. Denn weil er alle Materialien, die er für uns nöthig gehabt, hat er bey seinem Schwieger Vatter ausgenommen, welchem er reichlich alles bezahlt, so wol[1]te er endlich das Geld sparen und uns des Monats mit 4 Rthl. abspeisen, welches gantz u[nd] gar unmöglich war, dass wir damit uns sustentiren kön[n]ten. Desswegen ersuchte ich ihn im Laboratorio um was mehreres; er antwortete aber: u[nd] wenn wir betteln gehen sol[1]ten, so wol[1]te er uns nichts mehr geben. Wir kamen demnach alle drey zusammen, und in Hoffnung ihn zu erbitten, gingen in sein Haus. Und da ich unsere Noth proponirte und ihn mit aller Demuth um das uns bestimmtes Geld ersuchte, so antwortete er nichts mehr als: kein Pfennig mehr; und darauf schimpfte er mich mit allen Schimpf- und Fluch-Worten, die er nur finden kon[n]te, und begleitete mich mit seinen Fausten zur Stube hinaus, und darbey drohete mir ich weiss nicht warum mit der Wache. Bey diesen Umständen wusste ich nicht was thun sol[1]te. In der gantzen Stadt war verbothen uns was zu lehnen, und ich befürchtete mich einer grösseren Verfolgung und Unglück. Derohalben habe ich mich resolviret nach dem Herrn Baron von Kaiserling zu gehen, welcher damahls in Leipzig auf der Messe war. Da ich aber den 19 May dahin kam, so habe ich zu meinem Verdruss und Unglück zur Nachricht bekommen müssen, dass er nach Cassel abgereiset der bevorstehender Vermählung des Printzen Friedrichs bey zu wohnen. Weil ich nun in Leipzig einige gute Freunde aus Marburg gefunden, die mich mit Sich biss nach Cassel nehmen wol[1]ten, so habe ich mich resolviret auf den Weg zu begeben. Denn in Freyberg war weder zu essen noch zu lernen mehr zu bekommen: wo ich das Probieren schon gelernet; die Chymie war aus, der Inspector Kern wol[1]te nicht anfangen, weil der Henkel viel von dem ihm von der Academie der Wiessenschafften zu gestandenem Gelde abziehen wol[1]te. Und bey dem Markscheider, der, welcher die Mathematic besser, als er versteht, hat nichts mehr zu lernen, als die Mess-Sch[n]ur auszuziehen,

welches man ohne 50 Thaler zu bezahlen, lernen kan[n]. Indem ist aber dahin kam, habe ich wieder zu meinem grösseren Miessvergnügen erfahren müssen, dass man dort von unserem Herrn Abgesanden gar nichts wüsste. Ich wunderte mich sehr, weil ich doch in einigen Orten auf dem Wege von seiner Reise gehöret. Bey diesen verzweifelten Umstand, weil nicht wusste, wo der Herr wäre, habe ich für das rathsamste gefunden über Holland (wofern ich bey dem Herrn Graf Golofkin keine Zuflucht finde) nach Petersburg zu gehen. Ich begab mich erstlich nach Marburg, damit ich mich bey meinen alten Freunden auf die Reise versehen kön[n]te. Dem Herrn Wolf beschwerlich zu fallen, habe ich mich nicht unterstanden, weil ich von ihm vernommen habe, dass er nur vor einigen Wochen das übrige Geld von Petersburg bekommen, und ich kon[n]te wohl merken, dass er in diese Affaire gar nicht sich mengen wol[l]te. Ich ging demnach von hier nach Frankfurt, und von dort zu Wasser biss Rotterdam und Ha[a]g. Der Herr Graff hat mir alle Hilfe abgeschlagen und sich in die Sache gar nicht meliren wol[l]te. Dannenhero ging ich nach Amsterdam, wo ich einige bekan[n]te Kaufleute von Archangel gefunden, welche mir die Rückreise nach Petersburg ohne Befehl vor zu nehmen gantz u[nd] gar abgerathen; Sie stellten mir ein Hauffen Gefahr und Unglück vor, desswegen habe ich mich wieder nach Deutschland zurück kehren müssen. Was ich aber auf dem Weg für eine Gefahr u[nd] Noth habe ausstehen müssen, das grauet mich selbst zu erinnern; und weil es zu weitläuffig ist, will ich's der Kürze wegen auslassen. Nun aber halte ich mich in Marburg bey meinen Freunden in Cognito auf, und übe mich in der Algebra, in Absicht dieselbe auf die Chymie und Phisicam intimiorem zu appliciren. Ich trösste mich noch damit, dass ich die Gelegenheit gehabt in denen berühmten Städten zu seyn, und dabey mit einigen erfahrenen Chymicis zu sprechen, ihre Laboratoria und die Bergwerke in Hessen und Siegen-land inn Augen Schein zu nehmen. Diese meine Fataliteten, weil ich etwas natürlich und weitläuffig berichte u[nd] mit solchen verdrüsslichen Sachen beschwerlich falle, ersuche Ew. Hoch-Edelgebohr[e]n darinn mich zu entschuldigen, weil ich von meiner Noth darzu gezwungen bin. Ich lebe versichert, dass Ew. Hoch-Edelgebohr[e]n Dero natürlichen Güte nach werden mich unglückseeligen u[nd] verfolgten nicht verwerfen u[nd] an mir einen Menschen, der schon im Stande ist Ihro Mayestet zu dienen u[nd] dem Vatterlande zu nutzen, verderben, sondern Dero Gewogenheit empfinden lassen. Es deucht mir zwar, dieselben werden denken: es ist nun mit dem Henkel verdorben, und ich habe die gantze Hoffnung verlohren, was tüchtiges

in der Chymie u[nd] Metallurgie zu lernen. Allein diesen Herrn welchen nur diejenige, so ihn nicht recht kennen, für einen Abgott halten, und mit dem ich meine geringe, aber doch gründliche Wiessenschaft nicht ver- tauschen will, für meinen Leitstern u[nd] ein einziges Heil zu halten, sehe keine Ursache in dem er die gemeinste Processe, die fast in allen chymischen Büchern stehen, geheim hält, und als mit einem Arcano nicht gern heraus will, und den Bergbau kan[n] man besser von einem Steiger, der seine Lebetage in der Grube zu gebracht, als von ihm lernen. Die Hi- storia naturalis aber ist nicht in des H. Henkels Stube aus Fächern u[nd] Kästgen zu erlernen, sondern man muss selbst verschiedene Bergwerke besuchen, die Situation derer Gegende, die Beschaffenheit der Berge[n] und des Erdreichs und die Relation der Mineralien, die darin liegen, ge- gen einander betrachten. Derohalben supplicire ich Ew. Hoch-Edelge- bohren mich von der tyrannischen meines Verfolgers Macht zu befreien und bey über Schickung des mir Allernädigst verwilligten Stipendii mir nach einem Ort, als auf den Harz u. d. g. zu reisen zu befehlen, wo ich meine Berg-Studia vollführen könne. Wofern ich nun meines Bittens ver- mittelst Dero Vorsorge theilhaftig werden soll, dabey aber die mir ver- traute Gelder liederlich verschwenden, oder meine Studia nachlässig trac- tiren werde, so verurtheile ich mich voraus selber zu der aller ersinnlichsten Straffe, welches aber niemahls zu begehen, sondern in einer kurtzen Zeit, nicht nur aller der mir vorgeschriebenen Wiessenschafften gehörige Te- stimonia zu zeigen, sondern auch in einem Specimine meine Geschick- lichkeit dennselben bekan[n]t zu machen. Übrigens alles dasjenige, was in dieser Begebenheit etwa unbedachtsam geschehen, bitte unterthänigst mir zu verzeigen und verharre

Ew. Hoch-Edelgebohrrnen
ergebenster Kne[cht]
Michael Lomonoso[ff]².

Marburg, d[en] 16 Nov.
Anno 1740.

Ваше Высокоблагородие,
Высокопочтенный господин библиотекарь!

Легко представить себе могу, сколь негодует на меня Академия наук, что я без ведома ея из Фрейберга ушел. Я почти уверен,

что гонитель мой станет радоваться моему дальнейшему несчастью, ибо недавно из Фрейберга уведомился я, что Вашему Высокоблагородию ничего не известно о жалобе, посланной мною 21 мая из Лейпцига³, и следовательно, он имел время ложью привести меня пред Академию наук в ненависть. Но если бы она ведала, сколько зависти, притеснений и презрения вытерпел я от г[осподина] берграта⁴ Генкеля, сколько несчастья и нужды я должен был ради того перенести, то она наверное согласилась бы, что я гораздо более сострадания заслуживаю, нежели наказания. Мои прежние проступки (которые не столько к моей беспорядочной жизни приписать следует, сколько к тягостным и несчастным обстоятельствам, к соблазнительному обществу и к поз[д]ной пересылке Всемиловитвейше назначенной мне стипендии), конечно, немало будут споспешествовать к наказанию моей нынешней безвинности; но я твердо уповаю, что Ваше Высокоблагородие, как верный слуга Государыни Императрицы нашей и как Высочайше поставленный Ея Величеством судья, терпеливо сие всепокорнейшее доношение мое и жалобу прочтете и без лицепрятия суд свой произнести изволите. Вашему Высокоблагородию, полагаю, известно, что я со времени прибытия в Фрейберг с люблением и прилежанием обучался горному делу и химии, оказывал берграту Генкелю должное почтение и послушание и притом вел себя совершенно пристойно, как засвидетельствовать могут и он сам и г[осподин] гоф-камеррат Юнкер⁵. Я всемерно угождать ему старался, но все то было тщетно, и вскоре его злость, алчность, лукавый и завистливый нрав стали явны. Как только мы с г[осподином] гофкамерратом распростились, так он, берграт Генкель, начал назначенные нам Академиею наук деньги задерживать. Мы принуждены были раз по десяти к нему ходить, чтобы вымолить себе безделицу. При сем он каждый раз с полчаса наставления нам читал, с досадою говоря, что у него денег нет, что Академия уже давно обещала половину следующей ему платы, 500 руб[лей] выслать, и однако слова своего не держит. Между тем он по всему городу разгласил, чтобы нам никак ничего в долг не давали, а сам (как я узнал) на наши деньги покупал пай в рудниках и барышничал. При таком вещей положении мы, конечно, почти всегда без денег оставаться должны были и отказываться от знакомства с людьми, у которых могли бы поучиться в горном деле. Что ж до курса химии надлежит, то он в первые четыре месяца едва учение о солях прой-

ти успел, на что одного месяца довольно б было; остального времени должно было достать для научения всех главнейших материй, как то: металлов, полуметаллов, земель, камней и серы. Но при оном большая часть опытов ради его неловкости не удавалась. Описани-ем таковых несчастных происшествий (которые он диктовал нам с примесью разных пошлых шуток и пустой болтовни) тетради нашего дневника наполнены. В то же время он всю разумную философию презирал, и когда я однажды, по его приказанию, зачал причину химических явлений объяснять (но не по его перипатетическому концепту, а на началах механики и гидростатики⁶), то он тотчас же мне замолчать приказал и с обыкновенною своею наглостию на смех поднял мои объяснения, яко несбыточную причуду. Между тем я узнал, что граф Рейсский платит ему за слушание химии 150, а г[осподин] фон Кнехт и маг[истр] Фрейслебен каждый только по 100 рейхсталеров. Посему я за тайну некоторому человеку сообщил, что берграт с нас слишком высокую цену берет, а мы для того должны нужду терпеть и от некоторых вещей отказываться, полезных при научении химии и металлургии. Слова мои однако же не остались втайне, а были ему переданы. На что он отвечал: Царица богата и может заплатить сколько угодно. После того я заметил, что злости его не было пределов. Первый случай к поруганию меня ему в лаборатории представился (в присутствии г[оспод] товарищей). Он меня растирать сулему заставил, и когда я от оного отказался, ссылаясь на скверный и вредный запах, которого никто выносить не мог, то он меня не токмо ни на что не годным назвал, но и спросил меня, не хочу ли я лучше сделаться солдатом, а наконец меня с ругательством из комнаты выгнал. С огорчением и досадою я должен был спокойно перенести таковую ласку, да к тому еще попросить у него прощения. Вскоре после того он, без всякой причины, прогнал меня из прежней моей квартиры в другую, не дешевле и не лучше той. Впрочем, причина была вот какая: прежний мой хозяин был доктор медицины, с которым он для некоторых поступков поссорился. Я же принужден был заплатить 2 рейхсталера за переноску вещей, да сверх того столько же дать хозяину, за тем, что еще не истек срок, на который я квартиру нанял. Но этим он не удовольствовался, а искал случая задеть меня еще лучше, в чем и успел. Все нужные нам припасы он брал у своего тестя, платя ему за них очень щедро, он наконец хотел сберечь деньги и отделаться от нас в месяц 4 [рейхс]талерами, которыми

нам содержать себя совершенно невозможно было. Поэтому я в лаборатории стал просить его о прибавке, но он отвечал, что ежели бы нам даже пришлось просить милостыню, то он ничего более не прибавит. Посоветовавшись между собою втроем, мы, в надежде упросить его, к нему на дом отправились. Когда я ему наше бедственное положение изъяснил и униженно зачал просить о выдаче назначенных нам денег, то он сперва отвечал токмо: ни одного пфеннига больше не дам, а потом начал осыпать меня всеми возможными ругательными и поносными словами, выпроводил меня кулаками из комнаты и при том, не знаю почему, грозил мне послать за городской стражей. В таковых обстоятельствах не знал я, что делать. Во всем городе запрещено было верить нам в долг, и опасаясь подвергнуться еще вящему гонению и несчастью, я решился отправиться к г[осподину] барону Кейзерлингу, который в то время находился в Лейпциге на ярмарке. Но прибыв туда 19 мая, я к своему огорчению и несчастью уведомился, что он уехал в Кассель, чтобы присутствовать на предстоящем бракосочетании принца Фридриха⁷. Нашедши в Лейпциге несколько добрых друзей из Марбурга, которые хотели взять меня с собой в Кассель, я решился туда отправиться. Во Фрейберге мне не токмо нечего было есть, но и нечему было более учиться. Пробирное искусство я уже знал; курс химии был окончен, а инспектор Керн не хотел начинать, за тем, что Генкель вздумал вычестить у него слишком много из суммы, назначенной ему Академиею н[аук]. У маркшейдера же тому, кто математику лучше его знает, приходится обучаться только разве натягиванию межевого шнура; но ведь оному можно научиться, не платя 50 талеров. Прибыв в Кассель, я к крайнему своему неудовольствию опять должен был известиться, что там о нашем г[осподине] посланнике не знали. Весьма удивительно мне то показалось, понеже дорогою я в нескольких местах о его поездке слышал. В таком отчаянном положении, не зная, где находится г[осподин] Кейзерлинг, я почел за лучшее отправиться в Петербург чрез Голландию (ежели у г[осподина] графа Головкина убежища себе не найду). Сначала я отправился в Марбург, чтобы у старых приятелей своих заpastись [деньгами] на поездку. Быть в тягость г[осподину] Вольфу я не осмелился, узнав от него, что он лишь несколько недель тому назад из Петербурга остальные деньги получил. Притом приметил я, что он в сие дело вмешиваться не хочет⁸. Итак, из Марбурга я отправился во Франкфурт, а потом

водою в Роттердам и Гагу. Г[осподин] граф совсем отказал мне в помощи и не хотел вовсе ввязываться в это дело. Затем я отправился в Амстердам и нашел здесь несколько знакомых купцов из Архангельска, которые мне совершенно отсоветовали без приказаня в Петербург возвращаться. Они представили мне кучу опасностей и несчастий, и потому я опять должен был возвратиться в Германию. Коликую опасность и нужду я претерпел в пути, мне самому страшно даже вспомнить, и поелику долго было бы писать о том, то для краткости лучше вовсе умолчу. В настоящее время я живу инкогнито в Марбурге, у своих приятелей, и упражняюсь в алгебре, намереваясь оную к теоретической химии и физике применить⁹. Утешаю себя пока тем, что мне удалось в знаменитых городах побывать, поговорить с некоторыми искусными химиками¹⁰, осмотреть их лаборатории и взглянуть на рудники в Гессене и Зигене¹¹. Ежели я позволил себе слишком откровенно и подробно говорить о своих злополучных приключениях и утруждать Вас таковыми скучными вещами, то прошу Ваше Высочорodie извинить меня, нуждою к ому побуждаемого. Я уверен, что Вы, по природной доброте Вашей, не захотите меня, несчастного и угнетенного, отвергнуть и погубить человека, который уже в состоянии служить Ея Величеству и приносить пользу отечеству, а дадите мне испытать Вашу благосклонность. Кажется мне, правда, что Вы подумаете про меня: с Генкелем он уже рассорился и не имеет более никакой надежды обучиться, как должно, химии и металлургии. Но сего господина могут почитать идолом только те, которые коротко его не знают. Я же не хотел бы променять на него свои, хотя и малые, но основательные знания, и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводною звездой и единственным своим спасением. Самые обыкновенные процессы, о которых почти во всех химических книжках говорится, он держит в секрете и сообщает их неохотно; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера¹², который всю жизнь свою в рудниках проводит, нежели у него. Естественную историю нельзя научить в кабинете г[осподина] Генкеля, из его шкапов и ящичков; нужно самому в разных рудниках побывать, и сравнить ситуацию различных мест, свойства гор и почвы и взаимное отношение находящихся в них минералов. Потому я умоляю Ваше Высочобл[агоро]дие меня от тиранической моего гонителя власти освободить, и при пересылке Всемиловивейше пожалованной мне

стипендии, приказать мне отправиться еще в какое-либо место, как напр[имер], в Гарц и т. п., где бы я мог свою горную науку совершить. Ежели бы Вашими заботами просьба моя была исполнена¹³, и я при этом позволил себе промотать данные мне деньги или небрежно стал бы упражняться в науках, то я сам заранее при-суждаю себя к наистрожайшему наказанию. Уверен однако же, что никогда этого не учиню, а напротив, в непродолжительном времени не только представлю надлежащие свидетельства о принятии всех предписанных мне наук, но и надеюсь собственным специменом показать Вам мое обучение. В прочем нижайше прошу простить мне все то, в чем я, может быть, неумышленно в сем случае провинился, и пребываю

Вашего Высокоблагородия
всепокорнейший раб
Михаил Ломоносов.

Марбург, 16 нояб[ря]
1740 г.*

Источники текста

Автограф на немецком языке: ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 31. Л. 36–37.

Описание: Модзалевский, с. 89.

Публикации: *Куник I*, с. 179–183 (немецкий текст по автографу), *Куник II*, с. 334–338 (русский перевод). *Сочинения* 8, с. 50–61 и *ПСС* 10, с. 421–431 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Ломоносов покинул Фрейберг в начале мая 1739 г. После возвращения в Марбург он обвенчался 26 мая в церкви городской реформатской общины с Елизаветой Христиной Цильх, дочерью своей квартирной хозяйки. В июне 1739 г. в поисках путей возвращения на родину Ломоносов отправился в Голландию к русскому посланнику графу А. Г. Головкину. В октябре 1739 г. Ломоносов вновь возвратился в Марбург.

² В подлиннике концы двух слов в подписи отрезаны.

³ Жалоба Ломоносова, посланная им 21 (10) мая 1740 г. из Лейпцига в Петербургскую Академию наук, неизвестна.

⁴ Берграт (*нем.* Berggrat) — горный советник.

---

* Перевод А. А. Куника.

⁵ «Надворный камерный советник и надзиратель украинских бахмуцких и торских соляных заводов» Г. Ф. В. Юнкер в 1737 г. был отправлен в Германию для осмотра соляных заводов. Возвращаясь в Россию, он в 1739 г. несколько месяцев провел во Фрейберге — как раз тогда, когда туда приехали Ломоносов, Райзер и Виноградов.

11 августа (31 июля) 1739 г. Юнкер писал барону И. А. Корфу: «...Приводя здесь, в Фрейберге, к окончанию Всемилоостивейше возложенное на меня поручение и занимаясь составлением моего всеподданнейшего донесения, я чрезвычайно рад, что мне представился случай посильно содействовать с своей стороны осуществлению великих и благодушных планов В[ашего] Превосход[ительства]. Недавно прибыли сюда из Марбурга по приказанию В[ашего] Превосходительства 3 студента, назначенных для изучения горного дела. Поэтому я счел своею обязанностью не только по возможности расспросить их насчет их занятий и поведения, но и посоветоваться с бергратом Генкелем о будущем их положении и содержании. Затем я с глубочайшим почтением и полною откровенностью имею честь донести В[ашему] Превосход[ительству], что упомянутые студенты по одежде своей, правда, глядели неряхами, но по части указанных им наук, как убедился и я, и господин берграт, положили прекрасное основание, которое послужило нам ясным доказательством их прилежания в Марбурге. Точно так же я при первых лекциях в лаборатории, при которых присутствовал по вышеприведенной причине, не мог не заметить их похвальной любознательности и желания дознаться основания вещей. <...>

Если бы мне дозволено было при этом случае представить на благоусмотрение В[ашего] Превосход[ительства] еще одну мысль, то я заметил бы, что считаю полезным и соответствующим высокой цели Вашей, чтобы каждый из студентов, сверх усвоения общих понятий о горной части, особенно изучил один из главных ее отделов, т[о] е[сть] чтобы один преимущественно занялся изучением руд и других минералов, другой разработкою рудников и устройством машин, а третий горно-заводским плавильным искусством. Сколько я мог предварительно судить по сношению и разговорам с ними, то на первое дело способнее всех был бы Райзер, на второе — Ломоносов, на третье — Виноградов. Чтобы достигнуть этой цели и чтоб дать им возможность узнать настоящие свойства и выгоды их предприятия, я рекомендую их разным лицам, так как они в противном случае могли бы лишиться этого знакомства. Кроме сочувствия к общей пользе, меня особенно побуждает к этому постоянное желание доказать Вашему Превосходительству глубочайшее мое к Вам уважение, с которым имею честь быть...» (*Куник II*, с. 316–317).

⁶ Перипатетики — последователи аристотелевой философии, на основе которой строилась наука Средних веков. Ломоносов имеет в виду переворот в научном знании с началом Нового времени, совершенный И. Ньютоном

(основоположником механики как науки) и Б. Паскалем (установившим основной закон гидростатики).

⁷ Бракосочетание наследного принца Гессен-Кассельского Фридриха и принцессы Марии Британской состоялось 19 мая 1740 г.

⁸ См. письмо Х. Вольфа в Петербургскую Академию наук от 15 (4) июня 1740 г.: «Почтеннейшие и достославнейшие господа. Несколько месяцев тому назад я получил от знаменитого г. Корфа два вексельных письма: одно на погашение долгов русских студентов, выехавших отсюда в прошлом году, а другое на получение моей пенсии за минувший год. Франкфуртский еврей, которому я по обыкновению предъявил оба векселя, не хотел акцептировать их, так что мне, по силе вексельного права, пришлось протестовать их у нотариуса, с тем, чтобы они не потеряли своей цены, и ждать истечения их срока. Когда срок этот настал, то он не сделал более никаких заруднений и уплатил обе суммы. Я счел долгом уведомить Вас об этом...» (*Куник II*, с. 321; подлинник по-латыни).

⁹ И. Ф. Генкель 23 (12) сентября 1740 г. писал Петербургской Академии наук: «...На отношение Ваше считаю долгом уведомить Вас, что я не знаю и не могу себе представить, где бы г[осподин] Ломоносов мог находиться в настоящее время, разве что нашел себе убежище у г[осподина] гофрата Вольфа. Соотчичи его также ничего не знают о его местопребывании. При этом случае не могу не заметить, что, по моему мнению, г[осподин] Ломоносов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически *химию преимущественно металлургическую*, а в особенности пробирное дело, равно как и маркшейдерское искусство, распознавание руд, рудных жил, земель, камней, солей и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по отзыву знатоков, очень сведущ и на которой он, по-видимому, главным образом и хочет выезжать, тем более что он никогда охотно не спускался в рудники...» (*Куник II*, с. 330–331; подлинник по-немецки).

К концу 1741 г. относится неоконченная работа Ломоносова на латинском языке «*Elementa chimiae mathematicae*» («Элементы математической химии»), которая заканчивается наброском плана будущей книги по физической химии, оставшимся неосуществленным (см.: *ПСС I*, с. 65–83).

¹⁰ Определенно известно лишь о посещении Ломоносовым И. Г. Крамера в Гессене, о чем сообщают первые биографы Ломоносова Я. Штелин и М. И. Веревкин (*Ломоносов в воспоминаниях*, с. 45, 53). Однако А. А. Куник, проанализировав биографию Крамера, пришел к выводу, что знакомство с ним Ломоносова могло произойти только летом 1740 г. в университете города Лейдена, находящегося в Южной Голландии (*Куник II*, с. 395).

¹¹ О посещении саксонских рудников (в Гессене и Зигене) «в жестокую 1739 и 40 года зиму» Ломоносов упоминает в работе «Первые основания металлургии или рудных дел» (*ПСС 5*, с. 521, 524, 563).

¹² Штейгер (*нем.* Steiger) — мастер, ведающий рудничными работами.

¹³ Разрешение Ломоносову на посещение рудников в Гарце выдано не было. И. Д. Шумахер ответил 28 февраля 1741 г. (см. документ № 11).

10. ЛОМОНОСОВ — Д. Ф. МИХАЭЛИСУ¹
4 декабря 1740 г. Марбург

Hoch-edelgebohrner Herr,
Hoch-gelarter Herr Doctor!

Dero mir vormahls erwiesene Güthe persuadieren mich die Freyheit zu nehmen dieselbige zu ersuchen, dass Ew. Hochedelgebohren mir in dero laboratorio einige processe, die mir zweifelhaftig zu seyn scheinen, zu untersuchen erlauben. Denn ich traue mehr keinem Laboranten, insonderheit denen die zu viel prahlen; welches ich mit meinem eigenen Schaden gelernet. Der Herr Doctor Conradi hat mahl mir u meinen Landsleuten versprochen, das Collegium Chymicum über den Stahl zu lesen, da er doch keinen paragraphum recht auszulegen nicht im Stande war² u verstund die lateinische Sprache nicht recht. Desswegen haben wir ihm aufgesagt. Der Bergrath Henkel, dessen Prahlen u hönische Nase-weissheit der gelehrten Welt bekan[n]t ist, hat nicht viel besser ausgerichtet u nur fast mit lehrem Geschwätze mich der Zeit beraubet.

Ich bin des Vertrauens, dieselben werden mein gehorsamst Ersuchen nicht verwerfen; ich bin

dero gehorsamster Diener
M. Lomonosoff.

Marburg.

den 4 Decembris 1740.

[*На конверте:*] A Monsieur Michaelis Docteur de Medicine.

Высокородный господин,
высокоученый господин доктор!

Ваша доброта, некогда ко мне проявленная³, придает мне смелость просить Вас, чтобы Вы, В[аше] Высокоблагородие, разрешили мне в Вашей лаборатории исследовать некоторые процессы,

которые кажутся мне неясными. Ибо я не доверяю никакому другому лаборанту, особенно тем, которые слишком много хвастают; этому я научился на собственном горьком опыте. Господин доктор Конради некогда обещал мне и моим соотечественникам читать курс химии по Штолю⁴, но он не был в состоянии толком изложить ни одного параграфа и не знает как следует латинского языка. Поэтому мы от него отказались⁵. Горный советник Генкель, чье хвастовство и высокомерное умничанье известны всему ученому миру, делал это не лучше и похитил у меня время почти одной только пустой болтовней.

Пребываю в надежде, что Вы не откажете мне в моей покорной просьбе.

Ваш покорнейший слуга
М. Ломоносов.

Марбург.

4 декабря 1740.

[Господину Михаэлису доктору медицины]^{6*}.

Источники текста

Автограф на немецком языке в Городском архиве Марбурга: *Stadtsarchiv Marburg, 305a A IV 3a, Nr. 8.*

Публикации: *Schmitz R., Marks H.* Ein unbekannter Brief Lomonossows an den Marburger Universitätsapotheker Michaelis // *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften.* Wiesbaden, 1963, Bd. 47, Hft. 1, März, S. 37–38 (немецкий текст по автографу). *Ченакал В. А.* Неизвестное письмо М. В. Ломоносова // *Вестник Академии наук СССР*, 1963, № 11, с. 127 (русский перевод). *Фигуровский Н. А.* Неизвестное письмо М. В. Ломоносова // *Вопросы истории естествознания и техники*, 1973, вып. 1 (42), с. 43–44 (немецкий текст и русский перевод). *Шмитц Р.* О письме М. В. Ломоносова немецкому аптекарю Д. Михаэлису // *Вопросы истории естествознания и техники*, 1980, вып. 3/4 (67/68), с. 111–112 (русский перевод). *ЛСС 11*, с. 11–12 (немецкий текст и русский перевод).

Текст подлинника печатается по первой немецкой публикации, русский перевод — по сообщению В. А. Ченакала.

Примечания

¹ По сообщению немецких публикаторов, письмо Ломоносова находится среди документов дела, возбужденного по жалобе городского врача Марбурга

---

* Перевод В. А. Ченакала.

И. А. Конради о запрещении ему по требованию марбургских аптекарей самому готовить лекарства. Интересы аптекарей чаще всего представлял Д. Ф. Михаэлис. Спор велся с предъявлением множества взаимных обвинений. В частности, Конради объявил, что готовить лекарства не умеют сами аптекари, поскольку не располагают ни «надлежащими высококачественными материалами, ни нужными для этого лабораториями, ни инструментами». Для опровержения этого обвинения Михаэлис, по-видимому, счел необходимым приложить к своим документам письменное свидетельство третьего лица, тем более весомое, что оно исходило от заграничного студента, желавшего заниматься в его лаборатории. К тому же в письме Ломоносова содержится и уничижительная характеристика самого Конради.

В итоге спор разрешился не в пользу аптекарей. 3 мая 1741 г. ландграф Гессенский Фридрих I особым рескриптом разрешил Конради самому производить и «продавать по сходной цене свои лекарства на благо подданных».

² Здесь еще раз написано *auszulegen* [изложить, разъяснить]; по-видимому, по ошибке *zu legen* зачеркнуто. — *Примеч. немецких публикаторов.*

³ Это выражение показывает, что Ломоносов имел возможность работать в лаборатории Михаэлиса еще в первый период своего пребывания в Марбурге, с ноября 1736 г. по июль 1739 г. «Аптекарь Михаэлис» значится в списке марбургских кредиторов, составленном Ломоносовым 30 декабря 1738 г. (*ПСС 10*, с. 325).

⁴ См. примеч. 6 к документу № 1.

⁵ См. об этом в документе № 1.

⁶ Доказательств, что он является доктором медицины, не найдено. На всех документах, скрепленных его подписью, стоит просто: Д. Ф. Михаэлис. — *Примеч. немецких публикаторов.*

11. И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ¹
28 февраля 1741 г. Петербург

Monsieur.

Da Ew. Wohledlen in Dero aus Marburg an mich ergangenes Schreiben der von der Academie durch den Herrn Geheimbde[n] Rath v[on] Keyserlingk an Dieselbe geschickten Ordre keine Meldung thun, so scheineth es, als hätten Sie dieselbe nicht empfangen; Sie war von gleichen Inhalt wie diese. Ew. Wohledlen werden also keinen Moment

versäumen, um derselben nachzukommen. Ihrenthalben habe auch die Ehre gahabt an d[en] H[errn] Geheimbden Rath Wolff zu schreiben. Zweiffle nicht, Er werde Ihnen mit Rath und That an die Hand gehen, übrigens verharre vollkommen

Dero...

St. Petersburg

d[en] 28 Febr.

1741.

An den Studios[um]

Lomonossoff.

[1]

Ordre

an den Studiosum Michaila Lomonossoff.

Demselben werden hiemit mittelst beygelegten 1ma Wechsels (2da wird mit folgender Post folgen) ein Hundert Rubel übermachtet. Nach Empfang derselben hat er sich sogleich nach Lübeck zu begeben und von daselbst mit erstem offnen Wasser sich hierher zu verfügen.

Gegeben in der K[ays[er]lichen] A[cademie] d[er] W[issens]schaften] zu St. Petersburg d[en] 28 Febr[uar] 1741.

[N° 268

Студенту Ломоносову].

[2]

St. Petersburg] d[en] 24 Febr[uar] 1741. Rbl. 100 à 49 St. Pr. R. Fünff und Sechzig Tage nach dato zahlen EE gegen diesen Prima Wechsel (S^{da} nicht) an d[ie] ordre des H[er]rn. Studioso Michael Lomonossoff in Marburg, ein Hundert Rubl. à Neun und Viertzig Stiver Holl. Court. jeden R. Die Valuta von der Kayserl[ichen] Academie [der Wissenschaften zu St. Petersburg] empff. laut advis.

Wolffet Liebmann.

Herrn

H[er]rn Isaac Liebmann

à Amsterdam.

[Милостивый государь].

Так как В[аше] Благородие в отправленном ко мне из Марбурга письме своем не упоминаете об ордере, посланном Вам от Академии наук чрез г[осподина] тайного советника ф[он] Кейзерлинга, то должно полагать, что Вы не получили этой бумаги². Она была такого же содержания, как и это предписание. В[аше] Благородие, следовательно, имеете не медлить ни одной минуты в исполнении ее. Я имел также честь писать о Вас г[осподину] тайному советнику Вольфу. Не сомневаюсь, что он поможет Вам и словом и делом³. В прочем остаюсь вполне

Ваш...

С. Петербург
28 февр[аля]
1741.
Студенту
Ломоносову.

[1]

[Ордер студенту Михаилу Ломоносову]

Препровождается при сем первый вексель (второй будет послан с следующею почтой) в 100 рублей. По получении этих денег он [Ломоносов] имеет немедленно отправиться в Любек и оттуда тотчас по открытии навигации прибыть сюда. Дано сие в И[мператорской] А[кадемии] н[аук] в С. Петербурге 28 февр[аля] 1741 года.

№ 268.

Студенту Ломоносову.

[2]

С. Петерб[ург]. 24 февр[аля] 1741. 100 руб[лей] по 49 шт[иверов]⁴ каждый р[убль]. От вышеписанного числа в течение шестидесяти пяти дней Вы имеете уплатить по этому первому векселю (не по второму) г[осподину] студенту Михаилу Ломоносову в Марбурге сто рублей, считая каждый р[убль] в 49 штиверов

по голл[андскому] курсу. Валюта от Импер[аторской] Академии [наук в С. Петербурге] получена согласно указанию.

Вольф и Либман.

Г[осподи]ну
Исааку Либману
в Амстердаме^{5*}.

Источники текста

Отпуски на немецком языке писарскою рукой: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 5. № 220. Л. 1; № 221. Л. 1; № 222. Л. 1.*

Публикации: *Куник I*, с. 185–186 (немецкий текст по отпуску). *Куник II*, с. 339–340 (русский перевод). *Сочинения 8*, с. 62–64 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по первой публикации, с уточнениями по *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Ответ Шумахера на письмо Ломоносова от 16 (5) ноября 1740 г. (см. документ № 9). Отправлен Шумахером при его письме от того же числа к Х. Вольфу в Галле: «...Имею честь препроводить к Вам при сем следующую за 1740 год пенсию посредством векселя в 250 рублей, <...> и при этом случае пожелать Вам всякого благополучия.

Приложения к письму следуют г[осподину] Ломоносову, который писал Академии из Марбурга; они содержат вексель в 100 рублей и предписание возвратиться сюда с первым отходящим кораблем.

Если этих денег не достанет на его отъезд, то я покорнейше прошу Вас выдать ему заимообразно небольшую сумму из Ваших собственных денег или убедить кредиторов, чтобы они удовольствовались высылкою денег отсюда, что будет сделано вслед за его прибытием...» (*Куник II*, с. 339; подлинник по-немецки).

² Ордер Ломоносову: «...Так как Импер[аторская] Академия наук признала за благо отозвать его сюда и употребить здесь на другое дело, то ему предписывается выехать по первому приказанию г[осподи]на тайного советника и посланника ф<он> Кейзерлинга и поспешить своей поездкой, так чтобы прибыть сюда без малейшей остановки на пути» (*Куник II*, с. 326; подлинник по-немецки).

Ордер послан при письме Академической канцелярии к барону Г. К. Кейзерлингу от 31 июля 1740 г. в Дрезден: «Вследствие представления г[осподина] берграта Генкеля в Фрейберге Императорская Академия наук признала необхо-

---

* Перевод А. А. Куника.

димым: студента Михаила Ломоносова <...> вызвать опять назад и сообразно способностям его употребить на другое дело. Если этот студент Ломоносов теперь все еще находится в Лейпциге, то мы покорнейше просим Вас потребовать его к себе, вручить ему прилагаемый ордер и приказать отправить его сюда морем или сухим путем, как Вы признаете более удобным. Все необходимые при этом издержки Академия наук не преминет тотчас же возратить с величайшею признательностию, как скоро получит о том уведомление...» (*Куник II*, с. 326; подлинник по-немецки).

³ Х. Вольф ответил Шумахеру 25 (14) апреля 1741 г. из Галле: «Оба письма Вашего Высокородия [от 28 февраля и 7 марта], одно с приложением предписания студенту Ломоносову, и другое с двумя векселями на прошлогоднюю пенсию, я получил. Покорнейше благодарю Вас за последнюю, и считаю долгом уведомить Вас, что первое письмо я отправил в Марбург к доброму приятелю, для передачи г[осподину] Ломоносову, написав вместе с тем, чтобы он отправился в путь, как скоро получит свои деньги по векселю, и чтобы сообщил мне, если ему еще что-нибудь понадобится для ускорения его отъезда. Так как он мне ответил, что на поездку и экипировку его хватит назначенных по векселю денег, но что на уплату долгов ему нужно еще до 100 рейхсталеров, или немногим более, то я просил доброго приятеля в Марбурге, за мою ответственность поручиться за него, что он и обещал мне сделать, и еще раз убеждал г[осподина] Ломоносова поспешить отъездом на сколько возможно...» (*Куник II*, с. 341–342; подлинник по-немецки).

⁴ Штивер — старая голландская монетная единица = 1/20 гульдена.

⁵ Ниже в отпуске позднейшая канцелярская помета: «P^{ma} d[en] 28 Febr. 1741 versandt. Sda d[en] 7 Mart 1741 versandt» («Первый [вексель] отправлен 28 февр[аля] 1741. Второй отправлен 7 марта 1741»). Текст второго ордера Ломоносову от 7 марта и письмо Шумахера к Вольфу от того же числа см.: *Куник I*, с. 186–187; *Куник II*, с. 341.

12. ЛОМОНОСОВ — Д. И. ВИНОГРАДОВУ
18 (7) апреля 1741 г. Марбург

Monsieur!

Ich habe nicht gemeint dass Ihre angebothene Freundschaftt so ein kurtzes Ende haben würde. Können Sie sich besinnen dass Sie sich freywillig angeben haben mir zu antworten, so werden Sie

auch für billig finden, dass ich mich über Sie beschwähre ist es erlaubt dass man seinem Landsmann und Camerat, der noch im Stande ist in dem oder jenem Fall zu dienen, ganz vergesse. Auf den ersten Brieff, den ich auf ihre grosse Versicherungen mit guter Hoffnung geschickt, habe ich kaum in sechs Wochen Antwort erhalten. Nun aber sind schon ohngefähr zwölf Wochen vergangen, da ich auf meines zweiten Briefs Antwort warte. Die Ursache kan[n] mir ohngefähr einbilden, aber ich mag sie nicht hier schreiben. Ich bitte nur die drey Bücher: Nicolai Causini Rhetoricam, Petri Petraei Historiam von Russland und den Günther wie auch das Geld, für die etwa verkaufte Bücher, dass übrige können Sie bey sich behalten und dafür etwa das Porto biss Eisenach betzahlen. Ich habe eine Ordre aus St. Petersburg erhalten mich dahin zu begeben; zu meiner Reise habe ich ein Wechsel von 100 Rubel bekommen, die Schulden aber werden à part bezahlet. Aus den Briefen die ich von dem Herrn Geheimen Rath Wolf aus Halle und von dem Herr Schumacher empfangen kan[n] ich eine guthe Hoffnung von meiner Beförderung haben. Nach drey Wochen werde ich mich über Hannover nach Lübeck verfügen. Desswegen bitte das letzte mahl mir zum wenigsten die drey gedachte Bücher zu überschicken, und verblebe

Aufrichtiger Freind
und Diener
Lomonosoffi.

Marburg
D. 18 Aprilis 1741.

[*На поле:*] Поклон господину Райзеру. Ich bitte Koffert dafür was man geben will verkauffen.

[*Адрес:*] A Monsieur
Monsieur Winogradoff
étudiant en Philosophie et
Mathematiques.

franco Erffurth.

Es wird der H. Freybergische Postmeister gebeten diesen Brief immediate zu übergeben.

à Freyberg
en Saxe.

Милостивый государь!

Я не предполагал, что предложенной Вами дружбе столь быстро наступит конец¹. Если Вы вспомните, что сами добровольно предложили мне ответить, то и Вы признаете справедливым, что я на Вас обижаюсь, — допустимо ли совершенно забыть своего земляка и товарища, который еще в состоянии быть в том или ином случае полезным. На первое письмо, которое я послал, исполненный надежды после Ваших широких обещаний, я получил ответ лишь через шесть недель. Теперь, однако, прошло уже около двенадцати недель, как я ожидаю ответа на свое второе письмо². Причину могу себе приблизительно представить, но не хочу о ней здесь писать. Прошу лишь три книги: Nicolai Causini Rhetoricam³, Petri Petraei Historiam России⁴ и Гюнтера⁵, а также деньги за возможно проданные книги⁶, прочее же можете оставить себе и заплатить взамен этого хотя бы почтовые расходы до Эйзенаха. Я получил приказ из С.-Петербурга отправиться туда; на мое путешествие я получил вексель на 100 рублей, долги же будут оплачены особо⁷. Письма, полученные мною от господина тайного советника Вольфа из Галле⁸ и от господина Шумахера, сильно обнадеживают меня в отношении моего производства. Через три недели я отправляюсь через Ганновер в Любек⁹. Поэтому прошу в последний раз переслать мне хотя бы три упомянутые книги и остаюсь

искренний друг
и слуга
Ломоносов.

Марбург
18 апреля 1741.

Поклон господину Райзеру. Прошу продать сундук за столько, сколько за него дадут¹⁰.

Господину Виноградову,
студенту философии и математики.

франко Эрфурт.

Г[осподина] фрейбергского почтмейстера просят передать настоящее письмо без промедления.

Фрейберг
в Саксонии*.

---

* Перевод А. Б. Модзалевского.

Источники текста

Автограф на немецком языке на одном листе: РГАДА. Фонд Государственного Архива. Разряд XVII. № 9.

Публикации: *Собственноручные письма Ломоносова* / Сообщ. П. Пекарским // *Записки ИАН*, 1866, т. 10, кн. 2, с. 181–182 (немецкий текст по автографу); то же: *Сборник статей, читанных в ОРЯС ИАН*, 1867, т. 1, с. LVI–LVII (немецкий текст). *Сочинения* 8, с. 64–66 и *ПСС* 10, с. 431–433 (немецкий текст и русский перевод).

Немецкий текст печатается по первой публикации, русский перевод по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Ср. в письме Х. Вольфа к барону И. А. Корфу от 4 апреля (24 марта) 1739 г.: «...Студенты Райзер и Ломоносов не только во всем слушаются добрых советов, но и живут между собою в ладу, и я надеюсь, что на них деньги расходуются не напрасно. Г[осподин] Ломоносов начинает также принимать более кроткие нравы. Но я решительно не знаю, что мне делать с г[осподином] Виноградовым. Диссертации двух первых студентов представлены уже несколько времени тому назад, Виноградов же хотя и обещает принести свою работу, но до сих пор ничего не сделал. Не думаю, впрочем, чтобы он был в состоянии сделать сам что-нибудь. Он любит праздность и беспорядочную жизнь. Чтó бы ни происходило, он должен быть везде. Того и гляди, чтобы он не попал в беду или не подвергся академическому наказанию. Он также не принимает никаких советов от своих товарищей, и я не думаю, чтобы он мог продолжать с ними учение. Пишу об этом неохотно, но обязанность, которую я принял на себя в отношении к Ея Имп[ераторскому] Величеству, не позволяет мне молчать об этом. Не лучше ли всего отозвать его назад? Впрочем, предоставляю все это совершенно благоусмотрению Вашего Превосходительства...» (*Куник II*, с. 287; подлинник по-немецки).

² Упоминаемые Ломоносовым письма неизвестны.

³ Риторика Николая Каусина (*лат.*). Популярное в Европе руководство в 16 книгах, выдержавшее много переизданий и известное под сокращенным заглавием «О духовном и светском красноречии». Для примера приводим выходные данные третьего издания, выпущенного в Париже: *Nicolai Caussinii Trecensis, e societate Jesu, de eloquentia sacra et humana libri XVI*. Editio tertia, non ignobili accessione locupletata, cum accuratis indicibus, tam eorum quae unoquoque capite continentur, quàm rerum et verborum. Lutetiae Parisiorum, 1630.

Какое именно издание было у Ломоносова, сказать трудно. Впоследствии он использовал книгу Каусина для написания своего «Краткого руководства

к красноречию...» (первое издание — 1748 г.). Комментаторы атрибутировали указания Ломоносова по кельнскому переизданию «*De eloquentia sacra et humana*» 1681 г. (*ПСС 7*, с. 816, 817, 820, 831).

⁴ История России Петра Петрея (*лат.*). Впервые этот труд, состоявший из 6 отдельных частей, был издан в Стокгольме на шведском языке: *Regni Muschovitici sciographia*. Thet är: Een wiss och egenteligh Beskriffning om Rudzland. Stockholm, 1615. В немецком переводе, с дополнениями, труд был напечатан отдельным изданием под заглавием: *Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow*. Lipsiae, 1620 (Истории и известия о Великом Княжестве Московском. Лейпциг, 1620).

⁵ Sammlung von Johann Christians Günthers, aus Schlesien, bis an hero edirten deutschen und lateinischen Gedichten, auf das Neue übersehen, wie auch in einer bessern Wahl und Ordnung an das Licht gestellet, nebst einer Vorrede von den so nöthigen als nützlichen Eigenschaften der Poesie. Bresslau und Leipzig, 1735 (Собрание изданных до настоящего времени немецких и латинских стихотворений Иоганна Христиана Гюнтера из Силезии, вновь просмотренное и выданное в свет в лучшем выборе и порядке, с предисловием о необходимых и полезных свойствах поэзии. Бреславль и Лейпциг, 1735). Эта книга была куплена Ломоносовым в Марбурге (*ПСС 10*, с. 371, 375, 773).

По свидетельству Я. Штелина и М. И. Веревкина о Ломоносове, «любил он стихотворения Гюнтера и знал их почти наизусть. По тому же размеру стал он сочинять русские стихи» (*Ломоносов в воспоминаниях*, с. 44, 53).

⁶ Собственноручный реестр книг, приобретенных Ломоносовым в Марбурге, приложен к его репорту от 15 (4) октября 1738 г. (см. примеч. 1 к документу №7).

⁷ См. документ № 11.

⁸ Письмо Х. Вольфа к Ломоносову неизвестно, но оно, несомненно, существовало (см. примеч. 3 к документу № 11).

⁹ Пропуск для выезда Ломоносов получил в Марбургском университете 13 мая 1741 г. День его выхода из Любека на попутном корабле неизвестен. В Петербург Ломоносов прибыл 8 июня 1741 г. (*Летопись*, с. 58).

¹⁰ По воспоминанию Ломоносова в «Записке о необходимости преобразования Академии наук» (1758–1759), «оставшиеся после <...> товарищи, близко три года не могли для долгов в отечество возвратиться, пока их Горная коллегия по представлению вице-президента Райзера выкупила, хотя между тем в Академию сумма на троих оных студентов каждый год наперед отпускалась» (*ПСС 10*, с. 38).

О том, каковы были в дальнейшем их отношения, ничего не известно. Г. У. Райзера в 1745 г. указом Берг-коллегии направили на Урал в горном чине маркшейдера. В 1747–1753 гг. в чине бергмейстера он состоял вторым членом

администрации екатеринбургских горных заводов. В 1754 г. командирован в чине обербергмейстера на Кольвано-Воскресенский завод на Алтае. Далее следы Райзера теряются.

Д. И. Виноградов был произведен в бергмейстеры (горные инженеры) и определен на Невскую порцелиновую мануфактуру. В 1747 г. он впервые в России изготовил фарфоровую массу*. С 1748 г. Виноградов возглавлял мануфактуру (с 1765 г. — Императорский фарфоровый завод).

Во избежание попадания секрета фарфора в чужие руки после ранней смерти Виноградова все его личные бумаги были опечатаны и взяты в архив. Впоследствии они и составили дела № 6 и 9 по разряду XVII Государственного Архива.

В 1936 г. среди сохранившихся в этих делах студенческих бумаг Виноградова обнаружили заметки о поэзии, выписанные Ломоносовым на немецком языке из статей И. К. Готшеда, вместе с переводом оды Анакреона «К лире», а также конспект Ломоносова трактата Дионисия Кассия Лонгина во французском переводе Н. Буало, датируемые предположительно второй половиной 1738 г. (*Данько Е. Я. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век, сб. 2, с. 248–275; ПСС 8, с. 14–15, 870–872*).

---

* В 1750–1751 гг. Ломоносов также пытался заниматься «фарфоровыми пробами» (см. примеч. 3 к документу № 41).

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПЕТЕРБУРГ

1742–1752

13.

ЛОМОНОСОВ — И. Д. ШУМАХЕРУ

1 мая 1745 г. Петербург

Wohlgebohrener Herr,
Hochgeehrtester Herr Rath.

Es ist mir wohl bekannt, dass Ew. Wohlgebohren mit mehrern und wichtigern affairen beschäftigt sind, als dass meine Bitte so bald in der Cannzeley vorgenommen werden könnte. Unterdessen mein ergebenstes Ersuchen an Ew. Wohlgebohrenen erstreckt sich nicht weiter, als nur, dass meine Bitte der Conferenz je eher, je lieber vorgeleget werden möge; damit ich doch einmal weiss, woran ich bin, und ob ich nummehr darzu für tüchtig geachtet worden, was ich eine geraume Zeit gehoffet habe. Ew. Wohlgebohren haben geruhet mir zu verstehen zu geben, ich sollte noch mit andern warten, die ebenfalls Beförderung suchten. Allein mir deucht, mein Glück wäre nicht so fest an das Glück derer anderer gebunden dass unserer einer dem andern gar nicht vor oder nach kommen könne. Ich will Ew. Wohlgebohren unterthänigst versichern, dass dieselben vor die Gnade, welche sie mir leicht erweisen können, nicht nur von mir, sondern auch von ansehnlichen Personen unserer Nation einen grösseren Danck erwerben werden, als Sie es etwa vermuthen. Ja es wird Ew. Wohlgebohren mehr Ehre ein bringen, wenn ich durch dero Vorsorge zum meinen Zweck gelange, als wenn es durch einen andern Weg geschehen würde. Ich lebe des festen Vertrauens,

вышению скорым положением резолюции⁴. Пребываю в полном высокопочитании

В[ашего] Благородия
высокоуважаемого мною повелителя
покорнейшим и послушнейшим слугою
М. Ломоносов.

1 мая
1745 г.*

Источники текста

Автограф на немецком языке на двух листах находился в переплетенном томе ученой корреспонденции Академии наук за 1745 г., относящейся к архиву Академической конференции (совр.: *ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 34. Раздел II. Письмо № 11*). В середине XIX в. (до 1864 г.) письмо было вырвано оттуда и передано В. А. Кордтом П. А. Висковатову. В 1888 г. автограф находился в Дерпте. В настоящее время его местонахождение неизвестно.

Описание утраченного автографа: *Модзалевский*, с. 89–90.

Копия из архива М. И. Сухомлинова, относящаяся к середине XIX в.: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 4. № 23. Л. 1–2*.

Публикации: *Висковатов П.* Неизданное письмо М. В. Ломоносова к Шумахеру по поводу соискания им профессорского звания // *Ист. вестник*, 1888, т. 32, № 6, с. 730–731 (немецкий текст и русский перевод по автографу). *Сочинения* 8, с. 66–68 и *ПСС* 10, с. 433–435 (немецкий текст и русский перевод по копии).

Печатается по первой публикации, с исправлением опечаток в публикации немецкого подлинника.

Примечания

¹ В 1740 г. барон И. А. Корф получил назначение чрезвычайного посланника при Датском дворе. При этом на его место «Главного командира» (Президента) Петербургской Академии наук никто определен не был, поэтому советник Академической канцелярии И. Д. Шумахер фактически оказался во главе всех академических дел. Новым Президентом Академии, назначенным лишь 21 мая 1746 г., стал 18-летний граф К. Г. Разумовский.

² Ломоносов говорит о поданном им накануне в Академическую канцелярию прошении на Высочайшее имя о назначении его «профессором химии с надлежащим жалованьем, в которой должности я, низжайший, со всевозможным

---

* Перевод П. А. Висковатова.

dass Ew. Wohlgebohren werden mein unterthäniges und gehorsamstes Ersuchen nicht fruchtlos bleiben lassen, sondern vielmehr zu meiner Beförderung mit einer baldigen resolution zu helfen geruhen. Ich verharre in vollkommener Hochachtung

Ew. Wohlgebohrenen
meines Hochgeehrtesten Herrn
gantz ergebenster und
gehorsamster Diener
M. Lomonosoff.

d. 1. Maji
A[nno] 1745.

Ваше Благородие,
Высокоочтимейший господин советник.

Мне хорошо известно, что В[аше] Благородие заняты многими более важными делами¹, так что мое прошение не могло быть тотчас же в Канцелярии рассмотрено. Между тем, моя покорнейшая просьба к В[ашему] Благородию не простирается далее как только, чтобы о моем прошении, чем скорее, тем лучше, было доложено Конференции, дабы я наконец знал, при чем я и признан ли достойным того, на что я долгое время надеялся². В[аше] Благородие изволили дать мне понять, что мне следовало бы повременить вместе с другими, которые тоже добиваются повышения³. Однако мне сдается, мое счастье вовсе уже не так крепко привязано к счастью других, чтобы мы не могли опережать или отставать один от другого. Я могу всепокорнейше уверить В[аше] Благородие, что милостью, которую Вы легко можете [мне] оказать, Вы заслужите не только от меня, но и от всех значительных лиц нашего народа больше благодарности, чем Вы, быть может, предполагаете. Да, Вам принесет более чести, если я достигну своей цели при помощи Вашего ходатайства, чем если это произойдет каким-либо другим путем. Я остаюсь в твердой уверенности, что В[аше] Благородие не оставите мою нижайшую и покорнейшую просьбу без последствий, а напротив, поможете моему по-

старанием как в произыскании наук, так и в обучении российского юношества отечеству пользу чинить буду» (*ПСС 10*, с. 339).

³ Одновременно с Ломоносовым новых назначений добивались: В. К. Тредиаковский — профессором российской и латинской элоквенции; Х. Крузиус — профессором древностей; С. П. Крашенинников — адъюнктом натуральной истории.

⁴ 2 мая Шумахер направил прошения Крузиуса и Ломоносова конференц-секретарю Х. Н. Винсгейму. В приложенном к ним письме «на немецком диалекте» Шумахер отметил, «что, со своей стороны, он считает Ломоносова вполне достойным звания профессора химии, но предварительно находит нужным освидетельствовать его знания и выдать (от профессоров) Ломоносову соответствующий аттестат, а мнение профессоров препроводить ему для дальнейшего направления» (*Сочинения 8*, с. 13 второй пагин.).

3 мая в протоколе заседания Конференции была сделана запись: «Академики, нисколько не сомневаясь в учености и способности г[оспод] адъюнктов,* постановили, ради лучшего порядка, чтобы каждый представил Академическому собранию еще какой-нибудь образец работы для получения места среди профессоров и для этого по собственному выбору взял бы разработку темы, которую он считает наиболее соответствующей нынешнему состоянию наук. Поэтому они сочли необходимым указать г[осподину] Крузиусу, чтобы он как можно скорее представил в Академию диссертацию из области греческой или римской древности, а г[осподину] адъюнкту Ломоносову из области науки о металлах» (*Протоколы 2*, с. 57; подлинник по-латыни).

Требуемую диссертацию под названием «*De tincturis metallorum*» («О металлическом блеске») Ломоносов представил 29 мая и читал ее в заседании 14 июня (*Протоколы 2*, с. 63).

17 июня Профессорское собрание приняло положительное решение в отношении Ломоносова. При этом следует иметь в виду, что определение Правительствующего Сената о назначении профессором Тредиаковского уже состоялось 6 июня, а в отношении Ломоносова оно появилось только 18 июля. «Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената», одновременно утверждающий назначения Тредиаковского, Ломоносова и Крашенинникова, был подписан 7 августа 1745 г. Таким образом, по старшинству, Ломоносов является не первым, как это обычно утверждается, а вторым, после Тредиаковского, русским профессором. Новое жалованье Ломоносову в размере 660 рублей в год Сенат назначил 6 марта 1746 г. (см.: *Биллярский*, с. 63, 67–68, 81).

---

* Адъюнктом физического класса Петербургской Академии наук с годовым жалованьем в 360 рублей Ломоносов был определен 8 января 1742 г.

ЛОМОНОСОВ — АРХИЕПИСКОПУ
 АРХАНГЕЛЬСКОМУ И ХОЛМОГОРСКОМУ ВАРСОНОФИЮ
 19 ноября 1746 г. Петербург

Преосвященнейший Владыко,
 Милостивый государь!

Хотя я не имел чести Вашему Преосвященству служить персонально, но однако те благодеяния, которые Ваше Преосвященство покойному отцу моему¹ показывать изволили, понуждают меня, чтоб я хотя письменно Вашему Преосвященству нижайший мой поклон отдал. Приятное воспоминание моего отечества никогда не проходит без представления особы Вашего Преосвященства, яко архипастыря оных словесных овец², между которыми я имею некоторых одной крови. В знак моего к Вашему Преосвященству усердия имею прислать книжицу моих трудов³. Я бы весьма желал купно сообщить и календарь на будущий 1747-й год, однако оный еще в две недели и больше готов не будет. А как оный только напечатается, то неотменно имею честь послать к Вашему Преосвященству на первой почте⁴.

В прочем прося Вашего архипастырского благословения со всяким почтением пребываю,

Вашего Преосвященства,
 Всепокорнейший слуга
 Михайло Ломоносов.

В Санктпетербурге.
 Ноября 19-го дня
 1747 года.

Источники текста

В 1845 г. автограф находился в собственности чиновника Глебовского. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно.

Публикации: *Архангельские губ. ведомости*, 1845, отд. II, часть неофиц., с. 215–216. *Сочинения* 8, с. 68–69. *ПСС* 10, с. 435–436.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Василий Дорофеевич Ломоносов утонул в Белом море около Архангельска в первой половине (летом?) 1741 г.

² В эпитафии архиепископа Варсонофия в холмогорском Преображенском соборе он охарактеризован как «столп благочестия, расколов истребитель / и наблюдатель тверд преданиев церковных, / умножитель наук и школ любитель, / заступник бедных, правды блюститель ревнив, / отец убогим, неимущим сиротам» (*Николай Михайлович, великий князь. Русский провинциальный некрополь*. Т. 1. М., 1914, с. 131).

Подробно см.: *Алексеев А. И.* Варсонофий // *Православная энциклопедия*. Т. 6. М., 2003, с. 675–676.

³ Волфианская Экспериментальная физика с немецкаго подлинника на латинском языке сокращенная. С котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов Императорской Академии наук член и химии профессор. СПб., 1746. Первый учебник по экспериментальной физике на русском языке. Немецкое издание было в библиотеке Ломоносова: *Thümmig L. Ph. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae. Tomus prior. Francofurti, 1729* (*Тюммиз Л. Ф.* Наставления по вольфианской философии, составленные для академического употребления. Том первый. Франкфурт, 1729). Экземпляр перевода, принадлежавший архиепископу Варсонофию, в настоящее время неизвестен.

⁴ В XVIII в. подготовка и выпуск календарей-ежегодников вменялись в обязанность Петербургской Академии наук. «Календарь или Месяцослов исторический на 1747 год» вышел в декабре 1746 г. Из протокола заседания Академической конференции от 3 марта 1746 г. видно, что Ломоносов принимал участие в его редактировании (*Протоколы 2*, с. 120; *Биллярский*, с. 80–81).

15. ЛОМОНОСОВ — Л. ЭЙЛЕРУ¹
16 февраля 1748 г. Петербург

Viro doctissimo ac celeberrimo Leonhardo Eulero
illustris Regiae scientiarum Academiae Berolinensis Membro
et Professori Regio spectatissimo

Michaël Lomonosoff
S. P. D.

Litterae tuae, vir celeberrime, quibus lucubrationes meas illustrissimo Praesidi nostro de meliore nota commendare voluisti, magnam mihi laetitiam attulerunt. Nihil enim magis honorificum magisque opportunum mihi contingere posse existimo, quam studia mea illi tantopere

probari, cujus dignitatem venerari, propensamque in me voluntatem maximi facere debeo, et ab eo quidem, cujus magna sunt in orbe literario et merita et auctoritas. Quum primum igitur ab honoratissimo collega nostro Teplovio tuum de me testimonium communicatum perlegerim, tantum in me officium tuum sine maxima culpa praeteriri non posse judicavi. Ut autem huius tuo beneficio respondeam, non aliud quid inveni, quam ut id, quod singulari humanitati tuae acceptum fero, grata memoria persequar, et quovis loco ac tempore tuam in aliorum laboribus judicandis aequitatem celebrare non desistam. Quamvis autem gratissima sit mihi haec tua voluntas, multo tamen erit jucundior, si per humanitatem tuam eadem ultro frui licebit. Magnae equidem utilitati futurum mihi non dubito, si me, quocum per litteras colloquaris, non indignum esse judicaveris. Consilium tuum mihi perquam honorificum per amplissimum Schumacherum mihi indicatum magnopere me impulit ad concinnandam de Nitri genesi commentationem, quam pro virili elaboratam ad illustrem Academiam Berolinensem pro praemio obtinendo significato tempore mittere apud me statui.

Vale, vir celeberrime, et studiis meis, ut incepisti, fave.

Dabam Petropoli, Die 16 Febr. St. Jul. A. C. 1748.

Ученейшему и знаменитейшему мужу Леонарду Эйлеру,
члену славной Берлинской Королевской Академии наук
и выдающемуся Королевскому профессору

Михаил Ломоносов
шлет величайший привет.

Письмо Ваше, знаменитейший муж, в котором Вы соблаговолили характеризовать с лучшей стороны мои работы Его Сиятельству нашему Президенту, доставило мне величайшую радость². Ведь я считаю, что на мою долю не могло выпасть ничего более почетного и более благоприятного, чем то, что мои научные занятия в такой степени одобряет тот, чье достоинство я должен уважать, а направленное на меня благоволение превыше всего почитать, — к тому же тот, чьи заслуги и авторитет в ученом мире велики. Поэтому, прочитав переданное нашим почтеннейшим

коллегой Тепловым Ваше свидетельство обо мне, я решил, что нельзя оставить без внимания, не совершая величайшего проступка, Ваше столь великое одолжение мне. Чтобы отплатить за это Ваше благодеяние, я не нахожу ничего другого, как только хранить благодарную память о том, чем я обязан Вашей исключительной доброте, и не переставая прославлять во всяком месте и во всякое время Вашу справедливость при оценке чужих трудов. Хотя это Ваше благоволение в высшей степени обязывает меня, но оно будет еще гораздо более приятным, если, благодаря Вашей доброте, можно будет пользоваться им и в дальнейшем. Не сомневаюсь, что для меня будет очень полезно, если Вы не сочтете меня недостойным беседовать с Вами посредством писем³. Ваш чрезвычайно почетный для меня совет, переданный мне через почтеннейшего Шумахера, внушил мне сильное желание написать рассуждение о рождении селитры, которое я решил, усиленно его разработав, послать в назначенный срок в славную Берлинскую Академию на соискание премии⁴.

Будьте здоровы, знаменитейший муж, и продолжайте, как Вы начали, покровительствовать моим занятиям.

Петербург, 16 февраля юлианского стиля, 1748 г.*

Источники текста

Автограф на латинском языке на двух листах в библиотеке Тартуского университета: *Morg. Ep. phil. II, № 145*. Полное факсимиле: *Ломоносов 3*, с. 256–257.

Описание: *Переписка Эйлера*, с. 179–180; *Euler Briefwechsel*, S. 249.

Публикации: *Ченакал В. А.* Новые материалы о переписке Ломоносова с Леонардом Эйлером // *Ломоносов 3*, с. 253, 258–259 (латинский текст подг. к печати А. М. Митом, русский перевод выполнен А. И. Доватуром). *ПСС 10*, с. 436–438.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Подлинник был обнаружен Э. С. Вигелем в коллекции писем К. С. Моргенштерна, собиравшего ученую переписку XVII–XVIII вв. Письма приобретались в основном у антикваров и на аукционах в Германии. После смерти Моргенштерна в 1852 г. вся коллекция была передана его наследниками в библиотеку Юрьевского университета.

---

* Перевод А. И. Доватура.

² По определению Академической канцелярии от 7 июля 1747 г. почетным членам Петербургской Академии наук Л. Эйлеру, Д. Бернулли «и к другим» были направлены диссертации Ломоносова на латинском языке: «Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere» («О действии химических растворителей вообще») и «De causis caloris et frigoris meditationes physicae» («Физические размышления о причинах теплоты и холода»), а также диссертации Г.В. Рихмана, «какое об оных мнение дадут и можно ли оные напечатать, ибо о сем деле из [з]дешних профессоров ни один основательно рассудить довольно не в состоянии» (*Детонись*, с. 110).

Эйлер ответил 21 (10) ноября 1747 г. на имя графа К. Г. Разумовского: «Ваше Сиятельство. Рассмотрев, согласно распоряжений Вашего Превосходительства, работы гг. Рихмана и Ломоносова, я высказал мое мнение о них на прилагаемом листке. Я чрезвычайно восхищен, что эти диссертации по большей части столь превосходны, что Комментарии Императорской Академии станут многим более значительны и интересны, чем труды других Академий. <...>

Все записки г[осподина] Ломоносова по части физики и химии не только хороши, но превосходны, ибо он с такою основательностью излагает любопытнейшие, совершенно неизвестные и необъяснимые для величайших гениев предметы, что я вполне убежден в истине его объяснений; по сему случаю я должен отдать справедливость г[осподину] Ломоносову, что он обладает счастливейшим гением для открытий феноменов физики и химии; и желательно бы было, чтобы все прочие Академии были в состоянии производить открытия, подобные тем, которые совершил г[осподин] Ломоносов» (*Биллярский*, с. 77–78; *Ломоносов 3*, с. 253–254).

Диссертации Ломоносова и Рихмана были опубликованы в 1750 г. в первом томе «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» («Новые комментарии Императорской Петербургской Академии наук»).

Впоследствии Ломоносов неоднократно утверждал, что его диссертации были посланы Эйлеру в надежде на отрицательный отзыв. См., например, в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» (1764): «...умыслил советник Шумахер и ассессора Теплова пригласил, чтобы мои, апробованные уже диссертации в общем Академическом собрании послать в Берлин, к профессору Эйлеру, конечно, с тем, чтобы их он охулил...» (*ПСС 10*, с. 284).

³ Эйлер и Ломоносов были знакомы только по переписке. Случилось так, что Эйлер, из 76 лет своей жизни 32 года проведший в России, уехал из Петербурга в Берлин в 1741 г., буквально за неделю до возвращения Ломоносова, вернулся — в 1766 г.

⁴ В конце 1747 г. Берлинская Академия наук темой на премию 1749 г. объявила решение задачи: «Объяснить происхождение селитры и вывести ее

состав из ее истинных начал, доказывая опытами все утверждаемое». 20 (31) января 1748 г. Эйлер написал, вероятно, И. Д. Шумахеру: «Я не сомневаюсь, чтобы об этом кто-нибудь мог представить лучше, чем г[осподин] Ломоносов, которого я прошу убедить взяться за эту работу. Было бы, конечно, весьма почетно, если бы член Имп[ераторской] Академии, да к тому же русский, удостоился нашей премии» (*Биллярский*, с. 96; *ПСС 10*, с. 800; подлинник по-немецки).

«Dissertatio de generatione et natura nitri...» («Диссертацию о рождении и природе селитры...») Ломоносов написал в январе — феврале 1749 г. на латинском языке. В Берлинской Академии наук она была получена 29 марта. Однако премии Ломоносов не получил: 3 июля 1749 г. она была присуждена Питшу за работу «Dissertation sur la génération du Nitre» («Диссертация о происхождении селитры»).

См. также документы № 20 и 28.

16.

Л. ЭЙЛЕР — ЛОМОНОСОВУ

23 (12) марта 1748 г. Берлин

Quo magis sagacitatem ac profunditatem ingenii tui in evolvendis difficillimis Chymiae quaestionibus sum admiratus, eo gratiores mihi fuerunt litterae tuae ###¹ Ex tuis autem scriptis summa cum voluptate cognovi, te in explicandis Chymicis operationibus longe a recepto apud Chymicos more recedere atque cum amplissima experientia summam Physicae solidioris scientiam perpetuo conjungere. Ex quo non dubito quin vaga et incerta hujus disciplinae principia tandem ad plenam certitudinem ita sis perducturus, ut [ei] posthac locus in Physica jure tribui possit.

Сколько много проникательству и глубине Вашего остроумия в изъяснении претрудных химических вопросов я удивлялся, так равномерно Ваше ко мне письмо было приятно² ### Из Ваших сочинений с превеликим удовольствием я усмотрел, что Вы в истолковании химических действий далече от принятаго у химиков обыкновения отступили и с [пре]пространным искусством в практике высочайше основательной физики знание везде совокупаєте. Почему не сомневаюсь, что нетвердые и сомнительныя осно-

вания сея науки приведете к полной достоверности; так что [ей] после место в физике по справедливости дано быть может.^{3*}

Источники текста

Полный автограф письма на латинском языке неизвестен. Два отрывка из него, в собственном переводе Ломоносова, включены в составленные им «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму графу М. Л. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известны в трех копиях: А) копия рукою Ломоносова с переводом: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 154об.* — 155; Б) писарская копия с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 50—50об.*; В) писарская копия с переводом: *Там же. Л. 60об.* — 61.

Описание отрывка: *Переписка Эйлера*, с. 180; *Euler Briefwechsel*, S. 249–250.

Поный текст письма в печати не появлялся. Публикации отрывка: *Собрание разных сочинений*, ч. I, с. XIII (только русский перевод); перепечатано: *Биллярский*, с. 029–030. *Доп. известия*, с. 95 (латинский текст и русский перевод). *Сочинения* 8, с. 69–70, 282–283 и *ПСС*, 10, с. 574 (латинский текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Три октоторпа в подлиннике заменяют многоточие.

² Эйлер отвечает на письмо Ломоносова от 16 февраля 1748 г. (см. документ № 15).

³ Ломоносов ответил 5 июля 1748 г. (см. документ № 20).

17. ОРДЕР ЛОМОНОСОВУ ИЗ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
20 апреля 1748 г. Петербург

Благородный господин профессор Ломоносов!

Приложенныя при сем стихи извольте перевести стихами ж на российский язык и конечно сего апреля 23-го числа взнестъ в Канцелярию Академии наук.

Апреля 20 дня 1748 года¹.

---

* Перевод М. В. Ломоносова.

Источники текста

Отпуск писарскою рукой: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 115. Л. 10 (установлено Б. А. Градовой).

Публикации: *Биллярский*, с. 101 (в изложении по журналу Академической канцелярии от 20 апреля 1748 г.). *Сочинения 1*, с. 353 второй пагин.

Печатается по отпуску.

Примечания

¹29 февраля 1748 г. Канцелярия Главной Артиллерии и фортификации послала в Академию наук промеморию с требованием «иллюминации учредить проэкт и чертеж с показанием надлежащих эмблем и прочих по искусству украшений» (*Сочинения 8*, с. 17 второй пагин.). Празднество против Зимнего дома готовилось в честь очередной годовщины коронации императрицы Елизаветы Петровны 25 апреля 1748 г.

План иллюминации был подготовлен к 18 марта Я. Штелиным, в служебные обязанности которого входило составление проектов фейерверков. Надпись («Erklärung» — пояснение) на немецком языке, сочиненная Штелиным и препровожденная к Ломоносову для перевода:

Dein Kronbau stehe lang und fest.

Wie Treu un Wunsch uns hoffen last.

[Здание твоей короны да стоит долго и твердо,

Как позволяют на то надеяться наши верность и желание] (*ЛСС 8*, с. 941).

Дальнейшая переписка по этому вопросу составляет документы № 18 и 19.

18. ЛОМОНОСОВ — Г. Н. ТЕПЛОВУ
22 апреля 1748 г. Петербург

Милостивой государь мой Григорей Николаевич!

Хотя должность моя и требует, чтоб по присланному ко мне ордеру сделать стихи с немецково; однако я того исполнить теперь не могу, для того что в немецких виршах нет ни складу ни ладу; и так таким переводом мне себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтобы такую глупость перевести на российский язык и к такому празднеству. И ежели бы я от них отступить осмели[л]ся, то не имея никакого к тому плана, не знаю, чего держаться. И все сего дела поведение очень чудно. Кто б не засмеялся той музыке, когда бы двое

согласившись петь, один бы выпускал голос без всякого движения рта, а другой бы поворачивал губами, языком и гортанью? но почти то же делается, когда один составляет изображение для иллюминаций, а другой надписи. И потому не дивно, что мне мало таких иллюминаций видать случилось, где б кроме разноцветных огней что нибудь удивления достойное было. Я думаю, что лутче б было, когда б Артиллерийская канцелярия чрез сношение от Академии требовала изобретения к иллюминации и с надписаниями. Что до нынешняго надлежит, то извольте требовать от Артиллерии плана, и ко мне прислать, что сегодня сделать можно, а к завтрашнему дню будет у меня готово¹. В протчем со всяким почтением пребываю

Вашего Высокоблагородия
покорнейший слуга
Михайла Ломоносов.

Апреля 22 дня
1747 [!] года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 115. Л. 12 (в дате письма описка, должно быть: «1748 года»).

Описание: *Модзалевский*, с. 90.

Публикации: *Билярский*, с. 101–102 (неточно). *Сочинения 1*, с. 353–354 второй пагин. *Материалы 9*, с. 162 (по автографу). *Сочинения 8*, с. 70–71. *ПСС 10*, с. 438.

Печатается по *Материалам*.

Примечания

¹ См. примеч. к документу № 17.

19. Г. Н. ТЕПЛОВ — ЛОМОНОСОВУ
22 апреля 1748 г. Петербург

Государь мой Михайла Васильевич.

При сем прилагаю изъяснение иллюминации¹, по которому прошу сочинить такие стихи, какие Вам пристойны покажутся на российском языке; а чтоб г[оспо]д[и]на советника Штелина не обидеть,

то прошу и его стихи перевести стихами же, и тогда Канцелярия Артиллерии то употребит, что ей от высокога места апробовано будет. В прочем пис[ь]мо Ваше таких экспрессей наполнено, которыя предосудительны чести господина советника Штелина; берегитесь, чтоб Вы ему не досадили: пишет всяк, кто сколько может о рассуждении, как кто хочет.

Пожалуй поспеши к утру².

Ваш
покорный слуга
Г. Теплов.

22 апреля
1748 году.

Источники текста

Отпуск писарскою рукой: *ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 115. Л. 11.*

Публикации: *Биллярский*, с. 102 (неточно). *Сочинения 1*, с. 354 второй пагин. *Материалы*, 9, с. 161–162. *Сочинения 8*, с. 71–72.

Печатается по: *Материалам*.

Примечания

¹ Теплов, вероятно, прислал Ломоносову карандашный рисунок и изъяснение к иллюминации в переводе В. И. Лебедева: «А. Триумфальные ворота, которых проспект в зеленую аллею против восходящего солнца простирается. ВВ. На верху обе стороны украшены поставленными трофеями и рогами избылиа. С. а имя Ея Императорскаго Величества под короною лавровыми и пальмовыми ветвьми. Оба (ВВ. и С.) как знаки благополучных случаев в военное и мирное время. D. Желательный храм, где на желательном олтаре горящая жертва является. Над ним представлена галлерей или переходы, из которых в зеленую боковую галлерейю прейти можно. Изъяснение: Усердно желаем, чтоб корона твоя долго твердо стояла» (*Сочинения 8*, с. 18 второй пагин.).

² Ломоносов сочинил две надписи, оригинальную и переводную, из которых первая была употреблена для иллюминации 25 апреля 1748 г., вторая же, как неудачная, осталась неиспользованной:

[Стихи, на Российском языке сочиненные]

Во храме ревности, на олтаре сердец
К подавшему Тебе с высот своих венец
От подданных Твоих чистейший огонь пылает,
Да щастием Твоим Россию увенчат,

Да солнце, восходя и заходя, дивится,
Что всюду красота Твоих триумфов зрится.

[Перевод с немецкого]

Твоей короны здание, Монархиня, пускай стоит
Тебе к веселию и нам к блаженству твердо,
Как наша верность ожидать от неба нам того велит
И ревность уповать всегда Тебе усердо (*ЛСС* 8, с. 208, 209).

20.

ЛОМОНОСОВ — Л. ЭЙЛЕРУ¹

5 июля 1748 г. Петербург

Viro celeberrimo atque doctissimo Leonhardo Eulero illistris
Scientiarum Academiae Berolinensis Membro et Professori Regio
meritissimo, nec non Caesareae Academiae Scientiarum
Petropolitanae et Regiae Societatis scientiarum
Londinensis Membro honorario

S. P. D.

Michaël Lomonosoffi

Quanta laetitia sim affectus, acceptis humanissimis litteris Tuis, facile aestimare potest, quicumque in scientiarum studio versatur, et specimina lucubrationum suarum magnis Viris probari intelligit. Nec minor voluptas hinc quoque mihi accedit, cum sentiam, quanto emolumento meo futura sit Tua, qua per comitatem Tuam frui mihi licet, amicitia. Maximas ago habeoque Tibi gratias. quod non solum consilio Tuo, mihi perquam honorifico, me ad explicandam nitri genesim incitare, verum etiam ansam praebere volueris ad ipsam materiam clarius perspiciendam, in quam quidem elaborandam omnem curam atque operam confero. Robinsii Artilleriam praestantissimis commentariis a Te instructam magno cum fructu meo evolvo. Caeterum quoniam cognita genuina elateris aëris causa, vim, qua aër in nitro condensatur, facilius detegi posse existimo; idcirco non abs re fore judicavi, tractationi de nitri genesi praemittere theoriam de vi aëris elastica, quam eo jam temporis condidi, ex quo de minimis rerum naturalium serio cogitare incepi, quamque reliquis, quae de qualitatibus corporum particulari-

bus, deque operationibus chymicis concepi, ex asse congruere etiamnum deprehendo. Quamvis autem ea omnia, imo integrum corpuscularis Philosophiae Systema publici juris facere possem; vereor tamen, ne immaturum praecocis ingenii fructum erudito orbi obtrudere videar, si multa nova, pleraque etiam a magnorum virorum placitis passim jam receptis diversa, in diem proferam. Quamobrem necessarium esse duco, primo eorum consilio uti, quorum iudicium magnis rebus crebro exercitatum, et auctoritas meritis comparata est. Cum vero in Te, Vir humanissime, super haec omnia etiam propensam in me voluntatem Tuam sciam; nullus itaque dubito, quin ea, quae limatissimo iudicio Tuo examinanda propono, aequo animo accipias, et ubi ea parum valido pede niti deprehenderis, hallucinationem candide, ut soles, indicare non graveris. Ante omnia vero id in medium producere lubet, quod primo in limine scientiae naturalis sese offert.

Principia Chymica, atque adeo omnia, quae per interioris Physices campum late diffunduntur, ad certitudinem reducere conanti quasi murus quidam viam mihi praeccludit, illud in genere affirmatum, universim receptum et apud plerosque axiomatis nomen sortitum, scilicet, *densitatem materiae corporum cohaerentis proportionalem esse eorumdem gravitati*. Quod equidem in corporibus homogeneis obtinere non habeo ambiguum: qui enim dubitare possit uni pedi cubico aquae simplum, duobus duplum et materiae et ponderis inesse, non secus ac duos pedes cubicos aëris communis in spacium unius pedis cubici compressos duplicato pondere et dupla materiae densitate gaudere. Verum id in corporibus heterogeneis locum habere nusquam satis evictum invenio, et, si pro vero assumo, phaenomenis rerum naturalium parum consonum esse deprehendo. Omnem assensum praebeo, cum apud virum summum Isaacum Newtonum lego: *Aër densitate duplicata in spacio etiam duplicato fit quadruplus, in triplicato sextuplus: idem intelligo de nive et pulveribus per compressionem vel liquesfactionem condensatis* (Princ. Phil. nat. math. def. 1). At iis, quae ibidem sub finem in sensu generali leguntur: *innotescit massa per corporis cuiusque pondus*; subscribere nondum possum. Siquidem cum a particulari ad universale nil inferri possit: idcirco nec id, quod de homogeneis jure praedicatur, etiam heterogeneis convenire necessum est. Quamvis autem (ibid., libr. II, Sect. VI, prop. XXIV) demonstratio theorematis exhibetur [XIX], quo quantitates materiae ex pondere aestimari debere affirmat; inde tamen in universum id verum esse non video. Etenim omnis demonstrationis illius vis nititur

experimentis circa collisionem corporum funependulorum institutis. Quae equidem omni cum cura ab eo facta esse non dubito; verum in hoc negotio vel corpora homogenea diversae magnitudinis, vel heterogenea adhibuisse eum, certissimum est. Si prius; nil theoremate illo verius et demonstratione evidentius esse faterer, si in illis notio corporis, homogeneitatis notione esset determinata; sin vero posterius, tum equidem quantitatem materiae in corporibus heterogeneis, quae ad ea experimenta adhibuerat, ex pondere illorum aestimavit, et id, quod demonstrandum erat, jam pro vero assumere sustinuit. Fateor id officere nihil legibus, quibus vires corporum determinantur ex eorum celeritate conspirante cum eorundem resistentia: quocumque enim nomine haec veniat, semper apud mechanicos pondere aestimari solet, qua communi mensura adhibita, nullum errandi periculum circa determinandas magnorum corporum vires timeri potest; verum tamen in explicandis phaenomenis, quae a minimis rerum naturalium dependent, id non temere admittendum esse censeo, si non in errore versari velimus. Adoptata enim in Physicam hac thesi sensu generali intellecta, quid sibi non fingere coguntur ii, qui ex natura minimorum corpusculorum, qualitates corporum particulares explicare aggrediuntur. Non pauca sane, quae inter se pugnant, in uno eodemque corpore posita, etiam apud cordatos viros legere contingit, at quae ab ingeniosissima naturae simplicitate abhorrent, plurima. Mihi equidem id usu evenit, ut, post consumptam omnem curam in confingendis corpusculorum figuris, quae et explicandis qualitatibus corporum particularibus convenirent, et receptae illi in Physicam thesi non officerent, me omni laboris industriaeque fructu privari intellexerim. Longum esset enumerare singula, quae obstant, quo minus materiam corporum ubique eorum ponderi proportionalem esse agnoscere possim; quamobrem nonnulla, quae maioris momenti mihi visa sunt, propono; et primo quidem dari corpora specifica gravitate maxime discrepantia, eiusmodi tamen qualitatibus praedita, ex quibus non obscure colligi potest, densitatem materiae prope eandem illis inesse. Eiusmodi sunt aurum et aqua inter se comparata. Quamvis enim haec vicesies fere specificè levior est illo; nihilominus tamen haud obscuris indic[i]s prodit se eadem, qua illud, densitate materiae gaudere: praesertim cum vi externa, quantacunque adhibeatur, nequaquam in minus volumen se cogi patiatur, non aliter quam ipsum aurum. Unde maxime probabile, ac paene extra omne dubium positum est, particulas aquae materiae cohaerentis immediate se mutuo contingere (interlabens enim materia,

si qua inter cohaerentis particulas esset, vel levissimae pressioni cederet) adeoque in densissimo fere situ constitutas esse. Porro diversa magnitudo particularum et pororum in diversis corporibus ad comparandam diversam densitatem materiae nihil conferre potest, si in singulis eadem figura particularum, idemque earum situs ponatur; restat igitur, ut ad solam figurae diversitatem refugiamus, si densitatem materiae corporum ponderi eorundem proportionalem esse asserere velimus. Ad fingendam materiam summe densam in corporibus nulla figura corpusculis aptior tribui protest cubica. Sint igitur particulae auri eiusmodi figura praeditae, quamvis ejus pori ipsi aquae, etiam salinis particulis oneratae, patentes, et flexilis adeo natura hujus metalli id concedere prohibeant. Sed in quamnam figuram aquae particulas effingemus? Si ex solidis globulis eam constare ponemus (quod non solum aquae, sed etiam omnium corporum naturalium atomis convenientissimum esse judico) erit densitas materiae in auro dupla circiter, non vigecupla. Sin vero in quolibet globulo cavitatem fingemus, quae solida ejus crusta decies sit major, ita ut cava et sphaerica corpuscula aquae ad cubica et solida auri sint ratione densitatis materiae illius fere ut 1 ad 20; erit crassicies crustae corpusculorum aquae, ad diametrum cavitatis eorundem ut 1 ad 60 circiter. Quo posito, aqua constabit ex bullulis gracillimis, quae vix vel levissimae pressioni resistant; cum tamen aqua ingenti vi adacta, strictissimos metallorum poros penetret potius, quam vel tantillum volumini suo detrahi patiatur; et aëre vi frigoris, cum aqua in glaciem abit, ex poris ejus in bullas congregato, stupendoque elatere urgente solidissima bombardata rumpatur potius, quam illa spacium de suo cedat. Melius equidem firmitati eorum naturam providisse reor, quae tantis viribus oppositura erat. Sed ista uni et alteri qualitati aquae non conveniunt; at reliquae figurarum species, quaecunque in favorem theseos, in dubium hic vocatae, fingi possunt, ineptissimae sunt, cum etiam pelluciditati, volubilitati et omnibus fere aquae qualitatibus sunt maxime incongruae. Si itaque aquae particulas ob invictam firmitatem solidas, ob volubilitatem sphaericas ponimus; in ipsa autem ut in auro situm illarum densissimum esse ex monitis superius concludimus; tum profecto densitatem materiae in auro et in aqua haud multum discrepare inficiandum non erit. Simili ratione de multis allis corporibus, ex. gr. de adamante et mercurio, disputare possem, firmitate et gravitate eorum specifica comparatis; sed cum his propositae thesi contrarium possibile potius quam necessarium evincitur; quamobrem ad ea, quae graviora videntur, propero.

Effectuum phaenomena magis dilucida perspicuaque reddi cognita illorum causa, nemo dubitat, unde et gravitatis causa perspecta etiam de varietate specificae gravitatis corporum exploratum haberi posse, dubitandum non est. Quamobrem opus est, ut, quantum proposita quaestio expostulat, de causa gravitatis pauca disseram. Non moror eos, qui gravitatem corporum inter essentialia eorum attributa numerant, ideoque nec in causam ejus inquirendum esse putant; sed absque omni dubio cum omnem motum atque tendentiam corporum secundum quamcumque directionem in genere, tum etiam gravitatem, quae species est, ab omni corpore abesse, salva ejus essentia, posse statuo, non secus ac illam quantitatem motus, quae ex incrementis celeritatis cadentium corporum enascitur. Cum itaque ratio sufficiens adesse debeat, cur sensibilia corpora potius tendant versus centrum telluris, quam non tendant; idcirco oportet ut in gravitatis causam inquiramus. Eam vero vel ex impulsione vel ex mera attractione oriri necesse est. Impulsione corpora moveri certissimum est; mera autem attractio in quaestione versatur, nec valida satis argumenta desunt, quae eam ex rerum natura removent. Quae quamvis Tibi, vir doctissime, nota satis esse non dubitem, nexus tamen gratia nonnulla hic inserere necessarium esse arbitror. Et primo quidem, si mera vis attrahendi in corporibus datur, ad motum producendum illis ingenerata sit, necesse est. Verum et impulsione motum in corporibus produci omnibus manifestum est. Erunt ergo ad eundem effectum producendum duae causae in rerum natura constitutae et quidem secum pugnantes: quid enim magis contrarium esse potest merae attractioni quam pura impulsio? Caeterum a contrariis causis contrarios effectus produci nemo ibit inficias. (Nequis tamen exempla apparenter urgentia contra haec ponat, ex. gr. animalia aestu pariter ac frigore necari. Causas enim hic non intelligo remotas, quae dari possunt plurimae, sed proximam, quae cujusvis effectus debet esse unica, ut mortis cessatio motus sanguinis). Quamobrem si mera attractio motum in corporibus producit: quietis ergo causa erit impulsio; quod falsum est: quia impulsio notum in corporibus revera excitat; adeoque attractio nullum; hoc est nulla datur. Denique ponamus vim attractricem meram in corporibus dari; tum corpus A attrahit aliud corpus B, hoc est illud movet sine ulla impulsione. Unde opus non est, ut corpus A impingat in corpus B, adeoque nec ut versus idem moveatur necesse est; et cum reliqui motus ejus secundum quamcumque directionem aliam ad movendum corpus B nil conferre possunt; sequitur ergo corpus A in absoluta quiete posi-

tum movere posse corpus B. Ho[c] autem movebitur versus corpus A, accedet igitur illi novum aliquid, hoc est motus versus corpus A, qui ante in eo non fuit. Omnes autem, quae in rerum natura contingunt, mutationes ita sunt comparatae, ut si quid alicui rei accedit, id alteri derogetur. Sic quantum alicui corpori materiae additur, tantumdem decedit alteri, quot horas somno impendo, totidem vigiliae detraho etc. Quae naturae lex cum sit universalis, ideo etiam ad regulas motus extenditur: corpus enim, quod impulsione ad motum excitat aliud, tantum de suo amittit, quantum alteri a se moto impertit, igitur vi hujus legis, motus, qui versus corpus A corpori B accedit, detrahitur ei, a quo corpus B motum illum acquirit, hoc est corpori A. Sed cum nulli corpori detrahi potest id, quod non habet, necesse igitur est, ut corpus A moveatur, si attrahit corpus B, adeoque corpus A in absoluta quiete positum non potest movere aliud corpus B, quod superius probatis contradicit. Idcirco aut attractio mera locum in rerum natura non habet, aut simul idem esse et non esse, absurdum non est. Ego prius amplector, posterius eis relinquo, qui omnia fere phaenomena unico vocabulo explicare gaudent. Caeterum si instituti ratio permetteret ipsos adire fontes, unde attractio ad naturam corporum derivatur, et scientiam naturalem inundat; liquidior reddi posset, quae hic asseritur, veritas. Verum id ad peculiarem tractationem reservo. Quoniam itaque attractio mera nulla esse potest; sequitur gravitatem corporum sensibilium ab impulsione proficisci, adeoque dari materiam, quae illa versus Centrum telluris urget. Graviorum autem corporum etiam minimae particulae sunt graves, unde materiam gravificam agere etiam in minimas particulas, poros angustissimos penetrare liberrime, atque adeo fluidissimam esse debere, manifestum est. Haec autem materia in particulas corporum agere nequit, nisi in illas impingat, impingere autem non potest, quin illae resistent, hoc est opponant latera sua illi impervia. Hinc autem sequitur, dari particulas, gravia corpora constituentes, materiae gravificae impervias, quae in eorum superficiem agit. Quibus ita se habentibus, sit corpus A aequale corpori B extensione et densitate materiae, et corpuscula utriusque, in quorum superficiem materia gravifica, agit, sphaerica, simili situ disposita. Sit denique diameter unius corpusculi corporis A = d, periphaeria ejus = p; erit superficies ejusdem = dp. Porro, sit diameter corpusculi corporis B = d — e, erit ejus superficies = (d — e) ² p: d. Deinde sit numerus corpusculorum corporis A = a; quoniam corpus A aequale est corpori B extensione et densitate materiae, et corpuscula sunt in utroque

ejusdem figurae et situs (per hypoth.), erit numerus corpusculorum corporis A, ad numerum corpusculorum corporis B, ut cubus diametri corpusculi corporis B, ad cubum diametri corpusculi corporis A, hoc est = $a: ad^3 / (d - e)^3$, adeoque summa superficierum corpusculorum corporis A erit ad summam superficierum corpusculorum corporis B = $adp: ad^3 / (d - e)^3 \times (d - e)^2 p: d = a / d: a / d - e$. Quoniam autem corpora gravia validis muris undique circumsepta et lapideis caveis inclusa nil de gravitate sua amittunt; unde liquet materiam gravificam poros corporum pervadendo non retardari, adeoque semper eadem celeritate moveri, et in singula corpuscula eodem impetu ruere. In corporibus autem A et B eadem est quantitas materiae (per hypoth.), adeoque eadem inertia. Diversitas igitur actionis fluidi gravifici, erit in ratione superficierum, in quas incurrit. Cum vero summa superficierum corpusculorum corporis A, minor est quam summa superficierum corpusculorum corporis B (per demonstrata) minorem igitur vim exercebit fluidum gravificum in corpus A, quam in corpus B, atque adeo corpus B erit specificè gravius corpore A. In utroque autem corpore densitas materiae est eadem (per hypoth.), ea igitur gravitati proportionalis non est. Haec a diversa corpusculorum mole necessario fieri debent; sed idem quoque deducitur, ubi corpusculis diversorum corporum diversa figura tribuitur. Si itaque gravitatem corporum proportionalem densitati materiae eorum ubique volumus; tum aut omnium corporum particulas fluido gravifico impervias in universum ejusdem molis et figurae ponere, aut fluidum illud abrogare debemus. Priori stupenda rerum naturalium varietas obstat; posterius et sanam rationem offendit et qualitatibus occultis patrocinator. Super haec id considerandum venit, quod, si mundum adspectabilem plenum materia statuimus; materiam gravitate carentem admittere debemus; alias enim omnia corpora in fluido aethereo nec ascendere nec descendere vi gravitatis possent. At si materiam gravitate carentem concedimus, necessario a maiori concludendum erit, dari diversas materias gradu gravitatis specificae aliis materiis cedentes. Quod etiam loquitur analogia aliarum qualitatum, quibus corpora sensibilia gaudent; quippe lumen cum tolli de corpore possit, variat etiam gradu intensionis, sic de sono, elatere, sapore et reliquis notissimum est.

Si itaque statuere velimus gravitatem corporum specificam differre pro ratione superficierum, quas corpuscula fluido gravifico impervia eidem opponunt; tum non solum memoratae superius difficultates sublatae erunt omnes, verum etiam amplior via aperietur cum

ad pleraque phaenomena dilucidius explananda, tum etiam ad naturam minimorum corpusculorum examinandam. Etenim posita summa superficierum corpusculorum auri fere vicesies maiore, quam summa superficierum corpusculorum aquae in aequalibus voluminibus, erit aurum vicesies fere gravius, quam aqua, manente eadem materiae densitate. Ne hic autem mihi obijciatur, poros auri a subtilitate corpusculorum ejus debere esse tam angustas, ut corpuscula aquae ob minorem ejus gravitatem majora sunt, atque adeo etiam aquae regiae particulae, eos penetrare non possint; dico aquam regiam ingredi solum eos auri poros, qui sunt inter corpuscula hujus metalli mixta, hoc est concreta ex principiis heterogeneis, inter quae aqua regia non penetrat, alias enim miscibilia auri dissolveret, adeoque ipsum prorsus destrueret. Porro hujus theoriae auxilio removetur prorsus illa de igne in corporibus calcinatis fixo opinio. Quamvis enim nullum sit dubium, particulas ex aëre, super corpus calcinandum continuo fluente, illi immisceri et pondus ipsius augere; verum si experimenta in ocluso vase facta proferantur, cum aucto etiam calcinati corporis pondere; responderi poterit, cohaesione particularum per calcinationem sublata, latera illarum, quae antea contactu erant occupata, jam libere fluido gravifico exponi, ideoque fortius ad centrum telluris premi. Denique nec inutilem fore hanc theoriam puto ad magnitudinis rationem inter corpuscula corporum diversi generis inquirendam, si nempe mixtio, situs et figura illorum aliunde innotuerint. Sed haec exempli gratia producere tantum lubuit. Plura offerrem, si me jam plus satis prolixum hic fuisse non viderem. Addo tamen, juxta probata superius aërem multo graviorem aqua esse debere, si quando corpuscula ejus sunt in situ summe denso. Ea enim sunt minora aquae particulis, quia poros ejus ingrediuntur.

Haec sunt, Vir Celeberrime, quae jam per aliquot annos volvo, quaeque mihi obstant, quo minus ea, quae, investigando causas qualitatum particularium profeci, in unum systema redigere atque publici juris facere possim. Tuo autem acutissimo judicio ex hoc labyrintho me extricatum iri non dubito. Accipe, Vir incomparabilis, ea, qua praeditus es, animi aequitate hasce meditationes meas, mihi que favere perge. Vale.

Dabam Petropoli die 5 Julii stili vet. A. S. 1748.

Знаменитейшему и ученейшему мужу Леонарду Эйлеру,
заслуженнейшему [Королевскому] профессору и члену славной
Берлинской Академии наук, а также [почетному члену]
Императорской Петербургской Академии наук
и Лондонского Королевского общества

нижайший привет шлет
Михаил Ломоносов.

Каждый, кто занимается наукой и встречает одобрение трудам своим со стороны великих людей, легко поймет, как я обрадовался, получив Ваше любезное письмо. Не меньше удовольствия доставляет мне и мысль о том, какую поддержку окажет мне в будущем Ваша дружба, снисходительно Вами предлагаемая. Очень Вам признателен, что не только побуждаете меня к объяснению рождения селитры Вашим советом, для меня особливо почетным², но и даете мне точку опоры для более ясного познания самого предмета, разработкой которого я занимаюсь со всей заботой и старанием. Я читаю, с большой пользою для себя, «Артиллерию» Робинса, снабженную Вашими превосходнейшими замечаниями³. В общем, я полагаю, что, узнав настоящую причину упругости воздуха, легче можно раскрыть силу, которая сгущает воздух в селитре; поэтому я счел целесообразным предпослать трактату о рождении селитры — теорию упругой силы воздуха⁴, которой начало я положил еще тогда, когда начал серьезно размышлять о мельчайших составных частях вещей; я вижу, что она уже и теперь совершенно согласуется с остальными моими представлениями, которые я себе составил о частичных качествах тел и о химических операциях. Хотя все это, т[о] е[сть] всю систему корпускулярной философии, мог бы я опубликовать⁵, однако боюсь, может показаться, что я даю ученому миру незрелый плод скороспелого ума, если я выскажу много нового, что по большей части противоположно взглядам, принятым великими мужами. Поэтому считаю необходимым последовать совету тех, чье суждение обострено постоянным занятием важными вопросами, авторитет же основывается на заслугах. Так как, муж снисходительнейший, кроме обоих этих качеств Вы еще, знаю, и благосклонны ко мне, то выслушайте благожелательно то, что я предлагаю Вашему просвещеннейшему суду, и, заметив пункты, недостаточно у меня обоснованные, не поставите себе

в труд откровенно, как всегда, указать мои ошибки. Прежде всего считаю необходимым сообщить то, что является основанием естественных наук.

При попытках привести к определенности основы химии и даже все вообще, что имеет широкое значение для углубленной физики, мне преграждает путь общепринятое мнение, считающееся у большинства аксиомой, *что плотность связанной материи тел пропорциональна их весу*. Для тел однородных это, конечно, несомненно; кто мог бы сомневаться, что в одном кубическом футе воды вес и вещество выражаются одной единицей, а в двух — двумя, и что два кубических фута воздуха, сжатых на пространстве одного кубического фута, имеют двойной вес и двойную плотность [вещества]; [ниоткуда] не вижу, однако, чтобы это было достаточно доказано для тел разнородных. Говоря правду, я считаю это несоответствующим явлениям природы. Я вполне согласен со словами [выдающегося мужа Исаака] Ньютона: воздух удвоенной плотности в удвоенном пространстве делается четверным, в утроенным — шестерным; то же предполагаю для снега или порошков, уплотненных сжатием или приведением в жидкое состояние (Princ[ipia] Phil. nat. math. def. I)⁶, но не могу согласиться со следующим общим заключением, что *масса познается весом каждого тела*. Нельзя обобщать то, что свойственно явлениям частным, и все, свойственное однородному, переносить на разнородное. Хотя (там же, кн. II, разд. VI, предл. XXIV)⁷ дается доказательство теоремы [XIX], утверждающей, что количество [материи] следует определять по весу, я все-таки не вижу, чтобы положение это было верным вообще. Вся сила этого доказательства зиждится на опытах со столкновением тел, образующих маятники. Я не сомневаюсь, что они проделаны [им] со всею тщательностью; известно, однако, что для них брались или однородные тела разной величины, или же тела разнородные. В первом случае я согласился бы с полной истиной теоремы и с убедительностью доказательства, если бы определение тела давалось через определение его однородности; во втором же он определял количество вещества в разнородных телах, которые брались для опытов, по их весу и принимал за истину то, что следовало доказать. Я согласен, что это не наносит никакого ущерба законам, определяющим силы тела по их скорости совместно с их сопротивлением; [под каким бы названием ни рассматривалось последнее,] в механике всюду опреде-

ления эти делаются по весу тел, и нечего бояться ошибок в определении сил крупных тел, так как здесь применяется всюду одно и то же измерение; но я считаю невозможным приложить теорему о пропорциональности массы и веса к мельчайшим единицам тел природы, если мы не хотим все время ошибаться. Так как в физике положение это принято как общее для всех явлений, то чего только не приходится придумывать тем, кто берется объяснять особые качества тел, исходя из природы мельчайших корпускул. Ученые мужи приписывают много противоречивых свойств одному и тому же телу; очень много у них такого, что [совершенно] далеко от остроумной простоты природы. Потратив много труда на изыскание фигуры корпускул, объясняющей частичные свойства тела и не противоречащей приведенной физической теории, понял, что не получу никаких плодов от своей прилежной работы. Долго было бы перечислять по отдельности все, что мешало мне признать неизменную пропорциональность между массой тел и их весом; я приведу здесь то, что мне кажется наиболее важным. Во-первых, имеются тела самого различного удельного веса, обладающие такими свойствами, из которых совершенно ясно, что плотность материи их почти одинакова. Таковы, например, золото и вода, если их сравнивать между собой. Вода почти в двадцать раз легче золота, однако по признакам совершенно ясным имеет такую же плотность материи; совершенно так же, как и золото, ее нельзя сжать в меньший объем [приложением какой бы то ни было внешней силы], из чего следует и является почти несомненным, что частички связанной материи воды находятся в самом тесном соприкосновении ([ибо протекающая] материя, находящаяся в промежутке между связанными частицами, уступает легчайшему давлению) и что они непосредственно соприкасаются друг с другом. Затем, различная величина частичек и пор в разных телах не имеет никакого значения при сравнении разной плотности материи, если допустить, что в каждом теле фигура и расположение частичек одинаковы. Итак, приняв пропорциональность плотности тела весу его, остается прибегнуть к различию фигуры. В телах с самой плотной материей наиболее подходящей фигурой для корпускул будет кубическая; допустим, что частицы золота имеют подобную форму, хотя гибкость сего металла и не позволяет признать это. Какую форму придумаем мы для частиц воды? Если допустить, что она состоит из твердых шариков (я думаю, что это самая под-

ходящая форма для атомов не только воды, но и всех природных тел), то плотность материи в золоте будет больше [приблизительно] раза в два, а не в 20. Если представить себе в каком-либо шарике полость, которая будет в 10 раз больше своей твердой оболочки, так что плотность полых и круглых корпускул воды и кубических твердых корпускул золота будет относиться друг к другу [приблизительно] как 1: 20, то толщина оболочки водяных корпускул и диаметр [их] полости будут относиться друг к другу примерно как 1: 60. Такая, состоящая из крохотнейших шариков, вода едва ли будет оказывать сопротивление даже [самому] малому давлению, а между тем вода действует с огромной силой и скорее проникает в самые сжатые поры металлов, чем дает хоть сколько-нибудь сжать себя. Когда вода замерзает и воздух от холода собирается в ее порах в пузыри, то она приобретает такую упругость, что скорее разорвет прочнейшие бомбарды, чем уступит [сколько-нибудь] свое место. Я думаю, что природа ее, с такой силой оказывающая сопротивление, как следует позаботилась о ее мощи. Эта фигура полого шара не соответствует тому и другому свойству воды; так же непригодны и другие фигуры, которые можно [было бы] придумать в пользу положения, здесь оспариваемого, как не отвечающие прозрачности, легкой подвижности и [почти всем] другим свойствам воды. Итак, если мы примем, что частички воды, как обладающие несокрушимой крепостью, тверды и вследствие подвижности своей шарообразны, то мы заключим на основании вышеизложенного, что как в воде, так и в золоте они должны тесно прижиматься одна к другой. При таком представлении, конечно, нельзя [будет] отрицать, что плотность материи мало различается в золоте и воде. То же рассуждение можно приложить и ко многим другим телам, например, к алмазу и ртути, сравнивая их крепость и удельный вес; перейду, однако, к более существенному.

Несомненно, что явления[, представляющие собой следствия,] становятся яснее и понятнее, если мы знаем их причину; не следует поэтому сомневаться и в том, что, поняв причину тяжести, можно объяснить и разницу в удельном весе. Поэтому необходимо, насколько это требуется нашим вопросом, сказать кое-что и о причине тяжести. Я не согласен с теми, кто считает тяжесть тел существенным их признаком и не находит нужным исследовать ее причины; я [без всякого колебания] считаю, что подобно тому как всякое движение тела есть стремление его по какому-либо на-

правлению, так и тяжесть есть видовой признак, а ненарушимая сущность его может отсутствовать во всяком теле, [точно так же,] как отсутствует движение, рождающееся от ускорений падающих тел. Так как должно быть достаточное основание, по которому чувствительные тела преимущественно направляются к центру земли, то следует поискать причину тяжести. Она, конечно, возникает или от толчка, или от чистого притяжения. Наиболее вероятно, что тела приходят в движение от толчка; чистое [же] притяжение находится под вопросом, и есть всякие [веские] доказательства, его вообще отрицающие; я не сомневаюсь, муж ученейший, что они Вам достаточно известны, но считаю необходимым ради связности изложения привести [здесь] некоторые из них: во-первых, при существовании сильного притяжения сила его должна быть врождена в телах движения их. Движение, однако, как это всем известно, производится и отталкиванием; итак, в природе имеются для одного [и того же] действия две причины, при этом противоположные. Что в самом деле может быть противоположнее чистому притяжению, чем чистое отталкивание? Никто, впрочем, не будет спорить, что противоположные явления бывают вызваны явлениями противоположными (пусть никто не приводит на первый взгляд противоречащих этому примеров, как то, что живые существа одинаково погибают от жары и холода. Здесь я подразумеваю не отдаленные причины, которых может быть множество, а ближайшую [причину], которая для каждого действия [должна быть] одна; например, ближайшая причина смерти животных — прекращение движения крови). Если поэтому истинное притяжение производит движение в телах, то толчок будет причиной покоя; так как — это абсурд, ибо толчок, в действительности, вызывает движение, то, следовательно, притяжение не возбуждает движения и [вовсе] не существует. Положим, что в телах имеется сила истинного притяжения; тогда тело *A* притягивает другое тело *B*, т[о] е[сть] движет его без всякого толчка. Для этого не нужно, чтобы [тело] *A* ударило [в тело] *B*; [следовательно], нет надобности [и в том], чтобы *A* двигалось по направлению к нему, а так как остальные движения его в любом направлении не имеют никакого значения для приведения в движение тела *B*, то отсюда следует, что тело *A*, находящееся в абсолютном покое, будет двигать тело *B*. Это последнее [же] будет двигаться [по направлению] к [телу] *A*, т[о] е[сть] к нему прибавил, чего в нем раньше

не было, [а] именно движение к [телу] A^8 . Но все изменения, совершающиеся в природе, происходят таким образом, что сколько к чему прибавилось, столько же [это] отнимается от другого. Так, сколько к одному телу прибавится вещества, столько же отнимется у другого, сколько часов я употребляю на сон, столько же отнимаю от бдения, и т[ак] д[алее]. Этот закон природы является настолько всеобщим, что простирается и на правила движения: тело, возбуждающее [своим] толчком к движению другое, столько же теряет [от] своего движения, сколько отдает от себя этого движения другому телу. На основании этого закона движение, сообщаемое телу B , движущемуся [по направлению] к [телу] A , отнимается от тела, которым B приводится в движение, т[о] е[сть] от [тела] A . Но ни от какого тела нельзя отнять то, чего в нем нет; необходимо, следовательно, чтобы тело A , если оно притягивает [тело] B , двигалось, поэтому, находясь в совершенном покое, тело A не может двигать другое тело B , что противоречит вышедоказанному. Поэтому или в природе не существует чистого притяжения, или не будет абсурдом одновременное существование и несуществование его. Я лично присоединяюсь к первому и оставляю второе тем, которые любят объяснять [чуть ли не] все явления единственным словом⁹. Впрочем, если бы характер явления позволил проникнуть в самые источники, из которых притяжение распространяется на природу тел [и наводняет естественные науки], то истина, здесь доказываемая, стала бы еще яснее. Я оставляю это для специальной диссертации. Итак, чистого притяжения нет, и, следовательно, тяжесть [ощутимых] тел происходит от толчка; должна поэтому существовать материя, побуждающая тела двигаться к центру земли. В тяжелых телах тяжелы [и] мельчайшие частички; следовательно, она действует даже на мельчайшие частички, [вполне] свободно проникает в самые узкие поры, и, следовательно, она очень тонка. Она может действовать на частички тела, только ударяя в них, что возможно только в том случае, если они оказывают ей сопротивление, т[о] е[сть] противопоставляют [ей] бока свои, для нее непроницаемые; из этого следует, что должны существовать частички тяжелых тел, непроницаемые для материи тяжести, которая действует на их поверхность. Примем теперь, что тело A равно телу B протяженностью и плотностью материи и что корпускулы обоих, на поверхность которых действует материя тяжести, имеют одинаковую сферическую

форму и одинаково расположены. Пусть диаметр каждой корпускулы тела A будет [равен] d , окружность ее [равна] p ; тогда поверхность ее [будет равна] dp . Пусть, далее, диаметр корпускулы [тела] $B = d - e$ и поверхность [будет равна] $(d - e)^2 p$: d . Пусть число корпускул в теле $A = a$; так как [тело] $A =$ [телу] B протяжением и плотностью материи и корпускулы в обоих имеют ту же форму и расположение (по нашей гипотезе), то число корпускул тела A относится к числу корпускул тела B , как куб диаметра корпускулы тела B к кубу диаметра корпускулы тела A . Это значит, что [отношение будет] $a: ad^3 / (d - e)^3$; [следовательно,] сумма поверхностей корпускулы [тела] A к сумме поверхностей корпускул тела B относятся как $adp: ad^3 / (d - e)^3 \times (d - e)^2 p$: $d = a / d: a / d - e$. Так как тяжелые тела, заключенные в толстые стены и помещенные в каменные погребя, ничуть не теряют в весе, то [отсюда] ясно, что материя тяжести не задерживается порами тел, [а] всегда движется с одинаковой скоростью и действует на отдельные корпускулы с той же стремительностью. В телах A и B количество материи одинаково (по нашей гипотезе), одинакова и инерция их; поэтому разнообразие действия вещества тяжести будет зависеть от поверхностей, на которые она действует. Но выше показано, что сумма поверхностей корпускул тела A меньше суммы поверхностей корпускул тела B , следовательно, вещество меньшей тяжести будет действовать с меньшей силой на тело A , чем на тело B , т[о] е[сть тело] B будет удельнее тяжелее тела A . Плотность же материи A и B (по гипотезе) одинакова; следовательно, плотность не пропорциональна тяжести. Мы вывели это из различной массы корпускул, но то же будет и при различной фигуре корпускул. Итак, если принять тяжесть тел всюду пропорциональной плотности их [материи], то или мы должны допустить одинаковость фигуры и массы непроницаемых для вещества тяжести частиц тела, или отказаться от вещества тяжести. Первому противоречит удивительное разнообразие тел природы, второе противоречит здравому смыслу и побуждает к мысли о существовании таинственных свойств. Кроме того, если принять весь видимый мир полным материи, то мы должны допустить и существование материи, лишенной силы тяжести, — иначе ни одно тело не может ни подниматься, ни опускаться силою тяжести в эфире; если же допустить такую материю, лишенную тяжести, то по аналогии придется допустить и другие материи, значительно различающиеся величиною удель-

ной тяжести по аналогии с другими свойствами чувственных тел: свет в том случае, когда его можно отнимать у тела, различается по степени интенсивности; то же известно и о звуке, об упругости, вкусе и пр.

Если же решим, что удельный вес тел различается по величине поверхностей, противопоставляемых корпускулами веществу тяжести, то не только уничтожатся все эти вышеупомянутые трудности, но и откроется широкий простор для лучшего объяснения многих явлений, а также для исследования природы мельчайших корпускул. Если, по сказанному выше, допустить, что сумма поверхностей корпускул золота почти в 20 раз больше, чем сумма поверхностей корпускул воды в том же объеме, то золото будет, при той же плотности материи, в 20 раз тяжелее воды. Пусть мне не возражают, что поры золота вследствие малости корпускул его должны быть так узки, что в них не могут проникнуть корпускулы воды (бóльшие, вследствие своего меньшего веса) и даже частички царской водки¹⁰; я говорю, что царская водка входит лишь в те поры золота, которые находятся между его смешанными корпускулами, т[о] е[сть] составленными из разнородных начал, в которые [царская] водка не проникает — иначе она растворила бы составные части золота и [совершенно] разрушила бы его [само]. Затем при помощи этой теории совершенно устраняется [известное] мнение об огне, остающемся в обожженных телах. Нет никакого сомнения, что частички воздуха, непрерывно текущего над обжигаемым телом, соединяются с ним и увеличивают вес его. Если же при этом ссылаются на опыты, где сжигание тела в замкнутом сосуде все-таки сопровождается увеличением веса, то эти опыты можно было бы объяснить так, что по уничтожении сцепления частичек от нагревания бока их, ранее находившиеся во взаимном прикосновении, теперь вполне открыты действию вещества тяжести и потому сильнее придавливаются к центру земли. Потом, вероятно, полезна будет эта теория и для определения отношения величины частичек разного рода тел, когда только сделаются встесторонне известными их состав, положение и фигура. Я говорю это только ради примера. Я сказал бы и больше, но считаю, что и так я слишком распространился. Добавляю лишь, что, согласно всему сказанному, воздух должен быть гораздо тяжелее воды, если только его корпускулы находятся в самом тесном положении. Они меньше частичек воды, ибо входят в поры ее.

Вот, знаменитейший муж, что́ я обдумываю уже несколько лет и что́ мне препятствует привести все результаты результатов моих исследований причин частичных качеств в единую систему и опубликовать их. Не сомневаюсь, что Ваше острое суждение извлечет меня из этого лабиринта. Примите, несравненный муж, эти мои размышления со свойственным Вам беспристрастием и продолжайте покровительствовать мне. До свиданья.

Петербург, 5 июля ст[арого] ст[иля] 1748 г.^{11*}

Источники текста

Автограф на латинском языке: *ПФАРАН. Ф. 136. Оп. 2. № 2. Л. 445–452*. Современная ему копия: *Там же. Ф. 1. Оп. 3. № 37. Л. 83–90*. Факсимиле отдельных листов автографа: *Менишуткин Б. Н. Михайло Васильевич Ломоносов: Жизнеописание*. СПб., 1911, между с. 52–53. *ПСС 2*, с. 194. *ПСС 10*, с. 443 (начальный лист). *Павлова и Федоров*, с. 211.

Описание: *Модзалевский*, с. 90. *Переписка Эйлера*, с. 180. Euler Briefwechsel, S. 250.

Публикации: *Биярский*, с. 109–110 (отрывок латинского текста по автографу). *Менишуткин Ia*, с. 369–370 (перевод части напечатанного Биярским латинского текста)**; *Менишуткин Ib*, с. 238–242 (выпущенная у Биярского бо́льшая часть текста в русском переводе). *Менишуткин II*, с. 293, 240 (русский перевод начала и конца письма). *Сочинения 8*, с. 72–91 (впервые полностью латинский текст и русский перевод). *ПСС 2*, с. 169–193 (латинский текст и русский перевод Я. М. Боровского). *ПСС 10*, с. 439–442, 445–457.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Ломоносов отвечает на письмо Эйлера от 23 (12) марта 1748 г. (см. документ № 16). В Берлин послание Ломоносова препроводил И. Д. Шумахер при своем отношении от 12 июля 1748 г.: «...Я советовал г[осподину] Ломоносову действовать во всех случаях осторожно [с диссертацией о селитре], и это-то имело последствием настоящее письмо. Он выказывает, что у него настоящий академи-

---

* Перевод М. Е. Сергеенко.

** «Если удастся отыскать оригинал этого письма (Биярский, к сожалению, почти никогда не указывает источников, откуда он берет тот или иной документ), то я приведу содержание его в главе, посвященной оценке трудов Ломоносова». — *Примеч. Менишуткина*.

ческий дух. Для поощрения его г[осподин] Президент приказал привести лабораторию в такое состояние, чтобы он мог там удобно и с пользою производить все опыты, какие только случаются в химии» (*Доп. известия*, с. 28–29).

Фактически письмо Ломносова представляет собой изложенный в эпистолярной форме научный трактат, в котором получили дальнейшее развитие мысли, высказанные Ломоносовым в диссертациях начала 1740-х гг.: «[*Tentamen theoriae de particulis insensibilibus corporum deque causis qualitatatum particularium in genere*]» — «[Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств]»; «[Заметки о тяжести тел]»; «[*De particulis physicis insensibilibus corpora naturalia constituentibus, in quibus qualitatatum particularium ratio sufficiens continetur*]» — «[О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах, в которых заключается достаточное основание частных качеств]» (*ПСС 1*, с. 169–235, 237–251, 279–313).

Почти дословно письмо вошло в диссертацию Ломоносова «*De ratione quantitatis materiae et ponderis*» — «Об отношении количества материи и веса», написанную в конце 1757 — начале 1758 г. (*ПСС 3*, с. 349–371).

² См. примеч. 4 к документу № 15.

³ Первое издание книги Б. Робинса — *New principles of gunnery*. London, 1742 (Новые основания артиллерии. Лондон, 1742). Ломоносов работал с ее немецким переводом: *Neue Grundsätze der Artillerie, enthaltend die Bestimmung der Gewalt des Pulvers nebst einer Untersuchung über den Unterschied des Widerstandes der Luft in schneller und langsamer Bewegung. Aus dem Englischen übersetzt und mit dem nöthigen Erläuterungen und vielen Anmerkungen versehen von Leonard Euler*. Berlin, 1745 (Новые основания артиллерии, содержащие определение силы пороха и, кроме того, исследования различий в сопротивлении воздуха при быстром и медленном движении. Переведено с английского и снабжено необходимыми пояснениями и многими примечаниями Леонарда Эйлера. Берлин, 1745).

⁴ Диссертация «*Tentamen theoriae de vi aëris elastica*» — «Опыт теории упругости воздуха» (*ПСС 2*, с. 105–139), в которой Ломоносов изложил свои представления о кинетической теории газов, была написана им летом 1748 г., представлена в заседании Академической конференции 2 сентября и затем доработана вследствие высказанных Г. В. Рихманом соображений. В марте 1749 г. эта работа была послана Эйлеру вместе с «Диссертацией о рождении и природы селитры» (см. документ № 28).

⁵ Диссертации, которые имеет в виду Ломоносов — «[Опыт теории о нечувствительных частицах тел...]» и «О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах...», — при его жизни опубликованы не были. Впервые латинские тексты были напечатаны только в 1934 г. (*Сочинения 6*, с. 7–38; 76–93 второй пагин.).

⁶ Ломоносов ссылается на знаменитое первое определение в книге И. Ньютона «*Philosophiae naturalis principia mathematica*». Londini, 1687; Ed. 2-da. Cantabrigae, 1713 (Математические начала натуральной философии. Лондон, 1687; 2-е изд. Кембридж, 1713). На русский язык книга впервые была переведена А. Н. Крыловым.

«Определение I. *Количество материи (масса) есть мера таковой, устанавливаемая пропорционально плотности и объему ее.*

Воздуха двойной плотности в двойном объеме вчетверо больше, в тройном — шестеро. То же относится к снегу или порошкам, когда они уплотняются от сжатия или таяния. Это же относится и ко всякого рода телам, которые, в силу каких бы то ни было причин, уплотняются. Однако при этом я не принимаю в расчет той среды, если таковая существует, которая свободно проникает в промежутки между частицами. Это же количество я подразумеваю в дальнейшем под названиями *тело* или *масса*. Определяется масса по весу тела, ибо она пропорциональна весу, что мною найдено опытами над маятниками, произведенными точнейшим образом, как о том сказано ниже» (Крылов, с. 23).

⁷ Книга II труда Ньютона называется «О движении тел», отдел VI — «О движении маятников при сопротивлении». Предложение XXIV, теорема XIX: «*Массы маятников, у которых расстояния центра качания до центра подвеса одинаковы, относятся между собою как произведение весов маятников на квадраты времен их размахов в пустоте.*

Скорость, которую данная сила может сообщить данной массе в данное время, пропорциональна силе и обратно пропорциональна массе. Чем больше сила, чем больше время и чем меньше масса, тем большая будет сообщена скорость. Это следует из второго закона движения. Если маятники одинаковой длины, то движущие силы при одинаковом отклонении от вертикали пропорциональны весу; пусть два тела при качании описывают равные дуги и эти дуги подразделены на равные части; так как времена писания каждой из сходственных частей этих дуг пропорциональны полным временам размахов, скорости же при прохождении сходственных частей дуг прямо пропорциональны движущим силам и полным временам качаний и обратно пропорциональны массам, то массы прямо пропорциональны силам и временам качаний и обратно пропорциональны скоростям. Но скорости обратно пропорциональны временам, следовательно, величины, которые прямо пропорциональны времени и обратно пропорциональны скорости, пропорциональны квадрату времени; поэтому массы пропорциональны движущим силам и квадратам времени, т[о] е[сть] весам маятников и квадратам времени размахов.

Следствие 1. Поэтому, когда времена качаний одинаковы, то массы тел относятся как веса.

Следствие 2. Если веса равны, то массы относятся как квадраты времен.

Следствие 3. Если массы равны, то веса обратно пропорциональны квадратам времени.

Следствие 4. Так как квадраты времен при прочих равных условиях пропорциональны длинам маятников, то если времена и массы равны, то веса пропорциональны длинам маятников.

Следствие 5. Вообще, масса маятника прямо пропорциональна его весу и квадрату времени качания и обратно пропорциональна длине.

Следствие 6. В среде, сопротивления не оказывающей, масса маятника прямо пропорциональна кажущемуся весу и квадрату времени и обратно пропорциональна длине маятника. Ибо, как объяснено выше, кажущийся вес есть движущая сила во всякой тяжелой среде, поэтому, когда эта среда сопротивления не оказывает, он представляет то же самое, что и абсолютный вес в пустоте.

Следствие 7. Отсюда следует способ как для сравнения между собою тел по отношению к их массам, так и для сравнения веса того же тела в разных местах, чтобы исследовать изменения силы тяжести. По некоторым, произведенным точнейшим образом, опытам я нашел, что масса всякого тела всегда пропорциональна его весу» (*Крылов*, с. 392–393).

⁸Ср. § 41 диссертации Ломоносова «[Опыт теории о нечувствительных частях тел...]»: «*Положение 3.* Тела приводятся в движение одним только толканием.

Доказательство. Всякое возбужденное движение тела, поскольку оно возбужденное движение, подобно любому другому возбужденному движению, так как всякое движение тела есть непрерывное изменение местоположения, вызванное другим телом. Следовательно, все возбужденные движения тел — тождественные эффекты, и, значит, необходимо, чтобы они происходили от одной и той же причины, т[о] е[сть] или от одного толкания, или от одного притяжения; всякое притяжение, однако, подозрительно и большей частью объясняется толканием. Реальность же движения, производимого толканием, является несомненной, следовательно, тела побуждаются к движению одним только толканием.

Иное доказательство. Положим, что тело может возбуждаться к движению без толкания; пусть, следовательно, в теле *A* движение будет произведено телом *B* от чистого притяжения; так как для движения тела одной только притягательною силою не требуется непременно, чтобы двигающее тело находилось в движении, то тело *B* будет двигать тело *A*, даже находясь в состоянии покоя. При этом, однако, телу *A* сообщается движение, коего достаточное основание находится в теле *B*, так что тело *A* получает движение от тела *B*; итак, тело *B* дает движение телу *A*; но так как *B* находится в покое, то, значит, дает то, чего само

не имеет. Так как это нелепо, то не может быть, чтобы тела могли побуждаться к движению чистым притяжением; следовательно, тела побуждаются к движению одним толканием; что и требовалось доказать» (ПСС 1, с. 187, 189).

⁹ Ср. § 4 диссертации «Meditationes de solido et fluido» — «Рассуждение о твердости и жидкости тел», написанной Ломоносовым в 1760 г.: «Еще уступим, что есть в телах подлинная притягательная сила; тогда тело *A* притягивает к себе другое тело *B*, то есть движет без всякого ударения; и для того не надобно, чтобы *A* приразилось к *B*, а следовательно, нет нужды, чтобы *A* к *B* двигалось: но как прочие движения тела *A* в другие стороны к движению тела *B* не нужны, то следует, что *A*, будучи совершенно без всякого движения, двигает *B*. Итак, *B* получит себе нечто новое, сиречь движение к *A*, коего прежде в нем не было. Но как все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так, ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте, сколько часов положит кто на бдение, столько ж сну отнимет. Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения; ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает. Следовательно, по сему всеобщему закону движение тела *B* к телу *A* сообщается и отъемляется от тела *A*. Но как ничего отнять не можно, чего где нет, для того необходимо нужно, чтобы тело *A* было в движении, когда притягивает к себе другое тело *B*. Из вышепоказанного явствует, что тело *A* может стоять без всякого движения, когда притягивает к себе другое тело *B*. И посему тело *A* может быть в движении и стоять совершенно тихо в одно и то же самое время. Но как сие само между собою прекословно и спорит против первоначального философского основания, что *одна и та же вещь в одно время быть и не быть не может*, того ради подлинная и бесподозрительная притягательная сила в натуре места не имеет» (ПСС 3, с. 381, 383).

¹⁰ Смесь азотной и соляной кислоты в средние века получила название «царская водка» за способность растворять золото, почитавшееся алхимиками как царь металлов.

¹¹ Эйлер ответил Ломоносову 24 (13) августа 1748 г. (см. документ № 21).

21. Л. ЭЙЛЕР — ЛОМОНОСОВУ¹
24 (13) августа 1748 г. Берлин

Uti profundissimae sunt meditationes Tuae, quarum communicatione tam insigne specimen amoris Tui ac benevolentiae erga me edere

voluisti, retardationem responsionis meae non aegre feres cum tam abstrusae cogitationes, rerumque maxime abditarum et tempus et otium requirant.

Как преглубоки Ваши рассуждения, которых сообщением дали Вы мне чувствительный знак своей любви и благосклонности, о умедление моего ответа прошу непогневаться: затем, что о толь далеких и сокровенных вещах мысли времени требуют^{2*}.

Источники текста

Полный автограф письма на латинском языке неизвестен. Отрывок из него, в собственном переводе Ломоносова, включен в составленные им «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму графу М. А. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известен в трех копиях: А) копия рукою Ломоносова с переводом: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 155*; Б) писарская копия с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 50об*; В) писарская копия с переводом: *Там же. Л. 61*.

Описание отрывка: *Переписка Эйлера*, с. 180; *Euler Briefwechsel*, S. 250.

Полный текст письма в печати не появлялся. Публикации отрывка: *Собрание разных сочинений*, ч. I, с. XIV (только русский перевод); перепечатано: *Билярский*, с. 030. *Доп. известия*, с. 95–96 (латинский текст и русский перевод). *Сочинения* 8, с. 91, 283 и *ПСС* 10, с. 575 (латинский текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Ответ на письмо Ломоносова от 5 июля 1748 г. Эйлер отправил через К. Г. Разумовского: «Позвольте, милостивейший государь, сообщить Вашему Сиятельству мой ответ г[осподину] Ломоносову о предмете, чрезвычайно сбивчивом в физике, и я не знаю никого, кто бы был в состоянии разъяснить этот трудный предмет, кроме того даровитого человека, делающего своими знаниями честь не только Императорской Академии, но и всему народу» (*Пекарский II*, с. 379; подлинник по-французски).

² Ломоносов ответил Эйлеру 27 мая 1749 г. (см. документ № 28).

---

* Перевод М. В. Ломоносова.

1 октября 1748 г. Петербург

Obwohlen ich gleich zum Anfange auf Sie nur darum böss seyn sollte, dass Sie meine nicht geringe Geneigtheit vergessen, und ein gantzes Jahr lang nicht einen einigen Brief an mich abgelaßen, und das vielleicht deswegen, damit ich in meinem Antwort-Schreiben Sie nicht an die Rückkehr nach Russland erinnern möchte; So habe doch jetzo eine wichtigere Ursache, die mich nicht nur zwinget, ungehalten auf Sie zu seyn, sondern Ihnen noch darzu etwas zu schreiben, was man an gewissenhafte Leute nicht zu schreiben pflegt. Ich kan wahrhaftig mich nicht genug verwundern, wie Sie ohne alle Schande und Gewissen Ihr Versprechen, contract und Eyd gebrochen, und nicht nur die grossen Guthalten, so Sie von Russland genossen, vergessen, sondern auch ohne Sich um Ihren eigenen Nutzen, Ruhm und Ehre, und kurtz um Sich Selbst im geringsten zu bekümmern, Sich haben in den Sinn kommen lassen, die Rückreise nach Russland abzusagen, und Sich dardurch den Unwillen unsers erlauchten Herrn Praesidenten auf den Halss zu ziehen, welcher so, wie Er vor geleistete Dienste Guthaten zu erzeigen geneigt ist, so kan Er auch die welche mit Seelenverderblichem Verfahren Ihn erzürnen, strafen, wie es Ihme beliebt. Überdiss haben Sie uns Ihre Bürgen in die äusserste Schande und grosses Elend gebracht, denn mich hat man auf die halbe gage gesetzt, dem H. Müller aber ist befohlen worden, 800 Rub. von seinen verdienten gagen-Geldern inne zu behalten, mit dem Anhange, dass man mit uns künftighin nach den Befehlen verfahren werde. Dieses Ihr Verfahren halten nicht nur Ihre Landsleute sondern überhaupt alle Ausländer vor ungewissenhaft, und glauben, dass es Ihnen Ihre Ehre und credit in Russland schmähle. Und es ist nicht der geringste Zweifel, dass alle gewissenhafte Menschen anderer Reiche, auch diejenige, von denen Sie in Ihrem Vaterlande abhängen, diese Untreue nicht mit gleichgültigen Augen ansehen werden, so bald sie von allem dem, was hier zu gehöret, benachrichtiget seyn werden. Ihre Ausreden heissen alle nichts. In Teutschland hält man keinen Menschen mit Gewalt, es möchten dann etwa Übelthäter seyn. Ihre Verbindung hat gar keine Kraft, weil sie erst geschehen nach geschlossenem hiesigen contract, und Sie haben Russland hundertmahl mehr obligation, als Ihrem Vaterlande. Was aber die Krankheiten betrifft, so ist diss Ihre alte Sibirische Ausrede, und längstens bekant. Und so können Sie gewiss glauben, dass man fürwahr auf keinerley

conditionen Sich mit Ihnen in einen neuen contract einlassen wird, und wenn Sie Sich nicht bey Zeiten bessern, und um Vergebung dieses Ihres grossen Verbrechens bitten werden, mit dem Verspruch, gegen das neue Jahr hier zu seyn, so wird man mit Ihnen als mit einem malhonneten Manne verfahren, und wird Sie als einen Verräther nach dem Völker-Rechte traktiren, und alle Mittel anwenden, Sie aufzusuchen, welches so gleich geschehen wird, so bald Sie zum zweyten mahl versagen werden, wieder zu kommen. Itzt ist es noch Zeit, und es kan alles gemildert werden, und Sie werden nach Ihrer Ankunft nach Ihrem contracte gehalten werden. Man legt Ihnen itzt zwey Seiten vor, die eine, dass Sie ohne Verzug anderen Sinnes werden, und nach Russland zurück kehren, und darinnen in Ehre seyn, und dardurch Ihrer ewigen Schande entgehen, in dem Überfluss leben, sich mit Ihren Arbeiten einen rühmlichen Namen in der Welt erwerben, und nach Verfluss Ihres contractes mit Ehren auch noch mit Belohnung nach Ihrem Belieben in Ihr Vaterland zurücke kehren; Im Gegenseitigen Falle aber werden alle diejenigen Sie mit Hass und ewigem Schimpfe belegen, denen undankbare und untreue Leute ein Greuel sind. Sie werden ein beständig nagendes Gewissen haben und allen Ruhm gantz und gar verlieren, den Sie bey Ihrem Hierseyn erlangen könnten, endlich werden Sie in der äussersten Gefahr und in einem von allen Seiten her zudringenden Elende leben. Von diesen zweyen Seiten wird wohl jedermann die erste wehlen, der seines Verstandes nicht beraubt ist. Jedoch wann Sie Sich ernstlich vorgenommen haben, weder Schand noch Gewissen mehr zu haben, und nicht nur die Ihnen in Russland wiederfahrne Guthaten, Ihr Versprechen, contract, Eyd, sondern auch Sich Selbst zu vergessen: So belieben Sie ohngesäumt mir vor meinen Theil einen Wechsel von 357 ½ Rub. zu schicken, und alle Schriften und Zeichnungen dem H. Prof. Krafft rein abzugeben, so bald die Academie Ihme befehlen wird, selbige entgegen zu nehmen. Dieses aber muss ohne allen Verzug geschehen, dann Ihretwegen bin ich gezwungen, in der äussersten Nothdurft zu leben. Beym Beschluss dieses versichere Sie, wann Sie nicht anderes Sinnes werden, so werden Sie bald empfinden, dass Sie diejenige haben beleydigen wollen, welche Sie allenthalben finden können

Dero
durch Sie viel gekränkte Freund und Diener
Michaila Lomonosow.

Несмотря на то, что я на Вас должен быть сердит с самого начала потому, что Вы забыли мою немалую к Вам расположенность и не прислали за весь год ни одного письма ко мне, и это, наверное, потому, чтобы я в моем письме-ответе к Вам не смог бы напомнить Вам о Вашем возвращении в Россию, у меня все же есть причина, которая меня не только заставляет, будучи на Вас в раздражении, писать Вам то, что обычно не пишут людям с чистой совестью. Я воистину не перестаю удивляться тому, как Вы без всякого стыда и совести [нарушили] Ваши обещания, контракт и клятву и забыли не только благорасположенность, которой Вы пользовались в России, но и, не заботясь о своих собственных интересах, чести и славе и ни в малейшей степени о себе, Вы пришли к мысли об отказе от возвращения в Россию и этим навлекли на себя немилость со стороны Его Сиятельства господина Президента, который за прежние заслуги склонен осыпать Вас милостями, но он же может на Вас за Ваш противоречащий честности поступок и осердиться и наказать, как ему будет угодно. Кроме того, мы, те, кто поручился за Вас, испытываем благодаря Вам материальные неудобства и чувство жгучего стыда, так как мне выдают только половину моего жалованья, а г[осподину] Мюллеру приказано вернуть из его заработанных денег 800 руб[лей] жалования и уведомить его, что с нами в дальнейшем будут поступать так, как будет приказано². Это Ваше поведение считают бессовестным не только Ваши земляки, но и вообще все иностранцы, они думают, что это повредит Вам в Вашей чести и доброму имени. И нет никакого сомнения, что все добросовестные люди из других государств, также и те, от которых Вы зависите в Вашем отечестве, не будут смотреть на эту неверность равнодушными глазами, как им только будет сообщено обо всем этом. Все Ваши отговорки ничего не значат. В Германии человека не держат силой, если это не злодей. Ваши новые обязательства не имеют никакой силы, потому что они имели место после подписанного здесь договора, а Вы России обязаны в сто раз больше, чем Вашему отечеству. Что же касается болезней, то эти Ваши старые сибирские отговорки давненько всем известны³. Таким образом, Вы можете быть уверены, что в новом договоре с Вами не пойдут ни на какие условия, и если Вы со временем не изменитесь в лучшую сторону, и не попросите прощения за преступления, и не дадите обещания быть здесь к Новому году, то с Вами поступят как с бесчестным человеком, будут относиться

к Вам как к предателям по международному праву и примут все меры к тому, чтобы разыскать Вас, и это произойдет тотчас же, как Вы во второй раз откажетесь приехать. Еще есть время, все можно еще смягчить, и Вы по прибытии будете работать по Вашему договору. Вам предлагается сейчас два пути; один — что Вы без промедления передумаете и вернетесь в Россию честно и, таким образом, избежите своего вечного позора, будете жить в достатке, приобретете своими работами известность во всем мире и по истечении Вашего договора с честью и деньгами сможете по Вашему желанию вернуться в Ваше отечество. В противном случае все те, кому ненавистны неблагодарность и неверность, покроют Вас ненавистью и вечными проклятиями. Вас всегда будет мучить совесть, Вы потеряете всю Вашу славу, которую Вы приобрели здесь у нас, и будете жить в конце концов в вечном страхе и бедности, которые будут окружать Вас со всех сторон. Из этих двух возможностей каждый выбрал бы первую, если он не потерял свой разум. Однако же, если Вы серьезно решили не иметь ни стыда, ни совести и забыть благодеяния со стороны России, Ваше обещание, контракт, клятву и самого себя, то постарайтесь прислать причитающиеся мне 357 ½ руб[лей] и все работы и зарисовки передать г[осподину] проф[ессору] Крафту, как только Академия прикажет ему получить их⁴. Это, однако, должно произойти без всякого отлагательства, так как из-за Вас я вынужден жить в крайней нужде. При решении этого дела заверяю Вас, что если Вы не передумаете, то скоро почувствуете, что хотели оскорбить тех, кто Вас может найти везде⁵.

Ваш
Вами очень обиженный друг и слуга
Михайла Ломоносов*.

Источники текста

Копия на немецком языке рукою Гмелина в Главном государственном архиве Штутгарта: *Hauptstaatsarchiv Stuttgart, Bestand A 202 (Geheimer Rat: Akten) Büschel. 2558 (Universität Tübingen, Professoren der medizinischen Fakultät, 1740–1778)*.

Публикации: *Maier A. (ФРГ). К истории русско-немецких научных связей XVIII в. (Неопубликованное письмо М. В. Ломоносова к И. Г. Гмелину) / Пер.*

---

* Перевод Г. А. Лихачевой.

с нем. Г. А. Лихачевой // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. История.* 1978. № 4, с. 30–31 (русский перевод). *ПСС 11*, с. 12–15 (немецкий текст и тот же русский перевод).

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ Письмо является частью переписки, происходившей между Ломоносовым и Гмелиным в 1747–1748 гг. В настоящее время она известна только по упоминаниям, прежде всего в доношении Ломоносова Академической канцелярии от 18 января 1749 г. (*ПСС 10*, с. 343).

В свое время копии с этих писем, точное число которых неизвестно, были списаны в Вюртемберге для А. А. Куника. Он же передал их Н. С. Тихонравову для помещения в *Летописях*. П. С. Билярский ожидал эту публикацию в 1865 г. (*Билярский*, с. 93, 797), но она так и не появилась.

В результате П. П. Пекарский в 1873 г. написал: «В руках академика А. А. Куника были письма Ломоносова к Гмелину, которые, вероятно, заключают в себе любопытные черты для характеристики нашего знаменитого писателя. Уже давно письма эти г[осподин] Куник передал другому лицу в надежде видеть их обнародованными в свет, но этого до сих пор не последовало» (*Пекарский II*, с. 399).

Дальнейшая судьба этих бумаг неизвестна. Поиски переписки Ломоносова и Гмелина, предпринятые А. Б. Модзалевским и др. в *ПФА РАН* и архиве Н. С. Тихонравова в Рукописном отделе *РГБ*, успехом не увенчались (см.: *Сочинения 8*, с. 25; *ПСС 11*, с. 188).

² В июле 1747 г. профессор И. Г. Гмелин, только что подписавший новый пятилетний контракт на службу в Петербургской Академии наук, получил разрешение выехать в Германию в отпуск на один год. При этом ему сохранялось половинное жалованье. На случай невозвращения Гмелина поручителями за выплачиваемые ему деньги выступили Г. Ф. Миллер и Ломоносов (*ПСС 10*, с. 342).

8 августа 1748 г. срок отпуска по просьбе Гмелина был продлен ему еще на полгода, однако уже 30 августа он сообщил К. Г. Разумовскому, что «с утверждения герцога Вюртембергского, но без всякого со своей стороны домогательства, назначен профессором медицины в Тюбингенский университет» (*Пекарский I*, с. 444). Это означало, что в Россию он возвращаться не собирается.

«Академическая канцелярия приняла очень неблагоприятно такое известие, и в ответе ее Гмелину <...> было писано между прочим: “честь высокая Его Светлости вашего Государя Герцога, нации вашей и ваша собственная требуют того, чтобы вы конечно оставили такое непристойное предприятие и возвратились бы <...> в Санкт-Петербург, <...> где вы действительно в службе Его Императорского Величества находитесь по заключенному с вами добровольному контракту, как то вам самим наипаче то известно, и не уповательно, чтоб Его

Высококняжеская Светлость, по своему пронизательству, соблаговоил в таком случае за вас вступиться, в котором он, по справедливости, себе ожидать должен совершенного отказа от Ея Императорскаго Величества. В противном случае, кроме того, что вы разорите людей тех, а именно профессора Мюллера и профессора Ломоносова, которые по вас так, как по искреннем своем друге, поручились и пенсии свои в заклад не малые отдали, — представлено будет немедленно Ея Императорскому Величеству, <...> дабы противу вас надлежащие меры к возвращению убытков многих, а паче к защищению чести Ея Академии приняты были» (*Пекарский I*, с. 444–445).

27 сентября Академическая канцелярия постановила наложить взыскание на Ломоносова и Миллера с 1 сентября 1748 г.

³ В 1733–1743 гг. Гмелин вместе с Миллером и Крашенинниковым участвовал в работе академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Из Сибири Гмелин вернулся больным. Увольнения со службы в Академии он просил с конца 1744 г. (см. документ № 24).

⁴ Перед отъездом в Германию Гмелину под расписку были выданы собранные им экспедиционные материалы, обработкой которых он занимался. В 1747–1769 гг. Петербургская Академия наук издала четыре тома труда Гмелина «*Flora sibirica sive historia plantarum Sibiriae*» (Флора Сибири, или История сибирских растений), получившего всемирную известность и не утратившего научного значения до сих пор.

Кроме того, в 1751 г. в Геттингене Гмелин опубликовал свои дневники под названием «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 гг.», в которых содержались новые сведения о природе Сибири и описания месторождений полезных ископаемых.

Коллекция минералов, гербарий и бумаги Гмелина, согласно его завещанию, в 1756 г. были доставлены в Петербург И. Г. Кельрейтером.

⁵ После получения этого письма Гмелин написал Г. Ф. Миллеру: «...Мне весьма было странно, как я получил писанное от г[осподина] профессора Ломоносова октября от 1 дня бешеное письмо, в котором он не постыдился описать меня плутом и вероломным человеком. Он поступил в сем хотя чрезвычайно грубо, однако я от того и природной моей кротости не лишился; а я его угрозы ставлю не за велико, так как я не много скорблю о ругательных словах, на меня изблеваемых. Он попрекает меня своими благодеяниями и дружеством, токмо я думаю, что ежели спросить тех людей, которые знают г[осподина] Ломоносова и меня, то и не сыщется ни одного такого бессовестного, который бы не сказал, что я его как благодеянием, так и дружественным обходительством много превышал. Однако ж я для Вас и для г[осподина] Ломоносова все то сделаю, что в рассуждение старой дружбы за должность мою почитаю. Не извольте опасаться, чтоб я без по-

зволнения Академии что в печать издал, но будьте благонадежны, что я по получении указа тотчас все порученные мне письма и рисунки пришлю... Я не думал о побеге, чем дорогой мой друг, российский Ньютон, г[осподин] профессор Ломоносов в вышепомянутаом своем письме меня угрожает, и остаются в покое его угрозы, в самом деле так страшные, яко бы знамение тех приключений, которые не задолго пред страшным судом быть имеют...» (*Пекарский II*, с. 399–400).

Ломоносову Гмелин ответил 11 (1) декабря 1748 г. (см. документ № 24).

23. ЛОМОНОСОВ — В. К. ТРЕДИАКОВСКОМУ
12 октября 1748 г. Петербург

Государь мой, Василей Кирил[л]ович!

Вы изволили мне объявить словесно, что в собрании требуют от меня мнения о университетском регламенте. То [я] оное кратко объявляю и думаю, что в университете не отменно должно быть трем факультетам, юридическому, медицинскому и философскому (богословской оставляю Синодальным училищам), в которых бы производились в магистры, лиценциаты и доктора; а ректору при нем не быть особливому, но всё то знать ефору или надзирателю, что в взнесен[н]ом в Историческое собрание регламенте на ректора положено; ибо ректор в университете бывает главной командир, а здесь он только будет иметь одно имя. Не худо чтобы университет и Академия имели по примеру иностранных какия-нибудь вольности, а особливо чтобы они [о]свобождены были от полицейских должностей¹.

Что ж надлежит до стихов Александра Петровича, то не имея к себе прямо ордера, в Канцелярию репортовать не могу; но только на Ваше письмо Вам ответственю и думаю, что господину сочинителю сих эпистол можно приятельски посоветовать, чтобы он их изданием не [по]торопился, и что не сыщет ли он чего-нибудь сам, чтоб в рассуждении некоторых персон отменить несколько надобно было. Присылая его стихи,² остаюсь

Ваш государя моего
[покорный слуга]
Михайло Ломоносов.

12 октября
174[8] года.

В. К. Тредиаковский

Источники текста

Современная копия, 11 января 1749 г. представленная Третьяковским как секретарем Исторического собрания в Академическую канцелярию: *ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 803. Л. 22*. В копии перед подписью Ломоносова написано писарской рукою: «На подлинном подписано тако».

Выписка из второй половины письма (от слов «Что ж надлежит до стихов Александра Петровича...»), в недатированном репорте (12 октября 1748 г.), представленном Третьяковским Академической канцелярии: *Там же. № 123. Л. 71об*. В этой копии перед подписью Ломоносова написано рукою Третьяковского: «На подлинном тако».

Публикации: *Биллярский*, с. 115–116. *Ламанский*, с. 83–84. *Сочинения* 8, с. 91–92. *ПСС* 10, с. 460–461.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Без регламентирующего ее деятельность документа Петербургская Академия наук существовала более 20 лет, со дня основания. Первый регламент (устав) Академии был составлен Г. Н. Тепловым и И. Д. Шумахером, но без участия самих академиков, и утвержден императрицей Елизаветой Петровной 24 июля 1747 г. В соответствии с этим документом при Академии наук учреждался университет, занятия в котором начались 16 мая 1748 г.

Определением Академической канцелярии от 13 июня 1748 г. составление регламента университета было поручено его ректору Г. Ф. Миллеру. 3 августа он представил проект под заглавием «Reglament für die Universität bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften» (Регламент университета при Императорской Академии наук).

Проект Миллера подвергся изменению и сокращению со стороны Теплова и Шумахера. 6 сентября он был передан Третьяковскому для рассмотрения членами Исторического собрания. В течение сентября — декабря 1748 г. Третьяковский собрал отзывы Ломоносова, И. А. Брауна, И. Э. Фишера, Ф. Г. Штрубе де Пирмонта, Х. Крузиуса.

7 декабря 1748 г., дополнительно к своему мнению, высказанному в этом письме, Ломоносов подал еще «прибавление»: «Студентов разделить на три класса; первого класса студенты ходят на все лекции, для того чтобы иметь понятие о всех науках и чтобы всяк мог видеть, к какой кто науке больше способен и охоту имеет; второго класса студенты должны ходить на лекции только того класса, в котором их наука; третьего класса студенты те, которые определены уже к одному профессору и упражняются в одной науке. Сим последним должно, по моему мнению, определить ранг армейского прапорщика, а производить

их в временные переводчики в поручический ранг, а из них — в адъюнкты» (ПСС 9, с. 441).

Собранные отзывы, включая и свой собственный, Третьяковский представил 11 января 1749 г. при репорте Академической канцелярии. Однако затем дело замерло, и проект университетского регламента так и не получил утверждения. Вместо него 10 августа 1750 г. К. Г. Разумовский подписал составленное Тепловым при участии Шумахера и Миллера временное «Учреждение об университете и гимназии», поскольку «как учащиеся поныне не находятся еще в таком состоянии, по которому бы можно было сделать совершенный университетский регламент» (ПСС 9, с. 852). Пожелания, высказанные академиками, в т. ч. Ломоносовым, в этой инструкции учтены не были. (Подробнее см.: *Пекарский II*, с. 135–142; *Материалы 10*, с. 46–47, 60–61, 496, 517–525).

² Вторая половина письма является ответом Ломоносова на неизвестное сейчас письмо Третьяковского с просьбой просмотреть подлежащие к напечатанию в Академической типографии «Две епистола» (о русском языке и о стихотворстве) А. П. Сумарокова. Стихи для рассмотрения Третьяковскому были переданы секретарем Академической канцелярии П. И. Ханиным, одновременно с трагедией Сумарокова «Гамлет», на которую Ломоносов дал положительный отзыв еще 10 октября 1748 г. (ПСС 9, с. 620).

Оба отзыва Третьяковского оказались неодобрительными. О епистолах он написал: «...Мнение об них я следующее имею, а именно: что коль они ни изрядны и ни достойны света, однако еще б изряднее и достойнее того быть могли, ежели б в них, особливо ж в первой, меньше было сатиры <...>. В ней толь великое чтется язвительство, что не пороки пишущих больше пятнаются, сколько сами писатели <...> Но может быть, что сему моему мнению сопротивляется привилегия пиитическая вольности, однако опасно, чтоб сия вольность не возрасла в своеволие...» (*Пекарский II*, с. 131). Отзыв Ломоносова о сумароковских епистолах Третьяковский записал на обороте этого своего недатированного репорта, написанного, как считается, в тот же день, что и письмо к нему Ломоносова.

Мнения Третьяковского и Ломоносова были отданы Сумарокову. Он доработал трагедию и епистола, которые 9 ноября Академическая конференция вновь направила на рассмотрение Третьяковскому и Ломоносову.

В отзыве о епистолах, поданном 10 ноября, Третьяковский отметил, что «хотя они некоторым образом и поправлены, однако язвительства из них не токмо не вынято, но еще оно в них и умножено. Того ради, видя, что они самым делом злые сатиры, а именем только епистола, поносительных тех сочинений, по самой беспристрастной совести аппробовать не могу» (*Материалы 9*, с. 533).

дружбе Вы еще не во всем отказали, и что я совершенную Вашу ко мне дружбу возратить себе могу, лишь я должность мою в корреспонденции с Вами впредь луч[ш]е наблюдать буду. А Вы не пожалев трудов меня пощупите [?]. Вы думать изволите, будто я вышедши токмо из России и стыд и добрую совесть все у вас оставил, веру, контракт и присягу преступил, вся от России мне... большего благодеянию, собственную пользу, честь и славу, и себя самого забвению предал, своим приятелем пренебрегать вздумал, от возвращения в Россию отказался, и еще, что я прогневал Сиятельнейшего нашего г[осподи]на Президента, что я вас, моих поручителей, в крайней стыд и великую беду привел, ибо Вам определено служить на половинном жалованье, а г[осподину] Миллеру велено удержатъ заслуженных осм сот рублей и впредь с Вами поступлено будет по указам, что бы не токмо природные, но и все иностранные, мой поступок за безсовестной почитают и признают за умаление своей чести и кредита в России; ныне де никакого сомнения, что все в других государствах добросовестные люди и сами те, от которых я в своем отечестве завишусь, такое будто вероломство возненавидять, как скоро им о всем том подробно объявлено будет. Не по что все Ваше сладкое письмо переписал, однако не могу то и в начале не упомянуть, что все великия преступления, которыми меня судить изволите, на весьма ложном основании находятся, отчего причину я подлинно не знаю...

Я совершенно знаю и никогда не забывал, что с Ево Сиятельством г[осподи]ном Президентом я заключил новый контракт³. И с тех пор, как сие учинилось, никакую прочую службу я себе не искал. А в бытность мою в Тубинге случилось, что проф[ессор] ботаники умре, и по силе вакансии, которую уже в 1745 году от природного своего Г[осу]д[а]ря, еще будучи в Петербурге, получил, про которого и не однократно, как приватно, так и публично в Петербурге упомянул и по силе еще старшего Декрета о 1736 году от отца Его Светлости блаженной памяти Тюбингенской университет меня вместо покойного профессора, без всякой моей прозбы, выбрал, а его Высококняжеская Светлость, Г[осу]дарь мой, оной выбор милостивым указом своим изволил подтвердить, однако ж понеже я о соключенном с Сиятельнейшим г[оспо]д[и]ном Президентом при том объявил, то мне велено было, прежде у Сиятельнейшего Президента о увольнении от Российской службы нижайше просить, при том в университет Тубингской указ послан, что к службе

Напротив, репорт Ломоносова от 17 ноября гласит, что в епистолах «содержится много изрядных стихов, правдивые правила о стихотворстве в себе имеющих. Сатирические стихи, которые в них находятся, ни до чего важного ни касаются, но только содержат в себе критику некоторых худых писцов без их наименования» (ПСС 9, с. 621).

Печатание издания «Две епистолы, Александра Сумарокова. В первой предлагается о рус[с]ком языке, а во второй о стихотворстве» Академическая типография закончила к 15 декабря 1748 г. В доработанном виде в «Епистолу I» Сумароков ввел дополнительно строки, направленные против Третьяковского:

Зело, зело, зело, дружок мой, ты искусен,
Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен.
Когда не веришь мне, спроси хотя у всех:
Всяк скажет, что тебе пером владеши грех.

В конце «Епистолы II» Сумароков дописал:

И с пышным Пиндаром взлетай до небеси,
Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен...

И далее, о Третьяковском:

...А ты, Штивелиус, лишь только врать способен.

Спустя несколько лет отношения между Сумароковым и Ломоносовым безнадежно испортились (см. документы № 58–60, 109 и примеч. к ним).

24. И. Г. Гмелин — Ломоносову¹
11 (1) декабря 1748 г.

Благородный и высокопочтенный г[оспо]д[и]н профессор
Михайла [Васильевич]
истинной мой благодетель и друг
на много лета здравствуй.

С немалым удивлением и с великою печалью письмо Ваше октября от 1 дня я получил. Ежели Вы на меня пенять изволите, что я к Вам, приятелю моему², уже с лишком года не писал, о том я не очень печален; ибо я из того признавал бы, что в Вашей ко мне

меня прежде не приводить, пока я от Российской службы уволен не буду. Светлейший Герцог Г[осу]дарь мой еще сверх того показав особливою ко мне милости и для облегчения просьбы моей у Его Графского Сиятельства мне позволил, что я сверх обыкновенных при университете трудов и те описания сочинил, какия Императорская Академия наук от меня требовать будет...

Известно же Вам, а ежели не известно, то многие мои приятели Вам о том скажут, а особливо подлекарь Роде, который мне ноги вязал, что я последние два года бытности моей в России опухлю ног болен был, а оным еще не вылечился. Сверх того прошлой весны будучи в Швейцарской земле кровью много харкал, а с тех пор кажелем⁴ и опухолью ног муч[а]юсь, о чем ежели в Академии не поверят, я, по желанию, писменные свидетельства поставить могу. А извольте сами подумать, хотя бы я и совсем был здоров, и токмо собою тяжел, не может ли то мне причину подать, что при такой диспозиции себе искать свободу от дальних путей. А как при том случается истинно нездоровие, то б я хранение себя самого ни во что не ставил, ежели бы при не[с]час[т]ной случай смерти Тубинского профессора и при милости Г[осу]даря моего, которые мне к тому дадут повод чтоб остаться в отечестве, и сии обстоятельства о худом моем здравии Сиятельнейшему Графу г[оспо]д[ину] Президенту дабы ево боле ко мне склонить не объявил. Все люди во всем свете не лишены человечества, и я надеяться должен, ежели милости или какого милосердия я достоин, что позволено мне будет те резоны, те, которыми я надеюсь ими удостоит[ь]ся, рассказал...

Надеюсь я в случае, ежели такой высокой милости удостоюсь, про Россию всю мою жизнь с нижайшим моим и истинным благодарением упомянут да и труды свои все новейшие к ея славе и к чести и к пользе Академии наук прилагать, чего ради и о новом контракте вздумал, в чем ежели я согрешил, прошу Вас прощения мне сискать. Что я сей год, которой здесь живу, для Петербургской Академии трудился, можно было усмотреть из уже посланного, отчасти из того, что ныне я посылаю...⁵

И так Вы увидите, что я желаю честным человеком остаться и хотя как-нибудь со стороны Академии со мною будет поступлено, то однако должнейшее и нижайшее почтение Сиятельнейшему г[оспо]д[ину] Президенту и всему корпусу прежде не угрожился как смертью моею. Ныне еще пол трети года осталось, что мне

было в пути и в России препроводить по заключенному июля 1 дня 1747 году контракту. К пути отсель до С[анкт]т-Петербурга меньше четверти года числить нельзя, а к установлению в Петербурге еще четверть года потребен. Потому еще два года останутся, которых бы я мог в России служить. Какая бы польза великая от того происходить могла? Истинно во всех мне приказанных делах я больше пользы принести могу, ежели мне здесь остаться повелено будет, не выключая огород ботанической, на пример, в диспозиции огорода и в корреспонденции с иностранными ботаниками я г[оспо]д[и]ну адъюнкту Крашенинникову всякую свободу и настоящий путь скол[ь]ко полезно и потребно будет показать могу. Ежели при даемом милостивом увольнении пензию хоть малую награждают, из всего моего сердца благодарен буду. А ежели мне ничего пожаловать не желают, то я, однако, труды мои продолжать буду и такое прилежание приложу, что добровольно мне награждать будут. О чем я упомянул в начале и то мне печальнее всего [*зачеркнуто*: во всем сем деле], что искренныя мои други купно со мною беды терпеть должны. А Вы по рачительному своему письму обязались в случае моего в С[анк]т-Петербург не возвращения заплатить 1. двести пятнадцать рублей, 2. годовое жалованье, которое в Немецкой земле по контракту мне пожаловать велено, то есть пятьсот рублей, всего семьсот пятнадцать рублей. Токмо Вас надлежит уведомить, что жалованье я здесь получал однажды 250 ру[блей], а другой раз 166 $\frac{2}{3}$ ру[блей], всего 416 $\frac{2}{3}$ ру[блей], и того с вышеписанными 215 ру[блями] 631 $\frac{2}{3}$ ру[блей]. И так на Вашу часть придет 315 ру[блей] 83 к[опейки], для которых Вы по сех пор беду на себя снескале. Хотя мне весьма тяжело, в том все довольствоваться, однако я бы лутче милостину збирал, нежели неверность другам моим показал и в беду их приводил. Того ради я диспозицию такую учинил чтоб г[оспо]д[и]н почт-директор Аш помянутые 315 ру[лев] 83 ко[пейки], для которых от Академии половинное Ваше жалованье арестовано, в Академию по желанию оной Академии против розписку, что сии деньги для [о]свобождения Вас от поручения Вашего за меня от меня заплачены и получены⁶.

Источники текста

Автограф на русском языке «на четырех страницах писчей бумаги большого формата» хранится в Городском архиве Марбурга (*Stadtsarchiv Marburg*).

До Второй мировой войны документ находился в Рукописном отделе Германской государственной библиотеки (*Staatsbibliothek*) в Берлине.

Публикация: Ченакал В. А. Неизвестное письмо И. Г. Гмелина М. В. Ломоносову // *Вестник Академии наук СССР*, 1973, №7, с. 106–107 (по фотокопии, полученной от Э. Амбургена из Гиссена). Письмо воспроизведено «почти полностью, опуская для сокращения некоторые места, ничего в существе письма не меняющие».

Печатается по этой публикации.

Примечания

¹ Ответ Гмелина на письмо Ломоносова от 1 октября 1748 г. (см. документ № 22).

² Для характеристики их личных отношений в Петербурге достаточно сказать, что в 1745 г. Гмелин уступил Ломоносову кафедру химии и тем сам помог ему получить профессорское звание.

³ Впоследствии Гмелин вроде бы признавался, что у него не было намерения нарушать контракт с Академией, но «некоторые события, связанные с его отъездом из Петербурга, заставили его принять решение не возвращаться. По рассказам Гмелина, изменение в его планах произошло после того, как Разумовский вечером перед его отъездом вынудил его подписать обязательство, содержание которого он будто бы позднее не смог припомнить, а на следующее утро были проконтролированы письма, которые ему дали с собой друзья для передачи в Германию» (*Майер Л. К истории русско-немецких научных связей в XVIII в. ... // Вестник Моск. ун-та. Сер. История. 1978. № 4, с. 33*).

Имеется еще письмо Эйлера к Теплову от 26 октября 1748 г., в котором он, после обещания уговоривать Гмелина возвратиться в Россию, прибавляет: «...сильно сомневаюсь, чтобы при настоящих обстоятельствах он решился вернуться, потому что если у него были причины не сдержать своего слова в то время, когда он был в милости у Его Сиятельства, г[осподина] Графа, то тем более он не решится на то теперь, когда знает о гневе его. Я полагаю, что истинная причина, почему он допустил прельстить себя, заключается в том, что он помолвил за себя одну девицу, свою соотечественницу, которая не захочет за ним следовать, а в таком случае, сколько я знаю немецкие законы, никакой сановник не заставит ее ехать. Мне чрезвычайно неприятно, что это скверное дело причинило столько огорчения Его Сиятельству и вам, милостивый государь, в особенности после тех важных услуг, которые Вы ему оказали; но я также думаю, что такая великая ветренность г[осподина] Гелина происходит скорее от недостатка рассудительности, потому что я поручился бы, что у него никогда не было намерения <...> оскорблять Академию. Мне весьма понятно, что настояния его матери, родных,

а особливо его супруги могли так сильно повлиять на его сердце, что решимость покинуть свою родину сделалась совершенно невозможною вещию для него...» (Пекарский I, с. 445–446).

⁴ Кажелем — то есть кашлем.

⁵ См. примеч. 4 к документу № 22.

⁶ Разницу между требуемыми Ломоносовым 357 ½ рублями и суммой, высланной ему Гмелиным, должно объяснять тем, что Ломоносов ошибся в своих расчетах по незнанию: он полагал, что Гмелин успел полностью получить причитающуюся ему от Петербургской Академии половину жалованья — 500 рублей.

25. И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ
21 декабря 1748 г. Петербург

Hochedelgebohrner
Insonders hochgeehrter H[err] Professor.

Ew. Hochede[lgebohrner] bel[ieben] mit d[em] H. Secr[etaire] Krock des verstorbenen Cammer-Raths Junckers nachgelassene Schriften anzusehen, und wann sie einige finden die der Acad[emie] gehörig oder die derselben nützlich seyn mögen, selbige mit sich zu nehmen und der Canzeley mit einer Specification zu übergeben. Verharre mit allem Estim

Ew. Hochedel[gebohrnen]
gehorsamstverbundener
Diener
J. D. S[chumacher].

St. Pet[ersburg] 21 Dec[ember] 1748.
an H[errn] P[rofessor] Lomonossow.

Высокородный
и высокочтимейший г[осподин] профессор.

Не угодно ли Ваш[ему] Высок[ородию] просмотреть совместно с г[осподином] секр[етарем] Кроком рукописи, оставшиеся после покойного камерного советника Юнкера и, если найдете принад-

лежащие Акад[емии] или могущие быть ей полезными, взять такие с собой и передать Канцелярии с описью¹. Остаюсь с полным почтением

Ваш[его] Высок[ородия]
послушнейший и обязанный
слуга
И. Д. Ш[умахер].

С.-Пет[ербург]. 21 дек[абря] 1748 г.
Г[осподину] п[рофессору] Ломоносову*.

Источники текста

Канцелярский отпуск на немецком языке: *ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 36. Л. 189.*

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 93.

Примечания

¹ 11 ноября 1746 г., на следующий день после смерти академика Г. Ф. Юнкера, «надворного камерного советника и надзирателя украинских бахмуцких и торских соляных заводов», Правительствующий Сенат дал указ «о тех заводах дела и письма собрав в одно место и запечатать Сенатскою печатью, и для осмотра и описи вышеписанных писем быть сенатскому секретарю и с ним переводчику, да из Академии наук кого надлежит, по рассмотрению оной».

Отношением Академической канцелярии от 13 ноября с этой целью был командирован «ассессор и унтер-библиотекар» И. И. Тауберт. Однако сенатский секретарь И. Крок был слишком занят по службе, поэтому запечатанный архив Юнкера он перенес в Канцелярию Сената только в апреле 1747 г. Но и после этого дело, по-видимому, почти не двигалось: известно только, что в октябре 1747 г. для Академии наук переписывалось сочинение Юнкера «О соляных заводах» (*Пекарский I*, с. 490).

21 марта 1748 г. Сенат подтвердил свое прежнее поручение, и Академическая канцелярия 28 марта запросила Тауберта, «зачем по сих пор те вещи, подлежащие до Академии, не описаны и не приняты». Тауберт ответил, что уже год он о том «неизвестен», несмотря на неоднократные напоминания с его стороны (*Материалы* 9, с. 135). Письмо Шумахера к Ломоносову свидетельствует, что работа по разбору бумаг Юнкера не производилась и в последующие месяцы 1748 г.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

С Юнкером Ломоносов познакомился в 1739 г. во Фрейберге и впоследствии вспоминал, что тот «употреблял его знание Российского и немецкого языка и химии, поручая ему переводить с немецкого нужные репорты и экстракты о соляном деле для подания в Санктпетербурге по возвращении, при коем случае Ломоносов много в четыре месяца от него пользовался в знании соляного дела» (*ПСС 10*, с. 411–412).

По возвращении в Петербург Ломоносов продолжал поддерживать отношения с Юнкером, который поручал ему переводить «на Российский язык все свои известия и проекты» о соляном деле. Кроме того, в 1742 г. отдельным изданием в переводе Ломоносова была выпущена ода Юнкера «Венчанная надежда Российския Империи в высокий праздник коронования великия Государыни Елисаветы Петровны в Санктпетербурге апреля 29 дня 1742 года...».

Вероятно, поэтому Ломоносов мог заинтересоваться предложенным ему поручением и, хотя не сразу, принять участие в разборе архива Юнкера.

Известно, что «6 мая 1754 года Сенат прислал в Академию следующие бумаги Юнкера: 1) Описание Малороссии, которое он подавал в Академию 28 февраля 1737 года. 2) Географические и исторические вопросы для описания Украины. 3) Описание земель и народов между реками Днепром и Доном, и, наконец, проект о умножении тамошних доходов, который, по свидетельству Тауберта, принадлежал перу генерал-майора Вейсбаха. Все эти рукописи тогда же отосланы для хранения в Академическую библиотеку» (*Пекарский I*, с. 490).

Дополнительно см.: *Андреева Г. А. М. В. Ломоносов и Г. Ф. В. Юнкер // Ломоносов 4*, с. 141–157.

26. И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ
26 января 1749 г. Петербург

Hochedelgebohrner
Insonders Hochgeehrter Herr
Professor.

Weilen S[eine] Exc[ellenz] der H[err] President entschlossen sind, das H[err] Prof[essor] Eulers Brief welcher seines Scientia navali[s] statt einer Vorrede wird vorgesetzt werden, und im Russ[ischen] drucken zu lassen und ich in denen Gedanken stehe, dass Sie alles was zu S[eine]r Exc[ellenz] Vergnügung dienet, mit plaisir thun werden; als habe nicht ansehen wollen selbig Ew. Hochedelgeb[ohrenen] zuzuschicken und

solchen sobald möglich ins russ[ische] zu übersetzen. Verharre mit aller Hochachtung.

Ew. Hochedelgeb[ohrnen].

St. P.

d. 26 Jan[uar]

1749.

An H[errn] Prof[essor] Lomonossow. Eod[em]; durch den Soldaten Iwan weggesandt.

Высокородный
и высокочтимейший господин
профессор.

Е[го] Сият[ельство] г[осподин] Президент решил, чтобы письмо г[осподина] проф[ессора] Эйлера, которое будет предпослано его Scientia navali[s] вместо предисловия, было также напечатано по-рус[ски], и так как я уверен, что Вы с удовольствием исполните все, что послужит к удовлетворению Е[го] Сият[ельства], то, не колеблясь, посылаю это письмо В[ашему] Высок[ородию] для перевода на рус[ский] язык с возможной скоростью¹. Остаюсь с полным почтением

Вашего Высок[ородия]

С[анкт] П[етербург].

26 ян[варя]

1749

Г[осподину] проф[ессору] Ломоносову. Зд[есь]; отправлено с солдатом Иваном*.

Источники текста

Канцелярский отпуск на немецком языке: ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 38. Л. 80.

Публикации: *Доп. известия*, с. 41, и *Пекарский II*, с. 417 (отрывок из немецкого текста и его русский перевод). *Сочинения* 8, с. 94 (впервые полностью немецкий текст и русский перевод).

Печатается по последней публикации.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Примечания

¹ О переводе посвящения к своей книге Эйлер просил Шумахера при посылке рукописи в письме от 25 января 1749 г.: «Вследствие приказа Его Сиятельства г[осподина] Президента, беру смелость приложить при сем под открытою печатью латинское письмо к нему, в котором я старался не только дать ясное понятие о *Scientia navalis*, но также по возможности основательно изложить содержание и важность ее. Я написал по латини, чтобы это, в случае надобности, как было угодно сообщить Вам, могло быть напечатано в начале книги вместо предисловия; а так как письмо в то же время должно быть переведено по-русски, то я счел нужным послать его незапечатанным к вам, чтобы перевод мог быть сделан в наискорейшем времени...» (*Пекарский II*, с. 417).

О том, что «г[осподин] Ломоносов делает русский перевод», Шумахер уведомил Эйлера письмом от 14 марта. Перевод был закончен в августе 1749 г.

Книга Эйлера «*Scientia navalis seu Tractatus de construendis ac dirigendis*» («Морская наука...»), в 2-х частях, была отпечатана в Академической типографии в том же году. Это был первый труд по теории корабля, изданный в России.

Первую часть открывает посвящение графу К. Г. Разумовскому на латинском языке. Перевод Ломоносова был приплетен к первой части только для трех членов Императорской фамилии и нескольких сановников (в т. ч. А. Г. Разумовского и М. Л. Воронцова), получивших книгу «безденежно». Кроме того, перевод был выпущен отдельным изданием (*СК 3*, с. 426; *СК ин. 1*, с. 267; *ПСС 11*, с. 215).

См. также: *Пекарский П.* Перевод Ломоносовым посвящения к сочинению Эйлера «*Scientia navalis*» // *Доп известия*, с. 38–41.

27. ЛОМОНОСОВ — В. Н. ТАТИЩЕВУ
27 января 1749 г. Петербург

Письмо, чрез которое Ваше Превосходительство изволили мне объявить о удостоении меня Вашего снисходительства¹, принесло мне немалую радость: ибо, кроме того, что особою Вашего Превосходительства к почтению всяк побужден быть должен, имея издавна желание изыскать случай, как бы Вашему Превосходительству показать мою услужность, для того что об охоте Вашей к российскому языку слышал довольно, к которому и я труд свой по силе прилагаю. Сие желание паче моего чаяния ныне исполнилось, и сообщенное мне от Вашего Превосходительства Предъ-

В. Н. Татищев

извещение о Российской истории и прочие Ваши примечания, от господина советника Шумахера мне сообщенные, прочитал с великою охотою и радостию о успехах, которые Ваше Превосходительство в Российской истории имеет. По требованию Вашего Превосходительства приношение Его Высочеству, сочиненное мною, при сем прислать честь имею и отдаю на Ваше рассуждение. Что до Предъизвещения надлежит, то оно весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не требует, разве только о следующем подумать можно: Ваше Превосходительство изволили показать в причине, для чего не соблаговолили к сочиненной Вами истории присовокупить жизни Государя Императора Петра Великого, чтоб, упоминая худыя дела знатных некоторых людей, не досадить бы их фамилии². То сие правило надлежит, по моему мнению, наблюдать и в самом Предъизвещении. Однако оному противное находится при ответе князя Долгорукова, о чем Ваше Превосходительство сами больше рассудить можете³. Совет Вашего Превосходительства о предложении псалмов мне весьма приятен, и сам я давно к тому охоту имею, однако две вещи препятствуют. Первое — недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука, для которой я был нарочно в Саксонию послан, также химия и физика много времени требуют, кроме текущих дел в Академических собраниях; второе — опасение, ибо я не смею дать в предложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют. Так, принявшись предлагать на стихи прекрасной псалом 103, для того покинул, что многие нашол в переводе погрешности, например: *Змий сей, его же создал еси ругатися ему*, вместо: *се кит, его же создал еси презирати оное* (то есть море, его пространство)⁵. Псалма, предложеннаго Феофаном, архиепископом, при письме Вашего Превосходительства не нашлось, и думаю, что он ошибкою остался⁶. При сем имею честь прислать Вашему Превосходительству все оды, мною сочиненныя⁷ и в печать изданныя, и впредь моими сочинения[ми] с охотою Вашему Превосходительству служить готов, как и ныне пребываю с глубоким почтением

Вашего Превосходительства
всепокорный слуга
М[ихайло] Л[омоносов].

Генваря 27 дня
1749 году.

Пресветлейший Государь Великий Князь,
Милостивейший Государь⁸.

Дела бывших в России владетелей, а особливо самодержавных Вашего Императорского Величества предков, коль велики, ясно показывают широко распространенные пределы сего Государства, но как оное возрасало, и умножение его могущества и славы, коль тяжким затруднениям подвержено было, и как оныя преодолены, о том весьма не многие знание имеют, лишаясь достовернаго описания деяний Российских: чрез что похвала Государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древняго Российского народа славное имя затмевается, и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии. Искренняя моя любовь и горячее усердие к отечеству побудили меня по моей возможности пособить сему недостатку: и для того еще при жизни блаженные и бессмертныя памяти Государя Императора Петра Великаго начал я прилагать⁹ крайнее мое старание к собранию и приведению в порядок Российской истории из разных книг рукописных Российских и некоторых иностранных авторов. Плод сего моего многих лет труда есть настоящая книга, которую приношу в честь Вашему Высочеству и уповаю, что, подражая Петру Великому, который воспоминанием славных дел предков своих часто увеселялся и описания оных охотно читать изволил, Ваше Высочество сей мой труд милостивейше принять изволите; в нем найдется не мало таких примеров, которые природную добродетель к достохвальным делам побуждать могут.

Вашего Императорскаго Высочества превосходные достоинства подают бесомненную надежду, что во время, определенное от Бога, ревност[н]ого подражателя бессмертным к себе заслугам венчаных [в] Вашем Высочестве увидит Россия, с которою купно приношу ко Всевышнему усерд[н]ыя желания, да благословит и укрепит Ваше Высочество силою Сво[е]ю к общему нашему благополучию, и ежели судьба его такой предел положила, что несравненных дел Петра Великаго человеческой силе превысить невозможно, то да присовокупит к дражайшей жизни В[ашего]

В[ысочества] оныя лета, которых верные сынове Отечества Его Величеству, по смерти желали.

Пресветлейший Государь, Великий Князь,
Милостивейший Государь,
Вашего Императорскаго Высочества.

Источники текста

Современная Ломоносову писарская копия: *ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 38. Л. 16–17* (письмо), *14–15* (приложение).

Публикации: *Доп. известия*, с. 35–38 (письмо и приложение). *Сочинения 1*, с. 383–384 второй пагин. (отрывок из письма). *Сочинения 8*, с. 95–98 и *ПСС 10*, с. 461–464 (письмо и приложение).

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ В 1748 г. В. Н. Татищев заканчивал первый том «Истории Российской с самых древнейших времен», над которой работал в течение 30 лет. В связи с этим он обратился в Академию наук с просьбой написать посвящение, а также просмотреть предисловие. По-видимому, просьба была передана через И. Д. Шумахера, с которым Татищев состоял в постоянной переписке, но именно это его письмо сейчас неизвестно.

Выбор Татищева пал на Ломоносова, к тому времени уже укрепившегося в Академии в качестве стихотворца, которому поручалось составление похвальных од и надписей к иллюминациям по всяким торжественным случаям. К тому же в середине 1748 г. вышла в свет и книга первая «Краткого руководства к красноречию...» («Риторика») Ломоносова.

Экземпляр «Риторики» Академия наук послала Татищеву в сентябре 1748 г. вместе с изданием «Жития славных генералов» Корнелия Непота в переводе В. И. Лебедева. Книги были отправлены в благодарность за присылку в дар Академии найденных «в подмосковном его селе Болдине» некоторых «куриозных вещей», в частности, двух улиток и камня, подобного соту (*Материалы 9*, с. 426).

Выполнив поручение, Ломоносов написал ответ Татищеву и, приложив к нему текст посвящения, отдал И. Д. Шумахеру, который 30 января 1749 г. переслал их Татищеву, сообщив от себя: «Я не хотел задерживать прилагаемое при сем письмо г[осподина] Ломоносова, сейчас переданное им для отсылки, чтобы Ваше Превосходительство могли убедиться в нетерпеливом желании нашем видеть появление в свет, на пользу общества, Вашего превосходного труда» (*Пекарский II*, с. 415).

Татищев остался удовлетворен составленным Ломоносовым посвящением и в благодарность за труд просил Шумахера сделать ему подарок в 10 рублей. 11 марта 1749 г. Шумахер известил Татищева, что этот подарок вручен Ломоносову: «Он им очень доволен и в следующий понедельник будет сам благодарить за то» (*Пекарский II*, с. 416). Однако никаких других писем Ломоносова к Татищеву до сих пор не отыскано.

Сведения И. Я. Лерхе о том, что после смерти Татищева в 1750 г. рукопись «Истории Российской...» досталась барону И. А. Черкасову, который затем «передал ее Ломоносову», не соответствуют действительности (см.: *Выписка о В. Н. Татищеве в бумагах А. С. Пушкина // Рус. старина*, 1884, № 12, с. 580). В 1753 г. определенная часть материалов Татищева находилась у И. И. Шувалова (см. документ № 56).

² См.: *Татищев*, кн. 1, ч. 1, с. XVI–XVII.

³ В «Предъизвещении» Татищев оставил рассказ об известном диалоге Петра I с князем Я. Ф. Долгоруковым о значении дел самого Петра и его отца, царя Алексея Михайловича, в области государственного строительства России (*Татищев*, кн. 1, ч. 1, с. XVII–XIX; ср.: *Имшенецкая М.* Долгоруков, Яков Федорович // *Рус. биогр. словарь*. Т. [6]. Дабелов — Дядьковский. СПб., 1905, с. 575).

⁴ В копии описки: воздал.

⁵ Неоконченное «Преложение псалма 103» («Да хвалит дух мой и язык...») было впервые напечатано в 1784 г. (*Соч. Ломоносова, ч. I*, с. 43–46). Из 35 стихов псалма Ломоносов перевел только первые 16.

⁶ О переложении какого именно псалма идет речь, неясно. Феофан Прокопович переложил несколько псалмов, но 103-й среди них не упоминается (см.: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время // *Сб. статей, читанных в ОРЯС*, 1868, т. 4, с. 598–602).

⁷ Ко времени написания этого письма отдельными изданиями были выпущены шесть од Ломоносова, из которых он послал Татищеву, по-видимому, всего пять: оду на день брачного сочетания великого князя Петра Федоровича и великия княгини Екатерины Алексеевны (1745), оды на дни восшествия на престол (1746, 1747, 1748) и на дни рождения (1746, 1747) императрицы Елизаветы Петровны. Отдельное издание оды Ломоносова «Первые трофеи Иоанна III, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии» с воцарением Елизаветы Петровны подлежало обязательному уничтожению, как и все другие издания с упоминанием имени Иоанна Антоновича. 30 сентября 1749 г. Ломоносов вместе с другими профессорами подписал репорт в Академическую канцелярию о том, что у него не имеется никаких «как рукописных, так и печатных на Российском и иностранных языках дел» «с известным титулом [при] бывших двух правлениях», то есть

в период царствования Ивана Антоновича и Анны Леопольдовны (*Летопись*, с. 151)*.

Ознакомившись с присланными ему литературными сочинениями Ломоносова, Татищев вписал отзыв о них в 41-ю главу («Язык Словенской и разность наречей») части первой «Истории Российской...»: «...Мы хотя можем похвалиться, что наш язык многих полнее и плодотворнее, и мню, что в философии, математике и прочих науках не хуже французского и германского, но еще кратче изъяснить можем, что некоторые члены Рус[с]кой Академии изданием презрительных книг засвидетельствовали, особливо господина профессора Ломоносова изрядная Реторика и другое, яко же Триаковского и господина Сумарокова, стихотворныя хвалы достойны...» (*Татищев*, кн. 1, ч. 2, с. 493).

⁸ Посвящение в «Истории Российской...» адресовалось великому князю Петру Федоровичу, наследнику Российского Императорского престола. Однако 15 июля 1750 г. Татищев умер, и приготовленный им труд долгое время оставался неизданным. А. Л. Шлецер писал по этому поводу: «...ни Нестор**, ни Татищев при Академии не были напечатаны. По всей вероятности, этому препятствовал Ломоносов; потому что в 1760 году, тогда всемогущий Ломоносов, химик, явился со своим *Кратким Российским летописцем* на русском языке» (*Шлецер*, с. 56).

Впервые «История...» Татищева начала издаваться под наблюдением Г. Ф. Миллера только в 1768 г. Открывать ее написанным Ломоносовым посвящением великому князю Петру Федоровичу (давно убитому императору Петру III) было, разумеется, невозможно, поэтому Миллер заменил его собственным посвящением Екатерине II.

Дополнительно см.: *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской...». СПб., 2009.

⁹ В копии описки: предлагать.

---

* См. дополнительно: *Хотеев П. И.* О редком издании оды Ломоносова 1741 года («Первые трофеи Его Величества Иоанна III...») // *XVIII век*, сб. 22, с. 43–44.

** *Нестор*: Рус[с]кия летописи на Древле-Славенском языке. Сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером, надворным советником, доктором и профессором Гёттингского университета и кавалером ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 4 степени: В 3 ч. / Пер. с нем. Д. Языков. СПб., 1809–1819. — Г. М.

27 мая 1749 г. Петербург

Viro celeberrimo ac incomparabili Leonhardo Eulero
Regiae Academiae Scientiarum Berolinensis Membro ac Dorectori,
Professori Regio meritissimo, nec non Academiae Scientiarum
Imperialis Petropolitanae, et Regiae Societatis scientiarum
Londinensis² Membro honorario Michael Lomonosoff

S. P. D.

Has ad Te, Vir celeberrime, litteras mittenti mihi vix suppetit causa, qua moram meam in Te compellendo excuseam, nisi quod eam causationem humanissime accipere velis, si me ad litteras, quibus nil nisi salutatio continetur, scribendas pigerrimum esse fatear. Negare tamen non possum me praeter id, quod seria defuerit res, de qua ad Te scriberem, etiam haud levibus negotiis praepeditum fuisse. Equidem ex quo litteras Tuas accepi, de laboratorio Chymico, quod sumptibus Augustae in horto Academico praeterita aestate exstructum est, disponendo atque vasis, instrumentis et materiis instruendo sollicitus fui, ea, quibus in excolenda lingua vernacula occupatus fui, praetermitto. Semper quidem in animo habui de gravitatis et materiae ratione ad ea, quae mihi respondere non fuisti gravatus, plura proponere; sed cum pauca eorum momenti alicuius mihi visa fuerint, graviora igitur inventurus scriptionem litterarum de die in diem distuli. Nec tum cum dissertationem meam de nitro Berolinum mitterem ad Te scribere aliquid licuit; nam cum in tertio capite pertractando versarer, uxor mea filiolum peperit, quare vix opusculum ipsum absolvere potui. Quoniam tempus, ad praemium distribuendum constitutum praeterlapsum est, nec ex novis publicis litterariis constat, quis praemium adeptus sit; a Te igitur, Vir celeberrime peto, ut me hac de re certiore facere velis. Caeterum ad meam dissertationem sub sententia, *cognitio principiorum in Chymia tanti est, quanti principia ipsa in corporibus*, missam apposui dissertationem de vi aëris elastica, quam a Te lectam esse non dubito. In ea desideratur explicatio notissimae legis, scilicet: *aëris elasticitates esse densitatibus proportionales*. Quam ideo non attigi, quoniam non parum dubito, eam in qualibet compressione aëris valere. Dubitatio ista originem duxit ex quadam inconvenientia Theoriae meae cum illa quam Bernoulliana deductio (in Hydrodinamica, p. 243) primum in notis tuis ad Robinsium lecta non leviter confirmavit; nec exiguum

ponderis auxerunt sequelae calculo deductae ex Richmannianis et meis propriis experimentis circa disruptionem durissimorum corporum per congelascentem aquam. Aër enim, qui resumptis in glacie viribus corpora disrumpebat, decuplo, et quod excedit, integra massa glaciei gravior esse deberet, si vires in corpora rupta exsertae densitatibus proportionales essent, quod ex cohaesione ferri fusi et vitri, ex quibus bombae rumpendae confectae erant, colligere licuit. Qua vero ratione supradicta lex Theoriae meae minus conveniat, extra nexum totius opusculi haud facile exponi potest. Quamobrem supplementum hac de re ad meditationes de aëris vi elastica nunc paro, simulque ad finem perducere studeo opusculum monades spectans, quod jam ante quatuor annos incepti, nec invalida argumenta contra entia simplicia allaturum me puto. Absolutum Tuo limatissimo iudicio examinandum, si non abnuis, mittam. Vale, Vir incomparabilis, et favere mihi perge.

Dabam Petropoli die 27 Maji St. Jul. A. S. 1749.

Мужу знаменитейшему и несравненному Леонарду Эйлеру,
члену и директору Королевской Берлинской
Академии наук, а также почетному члену Академии наук
в Петербурге и Королевского ученого Общества
в Лондоне Михаил Ломоносов

ш[лет] н[ижайший] п[ривет].

Посылая к Вам, муж славнейший, это письмо, почти не имею основания оправдать перед Вами мою задержку. Может быть, впрочем, Вы соизволите принять за такое извинение признание мое, что я очень ленив на писание писем, в которых ничего нет, кроме изъявления приветствий. Не могу также умолчать, что кроме недостатка в серьезных предметах, о коих мог бы я писать Вам, был я еще занят делами [далеко] не легкими. За время с получения Вашего письма я был озабочен оборудованием Химической лаборатории, выстроенной прошедшим летом на щедроты Государыни в Академическом саду, и приобретением для нее посуды, инструментов и материалов³, не говоря уже о работах над русским языком⁴. Однако я все время думал об отношении тяжести и массы, и многое имел в виду добавить к тому, на что Вы любезно мне ответили; но

так как [лишь] немного из этого казалось мне имеющим какое-либо значение, то, собираясь заняться более важными делами, я со дня на день откладывал писание писем. И когда я послал свою диссертацию о селитре в Берлин, мне ничего не удалось Вам написать, потому что пока я занят был обработкой третьей главы, жена моя родила дочь⁵, и из-за этого я едва-едва закончил свой труд. Так как время, назначенное для присуждения премий, уже прошло, а из новых газетных известий не видно, кто получил премию, то прошу Вас, славнейший муж, уведомить меня об этом. Кроме того, я к своей диссертации, посланной под девизом *Cognitio principiorum in Chymia tanti est, quanti principia ipsa in corporibus*⁶, приложил диссертацию об упругой силе воздуха, которую Вы, несомненно, прочитали⁷. В ней не хватает объяснения очень известного закона, а именно, *что упругости воздуха пропорциональны плотностям*⁸. Я его не дал, так как весьма сомневаюсь, приложим ли этот закон для любого сжатия воздуха. Это сомнение возникло от некоторого несогласия моей теории с тем, что довольно убедительно вытекает из выводов Бернулли (Гидродинамика, с. 343), прочитанных впервые мною в Ваших замечаниях по адресу Робинса⁹; и что еще более подтвердили следствия, выведенные путем вычислений из опытов Рихмана и моих с замерзающей водою, разрывающей самые прочные тела¹⁰. Воздух, который разрывал тела, восстановив свою силу при образовании льда, должен был бы быть в десять с лишком раз тяжелее всей массы льда, если бы силы, приложенные к разрыву тел, были пропорциональны плотностям, как можно было заключить по крепости чугуна и стекла, из коих были изготовлены бомбы для разрыва. По этой причине названный выше закон мало согласуется с моей теорией и не так уж легко может быть выведен вне связи со всем моим трудом. Поэтому я теперь готовлю по этому вопросу дополнение к рассуждению об упругой силе воздуха; а в то же время стараюсь закончить свою работу о монадах, которую начал уже более четырех лет тому назад; я считаю, что собрал достаточно веские доводы против простых сущностей. Я пошлю, если не откажетесь, все это на окончательное рассмотрение и на Ваш просвещенный суд¹¹. Прощайте, муж несравненный, и пребывайте ко мне благосклонным.

С.-Петербург, 27 мая ст[арого] ст[илля] 1749 г.^{12*}

---

* Перевод М. Е. Сергеенко.

Источники текста

Собственноручный автограф Ломоносова на латинском языке: *ПФА РАН*. Ф. 136. Оп. 2. № 3. Л. 50–51.

Описание: *Модзалевский*, с. 90. *Переписка Эйлера*, с. 180. *Euler Briefwechsel*, S. 250.

Публикации: *Биллярский*, с. 753–755 (латинский текст). *Менишуткин Ia*, с. 401 и *Менишуткин Ib*, с. 305, *Менишуткин II*, с. 96, 130, 294 (русский перевод отдельных отрывков). *Сочинения 8*, с. 98–101 (впервые полностью латинский текст и русский перевод). *ПСС 10*, с. 464–467.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Ответ Ломоносова на письмо Эйлера от 24 (13) августа 1748 г. (см. документ № 21).

² В подлиннике описка: Berolinensis.

³ Документы об организации химической лаборатории, без которой, как писал Ломоносов, профессор химии «надлежащая пользы приносить не может», см. *ПСС 9*, с. 9–11, 14–31, 34–44 и примеч. к ним.

⁴ Имеется в виду сбор материалов к «Российской грамматике». Далее см. документы № 43, 83, 96, 105 и примеч. к ним.

⁵ Елена Михайловна Ломоносова родилась 21 февраля 1749 г.

⁶ «Знания начал в химии так же важны, как сами начала в телах» (*лат.*). О «Диссертации о рождении и природе селитры», полученной в Берлинской Академии наук 29 марта 1749 г., см. примеч. 4 к документу № 15.

⁷ См. примеч. 4 к документу № 20. Диссертация «Tentamen theoriae de vi aëris elastica» («Опыт теории упругости воздуха») впервые была опубликована в 1750 г. в «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae» (т. 1, р. 230–244).

⁸ По поводу отсутствия этого объяснения см. *ПСС 2*, с. 658–661.

⁹ См. примеч. 3 к документу № 20.

¹⁰ Об этих опытах см. *ПСС 2*, с. 148–155, 659–661.

¹¹ Диссертацию «De particulis physicis insensibiliibus corpora naturalia constituentibus, in quibus qualitatatum particularium ratio sufficiens continetur» («О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах, в которых заключается достаточное основание частных качеств») Ломоносов не закончил (см.: *ПСС 1*, с. 279–313, 562–564).

¹² Ответ Эйлера неизвестен. Следующее письмо Ломоносова к нему датировано 12 (23) февраля 1754 г. (см. документ № 67).

27 июля 1749 г. Петербург

Милостивой государь Иван Антонович.

Присланные от Вашего Превосходительства пол фунта чистой да пол фунта [ж] нечистой камчатской самородной меди в лаборатории пробовал¹, а по пробе явилось: 1) что нечистая медь содержит в себе чистой 29 ½ фунта чистой меди. 2) Чистая самородная медь так же и отделенная от нечистой швецкую медь добротую превосходит и от японской добротую неразнится чувствительно, чему и дивиться нельзя, для того что Япония и Камчатка лежат на одной гриве, которая разорвана только морем и признаки свои из под воды островами показывает. 3) По пробе на серебро и на золото ничего в сих медях не оказалось: ибо зерно, которое на капли осталось, было столь же тяжело, сколько серебра и приложенного к тому свинцу вытти должно². При сем желая, чтоб[ы] толь богатая медь где-нибудь ближе в отечестве нашем открылась, и препоручая себя продолжению Вашей ко мне милости, с глубоким почтением пребываю

Вашего Превосходительства
вспокорный слуга
Михайла Ломоносов.

С. П. бург
Июля 27 дня
1749 года.

Источники текста

Собственноручный автограф Ломоносова: РГАДА. Ф. Государственного Архива. Разряд XIX. № 86. 1749–1755. А. 4 и 4об. Канцелярские пометы вверху первого листа: «4 августа, № 548» и «Получено в 2-е августа 1749 г. в Москве».

Публикации: *Собственноручные письма Ломоносова* / Сообщ. П. Пекарским // *Записки ИАН*, 1866, т. 10, кн. 2, с. 183; *Сб. статей, читанных в ОРЯС*, 1867, т. 1, с. LVII–LVIII. *Сочинения* 8, с. 102. ПСС 10, с. 467.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ С 1744 г. Ломоносов производил многочисленные химические анализы солей, руд и других пород, постоянно доставляемых искателями и старателя-

ми в Кабинет Ея Императорского Величества, Берг-коллегию, Академию наук и другие учреждения. Основным желанием было, конечно, обнаружить в присылаемых образцах золото, серебро и медь. В годы правления Елизаветы Петровны потребность в этих металлах неуклонно возрастала, и в целом результаты анализов Ломоносова нареканий не вызывали до тех пор, пока в 1752 г. не произошло недоразумение (см. документ № 41 и примечания к нему).

В данном случае Кабинету, во главе которого стоял барон И. А. Черкасов, потребовался анализ самородной меди, найденной иркутским служилым человеком Дмитрием Наквазиным на одном из Командорских островов. Ее образцы были доставлены из Сибирского приказа в Берг-коллегию, которая 5 июля 1749 г. и препроводила 1 фунт (0,4 кг) в Кабинет «на пробу: сходна ли будет в доброту с японскою?» (*Записки ИАН*, 1866, т. 10, кн. 2, с. 183).

² По получении от Ломоносова этого письма барон Черкасов распорядился: «Чтобы получить сюда оной камчатской меди довольное (на лигатуру в червонные и на другие потребности) число, о том Берг-коллегия имеет свое прилежное старание употребить и чтоб при том было совершенное географическое описание и по горному искусству описание ж, как она и в каком количестве лежит и каким способом ее достать можно, для чего надлежит отправить искусного горного офицера из Берг-коллегии» (*Записки ИАН*, 1866, т. 10, кн. 2, с. 183–184).

В дальнейшем никакого участия в этом деле Ломоносов, по-видимому, не принимал. Оберштенфорвальтер Петр Яковлев с командой был отправлен Берг-коллегией на Командорские острова лишь в августе 1754 г., но какие именно результаты дала его экспедиция — неизвестно.

30. И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ
28 сентября 1749 г. Петербург

Hochwohlgeb[ohrner]
Insonders Hochgeehrter
H[err] Professor.

Wann man nun Ew. Hochedelgeb[ohren] Panegyricum zu drücken hätten, würde man des Drucks halben nicht so bekümmert seyn, sondern es biss auf die letzte nach der löbl[ichen] gewohnheit lassen anstehn. Da S[eine] Exc[ellenz] befohlen haben nahe bey dreyhundert Bücher von der Publ[iquen] assamblee russ[isch] und lateinisch in unterschiedenen Bänden gebunden der gestallten nach Moscau zu schicken, dass selbige

14 Tage vor den Acta allda ohnfehlbahr seyn sollen, so können Sie leicht einsehn dass keine Zeit übrig steye und dass man nicht ohne Ursache sich *so schrecklich damit finden*. Ich habe die Ehre Ihnen den Panegyricum zurück zu schicken, mit dem Beding dass Sie selbig so gut Sie können ausputzlen und ohne Zeit Verlust wieder zurück in die Canzelley schicken. Übrigens verharre mit allem Estime

Ew. Hochedelgeb[ohrnen].

St. P[etersburg]
d[en] 28 7-br
1749.

An H[errn] Prof[essor] Lomonossow.

Высокород[ный]
и высокочтимейший
г[осподин] профессор.

Если бы было необходимо отпечатать лишь Панегирик В[ашего] Высокор[одия], то само печатание нас бы столь сильно не заботило, ибо по похв[альному] обычаю мы бы ожидали до последней возможности. Поскольку, однако, Е[го] Прев[осходительство] приказал послать около трехсот книг для публ[ичного] собрания, рус[ских] и латинских, переплетенных в отдельные томы, с таким расчетом в Москву, чтобы таковые непременно были там за 14 дней до акта, Вы можете легко усмотреть, что времени не остается и что *ужасные опасения* по данному поводу не лишены причины. Имею честь возвратить Вам Панегирик с условием, чтобы Вы его насколько можете тщательно выправили и без промедления направили обратно в Канцелярию¹. Остаюсь с полным почтением

В[ашего] Высокор[одия].

С[анкт] П[етербург].
28 сентября
1749.

Г[осподину] проф[ессору] Ломоносову*.

---

* Перевод А. Б. Модзалевского.

Источники текста

Канцелярский отпуск на немецком языке: *ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 38. Л. 48.*

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 103–104 (немецкий текст и русский перевод).

Примечания

¹ Шумахер требует скорейшего окончания работы над Панегириком императрице Елизавете Петровне, который Ломоносов начал писать в феврале 1749 г. по распоряжению графа К. Г. Разумовского. Готовый текст на русском языке Ломоносов представил в Академическую канцелярию 3 августа 1749 г., и в тот же день он был отправлен в Москву, где тогда пребывал Двор, для утверждения к произнесению в очередном публичном собрании Академии наук, назначенном на 6 сентября, в день тезоименитства Елизаветы Петровны.

После одобрения речи Разумовским Академическая канцелярия 11 августа постановила напечатать ее на русском и латинском языках. Ордер Канцелярии Ломоносову с предложением представить перевод Панегирика датирован 17 августа 1749 г. (*Летопись*, с. 148).

По-русски «Слово похвальное всепресветлейшей державнейшей великой Государыне Императрице Елисавете Петровне...» было отпечатано к 28 августа. Однако 31 августа Разумовский отдал распоряжение о переносе даты публичного собрания на 26 ноября, к годовщине восшествия на престол императрицы. Поэтому в репорте о работах за майскую треть, поданном в Академическую канцелярию не позднее 19 сентября, Ломоносов указал, что успел перевести на латинский язык только «половину» Панегирика (*ПСС 10*, с. 381).

Новый указ о русском тексте речи Ломоносова Канцелярия дала 28 сентября 1749 г.: «Похвальное слово господина профессора Ломоносова оставить так, как оно и прежде было уже от господина Президента апробовано, а перепечатать только те приличности, которые сам господин Ломоносов отменить захочет при переносе Слова своего от 6 сентября к 25-му ноября и не ожидая на ту отмену никакой конфирмации от Президента, в том уповании, что то неважные переносы будут, которые автору отменить должно» (*Материалы 10*, с. 111).

Исправленные листы русского текста Ломоносов возвратил в типографию уже 29 сентября. С латинским переводом оказалось сложнее — работа над ним Ломоносова затянулась до 2 ноября (*Летопись*, с. 151). Однако из донесения корректора Академической типографии А. С. Барсова от 23 ноября известно, что «Слово похвальное...» в русском и латинском изданиях было благополучно напечатано к сроку (*Сочинения 4*, с. 299–300).

Панегирик Ломоносова вошел в издание «Торжество Академии наук в честь и прославление вожделеннейшего и всерадостнейшего дня восшествия на пре-

стол... Императрицы Елизаветы Петровны... празднованное публичным собранием на другой день восшествия на престол Ея Императорского Величества, то есть ноября 26 дня 1749 года». СПб., 1749 (СК 2, с. 176; СК 3, с. 231). Кроме него, в книге помещены «Описание иллюминации», «Объявление о награждении, которое от Санктпетбургской Императорской Академии наук решителю нижеписанной задачи обещается», «Рассуждение о свойстве исхождения воды парами» Г. В. Рихмана и ответ на него Х. Г. Кратценштейна.

Аналогичное по содержанию издание на латинском языке: «*Diem imperii faustissimum atque laetissimum serenissimae et potentissimae principis ac dominae Elisabethae Petri Magni filiae imperatricis et autocratoris...*». Petropoli, [1749] (СК ин. 1, с. 222; СК ин. 2, с. 173–174).

В 1765 г. русский текст «Слова похвального... Елизавете Петровне...» Ломоносова был перепечатан вместе с его же Панегириком Петру Великому (см. примеч. 6 к документу № 43).

31. И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ
14 ноября 1749 г. Петербург

Благородный господин профессор.

Послана при сем к Вашему Благородию с присланного из Москвы за рукою обретающегося в Присудствии в Главной Канцелярии АН ассессора господина Теплова письма копия, дабы впредь в газеты вносить чин особенного достоинства с их именем и отчеством и с надлежащею учтивостью, а не так, как под № 85 об Иване Ивановиче господине Шувалове, которой сентября 4 числа пожалован камер юнкером¹.

Того ради Ваше Благородие при вношении в ведомости изволите иметь прилежное смотрение, дабы впредь таковых неисправностей чинено не было. Вашего благородия готовый слуга.

Источники текста

Отпуск: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 803. Л. 448.

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 36 второй пагин.

Примечания

¹ При публикации в «Санктпетбургских ведомостях» (1749, № 85, с. 678) «артикула» (извещения) о пожаловании И. И. Шувалова было пропущено его

отчество. Причем произошла эта «оплошность» по вине самого Теплова, написавшего Шумахеру 16 октября: «...В силу полученного из Правительствующего Сената указа, с коего при сем приобщаю копию, о пожаловании камер пажа Ивана Шувалова в камер юнкеры прошу внести в русские и немецкие газеты, ежели не внесено...» (*Биллярский*, с. 134). Впрочем, в приложенном к письму печатном листе с текстом Сенатского указа от 9 октября отчество Шувалова тоже не упомянуто.

«Артикул» вызвал неудовольствие Высшей власти, поэтому потребовалось найти «ответственных» среди низших академических служащих. В этом и заключается смысл письма Теплова к Шумахеру, от 6 ноября 1749 г. из Москвы, копия с которого была направлена Ломоносову:

«...Его Сиятельству [графу К.Г.Разумовскому] безмерно удивительно, как мало подчиненные смотрят на свою должность и отправляют дела свои с крайним нерадением и неосторожности. Сколько памятуется, и определением особливим подтверждено было, дабы чины особливого достоинства всегда внесились в газеты с их именем и отчеством и с надлежащею учтивостью, а не так, как под № 85-м об Иване Ивановиче г[оспо]д[и]не Шувалове, которой сентября 4 числа пожалован камер-юнкером. Ежели г[оспо]да газетиры отговорку станут приносить, что они прописали именной указ Ея Императорскаго Величества, то ведали бы, что в помянутых газетах того не означено, а объявлено о сем пожаловании артикулом газетным. Хотя же и видно, а особливо из того, что упомянуто о жаловании, что сей артикул не что иное есть, как точная копия с указа, однакож в таком случае надлежало бы именно объявить, что тот указ Ея Императорскаго Величества по тому же образцу, как у нас и все указы таковые в газетах объявляются. Сие не что иное есть, как у подчиненных в положенных на них делах усматривается крайняя неосторожность и нерадение. Чего ради Его Сиятельство г[оспо]д[и]н Президент приказал к Вашему Высокоблагородию писать, дабы Вы, призвав в Канцелярию тех, на ком сие взыскивать надлежит, учинили им пристойный выговор в Канцелярии, записав сие в журнал канцелярской, и при том объявили бы им, что ежели впредь столько же неосмотрительно поступят, штрафованы будут по силе указов за ослушание команды. А для исправления сея погрешности посылаю артикул из Воскресенского монастыря, которой точно так внести в газеты, как он сочинен...» (*Биллярский*, с. 135).

«Ответственными» за пропуск в газете отчества Шувалова оказались корректор А. С. Барсов и переводчик В. И. Лебедев (поскольку пропуск, разумеется, имел место и в немецком выпуске «Санктпетербургских ведомостей»). Они оправдывались 15 ноября: «...Того ради Санктпетербургской Канцелярии Академии наук покорнейше сим репортуем, что мы тогда у многих людей об отчестве его спрашивали, но никто нам того объявить не мог; чего ради мы, отчества

его не зная, так и оставили; а ежели бы знали, то б оного поставить никак не преминули...» (*Биллярский*, с. 136).

Академическая канцелярия объявила Барсову и Лебедеву выговор, «а ежели впредь оныя столько же неосмотрительно поступят, то штрафованы будут по силе указов заслушание команды. А проф[ессору] Ломоносову, [которому] над Ведомостною экспедицией смотрение иметь велено, с присланного от assessора г[оспо]д[и]на Теплова письма сообщить при ордере копию...» (*Биллярский*, с. 136).

Ломоносов ответил Шумахеру письмом от 17 ноября (см. документ № 32).

32. ЛОМОНОСОВ — И. Д. ШУМАХЕРУ
17 ноября 1749 г. Петербург

Высокоблагородный г[оспо]д[и]н советник,
Милостивый Г[осу]д[а]рь мой!

В присланном от Вашего Высокоблагородия ко мне от 15 [!] числа сего месяца пис[ь]ме объявлено мне, якобы несмотрением моим в Московском артикуле здешних ведомостей пропущено отчество Двора Ея Величества камер юнкера г[оспо]д[и]на Ивана Ивановича Шувалова. На сие Вашему Высокоблагородию доношу, что по данной мне от Академической канцелярии Инструкции должен я рассматривать только один перевод Российской, а до Российских артикулов нет мне никакого дела. Ибо оные присылаются от Канцелярии в экспедицию, и так, как есть, печатаются: за тем в них я ничего переменять не должен, кроме погрешностей в Российском языке, а особливо что в данной мне Инструкции предписано от всяких умствований удерживаться¹. В прочем с должным почтением пребываю

Вашего Высокоблагородия
покорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Ноября 17 дня
1749 года.

Источники текста

Автограф: ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 803. Л. 450—450об. Вверху письма канцелярская помета: «№ 1778. Подано ноября 18 дня 1749 года. Сообщить к делу».

Описание: *Модзалевский*, с. 90.

Публикации: *Биллярский*, с. 136–137; *Ламанский*, с. 87; *Пехарский II*, с. 422 (без обращения и подписи); *Сочинения* 8, с. 104; *ПСС* 10, с. 468.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Ломоносов ссылается на Инструкцию, данную Академической канцелярией 6 мая 1748 г., одновременно с постановлением о назначении Я. Штелина заведующим «Ведомостной экспедицией», ответственным за составление текста для «Санктпетербургских ведомостей»:

«1. Г[осподину] надворному советнику и профессору Штелину ведомости из иностранных немецких и французских письменных и печатных известий, по понедельникам и четверткам, в Ведомостной экспедиции писать, и Лебедеву, Фрейгангу, Барсову и студенту Теплову оные по-прежнему переводить, а профессору г[осподину] оные их переводы править и последнюю оных ревизию отправлять. Корректуры как Немецких, так и Российских Ведомостей в Ведомостной экспедиции, а не дома — под штрафом — делать, чего ради им всем в Ведомостные дни в экспедицию приходить и каждому должность свою притом верно и радостельно исполнять.

2. Никакова артикула из России, из какова бы места ни было, без ведома Президента или в отсутствие его Канцелярии, в Ведомости не вносить же.

3. В писании от всякого умствования и предосудительных экспрессий удерживаться; особливо что к предосуждению России или ея союзников касается в Ведомости не вносить.

4. Как письменные, так и печатные известия, которые в Ведомости поставлены, помесячно расположить и в надлежащем месте прилежно хранить, дабы по требованию о том, что в Российских ведомостях опубликовано, ответ дать можно было.

5. Прежде нежели Ведомости в народ пущены будут, то наперед по одному экземпляру Русских и Немецких ведомостей на почтовой бумаге Канцлеру в Домовую канцелярию вносить» (*Пехарский II*, с. 396).

Таким образом, Ломоносов вполне резонно отверг попытку претензии в свой адрес, и это дело завершилось для него без последствий. Шумахер в ответном письме к Теплову сообщил, правда, что выговор был объявлен всем троим — Барсову, Лебедеву и Ломоносову, но, как видно из документов, это не вполне соответствовало действительности.

От работы по исправлению переводов «Санктпетербургских ведомостей» Ломоносов отказался в марте 1751 г. (*ПСС* 2, с. 346).

Clariss[imo] Lomonosovio
Collegae et amico aestumatissimo

S. D.

Richmann.

Cum consilium tuum de Barometro univ[ersali] attente perlegerem in primis animadverti duo incommoda, quae tecum eum in finem privatum communicare volui, ut cogites, qua ratione fieri possit, ut illa spem non irritam et dubiam reddant.

Primo differentia elasticitatum aëris primitivi et mutati in bulbo est 1: 2871400 et elasticitas aëris primitivi 2871400. Haec differentia tribuenda erit, vel *gravitati mercurii diminutae*, temperie aëris in bulbo manente constante, vel *elasticitati aëris calore auctae*, si temperies aëris non potest servari constans, sed calore majore augetur.

Ponamus ultimam condicionem fini repugnantem et inimicam obtinere, nimirum differentiam dictam pendere ab calore, quo aëris elasticitas aucta est, et inquiramus in temperiem, quae hinc elasticitati gignendae par est, ut videamus, an probabiliter hinc pendere possit?

Vis elastica aëris aqua gelascente generata est ad vim elasticam aqua ebulliente generatam ut 1 ad $1\frac{1}{2} = 2871400$ ad 4307100, et differentia harum elasticitatum erit 1435700. Si nunc differentiae elasticitatum ponuntur ut differentiae temperierum, erit 1435700: (1: 2871400) = gr. Th. Fahr. 180 infra gradum ebullientis aquae (qui est differentia inter gradum temperiei aquae ebullientis et gelascentis) ad $1 \times 180 : (2871400 \times 1435700) = (1: 229022864)$ ferme. Erit itaque differentia temperierum aëris primitivi et rarefacti 1: 229022864 gr. Th. Fahr. Si ergo hac inobservabili parte gradus. Therm. Fahr. calor aëris, aqua gelascente condensati, augetur; mercurius absque diminutione gravitatis suae videtur elevari posse ad requisitam altitudinem et in tubo horizontali per assignatam viam recedere, si scil. volumen aëris manet, si mutatur ad minorem. Cumque multo majores differentiae temperierum inobservabiles sint, multo majores variationes in hac machina ab calore mutato pendere posse videntur.

Secundo utrique vi tam elasticitatis auctae per calorem, quam elasticitatis diminutae ob gravitatem mercurii diminutam frictio inprimis in angusto tubo horizontali, resistit. Metuit hanc frictionem Celeberrimus Bülffingerus in Tomo I Comment. p. 321 in Barometro Bernoulliano. In tubo tamen diametri unius lineae observavit non esse tantam ut minores variationes frictione sufflaminarentur. Cum autem in machina diameter multo minor ponatur, mihi admodum veri simile est, minimas variationes quas observare cupimus, frictione sufflaminari debere. Vale!

Haec Tecum privatim communicare volui, ut si digna judicares attentione, quaedam adderes ad ea, quae Conventui proposuisti, quibus his dubiis, quae aliis etiam facile in mentem venire poterunt, obviam ire posses. Si pari ratione mecum privatim, si quid occurrit circa ea, quae trado, communicare volueris, gratissimum mihi erit semper.

Addo rationem voluminis aëris inclusi in hoc negotio necessario habendam esse, si finis obtineri debet et variatio a gravitate mutata discerni a variatione pendente ab elasticitate aëris mutata.

Славнейш[ему] Ломоносову
уважаемому товарищу и другу

ш[лет] п[ривет]

Рихман.

Когда я внимательно прочел твои наставления об унив[ерсальном] барометре¹, я заметил прежде всего два неудобства, о которых и хотел поговорить с тобой с той специальной целью, чтобы ты подумал, как сделать, чтобы они не разрушили всех надежд и не сделали их сомнительными.

Прежде всего разница упругостей обыкновенного воздуха и измененного, находящегося в шаре, равна 1: 2871400, а упругость обыкновенного воздуха = 2871400. Эту разницу следует объяснить — или *уменьшением тяжести ртути*, при неизменяемой температуре воздуха в шаре, или же *увеличением упругости воздуха* от нагревания, если температура воздуха не может остаться постоянной, но увеличивается от нагревания.

Положим, что имеет место последнее условие, противодействующее и враждебное нашей цели, а именно, что указанная разница

зависит от теплоты, увеличивающей упругость воздуха, и отыщем температуру, которая должна соответствовать порождаемой здесь упругости, чтобы таким образом обнаружить, возможна ли эта зависимость.

Упругость воздуха при замерзании воды относится к упругости воздуха при кипении воды, как 1 к $1\frac{1}{2} = 2871400$ к 4307100 , и разница этих упругостей будет 1435700 . Если теперь принять разницу в упругостях, как разницу в температурах, то 1435700 : $(1 : 2871400) = 180$ °Ф. ниже точки кипения воды (это разница между температурой кипящей и замерзающей воды) к $1 \times 180 (2871400 \times 1435700) = (1 : 229022864)$. Итак, разница между температурой обычного воздуха и разреженного = $1 : 229022864$ °Ф. Итак, если температура воздуха, сгущенного замерзающей водой, увеличится на эту незаметную часть градуса по Фаренгейту, то ртуть, очевидно, может подняться до требуемой высоты без уменьшения своей тяжести и спуститься по горизонтальной трубке указанным ей путем. Следовательно, объем воздуха не меняется, если изменения происходят в сторону уменьшения. Так как гораздо большие разницы температур остаются незаметными, то гораздо большие изменения, по-видимому, могут зависеть в этом приборе от изменения теплоты.

Во-вторых, обем силам, как увеличению упругости от теплоты, так и уменьшению упругости вследствие уменьшения тяжести ртути, оказывает сопротивление трение, особенно в узкой горизонтальной трубке. Этому трению боялся в барометре Бернулли знаменитый Бюльфингер в 1-м томе Комментариев, с. 321². Он заметил, однако, что в трубке диаметром в одну линию оно не так велико, чтобы меньшие различия исчезали от трения. Если же взять прибор с гораздо меньшим диаметром, то мне кажется вероятным, что самые маленькие изменения, которые нам желательно наблюдать, должны исчезать от трения. Прощай!

Я пожелал сообщить тебе это частным образом, чтобы ты мог, если сочтешь что достойным внимания, добавить это к тому, что ты доложил Собранию и мог бы выступить навстречу сомнениям, которые легко могут прийти в голову и другим. Если бы ты, также частным образом, пожелал бы побеседовать со мной о том, что я говорил, мне это всегда будет приятно.

Добавлю, что по этому вопросу необходимо еще иметь объем воздуха, заключенного в этом приборе, если нужно достичь

цели и установить различие между разницей, вызванной изменением тяжести, и той, которая зависит от изменения упругости воздуха*.

Источники текста

Автограф на латинском языке: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 43. Л. 8–9.*

Описание: *Каталог, отдел VII, с. 18.*

Печатается по первой публикации: *Сочинения 8, с. 105–108* (латинский текст и русский перевод), с уточнением даты.

Примечания

¹ Письмо является отзывом на диссертацию «*Consilium de construendo Barometro universalis proponitur clarissimis Academicis Auctore Michaële Lomonosow*» («Проект конструкции универсального барометра, предложенный славнейшим академиком Михайлом Ломоносовым»), написанную в октябре — ноябре 1749 г. При помощи изобретенного им прибора Ломоносов предполагал измерение сил притяжения Солнца и Луны, которые «нарушают у нас на земле силу тяжести и которые помимо этого обнаруживаются только по морским приливам» (*ПСС 2, с. 329*).

В Академию диссертация была представлена 16 ноября и прочитана Х.Н. фон Винштеймом, И.Х. Гебенштеймом, Г.В. Рихманом, И.А. Брауном и Х.Г. Кратценштейном. Письменные отзывы дали только Рихман — в форме этого личного письма, и Кратценштейн — под заглавием «*Ulterior explanato dubiorum circa barometrum universal a A. Lomonosov propositum*». Оба отметили некоторые «неудобства» конструкции барометра, которые, по их мнению, снижали его качество.

1 декабря 1749 г. Ломоносов докладывал свой проект в Академической конференции, но сомнения, возникшие у профессоров, привели к тому, что 4 декабря диссертация была сдана на хранение в «академические шкафы», т. е. в архив, и более оттуда не извлекалась.

Впервые в подлиннике работа Ломоносова о барометре была опубликована только в 1940 г. (*Сочинения 6, с. 246–249*), в переводе на русский язык — в 1951 г. (*ПСС 2, с. 328–343*).

² Рихман ссылается на статью Г. Б. Бюльфингера: *De variis barometris sensibilioribus, et eorum nova specie, ac usibus // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, 1728, т. 1, п. 317–341.*

---

* Перевод М. Е. Сергеенко.

Милостивый Государь Иван Иванович!

Поздравляю Вас с приездом в прекрасное Сарское Село, в которое я отсюда как в рай мыслию взираю, и завидую Тамире, что она счастливее своего сочинителя, за тем, что предстанет без него пред очи Великия Монархини², в том приятнейшем месте, которое от него усердными похвалами возвышено³. Я чаю, что когда Тамира в конце третьяго действия от отца своего бежать намерится; то Засисаном будет поимана не в самом бегстве⁴, но когда засмотрится на красоту великолепнаго здания⁵ и в изумлении остановится, забыв о Селиме; и Мамай от Нарсима тогда будет проколот⁶, когда он в поле на позлащенные верхи оглянется⁷. О том я думаю так, а в прочем, что бы она без меня так же поступила, как недавно у меня в доме, того равно так сильно желаю⁸, как с искренним почитанием пребываю

Вашего Высокородия
 всепокорнейший слуга
 Михайло Ломоносов.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I, с. 342–343* (без даты), откуда перешло в *Собрание разных сочинений, ч. II, с. 248–249, Изд. Перевлесского, с. 146* и *Изд. Смирдина, т. I, с. 683* (также без даты). *Сочинения 8, с. 109. ПСС 10, с. 468–469.*

Печатается по первой публикации, с уточнением даты.

Примечания

¹ Впервые предложенная *Биллярским* (с. 146 и 815) датировка письма «май — июль (до 1 августа) 1751 г.» в *ПСС 10* была признана ошибочной и изменена на «1 ноября — 28 декабря 1750 г.». В настоящем издании датировка письма уточнена на основании сопоставления записей Камер-фурьерских журналов.

² Трагедия «Тамира и Селим» была написана Ломоносовым по Высочайшему повелению летом — осенью 1750 г. К 1 ноября ее текст был уже набран в Академической типографии, а к 23 ноября 1750 г. отдельное издание «Тамиры и Селима» поступило в Академическую книжную лавку. Впервые трагедия была разыграна кадетами Сухопутного шляхетского корпуса 1 декабря 1750 г.:

«В субботу при Дворе Ея Императорскаго Величества представлена была вновь трагедия о Мамае, сочиненная профессором Ломоносовым (*Журналы Камер-фурьерские* 1750 года. [СПб., S. a], с. 145). Второй раз при Дворе трагедию играли 9 января 1751 г. (*Журналы Камер-фурьерские* 1751 года. [СПб., S. a], с. 13).

³ По-видимому, Ломоносов имеет в виду свою «Оду, в которой Ея Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года» (*ПСС* 8, с. 394–403).

⁴ «Тамира и Селим», осьмое явление III действия (*ПСС* 8, с. 335–338).

⁵ С 1744 г. Царскосельский дворец перестраивался архитекторами А. В. Квашовым и С. И. Чевакинским. Новая отделка его внутренних покоев и фасадов была во многом завершена к зиме 1749–1750 гг. Ср. в указанной оде Ломоносова:

Как естли зданием прекрасным
Умножить дóлжно звезд число,
Созвездием являться ясным
Достойно Сарское Село.
Чудовища, что легковерным
Раченьем древность и безмерным
Подняв на твердь, вместила там,
Укройте за пределы света:
Се зиждет здесь Елисавета
Красу, приличну небесам... (*ПСС* 8, с. 398).

⁶ Соответствующие места в трагедии «Тамира и Селим»: первое явление IV действия и последнее явление V действия (*ПСС* 8, с. 338–340 и 477–486).

⁷ Главы церкви Царскосельского дворца были вызолочены осенью 1749 г. Ср. в указанной оде Ломоносова:

Великолепными верьхами
Восходят храмы к небесам;
Из них пресветлыми очами
Елисавет сияет к нам;
Из них во все страны взирает
И на едине представляет
Врученный свет под скипетр свой,
Подобно как орел парящий,
От самых облак зрит лежащи
Поля и грады под собой (*ПСС* 8, с. 399).

⁸ Эти слова, вероятно, показывают, что Ломоносов у себя дома читал только что написанную трагедию И. И. Шувалову, на которого она произвела благопри-

ятное впечатление. Поэтому теперь Ломоносов выражает желание, что такое же впечатление «Тамира и Селим» произведет и на императрицу.

35.

Ломоносов — И. И. Шувалову

8 мая 1751 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Поздравляю Вас с благополучным выездом в те прекрасныя места¹, в которых холодноватые Российские Зефиры не могут препятствовать натуры и искус[с]тва силе в произведении красот, обыкновенных в благорастворенном теплотою климате. Дай Боже, чтобы пружестокая минувшая зимы стужа², и тяжелый продолжительная весны холод награжден Вам был прекраснаго лета приятною теплотою. А чтобы в оных днях ясность и тихость еще показалась Вам приятнее, то должно Вам представлять в уме противное время. Но как лето и зима вдруг быть не могут, чтобы Вы сличив одно с другим, при строгости и скучном виде одново, могли яснее видеть и выше почесть другою красоту, нежность и приятность, для того имею честь прислать Вам зиму стихотворную в еклоге, сочиненной студентом Поповским³. Я в ней не поправил ни единова слова, но какову он прошедшей зимы дал, так к Вам и вручить честь имею, с должным почтением непременно пребывая

Вашего Высокородия
вспокорный слуга
Михайло Ломоносов.

Санктпетербург

Мая 8 дня

1751 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 319, откуда перешло в *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 247–248; *Изд. Перевлесского*, с. 119–120 и *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 657–658. *Сочинения* 8, с. 108. *ПСС*. 10, с. 469–470.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ И. И. Шувалов часто сопровождал императрицу в Царское Село, что отмечено уже в первом стихотворном произведении Ломоносова, обращенном к нему, — «Письме к его высокоородию Ивану Ивановичу Шувалову» (18 августа 1750 г.):

Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в Севере цветет... (*ПСС* 8, с. 289).

По-видимому, в это время и началось сближение Ломоносова с Шуваловым, быстро переросшее в более чем тесную дружбу. В известной сейчас переписке Ломоносова письма к Шувалову 1750–1764 гг. составляют самый большой комплекс. При этом из писем Шувалова к Ломоносову до сих пор известно только одно.

² По метеорологическим наблюдениям профессора И. А. Брауна, в феврале 1751 г. температура в Петербурге опускалась до минус 30 градусов (*Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие*, 1755, февр., с. 155).

³ Упомянутая эклога Н. Н. Поповского, любимого ученика Ломоносова в «словесных науках», неизвестна. Возможно, речь идет о стихотворении, прочитанном Поповским на экзамене в Академическом университете 22 мая 1751 г. В «Мнении о успехах студентов в науках», подписанном девятью академиками, в т. ч. Ломоносовым, о Поповском сказано, что он «в словесных и философских науках такой опыт искусства оказал, что на все вопросы изрядно отвечивал, а сверх того сообщил своего сочинения стихи на российском и латинском языках, которые с немалою его похвалою читаны» (*Сочинения* 8, с. 41 второй пагин.).

Далее см. документ № 54 и примеч. к нему.

36. Ломоносов — И. И. Шувалову
15 августа 1751 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович.

Его Сиятельство Граф Михайло Ларионович Воронцов по своей высокой ко мне милости изволил взять от меня пробы мозаичных составов для показания Ея Величеству¹; при котором случае, ежели Вашему Превосходительству² непротивно, всепокорно прошу постараться о моем низжайшем прощении, чтобы мне, имея слу-

чай и способы, удобнее было производить в действие мои в науках предприятия³. Ибо хотя голова моя и много зачинает, да руки одне, и хотя во многих случаях можно бы употребить чужия, да приказать не имею власти. За безделицею принужден я много раз в Канцелярию бегать и подьячим кланяться, чевю я, право, весьма стыжусь⁴, а особливо имея таких, как Вы, Патронов. Нет ни единого дня, в которой бы я не упоминал о Вашей ко мне милости, и ею бы не радовался. Однако нет ни единого моего в Академию приезда, в которой бы я не удивлялся, что она, имея в себе сына отечества, котораго Вы любите и жалуете, не может того дожить, чтобы он отвратил от ней все чрез 25 лет⁵ бывшия всем успехам и должным быть пользам препятствия. Заклячая сие последнее мое о сем прошение, с великою надеждою ожидаю желаемого, и с искренним почтением пребываю до смерти

Вашего Превосходительства
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов.

Санктпетербург
Августа 15 дня
1751 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 320, откуда перешло в *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 249–250; *Изд. Перевлесского*, с. 120–121; *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 658–659. *Биллярский*, с. 154. *Сочинения* 8, с. 110. *ПСС*. 10, с. 470–471.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ С древнерусскими мозаиками Софийского собора Ломоносов познакомился еще в 1734 г. во время пребывания в Киеве. Много лет спустя в Петербурге он увидел образцы работы Ватиканских мозаичных мастерских, в 1746 г. привезенные М. Л. Воронцовым из Италии. Известно, что среди них была мозаика «Плачущий апостол Петр». В 1750 г. в Петербург был доставлен мозаичный портрет императрицы Елизаветы Петровны, заказанный Воронцовым мозаичисту А. Кокки с оригинала Л. Каравака.

К собственной работе над изготовлением окрашенных стекол Ломоносов приступил в 1749 г. и 8 января 1750 г. уже показывал их в Академическом собрании. 19 января Ломоносов подал К. Г. Разумовскому репорт, в котором

представил значение этой работы: «Стекла различных цветов употребляют в финифть и в финифтяную живопись, на малеванье фарфоровой и финифтяной посуды, на мусию и на другие украшения и сверх того из таких стекол можно делать немалые плиты разных цветов, наподобие аспида и мрамора. Для того прилагаю я возможное старание, чтобы делать стекла разных цветов, которые к помянутым художествам годны были, и в том имею нарочитые прогрессы» (ПСС 9, с. 48).

О том, что инициатором затеи с мозаикой явился именно М. Л. Воронцов, свидетельствует посвящение Ломоносова во втором издании «Волфианской экспериментальной физики» (1760): «...Изыскание причины цветов хотя мне всегда было приятнее всех физических исследований, особливо ж для того, что оно больше зависит от химии, моей главной профессии, однако возбудилось во мне большее желание к испытанию оных, когда до Вашего Сиятельства достохвальным любопытством, по окончании Вашего дальнего по знатнейшим европейским государствам путешествия, привезены в Россию лучшие мозаичные изображения из Рима, где сие многотрудное искусство процветает и где знатнейшие во всем свете огромные публичные строения им украшают, не щадя великого иждивения. И так, сколько испытание физических причин, разные цветы производящих, столько ж, или еще больше, примеры римской мозаики и Вашего Сиятельства милостивое ободрение побудило меня предпринять снискание мозаичного художества...» (ПСС 3, с. 432).

После того как работа над окрашенными стеклами дала хорошие результаты, Ломоносов, разумеется, принялся действовать через Воронцова, передав ему образцы для показа императрице. Для создания собственно мозаичных картин требовалось еще изготовить смальту (брусочки из цветного непрозрачного стекла) и скрепляющий их раствор. Поэтому свою первую законченную художественную работу — образ Богоматери с оригинала Ф. Солимены — Ломоносов смог поднести Елизавете Петровне только 4 сентября 1752 г., о чем и репортовал Академической конференции 15 сентября (ПСС 9, с. 74–75).

Далее см. примеч. 4 к документу № 67.

² Право титуловаться «Вашим Превосходительством» И. И. Шувалов получил после того, как 1 августа 1751 г. был пожалован в камергеры Высочайшего Двора.

³ «Предприятия» Ломоносова заключались в мысли о производстве цветных стекол и мозаичных работах в широких масштабах.

В октябре 1751 г. и в сентябре 1752 г., правда, безуспешно, Ломоносов пытался заинтересовать своей идеей Канцелярию от строений (ПСС 9, с. 73–74) и даже саму императрицу: «...Ежели Всемилостивейше позволено будет делать на продажу мозаичные столы, кабинеты, зеркальные рамы, шкатул[к]и, табакерки и другие домашние уборы и галантереи, то будут сии заводы сами себя оку-

пать и со временем приносить прибыль, и ради скорейшего в деле успеха на прибыльных деньгах больше людей содержать можно будет. Сие все имеет служить к постоянному украшению церкви и других знатных зданий, а особливо к славе Ея Императорского Величества» (*ПСС 9*, с. 79). В последнем случае Ломоносову, видимо, было рекомендовано обращаться в Правительствующий Сенат.

Прошение разрешить открыть лично ему фабрику цветного стекла Ломоносов подал в октябре 1752 г. (*ПСС 9*, с. 79–82). Об этих хлопотах он упоминает в письме к И. И. Шувалову от 4 января 1753 г. (см. документ № 43).

⁴ Организация, а затем и правильная работа Химической лаборатории как академического учреждения, естественно, требовала от Ломоносова обширной переписки с Академической канцелярией (см. примеч. 3 к документу № 28). «Подьячие» же при этом особой «учтивости» действительно не проявляли. См., например, «мнение» И. Д. Шумахера на доношение Ломоносова о назначении ему лаборатора, поданное 23 февраля 1749 г.: «Хотя бы г[осподи]н профессор Ломоносов и никаких других дел, кроме химических, не имел, однако необходимо надобен ему лаборатор или такой человек, который с огнем обходиться умеет, понеже профессор сам того еще не знает, да и, упражняясь в теории, столь скоро тому не научится. Ежели ему такой человек придан не будет, то он больше сосудов испортит и больше материалов потратит, нежели сколько жалования приданный ему человек получит, а ничего особенного не сделает» (*ПСС 9*, с. 661).

⁵ Т. е. от создания Академии наук в России в 1725 г. по указу императрицы Екатерины I.

37. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
10 сентября 1751 г. Санкт-Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Не могу преминуть, чтобы Вашему Превосходительству не сообщить сочиненных мною после спуска корабля за обедом кратких стихов¹, ведая Вашу к наукам, а особливо к словесным, охоту.

Сойди к нам Златоуст, оставив небеса;
Достойна твоего здесь зрения краса:
Петрова Дщерь тебе корабль сей посвящает
И именем твоим и море наполняет.
Как будешь ты ходить на нем промеж валов;
Гречи против ея завистливых врагов².

Златыми прежде ты гремел в церквах устами;
Но пламенными нынъ звучи в водах словами.

При сем доношу, что я ныне *Демофонта*³ докончатъ стараюсь; и при том делаю план Российской истории⁴, которой по возвращении Вашем в Санктпетербургъ показать честь иметь буду, и непременно с глубоким почтением пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов.

В Санктпетербурге
Сентября 10 дня
1751 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 321, откуда перешло в *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 250–251; *Изд. Перевлесского*, с. 121–122; *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 659–660. *Биллярский*, с. 155 (отрывок). *Сочинения* 8, с. 111. *ПСС* 10, с. 471–472.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Стихи написаны Ломоносовым в связи со спуском 80-пушечного военного корабля первого ранга «Иоанн Златоуст первый», заложенного на верфях Адмиралтейства 18 мая 1749 г. Добавление номера к имени корабля объясняется тем, что в это время на Балтийском флоте уже был 66-пушечный корабль второго ранга «Иоанн Златоуст», заложенный 1 октября 1747 г. и спущенный на воду 18 мая 1749 г., одновременно с кораблем такого же типа «Александр Невский» (*СПб. ведомости*, 1749, № 40, с. 218). На спуск последнего Ломоносов написал тогда надпись:

Гора, что Горизонт на суше закрывала,
Внезапно с берегу на быстрину збежала:
Между палат стоит, где был недавно лес;
Мы веселимся здесь в середине тех чудес.
Но мы бы в лодочке на луже чуть сидели,
Когда б великаго Петра мы не имели (*ПСС* 8, с. 234).

Торжество спуска корабля «Иоанн Златоуст первый» состоялось 8 сентября 1751 г. в 2 часа пополудни в присутствии императрицы (*СПб. ведомости*, 1751,

№73, с. 553–554). После этого к имени уже имевшегося корабля, стоявшего ниже по рангу, было добавлен номер «второй» (*Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год.* СПб., 1872, с. 26–27; см. также: *Он же. Материалы для истории русского флота*, ч. 10. СПб., 1883, с. 147–148).

Впервые в печати надпись на спуск корабля «Иоанн Златоуст первый» появилась в книге первой «Сочинений Ломоносова» 1757 г. (с. 182), с некоторыми отличиями в строках 4–5 и 8:

Сойди к нам, Златоуст, оставив небеса,
Достойна твоего здесь зрения краса:
Петрова Дщерь тебе корабль сей посвящает
И именем твоим все море наполняет.
Когда ты пойдешь в путь на нем между валов,
Греми против Ея завистливых врагов.
Златыми прежде ты гремел в церквах устами,
Но пламенными впредь звучи в водах словами (*ЛСС 8*, с. 405).

Корабль «Иоанн Златоуст второй» был разломан в Кронштадте в 1759 г., корабль «Иоанн Златоуст первый» — там же, в 1769 г.

² Под «завистливыми врагами» подразумеваются, очевидно, Парижский и Берлинский королевские дворы, из-за дипломатических интриг которых России в то время угрожала новая война со Швецией. Ср. у Ломоносова в заключительной строфе «Оды на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года»:

Но естли гордость ослеплен[н]а
Дерзнет на нас воздвигнуть рог,
Тебе, в женах благословенна,
Против ея помощник Бог.
Он верх небес к Тебе преклонит
И тучи страшныя нагонит
Во сретенье врагам Твоим.
Лиш только ополчишься к бою,
Предъидет ужас пред Тобою,
И следом воскурится дым (*ЛСС 8*, с. 225).

³ В декабре 1750 г. Ломоносов «по именному же Ея Императорскаго Величества указу начал сочинять другую трагедию, “Демофонт”, для которой матерью расположил» (*ЛСС 10*, с. 383). Работа была завершена в конце 1751 г. Отдельное издание «Демофонта» появилось в сентябре 1752 г., но определенных сведений о ее постановке на сцене не имеется.

⁴ Причину, побудившую его начать подготовительную работу над сочинением по русской истории, Ломоносов много лет спустя указал сам в § 29 «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» (1764). Правда, здесь у него произошло смещение по времени, на самом деле описываемое событие произошло в 1753 г. (см. примеч. 2 к документу № 44): «Блаженная памяти Государыня Императрица Е[лисавета] П[етровна] на куртаге Ломоносову через камергера Шувалова изволила объявить в бытность его в Москве, что Ея Величество охотно бы желала видеть Российскую историю, написанную его штилем. Сие приняв он с благодарением и возвратясь в Санктпетербург, стал с рачением собирать к тому нужные материалы...» (*ИСС 10*, с. 285–286). В дальнейшем Ломоносов неоднократно упоминает о своих исторических занятиях как в письмах к Шувалову (см. документы № 43, 49, 56, 70, 77), так и в письмах к Л. Эйлеру (документ № 67) и М. А. Воронцову (документ № 105).

38. М. М. ГИБЕРТОВСКИЙ — ЛОМОНОСОВУ
20 октября 1751 г. Петербург

Nobilissime, Doctissime, Magnificentissime Imperialis
Academiae Scientiarum Petropolitanae
Domine Consiliarie.

Authoritatis ac Gravitatis Tuae fama, Magnificentissime Domine! qua polles tam Imperiali in Academia Scientiarum Petropolitana, quam apud Magnates hujus Metropolis, neque minus rumor Tui favoris, in quosvis Minervae Cultores, Audaciae meae svasores exitere, has literas Magnificentiae Tuae devote tradere; quas ut benigne exaudire digneris, humillime rogo.

Primo itaque ortum, conditionemque meam et fata brevibus explicaturus, deinde de prtitione indicaturus sum. Natus Poloniae nobili genere, in Palatinatu Posnaniensi. Studio juris prudentiae à parente consecratus, quodque in Universitate Regia Francofurtana ad Viadrum sub auspiciis rectoris Universitatis Trieri, rite absolvi. Anno autem 1736, cultum Musae, numerumque Phoebejorum militum deserui, castra inclytissima victoriosissimaque serenissimae, potentissimae, clmrntissimae Imperatricis, et autocraticis omnium Russorum secutus, Militiae nomen dedi, et Legioni Welicolutzkiensi pedestri adscriptus quae Legio tum cum caeteris militabat contra Turcas, ubi

et ego Militans, anno 1737 in oppugnando munimento Ottoschaco-
vensi, Proh Dolor! Tyrocinii mei poenas luit, dum a Marte lunigeræ
gentis, immedicabilibus vulneribus sic pignoratus, ut manum meam si-
nistram usque ad Carpum, ictibus crudelibus, acinacis turcici perdidit.
Attamen una restante dextra, omnibus Expeditionibus bellicis contra
Turcas, donec Anno 1739 sancitum cum illis Pacis Foedus, dextre fi-
delissimeque interfui, ut et initiis belli posterioris Svecici. Cum vero
una manu praeliis campestribus inhaerere mihi tam molestum erat,
quam grave sit aviculae, ademto altero alarum remigio volitare, du-
cem exercitus jam beate defunctum Comitem de Lacy rogavi, ut cum
promotione dimitterer in Praesidium Viburgense, cui petitioni bona
gratia sua annuit, meque Capitaneum dimisit, cui etiam officio per
Decem annos, sine omni culpa et macula usque ad hoc tempus integre
praesum, ac Imperatricis nostrae Clementissimæ servitia, tam publi-
ca quam secreta, summa cura, diligentia et fidelitate, ut fidelissimum
subditum decet expedivi, de quibus omnibus et Imperiali Collegio
rerum bellicarum et amplissimo Senatui, et illustrissimis Comitibus
Bestuschoffio et Woronzoffio notum clarumque est. Accidit tamen
nihilominus, praeter omnem spem meam, ut Imperiale Collegium rer-
um bellicarum, praeterito mense Aprilis anni praesentis, Capitaneum
quendam in Praesidio Viburgensi juniorem me, promoverit in Majo-
rem, posthabito me, addito ratiocinio, quod nempe ego, propter defec-
tum levæ manus, equum commode ascendere, regere ideoque officio
Majoris fungi non possem. Facta autem mihi potestas, ut Petroburgum
venirem sibi que locum in statu civili quaererem, quem mihi deferri
Collegium curaret. Jam adsum, moestus omni auxilio exutus hic dego
a die 13 Septembris. Literae meae supplices, collegio die 27 ejusdem
Septembris traditae, quibus rogo ut mihi detur aliquod officium civile,
characteri meo consentaneum, quas nuper haec Collegii resolutio se-
cuta est, ut terminum generalis exauctorationis expectem, qui instat
Mense futuro Novembris.

Nunc me ad petitum flecto. Audivi Grammatophylacium Imperia-
lis Academiae Scientiarum Petropolitanae vacare assessore. Sinigitur
Domine Magnificentissime! munere hoc, me hominem derelictum,
dignum saltem, et hujus officii capacem existimas, flexis genibus Te
imploro, ut ea adhibeas media quae me eo perducere valent. Spes
confisa me habet, magnificentiam tuam hac in re, si modo precibus
meis faves, non tantum consilium, sed et opem mihi ferre, omnem-
que lapidem impediens ad munus hoc obtinendum removere pos-

se. Si non, magnificentiam tuam tamen submisse rogo, ut me optime commendes Illustrissimis Comitibus Bestuschoffio, Woronzoffio et Petro Schuwaloffio, ne pro praestitis Imperio Russiaco etiam cum discrimine vitae meae servitiis, illorum auxilio in assignando aliquo officio civili, ad meam et familiae meae sustentationem destituerer. Est enim omnino Christiani Moris et superiorum curae, militibus de Patria benemeritis, propriis bonis praediisque carentibus, ut et ego homo miser, de pane prospicere, ne dum Sauciati ad arma ferenda invalidi, exauctorati egestate premantur. Omnibus in Collegiis de vacuis quibusdam muneribus percontatus sum, sed nihil inveni excepta Praefectura Petropolitana, vulgo Gouvernements Cancelli, ubi locus assessoris patet, exiguo quidem annuo stipendio donatus centrum scilicet nonaginta et quinque Rublonibus, quem tamen si conceditur, ambire cupio. Fac igitur Magnificentissime! ut hujus officii Autoritate tua particeps fiam.

Quod efficitur, si benevola verba pro me facias coram illustrissimo Comite Petro Schuwaloffio, utpote in cujus potestate hoc situm est. Interim ne otiose expectando terminum constitutionis meae in aliquod munus civile publicum, tempus teram, Te Magnificentissime Domine precor, ut mihi ex Bibliotheca Academiae, detur Author aliquis latinus, quem in linguam germanicam, si ita placet, vertam.

Caeterum omnem curam meam in Deum volvo. Spem autem adipiscendi id, de quo supra precatus sum, in Te Domine Magnificentissime! secure colloco. Esto Vir Praestantissime! Mecoenas meus et fautor insignis. Deus misericordiam peregrinis exhibitam, peculiari sua gratia ac benedictione compensare sanctissime promisit. Ad illud benignissimum Numen una cum quatuor infantibus meis, ardentissimas fundam preces pro incolumitate Tua et praestantissimae familiae Tuae. Et sic usque ad cineres sum,

Magnificentiae Tuae,
Servus devinctissimus,
Matthias Gibertowskij,
Capitaneus.

Petroburgi,
Mensis Octobris die 20,
Anno 1751.

Благороднейший, ученейший, великолепнонейший господин
советник Петербургской Академии наук¹.

Сила Ваша и влияние, которыми, как известно, пользуетесь Вы не только в Императорской Академии наук в Петербурге, но и у вельмож этой столицы, а также молва о благосклонности Вашей ко всякому служителю Минервы², побудили меня дерзостно вручить Вашей милости это письмо, о благосклонном выслушании которого смиренно Вас умоляю.

Итак, прежде всего расскажу вкратце о рождении своем и положении, а также о своей судьбе; впоследствии же изложу свое прошение. Я польский дворянин, родом из Познанского воеводства. Отец мой предназначил меня к занятию правом, и я окончил Королевский Университет во Франкфурте на Одере при ректоре Фриере. В 1736 году, однако, покинув служение Музам, оставил я воинов Фебовых³ и, вступив в ряды славного и победоносного войска яснейшей, могущественнейшей, Всемиловитвейшей Императрицы и Самодержицы всея России, записался в Великолуцкий пехотный полк, каковой полк вместе с прочими сражался тогда против турок⁴. Сражаясь там, в 1737 г., при осаде крепости Очакова⁵ — увя мне! — поплатился я за неопытность мою, быв от Марса чалмоносного осыпан ранами неисцелимыми, так что даже потерял левую руку свою, пясть коей отсечена была жестоким ударом турецкой сабли. Невзирая на то, с одной правой рукой до самого 1739 г., когда заключен был с ними мирный договор, право и верно участвовал я во всех кампаниях против турок, равно как и при начале последовавшей затем войны со шведами⁶. Но как с одною рукою находиться мне в пехотном сражении было так же трудно, как тяжело летать птице, у которой крыло одно отъято, то просил я главнокомандующего, ныне блаженной памяти Графа де Ласси, чтобы рекомендовал он меня в Выборгскую крепость, каковое прошение он охотно удовлетворил и отпустил меня в чине капитана. В этой должности служу я честно и беспорочно целых десять лет до самого сего времени, исполняя со всем усердием и верностью, как всеподданному надлежит, повеления Всемиловитвейшей Государыни нашей в делах общественных и частных, о чем известно и Военной Коллегии и Правительствующему Сенату и их Сиятельствам Графам Бестужеву и Воронцову. Случилось, однако, чего я никак не ожидал, что Военная Коллегия в прошедшем апреле сего года,

обойдя меня, произвела в Выборгской крепости в майоры некоего капитана, младшего меня⁷, на том основании, что будто бы я, по недостатку левой руки, не способен, сидя, как полагается на лошади, исправлять майорскую должность. Разрешено было мне, впрочем, прибыв в Петербург, найти себе место на гражданской службе, о предоставлении коего позаботилась бы Коллегия. Пребываю здесь в огорчении, всякого вспомоществования лишенный, с 13 сентября. На прошение мое, переданное в Коллегию 27 того же сентября, о предоставлении мне гражданской службы, соответственной моему характеру, наложена недавно от Коллегии сей резолюция, по которой надлежит мне ожидать общего срока решения, каковой приходится на ноябрь месяц.

Теперь обращаюсь к моему прошению. Слышал я, что в Библиотеке Петербургской Императорской Академии наук имеется вакансия библиотекаря. Если, наидостойнейший господин, почтете Вы меня, человека угнетенного, но достойного, к этой должности способным, то, преклоняя колена, умоляю Вас, примените способы, которые мне ее могут доставить. Твердо надеюсь, что милость Ваша, если преклонит ухо к моим молениям, то может не только советом, но и делом способствовать мне и убрать всякий камень, о который могу преткнуться в достижении этой должности. В противном случае смиренно умоляю Вашу милость рекомендовать меня Их Сиятельствам Графам Бестужеву, Воронцову и Петру Шувалову, дабы, за оказанные мною Империи Российской с опасностью жизни услуги, получить от них помощь в назначении мне какой-либо гражданской должности, достаточной для пропитания меня и моего семейства. Долг христианина и человека высокопоставленного повелевает пещись о хлебе насущном для воинов, перед Отечеством заслуженных и не имеющих собственных средств и поместий, каков и я несчастный, да не будут, израненные и оружие подъять бессильные, нищетою терзаемы. Осведомляясь я о вакансиях по всем Коллегиям, ничего нигде не найдя, кроме Петербургской Префектуры, в просторечии Губернской Канцелярии, где имеется место асессора, каковое я желаю получить, если возможно, несмотря на скудное годовое жалование в 195 рублей. Устройте так, чтобы с Вашей помощью получить мне это место, что и будет, если благожелательно уведомите обо мне Его Сиятельство Графа Петра Шувалова, от которого это дело зависит⁸. А пока, чтобы в ожидании назначения моего на какую-либо гражданскую долж-

ность не тратить мне времени даром, прошу Вас распорядиться о выдаче мне из Академической Библиотеки какого-либо писателя латинского для перевода его, если угодно, на немецкий язык⁹.

Возлагаю впрочем все заботы мои на Господа. Твердо уповаю получить от Вашей милости то, о чем выше Вас просил. Будьте, муж знаменитейший, моим меценатом и покровителем. Господь нерушимо обещал особенную милость и благословение за милосердие, оказанное чужестранцам. Провидению Всемилоштивейшему изолью я вместе с четьырмя чадами моими пламеннейшие мольбы о здравии Вашем и Вашей семьи. Итак, пребываю до гроба

милости Вашей,
преданнейший раб,
Матвей Гибертовский,
капитан.

Петербург,
Октября 20 дня
1751 г.*

Источники текста

Автограф на латинском языке: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 1. Л. 118–119.

Упоминание: *Пекарский II*, с. 955.

Описание: *Модзалевский*, с. 272.

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 112–116 (латинский текст и русский перевод).

Примечания

¹ «За его отличное в науках искусство» 1 марта 1751 г. Ломоносов получил чин коллежского советника, но советником Академической канцелярии он был назначен только 13 февраля 1757 г.

² Т. е. служителю мудрости, полезных открытий и изобретений.

³ Другими словами, «оставил науки и искусства».

⁴ Русско-турецкая война 1735–1739 гг.

⁵ Крепостью Очаков русская армия под командованием Б. Х. Миниха овладела 2 июля 1737 г.

⁶ Русско-шведская война 1741–1743 гг.

⁷ Т. е. получившего чин капитана позже по времени, чем Гибертовский.

---

* Перевод М. Е. Сергеевко.

⁸ Эта просьба является подлинной целью письма и свидетельствует о том, что обращение Гиббертовского к Ломоносову отнюдь не случайно — в Петербурге были хорошо осведомлены о близких отношениях Ломоносова и И. И. Шувалова.

⁹ Какие-либо публикации подписанные фамилией Гиббертовского неизвестны.

39. И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ*

22 января 1752 г. Петербург

Высокоблагородный г[оспо]д[и]н советник и профессор.

Ея Императорскаго Величества лейб компании вице копрал г[оспо]д[и]н Станиславкий приехав ко мне¹ в дом², объявил: Ея де Императорское Величество всемилостивейшая Государыня изволила указать, чтоб книгу, переведенную на Российской язык капитаном Шишкиным именуемую Мнения Цицеронова немедленно напечатать, а понеже она книга в Академию отдана от Вашего Высокоблагородия, того ради Ваше Высокоблагородие изволите в Канцелярию письменно объявить без замедления, на чей щет она книга печатана быть имеет и на какой бумаге и скол[ь]ко экземпляров и корректурной той книги на себя ли³ Вы взять изволите или нет⁴.

Вашего Высокоблагородия
готовый слуга
за подписанием господина советника Шумахера.

Источники текста

Копия писарскою рукой из дела «По определению К[анцелярии] А[кадемии] н[аук] о напечатании книги Мнения Цициронова»: *ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 161. Л. 185—185об.* На левом поле л. 185 помета: «№ 091», внизу: «Ломоносову». Внизу на л. 185об. помета: «Послан солдат Семен Дементьев».

Упоминания: *Пекарский II*, с. 486; *Летопись*, с. 192.

Сведений о публикациях нет. Печатается по рукописи.

Примечания

¹ ко мне *вписано*.

² *Далее зачеркнуто*: к советнику г[оспо]д[и]ну Шумахеру.

---

* © Публикация и примечания Д. Н. Костышина.

³ *Далее зачеркнуто: возьмете или нет, и вписано другой рукой: взять изволите или нет.*

⁴ «Мнения Цицеронови...» были переведены И. В. Шишкиным еще в 1749 г. с французского издания «*Les Pensées de Cicéron, traduit pour servir à l'éducation de la jeunesse par m. l'abbé d'Olivet*». Однако в Академическую канцелярию Ломоносов принес рукопись лишь в 1751 г. Можно предположить, что это произошло уже после смерти переводчика, последовавшей до октября 1751 г.

Как записано в протоколе Академической канцелярии, при представлении рукописи Ломоносов «словесно просил, чтоб оную напечатать. На что ему г[осподин] советник Шумахер отвечал: понеже г[осподин] Президент находится в отсутствии, того ради такого содержания книгу в печать отдать без Именного Ея Императорскаго Величества или Святейшего Синода указов, или без приказу Ея Величества министров не смеет. После чего оный г[осподин] советник Ломоносов, оставя оную книгу в Канцелярии на столе, особливо к стене приставленном, и не сказав ничего, пошел из Канцелярии. И так она книга лежала на столе по тех пор, пока канцелярские служители, убирая в Канцелярии, с прочими письменными делами оную книгу в архив положили. И не малое после того спустя время, пришедши оный г[осподин] советник Ломоносов в Канцелярию, про оную книгу спрашивал, но токмо тогда не мог сыскать, куда она девалась. Потом г[осподин] советник Шумахер, ища в архиве некоторых писем, нечаянно там нашел оную и отдал ее г[осподину] советнику Ломоносову с повторением прежнего ответа» (*Пекарский II*, с. 485–486).

В сложившейся ситуации Ломоносову оставалось только обратиться с просьбой к И. И. Шувалову, и Высочайшее повеление о печатании перевода Шишкова было тотчас получено (см. документ № 40).

40.

РЕПОРТ ЛОМОНОСОВА
В АКАДЕМИЧЕСКУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ*
23 января 1752 г. Петербург

Репорт

По ордеру от Канцелярии Академии наук репортую, что книга называемая Цицеронови мнения печатана быть имеет на кошт Его

---

* © Публикация и примечания Д. Н. Костышина.

Превосходительства Ивана Ивановича Шувалова, Ея Величества Действительнаго Каммергера и ордена Святаго Александра [Невского] Кавалера, а напечатать надлежит целой завод, шесть сот комментарной, да шесть сот за здешной комментарной хорошей бумаге, в том числе пятьдесят на александрийской бумаге. Генваря 23 дня 1752 года¹. Советник Михайла Ломоносов².

Источники текста

Автограф из дела «По определению К[анцелярии] А[кадемии] н[аук] о напечатании книги Мнения Цицеронова»: *ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 161. Л. 186—186об.* Помета сверху на л. 186: «Подан 23 генваря 1752 году».

Описание: *Каталог, отдел VII*, с. 20; *Модзалевский*, с. 117; *Летопись*, с. 192.

Публикация: *Пекарский II*, с. 486 (не полностью).

Печатается по автографу.

Примечания

¹ Этим же числом датирована записка Ломоносова без обращения и подписи, написанная на отдельном листе бумаги другого качества и с другими водяными знаками: «Как из первой корректуры видно, что на полях недостает на оную места. И от того будет излишней труд и остановка, то надлежит сперва оригинал переправить; и для того пришлите его ко мне на дом, я буду его присылать потетрадно, исправив» (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 161. Л. 187*; впервые опубликовано: *Пекарский II*, с. 486). Таким образом, как следует и из других материалов канцелярского дела, сверху перевода Шишкина с латинским оригиналом и корректуру провел сам Ломоносов.

² Книга «Мнения Цицероновы, из разных его сочинений собранные аббатом Оливетом, прежде с французского языка на Российкий переведены капитаном Иваном Шишкиным; а ныне при Императорской Академии наук исправлены против подлинника латинского» была отпечатана к началу апреля 1752 г. в количестве 1200 экземпляров. Весь тираж был отдан Ломоносову. И. И. Шувалову издание обошлось в 203 рубля 8 копеек (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 163. Л. 282—282об.*; *Там же. № 463. Л. 204—204об.*).

Вторым тиснением Академия наук выпустила эту книгу в 1767 г. (*СК 3*, с. 353).

Дополнительно см.: *Николаев С. И.* Шишкин, Иван Васильевич // *Словарь 3*, с. 420—422.

3 марта 1752 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович.

Ежели бы не вчерашняя строчка, которая Ваше Превосходительство в ответ на мое письмо прислать изволили¹, знаком неперменной Вашей ко мне милости, не утолили внезапного моего смущения, то бы я пришол в отчаянье; не ради своего какого преступления, но ради опасности от несчастья. Вашему Превосходительству не безызвестен гнев на меня некоторой знатной особы², положенной на меня, перьвое, для того, что зачал было я делать фарфоровыя пробы³, и, второе, конечно как я думаю, что ему противна была Ваша ко мне милость и мое в Вас искание: ибо он всех тех ненавидит, которые, кроме его, других благодетелей находят. Ныне нашол он случай учинить мне великое повреждение. Присланные Сибирския серебряныя руды по пробе, учиненной в лаборатории, явились с нарочитыми признаками серебра. А как я слышу от достоверных людей, то по пробам, учиненным на монетных дворах в Москве и здесь, весьма мало или и ничево серебра не явилось. Я сперьва был спокоен, зная, что операция мною произведена точно по всем химическим правилам, которые и весьма немноги, и не трудны, и мне довольно известны. Но как я вчерась во весь день исследовал пробиркой развес и пробирные вески, которые здесь на монетном дворе деланы, то нашол в них неисправности; и для того не могу против своей совести спорить, чтобы в моих пробах также не были какия неисправности. А он, как я слышал, хочет еще пробовать их при свидетелях и с их подпискою подать Всемиловнейшей Государыне, чтобы тем меня привести в беду. И хотя я в сем деле по совести своей чист, однако мне ничего тяжелее в жизни быть не может, как ежели наша Всемиловнейшая Монархиня хотя подумает, чтоб я в науке своей был не искусен. Что я прежде пробования весков не исследовал и на них положился, тому, кроме других, больше всего причиною было понуждение от Кабинета и от Академической канцелярии, чтобы пробы зделать скорее, не токмо для серебра, но и для всяких других металлов и минералов, чего бы по последней мере в три месяца зделать нельзя было. За тем, что 32 пробы должно бы было пробовать по 20 раз больше⁴. В таких обстоятель-

ствах прибегаю к Вашему Превосходительству, как к известному милостивому моему покровителю, и всепокорнейше прошу предварить мое неблагополучие Вашим предстательством, и, ожидая смущением моим отрады, с глубоким и непререваемым почтением до смерти пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Марта 3 дня
1752 года.
В Санктпе[те]рбурге.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 1–2.

Описание: Модзалевский, с. 90.

Публикации: *Письма Ломоносова к И. И. Шувалову, читанные в Обществе любителей российской словесности, 4-го марта 1859* / [Сообщ. и примеч. П. И. Бартенева] // Воронежская беседа на 1861 год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861, с. 231–232 (по копии, без обращения, подписи, и с ошибкой в дате — 3 марта 1755). *Биярский*, с. 170–171 (по копии Н. С. Тихонравова, также с ошибкой в дате — 1775). *Пекарский II*, с. 490–491 (с верной датой, но без обращения и подписи). *Сочинения* 8, с. 117–118 (по автографу). *ПСС* 10, с. 472–473.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Письмо Ломоносова и ответ на него Шувалова от 2 марта 1752 г. в настоящее время неизвестны.

² Подразумевается барон И. А. Черкасов, глава Кабинета Ея Императорского Величества, в ведении которого находилась Невская порцелиновая мануфактура.

³ В 1744 г. однокашник Ломоносова Д. И. Виноградов, по возвращении в Россию, был произведен в бергмейстеры (горные инженеры) и определен на порцелиновую мануфактуру. В 1747 г. он впервые в России изготовил фарфоровую массу; с 1748 г. до самой смерти 25 августа 1758 г. возглавлял мануфактуру (с 1765 г. — Императорский фарфоровый завод). К 1752 г. Виноградов закончил первый в Европе теоретический труд по технологии фарфора — «Обстоятельное описание чистого порцелина, как оной в России при Санктпетербурге делается купно с показанием всех к тому принадлежащих работ» (сохранился не полностью; впервые опубликован в 1950 г.).

Ломоносов опытами над «фарфоровыми пробами» занимался в 1750–1751 гг. (*Менишуткин II*, с. 361, 373–374; *Ломоносов I*, с. 17, 35–37, 53–55, 63–65; *ПСС 10*, с. 382; *Летопись*, с. 161). Много позже, когда Виноградов уже давно был в могиле, И. И. Шувалов — за границей, а у Ломоносова никак не получалось наладить нужные ему отношения с новой императрицей, он на всякий случай написал о себе в § 27 «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» (1764): «...под смотрением и по расположению Ломоносова выстроена Химическая лаборатория, в которой он, трудясь многими опытами, кроме других исследований, изобрел фарфоровую массу [!], мозаичное дело и сочинил о цветах новую теорию» (*ПСС 10*, с. 284).

К сожалению, при безоглядном покровительстве И. И. Шувалова и М. А. Воронцова, Ломоносов, при всех его достоинствах, и дальше не стеснялся объяснять причины собственных неудач исключительно происками врагов. Необъективно высказывался Ломоносов и о том, что приходилось не по нраву лично ему (см. документы № 61, 71, 76, 77, 80, 81, 100, 101, 109, 113 и примеч. к ним).

⁴26 декабря 1751 г. «во время выезда императрицы Елисаветы из Петербурга в Царское Село, на подъезде зимнего дворца, ей было подано тобольским купцом Иваном Зубаревым доношение о нахождении в Исетской провинции [Оренбургской губернии] серебряных руд и золота в песке. Податель доношения отдан был тотчас же под караул, а дело, вместе с образцами представленных от него руд, стало производиться в императорском Кабинете, у барона И. Черкасова» (*Пекарский II*, с. 488).

Исследование образцов по поручению Кабинета проводили одновременно три учреждения: Академия наук, Монетная канцелярия и Берг-коллегия. Повидимому, результаты, получаемые только одним профессором химии Ломоносовым, барона Черкасова уже перестали удовлетворять.

Передавая распоряжение Кабинета Ломоносову, Академическая канцелярия предложила ему «учинить непродолжительное исполнение» (*ПСС 10*, с. 809). 24 февраля 1752 г. он подал репорт, в котором указал, что «все руды, запечатанные в тридцати трех бумажках, содержат в себе признак серебра, который весьма нарочит в № 29, а сколько каждая руда в себе оказала, то содержится подробно в приложенной при сем табели» (*ПСС 5*, с. 277).

Между тем, согласно доношению советника Монетной канцелярии, директора Петербургского Монетного двора И. А. Шлаттера, серебра в присланных рудах вовсе не оказалось. Отрицательный результат дали и пробы, сделанные в Берг-коллегии (*Биллярский*, с. 169–170).

Таким образом, изначально Ломоносов, может быть, и не знал, что образцы были посланы сразу в несколько мест. Теперь же, предвидя неизбежные объ-

яснения с Кабинетом, он поспешил известить о возникшем недоразумении И. И. Шувалова, подобрав, как ему, очевидно, показалось, подходящее объяснение своей оплошности.

Действительно, 14 мая 1752 г. в Академической канцелярии была получена соответствующая бумага из Кабинета, подписанная накануне Черкасовым. Между прочим в этом отношении было сказано следующее: «...Сверх того товарищ ево, приискателя Зубарева, форлейфер Леврин, которой якобы в Тобольские оные руды пробовал и не малой выход серебра из них показал, ныне признался и приносит повинную, что он и тогда признал, что оное не руда, а назвал рудою и выход серебра объявил для получения себе от Зубарева обещаемого награждения, и купя в Тобольске на рынке изломанной крест и растопя, показал, якобы то серебро вышло из оных руд. Того ради по указу Ея И[мператорскаго] Величества имеет Канцелярия Академии наук подать ответ, от чего она в пробе неверность и обманство произошло, и нет ли в том подобного, как и вышеписанной Леврин учинил, чьего коварства? Также вышедшие при пробе на капелинах из тех руд серебряные корны купно в блейкорном для усмотрения прислать в Кабинет Ея И[мператорскаго] Величества с тем, кто оные пробы чинил» (*Биллярский*, с. 170).

В тот же день, 14 мая, Канцелярия перенаправила дело к Ломоносову. Его же «Известие», поданное в Кабинет 16 мая, представляет ситуацию совершенно иначе: «...присланные мне для пробования Сибирские руды пробованы в Химической лаборатории таким образом: понеже велено было оные пробы учинить в присутствии оного Зубарева, к чему он нарочитое время не ходил, и наконец, по неоднократному моему требованию, приходил во оную лабораторию временно, иногда и без меня, ибо мне беспрестанно при пробах быть за другими делами отнюдь нельзя. Оные пробы отданы при репорте в Академическую канцелярию, как то из моего репорта явствует. Но после уведомясь, что по пробам в Монетной канцелярии в помянутых рудах серебра не явилось, пробовал самую богатую № 29, и серебра в ней не нашлось; а достальные буду пробовать и, что явится, репортовать буду» (*Пекарский II*, с. 491).

Барон же Черкасов, даже если и собирался что-либо предпринять, сделать этого уже не смог бы — под защитой И. И. Шувалова Ломоносов стал совершенно неуязвим.

В 1753–1755 гг. Ломоносов, пока не оставил работу в Химической лаборатории, в присылаемых ему пробах руд иногда обнаруживал только «признаки» меди, но серебра или золота — уже никогда. «Того ради сим оное Канцелярии Академии наук» и репортовал (см. *ПСС S*, с. 279–288).

3 октября 1752 г. Петербург

Милостивой Г[осу]д[а]рь Иван Иванович.

Не могу преминуть, чтоб Вашему Превосходительству не прислать Вол[ь]теровой музы новаго исчадия, которое объявляет, что он и его Г[осу]д[а]рь безбожник, и то ему в похвалу приписать не стыдится перед всем светом. Приличнее примера натти во всех Вол[ь]теровых сочинениях не возможно, где бы виднее было его полоумное остроумие, бессовестная честность и ругательная хвала; как в сей пане[ги]рической пасквиле¹, которую на Ваше проницательное рассуждение отдая, с глубоким почитанием непременно пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

С. П. б.

Октября 3 дня

1752 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 56, № 1. Л. 1.

Упоминание: *Биллярский*, с. 180. Описание: *Модзалевский*, с. 91.

Публикации: *Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову*: Материалы для истории рус. образования // *Грот*, с. 23, откуда перешло в *Труды Я. К. Грота*, т. 3. СПб., 1901, с. 50. *Пекарский II*, с. 504. *Сочинения 8*, с. 118–119. *ПСС 10*, с. 473–474.

Печатается по: *Сочинения 8*.*Примечания*

¹ Приложение при письме не сохранилось. По предположению Я. К. Грота Ломоносов мог послать Шувалову шуточные стихи Вольтера «Au Roi de Prusse» — «Прусскому королю» Фридриху II. Стихи были написаны в 1751 г., когда Вольтер жил в Берлине и, в звании камергера Прусского Двора, занимался исправлением слога французских сочинений короля. Вот текст этого стихотворения:

On dit que tout prédicateur
Dément assez souvent ce qu'il annonce en chaire:

Grand Roi, soit dit sans vous déplaire,
Vous êtes de la meme humeur.
Vous nous annoncez avec zèle
Une importante verité;
Et vous allez pourtant à l'immortalité
En nous prêchant l'âme mortelle.

(*Oeuvres de Voltaire* / Éd. Beuchot, t. XIV, p. 416).

П. П. Пекарский следующим образом сформулировал причину, побудившую Ломоносова послать стихи Вольтера Шувалову: «Императрица Елисавета чувствовала личное нерасположение к Фридриху II, и одною из причин тому было вольнодумство Прусского короля в вопросах, касающихся религии, чего он несколько не скрывал, в особенности, в обращении своем с французскими современными знаменитостями. И. Шувалову, как человеку, по свидетельству Екатерины II, не отличавшемуся стойкостью убеждений, вероятно, случалось, в угоду своей повелительнице, порицать не только Фридриха II, но и Вольтера, который одно время был чрезвычайно близок к королю-вольнодумцу. Впрочем, это не мешало Шувалову тайком восхищаться французским остроумцем, что тогда требовала и мода во всей Европе. Ломоносов знал, конечно, что угодит Шувалову, послав к нему какое-то вольнодумное произведение Вольтера, но в то же время, в предосторожность, обставил в помянутом письме эту посылку» подобным отзывом (*Пекарский II*, с. 503–504).

В 1756 г. Ломоносов перевел другое стихотворение Вольтера «На Фридриха II, короля Прусского» (*ПСС* 8, с. 615–617).

В следующий раз в переписке Ломоносова с Шуваловым о Вольтере говорится в письме от 2 сентября 1757 г. (см. документ № 88).

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. УСТЬ-РУДИЦЫ
1753–1761

4 января 1753 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович!

Неоднократное Вашего Превосходительства к сочинению Российской истории ободрение¹ хотя я всегда принимал за истинный знак Вашего обо мне милостиваго мнения, однако Вашего Превосходительства полученным от 28-го числа декабря ко мне пис[ь]мом², преисполненным природнаго Вашего снисхождения и склонности к наукам, столько я об оном удостоверился, что в крайней моей к Вам благодарности погружен, почитаю Ваше справедливое желание, которое соединено с пользою и славою отечества. Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовольствовать; однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени. Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность Российскаго народа и славныя дела наших Государей свету откроются, то весьма чувствую. И читая от Вашего Превосходительства ко мне писанныя похвалы, которая мое достоинство далече превосходят, благодарю от всего сердца; и радуясь, по предприятому моему намерению со всякою ревностию в собрании нужных известий стараюсь, без которых отнюдь ничего в Истории предприять не возможно. Могу Вас, Милостиваго Государя, уверить в том заподлинно, что перьвой том в нынешнем году с Божиею помощию совершить уповаю. Чтож до других моих, в физике и в химии, упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов упокоения: для того оста-

вив настоящее дело, ищет себе с гостями или с домашними провождения времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом; от чего я уже давно отказался³, за тем, что не нашел в них ничего кроме скуки. И так уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение Российской истории⁴ и на украшение Российского слова⁵ полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильяру употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменою материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют; и сверх сего пользу и честь отечеству конечно принести могут, едва меньше ли первой. Когда Ваше Превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущей 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы⁶. Чтож до окончания моего всепокорнейшаго прошения надлежит о фабрике⁷, то не думайте, Милостивой Государь, чтобы она могла мне препятствовать: ибо тем окончатся все мои великие химические труды, в которых я три года упражнялся, и которые бесплодно потерять мне будет несносное мучение, и много большее препятствие, нежели от самих оных опасаться должно. И так, уповая чрез милостивое Ваше предстательство прошению моему скорого решения достигнуть, с глубоким высокопочитанием пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов.

В Санктпетербурге
Генваря 4 дня
1753 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 322–324, откуда перешло в: *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 251–254; *Изд. Перевлесского*, с. 122–125; *Изд. Смирдина*, ч. I, с. 660–663 (с ошибкой в дате — 1755). *Биллярский*, с. 280–282 (с повторением ошибки в дате). *Сочинения* 8, с. 119–121. *ПСС* 10, с. 474–476.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ См. примеч. 4 к документу № 37.

² Это письмо И. И. Шувалова сейчас неизвестно.

³ Ср. воспоминания племянницы Ломоносова М. Е. Головиной в передаче П. П. Свинына, относящиеся, по-видимому, к началу 1760-х гг.: «...В особенности словоохотливо рассказывает она о гостеприимстве Михайла Васильевича, когда на широком крыльце накрывался дубовый стол и сын Севера пировал до поздней ночи с веселыми земляками своими, приходившими из Архангельска на кораблях и привозившими ему обыкновенно в подарок моченой морожки и сельдей. Точно такое же угощение ожидало и прочих горожан, приезжавших по первому зимнему пути в Петербург, с трескою. Надобно заметить, что Матрена Евсеевна играла на сих банкетах немаловажную роль, ибо, несмотря на молодые лета свои, заведывала погребом, а потому хлопот и беготни ей было немало. Точно так же в жаркие летние дни, когда дядюшка, обложенный книгами и бумагами, писал с утра до вечера в беседке, ей приходилось бегать в западню за пивом, ибо дядюшка жаловал напиток сей прямо со льду. <...> Бывало, — присовокупляет Матрена Евсеевна, — сердечной мой так зачитается да запишется, что целую неделю ни пьет, ни ест ничего, кроме мартовского [пива] с куском хлеба и масла» (*Свинын П.* Потомки и современники Ломоносова // *Библиотека для чтения*, 1834, т. 2, отд. 1, с. 212–216).

⁴ В репорте Академической канцелярии с отчетом о работах за майскую треть 1752 г. Ломоносов отметил последним, седьмым пунктом: «...между тем по досугам делал разные приготовления и примечания к Российской истории» (*ПСС 10*, с. 387).

В течение 1753 г. Ломоносов «в истории: 1) записки из сочиненных прежде авторов приводил под статьи числами; 2) читал Российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях Российских» (*ПСС 10*, с. 391).

⁵ Упоминание относится к «Российской грамматике», над которой Ломоносов работал с конца 1740-х гг. (см. примеч. 4 к документу № 28).

⁶ «Слово похвальное блаженных и вечнодостоинных памяти Государю Императору Петру Великому...» Ломоносов, по приказанию К. Г. Разумовского, готовил к публичному собранию Академии наук 19 декабря 1754 г., приурочивавшемуся ко дню рождения императрицы Елизаветы Петровны. Однако 14 декабря Ломоносов сообщил Академической канцелярии, что не успевает закончить работу, и собрание было решено отменить (*Ломоносов*, с. 242).

Затем «Слово...» было переписано Ломоносовым для публичной ассамблеи Академии наук 26 апреля 1755 г., к годовщине коронации императрицы. Русский текст был отпечатан к этому дню отдельным изданием. О переводах его

на французский язык см. в письме Ломоносова к И. И. Шувалову от 2 сентября 1757 г. (документ № 88 и примеч. к нему).

В 1765 г. русский текст «Слова... Петру Великому...» был издан еще раз вместе с Панегириком Елизавете Петровне 1749 г. (см. документ № 30 и примеч. к нему).

Прошение в Правительствующий Сенат о дозволении открыть фабрику цветного стекла лично ему Ломоносов подал в октябре 1752 г., после того, как безуспешно пытался заинтересовать этим делом правительство (см. примеч. 3 к документу № 36). Соответствующий Сенатский указ состоялся 9 декабря (*Летопись*, с. 204).

До 29 декабря 1752 г. Ломоносов написал и свое известное «Письмо о пользе стекла», обращенное к И. И. Шувалову, в котором о мозаике сказано:

Искусство, коим был прославлен Апеллес,
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц,
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся (*ПСС* 8, с. 511).

Далее см. документы № 44–46 и примеч. к ним.

44. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ К. Г. РАЗУМОВСКОМУ
22 или 23 февраля 1753 г. Петербург

Сият[ельнейший] Граф Мил[остивый] Гос[ударь]
Кирила Григорьевич.

Хотя Вашему Сиятельству по всякую треть подаваемые о профессорских упражнениях рапорты чрез Академическую канцелярию без сомнения уведомляют, и мне бы Ваше Сиятельство утруждать повторением известия не должно было, однако настоящая моя нужда к тому меня приводит. Кроме моих упражнений в химических лекциях, в словесных науках и в приуготовлении к сочинению Российской истории, делал многочисленные опыты в изыскании разноцветных стеклянных составов, первое

Граф К. Г. Разумовский

для того, чтобы [.....]¹ и для того Академическую канцелярию просил о позволении и о пашпорте; но она тем отговорила, что без Вашего С[иятельства] благоволения меня отпустить не может. Но как, Милост[ивый] Г[осударь], зимняя дорога скоро испортится, а позволения от Вашего Сиятельства меньше двух недель получить не уповаю, для того, надеясь на отеческую Вашего Сиятельства милость, принял намерение для такой моей крайней нужды просить отпуску от Канторы Правительствующаго Сената². В чем всеуниженно прося милостивейшаго снисхождения с глубочайшим и усерднейшим высокопочитанием пребываю.

Источники текста

В настоящее время автографы неизвестны.

Упоминание: *Модзалевский*, с. 21.

Публикации: *Биллярский*, с. 778 (по черновому подлиннику, с датировкой: «на последней неделе февраля 1753 г.»). *Сочинения* 8, с. 121–122 (с датировкой: «около (не позднее) 23 февраля 1753 г.»). *ПСС* 10, с. 476–477.

Печатается по первой публикации, с уточнением даты.

Примечания

¹ У *Биллярского* к этому месту помета: «средины текста, очевидно, недостает».

² После того как Ломоносову в декабре 1752 г. было дано разрешение на открытие собственной фабрики цветного стекла (см. примеч. 7 к документу № 43), следовало получить под нее подходящий участок земли и приписных крестьян. Пожаловать «населенные деревни» могла только императрица, однако Высочайший Двор в это время пребывал в Москве. Правительствующий Сенат направил туда доклад по делу Ломоносова, но до февраля 1753 г. ответа не было.

17 февраля Ломоносов подал в Академическую канцелярию доношение, в котором, перечислив свои успехи «в изыскании крашенных стеклянных составов», просил разрешения отпустить его в Москву на 29 дней, без вычета жалованья (*ПСС* 9, с. 83–85).

Постановлением, подписанным И. Д. Шумахером 19 февраля, Канцелярия отказала Ломоносову, сославшись на то, что «по определению Его Высокографского Сиятельства А[кадемии] н[аук] г[оспо]д[ина] Президента никого из профессоров от Академии наук без ордера Его Сиятельства отпускать в Москву не велено, а о доношении его, г[оспо]д[ина] советник[а] и пр[офессор]а Ломоносова об отъезде его в Москву со вчерашнею почтою Его В[ысокографском]у

Сиятельству А[кадемии] н[аук] г[оспо]д[и]ну Президенту репортовано» (*Биллярский*, с. 197).

«Но как зимний путь уже стал худеть, и Ломоносов думал, что, может, ему также от Президента отказ будет и дело его весьма продлится» (*ПСС 10*, с. 285), он обратился к временному «главному командиру» в Петербурге генерал-адмиралу М. М. Голицыну и по его распоряжению получил паспорт для проезда в Москву сроком на один месяц, непосредственно из Сенатской конторы.

23 февраля 1753 г. Ломоносов репортом уведомил Академическую канцелярию о своем отъезде «для окончания дела, до государственной интересной пользы принадлежащего» (*ПСС 9*, с. 86–87). Одновременно Ломоносов, по-видимому, написал и находившемуся в Москве К. Г. Разумовскому, но о существовании этого белового письма до сих пор ничего не известно.

Поездка Ломоносова завершилась вполне благоприятно: Высочайшее повеление о пожаловании ему деревень и земель для постройки фабрики состоялось 15 марта 1753 г. (см. примеч. 6 к документу № 67). Безусловно, это произошло при непосредственном содействии его всемогущих покровителей — И. И. Шувалова и М. А. Воронцова, о чем свидетельствует сохранившееся благодарственное письмо Ломоносова к последнему (см. документ № 45).

В «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» (1764) Ломоносов вспоминал, что Разумовский в Москве его «принял ласково и во всю бытность оказывал к нему любление». Однако, «возвратясь в Санкт-петербург, Ломоносов увидел в Профессорском собрании от Президента оному на общее лицо реприманд в слушании. А покойник адмирал князь Голицын показал Ломоносову также вежливый реприманд от Президента в форме письма от советника Теплова, что он в чужую должность вступился, отпустив в Москву реченного Ломоносова: так противны были Шумахеру его успехи» (*ПСС 10*, с. 285).

45. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ
25 марта 1753 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Непременная Вашего Сиятельства ко мне через долгое время без всяких моих заслуг милость толь мне чувствительна, что я

никогда не могу иначе об Вас вспомнить, как бы сын о истинном своем отце должен вспомнить. Тот час моего веку за великую часть жизни моей почитать я должен, в которой бы я хотя малую часть моей благодарности Вам объявить был в состоянии. Дай Господи Вам столько здравия, сколько Вы милости и снисходительства мне оказали¹. Сего Вам истинной Ваш почитатель от всего сердца, с крайним усердием, желает и желать не престанет до конца жизни.

Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Марта 25 дня
1753 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 2 и 13.

Описание: Модзалевский, с. 91.

Публикации: АВ, с. 480. Сочинения 8, с. 122. ПСС 10, с. 477.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Письмо написано через день после возвращения Ломоносова в Петербург из Москвы и является выражением благодарности за содействие в получении повеления императрицы Елизаветы Петровны о пожаловании Ломоносову деревень и земли (см. примеч. 2 к документу № 44).

Ответ Воронцова см. № 46.

46. Граф М. А. Воронцов — Ломоносову¹
5 апреля 1753 г. Москва

Государь мой Михайло Васильевич.

Из последняго Вашего письма я с приятностию уведомился о прибытии Вашем в Петербург, чем от сердца Вас поздравляю. Благодарствую за доброе Ваше о мне напоминание, а паче радуюсь, что Вы о доброхотстве моем [к Вам] уверены, и желаю, чтоб

впредь лучше и в самом деле мог Вас удостоверить, что я всегда пребываю Вам доброжелательный слуга.

Профессору Ломоносову.

Источники текста

Отпуск: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 39. С пометой: «Отправлено в 5 де[нь] апреля 1753 г.».

Публикации: АВ, с. 496. *Сочинения* 8, с. 123.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Ответ Воронцова на письмо Ломоносова от 25 марта 1753 г. (см. документ № 45).

47. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ П. И. ШУВАЛОВУ
10 мая 1753 г. Петербург

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь Петр Иванович.

Приятныя и радостныя весты, которыя о новом оказании Высочайшия милости¹ Ея Императорского Величества к Вашему Сиятельству публично уверяют, как во всех к Вам усердствующих, так и во мне, многими благодеяниями от Вашего Сиятельства полученными одолженном², произвело истинное веселие, которым услаждаясь, поздравляю Ваше Сиятельство от всего моего усердия и желаю в оной непременно прирастающаго продолжения. Равномерное засвидетельствование моего искренняго усердия приняя я смелость показать дражайшей Вашей супруге Сиятельнейшей Графине Милостивой Государыне Мавре Егорьевне, прилагая малый опыт начинающагося в России мозаичного художества³, которой хотя нарочитыя недостатки имеет, однако, для новости дела и для малости изображения, уповаю некоторое мне извинение приобрести может, а особливо ежели несколько повыше в удобном месте поставлен будет. По разведении фабрики не сомневаюсь, что самого совершенства в сем деле чрез недолгое время

достигну, и Вашему Сиятельству оным показать должное благодарение не премину, с глубоким высокопочитанием пребывая

Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга

Мая 10 дня

1753 года.

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 3–4.*

Описание: *Модзалевский*, с. 91.

Публикации: *Биллярский*, с. 203–204 (по копии Н. С. Тихонравова, неточно). *Пекарский II*, с. 513–514 (по подлиннику, отрывок). *Сочинения 8*, с. 123–124 (по подлиннику, полностью). *ПСС. 10*, с. 477–478.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Ломоносов поздравляет П. И. Шувалова с Высочайшим пожалованием ему 30 000 рублей. В газете сообщение об этом было помещено 30 апреля: «Сего апреля 17 дня Ея Императорское Величество всемилостивейше соизволила пожаловать господину генерал-аншефу, Ея Императорскаго Величества генерал-адъютанту, действительному каммергеру, лейб компании подпоручику, сенатору и ордена Святаго Александра [Невского] и Святыя Анны кавалеру, графу Петру Ивановичу Шувалову, за верную и усердную его к Ея Императорскому Величеству и государству службу в изыскании способу к приращению доходов кабацких и соляных, тридцать тысяч рублей» (*СПб. ведомости*, 1753, № 35, с. 281). «Способ» П. И. Шувалова состоял в установлении единых для всей Российской империи цен на вино и на соль.

² Вероятно, имеется в виду помощь, которую сенатор П. И. Шувалов оказал Ломоносову в деле об устройстве фабрики цветного стекла. Ср. в письме Ломоносова к И. И. Шувалову от этого же числа (документ № 48).

³ Подарком Ломоносова была одна из его первых мозаичных работ — образ Спасителя, на медной доске оборотной стороны которого вырезана надпись: «Сей нерукотворный образ Христа Спасителя нашего по желанию Сиятельнейшия Графини Мавры Егорьевны Шуваловой сложен Михайлом Ломоносовым в начинании опытов мозаичного художества в Санктпетербурге 1753 года» (*Сочинения 8*, с. 57 второй пагин.).

Впоследствии, по завещанию М. Е. Шуваловой, скончавшейся 2 июня 1759 г., образ «в серебряной вызолоченной раме» находился в усыпальнице Петра и Мавры Шуваловых в Николаевском Малицком монастыре в семи верстах от Твери ([*Боголюбов Н. П.*] Волга от Твери до Астрахани. СПб., 1862, с. 31).

После 1917 г. образ попал в Тверской краеведческий музей (совр. филиал Тверского государственного объединенного музея), в котором хранится и в настоящее время.

Подробнее см.: *Макаров*, с. 48 и 133–134; *Некрасова*, с. 31 и 34.

48.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

10 мая 1753 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Милостивое Вашего Превосходительства меня письмом напоминение¹ уверяет к великой моей радости о непрменном Вашем ко мне снисхождении, которое я чрез много лет за великое между моими благополучиями почитаю. Высочайшая щедрота несравненных Монархини нашей², которую я Вашим отеческим представлением имею, может ли меня отвести от любления и от усердия к наукам, когда меня крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела. Не примите, Ваше Превосходительство, мне в самохвальство, что я в свое защищение представить смелость принимаю. Обучаясь в Спас[с]ких школах³, имея со всех сторон отвращающия от наук пресильныя стремления, которыя в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели. С одной стороны, отец, никогда детей кроме меня не имея⁴, говорил, что я, будучи один, его оставил, оставил все довольство (по тамошнему состоянию)⁵, которое он для меня кровавым потом нажил и которое после его смерти чужия расхитят. С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку⁶ хлеба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другия нужды. Таким образом жил я пять лет, и наук не оставил. С одной стороны, пишут, что, зная моего отца достатки, хорошие тамошние люди дочерей своих за меня выдадут, которые и в мою там бытность предлагали⁷; с другой стороны, школьники, малые

ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться! После того вскоре взят я в Санктпетербург и послан за море, и жалованье получал против прежняго в сорок раз⁸. Оно меня от наук не отвратило, но по пропорции своей умножило охоту, хотя силы мои предел имеют. Я всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство в том быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были, и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны; и помнили б, что музы не такая девки, которых всегда изнаильничать можно. Оне кого хотят, того и полюбят⁹. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, которой жил с сабаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости¹⁰, а с другой стороны Невтона, богатаго лорда¹¹, Боила, которой всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы¹²; Вол[ь]фа, которой лекциями и подарками нажил больше пяти сот тысяч и сверх того баронство¹³; Слоана, в Англии, которой после себя такую библиотеку оставил, что никто приватно не был в состоянии купить, и для того Парламент дал за нее двадцать тысяч фунтов штерлингов¹⁴. По приказанию Вашему все исполнить не премину, с глубоким высокопочитанием пребывая

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Мая 10 дня
1753 года¹⁵.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 324–326, откуда перешло в: *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 255–257; *Изд. Перевлесского*, с. 125–127; *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 663–665. *Биллярский*, с. 204–205. *Куник II*, с. 369 (отрывок). *Пекарский II*, с. 284 и 514–515 (отрывки). *Сочинения* 8, с. 124–126. *ПСС*. 10, с. 478–480.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Письмо И. И. Шувалова, на которое отвечает Ломоносов, неизвестно.

² Имеется в виду Высочайшее повеление от 15 марта 1753 г. о пожаловании Ломоносову деревень и земли для постройки фабрики цветного стекла (см. примеч. к документам № 43 и 44).

³ Спасские школы — обиходное название Славяно-греко-латинской академии при Заиконоспасском монастыре в Москве, в которой Ломоносов обучался в 1731–1735 гг.

⁴ Эти слова следует понимать не буквально, а в том смысле, что Василий Дорофеевич Ломоносов имел единственного взрослого сына — Михаила.

Есть, впрочем, сведения, что от второго брака В. Д. Ломоносова с Федорой Михайловной Уской (Узкой) у него был сын Иван, родившийся между 1722–1724 гг., но никаких других данных о нем нет. Взрослого брата М. В. Ломоносова, не называя его по имени, упоминает С. В. Максимов: «Известно, что со смертью Мих[айла] Вас[ильевича] род его прекратился в мужской линии, так как ни он, ни его брат сыновей не имели» (Максимов, с. 675).

Не подтверждается существование еще одного сына В. Д. Ломоносова, о котором сообщил В. А. Альфонский, опубликовав под заглавием «Дмитрий Васильев Ломоносов, брат М. В. Ломоносова» два документа Архангельской губернской канцелярии от 18 марта и 18 июня 1741 г. (*Рус. старина*, 1891, т. 69, № 1, с. 219–220).

⁵ «Сохранившиеся источники утверждают, что на долю В. Д. Ломоносова приходилось 20–25 процентов рыбы, вылавливаемой промышленниками Куростровской волости» (*Жоныхов Н. А. Северные автографы М. В. Ломоносова // Патриот Севера*, с. 77).

⁶ Алтын — 3 копейки; денежка — ½ копейки. Ср. в «Известии» о службе, представленном Ломоносовым в начале 1754 г.: «1. В Московских Спасских школах записался 1731 года генваря 15 числа. Жалованья в шести нижних школах [классах] по 3 копейки на день. А в седьмой 4 копейки в день...» (*ПСС 10*, с. 348).

⁷ Ср. в «[Записке о Ломоносове]» его земляка В. Варфоломеева, датированной 4 июня 1788 г.: «...в одно время отец его сговорил было в Коле у неподлого человека взять за него дочерь, однако он тут жениться не похотел, притворил себе болезнь, и потому того совершенно не было...» (*Депехин IV*, с. 298–300).

⁸ См. в «Известии» о службе Ломоносова 1754 г.: «...2. 1736 году генваря с первого числа по указу Правительствующего Сената взят в Санктпетербургскую Академию наук. Жалованья денежного не происходило, но содержан был на академическом коште.

3. В сентябре месяце того же года послан в Германию по кабинетскому указу и там обучался физике, химии и горных дел и приехал обратно 1741 года в июне месяце. Жалованья получал по 400 рублей в год» (*ПСС 10*, с. 348–349).

С совместного репорта студентов Ломоносова, Д. И. Виноградова и Г. У. Райзера из Марбурга не позднее 15 (4) сентября 1737 г. начинается ученая корреспонденция Ломоносова (см. документ № 1).

⁹ Надо полагать, что в связи со стремлением Ломоносова завести собственную фабрику в Петербурге возникли разговоры о том, что либо это окажется ему не по силам, либо, подняв его материальное положение, совершенно отвлечет от наук и поэзии. Среди таких «недоброжелателей» Ломоносова был, очевидно, Г. Н. Теплов (см. примеч. 2 к документу № 49).

Основывая фабрику цветного стекла, Ломоносов действительно рассчитывал на значительную материальную выгоду, но всерьез просчитался (см. документ № 91 и примеч. к нему).

¹⁰ Подразумевается, что Диоген не имел никакого материального имущества и в наследство по себе оставил только некоторое число афоризмов.

¹¹ По-видимому, ошибка набора, запятая здесь не нужна. Исаак Ньютон лордом не был, но в 1705 г. за свои научные заслуги получил рыцарское достоинство, давшее ему право титуловаться «сэр». Постоянный твердый доход с небольшого родового имения и профессорское жалованье обеспечивали Ньютону вполне достаточные средства, еще более увеличившиеся с назначением его смотрителем (в 1695 г.), а затем директором (с 1699 г.) Лондонского монетного двора. Кроме того, долгие годы Ньютон был президентом Лондонского Королевского общества (с 1703 г.) и членом английского парламента.

¹² Лорд Роберт Бойль (1627–1691) был сыном самого богатого человека тогдашней Англии. Разумеется, это действительно во многом послужило его научной карьере физика и химика, поскольку он имел возможность содержать на свои средства большой штат лаборантов, механиков и секретарей.

¹³ Учитель Ломоносова, Христиан Вольф, родившийся в семье ремесленника, давшего обет посвятить своего сына науке, получал в Галле и Марбурге исключительно высокое жалованье, значительно превышавшее обыкновенные профессорские оклады, а также пенсию от Петербургской Академии наук и т. д. В 1745 г. Вольфу был пожалован титул имперского барона. Все это позволило ему составить крупное состояние и оставить в наследство своему сыну роскошный дом в Галле и «рыцарское имение».

¹⁴ По завещанию медика и ботаника Ганса Слоана, скончавшегося 11 января 1752 г., его исключительно ценные коллекции редких и «куриозных» предметов и библиотека в 50 000 томов и рукописей переходили в собственность английского народа при условии, что его наследникам будет выплачена астрономическая

по тому времени сумма в 20 000 фунтов стерлингов. Английский парламент согласился принять завещание на этом условии, и собрание Г. Слоана, поступив в собственность государства, положило основание Британскому музею.

¹⁵ И. И. Шувалов ответил Ломоносову 24 мая 1753 г., но в настоящее время это письмо неизвестно.

49. Ломоносов — И. И. Шувалову¹

31 мая 1753 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Полученное вчерашняго числа от 24 мая письмо Вашего Превосходительства, в котором я чувствую непременной знак особливой Вашей ко мне милости, премного меня обрадовало; особливо тем, что Вы объявить изволили свое удостоверение о том, что я наук никогда не оставляю. В разсуждении других не имею я никакого особливога удивления, за тем, что они имеют примеры в некоторых людях, которые только лишь себе путь к щастию учением отворили, в тот час к дальнейшему происхождению другия дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсем оставили, имея у себя патронов, которые у них наук мало или и ничего не спрашивают², и, не как Ваше Превосходительство в разсуждении меня дел требуете, довольствуются только одним их именем. В помянутых оставивших в своем щастии учение людях весьма ясно видеть можно, что они только одно почти знают, что в малолетстве из под лозы выучились, а будучи в своей власти, почти никакова знания больше не присовокупили. Я, напротив того (позвольте, Милостивый Государь, не ради тщеславия, но ради моего оправдания объявить истинну [!]), имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху³, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод⁴, пока я ушел в Спас[с]кия школы⁵. Ныне, имея к тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашим отеческим предстательством,

и трудов моих одобрение Ваше и других знателей и любителей наук, и почти общее в них удовольствие, и, наконец, уже не детское несовершенного возраста разсуждение, могу ли я ныне в моем мужестве дать себя посрамить перед моим детством. Однако перестаю сими представлениями утруждать Вашу терпеливость, ведая Ваши справедливыя мнения. И ради того доношу Вашему Превосходительству о том, что похвальная Ваша к наукам охота требует. Во-первых, что до электрической силы надлежит, то изысканы здесь два особенные опыты весьма недавно, один господином Рихманом чрез машину, а другой мною в туче⁶; первой, что Мушенброкков опыт с сильным ударом⁷ можно переносить с места на место, отделяя от машины в знатное разстояние около целой версты; чему описание и рисунок при сем сообщаю⁸. Второе, приметил я у своей громовой машины⁹, 25 числа сего апреля, что без грома и молнии, чтобы слышать или видеть можно было, нитка от железнаго прута отходила и за рукою гонялась; а в 28 число того же месяца, при прохождении дождеваго облака, без всякаго чувствительнаго грома и молнии происходили от громовой машины сильные удары с ясными искрами и с треском, издалека слышным; что еще нигде не примечено и с моею давнюю теорию о теплоте и с нынешнею о электрической силе весьма согласно и мне к будущему публичному акту весьма прилично. Оной акт буду я отправлять с господином профессором Рихманом, он будет предлагать опыты свои, а я теорию и пользу, от оной происходящую, к чему уже я приуготавливаюсь¹⁰. Что же надлежит до второй части Руководства к красноречию, то она уже нарочито далече и в конце октября месяца, уповаю, из печати выйдет, о ускорении которой всячески просить и стараться буду, а пис[ь]меннаго не присылаю, за тем что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатных¹¹. О первом томе Российской истории по обещанию моему старание прилагаю, чтобы он к новому году пис[ь]менной изготовился¹². Ежели кто по своей профессии и должности читает лекции, делает опыты новые, говорит публично речи и диссертации, и вне оной сочиняет разные стихи и проекты к торжественным изъявлениям радости¹³, составляет правила к красноречию на своем языке и Историю своего отечества, и должен еще на срок поставить, от того я ничего больше требовать не имею, и готов бы с охотою иметь терпение, когда бы только что путное родилось. В протчем, удостоверюсь многократно, коль охотно слушаете Ваше

Превосходительство разговоры о науках, весьма жадно ожидаю радостного и приятного с Вами свидания, чтобы Вы новыми моими стараниями удовольствие имели, которых всех в отдалении сообщить не возможно. В доме Вашего Превосходительства обещанных оптических вещей еще долго устроить не уповаю, за тем, что еще нет ни полов, ни потолков, ни лес[т]ниц, и недавно я ходил в них с немалою опасностью¹⁴. Электрические шарика по Вашему желанию пришлю Вам, не умедлив, как возможно. Я могу уверить Ваше Превосходительство, что в мастеровых людях здесь великая скудость, так, что и для делания себе электрической машины не токмо где инде, но и с Вашего двора столяра за деньги не мог достать. И для того по сие время, вместо земной машины, служат мне иногда облака, к которым я с кровли шест выставил. Какие Вашему Превосходительству инструменты потребны, о том прошу дать мне позволение представить в Канцелярию Академическую именем Вашим, для приказания мастерам, за тем, что они по шабашам долго протянут дело. Заключая сие, с глубоким высокопочитанием пребываю

всепокорнейший и верный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Мая 31 дня
1753 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I, с. 326–330, откуда перешло в: Собрание разных сочинений, ч. II, с. 258–263; Изд. Перевлесского, с. 128–132; Изд. Смирдина, т. 1, с. 666–669. Билярский, с. 209–212. Сочинения 8, с. 126–129. ПСС. 10, с. 480–483.*

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Ответ Ломоносова на неизвестное сейчас письмо Шувалова от 24 мая 1753 г.

² Возможный намек на Г. Н. Теплова, который, по мнению Ломоносова и других, своим исключительным положением в Академии наук был обязан близостью к президенту К. Г. Разумовскому. 1 июля 1746 г. Теплов был назначен в Академическую канцелярию ассессором. «После такого назначения не трудно было отгадать, что президент Академии наук будет только по имени начальником ее,

а на деле ею будет управлять Теплов. Это действительно так и случилось, причем Шумахер и Тауберт, действовавшие заодно с любимцем Президента и сумевшие встать с ним в самые дружеские отношения, продолжали по-прежнему распоряжаться в Академии, как главные командиры ее» (*Пекарский II*, с. XXI).

³ Третья жена В. Д. Ломоносова (с 1724 г.) — вдова Ирина Семеновна, дочь крестьянина Николаевской Матигорской волости Семена Корельского.

⁴ Ср. в биографии Ломоносова, составленной в 1783 г. его другом Я. Штелиным: «По 10 году, в зимнее время учился он читать и писать у священника своего села, который, не зная латинского языка, выучил его только чтению церковных книг, но возбудил его любознательность рассказами про Заиконоспасский монастырь в Москве. Ломоносов выучился также и счислению, впрочем, без объяснения правил» (*Ломоносов в воспоминаниях*, с. 51–52).

Сведения М. Н. Муравьева в «Трех письмах» (1770–1771?) о том, что Ломоносов «украдкою бежал <...> в училище Холмогорское учиться основаниям латинского языка» (*Ломоносов в воспоминаниях*, с. 67), документально не подтверждаются.

⁵ См. примеч. 3 к письму № 48.

⁶ Исследованием «атмосферного электричества» Г. В. Рихман, а затем и Ломоносов занялись после того, как в России стало известно об опытах физика и исследователя электричества Бенджамина Франклина. Сообщение о результатах его наблюдений 10 и 18 мая 1752 г. в Париже «для изведения, не одинакова ли материя молнии и электрической силы», давших положительный ответ на этот вопрос, напечатали *СПб. ведомости* (1752, № 47, с. 371–372).

Рихман использовал приборы собственного изготовления; сообщения о его опытах также появились в газете (*СПб. ведомости*, 1752, № 58, с. 460–461; № 60, с. 477). Ломоносов в 1752 г., согласно его репорту К. Г. Разумовскому (1756), «чинил электрические воздушные наблюдения с немалою опасностью» (*ПСС 10*, с. 390).

С наступлением весны и грозowych явлений 1753 г. опыты и наблюдения Рихмана и Ломоносова продолжились. Отчеты о них были напечатаны в *СПб. ведомостях* 7 мая (№ 37, с. 296–297), 11 мая (№ 38, с. 305–306), 18 мая (№ 40, с. 324–325), 4 июня (№ 45, с. 364–365), 13 июля (№ 56, с. 452–453).

⁷ Так Ломоносов называет способ получения сильного электрического разряда с помощью «лейденской банки», открытой в 1745 г. Э. Клейстом и, независимо от него, в 1746 г. П. Мушенбреком.

⁸ Описание и рисунок при письме не сохранились. Они относились к совместным опытам Рихмана и Ломоносова 26 и 29 мая 1753 г., отчет о которых *СПб. ведомости* напечатали 4 июня с выводом Ломоносова о том, что «электрическая в воздухе сила далее громового треску распространиться или и без действитель-

ного грому быть может. Ежели второе правда, то не гром и молния электрической силы в воздухе, но сама электрическая сила грому и молнии причина».

Имеется еще заметка Ломоносова с описаниями гроз, которые он наблюдал 5, 10 и 29 июня 1753 г., при его жизни не опубликованная, но, в целом, вошедшая в «Изъяснения к Слову о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (ПСС 3, с. 115, 117, 190–192). В начале этой работы Ломоносов, говоря о своих открытиях, не преминул отметить: «Погружению и восхождению атмосферы кратко коснулся славный господин Франклин в своих письмах; однако, что я в моей теории о причине электрической силы в воздухе ему ничего не должен, из следующих явствует...» (ПСС 3, с. 103).

Опыты по изучению «атмосферного электричества» Ломоносов производил как на городской квартире в т. н. Боновом доме на 2-й линии Васильевского острова, между Средним и Малым проспектами, в котором он жил с 8 июня 1741 г. по 9 сентября 1757 г. (дом не сохранился, на его месте сейчас стоит дом № 43 по 2-й линии Васильевского острова), так и в незадолго перед тем полученном имении — Усть-Рудицах.

⁹ Описание с рисунками «громовой машины» дано Ломоносовым в «Изъяснениях к Слову о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (ПСС 3, с. 102–133).

¹⁰ Публичный акт Академии наук предполагалось провести 5 сентября 1753 г., в день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны. Согласно постановлению Академической канцелярии от 10 мая, «надлежало бы г[оспо]д[ину] Рихману, яко старшему профессору, иметь чтение, а г[оспо]д[ину] советнику и профессору Ломоносову на то отвечать и содержание диссертации слушателям объявить на Российском языке. Когда же г[оспо]д[ин] профессор Рихман похощет отвечать, то ему сие дозволить можно» (Биллярский, с. 206).

26 июля 1753 г. Рихман трагически погиб от удара шаровой молнии во время проведения опыта (см. об этом документ № 50). Однако публичный акт, на котором выступил только один Ломоносов, благодаря его хлопотам все же состоялся 26 октября 1753 г. (см. документ 52 и примеч. к нему).

¹¹ После того, как в середине 1748 г. вышла книга первая «Краткого руководства к красноречию...» («Риторика»), Ломоносов продолжил работу над второй и третьей книгами. В репорте К. Г. Разумовскому о своих занятиях за 1751–1756 гг., он отметил, что в 1751 г. «диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги “Красноречия”, о стихотворстве вообще», а в 1752 г. «Оратории, второй части “Красноречия”, сочинил 10 листов» (ПСС 10, с. 389 и 390).

Тем не менее первая книга так и осталась последней: от второй и третьей книг «Краткого руководства к красноречию...» не сохранились ни рукописи, ни печатные листы, если они вообще существовали.

¹² Впервые о своей работе над «Российской историей» Ломоносов упоминал в письме к И. И. Шувалову от 10 сентября 1751 г. (см. документ № 37). Будучи загруженным множеством других дел, свое намерение окончить первый том к 1754 г. он не только не выполнил — первый и единственный том «Древней Российской истории...» вообще смог выйти только посмертно, в 1766 г. (СК 2, с. 167). См. также примеч. 5 к документу № 105.

¹³ Ср. репорт Ломоносова в Академическую канцелярию с отчетом о работах за сентябрьскую треть 1752 г. и о плане работ на январскую треть 1753 г.: «В сентябрьскую треть прошлого 1752 года упражнялся я в химии: 1) читал химические лекции для студентов, показывал им опыты химические и употреблял при том физические эксперименты, которых мог бы еще присовокупить больше, если бы требуемые инструменты поспели; 2) к дальнейшему произведению мозаичного дела учинены мною приуготовления к составлению портрета блаженная и вечная славы достойная памяти Государя Императора Петра Великого, причем определенным ко мне для изучения сего дела рисовальным ученикам показал я способы, как готовить надлежащие из составов куски к набиранию одного портрета, которых они уже нарочитое количество наготовили; 3) деланы пробы над присланными из Академической канцелярии рудами. Сверх химической моей профессии: 1) давал наставление в поэзии студенту Николаю Поповскому; 2) сочинил два плана на иллюминацию — один к восшествию на престол Ея Императорскаго Величества, второй к 1 числу января 1753 года, сочинил Оду поздравительную Ея Величеству к 25 числу ноября и в других стихотворческих сочинениях упражнялся. А в нынешнюю январскую треть намерен окончать химические экспериментальные лекции студентам и с поможением рисовальных учеников делания портрета Великого Государя со всяким рачением простирается. Сверх сего, что в стихотворстве и красноречии от меня потребуется, с охотою исполнять буду» (ПСС 10, с. 387–388).

¹⁴ Дом-дворец И. И. Шувалова (архитектор С. И. Чевакинский) находится на углу Малой Садовой и Итальянской улиц (совр. Итальянская ул., 25). В то время этот участок граничил с усадьбой Летнего дворца императрицы Елизаветы Петровны.

Дом начал строиться в 1749 г. и был окончательно отделан к приезду Шувалова из Москвы. 24 октября 1754 г. он в честь новоселья «устроил фейерверк и публичный маскарад, на который были приглашены Императрица Елизавета Петровна, Великий Князь Петр Федорович и Великая Княгиня Екатерина Алексеевна, а также все знатные дамы и господа» (*Летопись Шувалова*, с. 12). Ломоносов написал по этому случаю «Надпись на маскарад...» (ПСС 8, с. 567).

Какие именно «оптические вещи» и «инструменты» изготавливались для Шувалова под наблюдением Ломоносова, сведений нет.

26 июля 1753 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович!

Что я ныне к Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишут. Я не знаю еще, или по последней мере сомневаюсь, жив ли я, или мертв. Я вижу, что господина профессора Рихмана громом убило, в тех же точно обстоятельствах, в которых я был в тоже самое время¹. Сего июля в 26 число в первом часу по полудни поднялась громовая туча от Норда. Гром был нарочито силен, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрев, не видел я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на стол ставили, дождался я нарочитых электрических из проволоки искор, и к тому пришла моя жена² и другия; и как я, так и оне беспрестанно до проволоки и до привешеннаго прута дотыкались, за тем, что я хотел иметь свидетелей разных цветов огня, против которых покойной профессор Рихман со мною споривал. Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа и искры трещали. Все от меня прочь побежали. И жена просила, чтобы я прочь шол. Любопытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали, что шти простынут, а при том и электрическая сила почти перестала. Только я за столом посидел несколько минут, внезапно дверь отворил человек покойнаго Рихмана, весь в слезах и в страхе запыхавшись. Я думал, что его кто-нибудь на дороге бил, когда он ко мне был послан; он чуть выговорил: *Профессора громом зашибло*. В самой возможной страсти³, как сил было много, приехав, увидел, что он лежит бездыханен. Бедная вдова⁴ и ее мать таковы же, как он, бледны. Мне и минувшая в близости моя смерть и его бледное тело, и бывшее с ним наше согласие и дружба, и плачь его жены, детей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшегося народа не мог ни на что дать слова или ответа, смотря на того лице, с которым я за час сидел в Конференции, и разсуждал о нашем будущем публичном акте⁵. Первый удар от привешенной линии с ниткою пришол ему в голову, где красновишневое пятно видно, на лбу; а вышла из него громовая электрическая сила из ног в доски. Нога и пальцы сини, и башмак разодран, а не прожжон⁶. Мы старались движение крови в нем возобновить, за тем, что он

еще был тепл; однако голова его повреждена; и больше нет надежды. И так, он плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отворотить можно: однако на шест с железом, которой должен стоять на пустом месте, в которое бы гром бил сколько хочет⁷. Между тем умер господин Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет: но бедная его вдова, теща, сын пяти лет, который добрую показывал надежду, и две дочери, одна, двух лет, другая около полугода⁸, как об нем, так и о своем крайнем несчастье плачут. Того ради, Ваше Превосходительство, как истинный наук любитель и покровитель, будьте им милостивый помощник, чтобы бедная вдова лучшего профессора до смерти своей пропитание имела, и сына своего маленького Рихмана могла воспитать, чтобы он такой же был наук любитель, как его отец. Ему жалованья было 860 руб. Милостивой Государь! исходатайствуй бедной вдове его или детям до смерти. За такое благодеяние Господь Бог Вас наградит, и я буду больше почитать, нежели за свое⁹. Между тем, чтобы сей случай не был протолкован противу приращения наук¹⁰, всепокорнейше прошу миловать науки и Вашего Превосходительства

всепокорнейшаго слугу в слезах
Михайла Ломоносова.

Санктпетербурга

26 июля

1753 года¹¹.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I, с. 330–333, откуда перешло в: Собрание разных сочинений, ч. II, с. 263–266; Изд. Перевлесского, с. 132–135; Изд. Смирдина, т. I, с. 670–672. Билярский, с. 213–215. Пекарский I, с. 714 и Пекарский II, с. 517–518 (отрывки). Сочинения 8, с. 129–131. ПСС 10, с. 484–485.*

Как выдающийся образец эпистолярного жанра, это письмо неоднократно перепечатывалось и в других изданиях, например: *Учебная книга русской словесности, или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской литературы / Изд. Н. Гречем. 2-е, испр. изд., т. I. СПб., 1830, с. 63–65. Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений, 1836, т. I. № 4, с. 76–79, смесь.*

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ О наблюдениях и опытах Ломоносова и Рихмана над «атмосферным электричеством» см. примеч. 6 и 8 к документу № 49.

² Жена Ломоносова (с 1740 г.) — Елизавета Андреевна, урожд. Елизавета Христина Цильх.

³ У *Биллярского* к этому слову помета: «Не опечатка ли вместо: *скорости?*»

⁴ Вдова Рихмана — Анна Елизавета, урожд. Гинц. В 1756 г. вышла замуж за профессора Петербургской Академии наук И. А. Брауна.

⁵ См. примеч. 10 к документу № 49.

⁶ Подробное описание гибели Рихмана, основанное на свидетельстве находившегося при нем гравировального мастера И. А. Соколова, а также описание вскрытия тела Рихмана по протоколу за подписями академика Х. Г. Кратценштейна и адъюнкта М. Клейнфельда, были помещены в *СПб. ведомостях* 3 августа 1753 г. (№ 62, с. 499–502).

Сохранилось и дело Академической канцелярии «О смерти профессора Рихмана. 1753 года 26 дня июля. № 443» (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 707. Л. 58–106*), с которым впоследствии неоднократно работали исследователи, см.: *Пеккарский I*, с. 709–711; *Меншуткин II*, с. 168–170; *Рихман Г. В.* Труды по физике. М., 1956, с. 548–550, 696–700.

⁷ Анализ причины гибели Рихмана содержится в речи Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», произнесенной им в публичном собрании Академии наук 26 ноября 1753 г. (*ЛСС 3*, с. 113).

⁸ Неточность: к 26 июля 1753 г. у Рихманов было трое детей — Вильгельм (четырёх лет), дочь, неизвестная по имени (полтора лет), и Фридрих (трех месяцев). Ломоносов принял участие в их судьбе (см. документ № 55 и примеч. к нему).

⁹ Участие И. И. Шувалова в этом деле доподлинно неизвестно. 30 августа 1753 г. Ломоносов ходатайствовал за семью Рихманов еще и перед М. Л. Воронцовым (см. документ № 55).

¹⁰ Опасения Ломоносова были не напрасны: поползли слухи, в т. ч. и среди ученых, о кощунственности подобных опытов и неотвратимости наказания простому смертному за дерзкие попытки проникнуть в Божественные тайны Природы. Серьезные сомнения в полезности наблюдений с помощью «электрической машины» выражали даже конференц-секретарь Академии Г. Ф. Миллер (*Пеккарский I*, с. 713) и такой просвещенный деятель, как дипломат граф И. Г. Чернышев, который писал 8 августа 1753 г. к И. И. Шувалову: «...Что касается до известия, которое Ваше Превосходительство милостиво сообщили мне о бедном профессоре Рихмане, то я поражен был оным, как нельзя более. Можете судить, Ваше Превосходительство, что я представил себе, каким опасностям Вы

подвергались от этой проклятой машины и как мы все бежали к ней и забавлялись ею, как игрушкой, что и продолжалось бы без этого случая с бедным Рихманом. Но теперь, конечно, Ваше Превосходительство будете осторожнее и не станете рисковать своею жизнью из-за такого бесполезного любопытства. Ежели бы я теперь был в Москве и Ваше Превосходительство захотели бы меня выслушать, то я бы принял смелость Вам посоветовать (и боюсь, что этот совет проистекает от сердца, поистине обожающего Ваши добродетели), чтобы Вы совсем бросили эту машину, хотя бы только для того, чтобы успокоить души друзей Ваших и слуг. Любопытен я узнать теперь, что говорит об электрической машине Роман Ларионович [Воронцов]: он прежде, когда мы еще не знали, что она смертоносна, ненавидел ее...» (*Рус. архив*, 1869, стлб. 1782; подлинник по-французски).

Настроение в среде гораздо менее образованного среднего и мелкого дворянства наглядно отражено в воспоминаниях В. А. Нащокина: «Июля 26 убило громом в Санктпетербурге профессора Рихмана, которой машиною старался о удержании грома и молнии, дабы от идущего грома людей спасти; но с ним прежде всех случилось при той самой сделанной машине. И что о нем, Рихмане, чрез газеты тогда издано, при сем прилагается: любопытный да чтет [полный текст сообщения в *СПб. ведомостях* от 3 августа]. С ним, Рихманом, о мудрвании сходно произошло, как в древности пишется о Афинейском стихотворце Евсхилии [Эсхиле], что и оной чрез астрономию познал убиение себя вержением с верху и для того изыде из града и в пусте месте сеядше на ясне; орел же, на воздухе носяй желвь, иска камене, да с высоты разбьет, а у Евсхилия глава была лыса; по случаю орел опусти желвь и паде на главу. И так нечаянной конец вымыслу и оного Рихмана, как и Евсхилий, получи» (*Записки Василия Александровича Нащокина*. СПб., 1842, с. 116).

Божественный замысел в познании тайн Природы заключается в том, что оно возможно только тогда, когда человек будет к этому готов. О дальнейшей борьбе Ломоносова за понимание этого см. документы № 52, 56, 61 и примеч. к ним.

¹¹ Это письмо Ломоносова имел в виду А. С. Пушкин, когда писал в незаконченной статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835): «...Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана!» (*Пушкин* 7, с. 195).

51. Х. Вольф — Ломоносову
26 июля (6 августа) 1753 г. Галле

Ich habe mit vielem Vergnügen ersehen, dass Ew. Hochedl. sich der gelehrten Welt in den Actis der Akademie der Wissenschaften

ten zeigen, wodurch sie ihrer Nat[ion] viel Ehre machen. Es wäre zu wünsch[en] dase viele ihrem Exempel folgten.

С великим удовольствием я увидел, что Вы в академических Комментариях себя учоному свету показали¹, чем Вы великую честь принесли Вашему народу. Я желаю, чтобы Вашему приме[ру] многие последовали*.

Источники текста

Полный автограф письма на немецком языке неизвестен. Отрывок из него, в собственном переводе Ломоносова, включен в составленные им «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму графу М. А. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известен в трех копиях: А) копия рукою Ломоносова с переводом: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 153*; Б) писарская копия с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 49об.*; В) писарская копия с переводом: *Там же. Л. 60–60об.*

Полный текст письма в печати не появлялся. Публикации отрывка: *Собрание разных сочинений, ч. I, с. XIV* (русский перевод). *Билярский, с. 030. Доп. известия, с. 94* (немецкий текст и русский перевод). *Сочинения 8, с. 131–132, 281–282 и ПСС 10, с. 571–572* (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Без дополнительных уточняющих сведений трудно сказать, что за обстоятельства вызвали это письмо марбургского учителя Ломоносова, так же как и о том, какие именно диссертации он имеет в виду.

В первом томе «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*» (1750) напечатаны пять работ Ломоносова: «*Meditationes de caloris et frigoris causa*» («Размышления о причине теплоты и холода»); «*Tentamen theoriae de vi aëris elastica*» («Опыт теории упругости воздуха»); «*Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere*» («О действии химических растворителей вообще»); «*De motu aëris in fodinis observato*» («О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном»); «*Supplementum ad meditationes de vi aëris elastica*» («Прибавление к размышлениям об упругости воздуха»).

Во втором томе, вышедшем в 1751 г., напечатаны: «*Anemometrum summam celeritatum cujusvis venti et simul variationes directionum illius indicans*» («Анемометр, показывающий наибольшую быстроту любого ветра и одновременно

---

* Перевод М. В. Ломоносова.

Х. Вольф

изменения в его направлении»); «De tincturis metallorum» («О металлическом блеске»).

О диссертациях Ломоносова, напечатанных в академических «Новых комментариях», имеется еще лестный отзыв Ж. А. С. Формея (см. документ № 57). Тем не менее это не помешало появлению в немецких журналах критики, неблагоприятной для Ломоносова (см. документ № 76 и примеч. к нему).

52. ЛОМОНОСОВ — И. Д. ШУМАХЕРУ
18 августа 1753 г. Петербург

Wohlgebohrener Herr Rath,
insonders hochgeehrtester Herr.

Weil Ew. Wohlgebohren haben gestern zu sagen beliebt, dass die Dissertation des v[erstorbenen] H[errn] Professor Richmans nach derselben Meinung könnte bey einer andern Gelegenheit gedruckt werden, wie auch der Actus von mir allein für sich gehen sollte. Ich habe dem nachgedacht und befunden, dass ich alles, was in der gedachten Dissertation ist, nicht mit gutem Gewissen und darzu in Nahmen der Acad[emie]¹ bejahren kan[n]; in dem die Meinung des H. Richmans von dem indice Electricitatis naturalis nicht nur durch meine [Ob]servaciones¹, die schon publiciret sind, sondern gar durch seyn Todtes Fall überein Haufen geworfen worden. Ich wi[ll]¹ desswegen meine unmassgäbliche Me[i]nung¹ Ew. Wohlgebohrn[en] mit Theilen. Es ist dero selben bekannt, dass meine Rede mehr als eine Antwort anderer seyn kann; desswegen wird sie zu einem Haup[t]¹ Aufsatz sich gut genug schicken; darauf ein[e]¹ kurtze Antwort von einem Academic[us] folgen¹ kan[n], der auch zugleich die [P]ublication¹ proponiren mag. Der Herr Proffessor Grischau als Secretaire der Conferentz wird, meiner Meinung nach, der Anständigste darzu sein. Ich erwarte mit Schmeztzen die Reso[lu]tion aus Moscau und mit allem schuldigen Respect verharre

Ew. Wohlgebohrnen
gehorsamster Diener
M. Lomonosow.

d. 18 Aug.
1753.

Высокородный господин советник,
высокочтимейший господин.

Вследствие того, что В[ашему] Высокородию угодно было вчера сказать, что диссертация п[окойного] г[осподина] профессора Рихмана могла бы быть, по мнению Вашего Высокородия, напечатана при другом случае, равно как и акт должен был бы состояться только лишь при моем участии², я это обдумал и нашел, что не могу по чистой совести и к тому же от имени Академии одобрить всего заключающегося в названной диссертации³; ибо мнение г[осподина] Рихмана об указателе естественного электричества совершенно опровергнуто не только моими наблюдениями, которые уже опубликованы, но и, в особенности, самым фактом его смерти. Посему я хочу сообщить В[ашему] Высокород[ию] мое скромное мнение. Вашему Высокородию известно, что моя речь может быть больше, чем ответом на некую другую, почему она довольно хорошо подойдет в качестве главной речи; на это может последовать короткий ответ какого-либо академика, который может вместе с тем предложить и напечатание его. Господин профессор Гришов, как секретарь Конференции, будет, по моему мнению, для сего наиболее подходящим. Я с волнением ожидаю резолюцию из Москвы⁴ и со всем достоподобным почтением пребываю

В[ашего] Высокородия
покорнейшим слугою
М. Ломоносов.

18 авг[уста]
1753*.

Источники текста

Изначально автограф на немецком языке хранился в архиве Академической конференции и исчез оттуда в 1860-х гг., будучи вырван из переплетенного тома ученой корреспонденции Академии наук за 1753 г., в котором по корешку переплета до сих пор находятся остатки бумаги с несколькими буквами (совр.: *ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 42*).

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

В начале XX в. автограф находился в собрании П. А. Вакселя, который приобрел его на одном из европейских аукционов. В 1927 г. письмо было вновь приобретено Архивом Академии наук при содействии А. И. Андреева*.

В настоящее время подлинник по-прежнему находится в архиве: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 133. Л. 1–2*. Вверху письма канцелярская помета: «Eingek. d. 18 Augus. 1753. Respond. esd.» («Получ[ено] 18 августа 1753. Отвечено тогда же»). Факсимиле: *Модзалевский*, с. 305–307.

Описание: *Каталог, VII, 2-е изд.*, с. 22; *Модзалевский*, с. 91.

Публикации: *Модзалевский*, с. 304, 309 (немецкий текст и русский перевод). *Сочинения 8*, с. 132–134. *ПСС 10*, с. 486–487.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Утраченная часть листа по корешку письма.

² В журнале Академической канцелярии от 5 августа 1753 г. имеется запись по поводу публичного акта, который должен был состояться через месяц: «...Понеже по причине случая смертного профессора Рихмана Канцелярия А[кадемии] н[аук] сомневается, угодно ли то будет, ежели такую при ас[с]амблее диссертацию читать, в которой электрические примечания некоторым образом изъясняться будут; а к тому ж сам автор проф[ессор] Рихман умер, то кажется за неприличное, чтоб его диссертацию читать кому иному, и для того определено Его В[ысокографскому] С[иятельству] представить репортом, чтоб намеревавшуюся ас[с]амблею для предъявленных обстоятельств отложить до другова времени; а впрочем оное предать в волю Его В[ысокографского] С[иятельства], на что от Его В[ысокографского] С[иятельства] ожидать резолюции» (*Биллярский*, с. 215).

³ Эта диссертация Рихмана под заглавием «De indice electricitatis et de eius usu in definiendis artificialis et naturalis electricitatis phaenomenis dissertatio» («Рассуждение об указателе электричества и о пользовании им при исследовании явлений искусственного и естественного электричества») была опубликована

---

* Это не помешало С. Н. Чернову значительно позже написать в обзоре «Литературное наследство М. В. Ломоносова»: «...кажется, до сих пор не имеется сведений о поступлении в какое-либо государственное или общественное хранилище немецкого письма М. В. Ломоносова, находившегося в 1911 г. в собрании П. А. Вакселя и им представленного на выставку Академии наук “Ломоносов и Елизаветинское время”» (*ЛН, т. 9/10. М., 1933, с. 327*).

в четвертом томе «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae», который вышел, с большой задержкой, только в 1758 г. (см. примеч. 3 к документу № 56).

⁴ К. Г. Разумовский перенес публичное собрание Академии с 5 сентября 1753 г. на апрель 1754 г. Шумахер узнал об этом еще 23 августа из письма актуариуса Фелькнера, который занимался письмоводством при К. Г. Разумовском в Москве. Официальное же письмо Г. Н. Теплова к Шумахеру датировано 2 сентября 1753 г., «и о какой материи речи читать должно, о том Канцелярия представить заблаговременно Его Высокографскому Сиятельству имеет» (ПСС 10, с. 818).

Спустя несколько недель, по-видимому, по настоянию Ломоносова через И. И. Шувалова, Разумовский изменил это распоряжение. Публичное собрание, в котором Ломоносов прочитал «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», состоялось 26 ноября 1753 г. (см. примеч. 1 к документу № 56).

53.

И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ¹

18 августа 1753 г. Петербург

Hochwohlgeb[ohrner]
Insonders Hochzuehrender H[err] Rath
und Professor!

So wie ich gestern die Ehre hatte in Gegenwarth Ew. Hochwohlgeb[ohrnen] meine Meinung über des verstorbenen Prof[essor] Richmanns Piece zu eröff[f]nen dass man dieselbe vor dies mahl suppressiren. Ew. Hochwohlgeb[ohren] allein proponiren und wenn es vor guth befunden wird, des verstorbenen Observationen extract-Weise anführen sol[lt]e. So gebe ich mir auch jetzt und meine Meinung auf dero Schreiben zu eröff[f]nen die Ehre. Es ist vernünftig dass nun Ew. Wohlgeb[ohrnen] Piece die haupt Piece werde und dass H[err] Prof[essor] Grischow in Nahmen der Academie darauf antworte, die raison anzeige warum man die angelaufenen Piecen über das Problema von Scheidung des Goldes und Silbers nichts kröne, und die Neue proponire. Nur muss dieses in der Conferenz

ausgemacht worden. Ich fürchte auch H[errn] Prof[essor] Grischow werde sich mit der Kürtze der Zeit oder weiss Gott mit was excusiren. Ew. Hochwohlgeb[ohren] H[err] also vor der Conferenz ihn zu sprechen, und selbig dazu disponiren. Seiner Excellenz dem H[errn] Praesidenten wird es sehr angenehm seyn und ich meines Orts habe gar nicht dargegen zu sagen. Ubrigens verharre mit besonderer Hochachtung.

Ew. Hochwohlgeb[ohrnen]
S[chumacher].

St. Pet[ersburg]
d[en] 18 Aug[ust]
1753.

H[errn] Rath u[nd] Prof[essor] Lomonossow.

Высокород[ный]
и высокочтимейший г[осподин] советник
и профессор!

Когда я вчера имел честь, в присутствии В[ашего] Высокород[ия], высказать мое мнение, что статьи умершего проф[ессора] Рихмана на этот раз публиковать не следует², то В[аше] Высокород[ие] одни предлагали, не будет ли признано за лучшее изложить наблюдения покойного в извлечении. В настоящую минуту имею честь высказать мое мнение в ответ на Ваше письмо. Разумно, чтобы статья В[ашего] Высокород[ия] была главною и чтобы г[осподин] проф[ессор] Гришов, отвечая на нее от имени Академии, объяснил причины, почему работы, поступившие по проблеме отделения золота от серебра³, не признаны достойными, и предложил новую. Только об этом надобно решить в Конференции. Я также опасюсь, чтобы г[осподин] проф[ессор] Гришов не уклонился от этого за краткостью времени или, Бог знает, по каким причинам. Не угодно ли будет В[ашему] Высокород[ию] переговорить с ним об этом до Конференции, чтобы расположить его к тому. Его Сиятельству г[осподину] Президенту это

будет очень приятно, а я с своей стороны ничего не имею против этого возразить.

В[ашего] Высокород[ия]
Ш[умахер].

С. Пет[ербург]
18 авг[уста]
1753.

Г[осподину] советнику и проф[ессору] Ломоносову*.

Источники текста

Канцелярский отпуск на немецком языке: *ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 41. Л. 195.*

Публикации: *Доп. известия*, с. 58 (неполный русский перевод). *Сочинения* 8, с. 134–135 (немецкий текст полностью и русский перевод).

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ Ответ на письмо Ломоносова от этого же числа (см. документ № 52).

² См. примеч. 3 к документу № 52.

³ Текст задачи на премию Петербургской Академии наук в 100 червонцев Ломоносов составил еще в июне 1751 г.: «Полагаю, что премии, которая будет предложена на ближайшей конференции, должен быть удостоен тот, кто лучше других объяснит на основании физических и химических законов отделение золота от серебра, производимое с помощью царской водки, и укажет наиболее удобный способ отделять друг от друга эти металлы с наименьшим трудом и затратами» (*ПСС* 3, с. 13, подлинник по-латыни).

Все диссертации, полученные к назначенному дню, 1 июня 1753 г., оказались неудовлетворительными. Срок представления был продлен еще на год (см. примеч. 3 к документу № 71), а потом и еще на год.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

23 августа 1753 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Получив от студента Поповского перевод перьваго письма Попиева Опыта о человеке, не могу преминуть, чтобы не сообщить Вашему Превосходительству. В нем нет ни единого стиха, который бы мною был поправлен¹. Я весьма опасаясь, чтобы его в закоснении не оставили. Он давно уже достоин произведения². Ныне есть место ректорское в гимназии, после ректора Ратгаккера³, которое он весьма способно управлять может, зная латинской язык совершенно, и при том изрядно разумея греческой, французской и немецкой; а о искус[с]тве в российском сей пример об нем свидетельствует. Для того и профессор Фишер, который сам был долго ректором⁴, весьма его к сей должности ободряет. Ш[умахер] хотя кажет вид, что то же хочет делать, однако отнюдь верить нельзя, и больше, чаю, противное сделать намерен⁵. Публичное действие после Рихмановой смерти обещал неоднократно произвести в дело, и часто ко мне присылал о поспешении: а как я ныне читал, то он сказал, что из Москвы не имеет известия, будет ли актус. Между тем слышал я от профессора Г[ришова], которому он сказал, что актус будет отложен⁶. Академическое собрание после смерти Рихмановой и после отъезда Краценштейнова⁷ весьма мало осталось, состоя в четырех профессорах⁸, из которых я с неизменным глубокопочитанием пребываю до смерти

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Августа 23 дня
1753 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 333–334, откуда перешло в: *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 266–268; *Изд. Перевлесского*, с. 135–136; *Изд. Смир-*

дина, т. 1, с. 673–674. Билярский, с. 215–216. Сочинения 8, с. 136. ПСС 10, с. 487–488.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Не зная английского языка, Поповский переводил с французского прозаического перевода. Полностью перевод поэмы А. Попа «An essay on man» («Опыт о человеке») был закончен им в следующем году, о чем Ломоносов сообщил И. И. Шувалову 28 марта 1754 г. (см. документ № 70).

² Наградить студента Поповского «рангом и жалованьем, ибо он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте Российского штиля приносить Академии наук честь и пользу», Ломоносов предложил Академической канцелярии 12 января 1753 г. (ПСС 9, с. 634).

30 января Канцелярия определила ходатайствовать перед К. Г. Разумовским о производстве Поповского в магистры. 5 февраля Ломоносов подал в Канцелярию еще один репорт с просьбой, «чтоб его, Поповского, за его особливую в красноречии способность отличить от прочих студентов чином и жалованьем и отделить квартиру от их общежития, чтобы он, с хорошими людьми обращаясь, привык к пристойному обхождению, ибо между студентами, которые пристойного воспитания не имели и для своей давней фамилярности не без грубостей поступают, учтивых поступков научиться нельзя» (ПСС 9, с. 442).

Президент Разумовский с утверждением Поповского магистром не торопился. Этим и была вызвана настоящая просьба Ломоносова к И. И. Шувалову.

³ И. Ротгаккер умер 6 августа 1753 г.

⁴ Ректором Академической гимназии И. Э. Фишер состоял в 1732–1738 и 1747–1751 гг.

⁵ Вмешательство И. И. Шувалова привело к тому, что 9 сентября 1753 г. Поповский, по-прежнему оставаясь в звании студента, был назначен конректором (помощником ректора) Академической гимназии и преподавателем «верхнего латинского класса». Звание магистра он получил 23 декабря 1753 г. (утвержден 17 января 1754 г.).

⁶ См. примеч. 4 к документу № 52.

⁷ Академик механики Х. Г. Кратценштейн уехал за границу в августе 1753 г. и с этого времени состоял почетным членом Петербургской Академии наук.

⁸ Ломоносов имеет в виду только академиков одного с ним физико-математического класса: самого себя, И. А. Брауна, А. Н. Гришова и Н. И. Попова. Всех членов Академического собрания в это время было десять.

30 августа 1753 г. Петербург

Сиятельному Графу,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Ваше Сиятельство Милостиваго Государя нижайшим прошением утруждать принимаю смелость ради слез бедной вдовы покойнаго профессора Рихмана¹. Оставшись с тремя малыми детьми², не видит еще признаку той надежды о показании милости, которую все прежде ея бывшия профессорския вдовы имели, получая за целый год мужей своих жалованье. Вдова профессора Винсгейма, которая ныне за профессором Штрубом, осталась от первого мужа не бедна, и детей не имела, однако не токмо тысячу рублей мужнее жалованье по смерти его получила, но сверх того и на похороны сто рублей³. А у Рихмановой и за тот день жалованье вычтено, в которой он скончался, не смотря на то, что он поутру того же дни был в собрании. Он потерял свою жизнь, отправля[я] положенную на него должность в службе Ея Величества; то кажется, что его сирот больше наградить должно. Ваше Сиятельство, как истинной о благополучии наук рачитель, великое милосердие с бедными учините, ежели Его Сиятельство, Милостиваго Государя Графа Кирилл[а] Григорьевича к показанию [с]ей милости преклонить изволите⁴. Между тем, поздравляя Вас с пресветлым праздником тезоименитства Всемилоостивейшия Государыни⁵, с беспрестанным высокопочитанием пребываю

Вашего Сиятельства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из С[анкт]петербурга
Августа 30 дня 1753 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 3 и 12. Факсимиле: Троицкий И. Архив Воронцовых // АН, т. 9/10. М., 1933, с. 407 и 409 (в сильно уменьшенном размере).

Описание: Модзалевский, с. 91.

Публикации: АВ, с. 480–481. Сочинения 8, с. 137. ПСС 10, с. 488–489.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Вдова Г. В. Рихмана 5 августа 1753 г. подала в Академическую канцелярию прошение о выдаче ей 100 рублей в возмещение расходов на погребение погибшего мужа, а также об исходатайствовании ей «достаточной пенсии» на воспитание малолетних детей. Канцелярия поддержала эту просьбу перед К. Г. Разумовским, но ожидание ответа затянулось, и Ломоносов обратился за помощью к Воронцову, так же, как ранее просил о том же И. И. Шувалова (см. документ № 50).

² См. примеч. 8 к документу № 50.

³ Х. Н. Винсгейм умер 4 марта 1751 г. На следующий день его вдова Анна Мария просила Академическую канцелярию о выдаче ей пособия на похороны и годового жалованья мужа. О детях, которых у Винсгеймов не было, она, разумеется, упомянуть не могла и только сказала, что в «нужде себя и домашних своих прокормить чем не имею». В результате вдова получила 100 рублей «в милостыню» на погребение мужа и его годовой оклад в 1000 рублей, выданный в два срока «на пропитание малолетних ее детей» [!]. Рукописи и книги Винсгейма были взяты в Академию наук (*Сочинения* 8, с. 75 второй пагин.).

Затем вдова Винсгейма вышла за Ф. Г. Штрубе де Пирмонта.

⁴ 16 сентября 1753 г. Академическая канцелярия определила выдать вдове Рихмана 100 рублей «в милостыню» и выплатить в два срока годовой оклад ее мужа в размере 860 рублей за принятые в Академию наук его «манускрипты». В пенсии детям было отказано «за неимением таких примеров» (*Сочинения* 8, с. 75 второй пагин.).

В 1761 г. оба сына Рихмана были приняты Ломоносовым в Академическую гимназию на казенное содержание.

⁵ В этот день, 5 сентября, в Академии предполагалось торжественное публичное собрание, на котором Рихман и Ломоносов должны были говорить об «атмосферном электричестве». В связи с гибелью Рихмана собрание сначала было отменено К. Г. Разумовским, а затем переназначено им на 25 ноября (см. примеч. 10 к документу № 49 и примеч. 2 и 4 к документу № 52).

56.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

7 октября 1753 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Переписанную речь¹ мою к Вашему Превосходительству переслать принимая смелость, еще Вас, Милостиваго Государя, про-

шу, чтобы о произведении оной к 25 ноября² постараться: ибо мне дают наветки, что ее в Комментарий напечатать; однако я тем отнюд[ь] не могу быть доволен, и за прямой отказ почесть должен. Она таким образом сочинена, чтобы говорить в Собрании, и после особливаго случая. В других обстоятельствах должен я буду много переменить и выкинуть, что мне много труда стоит. Кроме того с Комментариями выйдет она весьма позд[н]о³. При сем Ваше Превосходительство всепокорнейше прошу не забыть Вашего милостиваго обещания, чтобы меня доставить вторым томом Татищева Истории⁴: за тем, что он в первом много на второй ссылается. Ожидая милостиваго в сем неоставления, с усердным высокопочитанием завсегда пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Октября 7 дня
1753 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I, с. 334–335*, откуда перешло в: *Собрание разных сочинений, ч. II, с. 268–269*; *Изд. Перевлесского, с. 137*; *Изд. Смирдина, т. 1, с. 674–675. Билярский, с. 219–220*. По рукописи неизвестного происхождения: *Рус. архив, 1913, кн. 1, с. 293* (сообщено А. А. Милорадович). *Сочинения 8, с. 138. ПСС. 10, с. 489–490*.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», готовившееся Ломоносовым для прочтения в публичном собрании Академии наук 5 сентября. Вследствие гибели Г. В. Рихмана собрание было сначала перенесено на апрель 1754 г. (см. примеч. 4 к документу № 52), однако 11 октября 1753 г. К. Г. Разумовский, видимо, по настоянию И. И. Шувалова, получившего это письмо Ломоносова, подписал распоряжение о том, чтобы «акт академический, конечно, был для публики» 25 ноября, «дабы г[оспо]д[ин] Ломоносов с новыми своими изобретениями между учеными в Эвропе людьми не упоздал, и чрез то труд бы его в учиненных до сего времени электрических опытах не про-

пал». Оппонентом Ломоносова утверждался А. Н. Гришов. В Академической конференции это распоряжение Разумовского было объявлено 18 октября (*Биллярский*, с. 223).

Русский текст «Слова...» Ломоносов срочно отослал «на апробацию» Разумовскому еще 4 октября (*Летопись*, с. 220), а спустя три дня отправил другой экземпляр И. И. Шувалову, без сомнения, для того, чтобы заручиться его поддержкой на случай очередных затруднений, которые вскоре и последовали: на чрезвычайном заседании Академического собрания 26 октября предварительно ознакомившиеся со «Словом...» А. Н. Гришов, И. А. Браун и Н. И. Попов сообщили свои «сумнительства» по существу затрагивавшейся в речи теории о кометных хвостах. На «сомнения и возражения» трех академиков Ломоносов письменно ответил 1 ноября.

Протоколы заседаний от 11, 16 и 19 ноября (в русском переводе), записки А. Н. Гришова и Н. И. Попова (латинские тексты и русские переводы), а также другие материалы, касающиеся обсуждения «Слова...», см.: *Ломоносов 1*, с. 66–116; *ПСС 3*, с. 144–179 и примеч. 10 к документу № 67 настоящего издания.

² Проведение публичного собрания 25 ноября, в самую годовщину восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, видимо, было признано неудобным, поэтому оно состоялось на следующий день.

³ «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» действительно выходили с большой задержкой: том первый (за 1747 и 1748 гг.) — в 1750 г.; том второй (за 1749 г.) — в 1751 г.; том третий (за 1750 и 1751 гг.) — в 1753 г.; том четвертый (за 1752 и 1753 гг.) — вообще в 1758 г.

«Слово...» Ломоносова впервые было опубликовано в составе сборников на русском и латинском языках: «Торжество Академии наук в честь и прославление вожделеннейшаго и всерадостнейшаго дня восшествия на престол <...> Императрицы Елисаветы Петровны, празднованное публичным собранием на другой день возшествия на престол Ея Императорскаго Величества, то есть ноября 26 дня 1753 года», отпечатанных к 11 ноября 1753 г.

⁴ Точнее, находившуюся у И. И. Шувалова рукопись второй части первого тома «Истории Российской...» В. Н. Татищева (см. документ № 27 и примеч. к нему), которая требовалась Ломоносову для работы над «Древней Российской историей...».

27 (16) октября 1753 г. Берлин

Il y dans le même volume un extra[it] du XIV des Mémoires de l'Academie Imp[eriale] de Russie, où j'ai parlé fort au long et avec beaucoup de plaisir de Votre beau mémoire sur la teinture des métaux.

В том же томе содержится экстракт 14-го тома академических Комментариев, где я пространно и с радостью описал Вашу хорошу[ю] диссертацию о светлости метал[л]о[в]¹.*

Источники текста

Полный автограф письма на французском языке неизвестен. Отрывок из него, в собственном переводе Ломоносова, включен в составленные им «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму графу М. А. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известен в трех копиях: А) копия рукою Ломоносова с переводом: *ПФАРАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 156об.*; Б) писарская копия с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 51об.*; В) писарская копия с переводом: *Там же. Л. 62.*

Полный текст письма в печати не появлялся. Публикации отрывка: *Собрание разных сочинений, ч. I, с. XIV* (русский перевод). *Биллярский, с. 030. Доп. известия, с. 96–97* (французский текст и русский перевод). *Сочинения 8, с. 139, 285 и ПСС 10, с. 577* (французский текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения 8.*

Примечания

¹ В этом отрывке речь идет о реферате, напечатанном Формеем в его издании «Nouvelle Bibliothèque Germanique ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord, par Mr. Samuel Formey» (Juillet, Août et Septembre 1753, т. XIII, partie I, р. 1–16).

Формей желал дать обзор содержания XIV тома журнала Петербургской Академии наук «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», вышедшего в 1751 г. и содержащего работы за 1744–1746 гг. Г. В. Крафта, Г. В. Рихмана, Л. Эйлера и др. (см.: *СК ин., т. 4, вып. 1, с. 289–291*).

Тем не менее большая часть реферата (р. 3–16) оказалась занята изложением содержания напечатанной в XIV томе работы Ломоносова «De tincturis metallorum» («О металлическом блеске»), за которую 17 июня 1745 г. он стал про-

* Перевод М. В. Ломоносова.

И. П. Елагин

фессором (см. примеч. 4 к документу 13). Оценивая труд Ломоносова, Формей назвал его «искусным химиком» (р. 14).

В этом же томе издания Формей, на с. 222, помещена анонимная заметка о гибели Г.В. Рихмана, присланная из Петербурга 7 августа (27 июля) 1753 г. По предположению И. А. Шляпкина, впервые опубликовавшего ответное письмо Ломоносова к Формею от 12 (23) февраля 1754 г. (см. документ № 68), заметка также могла принадлежать перу Ломоносова (*Рус. старина*, 1895, № 4, с. 223).

Ср. отзыв Х. Вольфа (см. документ № 51). О неблагоприятной для Ломоносова критике в немецких журналах см. документ № 76 и примеч. к нему.

58. И. И. Шувалов — Ломоносову
Не ранее 16 октября 1753 г. Петербург

Г[осу]д[а]рь мой,

имею честь Вам сообщить Епистола г[осподина] Елагина к г[осподину] Сумарокову¹, которой содержания ему панегирик² и сатира о петимтрах, и некоторые стихи в ее опровержение; я думаю, если б автор предвидел оной следствие, вообразил бы сколько надобно или есть разных дарований к сочинению стихов, то бы он, конечно, от того воздержался; не довольно знать хорошо язык и порядок грам[м]атических правил и скорое изыскание рифм; все оное, хотя бы имевши, не делает стихотворцем. Надобно иметь особливой рожденной с собою дар правая мысли, пространное знание, свободное изъяснение, чтоб в изображении вещей не принужден был творец перемешивать термины к получению меры желаемого своего стиха и делаться невольником слога или рифмы и оставить за невозможностию предприятую мысль. Не помню о разных родов стихов, из которых каждой сочинителю дает строгия законы. Будучи подвержен толь многим затруднениям, многия имеет на себя в погрешностях критики и, будучи несовершен, не может согласиться со вкусом каждого. Один, смотря на материю стихов, входит в собственное авторово состояние, хвалит его без пристрастия и достоинства или судит его слабость, злость и другия разныя пороки. Другой, любя и зная совершенно язык, не прощает, кто его без всякой нужды для пустых рифм портить отваживается, пуская в публику, иной слушает приятного согласия,

наблюдая порядочной меры, ненавидит частых некстати местоимений и наречий и в дополнение стиха служащих; повреждается его слух скрипом от встречающихся часто гласных и грубых слов; и другия многия на разныя пороки разныя [1] строгия хулители. Почти все ненавидят сатирической род стихов, хотя некоторая в прошедшия времена в том себя и прославили, но имели особливую к тому склонность, великое просвещение и остроту разума, но и тех было во все время три или четыре, которыя справедливую хвалу от того заслуживали. Но не имевши дара пряма писати и знания довольного к сочинению стихов и начинать да еще и сатирую, не удивительно поднять на себя многия осуждения. Поручаю приложенное [в] беспристрастное и разумное Ваше рассуждение³. С моим истинным почтением, остаюсь

Ваш, Г[осу]д[а]рь мой, и пр[очее].

Источники текста

Современная Ломоносову копия в составе рукописного сборника XVIII в., содержащего документы литературной полемики 1752–1753 гг.: *Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 977. Л. 1—10б.* (из бумаг И. О. Селифонтова в архиве журнала «Рус. старина»).

Публикация: *Серман И.* Из литературной полемики 1753 года // *Рус. лит.*, 1964, № 1, с. 100–101 (неточно).

Печатается по рукописи (заново сверено А. Г. Тимофеевым).

Примечания

¹ Шувалов послал Ломоносову известную «Сатиру на петиметра и кокеток» И. П. Елагина, близкого друга А. П. Сумарокова, которому еще в 1748 г. помогал в издании его первых трагедий. Ломоносов в этой сатире задевался лишь мелком (см. примеч. 6 к документу № 59 и примеч. 2 к документу № 60), в основном она была направлена против влиятельнейшей тогда политической группы, во главе которой стояли И. И. Шувалов и его двоюродный брат П. И. Шувалов, имена которых, разумеется, впрямую не назывались, но легко угадывались знающими людьми.

Безусловно, И. И. Шувалов был сильно заинтересован в достойном ответе, поэтому и отправил эту сатиру Ломоносову, рассчитывая на поэтический дар своего ближайшего друга.

² См. примеч. 4 к документу № 60.

³ Ломоносов ответил двумя письмами (см. документы № 59 и 60).

16 октября 1753 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

В исполнение приказания, от Вашего Превосходительства в нынешнем письме присланного, не могу никоим образом отказаться, по Вашему убеждению, почитая Вашу неоднократно объявленную мне волю. И так, хотя учинить отпор моим ненавистникам, не знаю и весьма сомневаюсь, не больше ли я им благодарить и их хвалить, нежели мстить и уничтожать, должен; благодарить за то, во первых, что они меня своей хулой хвалят, и к большому приращению малой моей славы не пожалели себя определить в Зоилы, что я не за меньшую услугу себе почитаю; второе, за то, что они подали причину Вашему Превосходительству к составлению нынешняго Вашего ко мне письма, с разными разсуждениями, до словесных наук касающимися, которое бывших, настоящих и будущих Зоилов злобу в ничто обращает, и в котором я не столько заслуги, сколько свою должность вижу. Они стихи мои осуждают и находят в них надутыя изображения, для того, что они самых великих древних и новых стихотворцев высокопарныя мысли, похвальныя во все веки и от всех народов почитаемыя, унижить хотят¹. Для доказательства предлагаю Вашему Превосходительству примеры, которыми основательное оправдание моего им возможнаго подражания показано быть может.

Из Гомеровою Илиады, Н. 17²:

Внезапно встал Нептун с высокия горы,
Пошел и тем потряс и лесы и бугры;
Трикраты он ступил, четвертый шаг достигнул
До места, в кое гнев и дух его подвигнул.

Из Виргил[иевой] Енеиды, кн. 3:

Едва он речь скончал, великая громада
С горы к водам идет среди овечья стада,
Ужасной Полифем, прескверный изувер,
Исполнен ярости и злобы выше мер.
Лишася зренья, он дуб несет рукою,
Как трость, и ищет тем дороги пред собою.

Зубами заскрипел и морем побежал,
Едва во глубине до бедр касался вал.³

Как сему Камоенс подражает, можно видеть в моей Риторике, § 158⁴. Кроме сих Героического духа стихотворцев и нежный Овидий исполнен высокопарными мыслями:

Из Превращений, кн. 1:

Трикраты страшные власы встряхнул Зевес,
Подвигнул горы тем, моря, поля и лес.

и из кн. 15:

Я таинства хочу неведомые петь;
На облаке хочу я выше звезд взлететь,
Оставив низ, пойду небесною горою.
Атланту наступлю на плечи я ногою⁵.

Сим подобных высоких мыслей наполнены все великие стихотворцы, так что из них можно собрать не одну великую книгу. Того ради я весьма тому рад, что имею общую часть с толь великими людьми, и за великую честь почитаю с ними быть опорочен неправо; напротив того, за великое несчастье, ежели Зоил меня похвалит. Я вес[ь]ма не удивляюсь, что он в моих одах ни Пиндара, ни Малгебра не находит⁶, для того что он их не знает и говорить с ними не умеет, не разумея ни по гречески, ни по французски. Не к поношению его говорю, но хотя ему доброе советовать за его ко мне усердие, чтобы хотя одному поучился. Заключая сие, уверяю Ваше Превосходительство, что я с Перфильевичем переписываться никогда намерен не был; и ныне, равно как прежде сего пародию его на «Тамиру»⁷, все против меня намерения и движения пропустил бы я беспристрастным молчанием без огорчения, как похвалу от его учителя⁸ без честолюбиваго услаждения, если бы я не опасался произвести в Вас неудовольствие послушанием. Но и еще притом прошу, ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил г[оспо]д[и]н Поповской⁹, почетши[й] за свою должность по справедливости, что Перфильевич себе несправедливо присвоит. Данный мне от него титул [Парнасского певца] никогда бы я не оставил в его стихах, если бы я хвастовством моих за-

вистников не принужден был рассудить, что тем именем ныне ученику меня назвать можно, которым меня за двадцать лет учителя мои называли¹⁰. Всепокорнейше прошу извинить тесноту строк, с усерднейшим высокопочитанием пребывая

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из С. П. бурга
Октября 16
1753 года.

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 56, № 2. Л. 1–2.* Письмо, в 1898 г. находившееся в собственности И. Н. Толстого, сохранилось не полностью — отсутствует начало до слов «древних и новых стихотворцев» включительно.

Описание: *Модзадевский*, с. 91–92.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I*, с. 343–345 (первая половина письма до слов «Атланту наступлю на плечи я ногою» включительно), откуда перешло в: *Собрание разных сочинений, ч. II*, с. 275–278; *Изд. Перевлесского*, с. 147–148; *Изд. Смирдина, ч. 1*, с. 684–685. *Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову*: Материалы для истории русского образования // *Грот*, с. 24, откуда перешло в *Труды Я. К. Грота, т. 3.* СПб., 1901, с. 50–51. *Сочинения 4*, с. 268 второй пагин. (отрывок). *Биллярский*, с. 220–222 (впервые полностью). *Берков*, с. 132–134. *Сочинения 8*, с. 140–142. *ПСС 10*, с. 490–492.

Печатается по первой публикации с учетом текста, реконструированного в *Сочинения 8*.

Примечания

¹ В автографе описка: хочет.

² В *Соч. Ломоносова*: Из Гомеровой Илиады п. 5. Соответствующий переводу Ломоносова греческий текст см.: *Сочинения 1*, с. 157 и 315 второй пагин.

³ Вергилий. Энеида, III, 655–659, 664–665. В «Риторике» эти стихи, но в другом переводе, помещены Ломоносовым в указанном им ниже § 158. Соответствующий переводу Ломоносова латинский текст см.: *Сочинения 1*, с. 160 и 321–322 второй пагин.

⁴ В этом параграфе сказано: «Увеличение вещей к составлению вымыслов весьма способно, которым стихотворцы особливо возвышают героические поэмы, представляя вещи чрезвычайно великими, к чему много силы придают

ужасные действия и свойства. <...> Сему подражая, Камуенс представляет мыс Добрыя Надежды под видом страшного исполина...» (ЛСС 7, с. 228).

⁵ Соответствующий переводу Ломоносова латинский текст Овидия см.: *Сочинения I*, с. 167 и 333 второй пагин.

⁶ Строки в послании И. П. Елагина: «Где Мальгерб, тобой почтенный, / Где сей Пиндар несравненный, / Что в Эпистолях мы чтем?» — отсылают к «Эпистоле о стихотворстве» (1748) А. П. Сумарокова (см. примеч. 2 к документу № 23).

⁷ О том, что автор этой пародийной афиши — И. П. Елагин, известно только со слов Ломоносова.

«От Российского театра,
объявление.

[1]758 года февр[аля] 29 дня будет представление трагедии Тамиры. Начало представления будет в тринадцать часов по полуночи. Актриса, изображающая Тамиру, будет убрана драгоценным бисером и мусиею. В сей бисер и в сию мусию чрез химию превращены Пиндаровы лирические стихи собственными руками сего великого стихотворца.

Малая комедия:

Racine malgré lui.*

Потом баллет:

Бунтование гигантов.

Украшение баллета.

1. Трясение краев и смятение дорог небесных,

2. На сторонах театра Осса и над ней Пинд.

Кавказ и на нем Етна, которая давит только один верх ево.

В средине под трясением дорог небесных Гигант, который хочет солнце снять ногою, будет танцовать соло; потом все представление окончат общи танцовальщики и певцы, певцы поя следующее:

Сэреди прекрасных роз
Пестра бабочка летает.

ПРИМЕЧАНИЕ.

В трех первых тонах ошибся или капельмейстер, или стихотворец, однако в оной песни для красоты мыслей его отпустительно» (*Сочинения I*, с. 435 второй пагин.).

---

* Вопреки Расину (*франц.*).

По сообщению И. А. Дмитриевского (?), опубликованному в 1768 г., Ломоносов, сочинив две трагедии, и сам скромно «сознавался» о себе как о «трагике» (Ефремов, с. 131 – 133). Более опытов в драматургическом роде он не делал.

⁸ «Перфильевич» — И. П. Елагин, «его учитель» — А. П. Сумароков (Елагин в своей сатире называет его: «благий учитель мой»).

⁹ Ломоносов говорит о пародировавшем сатиру Елагина стихотворении Н. Н. Поповского «Возражение, или Превращенный петиметр», в котором между прочим сказано:

Парнасского писца [т. е. Ломоносова], для Бога, не замай:
Стократ умней тебя; его не задирай.

И. И. Шувалов, очевидно, только стихотворением Поповского «удовольствоваться» не пожелал, поэтому вскоре Ломоносов от себя написал еще послание якобы к неизвестному лицу «Златой младых людей и беспечальной век...» (см. документ № 63).

¹⁰ То есть двадцать лет назад, когда Ломоносов учился в московской Славяно-греко-латинской академии. К сожалению, от этого периода известен лишь один его поэтический опыт — «[Стихи на тусок]» (1732–1734):

Услышали мухи
Медовыя духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Егда стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
Ах! — плачут убоги, —
Меду полизали,
А сами пропали (ПСС 8, с. 7).

На листке с этими стихами учитель Ломоносова Ф. Кветницкий написал: «Pulchre», что можно перевести с латинского как «Прекрасно» или «Превосходно».

Существуют сведения, переданные в 1784 г. М. И. Веревкиным, что Ломоносов, учась в московской академии, сочинял «небольшие стихи» и на латинском языке (Ломоносов в воспоминаниях, с. 43).

После 16 октября 1753 г. Петербург

М[и]л[о]стивы[й] Г[осу]д[а]рь!

По желанию Вашему все, что в моей силе состоит, готов исполнить и токмо одного избавлен быть прошу, чтобы мне не вступить ни в какия критические споры. В присланном Елагина пис[ь]ме к Сумарокову, где он употребленной Лом[о]н[осовым] рифм: Российя и Индия² на смех в пример поставил; я подлинно знаю, что сей рифм так же нехорош, как Mitridate et Arbate у Росина, и для того Елагин жет, чтобы он им любовался. Много бы я мог показать бедности его мелкого знания и скудного таланта, однако напрасно будет потеряно время на исправление такого человека, которой уже больше десяти лет назад стихи кропать начал³ и поныне, как из присланных строчек видно, стихотворческой меры и стоп не знает; не упоминая чистых мыслей, справедливости изображений и надлежащим образом употребленных похвал и примеров. Сие особливо сожелительно об Александре Петровиче, что он, хотя его похвалить, но не зная толку, весьма нелепо выбрал⁴. В первой строчке почитает Елагин за таинство, как делать любовныя песни, чего себе Александра Петрович как священно-таин[н]ику приписать не позволит; и попом песелным назвать себя недопустит. *Семира*⁵ *пышная*, то есть *надутая*, ему неприятная имя, да и неправда, затем, что она бол[ь]ше *нежная*. *Рожденных из мозгу богини сыном*⁶, то есть *мозговым внуком*, не чаю, чтобы Александра Петрович хотел назватца, особливо что нет к тому никакой дороги. Минерва трагедий и любовных песен никогда не сочиняла, она богиня философии, математики и художеств, в которые Александра Петрович, как человек справедливой, никогда не вклеплетца, и думаю, когда он услышит, что Перфирьевич на него взводит, то истинно, опять до войны дойдет, несмотря на панегирик. *Наперсником Боаловым* называть Александра П[етровича] несправедливое дело. Кто б *Российна* назвал *Боаловым наперсником*, то есть его *любимым прислужником*, то бы он едва вытерпил, диво, что А[лександра] П[етрович] сносит. Сверх того *Боала*, как и Минерва, ни трагедий, ни песенок не делал затем, что не умел, а особливо по-рус[с]ки! Как же его сверстать с Александром Петровичем; истинно обида. *Российским Россий-*

А. П. Сумароков

ном А[лександра] П[етрович] по справедливости назван, затем что он его не токмо половину перевел в своих трагедиях по-рус[с]-ки, но и сам себя Российном называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перф[ильевич] называет его *защитником истинны*, титул больше, нежели короля аглицкого, он пишется *защитником веры*, но право или нет, о том сумневатц[а] позволено. А[лександра] П[етрович] *защитник истинны*? Велик человек, ежели Перфильевич про него не так солгал, как про Л[омоносова] о рифме *Рос[с]ийя и Индия*, будто он им любится. О рифме говоря, дважды поносит он своего благоучителя явно, а в третьи ругательски хвалит; поносит, первое, что учит его, якобы скрытно, не у[по?]казывая, откуда берет рифмы, и будто бы от него хочет посулов; второе, якобы все стихотворческое искусство Александра Петровича состояло в приискании скором рифмав, несмотря на мысли, в чем я сам спорю и подтверждаю его же, Елагина, словом, что А[лександра] П[етрович], ищущи рифмов, сам не ломаетца, но, как ч[е]л[о]в[е]к осторожной, лутче вместо себя ломает язык Российской, правда, хотя не везде, однако неретко. Наконец ругательский титул А[лександры] П[етровича]: *благ[и]й учитель*. *Благ[и]й* по-словенски *добры[й]* знаменует, и по точному разумению писат[ь]ся принадлежит *до божества*, как оное свидетельствует: *Никто же благ токмо един Бог*⁷. Я не сомневаюс[ь], что Александра Петрович богаторит[ь] таким образом себя не позволит. Итак, одно нынешнее российское осталос[ь] знаменование: *благой* или *блажной*⁸; нестерпимая обида. Однако еще несноснее, что он, Апъпалона действительно сталкав с Парнас[с]а, хочет муз отдать в послушание Александру П[етровичу], или, по его мнению, безстыдному мщению уже отдал, думая, что музы без Сумарокова никому ничего дать не могут⁹.

Впротчем пребывая

Источники текста

Современная Ломоносову копия в составе рукописного сборника XVIII в., содержащего документы литературной полемики 1752–1753 гг.: *Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 977. Л. 5—6об.* (из бумаг И. О. Селифонтова в архиве журнала «Рус. старина»).

Впервые опубликовано с какой-то рукописи (возможно, принадлежавшей графу И. А. Остерману, а затем И. И. Лажечникову), отличной от копии Селифонтова: *Письмо М. В. Ломоносова // Моск. телеграф, 1828, ч. 22, № 15, август,*

с. 398–400 (с пояснением: «Не знаем, к кому писано было это письмо...»), откуда перешло в *Изд. Перевлесского*, с. 185–188 и *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 708–711.

Одно дополнение и поправки по тексту рукописи т. н. «Казанского сборника»: *Афанасьев А. Н.* Образцы литературной полемики прошлого столетия // *Библиогр. записки*, 1859, № 15, стлб. 455, примеч. 1. Еще несколько поправок внес текст отрывка по списку «Казанского сборника» (принадлежавшего тогда И. Н. Толстому), опубликованный М. И. Сухомлиновым: *Сочинения* 4, с. 269 второй пагин.

С учетом дополнений и поправок Афанасьева и Сухомлинова напечатано: *Сочинения* 8, с. 142–145. *ПСС* 10, с. 493–494.

Три поправки по копии, хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ: *Серман И.* Из литературной полемики 1753 года // *Рус. лит.*, 1964, № 1, с. 101.

Печатается по копии, принадлежавшей Селифонтову, которая на время подготовки настоящего издания являлась наиболее исправным известным текстом (заново сверено А. Г. Тимофеевым).

Примечания

¹ Учитывая отсутствие сведений об автографе, но существование значительного числа списков без указания имен автора и адресата, можно предположить, что этот вариант письма предназначался Ломоносовым не для отправки И. И. Шувалову, а для того, чтобы ходить по рукам — так же, как и сатира Елагина.

По мнению П. Н. Беркова, «по-видимому, эпистолярная форма для данного публичного выступления была избрана Ломоносовым в данном случае для того, чтобы, с одной стороны, скрыть свой стихотворный ответ [см. документ № 63], а с другой — подчеркнуть несерьезность литературных претензий своих противников, не заслуживающую более основательной трактовки. Письмо это очень остроумно» (*Берков*, с. 134).

² Рифма была употреблена Ломоносовым в 15-й строфе «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»:

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в щастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук (*ПСС* 8, с. 203).

А. П. Сумароков в статье «Критика на оду» писал по этому поводу: «Индия слывет эта земли, а не Индия. Индия и Россия рифмы самые бедные, и выговором, и тем, что они обе имена свойственные, что только в самой нужде полагаются» (*Полное собрание всех сочинений* в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского Ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова, ч. 10. М., 1782, с. 100).

В сатире Елагина эта давняя и явно неудачно подобранная рифма упомянута следующим образом:

Или как наш поэт, вписав в свой стих Россию,
Любуется сыскать к ней рифмою Индию.

³ О начале литературной деятельности И. П. Елагина, родившегося 11 декабря 1725 г., имеется указание, что он «в молодых годах сочинял много мелких стихотворений, а также прозы в разных родах и написал одну комедию, под названием Жан-де-Моле, которые однакож не изданными остались» (*Евгений* [Болховитинов], *митр.* Словарь русских светских писателей, т. 1. М., 1845, с. 211).

3 марта 1748 г. Елагин был определен писарем в канцелярии Лейб-Кампанской роты, делами которой заведовал А. П. Сумароков. 17 марта 1751 г. Елагина назначили генеральс-адъютантом командира Лейб-кампанской роты графа А. Г. Разумовского.

⁴ Похвале Сумарокову посвящены первые 16 стихов сатиры Елагина, к которым Ломоносов и дает в настоящем письме саркастические пояснения, под «видом защиты Сумарокова от мнимых нареканий Елагина», зло насмехаясь «над обоими и над творцом „Семиры“ еще более, нежели над его панегиристом» (*Афанасьев А. Н.* Образцы литературной полемики прошлого столетия // *Библиогр. записки*, 1859, № 15, стлб. 455).

Открытие таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя Семиры,
Из мозгу рождающейся богини мудрый сын,
Наперсник Боалов, Российский наш Расин.
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий ученый мой, скажи, о Сумароков,
Где рифмы ты берешь? ты мне не объявил,
Хоть к стихотворству мне охоту в сердце влил.
Когда сложенные тобой стихи читаю,
В них разум, красоту и живость обретаю
И вижу, что ты, их слагая, не потел,
Без принуждения писал ты, что хотел.

Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся,
И ищучи ее, работал и ломался,
Не вижу, чтоб искав сердился ты на них:
Оне, встречаяся, кладутся сами в стих...

(*Библиогр. записки*, 1859, № 15, стлб. 451)*.

⁵ Семира — героиня одноименной трагедии Сумарокова (поставлена 21 декабря 1751 г., впервые издана в 1768 г.).

⁶ Этот стих из сатиры Елагина следует понимать в том смысле, что Сумароков является сыном богини Минервы (см. примеч. 2 к документу № 38), родившейся из головы Юпитера, верховного бога римского пантеона.

⁷ Мф. 19, 17; Лк. 18, 19.

⁸ О двояком значении этого слова см. также в «[Материалах к Российской грамматике]» Ломоносова: «Благий (blahjī) bonus [добрый]. Благой (blagoi) fatuus [глупый]» (*ПСС*. 7, с. 619).

В значении «плохой» или «скверный» слово «благой» употреблялось в литературе XVIII в. (см.: *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 2. Л., 1985, с. 31).

⁹ Сатира Елагина и разошедшийся в списках ответ на нее Ломоносова стали причиной развернувшейся в середине 1750-х гг. острой литературной полемики, в которой, помимо Н. Н. Поповского (см. примеч. 9 к документу № 59), приняли участие В. К. Тредиаковский (см. примеч. 7 к документу № 63), Ф. Г. Сукин, М. М. Щербатов и многие другие литераторы (см.: *Берков*, с. 102–104, 125–128; *Серман И. З.* Из литературной полемики 1753 года // *Рус. лит.*, 1964, № 1, с. 99–104; *Степанов В. П.* Елагин Иван Перфильевич // *Словарь 1*, с. 305).

61. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

1 ноября 1753 г. Петербург

Милостивый Г[осу]д[а]рь Иван Иванович.

Что я письмами Вашего Превосходительства ныне не оставлен¹, сие служит мне к великому утешению в нынешних обстоятельствах. Советник Шумахер, пренебрегая то, что он от Его

---

* Ранее эти 16 строк были напечатаны при первой публикации письма Ломоносова (*Моск. телеграф*, 1828, ч. 22, № 15, август, с. 397–398).

Сиятельства г[оспо]д[и]на Президента присланным орденом о произведении публичного акта² изобличен был в своих несправедливых поступках в рассуждении моей речи, употребил еще все коварные свои происки для ее остановки³. Правда, что он всегда был высоких наук, а следовательно и мой ненавистник и всех профессоров гонитель и коварной и злохитростной приводец в несогласие и враждование; однако ныне стал еще вдвое, имея двойные интересы, то есть прегордаго невежду, высокомысленнаго фарисея зятя своего Т[ауберта]. Все ныне упражняющиеся в науках говорят: не дай Бог, чтобы Академия досталась Тауберту в приданое за дочь Шумахеровой⁴. Обоим равна зависть и ненависть к ученым, которая от того происходит, что оба не науками, но чужих рук искусством, а особливо профессорским поприемом подняться ищут; и ныне профессоров одного на друга поддужать и их несогласием пользоваться стараются. Я о всем писал к Его Сиятельству г[оспо]д[и]ну Президенту нарочито пространно, и всепокорнейше просил, чтобы сделать конец двадцетилетнему бедному Академии состоянию и избавить от приближающегося конечного разорения⁵. Между тем Вас, Милостив[а]го Г[осу]д[а]ря и отца, слезно прошу учинить с науками в России великую милость, чтобы, каким Вам заблагорассудится образом, сие общее благополучия ученых препятствие окончалось и впоследствии бы уже давно от всех желаемая тишина и радость. По Вашего Превосходительства пис[ь]мам рассуждаю, что Вы графу К[ириле] Г[ригорьевичу] пристойным образом о моем к нему пис[ь]ме знать дать можете, которое на прошлой почте к нему послано⁶. Сила и важность вся в том состоит, чтоб без ведома профессорскаго никакия учоныя дела не отправлялись, и Его бы Сиятельство ничего не апробовал, что Канцелярия без согласия Собраний о том представит. Ибо, кроме сего, на что Профессорския собрания? на что их голоса? когда Шумахер все смыслит, когда ему все поверить можно? *Все смыслит?* Боже мой! но он и в главной своей охоте, в рисовании, толку не знает. Посмотрите на изображение Е[я] И[мператорскаго] В[еличества], что на Петербургском плане⁷. *Ему все поверить можно!* Правда! козлу капусту, овец волку! На него просили первыя профессора, призванныя в Россию Петром Великим, которых он своими коварствами отсюда вытеснил и наше отечество лишил великия пользы⁸; на него просили студенты в Правительствующем Сенате, как я был за морем, за что ему был жестокой выго-

вор⁹; на него просили снова студенты и канцелярские служители с Нартовым в испровержении наук и в расточении казны, где он во многом изобличен, и только знатным предстательством избавился¹⁰; наконец, просили на него и все профессора обще, и для того поручено было им правление учоных дел до Президента¹¹. При толь великих примерах его злости, при толь великом множестве свидетелей разнаго состояния, разных народов и в толь разныя времена и обстоятельства, возможно ли сомневаться о бесовестном его поведении? Возможно ли ожидать цветущего наук состояния? Возможно ли подумать, что все на него напрасно солгано, затем что он не повешен? Сие столько же его оправдать может, как опубликованнаго бездельника князя Хованскаго¹², которой многократно судей и права умел употребить к своему закрытию и избавлению от петли. Не довольно ли о сем уверяет внешнее и внутреннее Академии бедное состояние? Извне почти одне развалины; внутрь нет ничего, что бы Академиею и университетом могло назваться по примеру иностранных и по несравненному великодушию Монархини нашей. Я ожидаю как от Его Сиятельства г[оспо]д[и]на Президента, так и от Вашего Превосходительства скорой наукам помощи, и за должность мою к отечеству и за несказанныя щедроты Всемиловивейшия Г[осу]д[ары]ни положил твердое и непоколебимое намерение, чтобы за благополучие наук в России, ежели обстоятельства потребуют, не пожалеть всего моего временнаго благополучия¹³, с чем остаюсь непременно, с глубоким к Вашему Превосходительству высокопочитанием пребывая,

всепокорнейший слуга Михайло Ломоносов.

С. П. б.

Ноября 1 дня

1753 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 5–6 (до поступления в Академический архив принадлежал П. А. Муханову). Полное факсимиле: *Сочинения* 8, между с. 144 и 145.

Описание: *Модзалевский*, с. 92.

Публикации: *Письма Ломоносова к И. И. Шувалову, читанные в Обществе любителей российской словесности, 4-го марта 1859* / [Сообщ. и примеч. П. И. Бартенева] // Воронежская беседа на 1861 год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб.,

1861, с. 229–231 (по копии, без обращения и заключительных слов). *Билярский*, с. 229–231 (по копии Н. С. Тихонравова). *Пекарский I*, с. 651 (отрывок). *Пекарский II*, с. 520–522 (по автографу; без обращения и заключительных слов). *Сочинения 8*, с. 145–147. *ПСС 10*, с. 495–497.

Печатается по факсимиле.

Примечания

¹ Эти письма И. И. Шувалова к Ломоносову неизвестны.

² Ордер К. Г. Разумовского от 11 октября, с назначением новой даты проведения публичного собрания Академии наук на 25 ноября 1753 г. (см. примеч. 1 к документу № 56).

³ Ломоносов говорит о заседании Академического собрания 26 октября 1753 г., на котором с возражениями против отдельных положений его «Слова о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» выступили академики А. Н. Гришов, И. А. Браун и Н. И. Попов. Свой ответ Ломоносов дал в заседании 1 ноября, после чего и написал И. И. Шувалову это письмо (см. там же, примеч. 1 к документу № 56).

⁴ Адъюнкт (с 1738 г.) и унтер-библиотекарь (с 1741 г.) Петербургской Академии наук И. К. Тауберт с 18 октября 1750 г. был женат на дочери Шумахера Элеоноре Доротее.

Уже 1753 г. благодаря родственным связям и хорошим отношениям с Г. Н. Тепловым участие Шумахера в академических делах простиралось гораздо далее его непосредственных служебных обязанностей: помимо Библиотеки, он заведовал также Кунсткамерой и Медальным кабинетом.

⁵ Упоминаемое письмо Ломоносова к президенту Академии наук неизвестно, однако имеется ордер К. Г. Разумовского к Шумахеру от 4 ноября 1753 г. о том, чтобы Академическая канцелярия не вмешивалась в профессорские дела: «...От господина советника и профессора Ломоносова представлено мне, якобы делается от Канцелярии затруднение в печатании его речи на латинском и русском языке учиненными объекциями от г[оспод] профессоров Гришова, Брауна и Попова, а сверх того принуждением читать его перевод помянутой речи в Историческом собрании. Каким образом в том деле поступить согласно с Регламентом Академическим, я о том предложил Собранию Академическому, а Вам рекомендую, дабы Канцелярия не вступалась в сие их дело, кроме того, что от них прислано будет для напечатания, о том только приложить старание без замедления, и как в печати, так и в переплете книг сих поступить по прежнему примеру...» (*Билярский*, с. 237).

⁶ Следовательно, Ломоносов написал Разумовскому в конце октября 1753 г. Шумахер знал о существовании этого письма и был им очень встревожен. 3 фев-

раля 1754 г. он адресовался к письмоводителю Раузовского Фелькнеру: «Когда бы хотели поступать со мною справедливо и сообщили бы то, что г[осподин] Ломоносов передал против меня, то я бы мог помочь ему во многих предметах...» (*Пехарский II*, с. 529).

⁷ Генеральный план российской столицы, подробнейшим образом отражавший существующую застройку, было решено подготовить в Академии наук в связи с 50-летием со дня основания Петербурга. Контроль за всеми работами был поручен членам комиссии, созданной в 1747 г.: Я. Штелину, И. Э. Гриммелю, И. Д. Шумахеру, Г. Валериани.

В 1748–1749 гг. огромный, на 9 листах, план был изготовлен под руководством адъюнкта И. Ф. Трускотта. 12 наиболее интересных видов города выполнялись М. И. Махаевым — крупнейшим русским мастером перспективного рисунка XVIII в. (недаром в истории этот труд и известен именно как «план Махаева»).

Все декоративные элементы плана, в том числе картуш с изображением на пьедестале фигуры императрицы Елизаветы Петровны в полный рост и картуш с гербом Петербурга, «под смотрением мастера Ив. Соколова гридировали художники обще» — Г. А. Качалов, Е. Т. Виноградов, И. П. Еляков, Я. В. Васильев, Е. Т. Внуков, А. А. Греков. Картуш с изображением императрицы гравировал сам И. А. Соколов, причем оригиналом для лица Елизаветы Петровны послужила гравюра, исполненная им же в 1745 г. с живописного портрета императрицы работы Л. Каравака.

В мае 1753 г. план Петербурга с видами был отпечатан в количестве 100 экземпляров и предназначен как в свободную продажу, так и в подарок послам, Королевским Дворам и библиотекам многих европейских столиц. 14 июля 1753 г. в адрес Академической канцелярии был дан Высочайший указ о поощрении работавших над планом рисовальщиков и граверов, «которые до такова достигли в художестве своем совершенства, что, следовательно, не втуне на оных художников иждивение в жалованье их употреблено было» (*Гравировальная палата*, с. 114). Шумахер предполагал получить для себя право аренды в Ливонии, но сделать этого ему не удалось (см.: *Доп. известия*, с. 54–55; ходатайство И. К. Тауберта: *Рус. архив*, 1904, кн. 3, с. 296–297).

Популярность «Плана столичного города Санктпетербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданного трудами Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге 1753 года» была исключительной — в 1754–1756 гг. он трижды допечатывался, а уже на рубеже XIX в. был переиздан в уменьшенном виде. Вариации с «проспектов» неоднократно исполнялись в России и Европе в виде гравюр и живописных картин, использовались для росписи табакерок и украшения предметов мебели.

Таким образом, как и в случае с «изобретением фарфора» (см. примеч. 3 к документу № 41), Ломоносовым в оценке оформления «плана Махаева» двигателя, надо полагать, простая зависть человека, снова оказавшегося в стороне от исполнения крупнейшего проекта эпохи.

⁸ Первые, насколько известно, жалобы профессоров на Шумахера были поданы в 1729 г. президенту Академии наук Л. Л. Блюментросту и самому императору Петру II, но они были вызваны, скорее, недопониманием, что безденежье в Академии наступило не от действий Шумахера, а в результате отъезда Двора в Москву. Разумеется, тогда это дело было оставлено «без последствий» (*Пекарский I*, с. XLVIII).

В следующей жалобе 9 января 1733 г., на этот раз Правительствующему Сенату, профессора Н. И. Делиль, И. Г. Дювернуа и Д. Бернулли говорили о самовольном управлении Академией Шумахером и просили «оного Шумахера впредь от их советов выключить и выпрашивать особливо и впредь указы из Сената мимо Академической канцелярии прямо к ним [т. е. академикам] посылать, на которое б мимо той же Канцелярии им, профессорам, ответствовать, понеже она Канцелярия единою оного Шумахера властью учреждена; також от него одного таким образом управляется, что которые в оной дела до сего времени под именем Академии случивались, оные редко им, профессорам, сообщены...» (*Пекарский I*, с. L). 6 февраля 1733 г. профессора, за исключением родственников Шумахера — И. Аммана и Г. Ф. Крафта, подали в Сенат «Рассуждение о состоянии Академии наук, по силе Сенатского указу чрез профессоров Академии наук сочиненное».

На сей раз успеха не получилось как из-за череды быстро сменявшихся в Академии президентов (в 1733–1734 гг. это место последовательно занимали Л. Л. Блюментрост, Г. Кейзерлинг, И. А. Корф), так и из-за совершенного непонимания профессорами важнейшего значения организационной составляющей для правильного функционирования всей системы. В Правительствующем же Сенате, безусловно, были прекрасно осведомлены о том, как правильно должна строиться работа государственного учреждения.

Впоследствии, в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» (1764), Ломоносов пересказал дошедшие до него слухи о «великих распрях» профессоров с Шумахером, который «по высокомерию своему презирал оных почтенных мужей и делал многие досады, почему прозван был *flagellum professorum*, то есть бич на профессоров» (*ПСС 10*, с. 268).

⁹ Ср. в «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...»: «По отъезде помянутых трех студентов за море прочие десять человек оставлены без призрения. Готовый стол и квартира пресекались, и бедные скитались некоторое время в подлости. Наконец нужда заставила их просить о своей бед-

ности в Сенате на Шумахера, который был туда призван к ответу, и учинен ему чувствительный выговор с угрозами штрафа. Откуда возвратясь в Канцелярию, главных на себя просителей, студентов, бил по щекам и высек батогами, однако ж принужден был профессорам и учителям приказать, чтобы давали помянутым студентам наставления, что несколько времени и продолжалось, и по экзамене даны им добрые аттестаты для показу...» (*ПСС 10*, с. 274).

Жалоба была подана в Сенат 16 ноября, «чувствительный выговор» был объявлен Шумахеру Сенатом 19 ноября 1736 г.

¹⁰ Наблюдая резкие перемены в государственном управлении, начавшиеся с воцарением Елизаветы Петровны в конце 1741 г., часть профессоров, адъюнктов, студентов, переводчиков и академических служителей устремилась изменить и положение, сложившееся в Академии, прежде всего вновь попытаться убрать с места правителя Канцелярии И. Д. Шумахера.

Первым в январе 1742 г. доношение в Правительствующий Сенат подал француз Ж. Н. Делиаль. В нем говорилось: «...Российский народ <...> также от того не мало претерпел для того, что профессора власти не имеют Академию по намерению Петра Великого управлять; притом же не старались русских обучать и произвесть в науках, а употреблено и произведено токмо почти немцев, которые государству не много пользы учинили» (*Пекарский I*, с. 34).

Жалобы подали и несколько других академических сотрудников: комиссар М. Камер, канцелярист Д. Греков, копиист В. Носов, студент И. Пухорт, ученик гравера А. Поляков, переводчики И. Горлицкий и Н. Попов, студенты П. Шишкарёв и М. Ковригин. «Все они утверждали, что Шумахер присвоил себе несколько десятков тысяч рублей из денег, назначенных на Академию; что он был врагом русского народа и что, наконец, умышленно старался об уничтожении намерений Петра Великого, высказанных в проекте об Академии наук» (*Пекарский I*, с. 35).

30 сентября 1742 г. Елизавета Петровна подписала указ об учреждении Следственной об Академии наук комиссии в составе Н. Ф. Головина, князя Б. Г. Юсупова и С. Л. Игнатьева.

Комиссия начала заседания 7 октября. Шумахер был сразу же отстранен от должности и посажен под домашний арест; Кунсткамера, Библиотека и Книжная лавка Академии опечатаны; правителем Канцелярии назначен А. К. Нартов — бывший токарь Петра I, с 1735 г. возглавлявший Инструментальную палату Академии наук (см.: *Пилюханова М. Б.* Нартов Андрей Константинович // *Словарь 2*, с. 326–327).

Возможно, «академические заговорщики» смогли бы добиться успеха, но действовали они грубо и разобщенно. Ломоносов же в это время устраивал еще и пьяные драки прямо в помещении Профессорского собрания, что было

слишком для профессоров, хотя мирными нравами по отношению друг к другу сами они похвалиться отнюдь не могли.

В результате Ломоносов 29 мая 1743 г. угодил под арест, и по российским законам того времени, принятым еще при Петре I, за совершенные «преступления» ему и другим участникам «академического заговора», не имевшим классных чинов, полагалось битье батогами или плетью, отлучение от должности, ссылка в Сибирь, может быть, даже смертная казнь. Так, например, был уволен из Академии и приговорен к смертной казни переводчик И. С. Горлицкий. Однако императрица Елизавета Петровна подобных экзекуций не допускала.

5 декабря 1743 г. Шумахер был восстановлен в должности правителя Академической канцелярии, которую и занимал до своей смерти (в 1758 г. «за дряхлостью» он фактически оставил дела), а А. К. Нартов возвращен на место руководителя Инструментальной палаты. 15 декабря 1743 г. Следственная комиссия закончила свои действия.

Подробнее см. документы № 31–36 и примеч. к ним в издании: *М. В. Ломоносов глазами современников* / Сост., подг. текста и примеч. Г. Г. Мартынова; Под ред. Б. А. Градовой. М.: Ломоносовъ, 2011, с. 133–138, 140, 362–373.

¹¹ После отставки И. А. Корфа в 1740 г. место «главного командира» (Президента) Петербургской Академии наук долгое время оставалось незанятым, и это стало прекрасным поводом для продолжения бесчисленных столкновений профессоров с Шумахером. «Все свои неудовольствия на Шумахера академики изложили Сенату в нескольких, иногда очень длинных прошениях, которые, впрочем, оставаясь без последствий, вероятно, потому, как объяснял однажды Ломоносов, что ученые “приоб[в]ыкли быть всегда при науках и, не навывкнув разносить по знатым домам поклонов, не могли сыскать себе защищения”...» (*Пехарский I*, с. 46).

Новый Президент Академии, граф К. Г. Разумовский, был назначен 21 мая 1746 г.

¹² Высочайший указ «об искоренении ябедничества и о строгом подтверждении лейб-гвардии прапорщику князю Никите Андрееву Хованскому и другим, замеченным в этом, воздерживаться от сего, под опасением взятия в казну имений их» был подписан императрицей 25 мая 1752 г., через день издан и разослан во все государственные учреждения. В Петербургской Академии наук его получили 29 мая (см.: *Сочинения* 8, с. 88–89 второй пагин.).

В ответ Хованский, отличавшийся беспутным образом жизни и занимавшийся судебными и тяжёбными делами в такой степени, что за «ябедничество» был официально отставлен от службы еще в 1731 г., позволил себе резкие высказывания в адрес правительства, назвав многих вельмож «дураками или пьяницами»,

а о самой императрице выразился следующим образом: «Слава Богу, что в Москве дворец сгорел, теперь поедет Государыня в Петербург; из Петербурга ее выгнала вода, а из Москвы огонь». В наказание за эти слова Хованский был высечен плетью и сослан в Никольский Козельский монастырь. Затем он был переведен на постоянное жительство в свои деревни.

Анекдот, ходивший о Хованском, записан в «Table-talk» («Застольных беседах») А. С. Пушкина: «Некто князь Х., возвратясь из Парижа в Москву, отличался невоздержанностию языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину [!]. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковые дерзости в Париже сажают в Бастилью, а у нас недавно резали язык, что, не будучи от природы жестока, она для *такого бездельника*, каков Х., нрав свой переменять не намерена, однако советует ему впредь быть осторожнее» (*Пушкин* 8, с. 69).

¹³ Прямым следствием этого письма Ломоносова, видимо, как всегда, поддержанного Шуваловым, было несколько письменных запросов Разумовского, адресованных Шумахеру, и учреждение в марте 1754 г. «Комиссии о рассмотрении академических служителей» (т.е. для пересмотра академического штата), членами которой стали и Ломоносов, и Шумахер (см. примеч. 7 к документу №70). Однако каких-либо непосредственных практических результатов предпринятые меры все же не принесли.

62.

И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ¹

10 ноября 1753 г. Петербург

Wohlgebohrner
Insonders Hochgeehrter Herr Collegien Rath.

Nachdem S[eine] Exc[ellenz] der Herr Hetmann befohlen, dass Ew. Wohlgeb[ohren] Rede d[en] 26 in der publicquen Assemblée soll gehalten, gedrückt eingebunden, und zu rechter Zeit nach Moscau gesandt werden, die Zeit aber hirzu sehr kurtz ist, so er- suche gantz freundlich die correcturen zu befordern oder aber vor genehm halten, dass die Rede, welche Ew. Wohlgeb[ohren] an S[eine] Exc[ellenz] geschickt haben, solle abgedruckt werden. Und dass S[eine] Exc[ellenz] ferner zu befehlen beliebt haben, dass man die Aufgaben in der Conferentz ausmache[n] solle, so ist vor guth befunden worden morgen als d[en] II eine Versammlung anzustellen,

in welcher Ew. Wohlgeb[ohrer] auch werden invitiret worden.
Verharre mit aller Hochachtung

Ew. Wohlgeb[ohrnen]
dienstverbundener Diener
J. D. S[chumacher].

St. Petersburg d[en] 10. Nov[ember]
1753.

An H[errn] Prof[essor] Lomonossow.

Благородный
и высокочтимейший господин коллежский советник.

По приказанию E[го] С[иятельства] господина гетмана, речь В[ашего] Благор[одия] должна быть произнесена в торжественном собрании 26 числа, напечатана, переплетена и к сроку доставлена в Москву, а между тем время для того очень коротко, почему дружески прошу Вас поспешить корректурой, или же дать согласие на то, чтобы речь, которую В[аше] Благор[одие] послали E[го] С[иятельству], была напечатана². Так как E[го] С[иятельству] угодно было еще приказать, чтобы задачи были установлены в Конференции, решено завтра утром около 11 часов созвать заседание, на которое В[аше] Благор[одие] также будете приглашены³. Пребываю с великим высокопочитанием

В[ашего] Благор[одия]
покорный слуга
И. Д. Ш[умахер].

С. Петербург 10 нояб[ря]
1753.

Г[осподину] проф[ессору] Ломоносову*.

Источники текста

Канцелярский отпуск на немецком языке: ПФАРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 41. Л. 192.

Публикации: *Доп. известия*, с. 59 (только русский перевод, без обращения и заключительных слов). *Сочинения* 8, с. 148–149 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по последней публикации.

---

* Перевод А. Б. Модзалевского.

Императрица Елизавета Петровна

Примечания

¹ Письмо Шумахера вызвано полученным из Москвы распоряжением К. Г. Разумовского от 4 ноября 1753 г. с требованием скорейшего окончания всех подготовительных работ к публичному собранию Академии наук, назначенному на 26 ноября (см. примеч. 5 к документу № 61).

² См. примеч. 3 к документу № 56.

³ Задачу «сыскать подлинную электрической силы причину и составить точную ее теорию» на премию Петербургской Академии наук, которая должна быть объявлена в предстоящем публичном собрании, Ломоносов начал составлять после 1 ноября 1753 г. Готовый текст задачи он прочитал в заседании Академического собрания 16 ноября (*Летопись*, с. 224, 226).

63.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
Около 4–11 ноября 1753 г. Петербург¹

1.

Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мне от него вреда отнюдь не чают.
Когда Зоилова хула мне не вредит,
Могу ли на него за то я быть сердит?
Однако ж осержусь! Я встал, ищу обуха!
Уж поднял, я махну! А кто сидит тут? муха!
Коль жаль мне для нее напрасного труда!
Бедняшка, ты летай, ты пой: мне нет вреда².

2.

Златой молодых людей и беспечальной век
Кто хочет огорчить, тот сам не человек.
Такого в наши дни мы видим Балабана³,
Бессильного молодых и глупого тиранна,
Которой полюбить все право потерял;
И для ради того против любви восстал.
Но вы, красавицы, того не опасайтесь;
Вы веком пользуйтесь и грубостью ругайтесь.
И знайте, что чего теперь не смеет сам,
То хочет запретить ругательствами вам.

Обиду вы свою напрасную отмстите
И глупому в глаза насмешнику скажите:
Не смейся, Балабан, смотря на наш наряд.
И к нам не подходи; ты, Балабан, женат.
Мы помним, как ты сам, хоть ведал перед браком,
Что будешь подлинно на перву ночь свояком⁴;
Что будешь вотчим слыть, на девушке женишь,
Или отец Княжне, сам будучи не Князь.
Ты, все то ведая, старался дни и ночи
Наряды прибирать сверх бедности и мочи.
Но естльи б чистой был Дияне мил твой взгляд,
И был бы, Балабан, ты сверх того женат;
То б ты на пудре спал и ел всегда помаду,
На беса б был похож и с переду и с заду.
Тогда б перед тобой и самой вертопрах
Как важной был Катон у всякаго в глазах.
Вы все то, не стыдясь, скажите Балабану:
Чтоб вас язвить забыл, свою лечил бы рану⁵.

3.

Искусные певцы всегда в напевах тщатся,
Дабы на букве *А* всех доле остояться,
На *Е*, на *О* притом умеренность иметь;
Чрез *У* и через *И* с поспешностью лететь:
Чтоб оным нежному была приятность слуху,
А с ими не принесть несносной скуки уху.
Великая Москва в языке толь нежна,
Что *А* произносить за *О* велит она.
В музыке что распев, то над словами сила⁶;
Природа нас блюсти закон сей научила.
Без силы *бѣреги*, но с силой *берегá*
И *снѣги* без нея мы говорим *снегá*.
Довольно кажут нам толь ясные доводы,
Что ищет наш язык везде от *И* свободы.
Или уж стало *иль*; *коли* уж стало *коль*;
Изволи ныне все везде твердят *изволь*.
За *спиши спишь* и *спать* мы говорим за *спати*.
На что же, Трисотин⁷, к нам тянешь *И* не к стати?
Напрасно злобной сей ты предприял совет,

Чтоб льстя тебе, когда Российской принял свет
Свиные визги вси и дикии, и злыи,
И истинными ти, и лживы, и кривыи.
Языка нашего небесна красота
Не будет никогда попоранна от скота.
От яду твоего он сам себя избавит
И вред сей выплюнув, поверь, тебя заставит
Скончать твой скверной визг стонанием совы,
Негодным в рус[с]кой стих и пропастным *увы!*

Прошу извинить, что для краткости времени набело переписать не успел. Корректуры рус[с]кой и латинской речи и грядоровальных досок не позволяют⁸.

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. А. 28–29.*

Описание: *Модзалевский*, с. 83.

Первое стихотворение опубликовано: *Вновь найденные стихотворения Ломоносова // Моск. телеграф*, 1827, ч. 17, № 20, окт., отд. II, с. 169. *Афанасьев А. Н.* Образцы литературной полемики прошлого столетия // *Библиогр. записки*, 1859, № 17, стлб. 515 (по тексту т. н. «Казанского сборника»). *Сочинения 2*, с. 133. Факсимиле: *ПСС 8*, с. 541.

Второе стихотворение опубликовано: *Афанасьев А. Н.* Образцы литературной полемики прошлого столетия // *Библиогр. записки*, 1859, № 15, стлб. 455–456 (по тексту т. н. «Казанского сборника»). *Пекарский II*, с. 538 (по «рукописи, переданной в Академию наук вместе с некоторыми его [Ломоносова] письмами П. Мухановым»). *Сочинения 2*, с. 134. Полное факсимиле: *Берков*, между с. 128 и 129. Факсимиле начала стихотворения: *ПСС 8*, с. 541.

Третье стихотворение опубликовано: *Вновь найденные стихотворения Ломоносова // Моск. телеграф*, 1827, ч. 17, № 20, окт., отд. II, с. 169–170. *Афанасьев А. Н.* Образцы литературной полемики прошлого столетия // *Библиогр. записки*, 1859, № 17, стлб. 518 (по тексту т. н. «Казанского сборника»). *Стихи Ломоносова на Сумарокова / [Сообщ. П. И. Бартенева] // Воронежская беседа на 1861 год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова.* СПб., 1861, с. 235–236. *Сочинения 2*, с. 132.

Первая публикация последней фразы письма («Прошу извинить... не позволяют»): *Сочинения 2*, с. 136 второй пагин.

Впервые полностью по автографу письмо напечатано: *Сочинения 8*, с. 149–151. Снова в разбивку: *ПСС 8*, с. 539, 540, 542, 1016.

Печатается по: *Сочинения 8*, с уточнением даты.

Примечания

¹Примечание издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого к публикации 1-го и 3-го стихотворений: «Мы получили от одной почтенной особы сии, донныне бывшие неизвестными стихотворения Ломоносова и спешим сообщить их публике, предполагая, что самая малые подробности жизни и творений сего великого человека важны для каждого уважающего память людей, коими гордится наше отечество. Сообщенный нам подлинник сих стихов весь писан самим Ломоносовым» (*Моск. телеграф*, 1827, ч. 17, № 20, окт., отд. II, с. 169).

В *Сочинения 2* это письмо ошибочно отнесено к 1755 г. В действительности оно, безусловно, находится в связи с перепиской И. И. Шувалова и Ломоносова относительно сатиры Елагина (см. примеч. 9 к документу № 59). В настоящее время датируется предположительно по упоминанию о чтении корректур (см. ниже, примеч. 8).

² В автографе стихи 6–8 первоначально были:

Уж поднял, [уж] я махну! А кто сидит тут? Муха!
Коль жаль мне для нее [напрасн (ой) суеты] напрасного труда.
[Бедняжка, полети и пой во весь заход:
Я, слыша голос твой, тошноту получаю:
Смеясь, трясуся весь, нежалась выпускаю].
Бедняшка, [пой, живи, летай] ты летай, ты пой: мне нет вреда.

В рукописном сборнике Казанского университета (т. н. «Казанском сборнике»), восходящем, по-видимому, к первой половине 80-х гг. XVIII в., адресатом первого стихотворения назван В. К. Третьяковский. Этого мнения придерживались и М. И. Сухомлинов в 1893 г., усмотрев в стихотворении «одинаковость содержания» с эпиграммой Ломоносова «Зубницкому» 1757 г. (*Сочинения 2*, с. 140–141 второй пагин.), и Л. Б. Модзалевский (*Сочинения 8*, с. 91 второй пагин.).

Комментаторы «Полного собрания сочинений» в 1959 г. попытались доказать, что «ни о какой “одинаковости содержания” не может быть и речи» и что Ломоносов метил «в этом случае не в Третьяковского, а в одного из неизвестных нам и притом малозначительных участников сумароковско-елагинской литературной группы, принявшего участие в кампании, поднятой против Ломоносова в 1753 г.» (*ЛСС 8*, с. 1022, 1023).

³ Балабан — балбес, болван; увальень.

⁴ Строки 15–16 показывают, что второе стихотворение является ответом Ломоносова именно на сатиру Елагина, в которой есть стихи:

Подобно как жених, в последний час пред браком
Бойтся, чтоб в ту ночь не быть кому свяжком,

Задумавшись сидит, ждет рока своего
И хочет разрешить сомнения его...

⁵ Трудно сказать, с какими личными моментами биографии Елагина могут быть связаны такие намеки. В 1747 г. он женился на камер-юнгфере Елизаветы Петровны — Наталье Алексеевне, которая выполняла какие-то весьма интимные поручения императрицы (подробнее см.: *Берков*, с. 126).

⁶ Сила — ударение.

⁷ В комедии Мольера «*Les femmes savantes*» («Ученые женщины») имя Trissotin (Триссотен) дано одному из действующих лиц, претенциозному поэту, автору вычурных стишков.

В данном контексте Трисотин — прозвище Тредиаковского, пущенное в ход А. П. Сумароковым, который в своей комедии «Тресотиниус» (поставленной в феврале 1750 г.) вывел его под этим именем влюбленного ученого педанта. В текст комедии была включена и пародия на любовную лирику Тредиаковского, ставшая популярной:

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей! ей!
Изволь меня избавить ты от страсти тем моей!
Бровь твоя меня пронзила, голос кровь зажег,
Мучишь ты меня, Климена, и стрелою сшибла с ног.
.....
Не теряй свою тем младость,
Приклони ко мне себя,
Мысль моя увидит сладость,
Буду жить, ся не губя.

(*Сумароков А. П. Стихотворения / Изд. подг. П. Н. Берков. Л., 1953, с. 263*).

Таким образом, третье стихотворение, безусловно, направлено против В. К. Тредиаковского. По содержанию оно связано с его спором с Ломоносовым об окончании имен прилагательных в именительном падеже множественного числа. Спор возник еще в 1746 г., когда Тредиаковский представил в Академическую канцелярию свою диссертацию на латинском языке «*De plurali nominum adjectivorum integrorum Russica lingua scribendorum terminatione*» («О том, как писать по-русски окончания полных имен прилагательных во множественном числе»), а Ломоносов написал «Примечания на предложение о множественном окончании [!] прилагательных имен» (подробнее см.: *ПСС 7*, с. 83–87, 801–805).

Следовательно, стихотворения третье и первое, если оно действительно все-таки обращено к Тредиаковскому, могли быть написаны Ломоносовым

значительно ранее и по каким-то причинам оказались соединены им только в 1753 г., вместе с ответом на сатиру Елагина.

Узнав о стихах Ломоносова «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...», Третьяковский в долгу не остался и написал эпиграмму «Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный...», в которой назвал доводы Ломоносова «ямщичьим вздором» и «мужицким бредом». В 1755 г. Третьяковский добавил к ней еще и статью «Эпиграм[м]ками играющий».

⁸ Русская и латинская речь — «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», о котором говорилось в нескольких предыдущих письмах и примечаниях к ним (см. документы № 50, 52–56, 61, 62). Корректуру Ломоносов мог держать между 19 октября, которым датировано определение Академической канцелярии о ее печатании (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 454. Л. 607*), и 11 ноября 1753 г., когда сборники на русском и латинском языках, в состав которых она вошла, были уже отпечатаны (см. примеч. 3 к документу № 56).

Более точная дата написания письма вычисляется из упоминания «грыдуровальных досок» — гравюр, которыми проиллюстрированы «Изъяснения, надлежащие к Слово о электрических воздушных явлениях» (воспроизведение: *ПСС 3*, с. 118–119, 128–129). Решение о необходимости их сделать было принято Академическим собранием лишь 3 ноября, а на следующий день Ломоносов просил оформить это надлежащим образом (*ПСС 3*, с. 176–179; ср. *Там же*, с. 105).

64. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ
3 января 1754 г. Усть-Рудицы

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Коль великую радость в серд[ц]е я почувствовал, когда о Высочайшей к Вашему Сиятельству милости уведомился, о том всегдашнее мое к Вам и безпритворное усердие, уповаю, засвидетельствовать может. Имея участие в радости великаго своего благодетеля и отца, от истиннаго усердия поздравляю Ваше Сиятельство с получением достойнаго награждения Ваших особливых добродетелей, и купно с толь благополучно окончавшимся старым и начавшимся новым годом, и от всего искренняго сердца желаю, чтобы в его течение и совершение и с верх того чрез многия лета плодами

сего должного Вам приобретения в полном удовольствии наслаждаться безпрестанно¹, с глубоким высокопочитанием пребывая,

Вашего Сиятельства
всепокорнейший и нижайший
слуга Михайло Ломоносов.

Из Устьрудниц
с бисерных заводов.
Генваря 3 дня
1754 года.

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 4 и 11.* Вверху начального листа помета Воронцова: «Ответствовано 20 генваря».

Описание: *Модзалевский*, с. 92.

Публикации: *АВ*, с. 481–482. *Сочинения* 8, с. 152. *ПСС* 10, с. 497.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Ломоносов поздравляет Воронцова с пожалованием ему и его жене статс-даме Анне Карловне «мыз Мариенбург и Калнемойс, Рижского уезда, в вечное и потомственное владение» (см.: *Опись Высочайшим указам и повелениям*, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век / Сост. П. Баранов. Т. 3. 1740–1762. СПб., 1878, с. 282). Высочайший указ последовал 18 декабря 1753 г., в день рождения императрицы Елизаветы Петровны.

Ответное письмо Воронцова, написанное 20 января 1754 г., неизвестно (см. документ № 66).

65. Ломоносов — И. И. Шувалову
3 января 1754 г. Усть-Рудицы

Милостивый Государь Иван Иванович!

По приказу Вашего Превосходительства¹ старался я достать примечания на Ведомости, но получить их не мог². Уже многие и за несколько лет их спрашивают; однако сыскать не могли, за тем, что их по малу было печатано, и не по мере Российскаго государства; а особливо ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такая

книги хранит для их редкости. Господин советник Нартов сказал, что у него есть; только не переплетенные и не в одном месте между политическими разсеянными, и обещался собрать для Вашего Превосходительства; однако не могу знать, сделает ли. Я уповаю, не лучше ли поискать у частных охотников в Москве на время, пока для Вашего Превосходительства собственно здесь приищутся. Весьма бы полезно и славно было нашему Отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим периодические сочинения: только не на таких бумажках по одному листу; но повсямесячно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две-три материй содержались в книжке, и в меньшем формате; чему много имеем примеров в Европе, а из которых лучшим последовать, или бы свой применясь выбрать можно³. Исполни, Господь Бог, намерения и желания любителей наук, чего я всегда, а особливо в начатии нового года, прошу, поздравляя с тем Ваше Превосходительство от истинного усердия; и желая благополучного течения и радостного окончания, с глубоким высокопочитанием завсегда пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Устьрудиц с бисерных заводов.
Генваря 3 дня
1754 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 335–336, откуда перешло в *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 269–270; *Изд. Перевлесского*, с. 138–139; *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 675–676. *Биллярский*, с. 250 (с опечаткой в имени Шувалова: П. И. вместо И. И.). *Сочинения* 8, с. 153. *ПСС* 10, с. 498.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Следовательно, в конце 1754 г. Ломоносов получил от И. И. Шувалова очередное письмо, в настоящее время неизвестное.

² Примечания на Ведомости, которые желал получить И. И. Шувалов, — это приложение к «Санктпетербургским ведомостям», которое в 1728–1742 гг. издавалось Академией наук под разными заглавиями: «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1728);

«Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» (1729–1731); «Примечания на Ведомости» (1732–1738); «Примечания при Ведомостях» (1739); «Примечания на Ведомости» (1739–1740); «Примечания к Ведомостям» (1741–1742).

Приложение выпускалось на русском и немецком (с 1729 г.) языках. Основное его содержание составляли статьи научно-популярного содержания, к которым иногда присоединялись важнейшие внешнеполитические и придворные известия, а также литературные произведения.

В 1728 г. приложение начало выходить под редакцией Г. Ф. Миллера. С 1730 г., после получения им профессорского звания и отъезда сначала за границу, а затем во Вторую Камчатскую экспедицию, в составлении «Примечаний» стали принимать участие Л. Эйлер, И. Г. Гмелин, И. С. Бекенштейн и другие профессора. Редакционные совещания происходили под председательством И. Д. Шумахера.

В конце 1742 г. «Примечания» прекратили существование в результате очередного академического «заговора» с целью свержения Шумахера (см. примеч. 10 к документу № 61). Когда в апреле 1743 г. А. К. Нартов заинтересовался, почему это издание более не выходит, профессора, уже понимая свое поражение, лицемерно ответили ему, что виноват в том он сам, так как запретил печатать очередной номер «Примечаний», одобренный Шумахером, а для последующих номеров материалов не собрал, о чем Шумахер как советник Канцелярии неизменно заботился лично, не перелагая этой обязанности на профессоров (*Протоколы I*, с. 736; *Материалы б*, с. 604–605).

³ С января 1755 г. Академия наук начала выпускать новый учено-литературный журнал, но не в том плане, который наметил здесь Ломоносов. Журнал издавался под разными заглавиями: «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1757); «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» (1758–1762); «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах» (1763–1764). Редактором его был Г. Ф. Миллер.

66. Ломоносов — графу М. А. Воронцову
27 января 1754 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

За милостивое удостоение Вашего Сиятельства ко мне ответу,¹ все-
низжайше благодарствую, и от всего сердца признаю и почитаю изъ-

яснение продолжения отеческой Вашей ко мне милости, которую я за великую часть моего благополучия в жизни почитаю, и всегда признаю, что Ваше Сиятельство истинный ученых покровитель. Не считая многих других примеров, сам я собственным своим примером могу засвидетельствовать. И как всегда, так и ныне чувствую, что Ваше Сиятельство благоденствия свои новыми приумножать изволите. По Вашему изволению присылаю при сем две книжки моей речи², и затем, что лутче экземпляров не имею, всеуниженно прошу принять их милостивейше, с глубоким высокопочитанием до конца жизни пребывая непременно

Вашего Сиятельства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санк[т]петербурга.

Генваря 27 дня

1754 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 5 и 10.

Описание: Модзалевский, с. 92.

Публикации: АВ, с. 482. Сочинения 8, с. 154. ПСС 10, с. 499.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Письмо Воронцова от 20 января 1754 г. неизвестно (см. примеч. к документу № 64).

² Под этой речью следует понимать «Слово о явлениях воздушных от электрической силы происходящих», отпечатанное к публичному собранию Академии наук, с перепетиями состоявшемуся 26 ноября 1753 г. (см. документы № 50, 52–56, 61, 62 и примеч. к ним).

Воронцов значится среди особ, которым были назначены парадные экземпляры сборников на русском и латинском языках «Торжество Академии наук <...> ноября 26 дня 1753 года» на александрийской бумаге, переплетенные в дорогой белый шелк (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 464. Л. 661). Речь Ломоносова входит в состав этого издания, однако слова о «двух книжках» показывают, что при данном письме он послал Воронцову лично от себя отдельные оттиски «Слова...» на русском и латинском языках, выпущенные без титульного листа, с одним только шмуцтитолом. Еще один оттиск на латинском языке должен был получить Формей (см. документ № 68).

Viro celeberrimo et incomparabili Leonhardo Eulero
in Regia Academia Scientiarum atque elegantiorum litterarum
Berolinensi meritissimo Directori, atque Mathematico Regio
excellentissimo, Imperatoriae Academiae Scientiarum
Petropolitanae et Regiae societatis scientiarum Londinensis membro,
Michael Lomonosow

S. P. D.

Interrupti tam diu litterarum inter nos commertii nulla alia causa primo exstitit praeter eam, quae etiam Adjunctum Kotelnikow ante Lipsiam, tandem a[u]tem Berolinum adire coegit. Postea vero diversa prorsus a speculationibus negotia, quae interea temporis tractavi, nullam tulerunt occasionem te, Vir celeberrime, per lit[er]as alloquendi. Nam par tres annos in tentaminibus Physico-Chymicis ad excollandam colorum scientiam institutis totus fui. Nec labor incassum cecidit. Quandoquidem praeter ea, quae solutiones et praecipitationes mineralium variae suggerere potuerunt, facta ad tria usque millia experimentorum circa varios colores in vitris producendos non solum amplissimam materiam ad veram colorum theoriam condendam dederunt, verum etiam causa exstiterunt, ut ad opera quadratoria, sive ut vocant mosaica perficienda me accingerem. Factum specimen, quo imaginem B. Virginis repraesentavi, obtuli Augustae, cum anno 1752 Nominis illius solemnia celebrarentur. Placuit: et mihi calcar est additum. Nam die 16. Dec. anni eiusdem, celsissimi senatus auctoritate concessum est mihi privilegium ejusmodi opera et alia ex vitris coloratis producendi per triginta annos, soli, omnibus aliis exclusis et quatuor millia Rublorum data ad facilitandam constructionem officinae. Insuper liberalitas Augustae omnem meam spem, omnia merita longe superavit. Quippe Martii Mensis die 16 anni 1753 clementissima imperatrix 226 rusticos mihi liberalissime donavit in Ingrida, cum novem millibus jugerum (quodlibet 80 saschen longum 30 latum), ut agros, prata et piscationes satis, sylvas ex abundanti habeam. Quatuor sunt rura, quorum proximum 64 werstes a Petropoli, remotissimum 80 distat. Hoc mari adjacet, illud fluviolis alluitur, ubi praeter domum

atque officinam vitrariam jam conditam, molem et molendinam frumentariam et serrariam exstruo, supra quam observatorium meteorologicum autographum elevatur, quod descriptum proxima aestate Deo favente publici faciam juris. Jam intelligis, vir celeberrime, me non alienatione aliqua animi tam diu litterarum commercium distulisse. Nam amicitiam Tuam semper maximi facio. Aequo igitur atque amico animo tarditatem litterarum mearum feras, obsecro, atque etiam huic excusationi locum praebeas: nam non solum Poëtam, Oratorem, Chymicum atque Physicum hic agere cogor; verum jamjam in Historicum fere totus abeo. Siquidem cum praeterlapso vere Mosquae aliquandiu diversarer, subscriptionem donationis exspectans; et Augustissima Autocrator alloquio suo me clementissime dignaretur, inter alia non ingratum sibi futurum fore significavit, si meo stilo historia patriae consignaretur. Redux igitur Petropolim, cum nupe-ram orationem meam conderem, saepe inter opus ipsum me in Rossicis antiquitatibus mente peregrinantem depræhendi. Hinc non pauca praetermissa sunt, quibus descensum atmosphaerae superioris in inferiorem continua tranquillitate non raro subsequi debere luculentius assereretur. Sic multa non attigi, quibus vaporosa cometarum cauda prorsus destrueretur. Fateor me idcirco potius illa praeteriisse, ne magnorum virorum scripta invadendo sui ostentator viderer potius, quam veritatis scrutator. Haec ipsa ratio jam longo tempore prohibet, quominus meditationes meas de monadibus erudito orbi proponam discutiendas. Quamvis enim mysticam fere illam doctrinam funditus everti argumentis meis debere confidam; viri tamen, cujus erga me officia oblivisci non possum, senectutem aegritundine animi affigere vereor; alias crabrones monadicos per totam Germaniam irritare non perhorrescerem. Vale, vir incomparabilis, favoremque et amicitiam tuam erga me continuare non desiste.

12

Dabam Petropoli die — Febr. 1754.

23

Мужу славнейшему и несравненному Леонарду Эйлеру,
заслуженнейшему директору Берлинской Королевской Академии
наук и искусств, выдающемуся математику
Императорской Петербургской Академии наук
и Королевского ученого Общества в Лондоне,
Михаил Ломоносов

ш[лет] н[ижайший] п[ривет].

Причиной столь давно прервавшейся нашей переписки было сперва то обстоятельство, которое заставило и адъюнкта Котельникова посетить сначала Лейпциг, а затем уже Берлин¹. А затем различные занятия и исследования, которые я производил за это время, не давали случая письменно побеседовать с Вами, славнейший муж. В течение трех лет я был весь погружен в физико-химические испытания, касающиеся разработки учения о цветах². И труд мой оказался не бесплодным, так как кроме результатов, полученных мною при различных растворениях и осаждениях минералов, почти три тысячи опытов, сделанных для воспроизведения разных цветов в стеклах, дали не только огромный материал для истинной теории цветов, но и привели к тому, что я принялся за изготовление мозаик³. Сделанный мною образчик, а именно образ Божьей Матери, я поднес Государыне, когда в 1752 г. праздновалось торжество ее тезоименитства. Он ей понравился, и я был сверх прежнего поощрен⁴. 16 дек[абря] того же года по постановлению Правительствующего Сената дана на тридцать лет привилегия на производство таких и подобных же работ из цветного стекла мне одному, с запрещением этого всем прочим, и мне было пожаловано четыре тысячи рублей на устройство мастерской⁵. А кроме того щедроты Государыни превзошли все мои надежды и все заслуги. 16 марта 1753 года Всемиловитейшая Императрица пожаловала мне в Ингрии 226 крестьян вместе с девятью тысячею югеров (принимая за югер площадь в 80 сажень в длину, 30 в ширину) земли, так что у меня достаточно полей, пастбищ, рыбных ловель, множество лесов, там имеется четыре деревни, из коих самая ближняя отстоит от Петербурга на 64 версты, самая дальняя — на 80 верст⁶. Эта последняя прилегает к морю, а первая орошается речками, и там, кроме дома и уже построенного сте-

клянного завода⁷, я сооружаю плотину, мельницу для хлеба и лесопильную, над которой возвышается самопишущая метеорологическая обсерватория, описание которой будущим летом с Божией помощью я опубликую⁸. Итак, Вы понимаете, славнейший муж, что я прервал нашу переписку на столь долгий срок не вследствие какого-либо охлаждения к Вам. Я ведь всегда очень высоко ценил Вашу дружбу. Итак, отнеситесь, прошу Вас, дружелюбно и снисходительно к моей неаккуратности в переписке и примите сверх того еще и следующее извинение: я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти уйти в историю. Прошедшей весной я провел некоторое время в Москве, ожидая подписи дарственной, и Августейшая Императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю⁹. Итак, вернувшись в Петербург и составляя недавнюю мою речь, я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях Российских. Поэтому мною пропущено не мало убедительных доказательств того, что верхняя атмосфера при полном спокойствии должна нередко спускаться в нижнюю. Так же точно не коснулся я и многого, что совершенно разрушило бы [представление] о хвостах комет, состоящих будто бы из паров. Признаюсь, что оставил я все это и от того, чтобы, нападая на писания великих мужей, не показываться скорее хвастуном, чем искателем истины¹⁰. Эта же причина давно уже препятствует мне предложить на обсуждение ученому свету мои мысли о монадах¹¹. Хотя я твердо уверен, что это мистическое учение должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, однако я боюсь омрачить старость мужу, благодеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть¹²; иначе я не побоялся бы раздражить по всей Германии шершней-монадистов. Прощайте, несравненный муж, и не оставляйте меня Вашим благоволением и дружбой.

12

Петербург — февр[аля] 1754¹³.

23*

---

* Перевод М. Е. Сергеевко.

Источники текста

Автограф на латинском языке: ПФА РАН. Ф. 136. Оп. 2. № 3. Л. 361—362об.

Описание: Модзалевский, с. 92. Переписка Эйлера, с. 180. *Euler Briefwechsel*, S. 250.

Публикации: Билярский, с. 779—781 (латинский текст). Меншуткин II, с. 96, 210—211, 367—368 (отрывки только в русском переводе). Сочинения 8, с. 155—159 и ПСС 10, с. 500—503 (латинский текст и русский перевод).

Печатается по: Сочинения 8.

Примечания

¹ Предшествующее письмо к Л. Эйлеру было написано Ломоносовым 27 мая 1749 г. (см. документ № 28). «Обстоятельством», которое стало причиной почти пятилетнего перерыва в общении между ними, является осложнение дипломатических отношений между Россией и Пруссией в 1750—1751 гг., затруднившее и почтовую связь с Берлином.

По той же причине адъюнкт С. К. Котельников, для дальнейшего совершенствования в математических науках посланный за границу в марте 1751 г., не получил паспорта в Берлин и вынужден был отправиться в Лейпциг, где слушал публичные лекции профессора Г. Гейнзиуса и брал частные уроки у А. Г. Кестнера. В Берлин, к Эйлеру, Котельников смог переехать только в июле 1752 г. и находился у него до июля 1756 г.

² Природой света и теорией цветов Ломоносов стал интересоваться по крайней мере, с 1741 г., о чем свидетельствует упоминание в наброске плана предполагавшейся им тогда обширной работы на латинском языке «[Элементы математической химии]» (ПСС I, с. 82—83). Различным вопросам теории света и цветов посвящена и значительная часть пунктов в латинских же «[276 заметках по физике и корпускулярной философии]», записанных в 1742—1743 гг. (ПСС I, с. 104—167).

Серьезные опыты по исследованию «натуры цветов» Ломоносов начал проводить с конца 1748 г. после постройки при Академии наук Химической лаборатории (см. примеч. 3 к документу № 28). Далее см. ниже, примеч. 8.

³ О хлопотах Ломоносова по организации фабрики цветного стекла, к мысли о которой он пришел через свои занятия теорией цветов, см. документы № 36, 43—45, 47, 48 и примеч. к ним.

⁴ См. примеч. 1 к документу № 36. Эта первая законченная мозаичная работа Ломоносова упоминается еще в корреспонденции «Ученых Флорентийских ведомостей» от 12 марта 1764 г. (см. примеч. к документу № 141) и в оконченных в 1769 г. записках «О мозаике» Я. Штелина, по словам которого она была в «два фута высотой и полтора шириной. За этот удачный опыт он заслужил

честь всемилостивейшего одобрения Ее
вознаграждение. А Ее Величество отвел
их] апартаментах» (*Штелин*, с. 119). Д
ичные работы Ломоносова // *Каталог*,
образ в настоящее время — неизвестно.

⁵ Пожаловать ему эту привилегию и «
лей без процентов» Ломоносов просил
фабрику разноцветных стекол, поданно
бре 1752 г. (*ПСС 9*, с. 81). Просьбу Лом
1752 г. (*Летопись*, с. 204).

⁶ Высочайшим повелением, подписан
шалось «дать ему, Ломоносову, для раб
важской мызы от деревни Шишкиной
Усть-Рудиц 12, от мызы Горья Валдай
всего 211 душ со всеми к ним принадле
(*Пехарский II*, с. 512).

Разница между числом душ объясняет
зом ошибся: в письме к Эйлеру он имее
порском уезде село Ополье», которое из
торое было предложено и в Сенатском о
интерпретация. В Олонецкой губернии

ного 1759 г.: «...Между тем порядочному сих [воздушных] волн течению быть невозможно ради принятия разной теплоты в воздух от Солнца и из земных недр. Все сие, по истинной теории, ничем другим, как частыми и верными мореплавающих наблюдениями и записками перемен воздуха, утверждено и в порядок приведено быть должно. А особливо когда бы в разных частях света в разных государствах те, кои мореплаванием пользуются, учредили самопишущие метеорологические обсерватории, к коих расположению и учреждению с разными новыми инструментами имею новую идею, особливо требующую описания» (ПСС 4, с. 173).

⁹ См. примеч. 4 к документу № 37.

¹⁰ Ломоносов имеет в виду предварительное обсуждение его «Слова о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (см. примеч. 1 к документу № 56). В частности, некоторые академики были недовольны таким заявлением Ломоносова: «Гипотеза о том, что хвост комет состоит из паров, имеет свое начало и источник в другой Ньютоновой гипотезе, а именно о том, что свет Солнца исходит из него как из источника с невероятной скоростью во все стороны и захватывает с собой пары комет. Но так как эта гипотеза не только лишена всякого основания, но уже большинством, почти всеми основательно мыслящими людьми, признана нелепой, то вместе со своим основанием ниспровергается и рушится и самое мнение Ньютона о хвостах.

А так как остроумнейший Эйлер непоколебимыми аргументами доказал, что свет распространяется таким же образом, как звук, а я располагаю новыми аргументами в пользу Эйлера, которые храню, чтобы опубликовать в подходящем месте и в подходящее время, то нельзя привести решительно никакого объяснения, почему пары комет с такой скоростью могли бы нестись в противоположную от Солнца сторону» (ПСС 3, с. 157 и 159).

Эйлер ознакомился со «Словом...», печатный экземпляр которого был отправлен ему Шумахером, и 29 декабря 1753 г. написал ему в своем ответе: «Сочинение г[осподина] Ломоносова об этом предмете я прочел с величайшим удовольствием. Объяснения, данные им относительно столь внезапного возникновения стужи и происхождения последней от верхних слоев воздуха в атмосфере, я считаю совершенно основательными. Недавно я сделал подобные же выводы из учения о равновесии атмосферы. Прочие догадки столько же остроумны, сколько и вероподобны, и выказывают в г[осподине] авторе счастливое дарование к распространению истинного положения естествоведения, чему образцы впрочем и прежде он представил в своих сочинениях. Ныне таковые умы весьма редки, так как большая часть остаются только при опытах, почему и не желают пускаться в рассуждения; другие же впадают в такие нелепые толки, что они в противоречии всем началам здравого естествоведения. Поэтому

догадки г[осподина] Ломоносова тем большую имеют цену, что они удачно задуманы и вероподобны. Отсюда вовсе не следует, чтобы они были вполне доказаны, потому что дальнейшие исследования — согласуются ли они с истинною или нет — приведут нас к желанной цели. Все, что мы теперь знаем достоверного в физике, было первоначально окружено только догадками, и когда бы никогда не допускали таковых даже ложных, то мы бы не достигли никак истины, а потому и Академии не следует признавать их за таковые. Между тем каждый может ранее принять в том участие, смотря на то, что догадки не отвергаются без дальних рассуждений, а найдены достойными изысканий. На это, как мне кажется, метил г[осподин] профессор Гришов в своем ответе, и я в нем ничего не нашел такого, чтобы мог принять в худую сторону г[осподин] Ломоносов» (*Пехарский II*, с. 526–527; подлинник по немецки: *Биллярский*, с. 248–249, там же см. и другие отзывы, с. 251–258).

¹¹ Соображения Ломоносова о монадах содержатся в его неоконченной диссертации 1743–1744 г. «*De cohaesione et situ monadum physicarum*» («О сцеплении и расположении физических монад»), латинский текст которой был впервые напечатан только в 1934 г. (*Сочинения 6*, с. 98–101 второй пагин.), а вместе с русским переводом — в 1950 г. (*ПСС I*, с. 265–277).

¹² Так Ломоносов вспоминает о своем марбургском учителе Х. Вольфе.

¹³ Эйлер ответил Ломоносову 30 (19) марта 1754 г. (см. документ № 69).

68.

ЛОМОНОСОВ — Ж. А. С. ФОРМЕЮ¹

12 (23) февраля 1754 г. Петербург

Viro doctissimo atque celeberrimo Formeyo,
Academiae Regiae Berolinensis secretario perpetuo,
Imperatoriae Academiae scientiarum Petropolitanae
nec non societatis scientiarum Regiae Londinensis membro,
Michael Lomonosow

S. P. D.

Litteris tuis humanissimis acceptis jam pridem tibi respondere officium meum postulabat et voluptas quae ex iis orta est incitabat; verum in hoc exequendo fuerunt quaedam mihi impedimenta. Primo expectabam responsum ab excellentissimo Praeside quo de tuis ad illum tuto perlatis certior essem factus; porro occasionem quaerebam simul cum

responsione mea etiam orationem nuper a me habitam ad te mittendi, sed utriusque spe frustratum poenitet tam diu officium meum distulisse, tantumque ab eo observando declinasse. Si nullum adhuc responsum ab Excellentissimo Praesule accepisti contendam quantum poterо ut cognoscam utrum litterae tuae ad illum pervenerint. Pro favore quem in recensendis meditationibus meis de tincturis metallorum te fecisse indicasti gratias ago quam maximas. Volumen illud Bibliothecae Germanicae videre mihi nondum contigit. Caeterum si quo votis tuis satisfacere possim, paratissimum me ad omnia officia habebis ac te tuamque amicitiam omni cultu atque observantia semper prosequuturum. Salutem meo nomine D. Santorockio dicere ne graveris officiosissime rogo eumque monere accessu illius Petropolim pecuniam a Fittinhoffio facilius repeti posse. Vale vir clarissime, atque mihi favere ut coepisti non desiste.

Dabam Petropoli Februarii 12 (23) An. 1754.

Ученейшему высокочтимому мужу Формею,
непременному секретарю Королевской Берлинской Академии
и члену Императорской Академии наук в Петербурге
и Ученого Королевского общества в Лондоне,
Михаил Ломоносов

ш[лет] н[ижайший] п[ривет].

По получении Вашего любезнейшего письма я обязан был уже давно ответить Вам, к чему побуждало меня и его приятное содержание. Однако исполнить это помешали мне некоторые обстоятельства. Во-первых, я ждал ответа от Его Превосходительства [господина] Президента² с уведомлением о благополучной к нему доставке Ваших писем. Далее, я ждал случая послать Вам вместе с ответом моим и речь, недавно мною произнесенную³. Теперь, обманувшись в своих ожиданиях, я раскаиваюсь, что промешкал и уклонился на столько времени от должного ответа. Если Вами до сих пор не получено ответа от Его Превосходительства [господина] Президента, то я не замедлю узнать, дошли ли до него Ваши письма. За Ваш благосклонный отзыв касательно моего рассуждения о светлости металлов приношу глубочайшую благодарность.

Самой книжки *Bibliotheca Germanica* мне еще не удалось видеть. Во всяком случае, я готов по мере моих сил исполнять все Ваши желания и всегда буду чтить и ценить Ваше дружеское ко мне расположение. Покорнейше прошу не отказать в передаче г[осподину] Сантороцкому⁴ моего почтения и сообщить ему, что его приезд в Петербург может облегчить получение денег от Фитингофа⁵. Будьте здоровы, знаменитый муж, и не оставьте меня и впредь Вашим расположением.

Петербург 12 (23) февраля 1754 г.*

Источники текста

В конце XIX в. автограф на латинском языке находился в Берлинской Королевской библиотеке, откуда и был использован для первой публикации.

Публикации: *Берлинские материалы для истории новой русской литературы*: Письма М. В. Ломоносова / Сообщ. И. Шляпкин // *Рус. старина*, 1895, № 4, с. 222–223 (латинский текст и русский перевод). *Сочинения* 8, с. 159–161. *ПСС* 10, с. 503–505.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Ответ Ломоносова на письмо Формея от 27 (16) октября 1753 г., известное сейчас только в отрывке (см. документ № 57).

² Упоминаемые письма Формея к К. Г. Разумовскому неизвестны, как и его ответ.

³ «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (см. документы № 50, 52–56, 61, 62 и примеч. к ним). Возможно, Ломоносов послал Формею отдельный оттиск на латинском языке — так же, как ранее М. Л. Воронцову (см. документ № 66).

⁴ Во время пребывания Ломоносова в Марбургском университете декан философского факультета профессор И. К. Сантороцкий (Санторок) читал там курсы «языческой теологии» и «натуральной теологии», объяснял трактат Горация «*De arte poetica*» («Искусство поэтики») и обучал студентов искусству стихосложения на немецком и латинском языках (*Сухомлинов М. И.* Ломоносов — студент Марбургского университета // *Рус. вестник*, 1861, № 1, с. 154–155). Упоминание свидетельствует, что Ломоносов как будто продолжал поддерживать с ним какую-то личную связь, но более у него, насколько известно, фамилия Сантороцкого нигде не встречается.

---

* Перевод М. Е. Сергеенко.

⁵ Неясный момент. Возможно, что речь идет о бароне И. Ф. Фитингофе — в 1754 г. офицере русской службы, участнике Семилетней войны с Пруссией (1756–1763), в будущем — президенте Медицинской коллегии.

69.

Л. ЭЙЛЕР — ЛОМОНОСОВУ¹

30 (19) марта 1754 г. Берлин

Viro Amplissimo et Celeberrimo. Michaeli Lomonossow.
Sacrae Imperatoriae Majestatis Consiliario et Academiae Imperialis
Scientiarum Petropol[itanae] socio Meritissimo ac Dignissimo

S. P. D.

Leonhard Euler.

Cum semper maxime fuerim admiratus felicissimum ingenium Tuum, quo vi tam diversis scientiarum generibus excellis, ac Phaenomena naturae singulari cum successu per Theoriam illustras, tum ex litteris Tuis, quae mihi fuerunt gratissimae, summo gaudio intellexi, insignia Tua merita continuo magis agnosci, atque ab Augustissima Imperatrice pro dignitate remunerari: ob quam eximiam gratiam Tibi ex animo gratulor, perfectam valetudinem viresque sufficientes Tibi apprecans, quibus tantos labores sustinere, atque adeo expectationem, quam de Te excitasti, superare valeas.

Quae circa colorum naturam per experimenta exploravisti, sine dubio mox in Commentariis Academiae edentur, quae cum hanc sublimem doctrinam copiose sint illustratura, maximo teneor desiderio ea videndi ac praecipue Theoriam, quam stabilivisti, cognoscendi. Vulgaribus enim experimentis innixus jam dudum a Theoria Neutoniana, recedere sum coactus, cum neque radiorum tanquam fluminis emanationem, neque eorum in corporibus opacis reflexionem, unde colores oriantur, digerere potuerim. Aliam igitur excogitavi Theoriam, qua lumen in aethere perinde ac sonum in aëre per motum vibratorium generari statuo, colorumque diversitatem in diversa vibrationum rapiditate pono, ita ut colores non aliter inter se discrepent, atque soni graves et acuti, ex quo fonte etiam non parum probabilem, ut mihi quidem videtur, explicationem dicens cur alii colores majorem alii vero minorem

Л. Эйлер

refractionem patiantur. Fasciculos deinde illos ex omnis generis radiis compositos rejicio, eorumque in loco substituo omnis generis vibrationes, quae in singulis solis aliusve corporis lucidi particulis excitentur, atque in refractione secundum diversas directiones propagentur. Porro etiam minime concoquere potui, quomodo verbi gratia in corpore rubro, undecunque id a radiis solaribus collustretur, ab ejus superficie radii tantum rubri, et quidem in omnes plagas reflectantur, quae explicatio a natura reflexionis maxime abhorre mihi semper est visa. Non igitur nos corpora opaca per radios ab eorum superficie reflexos cernere puto, sed maxime diversam explicationem mihi suspeditavit contemplatio eorum sonorum, quos cordae non pulsae, sed per sonum consonum excitatae edere solent, similique modo minimas particulas corporis opaci ab allisione radiorum lucis contremiscere concipio. Has scilicet minimas particulas certo quodam elasticitatis gradu donatas statuo, ita ut impulsae certum quendam vibrationum numerum essent editurae, jam ipsi radii lucis incidentes officio vis impellentis funguntur, prorsus ubi sonus cordam ad similem sonum tensam concitare valet. Hoc igitur modo singulae corporis opaci particulae, quatenus a radiis illuminantur, ad certum quendam motum vibratorium concitantur, qui motus cum fluido aethereo circumfuso communicatus in eo similem motum vibratorium, ideoque radios lucis generabit. Hinc sequitur, quod statim maxime paradoxin videri queat, nos corpora opaca non per radios reflexos, sed per radios proprios, qui ab ejus superficie emittantur, contueri, neque lunam planetasque lumine reflexo, sed potius proprio lucere, etiamsi sint inconspicui, nisi a sole illuminentur. Particulae enim corporum opacorum tam diu tantum contremiscunt, quamdiu a radiis lucidis impelluntur, hisque cessantibus simul corpus opacum splendere desinit. Nihil tamen impedit, quo minus ejusmodi existant corpora opaca, quae motum vibratorium semel a radiis lucis conceptum diutius conservent, quod in lapide Bononiensi usu venire videtur. Hoc modo constantiam coloris in eodem corpore opaco maxime tueri videor, idem enim corpus perpetuo eundem colorem retinere debet, quamdiu in ejus minimis particulis idem elateris gradus durat: atque hinc realem corporum cujusvis coloris definitionem nanciscimur, qua corpus verbi gratia rubrum ut cujus particulae minimae ita sint comparatae, ut impulso dato tempore determinatum quendam vibrationum numerum edant. Verum haec Theoria, quam in quibusdam dissertationibus fusius explicavi, maxime opus habet, ut cum pluribus experimentis conferatur, neque dubito, quin eam per tua tot ac tanta

cura instituta experimenta plurimum perficere liceat. Omnino Te, Vir Amplissime, digna sunt, quae de omnis generis coloribus vitro inducendis es perscrutatus. Nostri Chymici hoc inventum maximi faciunt, ac si exiguum quoddam specimen mihi per D[omi]num Sophronoff transmittere velles, id gratissima mente essem agniturus.

Nescio an videris, quae ego de caudis cometarum sum commentatus, a quibus etiam omnes vapores removi, sed percupidus sum ea videndi, quae forte de hoc argumento fusius es expositurus. Monadum figmentum jam fere in universum repudiatum videtur, plures enim Philosophi Wolfiani, inter quos Plaquetus primum locum tenet, se in errore esse versatos agnoverunt, unde non est quod dubites Tua de hoc argumento meditata in medium proferre.

Vale, Vir Amplissime, Tuamque mihi amicitiam, qua mihi nihil est carius conserva. Dabam Berolini d. 30 Martii, 1754.

Мужу знаменитейшему. Михаилу Ломоносову.
Советнику Ее Императорского Величества,
заслуженнейшему и достойнейшему члену
Императорской Петерб[ургской] Академии наук

ш[лет] н[ижайший] п[ривет]

Леонард Эйлер.

Я всегда изумлялся Вашему счастливому дарованию, выдающемуся в различных научных областях. Вы объясняете явления природы с исключительным успехом при помощи теории, и я с великой радостью усмотрел из Ваших писем, доставивших мне большое удовольствие, что замечательные заслуги Ваши встречают все большее признание и по достоинству награждены Августейшей Императрицей². От души поздравляю Вас с этой исключительной милостью, желаю Вам совершенного здоровья и сил достаточных, чтобы выносить такие труды и превзойти ожидания, которые Вы возбудили относительно себя.

Ваши опытные исследования относительно природы цветов, конечно, скоро появятся в Commentariis Academiae; весьма стремлюсь познакомиться со всем, подробно иллюстрирующим это возвышенное учение, а особенно узнать установленную Вами

теорию³. Я уже давно, на основании обыкновенных опытов, был вынужден отказаться от теории Ньютона⁴, так как не мог истолковать ни истечение лучей на подобие реки, ни их отражения в непрозрачных телах, от которого происходят цвета. Поэтому я придумал другую теорию, в которой я принимаю, что свет в эфире, подобно звуку в воздухе, рождается колебательным движением, и объясняю различие цветов различной скоростью колебаний, так что цвета различаются друг от друга так же, как высокие и низкие звуки; отсюда дается достаточно вероятное, как мне кажется, объяснение, почему одни цвета допускают большее, другие — меньшее преломление. Я отбрасываю пучки, составленные из всякого рода лучей, и на место их ставлю разного рода колебания, возбуждаемые отдельными частичками Солнца или другого светящегося тела и распространяющиеся при преломлении по разным направлениям. Я никак не могу постигнуть, почему, например, от поверхности красного тела, откуда бы оно ни освещалось солнечными лучами, отражаются только красные лучи, причем во все стороны: объяснение этого явления мне всегда казалось совершенно не соответствующим сущности отражения. Итак, я не думаю, что мы видим непрозрачные тела при посредстве лучей, отраженных их поверхностью: совершенно другое объяснение мне дало рассмотрение тех звуков, которые обычно издают струны не от удара, но возбужденные созвучием. Таким же образом, думаю, приводятся в колебание мельчайшие частички непрозрачного тела от удара лучей света. Я считаю, что эти мельчайшие частички обладают известной степенью упругости, так что они при ударе должны давать начало некоторому числу колебаний, причем сами лучи падающего света производят действие ударяющей силы так же точно, как звук возбуждает струну, натянутую для этого звука. Этим путем отдельные частички непрозрачного тела, до тех пор пока их освещает луч, возбуждаются к определенному колебательному движению; это движение, сообщаемое окружающей эфирной жидкости, будет производить в ней подобное же колебательное движение, а следовательно и лучи света. Отсюда следует (это в настоящее время может казаться весьма парадоксальным), что мы видим непрозрачные тела не при помощи отраженных от них лучей, но в собственных лучах, испускаемых поверхностью их; что Луна и планеты светят не отраженным светом, но, скорее, своим собственным, и поэтому невидимы, если не освещены солнцем.

Частички непрозрачных тел колеблются только, пока они подвергаются действию световых лучей; а как только последнее прекратится, так и непрозрачное тело перестает светить. Однако ничто не препятствует существованию таких непрозрачных тел, которые сохраняют колебательное движение, полученное от лучей света, более длительно, что и наблюдается в болонском камне⁵. Таким образом, по-видимому, вполне сохраняется постоянство цвета в одном и том же непрозрачном теле: одно и то же тело должно непрерывно удерживать один и тот же цвет, пока в его мельчайших частичках остается одна и та же степень упругости. Отсюда мы находим истинное определение любого цвета тел, и тело, например, является красным, если его мельчайшие частички так построены, что от данного возбуждения издают в известное время определенное число колебаний. Правда, эта теория, которую я пространнее развил в нескольких диссертациях, весьма нуждается в подкреплении многочисленными опытами, и не сомневаюсь, что ее можно усовершенствовать при помощи Ваших опытов, произведенных так тщательно.

Вообще, то, что Вы, славнейший муж, исследовали относительно наведения разных цветов на стекла, достойно Вас. Наши химики считают особенно важным это открытие, и если Вы захотите переслать мне какой-нибудь маленький образчик через г[осподи]на Софронава⁶, то я его буду рассматривать с величайшей благодарностью⁷.

Не знаю, видели ли Вы, что я писал интересного по поводу кометных хвостов, в которых я отрицаю всякое наличие пара. Мне очень интересно, что Вы подробнее скажете по этому поводу. Монады уже почти всеми отвергнуты, и многие философы, последователи Вольфа, среди которых на первом месте стоит Плакет, признались, что впали в ошибку; поэтому Вам нечего сомневаться относительно опубликования Ваших соображений на этот счет⁸.

Прощайте, муж славнейший, и не оставляйте меня и впредь Вашей дружбой, для меня всего драгоценнейшей. Берлин. 30 марта 1754 г.^{9*}

Источники текста

Канцелярская копия на латинском языке: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 5. № 65. Л. 1–2.* При этом П. С. Билярский в 1865 г. отметил: «Я не нашел ни копии

---

* Перевод М. Е. Сергеенко.

этого письма в протоколах Конференции, ни подлинника в портфеле Ломоносова» (*Биллярский*, с. 263).

Имеется также отрывок из этого письма, в собственном переводе Ломоносова, включенный в составленные им «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму Ломоносова М. И. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известный в трех копиях: А) копия рукою Ломоносова с переводом: *ПФАРАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 155об.*; Б) писарская копия с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 51*; В) писарская копия с переводом: *Там же. Л. 61—61об.*

Описание письма: *Переписка Эйлера*, с. 180. *Euler Briefwechsel*, S. 251.

Публикации письма: *Пекарский II*, с. 544, 916–918 (пересказ содержания по-русски и латинский текст). *Менишуткин Ib*, с. 230 (отрывок в русском переводе). *Менишуткин II*, с. 211–212 (русский перевод большей части письма). *Сочинения 8*, с. 161–165.

Публикации отрывка письма: *Собрание разных сочинений, ч. I*, с. XVI–XVII (русский перевод; упоминание: *Биллярский*, с. 031). *Доп. известия*, с. 96 (латинский текст и русский перевод). *Сочинения 8*, с. 284 первой пагин. и 101–102 второй пагин. *ПСС. 10*, с. 575–576.

Письмо печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Ответ Эйлера на письмо Ломоносова от 12 (23) февраля 1754 г. (см. документ № 67).

² Вероятно, здесь подразумевается мозаичный образ Богоматери, о поднесении которого императрице Ломоносов сообщил Эйлеру в своем предыдущем письме (см. примеч. 4 к документу № 67).

³ «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» в академических «Комментариях» опубликовано не было, а появилось отдельным изданием в 1756 г. (см. примеч. 8 к документу № 67).

⁴ Ср. примеч. 10 к документу № 67.

⁵ По разъяснению Б. Н. Менишуткина, болонский камень — это «фосфоресцирующий, светящийся в темноте, после освещения солнечным светом, сплав, полученный впервые в самом начале XVII века в Болонье сапожником Винчен-том Кашиоролом при прокаливании тяжелого шпата, т. е. сернобариевой соли, с горючими веществами; он состоял из сернистого бария с различными примесями. Способ получения болонского, или бононского, камня был впервые опубликован в «Спагирической фармакопее» Пьера Потье, жившего в Болонье, в 1622 г.» (*Менишуткин II*, с. 212–213).

⁶Ученик Ломоносова, утвержденный 23 декабря 1753 г. адъюнктом по математике, Михаил Софронов был отправлен за границу для усовершенствования в науках в мае 1754 г. вместе С. Я. Румовским. В Берлин они прибыли 16 июля и поселились в доме Эйлера, где уже жил С. К. Котельников (см. примеч. 1 к документу 67). 30 мая (н. ст.) 1755 г. Эйлер в письме к И. Д. Шумахеру сообщил, что «М. Софронов из-за приверженности к спиртному вряд ли останется при Академии наук в С.-Петербурге: нельзя его рекомендовать и Московскому университету» (*Костышин*, с. 381).

Софронов вернулся в Петербург 23 мая (ст. ст.) 1755 г. По-прежнему числясь в Академии наук, он тем не менее долгое время оставался без какой-либо должности, а следовательно, и без жалованья. В марте 1756 г. он все же был определен к конференц-секретарю Г. Ф. Миллеру для переводов и переписки дел, присылаемых в Академическое собрание.

1 сентября 1759 г. Софронов указом К. Г. Разумовского был уволен из Академии. 10 февраля 1760 г. он замерз на проезжей дороге близ постоялого двора на Выборгской стороне (подробнее см.: *Кулябко*, с. 180–189).

⁷Образцы окрашенных стекол Ломоносов послал к Эйлеру в 1754 г. не С. Софроновым, а через Академическую канцелярию (см. документ № 76).

⁸См. примеч. 11 к документу № 67.

⁹Ломоносов ответил Эйлеру 28 ноября 1754 г. (см. документ № 76).

70.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

28 марта 1754 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Получив от Вашего Превосходительства милостивой свыше моих заслуг в прочем на мое письмо ответ¹, только о том сожалею, что оно почтено ласкательным, в чем мне природа сама совсем почти отказала; и ежели где некоторое подобие покажется, то, конечно не мои вымыслы; но только каких-нибудь обстоятельств внезапная буря принуждает. Всепокорнейшее мое прошение к Вашему Превосходительству только ту силу имеет и намерение, чтобы я Вашим милостивым благодеянием предостережен был в разсуждении тех должностей, которые наблюдать должно в разсуждении толь великой особы, к которой мое сочинение простирается²; штиля моего и других хотя никто больше и лутче судья

Вас быть не может, что я собственным искус[с]твом всегда могу засвидетельствовать; однако все мое к Вашему Превосходительству прошение состоит в разсуждении первого. Господин Поповской свой перевод всех стихов Попиевых, несколько еще исправленных, сего дня чрез меня в Канцелярию для посылки к Его Сиятельству отдал³. При сем Вашему Превосходительству принимаю смелость донести, что...⁴ Однако мы господа в комиссии, иной боится отрезать...⁵, чтобы не раздражить какого нибудь знатнаго господина, иной говорит, что он беден, однако прошу меня извинить; не могу всех пристрастий и всех обстоятельств изобразить. Словом: с одного конца Академию хотят починивать, а с другаго портят. Все сносно, только того нет тяжелее...⁶ окончание сего дела ясно покажет; и я никогда по чистой моей совести не останусь лживым человеком⁷. Мое истинное желание в том состоит, чтобы мне Бог судил с Вашим Превосходительством во всяком благополучии видеться; и засвидетельствовать, что я с глубоким почтением безпрестанно пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Санктпетербурга
28 марта
1754 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I, с. 336–338, откуда перешло в: Собрание разных сочинений, ч. II, с. 271–273; Изд. Перевлесского, с. 139–141; Изд. Смирдина, т. 1, с. 676–678. Билярский, с. 260–261. Сочинения 8, с. 166–167. ПСС 10, с. 505–506.*

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Ломоносов отвечает на неизвестное письмо Шувалова, которое он послал в ответ на неразысканное же предшествующее ему письмо Ломоносова, содержавшее, как следует из контекста данного письма от 28 марта 1754 г., некое «прошение».

Комментарий П. С. Билярского: «В первой половине письма великая особа есть, без сомнения, императрица, которой Ломоносов хотел представить сти-

хотворный перевод Поповского, и это представление сообщил на предварительное рассмотрение Шувалову, разумеется, с просьбой о ходатайстве. Вторая половина письма относится, вероятно, к Комиссии, составленной по предписанию Президента Академии из четырех членов: Шумахера, Ломоносова, Штелина и Миллера, “для отрешения излишеств от Академии”. Об этой комиссии я не встретил никаких упоминаний в академических актах; тем дороже для нас известие об ней в “Краткой истории Академической канцелярии” Ломоносова» (*Биллярский*, с. 261–262).

² П. П. Пекарский в 1873 г. (*Пекарский II*, с. 578) и Л. Б. Модзалевский (*Сочинения* 8, с. 104 второй пагин.) считали, что под «великой особой» подразумевается не императрица Елизавета Петровна, а ее отец Петр I, памяти которого Ломоносов посвятил свое «Слово похвальное...», задуманное им еще в 1752 г. и к работе над которым он приступил именно в 1754 г. (см. примеч. 6 к документу № 43).

Однако суть просьбы Ломоносова к И. И. Шувалову, изложенной в данном письме, заключается в просмотре его сочинения не с точки зрения формы, а со стороны содержания — иными словами, требовалось определить, насколько в нем соблюдены требования, предъявлявшиеся к сочинениям, относящимся к Высочайшим особам. Между тем «Слово похвальное...» не было готово и к 14 декабря 1754 г., и в этом случае обращение Ломоносова неизбежно выглядит преждевременным.

За неимением других материалов остается лишь согласиться с составителями примечаний в *ПСС*, выдвинувшими версию, что речь может идти о не сохранившемся, к сожалению, тексте посвящения (Ломоносов называл его «дедикацией») к «Древней Российской истории», работа над которой активно велась им именно с 1754 г. и о которой была осведомлена Елизавета Петровна, высказывавшая даже пожелания о ее «штите» (*ПСС* 6, с. 574; *ПСС* 10, с. 285–286, 830; примеч. 4 к документу № 37 настоящего издания).

Весьма вероятно, что Ломоносов, по обычаю того времени и в собственных видах, предположил посвятить свой труд императрице либо — подобно В. Н. Татищеву (см. документ № 27) — великому князю Петру Федоровичу, но никак не двум другим членам царской семьи, которая в этот год состояла всего из четырех человек, — великой княгине Екатерине Алексеевне, никакого значения при Дворе не имевшей, или великому князю Павлу Петровичу, которому еще предстояло родиться 20 сентября 1754 г.

³ То есть К. Г. Разумовскому. О переводе Н. Н. Поповским по совету Ломоносова поэмы А. Попа «Опыт о человеке» см. в примеч. 1 к документу № 54.

Дополнительно о Поповском и его отношениях с Ломоносовым и Шуваловым см.: *ПСС* 9, с. 633–634, 952–954; *Кулябко*, с. 146–153; *КЭС*, с. 146; *Словарь*

2, с. 473–477; Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Московские профессора XVIII — начала XX веков: Гуманит. и обществ. науки. М., 2006, с. 198; *Костышин*, с. по Указателю.

⁴ Многоточие в первой публикации, с пояснением: «Здесь в подлиннике несколько строк отодрано».

⁵ Многоточие в первой публикации.

⁶ То же.

⁷ Во второй, неполно известной половине письма говорится об особой Комиссии «для отрешения излишеств от Академии», образованной по ордеру Разумовского от 26 февраля 1754 г., возможно, по настоянию же Ломоносова (см. примеч. 13 к документу № 61). Целью Комиссии было переустройство и упорядочение деятельности разных учреждений Академии, в т. ч. Академической гимназии. Сохранились некоторые подлинные документы, относящиеся к работе этой Комиссии, но журналы заседаний и репорт Комиссии Разумовскому от 10 мая 1754 г. известны лишь в копиях среди бумаг М. И. Сухомлинова (*ПФА РАН. Разр. IV. Оп. 5. № 69. Л. 5013–5059, 5090–5091*).

Памятником деятельности Ломоносова в Комиссии является его записка от 23 апреля 1754 г. (*ПСС 10*, с. 10–11).

В § 34 «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» (1764) Ломоносов следующим образом вспомнил о ней: «Причина была следующая сея Комиссии. Слух достиг и до самых внутренностей Двора об излишествах, недостатках и непорядках академических, и Президент услышал неприятные там речи о своем правлении. И для того послал о поправлении сего в Академическую канцелярию ордер и к советнику Ломоносову особливый, причем и приватное письмо от советника Теплова [два последние документа не отысканы. — Г. М.], в коих точно и ясно изображены Шумахеровы непорядки. И потому никою мерою отрещись невозможно, что Шумахеровы непорядки были давно ведомы. С начала сея Комиссии дело зачалось было изрядно, однако можно увериться, что Шумахер, будучи членом в той Комиссии, которая учреждена для разбору его же непорядков, во всем доброму успеху препятствовал. И надворный советник Штелин за художества стоял больше, нежели за науки. Бывший тогда в Канцелярии секретарь Ханин искал себе ассессорства и единственного смотрения над книжным печатаньем и торгом, который был всего тягостнее наукам, старался во всем угождать Шумахеру. Наконец, Комиссия кончена, и подан репорт президенту [10 мая 1754 г.], которого исполнение могло бы хотя несколько поправить академическое состояние, однако он совсем оставлен без внимания. Отрешен только за пьянство архитектор Шумахер, однако после принят и поступает по-прежнему» (*ПСС 10*, с. 289).

7 мая 1754 г. Усть-Рудицы²

Благородной г[оспо]д[и]н Профессор,
Г[осу]д[а]рь мой.

Новоприсланная диссертация для получения награждения не токмо ста, но ни единого червонца не сто́ит³. Знакомое дело и то худо описано. О решении сего прошу г[оспо]д Академиков подождать, пока Акт публичной будет назначен⁴. Пис[ь]мо г[оспо]д[и]на Ейлера⁵ прочитал я не без удивления⁶. Шпангенберга [!] и Еберггарда признает за таких людей, которые в Академии негодны, за тем что ничего не писали годного в Комментарий⁷. Сие учинено против справедливости, и против его самого. Он рекомендовал Академии таких людей уже прежде, которых сочинения в Комментарий мало годны, и только на будущее надеялся. Так же и ныне представляет Мейера, Кестнера⁸ и Бермана, которые в ученом свете не чудотворцы. Профессор Шпангенберг [!] в Марбурге читал уже лет вос[е]мь лекции во всей философии и математике и столько ж как Вол[ь]ф⁹ имел слушателей, а Берман тогда ходил сам к Вол[ь]фу на лекции. Я его довол[ь]но знаю; с год времени за одним столом был у Вол[ь]фа и учился у него немецкому языку и математики; Бермана превосходит Шпангенберг несравненно: студентом будучи, много лет читал лекции другим студентам с великою похвалою и ныне профессором тринадцать лет в том упражняется. Правда, что в Академии надобен человек, которой изобретать умеет, но еще больше надобен, кто учить мастер. Обои достоинства в профессоре Шпангенберге несомнительны. О новых изобретениях не было ему времени думать: для того что должен читать много лекций. В протчем, физические и электрические особливо опыты делает он часто в Касселе перед Ландграфом¹⁰ и Кассельской Физической Департамент на руках имеет. При том о его остроумии уверен я из его разговоров. Что ж до чтения физических и математических лекций надлежит, то подобного ему трудно сыскать во всей Германии. Сие нашим студентам вес[ь]ма нужно: ибо нет у нас профессора, которой бы довол[ь]ную способность имел давать лекции в физике и во всей математике; сверх сего честные его нравы и все поступки Академии наук непостыдны будут. Мне в четыре года студентом и профессором довол[ь]но

знать его случилось. Мы счастливы, ежели он только поедет. Что ж до Ебергарда надлежит, то его сочинения вес[ь]ма не хуже Кра[т]-ценштейновых¹¹. Разве только тем негодны, что он Невтоновой теории в рассуждении цветов держится. Я больше, нежели г[оспо]д[и]н Эйлер, в теории цветов с Невтоном несогласен¹², однако тем не неприятель, которые инако думают. Кестнера и Мейера я только по сочинениям ведаю, признаю за людей вес[ь]ма посредственных, и думаю, что они дóроги. В рассуждении Котел[ь]никова нет ли, полно, пристрастия¹³. Г[оспо]д[и]н Эйлер сам не такой великой был математик, когда здесь произведен в профессору¹⁴. *Все со временем*. И так мое мнение состоит в том, чтобы для физики экспериментальной и для курса математического выпisać профессора Шпангенберга, для механики Ебергарда или Бермана; вышшую математику Котел[ь]никову оставить. Сие прошу сообщить Его Сиятельству г[оспо]д[и]ну президенту, а г[оспо]д[и]на Ейлера о том не уведомлять: за тем что бы дружба моя с ним не нарушилась; правду больше всего почитаю, притом стараюсь, чтоб без ея нарушения дружба сохранилась. О скончании Николая Наумовича¹⁵ сердечно болезную, затем что он любил ученых и меня в том числе. В протчем желая всякого благополучия, пребываю

Вашего Благородия
покорный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Устьрудиц
7 числа Маия
1754 года¹⁶.

Источники текста

Автограф: РГАДА. Фонд Моск. Главного архива Коллегии иностр. дел. Портфели Миллера. № 546. Ч. 5. Т. 9. А. 178–181. Копия с него, сделанная А. М. Ратшиным для К. Ф. Калайдовича: Отдел рукописей РНБ. Ф. 588. [М. П. Погдин. Собрание автографов]. № 246. [Собственноручные письма Ломоносова, Сумарокова к Миллеру (хранящиеся в его бумажниках в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел)]. А. 1–2, с примечанием Ратшина: «Письмо Ломоносова писано в лист на 4-х стран[ицах]» (установлено Г. Г. Мартыновым).

Впервые опубликовано Калайдовичем по снятой для него копии, в точности соответствующей автографу, и с его примечаниями: *Собственноручные*

письма Ломоносова и Сумарокова к историографу Миллеру // *Сев. архив*, 1823, ч. 7, № 14, июль, с. 92–96.

Подлинник был вновь «обнаружен» в портфелях Миллера А. И. Тургеневым, 30 марта 1840 г. известившим о своей «находке» князя П. А. Вяземского: «...Я нашел в Архиве длинное оригинальное письмо Ломоносова к Миллеру, но не мог прочесть еще. Если увижу, что оно любопытно и неизвестно, то не прислать ли для твоей котомки, сказав несколько слов о его отношениях к Миллеру и Шлецеру» (*Остафьевский архив*, т. 4 / Под ред. В. И. Саитова. СПб., 1899, с. 106).

3 апреля 1840 г. Тургенев опять написал Вяземскому: «Письмо Ломоносова к Миллеру, архивариусу-историку, на четырех страницах, очень любопытно, ибо он оценивает в нем многих немецких ученых, весьма впоследствии знаменитых, и определяет, в чем именно их достоинства и годность для Академии нашей. Если оно не напечатано нигде, то для тебя была бы это находка <...>. Я справлюсь у Орловой, нет ли его в бумагах Ломоносова, а в Академии русской можно справиться чрез Федорова: он все прочел о Ломоносове и пишет его биографию для детей. Мне списали письмо Ломоносова точно, по оригиналу, кое-где под титлами» (*Там же*, с. 108).

В результате второй раз, да еще как письмо к неизвестному (?!), напечатано: *Рус. вестник*, 1841, т. 1, № 2, с. 517–519.

В третий раз письмо напечатано Погодиным по доставшейся ему копии Калайдовича, но без упоминания первой публикации в «Северном архиве» и без примечаний Калайдовича: *Материалы для русской истории вообще и истории русской словесности*: Письмо Ломоносова к Миллеру. Письмо Сумарокова к Миллеру // *Москвитянин*, 1842, ч. 2, № 3, с. 118–119, откуда перешло в *Изд. Перевлесского*, с. 182–184, и *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 697–700. *Биллярский*, с. 264–266.

По автографу РГАДА: *Сочинения* 8, с. 168–170. *ПСС* 10, с. 506–508.

Печатается по копии, снятой для Калайдовича.

Примечания

¹ Вводное примечание Калайдовича в «Северном архиве» (с. 92–93): «Собщаются публике согласно желанию достопочтенного моего начальника, Его Превосходительства Алексея Федоровича Малиновского. Сии письма найдены в портфелях [!] Миллера. Наш знаменитый Ломоносов, кажется, был с ним не в дружеских отношениях. В день тезоименитства императрицы Елисаветы (5 сент. 1749 г. Миллер, по званию историографа, должен был говорить речь, для которой взял предмет: *о начале народа и имени Русского*, утверждая в оной Байерово положение, что *Варяги* были *Норманы*, ежели не *Шведы*. Ломоносов, если верить Шлецеру (Нестор, ч. I, с. 442), донес Двору, что это мнение оскорб-

ляет честь народа. Миллеру запретили говорить речь, и напечатанный уже латинский перевод с оной (под названием: *Origines gentis et nominis Russorum*. 4, 54 стран[ицы]) был отобран.

Сумароков уважал и любил Миллера. Но имея столь достойного наставника, наш первый образователь драматического искус[с]тва в отношении Истории мыслил по-своему: труды его по сей части давно уже забыты. В той же портфели, из которой здесь напечатаны два письма Сумарокова, вложено пять записок к Миллеру, писанных по-немецки. Они содержат просьбы о присылке книг, относящихся к Истории Российской, которою, как уверял Сумароков, он весьма прилежно занимается. В собственноручных письмах совершенно удержано правописание подлинников, интерпункция и самая ошибки. Точные почерки руки Ломоносова и Сумарокова сняты А. М. Ратшиным».

² О том, что он на несколько недель уедет в Усть-Рудицы, где завершалось оборудование фабрики цветного стекла, Ломоносов сообщил в Академическом собрании 22 апреля; возвратился он до 22 мая, а до 27 мая опять уехал в Усть-Рудицы и приехал оттуда до 23 июня 1754 г. (*Летопись*, с. 234–236).

Подробное представление об обустройстве усадьбы, от которой до наших дней ничего не сохранилось, дают миниатюры, помещенные в жалованной грамоте на Усть-Рудицы, выданной Ломоносову 2 сентября 1756 г. (см.: *Некрасова*, с. 18–30).

³ Эта диссертация была одной из работ, представленных на соискание академической премии за решение задачи по «наиболее удобному способу» отделения золота от серебра. Задача была составлена Ломоносовым в июне 1751 г. для премии 1753 г., но тогда все присланные работы оказались неудовлетворительными, и срок был продлен еще на год (см. примеч. 3 к документу № 53).

29 апреля 1754 г. Академическое собрание решило послать в Усть-Рудицы копию одной из вновь присланных диссертаций. Как видно, Ломоносов отрицательно отозвался о ее содержании. Другие присланные работы петербургских академиков также не удовлетворили, и срок был вновь продлен еще на год.

Наконец, 18 августа 1755 г. Академическое собрание присудило премию немецкому химику У.Х. Сальхову, вскоре после этого сменившему Ломоносова на месте профессора кафедры химии (см. примеч. к документу № 87).

⁴ В автографе и копии Калайдовича весь последующий текст письма от слов Пис[ь]мо г[оспо]д[и]на Эйлера до слов дружба сохранилась заключен в скобки.

⁵ Вместе с текстом диссертации о способе отделения золота от серебра Ломоносову был послан экстракт письма Л. Эйлера к Г. Ф. Миллеру от 27 (16) апреля 1754 г. (немецкий текст: *Биллярский*, с. 266–267). Письмо касалось замещения вакантных в Петербургской Академии кафедр экспериментальной физики, механики и высшей математики.

На заседании Академического собрания 14 марта 1754 г. профессором высшей математики единодушно (возражал только один Г. Ф. Миллер) был выдвинут С. К. Котельников, стажировавшийся в это время у Эйлера (см. примеч. 1 к документу № 67). На кафедре экспериментальной физики Ломоносов предложил профессора Марбургского университета И. К. Шпангенберга. На кафедре механики А. Н. Гришов рекомендовал профессора университета в Галле И. П. Эбергарда.

После этого запросы были посланы к Г. Гейнзиусу (см. документ № 72) и Эйлеру, который в названном письме «дал положительную оценку Котельникову, но заявил тем не менее, что быть профессором ему еще рано. Не одобрил он также кандидатур Шпангенберга и Эбергарда, сказав, что не видал еще ни одной их работы, которая была бы достойна опубликования в “Комментариях” Петербургской Академии, что подобные люди, в силу служебных своих обязанностей, вынуждены топтаться на месте, не выходя за пределы самых начальных знаний, и что лишь очень редко и очень немногие из них стараются подняться в области своей науки на более высокую ступень» (ПСС 10, с. 832).

Взамен Эйлер предложил своих кандидатов: профессора Геттингенского университета Т. Мейера, профессора в Виттенберге Г. Ф. Бермана и профессора Лейпцигского университета А. Г. Кестнера.

Рассуждения по существу письма Эйлера и составляют основной предмет данного письма Ломоносова к Миллеру. Далее см. примеч. 4 к документу № 72.

⁶ «Сие относится к знаменитому Математику, известному всему ученому свету, который долгое время служил украшением, честью и славою нашей Академии». — *Примеч. Калайдовича.*

⁷ «Так называются труды Императорской С.-Петербургской Академии наук». — *Примеч. Калайдовича.*

⁸ В автографе и копии Калайдовича вместо зачеркнутого: Бейера.

⁹ «Учитель Ломоносова, славный Марбургский профессор». — *Примеч. Калайдовича.* О том, что Х. Вольф умер 9 апреля 1754 г., Ломоносов, по-видимому, еще не знал.

¹⁰ В 1751–1760 гг. ландграфом Гессен-Кассельским был Вильгельм VIII.

¹¹ Х. Г. Кратценштейн разделял теорию И. Ньютона о цветах, изложенную в его фундаментальном труде «Оптика» (первое изд. 1704). В XVIII в. эта книга получила широкое распространение среди ученых.

¹² См. примеч. 10 к документу № 67.

¹³ Мнение Ломоносова не объективно. Ср. в письме Эйлера к Г. Ф. Миллеру от 27 августа 1754 г.: «По сравнению с ними [т. е. немецкими профессорами] я могу с полным правом считать Котельникова Архимедом или Ньютоном. В самом деле, во всяком случае несомненно, что во всей Германии не найти более

трех человек, которые в математике заслуживали бы предпочтения перед Котельниковым, но я надеюсь, что в течение года я добьюсь с ним того, что он превзойдет и этих людей» (*Сочинения* 8, с. 107 второй пагин.).

¹⁴ Ломоносов считает необходимым напомнить, что адъюнктом в Петербургскую Академию наук Эйлер был принят 20 лет от роду, профессором стал в 25 лет. Котельникова же произвели в адъюнкты 28 лет.

¹⁵ Н. Н. Чоголков умер 25 апреля 1754 г. в Москве. По своей официальной должности он был обер-гофмейстером Великокняжеского (Малого) Двора, следившим за поведением Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны (такова была воля императрицы). Неофициально Чоголков занимался поэзией и переводами, поощряемый к этому своими однокашниками по Сухопутному шляхетскому корпусу А. П. Сумароковым и М. Г. Собакиным. Как именно Чоголков «любил» Ломоносова, неясно — в других известных документах последнего он более ни разу не упомянут.

¹⁶ Обращает внимание, что это письмо написано Ломоносовым на русском языке, а не по-немецки, как ответ на него Миллера (см. документ № 72).

72.

Г. Ф. МИЛЛЕР — ЛОМОНОСОВУ¹

8 мая 1754 г. Петербург

Hochwohlgebohrner Herr Rath und Professor
Hochzuehrender Freund und Gönner.

Ew. Hochwohlgebohrnen Meinung, wegen der von Herrn Prof. Euler gethanen Vorschläge, werde nicht ermangeln, Seiner Hochgräfflichen Excellence dem Herrn Presidenten mit der ersten Post ausführlich zu berichten. Denn, wenn wir gleich Hoffnung haben, Ihre Kayserliche Majestät in etwan 8 oder 10 Tagen hier zu sehen: so könnte es doch wohl seyn, dass Seine Excellence, weil dero Haus-reparation noch bey weitem nicht geendiget ist, sich noch einige Wochen zu Moscau aufhielten.

Ich habe auch eine Antwort von H. Pr. Heinsius erhalten. Der weiss gar niemand von Anseh[e]n vorzuschlagen. Leute, die schon in öffentl. Aemtern stehen, werden sich, wie er schreibt, schwerlich entschliessen. Darum räthet er, man solle junge Leute von guter Hoffnung auf kurtze Zeit als Professores extraordinarios berufen, und mit denen, die sich gut anlassen würden, die vacante Stellen besetzen, dergleichen er künf-

tig vorzuschlagen verspricht. Allein wie seh[e]n ist dieses nicht sowohl der Einrichtung der [Academie]² als Seiner Hochgräffl. Excellence Gesinnung zu wider? Von den Ukrainischen Studiosis Motonis und Kosi[t]zki sagt Herr Heinsius alles guts. Sie legen sich jetzt fürnehmlich auf die Astronomie. Gegen den Frühling des künfftigen Jahres will er frey sprechen.

Anliegende Piece hat bos eine Warnung für die Ausländer zur Absicht. Deshalb würde eine Russische Übersetzung derselben überflüssig seyn. Dergleichen Materien sind auch nur wenig Lesern angenehm.

Ich habe die Ehre mit besonderer Hochachtung zu seyn

Ew. Hochwohlgebohrnen
Gehorsamst ergebener Diener
Müll[er]³.

d. 8. May.

Высокородный господин советник и профессор,
высокочтимый друг и благодетель.

Мнение В[ашего] Высокородия относительно предложений, сделанных господином проф[ессором] Эйлером, я не премину сообщить подробно первой почтой Его Высокографскому Сиятельству господину Президенту⁴. Ибо, хотя мы и питаем надежду увидеть здесь Ее Императорское Величество примерно через 8 или 10 дней, все же может случиться, что Его Сиятельство, поскольку ремонт его дома⁵ еще далеко не закончен, еще задержится на несколько недель в Москве.

Я получил также ответ от г[осподина] пр[офессора] Гейнзиуса⁶. Он не может предложить никого достойного. Лица, уже занимающие госуд[арственные] должности, как он пишет, вряд ли дадут согласие. Поэтому он советует пригласить подающих хорошую надежду молодых людей на короткое время в качестве экстраординарных профессоров и заместить вакантные должности теми, которые себя хорошо зарекомендуют, причем подходящих он обещает в будущем предложить. Однако не полагаете ли, что это противоречит устройству [Академии] и мнению Его Высокограф[ского] Сиятельства? Об украинских студентах Мотонисе и Козицком господин Гейнзиус отзывается весьма хорошо.

Они сейчас занимаются преимущественно астрономией. К весне будущего года он собирается их освободить⁷.

Прилагаемая статья должна лишь служить предостережением для иностранцев. Поэтому русский перевод таковой являлся бы излишним. Подобные материи доставляют удовольствие лишь немногим читателям⁸.

Имею честь оставаться с особым почтением Вашего Высочородия

Вашего Высочородия
преданнейший слуга
Милл[ер].

8 мая*.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 1. Л. 137.*

Описание: *Модзалевский, с. 272.*

Публикации: *Биярский, с. 267–268 (немецкий текст). Сочинения 8, с. 170–171 (немецкий текст и русский перевод).*

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ Ответ Миллера на письмо Ломоносова от 7 мая 1754 г. (см. документ № 71).

² Край листа оборван. Восстановлено по публикации Биярского.

³ То же.

⁴ Это письмо Миллера к К. Г. Разумовскому неизвестно, однако никто из кандидатов, предложенных академиками и Эйлером, профессором Петербургской Академии так и не стал, за исключением С. В. Котельникова, избранного экстраординарным профессором в 1756 г., после возвращения от Эйлера. 1 января 1760 г. Котельников получил ординарную профессию.

⁵ К. Г. Разумовский владел дворцом на Мойке. В 1754 г. это была деревянная постройка, возведенная еще в 1739 г. по проекту Ф. Б. Растрелли для графа Р. Г. Левенвольде. В 1760 г. деревянное строение из-за ветхости пришлось разобрать, и в 1762–1766 гг. на участке по проекту А. Ф. Кокоринова и Ж. Б. Валлен-Деламота было сооружено новое обширное каменное здание. В 1781 г. Разумовский продал свой дворец графу К. П. Браницкому; с 1797 г.

---

* Перевод А. Б. Модзалевского.

здесь располагался петербургский Воспитательный дом (совр. адрес дворца: Мойка, 48).

⁶ Письмо Г. Гейнзиуса из Лейпцига, содержание которого излагает Миллер, датировано 1 мая (н. ст.) и получено в Академии наук 4 мая (ст. ст.) 1754 г. (*ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 40. А. 107–108*).

⁷ Бывшие студенты Киево-Могилянской академии Н. Н. Мотонис и Г. В. Козицкий оказались в Германии еще в 1747 г., присоединившись к свите молодых графов А. В. и И. В. Гудовичей. Для завершения своего образования они сначала окончили Бреславльскую гимназию, а затем уехали в Лейпцигский университет. Здесь, по совету Г. Гейнзиуса, Мотонис и Козицкий 19 августа 1749 г. обратились с прошением о зачислении их студентами Петербургской Академии наук. Их просьба была удовлетворена, но с обязательством с их стороны «вечно служить Академии».

Мотонис и Козицкий вернулись в Петербург в 1758 г. На следующий год они были избраны адъюнктами. В 1760 г. Ломоносов рекомендовал обоих в профессора Академии: Мотониса — по кафедре греческого языка, Козицкого — по кафедре философии (*ПСС 10*, с. 297–298), однако они не были избраны.

Дополнительно о них см.: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*, т. 1. СПб., 1880, с. 330; *Пекарский П. П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов // Записки ИАН*, 1867, т. 12, приложение, с. 37–38; *Кулябка*, с. 95–103, 133–136; *КЭС*, с. 71–72, 111–112; *Словарь 2*, с. 93–98, 303–304.

⁸ Статья при письме не сохранилась.

73. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

Не позднее 19 июля 1754 г.¹ Петербург (?)²

Милостивый Г[о]с[у]да[р]ь Иван Иванович³.

Полученным от Вашего Превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату⁴ к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное Ваше несравненное дарование служить может, и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет Вашему Превосходительству

небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются⁵. Того ради, ежели Московской Университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что вес[ь]ма справедливо, то желал бы я видеть план, Вами сочиненной⁶. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую Вашего Превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московскаго Университета кратко вообще.

1) Главное мое основание, сообщенное Вашему Превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды⁷. Того ради, несмотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалован[н]ы[х] студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем компле[к]т наберется. Осталую с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание Университетской Библиотеки, нежели, зделав ныне скудной и уской план по скудости учоных, после, как размножатся, оной снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном Университете меньше двенатцети быть не может, в трех Факультетах.

В Юридическом три.

I. Профессор всей юриспруденции вообще, которой учить должен натуральныя и народныя права, также и узаконения Римской древней и новой Империи.

II. Профессор юриспруденции Российской, которой кроме вышеписанных должен знать и преподавать внутренния государственныя права.

III. Профессор политики, которой должен показывать взаимныя поведения, союзы и поступки государств и Государей между собою, как были в прешедшия веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском 3 же.

I. Доктор и профессор химии.

II. Доктор и профессор натуральной истории.

III. Доктор и профессор анатомии.

В Философском шесть⁸.

- I. Профессор философии.
- II. — физики⁹.
- III. — оратории.
- IV. — поэзии¹⁰.
- V. — истории¹¹.
- VI. — древностей и критики¹².

3) При Университете необходимо должна быть необходимо [!] гимназия, без которой Университет, как пашня без семян¹³. О его учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ Вашему Превосходительству советую не поторопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целой полной план предложить могу¹⁴, непременно с глубоким высокопочитанием пребывая,

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов¹⁵.

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 16—17об.* Полные факсимиле: *Сочинения 8*, между с. 172 и 173; *Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета.* М., 1955, между с. 104 и 105; *ПСС 10*, с. 509–512. Факсимиле отдельных листов: *М. В. Ломоносов в портретах, иллюстрациях, документах* / Сост. В. А. Ченакал. М.; Л., 1965, с. 179 (л. 17); *Павлова и Федоров*, с. 143 (л. 17); *Михайло Ломоносов*, с. 285 (сильно уменьшенный снимок л. 16об. и 17).

Описание: *Модзалевский*, с. 92.

Публикации: *Письмо Ломоносова к И. И. Шувалову* // *Моск. телеграф*, 1825, ч. 5, № 18, сент., с. 133–136 (без даты), откуда перешло в издание: *Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского Университета, июня 26 дня 1830 года*: С приложением краткой годовой истории оно-го. М., 1830, с. 80–81 (приложение к речи И. М. Снегирева), затем в *Изд. Перевлесского*, с. 366–369 и *Изд. Смирдина, т. 1*, с. 688–691. *Биллярский*, с. 269–271. *Пекарский II*, с. 566–567 (без обращения и заключительных слов; с указанием: «Подлинное письмо поступило в Академию наук с сборником ломоносовских бумаг от П. Муханова...»). *Сочинения 8*, с. 172–174, откуда перешло в издание:

Белявский, с. 275–276. ПСС 10, с. 508, 513–514, откуда перешло в: Михаил Ломоносов, с. 285–286, и многие другие научные и научно-популярные издания, посвященные истории науки в целом и Ломоносову в частности.

Вновь по автографу: *Костышин*, с. 13–14.

Печатается по факсимиле.

Примечания

¹ За крайнюю дату письма — не позднее 19 июля 1754 г. — принимается день слушания в Правительствующем Сенате «Покорного доношения» И. И. Шувалова об учреждении в Москве университета и двух гимназий для дворян и разночинцев, с приложением их проекта и штата (см.: *Костышин*, с. 14–26).

² 9 июля 1752 г. Ломоносов обратился в Академическую канцелярию с просьбой выделить ему для охраны Химической лаборатории и его квартиры, ввиду отъезда вместе с семьей в Усть-Рудицы, двух солдат. Канцелярия удовлетворила его просьбу (*Летопись*, с. 237). Однако какого числа Ломоносов выехал из Петербурга и когда именно вернулся обратно — в точности неизвестно.

³ Предисловие (Н. А. Полевого?) к первой публикации этого письма: «Некоторые повременные издания известили уже публику о драгоценной находке П. А. Муханова. Счастливый случай доставил ему несколько подлинных, и донныне бывших неизвестными, писем и небольших сочинений Ломоносова. Не смея предупреждать читателей о содержании, скажем только, что г[осподин] Муханов вскоре издаст все найденные им рукописи, вполне, с любопытными примечаниями, жизнью Ломоносова и, может быть, с приложением рассуждения о характере Ломоносова.

Все, что относится к великому человеку, достойно особенного внимания нашего: и Ломоносов ли не заслуживает его вполне! На жизнь его донныне не взглянули еще надлежащим образом. Желаем, чтобы нам изобразили наконец этого чудного человека, по внушению гения шедшего путем необыкновенным. В его сочинениях, известной донныне переписке и некоторых преданиях, переданных его современниками, находятся материалы, из которых будущий биограф может составить картину, где гений Ломоносова явится в истинном свете.

Надобно уметь понимать великих людей, надобно приучиться судить о них, как о необыкновенных явлениях нравственного мира — и тогда только можем оценивать их дела, слова, предприятия.

Как велик тогда покажется нам Ломоносов! Сын грубого простолюдина, чувствующий тревожное стремление в душе своей, он всю жизнь отдал удовлетворению этого стремления души, недовольной жизнью гражданина обыкновенного, — он отдал ее за нашу славу. Цицерон, низлагая врагов отчизны, признавался, что слава — первый предмет его подвигов. В этом отношении Ломоносов выше Цице-

рона. Он не думал о своей славе, когда в овчинном тулупе бежал в Москву, не думал и на смертном одре, говоря Штелину: “Рано умираю, мой друг! я не кончил того, что предпринял было для славы отечества”. При дверях гроба человек не лжет.

Письмо Ломоносова, которое по дружбе своей сообщил нам г[осподин] Муханов и которым спешим украсить наш журнал, есть одно из доказательств, как сильно горело в душе Ломоносова желание распространить блага наук в отечестве. Он чувствовал, что душа его вознеслась выше других потому, что “жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей”. И Ломоносов хотел, чтобы все умели разделять величие души, которое придает ей удовлетворенное стремление к познаниям — тяжкое, если оно не удовлетворено.

Письмо это можно почесть дополнением к истории Московского университета. Оно, должно быть, писано в 1754 году. Мы видим из него, что Шувалов послал к Ломоносову доношение, изготовленное им для представления в Правительствующий Сенат, и что Ломоносов спешит советовать Шувалову “не поторопиться, чтобы после не переделывать”...» (*Моск. телеграф*, 1825, ч. 5, № 18, сент., с. 131–133).

⁴ «Черновое доношение И. И. Шувалова Сенату не обнаружено» (*Костышин*, с. 363). Беловик читался в Сенате 19 июля 1754 г. (см. выше, примеч. 1).

⁵ Ср. воспоминания И. И. Шувалова (1797) в передаче И. Ф. Тимковского, который записал их 53 года спустя: «В ранних годах славы Шувалова, при Императрице Елисавете, лучшее место занимает Ломоносов. С ним он [Шувалов] составляет проект и устав Московского университета. Ломоносов тогда много упорствовал в своих мнениях, и хотел удержать вполне образец Лейденского, с несовместными вольностями. Судили и о том, у Красных ли ворот, к концу города, поместить его, или на середине, как и принято, у Воскресенских ворот; содержать ли гимназию при нем, или учредить отдельно; предпочтено первое, обоим по своим причинам, и проч.» (*Записки Ильи Федоровича Тимковского «Мое определение в службу»*: Сказание в трех частях // *Рус. архив*, 1874, № 6, стлб. 1453).

⁶ «Видимо, подразумевается Проект об учреждении Московского университета» (*Костышин*, с. 363), приложенный к доношению И. И. Шувалова от 19 июля 1754 г.

⁷ «М. В. Ломоносов предполагает с самого начала составить план университета так, чтобы он служил во все “будущие роды”. На практике уже через пять с половиной лет деятельности университета, а именно с 4 ноября 1760 г., по предложению директора И. И. Мелиссино, видимо, выполнявшего не дошедшее до нас распоряжение куратора И. И. Шувалова, на университетской конференции было принято решение проводить “чтение Регламента, который должен лечь в основу плана, предложенного с целью соединения всех членов университета в одном здании”, для выработки нового устава и штата Московского универси-

тета. Таких заседаний было проведено: в 1760 г. — 9, в 1761 г. — 12, в 1762 г. — 5; всего 26 заседаний. В течение всего времени действия “Проекта” до принятия нового Устава, то есть до 5 ноября 1804 г., неоднократно предпринимались попытки пересмотреть существующее положение о Московском университете. Однако все они по тем или иным причинам не приводили к желаемому результату. Изменение экономической и политической ситуации диктует и правила жизни самого университета, подверженного тем же изменениям, что и прочие государственные учреждения» (*Костышин*, с. 363).

⁸ В автографе вместо выскобленного: пять.

⁹ В автографе против пунктов I и II справа поставлена скобка и приписано другим почерком: 1.

¹⁰ В автографе против пунктов III и IV справа поставлена скобка и приписано другим почерком: 1.

¹¹ Далее в автографе зачеркнуто приписанное другим почерком: и геролд[ики], после чего рукою, предположительно, Шувалова приписано: и геролдику.

¹² В автографе против пунктов V и VI справа поставлена скобка другим почерком.

¹³ «В то время в России практически отсутствовала система среднего образования, и оптимальным выходом из этого положения была организация гимназии не как самостоятельного учреждения, а как подготовительного подразделения для университета. Этот опыт уже был в академическом университете еще до появления там М. В. Ломоносова» (*Костышин*, с. 363).

Указ об учреждении в Москве университета и двух гимназий при ней и назначении их кураторами И. И. Шувалова и Л. А. Блюментроста был подписан императрицей Елизаветой Петровной 12 января и напечатан при Сенате 24 января 1755 г. (*ПСЗ*, т. 14, с. 284–287, № 10 346; *Костышин*, с. 128–131).

При жизни императрицы университет назывался «Елизаветинским».

¹⁴ «Выяснить, составил ли М. В. Ломоносов “целый полный план”, не представляется возможным, т. к. и его архив, и, в особенности, архив И. И. Шувалова дошли до нас далеко не в полном объеме» (*Костышин*, с. 363).

¹⁵ Это знаменитое письмо Ломоносова к Шувалову впоследствии дало прекрасный повод для широких спекуляций на тему, кто же из них двоих все-таки является настоящим вдохновителем и организатором Московского университета. Трактовка менялась в зависимости от политической конъюнктуры, которой особенно подвержена история науки, как и любая другая гуманитарная дисциплина.

Вот что, например, писали в 1955 г.: «Показной “патриотизм” Шувалова преспокойно уживался с галломанией и космополитизмом [!]. <...> Шувалов не просто поддержал проект Ломоносова и помог его осуществлению. Он

присвоил себе славу “изобретателя сего полезного дела”. Ни в официальных документах, представленных в Сенат, ни в речах, произнесенных на открытии университета, имя Ломоносова даже не упомянуто. Это отнюдь не было результатом случайности. Думавшему лишь о своекорыстных целях Шувалову было невыгодно, чтобы стала широко известна роль Ломоносова в основании университета» (*Белявский*, с. 104 и 107).

Трактовка 1988 г.: «В 1754 г. Ломоносов выступил инициатором создания русского университета, “первую причину которого подал к основанию помянутого корпуса”. Пользуясь поддержкой известного русского мецената графа [!] И. И. Шувалова, Ломоносов предложил оригинальный проект создания русского университета с учетом особенностей общественного строя России и состояния научной мысли того времени» (*Павлова и Федоров*, с. 142).

Какой в действительности может быть ценность подобных сентенций о «космополите» и «меценате» И. И. Шувалове, если помнить хотя бы то, что графского титула у него никогда не было?

74. К. М. ДЕ ЛА КОНДАМИН — ЛОМОНОСОВУ
5 августа (25 июля) 1754 г. Пломбери (в Лотарингии)

Debitas tibi persoluo grates ob actum Academicum et programma,
dignum fama tua opus, quae omnia mecum communicare dignatus es.

Должное Вам воздаю благодарение за акт Академической и за программу, достойное Вашей славы сочинение, которого сообщением Вы меня удостоили^{1*}.

Источники текста

Полный автограф письма на латинском языке неизвестен. Отрывок из него, в собственном переводе Ломоносова, включен в составленные им «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму графу М. Л. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известен в трех копиях: А) копия писарскою рукой с переводом и поправками Ломоносова: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 157об.*; Б) копия писарскою рукой с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 52*; В) копия писарскою рукой с переводом: *Там же. Л. 62*.

Полный текст письма в печати не появлялся. Публикации отрывка: *Собрание разных сочинений, с. 1, с. XVII* (только русский перевод; упоминание: *Биявский*,

---

* Перевод М. В. Ломоносова.

с. 031). *Доп. известия*, с. 97 (латинский текст и русский перевод). *Сочинения* 8, с. 174, 286 и *ПСС.10*, с. 578 (латинский текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ К. М. де ла Кондамин отвечает на письмо Ломоносова от 8 (19) февраля 1754 г., текст которого сейчас неизвестен. Ломоносов, очевидно, послал ему экземпляр сборника «Торжество Академии наук <...> празднованное публичным собранием <...> ноября 26 дня 1753 года» на латинском языке (см. примеч. 3 к документу № 56). В состав сборника входили в т. ч. речь Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» и «Программа» с составленной им же задачей по теории электричества на очередную премию Петербургской Академии наук (см. примеч. 3 к документу № 62).

75. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ¹
19 ноября 1754 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Идею, от Вашего Сиятельства милостиво сообщенную, по моей возможности сочинил стихами², которые отдаю на рассмотрение Ваше и при том оригинал³ возвращаю по повелению Вашего Сиятельства. На щите, к тому вместо фронтисписа поставленном, уместиться им не возможно так, чтобы в требуемом отстоянии прочитанье можно было. Но ежели он в высоту и в ширину будет близ трех аршин, то можно поставить приложенные стихи литерами длиною с четвертью, а шириною без четверти вершок, которые с низу свободно читать можно будет. При сем обложенные рамами Флорентинской работы картины имея честь представить⁴, с глубоким высокопочитанием пребываю

Вашего Сиятельства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов.

Ноября 19
1754 года.

Граф М. А. Воронцов

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 6 и 9.* Приложение к письму: *Там же. Л. 7–8.*

Описание: *Модзалевский, с. 92–93.*

Публикации: *АВ, с. 482–484. Сочинения 8, с. 175–176. ПСС 10, с. 515* (без приложения).

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Ломоносов отвечает на обращение Воронцова, дата которого неизвестна (возможно, это было еще в октябре).

² При письме стихи не сохранились, однако несомненно, что это была «Надпись на рождение Государя Великого Князя Павла Петровича» (20 сентября 1754 г.), начало которой почти дословно совпадает с программой Воронцова:

Под славным Скипетром Твоим, Елисавета,
К блаженству Росского не доставало света,
В потомках одного наследия Петру.
Сего все подданны в усерднейшем жару,
Сего единого чрез девять лет желали
И гласы к Вышему и очи возвышали:
«Когда ты чрез Петра и чрез Петрову Дщерь
Благоволил отверсть к довольствам нашим дверь,
О Боже! призри к нам единого лишенным
И успокой наш дух довольством совершенным.
Великие труды Петровы помяни,
Со славою его наследие сравни».
Сей глас, Монархиня, с Твоим соединенный,
Достигнул к небесам, и Бог, им преклоненный,
Возвеселил Петров благословенный дом
И с ним Россию всю желаемым плодом.
К его же щедрости с усердною мольбою
Зовем, да под Твоей щастливою рукою
Младаго Павла век до зрелости взрастит,
Тебя, родителей и нас возвеселит;
Да племенем его, как ныне мы, сердечно,
Взрадутся все потомки бесконечно (*ПСС 8, с. 573*).

Само празднество состоялось 4 марта 1755 г., однако в опубликованном кратком его описании (*СПб. ведомости*, 1755, № 20, 10 марта, с. 4) упоминаний о надписи Ломоносова нет.

³Памятная записка (рукой М. А. Воронцова), приложенная к письму:

Нотация на память.
Материя для сочинения надписи,
к люменации мосей.

Чего под славным скипетром Всемиловитейшия нашае Государыни к благополучию Российской Империи, казалось, не доставало, и о чем ревностные желани и молитвы к Всевышнему от всех вер[н]опод[д]анных возсылаемы были, дабы потомство Петра Великаго, безсмертия достойнейшее, не угасло; сие ныне народу Российскому Провидением и неизреченною благостию Божиею, рождением Его И[мператорскаго] Высочества Великаго Князя Павла Петровича, исполнилось.

Всемогущий Бог да возрастит сию дражайшую отрасль под руководством премудрыя Монархини и щедрейшей Матери Отечества, к собственному Ея и высоких дражайших Его родителей удовольству, и да наслаждаются сыны Отечества сладким царствованием своей Самодержицы до самых позднейших лет! И как мы ныне многия радости и неописанныя милости в правлении Ея чувствуем, так бы и потомки наши, в безконечные веки, от крови Петра Великаго такое же наслаждение получали.

По дружбе моей к Вам сообщаю сии мои мысли и прошу потрудиться стихами, или прозою, надпись сочинить. Я, не имея случая с Вами видеться и на словах о сем изъясниться, чрез сию бумагу (которую прошу мне возвратить) Вам знать даю.

[*Адрес:*] Государю моему Михайле Васильевичу Ломоносову» (*АВ*, с. 483–484).

⁴Какие флорентийские картины были обложены Ломоносовым мозаичными рамами — неизвестно.

28 ноября 1754 г. Петербург

Viro celeberrimo [et] doctissimo in Regia Scientiarum Academia Berolinensi summo atque incomparabili Mathematico atque directori, Caesareae Academiae Scientiarum Petropolitanae et Societatis Regiae Londinensis Membro dignissimo, Michael Lomonosow

S. P. D.

Quamvis multa sint, de quibus hisce litteris Te certiore facere vellem; praesertim meditationes meas de colorum causa communicare; temporis tamen penuria ad sermonem panegyricum Petro Magno Imperatori ad 19 Decembris habendum urget, quem conscribere festino. Praeterea movet me censorum insolentia, qui meditationes meas, Tuo gravissimo judicio probatas atque laudatas undique Theonino dente dilaniare contendunt. Et enim non Tibi, vir perspicacissime, ignotum esse puto Lipsiensem editorem Commentariorum de rebus in scientia naturali et Medicina gestis, non tam veritatis studio, quam malevolo animo lucubrationes meas aggressum fuisse, et male intellectas pejus proscidisse. Malitiae et stuporis illius luculentissimam demonstrationem Tibi, vir acutissime, expendendam mitto, simulque officiosissime obsecror, ut quemadmodum domi in Patria mea singulari benevolentia mihi succurrere voluisti; ita quoque foris defendere me et protegere non graveris. Nam exemplo dicti superius censoris moti atque incitati sunt plures alii, et furiosum impetum in me fecerunt. Scilicet Fogel quidam in Bibliotheca sua Medica, Conditor Ephemeridum Hamburgensium (des Hamburgischen Magasins) item Arnold nonnemo Erlangae, cui faventem censuram in novis litterariis Hamburgensibus nuperrime legi. Quibus omnibus consideratis non sine ratione suspicor latere hic anguem in herba, et cujusdam mihi infesissimi inimici malo dolo tam iniquas tamque injurias cavillationes publice moveri. Si igitur, vir humanissime, opem mihi ferre non fueris dedignatus, modum, quo id perficiatur, hunc convenientissimum esse arbitror, ut refutationes his appositae (quae pro Tuo arbitrio immutandae traduntur et forsan emolliendae) in Universitate aliqua studiosus publice defendat (sicut contra me Erlangiae ab Arnolde disputatum est) impressam; quae tandem contra inimicorum impetum in actis eruditorum recenseri poterit. Sumptus typographo abunde soluturum me promitto. Caeterum

potest haec mea defensio in forma programmatis edi, alterius nomine. Interea moneo, hoc propositum meum nemini hic esse notum, nec cognitum futurum: quamobrem etiam Te, vir celeberrime, precor, ut id tacito modo fiat. Nam equidem hic etiam non leves auctores tantae ignominiae meae suboleo. Hoc beneficium tuum erit aeternum pignus amicitiae nostrae, quam sincero animo colere, et omnia grati animi officia praestare nunquam praetermittam. Vale atque favere perge.

Dabam Petropoli Die 28 Nov. S. V. A. 1754.

P.S. In dem Hamburgischen Correspondent № 187 stehet aus des Arnolds Disputation ein wieder mich sehr absurder Einwurt, aus welchem zu ersehen ist, er glaube, dass das Bley den höchsten Grad der Hitze bekommt, wenn es nur zu schmelzen anfängt. Die chymische Erfahrungen aber zeigen, dass der Wissmuth in einer Hitze, welche das Bley anzunehmen fähig ist, meistens zersthöhret werde.

Frustula encaustorum ad opera Musiva paratorum jam diu in cancellariam tradidi ad Te mittenda.

Мужу знаменитейшему [и] ученейшему,
великому и несравненному математику и директору
Берлинской Королевской Академии наук, достойнейшему члену
Императорской Петербургской Академии наук и Лондонского
Королевского Общества Михаил Ломоносов

ш[лет] н[ижайший] п[ривет].

Хотя о многом хотел бы я в этом письме известить Вас, в особенности же сообщить Вам мысли мои о происхождении цветов², но мешает мне недостаток времени, ибо спешу я написать похвальное слово Петру Великому, которое должен буду произнести 19 декабря³. К тому же меня тревожит наглость рецензентов, которые с язвительностью Теона⁴ наперерыв терзают мои рассуждения, тогда как они Вами рассмотрены и одобрены Вашим авторитетным приговором⁵. Конечно, Вам, муж проницательнейший, известно, что издатель лейпцигского Журнала естествознания и медицины не столько из стремления к истине, сколько по недоброжелательству напал на мои труды и, плохо поняв их, обо-

шелся с ними как нельзя хуже⁶. Посылаю на Ваше проницательное рассмотрение яркий образчик его злобы и тупости и, вместе с тем, почтительнейше прошу: подобно тому, как Вы с особенною благосклонностию оказали мне помощь в моем отечестве, не откажите защитити меня своим покровительством и в чужих странах. Пример вышеозначенного рецензента увлек многих других, и они с яростию восстали против меня, а именно: какой-то Фогель в своей Медицинской библиотеке⁷, также издатель Гамбургского магазина⁸, и некто Арнольд из Эрлангена, о диссертации которого я читал недавно благоприятный отзыв в гамбургской газете⁹. Все это заставляет меня не без основания подозревать, что столь незаслуженные и оскорбительные клеветы на меня распространяются коварными усилиями какого-то заклятого моего врага и что тут-то и зарыта собака. Итак, если Вы, по своей благосклонности, не погнушаетесь помочь мне, то я нахожу самым удобным к тому способом, чтобы с защитой приложенного здесь опровержения (которое представляю Вам по своему усмотрению изменить и, может быть, смягчить)¹⁰, по напечатании его, публично выступил в каком-либо университете человек ученый (как в Эрлангене был против меня диспут Арнольда); после же можно будет поместить в ученом журнале разбор этого выступления против моих врагов. Издержки по печатанию будут сполна мною возмещены. Впрочем, настоящее возражение мое может быть издано и в форме программы под чужим именем. Вместе с тем предупреждаю Вас, что здесь [в Петербурге] никто не знает и знать не будет об этих моих предположениях, почему и Вас покорнейше прошу, чтобы все это было исполнено втайне. Подозреваю, что и здесь есть немаловажные особы, которые принимают участие в таком моем опорочивании. Это ваше благодеяние останется вечным залогом нашей дружбы; я со своей стороны никогда не перестану со всею искренностию поддерживать ее и оказывать Вам всевозможные знаки моей благодарности. Будьте здоровы и по-прежнему расположены ко мне.

Петербург 28 нояб[ря] с[тарого] с[тиля] 1754 г[ода].

P. S. В № 187 Гамбургского корреспондента приведено из диспута Арнольда направленное против меня весьма абсурдное возражение¹¹, из которого усматривается, что свинец, по его мнению,

приобретает наивысшую температуру, когда он только начинает плавиться. Химические опыты, однако, показывают, что висмут при температуре, которую способен принимать свинец, в большинстве случаев разрушается.

Камешки для мозаичных работ я давно уже передал в Канцелярию для пересылки Вам^{12*}.

Источники текста

Автограф на латинском и немецком языках: *ПФА РАН. Ф. 136. Оп. 2. № 3. Л. 440—441 об.* Полное факсимиле: *Меншуткин Б. Н. Михайло Васильевич Ломоносов: Живописание.* СПб., 1911, между с. 56 и 57 (в подписи опечатка в дате письма — 1748 г.).

Описание: *Модзалевский*, с. 93. *Переписка Эйлера*, с. 180—181. *Euler Briefwechsel*, S. 251.

Публикации: *Биллярский*, с. 782—784 (только латинский и немецкий текст, без обращения). *Куник II*, с. 505—506 (латинский текст обращения и русский перевод остальной части письма без постскриптума). *Сочинения 8*, с. 177—180 (полный латинский и немецкий текст и русский перевод). *ПСС 10*, с. 515—518.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Ответ Ломоносова на письмо Эйлера от 30 (19) марта 1754 г. (см. документ № 69).

² О теории цветов и работе над ее обоснованием Ломоносова и Эйлера см. документы № 67, 69 и примеч. к ним.

³ Теон — римский вольноотпущенник, прославившийся своими едкими сатирами. Фраза «Theonino dente dilaniare» взята Ломоносовым из посланий Горация (I, 18, 82): «Если кого-нибудь зуб Феонов грызет, ты не чужь» (пер. Н. С. Гинцбурга).

⁴ Ломоносов не успел этого сделать, и публичное собрание было отменено (см. примеч. 6 к документу № 43).

⁵ О способностях Ломоносова Эйлер дал отзыв еще 21 (10) ноября 1747 г. в письме К. Г. Разумовскому (см. примеч. 2 к документу № 15), другие оценки см. в письмах Эйлера к Ломоносову в настоящем издании. Лестными отзывами за диссертации, напечатанные в 1-м и 2-м томах академических «Новых комментариев», наградили Ломоносова его марбургский учитель Х. Вольф и непрременный секретарь Берлинской Академии наук

---

* Перевод М. Е. Сергеенко.

Ж. А. С. Формей (см. документы № 51 и 57). Другие отзывы см.: *Ломоносов в воспоминаниях*, с. 151 и след.

Однако в немецких журналах появились и неблагоприятные рецензии, о которых Ломоносов говорит далее в этом письме.

⁶ Резко критический отзыв А. Г. Кестнера на статьи Ломоносова, напечатанные в 1-м томе «Новых комментариев» (см. их перечень в примеч. к документу № 51), был помещен в лейпцигском «*Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis*», 1752, vol. I, pars II, p. 222–228. Перевод: *Ломоносов в воспоминаниях*, с. 153–154, 161–162, 165–166, 169–170.

22 августа 1754 г. Ломоносов доложил об этом отзыве в заседании Академической конференции, указав, что критик плохо понял его и приписал ему такие мнения, которых он не может признать своими. Академики одобрили намерение Ломоносова напечатать возражение, которое он уже написал к этому дню на латинском языке под заглавием «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» (*Биллярский*, с. 273; *Летопись*, с. 238).

⁷ Журнал издавался в Эрфурте и Лейпциге; см.: D. Rudolf Augustin Vogels <...> // *Medicinische Bibliothek*, 1753 (vierzehendes St., 1752), Bd. II, S. 332–335. Перевод: *Ломоносов в воспоминаниях*, с. 154, 161, 170.

⁸ *Hamburgisches Magazin, oder gesammelte Schriften, zum Unterrichts und Vergnügen aus der Naturforschung und den angenehmen Wissenschaften überhaupt*, 1751, Bd. VII, St. 2, S. 320–328. Переводы: *Ломоносов в воспоминаниях*, с. 152–153, 159–161, 164–165, 169.

⁹ *Staats und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten*, 1754, No. 187, 22 Nov. Перевод: *Ломоносов в воспоминаниях*, с. 155–156.

Желая занять место доцента физики в университете Эрлангена, И. Х. Арнольд напечатал и 12 октября 1754 г. защитил диссертацию «*De calore motu particularum corporis eoque rotatorio circa axes utique explicando*» («О невозможности объяснить теплоту посредством коловратного движения частей тела вокруг их оси»). Диссертация была направлена против теории, развитой Ломоносовым в «Рассуждении о причине теплоты и холода». В «Гамбургских штатских и ученых ведомостях» был напечатан отчет о диспуте на ее защите.

В 1761 г. Ломоносов в репорте К. Г. Разумовскому о неправильных (по его представлениям) действиях Г. Ф. Миллера и И. И. Тауберта отметил: «Студента Арнольд[ь]да старался сюда выписать академиком, чтобы мне и здесь был соперником, затем что он писал против моей теории о теплоте и стуже» (*ПСС 10*, с. 229).

¹⁰ «Рассуждение об обязанностях журналистов...» Ломоносова в 1755 г. напечатал Ж. А. С. Формей (см. документ № 82).

¹¹ В отчете о диспуте Ломоносова больше всего возмутили слова: «...г[осподин] Ломоносов утверждает, что тела тем теплее быть могут, чем плотнее совокуплена в них между собою материя. Следовательно, когда плотные тела меньше посторонней материи между своими частицами имеют, то причина большей теплоты, которую они иметь могут, зависит не от посторонней, но от собственной их материи. Г[осподин] Арнольд доказывает, что оба сии мнения неосновательны, ибо свинец растопившийся содержит 217, а висмут 300 градусов. Также и не находит он никакой причины, для чего б плотным телам иметь меньше посторонней материи, нежели неплотным: ибо не фигура тому причиною, что жидкие тела в скважины твердых тел входят» (*Ломоносов в воспоминаниях*, с. 156).

¹² Эйлер ответил Ломоносову 11 января 1755 г. (31 декабря 1754 г.) (см. документ № 78).

77. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
30 декабря 1754 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Из вчерашняго Вашего Превосходительства милостиваго разговора приметил я, что злоба преодолевает благости, подкрадываясь под святость Высочайших повелений: и так, ежели не возможно, чтобы я по моему всепокорнейшему прошению был произведен в Академии¹, для пресечения коварных предприятий, то всеуниженно Ваше Превосходительство прошу, чтобы Вашим отеческим предстательством переведен я был в другой корпус; а лутче всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству; а особливо имея случай употреблять вспоможение архивы к продолжению Российской истории². Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы Он воздвиг и ободрил Ваше великодушное сердце в мою помощь, и чрез Вас бы сотворил со мною знамение во благо: да видят ненавидящие мя и постыдятся: яко Господь помог ми и утешил мя есть³, из двух единым: дабы или все сказали: Камень, его же не брегоша зиждущии, сей бысть во главу угла: от Господа бысть сей⁴; или бы в мое отбытие из Академии ясно оказалось, чего она лишилась, потеряв такого человека, которой чрез толь много лет украшал оную и всегда с гонителями наук боролся, несмотря на свои опасности. Ожидая

того или другова в твердом на милостивейшее Ваше ходатайство уповании с усердным глубокопочитанием пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов.

Декабря 30 дня
1754 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I, с. 338–339*, откуда перешло в: *Собрание разных сочинений, ч. II, с. 273–274*; *Изд. Перевлесского, с. 141–142* и *Изд. Смирдина, т. 1, с. 678–679. Билярский, с. 278. Сочинения 8, с. 180–181. ПСС 10, с. 518–519.*

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ С подачи П. С. Билярского утвердилось мнение, что «смысл этого письма состоит, очевидно, в следующем: из разговора с Шуваловым Ломоносов узнал, что Президент [Разумовский], по внушению Теплова и Тауберта, не расположен подвергать Регламент Академии полному пересмотру и преобразованию вследствие указа [Правительствующего Сената] 24 авг[уста] 1754. <...> Но оставаться при прежнем положении Академии Л[омоносов]у казалось сносным только в том случае, если бы ему удалось добиться такого положения в Академии, которое давало бы ему возможность “пресечь коварныя предприятия”, т. е. быть сильнее Шумахера, Тауберта и Теплова. Между тем Шувалов, как видно, не надеживал его в этом отношении своим содействием, и вот он изъявляет свою готовность оставить Академию. Впрочем, конец письма показывает, что Ломоносов не отчаялся еще в содействии Шувалова...» (*Билярский, с. 279*).

Трудно сказать, желал ли Ломоносов только производства в советники Канцелярии, или его помыслы уже простирались к месту вице-президента Академии, при котором «он мог быть сильнее И. Д. Шумахера, Г. Н. Теплова и И. И. Тауберта <...> и оказывать большее влияние на ход академических дел» (*Сочинения 8, с. 120* второй пагин.; ср.: *ПСС 10, с. 837*). Причем непонятно, каким образом, ведь Шумахер руководил Академической канцелярией и с 1744 г. имел чин статского советника, не говоря уже о Теплове, фактически замещавшем в Академии Разумовского «со старшинством по чину перед всеми академиками» (кроме Шумахера).

Поэтому слова в письме о переводе «в другой корпус» могут свидетельствовать и о том, что разговор всеильного И. И. Шувалова и особо приближенного к нему коллежского советника Ломоносова 29 декабря 1754 г. касался возможности присвоения ему следующего чина — статского советника. Тем более что вскоре в одном из пунктов «Всенижайшего мнения о исправлении Санкт-петербургской Императорской Академии наук» (январь — февраль 1755 г.) Ломоносов писал: «Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласие, от нижних к высшим — пристойное почтение, от по[д]чиненных к начальникам — законное послушание» (ЛСС 10, с. 15).

Скандал между Ломоносовым и Тепловым произошел 23 февраля 1755 г. (см. документ № 80 и примеч. к нему).

² О работе над сочинением «Российской истории» см. в письмах Ломоносова к Шувалову (документы № 43, 49, 56, 70 и примеч. к ним).

³ Цитата из Псалтири (Пс. 85:17), которую Ломоносов, безусловно, заучил еще с юношеских лет (см.: *Солосин И. И.* Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // *Известия ОРЯС*, 1913, т. 18, кн. 2, с. 238–293; *Дороватовская В.* О заимствованиях Ломоносова из Библии // *М. В. Ломоносов. 1711–1911: Сб. ст. / Под ред. В. В. Сиповского.* СПб., 1911, с. 33–65). Еще раз почти дословно цитата приведена Ломоносовым в письме к Ф. Г. Орлову от 26 июля 1762 г. (см. документ № 128).

⁴ Дословная цитата из Псалтири (Пс. 117:22–23).

78.

Л. ЭЙЛЕР — ЛОМОНОСОВУ¹

11 января 1755 г. (31 декабря 1754 г.) Берлин

Wohlgebohrner Herr
Hochgeehrtester Herr Rath
Hochgeneigter Gönner und Freund.

Das unverschämte Verfahren der meister teutschen Zeitungschreiber ist eine schon jedermann so bekandte Sache, dass es mich zum wenigsten gar nicht mehr befremdet, wenn ich die herrlichsten Schrifften von denselben auf eine höhnische Art durchgezogen antreffe. Diese Leute vermeinen auf solche Art sich einen besondern Nahmen zu erwerben, und dem unwissenden Häufen weiss zu machen, dass auch die schlechtesten Materien ihnen voll kommen bekandt sind, und dass ihnen das Recht zukomme, sich über die wichtigsten Untersuchungen

welche sie meistentheils als Kleinigkeiten ansehen, zu Richter aufzuwerfen. Unsere hiesige Academie hat dieses bisher zur G[e]nüge erfahren, indem fast alles, was in unsern Mémoires heraus kom[m]t, auf eine unverschämte Arth verspottet wird: wobey sich insonderheit der Professor Kästner in Leipzig, welcher einen grossen Einfluss nicht nur in den Leipziger, sondern auch in den Göttingischen und Hamburgergelehrter Zeitungen hat, hervorzuthun pflegt. Man hat sich hiesigerseits dieser Dreistigkeit zu widersetzen gesucht, aber dadurch nichts mehr gewonnen als dass sie ihre Spöttereien noch höher treiben. Mein Rath ist auch immer gewesen, diese Bosheit mit Verachtung anzusehen, weil solchen Leuten, welche im verborgenen schreiben, nichts erfreulicher seyn kan[n], als wenn sie sehen, dass man ihre Unzänglichkeiten empfindet und darüber böse wird. Bey diesen Umständen lese ich selten die so genannten gelehrten Zeitungen, und habe auch nichts von demjenigen, worüber Ew. Hochgeb. sich zu beschweren so grosse Ursache haben, gesehen. Bey denjenigen, welche dieser Sachen nur ein wenig kündig sind, können solche ungereimte Urtheile keinen Eindruck machen, indem zur G[e]nüge bekan[n]dt, dass alles, was man in den Physicalischen Büchern von der Ursache der Wärme antrifft, keineswegs zureichend ist, diese wichtige Sache nur einigermaassen in ein Licht zu setzen: dahero die Bemühungen derjenigen, welche darüber arbeiten, jederzeit grosses Lob verdienen. Um soviel mehr muss man also Ew. Hochgeb. verbünden seyn, dass dieselben diese grosse Frage aus ihrer Dunkelheit entrissen und einen glücklichen Anfang zu Erörterung derselben gemacht haben. Ew. Hochgeb. Vorschlag, dass Dero Vertheidigung auf irgend einer Universitaet durch eine Disputation übernommen werden möchte, wüste ich nicht mehr ins Hand zu setzen, und eine solche Disputation dürfte wohl wie die meisten immer in der Finsterniss bleiben, und von keinen Zeitungs-Schreiber hervorgezogen werden. Inzwischen habe ich Ew. Hochgeb. Aufsatz unserm Collegae dem H. Professor Formey übergeben, welcher mir fast versprochen dero Vertheidigung in einem französischen Journal zu führen, welches mir noch der einig und sicherste Weg zu seyn scheint. Hiernächst überlasse Ew. Wohlgeb. Einsicht, ob es nicht rathsam wäre in einem neuen Tomo Commentariorum eine kurze Erinnerung beyzufügen, dass da man wahrgenommen, dass die meisten Recensenten den Inhalt derselben auf eine unrichtige und verstimelte Arth dem Publico vorgestellt, das publicum sich hinführo an dergleichen Recensionen nicht kehren möchte wobey man zugleich eine Verachtung

gegen dieselben äussern könnte, welches dieselben mehr als ernsthaftte Wiederlegungen schmerzen würde.

Ew. Wohlgeb. haben bey mir eine sehr grosse Begierde erwachet dasjenige, was Dieselben über die Ursache der Farben meditirt haben, zu sehen indem ich mir seit langer Zeit Mühe gegeben, diese Sache, in so fern dieselbe in die Optic läuft, besser aufzuklären. Mir scheint zum wenigsten kein Zweifel mehr übrig zu seyn, dass die Färben nicht von der besondern Scheinung der kleinsten Theilchen in der Oberfläche der Körper entstehen sollten, krafft welcher dieselben im Kund gesetzt werden, eine bestimmte Anzahl vibrationen in einer gegebenen Zeit zu vollenden, eben wie solches bey den Seiten in Ansehung des Tons gewiss ist. Allein auf das Physicalische hiebey habe ich nicht gesehen, wie nehmlich die tensio und elasticitas minimarum particularum bey verschiedenen Veränderungen sich verhalten müsse, dahero hierüber die wichtigsten Aufklärungen von Ew. Wohlgeb. erwarte, in welcher Hofnung mich die von derselben dem Glass beygebrachten so schönen und verschiedenen Färben bestätigen, so ich mit dem grössten Vergnügen in denen mir gütigst überschickten Stückchen bewundern, für welche ich hiemit meine schon allzulang aufgehoben gehorsamte Danksagung abstatte. Der ich mit der allervollkommensten Hochachtung zu verharren, die Ehre habe

Ew. Wohlgebohrnen
gantz gehorsamster Diener
L. Euler.

Berlin den 11ten jan.
A[nno] 1755.

Милостивый Государь,
высокочтимейший господин советник,
высокоблагосклонный благодетель и друг.

Бесстыдное поведение большинства немецких газетных писак — дело всем настолько известное, что меня больше совершенно не удивляет, когда приходится встречаться с издевательским продергиванием ими самых блестящих произведений. Эти люди полагают, что подобным способом они приобретают особо громкое имя, втирают очки невеждам, будто им знакомы даже ничтожнейшие материи и что им принадлежит право являться судьями

важнейших исследований, которые они обычно рассматривают как мелочи. Наша здешняя Академия это уже в достаточной мере испытала, ибо почти все, появляющееся в наших Мемуарах, наглым образом осмеивается, при этом обычно особо выделяется профессор Кестнер в Лейпциге, который пользуется большим влиянием не только в лейпцигских, но и в геттингенских и гамбургских научных журналах². С нашей стороны делались попытки противодействовать этой наглости, но добились лишь того, что они еще усиливают свои издевательства. Мой совет всегда был — относиться к этой злобе с презрением, ибо подобным людям, пишущим исподтишка, ничто не может доставить большего удовольствия, чем сознание, что их непристойности ранят и вызывают раздражение. При подобных условиях я редко читаю так называемые научные журналы, не читал ничего и из того, в чем В[аше] Высокор[одие] усмотрели основание для столь серьезного возмущения. На тех, кто хоть немного знаком с этим делом, подобные нелепые оценки не могут произвести впечатления, ибо хорошо известно, что все, имеющееся в книгах по физике о причине теплоты, отнюдь не достаточно для того, чтобы хоть несколько осветить этот серьезный вопрос: поэтому усилия тех, которые над ним работают, неизменно заслуживают высокой похвалы. Поэтому нужно питать особую признательность к В[ашему] Высокор[одию], поскольку Вы весь этот вопрос извлекли из темноты и положили счастливое начало его обсуждению. Предложение В[ашего] Высокор[одия] о проведении Вашей защиты путем диспута в каком-либо университете я бы затруднился осуществить, и подобный диспут, как и большинство ему подобных, навсегда остался бы в неизвестности и не был бы отмечен никем из пишущих в журналах. Тем временем я передал статью В[ашего] Высокор[одия] нашему коллеге г[осподину] профессору Формею, который мне почти обещал вести ее защиту во французском журнале, что мне кажется единственным и лучшим. Далее предоставляю усмотрению В[ашего] Высокор[одия], не следовало ли бы снабдить новый том Комментариев кратким напоминанием, исходя из того, что большинство рецензентов преподносят их содержание публике в неверном и искаженном виде и что публика не должна обращать внимания на подобные рецензии, причем можно было бы одновременно высказать по отношению к ним презрение, которое для них было бы более болезненным, чем серьезные опровержения³.

В[аше] Высокор[одие] возбудили во мне большое желание познакомиться с Вашими соображениями по вопросу о причине цветов⁴, так как я уже в течение длительного времени старался внести бóльшую ясность в этот вопрос, поскольку он относится к области оптики. Мне кажется, что не остается, по крайней мере, никакого сомнения в том, что цвета происходят не от особого свойства мельчайших частиц на поверхности тел, заставляющего их совершать в данное время определенное количество колебаний, как это установлено у струн в отношении звучания. Однако при этом я не учел физических моментов, например, каковы напряжение и эластичность мельчайших частиц при различных изменениях, и ожидаю поэтому получить по наиболее существенным пунктам разъяснений от В[ашего] Высокор[одия], каковую мою надежду подкрепляют приданные Вами стеклу столь прекрасные и различные краски, которыми я с величайшим наслаждением люблюсь у любезно пересланных мне кусочков, за которые я настоящим приношу свою почтительнейшую, хотя и слишком позднюю, благодарность⁵. Имею честь оставаться с совершеннейшим высокопочтением

Вашего Высокородия
послушный слуга
Л. Эйлер.

Берлин. 11-го янв[аря]
1755 г[ода]*.

Источники текста

Копия XVIII в. на немецком языке: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 2. № 10. Л. 1—2об.*

Имеется также отрывок из этого письма в собственном переводе Ломоносова и с ошибкой в дате (11 февраля 1755 г.), включенный «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму графу М. Л. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известный в трех копиях: А) копия рукою Ломоносова с переводом: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 156*; Б) писарская копия с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 51—51об.*; В) писарская копия с переводом: *Там же. Л. 61об.*

П. П. Пекарский в 1873 г. утверждал, что подлинник «хранится в архиве Академической конференции» (*Пекарский II*, с. 548), однако Л. Б. Модзалев-

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

ский считал, что «здесь, по-видимому, произошла ошибка, и Пекарский, очевидно, имел в виду ту же копию XVIII в.» (*Сочинения* 8, с. 121 второй пагин.).

Описание письма: *Переписка Эйлера*, с. 181. *Euler Briefwechsel*, S. 251.

Публикации письма: *Lettre du savant Monsieur Euler, membre de l'Académie Impériale des sciences à Monsieur le Conseiller Lomonosoff, professeur actuel de la même Académie // Le Caméléon littéraire*⁶, 1755, № 20, 18 mai, p. 453–456 (во французском переводе). *Биллярский*, с. 784–785 (тот же французский перевод). *Куник II*, с. 507–508 (русский перевод французского текста, с ошибкой в дате: 11 февраля 1755 г.). *Сочинения* 8, с. 181–185 (немецкий текст и русский перевод).

Публикации отрывка письма: *Собрание разных сочинений, ч. I*, с. XVII–XVIII (только русский перевод). *Биллярский*, с. 031–032 (тот же русский перевод). *Доп. известия*, с. 96 (немецкий текст и русский перевод). *Куник II*, с. 508 (немецкий текст и русский перевод). *Сочинения* 8, с. 284. *ПСС* 10, с. 576.

Письмо печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Эйлер отвечает на письмо Ломоносова от 28 ноября 1754 г. (см. документ № 99).

² Ранее Эйлер предлагал А. Г. Кестнера на вакансию профессора Петербургской Академии наук, но безуспешно (см. примеч. 5 к документу № 71). В 1756 г. Кестнер переселился из Лейпцига в Геттинген.

³ В тот же день, 11 января 1755 г., Эйлер заметил в письме к Г. Ф. Миллеру: «Господ[ин] советник Ломоносов писал ко мне по поводу нелепых критик на его сочинения. Меня это дело тем менее удивляет, что я уже привык видеть, как жестоко все мои сочинения и издания здешней [Берлинской] Академии отделяются лейпцигскими и гамбургскими рецензентами, в чем немалое участие принимает, как кажется, г[осподин] Кестнер, не умеющий держать в узде своего сатирического духа. Волноваться из-за этих людей значило бы тратить по-пустому время, тем более что они еще чванятся, когда видят, что на них досаждают. Но г[осподин] Формей хочет защитить г[осподина] Ломоносова в своем журнале. Можно бы сверх того в следующем томе Комментариев поместить предостережение, чтобы публика не доверяла так называемым ученым ведомостям» (русский перевод: *Куник II*, с. 506; немецкий текст: *Биллярский*, с. 279).

Ж. А. С. Формей опубликовал статью Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов...» (см. примеч. к документу № 82). Предостережение читателям в «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» помещено не было, вероятно, потому, что очередной, четвертый том этого издания с работами 1752 и 1753 гг. был выпущен только в 1758 г. (см. примеч. 3 к документу № 56).

⁴ См. документы № 67, 69 и примеч. к ним.

⁵ Прислать ему образцы смальт Эйлер просил Ломоносова в своем предыдущем письме (см. документ № 69).

⁶ Первый французский литературный журнал, издававшийся в России (подробнее см.: *Потова М. Н.* Теодор Генрих Чуди и основанный им в 1755 г. журнал «Le Caméléon Littéraire» // *Изв. АН СССР, Отд. гуманитар. наук*, 1929, № 1, с. 19, 26 и 33; роспись содержания: *СК ин., т. 4, вып. 1*, с. 255–264).

По-видимому, стремясь поскорее дать ответ своим недоброжелателям устами авторитетнейшего европейского ученого, Ломоносов напечатал в этом журнале данное письмо Эйлера к нему во французском переводе.

При этом Ломоносов не обратился за согласием к самому Эйлеру, который написал Миллеру 5 июля 1755 г. «... Совсем другое дело — сочинение г[осподина] Ломоносова о причине тепла: все, что другими было говорено о том, нелепо или неосновательно и потому весьма далеко от достоверного объяснения; возражения же противников доказывают, с одной стороны, что они его мысли не поняли, а с другой — обличают их грубое невежество: они хотели уверить читателей, будто этот предмет другими уже рассмотрен лучше и гораздо основательнее. Тем не менее мне очень больно, что г[осподин] Ломоносов напечатал мое письмо в Хамелеоне, ибо хотя всем известно, что г[осподин] Кестнер большой охотник до насмешек и надеется возвысить свои маленькие заслуги, унижая других, однако ж я вовсе не желаю из-за этого с ним ссориться; если б Хамелеон только опустил имя *Кестнер* и поставил *Проф.....*, то для Ломоносова было бы все равно, а меня бы это избавило от неприятности. Вперед, когда мне случится писать к таким людям, буду осторожнее и отложу в сторону всякую откровенность» (немецкий текст: *Биллярский*, с. 296; русский перевод: *Куник II*, с. 508–509).

Аналогичное по содержанию письмо Эйлер написал в тот же день И. Д. Шумахеру: «Г[осподин] Ломоносов оказал мне плохую услугу, дав напечатать в Хамелеоне письмо мое, которое я дружески написал к нему; если б он опустил только имя Проф. Кестнера или означил его точками, как в подобных случаях часто делается, то это не стоило бы и внимания. Так как, однако ж, справедливость того, что мною написана, очевидна, и г[осподин] Кестнер, как известно, старается возвысить себя, унижая других, то ему приходится смолчать, а те, на кого он нападал, будут радоваться его невзгоде. Между тем я буду остерегаться таких господ и впредь в письмах моих не слишком увлекаться откровенностью» (немецкий текст: *Биллярский*, с. 296–297; русский перевод: *Куник II*, с. 509).

После того как неудовольствие Эйлера каким-то образом было доведено до сведения Ломоносова, это вызвало полный разрыв отношений между ними. Следующее известное письмо Ломоносова к Эйлеру, очень раздраженное и вряд ли отправленное, датировано не ранее 21 февраля 1765 г. (см. документ № 158).

2 февраля 1755 г. Оренбург

Милостивый Государь мой Михаил Васильевич.

Уповаю на благодать и милость Вашу, которою я от Вас, Милостиваго Государя моего, удостоен был в бытность мою в Санктпетербурге¹, посылаю при сем на Ваше благосклонное рассмотрение книжицу, в коей описано внутреннее и пограничное состояние Оренбургской губернии².

Из оной изволите усмотреть, что я ее збирал и сочинил для того наипаче, дабы сочиняемым здесь у географических дел для употребления по губернской канцелярии ландкартам, кои вообще и порознь оную губернию представляют, придав некоторое изъяснение, к познанию здешних мест требующееся, а особливо в разсуждении правления здешней губернии. Будучи здесь с самого начала Оренбургской комиссии³ и почти у всех происходивших дел и по другим окрестностям описать, а затем все оное предать в рассмотрение и поправление искуснейшим; чего ради нарочно списав с нее несколько экземпляров, намерен роздать и разослать в такие руки, от которых, по сведению из здешних мест, надеюсь дополнения получать, ведая коль много в свете первых и новых недостаточных и погрешительных сочинений такими поправлениями и дополнениями не только в надлежащий порядок, но и самое совершенство приведено.

В том моем намерении, по предвоспринятому от меня плану, сочиняя первую часть, признал я не токмо за сходно, но и за должно послать ее на Ваше, Милостиваго Государя моего, просвещенное рассмотрение, надеясь, что Вы, означенное мое намерение почтя за справедливое по имеющемуся в Вас об общих пользах рачению, сего труда не отречетесь.

Милостивый Государь мой! Покорно нижайше прошу пожаловать ее высмотреть, и ежели я в порядке и примечаниях погрешил, или в разсуждении древностей внес тут такие обстоятельства, которые к материям не весьма сходственны или недовольно вероятны, то все оное поправить и удостоить меня Вашим наставлением, как впредь в продолжении сей первой и при сочинении второй части поступать, чему я по возможности следовать не премину. А буде оное мое хотя и несовершенное, но яко новое и первое со-

чинение не вовсе тщетным покажется, и Вы для побуждения меня и других к таковым описаниям сообщите ево в Императорскую Академию наук з благосклонным Вашим засвидетельствованием и одобрением, чтоб мне удостоиться милостивой ея апробации, то я, здесь и везде будучи, не только в сочинении второй и третьей части, но и во всех ея повелениях по крайней моей возможности трудиться, а Вам, Милостивому Государю моему, благодарить и заслуживать потщусь. Между тем же с моим должнейшим почитанием остаюсь

Вашего Высокоблагородия
Милостиваго Государя моего
покорнейший слуга
Петр Рычков.

Из Оренбурга февраля 2 числа
1755 г.

Р. S. Читая книжицу, изволите усмотреть многие неисправности в орфографии, а иногда и в речах описки: нижайше прошу не поставить мне в вину, что я не выправя послал. Вы сами изволите знать, коль редко исправные писцы находятся, а выправить истинно не допустили меня недосужности канцелярские⁴.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 2. № 5. А. 1–2, поступил туда из: Там же. Ф. 21. Оп. 3. № 236. Факсимиле двух фрагментов письма: Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // Сборник ОРЯС, 1867, т. 2, приложение № 1, особая вкладка.

Описание: Модзалевский, с. 272.

Публикации: Доп. известия, с. 68–69. Сочинения 8, с. 185–187.

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ В Петербурге Рычков был в 1751 г. Об его отношениях с Ломоносовым см.: Доп. известия, с. 68–73; Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // Сборник ОРЯС, 1867, т. 2, приложение № 1, с. 34–36, 44, 46, 61, 72, 101, 106, 117; Пекарский П., с. 583–584, 721–723, 821–822; Павлова и Федоров, с. 129, 346, 357, 445. Матвиевский П. Е., Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков. М., 1991.

²Это была рукопись первой части сочинения Рычкова об Оренбургском крае. Другой экземпляр рукописи он препроводил 1 июня 1755 г. непосредственно в Академию наук (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 201. Л. 106–107*).

Труд Рычкова и приложенные к нему ландкарты обсуждались в заседаниях Академической конференции 31 июля и 2 августа в присутствии Ломоносова. 4 августа 1755 г. Миллер репортовал Академической канцелярии, что «они в Академическом и Историческом собраниях рассмотрены и к печатанию удостоены» (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 201. Л. 110*; ср.: *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова..., с. 34–35).

Сочинение Рычкова было издано в двух частях спустя несколько лет: *Топография Оренбургская*, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762 (*СК, т. 3, с. 79–80*).

³ В 1734 г. И. И. Кирилов пригласил Рычкова бухгалтером в Оренбургскую экспедицию. В это же время в нее пытался попасть в качестве священника студент Славяно-греко-латинской академии Ломоносов.

⁴ Ответ Ломоносова неизвестен, однако он, несомненно, существовал. В 1760 г. Рычков писал о нем Г. Ф. Миллеру: «Михайло Васильевич Ломоносов персонально меня знает. Он, получа первую часть моей Топографии, письмом своим весьма ее расхвалил; дал мне знать, что она от всего Академического собрания апробована, писал, что приятели и неприятели (употребляя точные его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырезать на меди» (*Доп. известия, с. 71*).

Следующее письмо Рычков написал к Ломоносову в мае 1755 г. (см. примеч. к документу № 83). Ломоносов ответил 15 августа (?) 1755 г., но настолько раздраженно, что после ответа Рычкова 26 августа 1756 г. их переписка прекратилась (см. документ № 84 и примеч. к нему).

80. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
10 марта 1755 г. Петербург

Милостивый Г[осу]д[а]рь Иван Иванович.

Вашему Превосходительству всепокорнейше доношу, что дело мое с Тепловым по Канцелярии произведено пис[ь]менно (как я теперь уведомился), и мне будет читать секретарь несправедливой приговор или выговор пис[ь]менной!¹ Возможно ли стерпеть, стояя

за правду, за Высочайшее повеление Ея Императорскаго Величества из Правительствующаго Сената², которым указано все права, не взирая и на подписанныя монаршескими руками, к лутшему переправить. Теплов ищет, чтобы Академической регламент (которой сочинен им без согласия и без ведома академиком по его прихотям; и которым он не токмо многих знатных персон обманул; но и подкрался под святость Высочайшаго повеления Ея Императорскаго Величества) не был рассматриван. Затем, что он знает, сколь много найдено будет его пронырств[а]³. Того ради начал он отводить указ Ея [Императорскаго] Величества из Правительствующаг[о]⁴ Сената, якобы он до Академического регламента не надлежал. Чему я противился. Спор и шум воспоследовал. Я осужден! Теплов цел и торжествует. Виноватый оправлен, правой обвинен. Коварнин⁵ надеется, что он и со мною так поступит, как с другими прежде. Делия, Гмелина, Сигезбека, Крузиуса, Гебе[н]штрейта профессоров из России выгнал; Вейдебрехта крутым от службы отказом уморил⁶; другими многими как хотел поворачивал. Президент наш добрый человек, только вверился в Коварнина. Президентским ордерам готов повиноваться, только не Теплова⁷. И так, в сих моих обстоятельствах Ваше Превосходительство всепокорнейше прошу, чтоб меня от такого поношения и несправеднаго поругания избавить; дабы чрез Ваше отеческое предстательство Всемилостивейшая Государыня принять меня в Высочайшее свое собственное покровительство и от Теплова ига избавить не презрила, и от таких нападок по моей ревности защитить матерски благоволила. Чрез Вашего Превосходительства ходатайство от дальнейших обстоятельств вскоре спасен быть ожидаю.

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Марта 10 д[ня]
1755 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 56. Л. 1–2.

Описание: Модзалевский, с. 93.

Публикации: *Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову*: Материалы для истории русского образования // *Грот*, с. 24–25, откуда перешло в: *Тру-*

ды Я. К. Грота, т. 3. СПб., 1901, с. 51–52. *Биллярский*, с. 288–289. *Пекарский II*, с. 575 (отрывок; «по подлиннику, доставленному в Академию наук от П. Муханова»). *Сочинения 8*, с. 187–188. *ПСС 10*, с. 519–520.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Ордером от 15 февраля 1755 г. К. Г. Разумовский предписал Академическому собранию рассмотреть вопрос о возможности пересмотра Регламента Академии наук, принятого в 1747 г. (см. примеч. 1 к документу № 23).

Вопрос о том, «следует ли Академический Регламент в чем-либо отменить или пополнить, и ежели следует, то разобрать, каковые пополнения принадлежат к подаче в Правительствующий Сенат», академики рассматривали 17, 18, 21 февраля. Ломоносов принимал в них самое активное участие, составив даже, правда, вчерне, «Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской Академии наук». Между прочим в нем было сказано следующее: «Дабы добрые имели одобрение, а злые — страх, должно определить по мере заслуг награждения, по мере преступлений наказания, но так, чтобы излишеством воздаяния не привести к высокоумию и лености, безмерным истязанием — к подлости и отчаянию» (*ПСС 10*, с. 15–16). Понятно, что метил Ломоносов в Теплова, Шумахера и Тауберта, надеясь пересмотром пунктов, регламентирующих общее управление Академией, уничтожить их особое влияние на все дела. Себя же Ломоносов видел вице-президентом, полновластным хозяином Академии вследствие постоянного личного отсутствия президента (см. примеч. 1 к документу № 77, документы № 105 и 106).

23 февраля между Ломоносовым и Тепловым произошел скандал. В протоколе этого заседания сказано: «Некоторые члены подали свои мнения на письмо на вторую главу предложений г[осподина] ассессора Тауберта, как о том соглашено было в прошедшем собрании, а некоторые обещали подать впредь. Один г[осподин] советник Ломоносов отказался, мнение свое на письме дать не хочет. При прочтении тех мнений, когда г[осподин] советник Теплов свое стал прочесть вслух, то учинился спор от г[осподина] советника Ломоносова с некими словами, для которых г[осподин] советник Теплов объявил, что, за учиненным ему от г[осподина] советника Ломоносова бесчестием, с ним присутствовать в Академических собраниях не может, також и г[осподин] статский советник Шумахер говорил, что свое присутствие впредь излишнее признавает, и так все члены разошлись, а Конференции секретарь на себя принял Его Высокографскому Сиятельству о сем деле донести» (*Сочинения 8*, с. 128–129 второй пагин.).

Донесение Г. Ф. Миллера датировано 24 февраля, причем он не только запрашивал Разумовского, «продолжать ли сии экстраординарные собрания и без именованных старших членов» (Теплова и Шумахера), но и просил осво-

бодить его самого, Миллера, от участия в этих собраниях. «Потому что, — писал Миллер, — не меньше за г[осподина] советника Ломоносова опасаясь, имея уж толь много примеров его ко мне досады, что впредь с ним ни о каком деле говорить не осмеливаюсь» (*ПСС 10*, с. 838).

В ответ появился ордер К. Г. Разумовского, воспрещающий Ломоносову участвовать в заседаниях Академической конференции. Текст и точная дата этого распоряжения неизвестны, но несомненно, что в Академии наук ордер был получен 10 марта, и в очередной раз «пострадавший за правду» Ломоносов сразу же поспешил за «спасением» к своему покровителю. Более того, 12 марта, видимо, для более верного уклонения ситуации в свою пользу, он написал И. И. Шувалову еще одно письмо (см. документ № 81).

² Имеется в виду указ Правительствующего Сената от 23 августа 1754 г. «О сочинении по судебным местам проектов Уложения по плану прилагаемому и о представлении таковых же проектов из Коллегий с их мнениями и планами на рассмотрение Сената» (*ПСЗ*, № 10 283). Один из печатных экземпляров указа был получен в Академии наук на следующий день, 24 августа.

³ Край листа оборван.

⁴ То же.

⁵ «Коварниным» Ломоносов называет Теплова.

⁶ Ж. Н. Делиль выбыл из Петербургской Академии наук 23 января 1747 г. (но остался ее почетным членом); И. Г. Гмелин — в 1747 г. (см. документы № 22, 24 и примеч. к ним); И. Г. Сигезбек — 1 мая 1747 г.; Х. Крузиус — в 1749–1750 гг.; И. Х. Гебенштрейт — в 1753 г.

Академик И. Вейтбрехт умер в Петербурге 8 февраля 1747 г., оставив беременную жену и четырех детей.

⁷ Намек на то, что все распоряжения по Академии исходят в действительности не от Разумовского, а из-под пера Теплова (см. примеч. 2 к документу № 49).

81. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
12 марта 1755 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович.

Хотя я к Вашему Превосходительству сегодня поутру и намерен был Вам засвидетельствовать мое почтение и осведомиться о Вашем здоровье, однако сие отложил для того, чтобы Вас не беспокоить моим неудовольствием в разсуждении моих нынеш-

них обстоятельств; второе, боюсь, чтобы мне где-нибудь Теплов не встретился. И так, что я Вам на словах не могу за слезами донести, на пис[ь]ме всепокорнейше прошу прослушать.

1) Спор и ссора нач[ал]ись не в то собрание, когда разошлись, но в самое первое, где о последнем пункте регламента¹ разсуждение было. Коварнин говорил, что я хочу отнять власть и полномочество Президентское; я отвечал, что я желаю снять с него беремья, которое выше сил одного человека, какой бы он ни был. Но должно общим согласиём всему производиться, а особливо что Президент не полигистор². Владеющие Государи имеют своих сенаторов и других чиновных людей, которых он, хотя Самодержец, советы принимает; то можно ли тому быть в науках, которыя не в одном государстве, но во весь свет простираются.

2) В полномочество Президентское мы не знаем, что делать или нет. Мы зачнем то...³ и говорим многое время; вдруг повеление: не быть так.

3) Лукавец⁴ говорил: Сенатской де указ⁵ потому не гласит на регламент, что регламент указами не был никогда не переменен. Я говорил, что он сто раз был указами переменен Президентскими, и тут был пустой спор о том, что Президентские указы — указы или не указы.

4) Я в первом собрании генерально оговорился, чтоб никто не думал, когда я говорю о Президенте, якобы я говорил о Графе К[ириле] Г[ригорьевиче], но рассуждая о Президенте генерально, в вечные роды: мы все смертны. Однако ничто не помогло! Он все натягивал на нынешнее состояние; помавал всем рукам, как диктатор; все боятся и готовы его только слушать.

Много еще остается, что Вашему Превосходительству донести намерен и должен как милостивейшему моему защитнику и несравненному благодетелю⁶, однако оставляю на будущее время, не хотя Вас утрудить, а особливо в нынешнем Вашем состоянии. Прошу от Всевышняго Господа Бога, чтобы благоволил возвратить и умножить прежнюю Вашу крепость и бодрость для защиты бедных и для ободрения наук и покровя.

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Марта 12 дня
1755 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 7–8.

Описание: Модзалевский, с. 93.

Публикации: *Письма Ломоносова к И. И. Шувалову, читанные в Обществе любителей российской словесности, 4-го марта 1859* / [Сообщ. и примеч. П. И. Баргенева] // Воронежская беседа на 1861 год / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861, с. 232–233 (по копии, без обращения и подписи). *Биллярский*, с. 289–291 (по копии Н. С. Тихонравова). *Пекарский II*, с. 574–575 (отрывок; «по подлиннику, доставленному в Академию наук от П. Муханова»). *Сочинения 8*, с. 189–190. ПСС 10, с. 521–522.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Последний пункт регламента 1747 г. предоставлял право президенту Академии наук вносить в него изменения. Ломоносов же настаивал на том, чтобы «в Академическом регламенте узаконения были на все случаи довольны и утверждены толь неподвижно, чтобы их никто не мог переменять или толковать по своему произволению» (ПСС 10, с. 13).

² Полигистор (нем. Polyhistor) — человек обширных и многосторонних знаний.

³ Многоточие в автографе.

⁴ «Лукавец» — еще один эпитет, которым Ломоносов награждает Теплова.

⁵ См. примеч. 2 к документу № 81.

⁶ Разумеется, И. И. Шувалов и на этот раз вступился за друга. Разумовский был вынужден отменить свое прежнее решение. Под 29 марта 1755 г. в журнале Академической канцелярии записано: «Его Сиятельство Ак[адемии] н[аук] г[оспо]д[и]н Президент Граф К. Гр. Разумовский пис[ь]менно изволил приказать, чтоб учиненное Его Сиятельством в последнее время определение, касающееся до г[оспо]д[и]на сов[етника] и проф[ессора] Ломоносова, и по оному в собрание Академическое посланный за рукою Его Сиятельства ордер возвратить к Его Сиятельству в оригинале, не оставляя с них копии, и по них исполнения никакова не делать, а ему, г[оспо]д[и]ну советнику Ломоносову, от Канцелярии письменно объявить, чтоб в собраниях Академических по-прежнему ему присудствовать, и как возможно б стараться ему изготовить к будущей ас[с]амблее, то есть наступающего апреля 26 числа, Слово похвальное Государю Императору Петру Великому, которое де им обещано давно сочинить...» (*Биллярский*, с. 293).

В § 35 «Краткой истории о поведении Академической канцелярии...» (1764) Ломоносов изложил это следующим образом: «Воспоследовало Высочайшее

повеление блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны о исправлении статов всех правлений и судебных мест, почему и в Академию наук указ прислан, чтобы академический стат поправить и рассмотреть по идеи асессора Тауберта. Созвано для того общее Профессорское собрание, где присутствовал и советник Теплов, который как сочинитель академического стага стал в том жестоко спорить, что оный еще как новый не подлежит никакой перемене, и потому де его оставить в своей силе. Советник Ломоносов, напротив того, представлял, что в оном стаге есть много неисправностей, прекословных и вредных установлений, то де доказывается тем, что по нему не чинится исполнения. Советник Теплов с презрением слов его не хотел слушать. Отчего дошло с обеих сторон до грубых слов и до шума. И в собрании ничего не положено. По наговоркам Теплова отрешен был Ломоносов от присутствия в Профессорском собрании, однако при Дворе законно оправдан и отрешение его письменно объявлено недействительным и ничтожным...» (ПСС 10, с. 289–290).

82. Ж. А. С. ФОРМЕЙ — ЛОМОНОСОВУ
27 (16) мая 1755 г. Берлин

Comme je suis parfaitement disposé de vous obliger en tout ce qui peut dependre de moi, je me suis acquité de cette tache et je vous envoie ci joint les feuilles de mon journal, où cette pièce est imprimée, il etoit naturel de défendre une aussi bonne cause, que la votre contre des accusateurs si injustes.

Как я желаю Вам сделать обязательств[в]о во всем, что от меня зависит, я то исполнил и посылаю Вам при сем листки из моего журнала, где она диссертация напечатана. Сие было должность, чтобы защитить толь праведное Ваше дело от таких несправедливых поносителей^{1*}.

Источники текста

Полный автограф письма на французском языке неизвестен. Отрывок из него, в собственном переводе Ломоносова, включен в составленные им «Свидетельства о науках советника Ломоносова», приложенные к письму

---

* Перевод М. В. Ломоносова.

графу М. А. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139), и известен в трех копиях: А) копия частью рукой Ломоносова, частью писарскую рукой с переводом: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 156об. и 157об.*; писарская копия с переводом и поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 3. № 134. Л. 51об. — 52*; писарская копия с переводом: *Там же. Л. 62*.

Полный текст письма в печати не появлялся. Публикации отрывка: *Собрание разных сочинений, ч. I, с. XVII* (только русский перевод). *Биллярский, с. 031* (тот же русский перевод). *Доп. известия, с. 97* (французский текст и русский перевод). *Куник II, с. 509* (французский текст и русский перевод). *Сочинения 8, с. 190–191, 285–286. ПСС. 10, с. 577*.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹Формей послал Ломоносову оттиск его статьи «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии». Статья, направленная против критики в немецких журналах, была написана Ломоносовым по-латыни и 28 ноября 1754 г. послана к Л. Эйлеру с просьбой ее напечатать (см. документы № 76, 78 и примеч. к ним).

Эйлер отдал статью Ломоносова Формею, который перевел ее на французский язык и поместил в издаваемом им журнале «Новая немецкая библиотека, или литературная история Германии, Швейцарии и Северных стран»: *Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des Ouvrages, destinés à maintenir la liberté de philosopher // Nouvelle Bibliothèque Germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord, 1755, t. VII, partie II, p. 343–366*.

83. И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ
4 июля 1755 г. Петербург

Hochwolgebohrner
Hochzuehrender Herr Collegien-Rath.

Des H[errn] Collegien Raths Ritzkoff aus Orenburg beyde Donoschenie, das eine betreffend¹ des russischen Commercium in form eines Berichts vor das Monathliche Journal, das andere seinen verbesserten Atlas betreffend können nach meiner Meinung biss

auf Ew. Hochwohlgeb[ohrnen] Zurückkunft verwehrt werden. Insonderheit weilen der H[err] Praesident nicht hier ist, und die sache an und vor sich selbst nicht pressiert. Bey denen jetzigen umständen da sucht jedermann ausen land frische Luft. Jetzet fällt nichts sonderliches vor. Solle aber dergleichen etwas vorfallen, wenn Ihre leuthe auch nicht hier wären, so werde solches durch einen expressen der schon vor dem auf Ihro gut gewesen an dieselben abschicken. Übrigens verharre mit besonderer Hochachtung Ew. Hochwohlgeb[ohrnen]

d[en] 4 Jnl. 1755.

I. D. S[chumacher].

An H[errn] Rath u[nd] Prof[essor] Lomonossow.

Высокородный
высококочтимый господин коллежский советник.

Оба доношения г[осподина] коллежского советника Рычкова из Оренбурга — одно, касающееся русской торговли, в форме сообщения для Ежемесячных Сочинений², и другое, касающееся его исправленного атласа³, могут, по моему мнению, быть отложены до возвращения В[ашего] Высокор[одия]. В особенности поскольку г[осподина] Президента здесь нет, а дело само по себе не спешное. При нынешних обстоятельствах каждый стремится за город на свежий воздух. Ничего особенного сейчас не происходит. Но если что-нибудь подобное случится, а людей Ваших здесь не будет, то к Вам будет послан нарочный, бывавший уже в Вашем имении⁴. В прочем остаюсь В[ашего] Высокор[одия] с особым высокопочитанием

4 июля 1755 г.

И. Д. Ш[умахер].

Г[осподину] советнику и проф[ессору] Ломоносову*.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Источники текста

Отпуск на немецком языке рукой Шумахера: *ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 43. Л. 97.*

Публикации: *Доп. известия, с. 69–70* (отрывок только в русском переводе). *Сочинения 8, с. 191–192* (полный немецкий текст и русский перевод).

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ В отпуске это слово зачеркнуто.

² Первое из упоминаемых доношений П. И. Рычкова в Академию наук датировано 4 мая 1755 г. (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 201. Л. 357*). В нем Рычков предлагает напечатать продолжение «Переписки между двумя приятелями о коммерции», письма I и II из которой уже были напечатаны (без подписи) Г. Ф. Миллером с примечаниями И. И. Тауберта (*Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1755, февраль, с. 111–130; апрель, с. 333–366*). Тауберту же принадлежит и заключительная редакционная заметка после второго письма: «Хотя мы подлинно не знаем сочинителя как сего, так и в прошедшем феврале месяце сообщенного первого письма о коммерции», однако автор их «не оставит продолжать свои рассуждения и о подробных частях Российской коммерции» (*Ежемесячные соч., 1755, апрель, с. 366*). В доношении от 4 мая 1755 г. Рычков раскрывает свое авторство.

Продолжение «Переписки...» Рычков послал сначала, возможно, Ломоносову в мае 1755 г. (см. документ № 84 и примеч. к нему) — полагая, что именно он, а не Миллер является издателем «Ежемесячных сочинений...», и затем непосредственно в Академию наук 28 июня 1755 г. (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 201. Л. 361*). Письмо III напечатано в декабрьской книжке «Ежемесячных сочинений...» за 1755 г. (с. 522–544).

³ Второе из упоминаемых в письме доношений Рычкова датировано 1 июня 1755 г. (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 201. Л. 106–107*). Судя по помете, в Академической канцелярии оно было получено 6 июля, следовательно, Шумахер ознакомился с ним сразу же по поступлении в Академию наук. При доношении Рычков послал другой экземпляр рукописи первой части своей «Топографии Оренбургской...» и сообщил о сочиненных под его наблюдением ландкартах для нее. Вначале Рычков отправил рукопись непосредственно Ломоносову при письме от 2 февраля 1755 г. (см. документ № 79 и примеч. к нему).

Дополнительно см.: *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // *Сборник ОРЯС, 1867, т. 2, приложение № 1, с. 35* (о пись-

ме III), с. 63–64 (описание рукописи «Топографии», в настоящее время хранящейся в архиве *СПбИИ.РАН*), с. 167–169 (список ландкарт).

⁴В репорте Академической канцелярии от 8 мая 1755 г. Ломоносов сообщил об отъезде в Усть-Рудицы: «Получил я от Его Сиятельства Графа Кирил[л]а Григорьевича Разумовского, Академии наук г[осподина] Президента, позволение быть на моих заводах до 1 числа августа сего 1755 года. Того ради Канцелярии Академии наук доношу, ежели что до меня необходимо касаться будет, то приказать от меня оставленным в доме, что мне в сутки сообщено будет, или прислать нарочного...» (*ПСС* 9, с. 103).

В Петербург Ломоносов вернулся до 31 июля, так как известно, что в этот день он уже «присутствовал в Академическом собрании, где показал свою еще не завершенную рукопись “Российской грамматики” и попросил выделить ему для переписки этой рукописи копииста» (*Летопись*, с. 249).

84.

П. И. Рычков — Ломоносову
26 августа 1755 г. Оренбург

Милостивый Г[осу]д[а]рь мой
Михаил Васильевич.

Сей день Ваше[го] Высокоблагородия приятнейшее писание от 15 числа сего [месяца?] я получил¹. Как скоро и строго сей курир от нас ни отправился, однако я не мог преминуть, чтоб за оное и за все Ваши продолжаемые ко мне милости должнейшаго благодарения принесть с покорным прошением, чтоб милость Ваша ко мне неотменна была.

Два пис[ь]ма о коммерции я не для того сочинил, чтоб им напечатанным быть, и еще прежде [1]750 году, как я прежде доносил. Не знаю поныне, как они в Академию попали. Но видя, что они за благо приняты, написал третие, как пред сим имел честь к Вам, как к милостивцу моему, сообщить. Ежели оно недостаточно, может оставлено быть. Но я и в иностранных, читая о сей материи, находил несовершенства.

Вес[ь]ма я рад буду, ежели найдусь когда-нибудь в состоянии по Вашему, Милостивого Государя моего, желанию какими-нибудь натуралиями услужить, и не премину то со временем ис-

полнить, чтоб засвидетельствовать Вам искренность и благодар-
ность мою, с которою всегда есмь и буду

Вашего Высокоблагородия
Милостиваго Государя моего
всепокорной слуга
Петр Рычков.

Из Оренбурга августа 26 числа
1755.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 1. Л. 191–192.

Описание: Модзалевский, с. 273.

Публикации: Билярский, с. 299 (неточно). Сочинения 8, с. 192–193.

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ Письмо от 15 августа 1755 г. — вероятный ответ Ломоносова Рычкову на его письмо от мая 1755 г. (см. примеч 2 к документу № 83). Сейчас этот ответ неизвестен, но о его содержании дает представление письмо Рычкова к Г. Ф. Миллеру от 17 мая 1760 г. «Когда я увидел, что две первые мои пиесы о коммерции, не знаю отколь и чрез кого в Академию вошли и напечатаны, тогда писал я к нему, уповая, что месячные издания ему ведомы. Он отозвался ко мне, оказывая свое неудовольствие об этих книжках и что оные мои пиесы подлежат некоторой критике (хотя я их, да и все мои сочинения, делал не ради того, чтоб в печати им быть, но для рассмотрения от искуснейших); советовал мне трудиться и его уведомлять о принадлежащем к истории натуральной. С этого времени прекратил я мою с ним переписку. Я приметил, что он месячные издания порочил напрасно, а от меня требовал того, что мне по незнанию моему исполнить было трудно. Не сие ль приводит его в движение, когда мое имя упоминается, но может быть я и ошибаюсь?» (*Доп. известия*, с. 71; ср.: Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // *Сборник ОРЯС*, 1867, т. 2, приложение № 1, с. 35–36; также: *Пекарский II*, с. 584).

2 апреля 1756 г. Петербург

Высокородный господин статской советник,
Милостивой Государь мой.

Подателя сего письма, человека моего Игната Петрова, которой обучался выдувать термометры, а больше имеет склонность к живописному искусству, позволить допускать в Рисовальную палату прошу всепокорнейше, дабы он некоторые свои успехи мог между другими учениками под тамошним смотрением произвести далее¹. В надежде милостиваго Вашего соизволения, принял я смелость его к Вашему Высокородию прислать, непременно с должным почтением пребывая

Вашего Высокородия
всепокорный слуга
Михайло Ломоносов.

Апреля 2 дня
1756 года.

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 209. Л. 10.* Вверху листа канцелярская помета: «N 595. Получено 2 апреля 1756».

Упоминание: *Биллярский*, с. 285, 306. Описание: *Модзалевский*, с. 93.

Публикации: *Пекарский II*, с. 591–592 (без подписи). *Сочинения 8*, с. 193. *ПСС 10*, с. 522–523.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹14 февраля 1755 г. Ломоносов направил доношение в Академическую канцелярию: «...Желаю я человека моего Игната Петрова обучать при Академии барометренному и термометренному художеству, которое потребно для дела разных касающихся до того художества на моей бисерной фабрике вещей.

Того ради Канцелярия Академии наук да благоволит указать объявленного человека моего Игната Петрова подмастерью Ивану Беляеву тому художеству обучать на моем коште» (*ПСС 9*, с. 100).

Петров происходил из крестьян, пожалованных Ломоносову в связи с заведением фабрики цветного стекла. По распоряжению Академической канцелярии (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 524. Л. 95* и *№ 196. Л. 287*) он обучался

в Инструментальной палате у И. И. Беляева, по-видимому, несколько месяцев. Во всяком случае, в репорте, поданном 5 октября 1755 г. в контору Мануфактур-коллегии о работе своей фабрики Ломоносов отметил: «Игнат Петров, выучился рисовать и учится мусийскому делу; также и делает цветки из финифти» (*ПСС 9*, с. 107).

Исполняя еще одну просьбу Ломоносова, Академическая канцелярия в тот же день, 2 апреля 1756 г., определила Петрова в Рисовальную палату к мастеру И. Г. Гриммелю для обучения «рисовальному художеству», разумеется, снова на кошт Ломоносова (*ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 209. Л. 11*).

Затем мастерской человек Игнат Петров, находящийся «у разных стеклянных работ», упоминается Ломоносовым не позднее 27 августа 1757 г. в дополнительной ведомости о работе Усть-Рудицкой фабрики (*ПСС 9*, с. 115).

В 1762–1763 гг., когда Ломоносов, в продолжение «Рассуждения о большей точности морского пути», работал над усовершенствованием своих оптических инструментов и пытался отлить для них оптические зеркала, Петров делал: «1. Оправки глазных стекол. 2. К ним апертуры. 3. Печи и горшки»; а также: «Игнат. 1. Лить новое зеркало. 2. Оправки к оглазным стеклам» (*ПСС 4*, с. 426 и 431).

Как мозаичист, Петров в 1763–1764 гг. участвовал в наборе «Полтавской баталии», причем, по отзыву мастера Матвея Васильева, исправлял «мозаичный набор лучше», чем другие младшие мозаичисты (*Макаренко Н. Е. Мозаичные работы Ломоносова // Каталог*, т. 8, с. 175).

После смерти Ломоносова Петров набирал его мозаичное изображение с портрета работы К. Г. фон Преннера, спустя несколько лет — мозаичный портрет великого князя Павла Петровича с оригинала В. Эриксона, причем Я. Штелин в записках «О мозаике» (1769) сообщает, что портрет великого князя был выполнен «довольно хорошо и похоже» (*Штелин*, с. 127). В настоящее время местонахождение этих двух мозаик, к сожалению, неизвестно.

После окончательного закрытия Усть-Рудицкой фабрики в 1768 г. наследниками Ломоносова Петров был отослан обратно в свою деревню: «Затем, когда у него [А. А. Константинова] больше не было ни стеклянной фабрики, ни запаса мозаичных стеклянных палочек, и он не мог больше занять этим искусством двух своих мозаичных наборщиков [Игнаста Петрова и Андрея Никитина], он опять послал их в деревню, где они теперь пашут землю» (*Штелин*, с. 127; ср. *Макаров*, с. 173 и 183).

10 мая 1756 г. Петербург

Высокородной господин статской советник,
Милостивой Государь мой.

Вашему Высокородию известно, что я неоднократно Вам словесно жаловался на неприличные поступки лаборатора Бетигера, которыя не токмо тем, что жили с ним в той же половине, в академическом Боновском доме¹, были несносны и производились жалобы, но и мне самому тягостны и досадны. Однако все сие пропускал я для того, что он свою лабораторскую должность отправлял по моему указанию, как должно, и надеясь его исправления, сносил я оскорбления. Но противу моего чаяния, почувствовал я от его домашних большия грубости. Для множества почти дневно и ночью часто приходящих на его квартиру гостей, разных званий и наций, беспокойство так умножилось, что уже и ворота среди дня пьяные гости его ломают, а ночью часто стоят полы для приежающих к нему колясок и одноколок². Сверх сего от служанок его чинятся фамилии моей напрасныя и наглыя обиды, так что недавно девка его бесчестными словами дочь мою с крыльца сослала; и как жена моя вышла и спросила, зачем оная девка так поступает, то она, поворотясь задом и опершись о перила, давала грубые ответы. И как уже неоднократно прежде было, что оной Бетигер за обиды, моим домашним учиненныя, людей своих не наказывал, а суда на них просить смешно и стыдно; для того велел я ту девчонку посечь лозами, чтобы впредь фамилия моя от его служанок была спокойна. Помянутый Бетигер вместо того, чтобы мне поблагодарить за научение, забыв стыд и за мое к нему снисходительство, благодарность дерзнул утруждать на меня жалобою Его Сиятельство господина Президента, будучи сам виноват передо мною. И ныне, бегая по разным домам, обносит меня ложными жалобами, и, по двору ходя, грозит мне через моих домашних, а от лаборатории отстал. Для сего Ваше Высокородие всепокорно прошу, чтоб ради моего и следующего Профессора спокойства онаго лаборатора Бетигера от академической службы отставить; а вместо его принять холостово одинокаго человека, у котораго бы не могли быть бесчестныя и подозрительныя в доме поступки. На место его рекомендую студента

Василья Клементьева, которой сию должность отправлять и себе большое искус[с]тво в химии снискать может³. В надежде сего с должным почитанием пребываю Вашего Высокородия

всепокорный слуга
Михайло Ломоносов.

Мая 10 дня
1756 года.

Источники текста

Автограф: ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 210. Л. 258–259.

Описание: Модзалевский, с. 93.

Публикации: Пекарский II, с. 592–593 (без обращения и заключительных слов). Сочинения 8, с. 194–195. ПСС 10, с. 523–524.

Печатается по: Сочинения 8.

Примечания

¹ См. примеч. 8 к документу № 49.

² Ср. поведение самого Ломоносова в первые годы после возвращения из Германии — объявление в Полицмейстерскую канцелярию академического садовника И. Ф. Штурма: «Сего сентября 26 дня [1742 году] в 7-м часу по полудни Академии наук к садовнику Иоган[н]у Штурму пришед Академии наук адъюнкт М[ихайл]а Ломоносов, незнаемо с какого умыслу в сени, и был у служанки моей. Потом пришед ко мне в горницу и говорил, какие нечестивые гости у меня сидят, что епанчу ево украли; на что ему ответствовал бывшей у меня в гостях Ингерманландского пехотного полку лекарь Брашке, что ему, Ломоносову, непотребных речей не надлежит говорить при честных людях; за что он его в голову ударил и, схватя болван, на чем парики вешают, и почал всех бить и слуге своему приказывал бить всех до смерти; и выскочив я из окна и почал караул звать; и пришед я назад, застал гостей своих на улице битых, и жену свою прибитую, которая беременна и ходит на сносех, выскочила от бою ево, Ломоносова, также из окошка и лежит больна. А тесть мой, Камор канторы Лифляндских и Эстляндских дел переводчик Иван Грове, ранен в руку и бит до полусмерти. Также бывший у меня в гостях Академии бухгалтер Прейсер, которой також лежит от бою ево при смерти в доме своем. И розбив зеркало и двери шпагою рубил, жену мою называл к...ою и похвалялся бить всех до смерти. И приходил уже оной в другой раз ко мне и находил на меня напрас-

но; при чем были свидетели Инг[ерманландского] пех[отного] полку лекарь Брашке, Камор канторы Л[ифляндских] и Э[стляндских дел] ундер-камерист Франц Мейер, Юстиц коллегии регистратор Люрсениус, Штатс канторы переводчик Егор Шмит, Академии н[аук] копиист Албом. Того ради прошу оной бой освидетельствовать и учинить по указам добытки заплатить» (*Биллярский*, с. 9–10).

³ Ф. Беттингер, аптекарский ученик, с 1735 г. служивший в Московской Главной аптеке, а с 1742 г. — в Петербургской Адмиралтейской аптеке, явился в Академию наук по газетному объявлению о требующемся ей лаборанте взамен отъезжающего на родину И. Манеке (*СПб. ведомости*, 1751, № 36, 3 мая, с. 286).

3 июня 1751 г. Ломоносов подал в Академическую канцелярию репорт: «Прислан ко мне сего июня 1 числа аптекарский гезель* Франц Битигер для освидетельствования, способен ли явит[ь]ся в Химической лаборатории лаборатором, который мною освидетельствован и по свидетельству явился способным быть» (*ПСС* 9, с. 52).

Беттингер, по-видимому, устраивал Ломоносова, проработавшего с ним в течение шести лет над изготовлением цветных стекол, пробами руд и проч. Рукой Беттингера переписаны репорты Ломоносова в Академическую канцелярию, касающиеся преимущественно требования для лаборатории разных материалов и т. п. (см.: *Модзалевский*, с. 340–341; *Меншиуткин II*, с. 350–352).

22 марта 1756 г. Ломоносов выдал Беттингеру аттестат: «Я, нижепоименованный, сим засвидетельствую, что лаборатор Франц Беттингер при академической Химической лаборатории с начала своего вступления в академическую службу и поныне отправляет свою должность верно и прилежно, и сверх химических операций ведет метеорологический журнал третий год. Для чего, по моему мнению, достоин быть награжден прибавкою жалованья» (*Пекарский II*, с. 594).

Непреодолимым оказалось житейское столкновение двух соседей по Боновому дому. Упомянутая в настоящем письме жалоба Беттингера на Ломоносова, поданная К. Г. Разумовскому, неизвестна, однако ссору удалось разрешить относительно мирным путем. 20 мая Беттингер подал прошение об отставке «по собственному желанию». 30 июля 1756 г. он был уволен постановлением Академической канцелярии (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 210. Л. 244*).

Ответное письмо Шумахера датировано 17 июля 1756 г. (см. документ № 87).

---

* Гезель (*нем.* Geselle) — ученик, подмастерье; но в другом значении это слово означает также «ветреный малый».

И. Д. ШУМАХЕР — ЛОМОНОСОВУ
17 июля 1756 г. Петербург

Высокоблагородный г[осподин]
коллежской советник и профессор,
Государь мой.

Мая от 10 числа сего 1756 году письмом от Вашего Высокоблагородия присланным ко мне рекомендован лаборатор на место бывшего Битигера студент Василей Клементьев; а понеже то письмо яко партикулярное и по канцелярскому поведению в действо произвести не можно, того ради соизволите Ваше Высокоблагородие оному Клементьеву о поступках ево и о искус[с]тве в лабораторстве так же и какого жалованья в год достоин дать аттестат, по которому надлежащее определение в Канцелярии учинено будет¹. В прочем пребывая остаюсь

Вашего Высокоблагородия
готовый слуга
И. Д. Шумахер.

Июля 17 д[ня]
1756.

Источники текста

Канцелярский отпуск: *ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 210. Л. 260*. Перед подписью Шумахера помета: «Подписано».

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 195–196.

Примечания

¹ Сын дьячка, В. И. Клементьев обучался в Славяно-греко-латинской академии. В 1748 г. его перевели, было, в Академический университет, но из-за плохого знания латинского языка определили сначала в Академическую гимназию.

15 февраля 1750 г. вместе с М. Софроновым и И. Н. Федоровским Клементьев подал прошение о желании обучаться химии (*ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 137. Л. 733*). После экзаменов Академическая канцелярия в 1751 г. постановила: «Василия Клементьева поручить советнику г[осподину] профессору Ломоносову и ему в Университете слушать такие лекции, какие предпишет г[осподин] советник» (*Там же. № 153. Л. 33*).

В репорте Канцелярии от 5 февраля 1753 г. об успехах своих студентов Ломоносов отметил: «Василей Клементьев всех прилежнее и, как по обстоятельствам примечаю, изрядно понимает и помнит, однако на вопросы отвечать весьма застенчив, так что иногда сказать не может того, что ему, конечно, весьма памятно быть должно» (*ЛСС 9*, с. 443–443).

Под руководством Ломоносова Клементьев выполнил всю опытную часть своей диссертации «Об увеличении веса, приобретаемого некоторыми металлами после охлаждения», одобренную Академическим собранием 10 октября 1754 г. (опубликована в русском переводе: *Меншуткин II*, с. 439–448).

В репорте Академической канцелярии от 8 мая 1755 г. о своем очередном отъезде в Усть-Рудицы Ломоносов указал: «А в Химической лаборатории назначены лаборатору Бетхеру [!] и студенту Клементьеву опыты, которые они в моем отсутствии делать и записывать могут, имея к тому уже предводительство». В мае 1756 г. Ломоносов рекомендовал его на место увольняемого Ф. Беттингера (см. документ № 86 и примеч. к нему).

14 мая 1756 г. Клементьев подал соответствующее прошение, и в этот же день в журнале Академической канцелярии было записано: «По челобитью студента Василья Клементьева, коим объявил, имеет де он охоту упражняться в химии, в которой де он уже выслушал химический курс у колл[ежского] сов[етника] г[оспо]д[ина] Ломоносова и имеет не малые успехи, о чем де засвидетельствует поданная от него в Собрание химическая диссертация, и хотя де надлежало ему упражняться далее в практике, однако он не имеет к тому довольных способов, а чтоб ему в практической химии бо́льшую получить с успехом пользу, то он не находит лучшего способа, как быть при академической Химической лаборатории лаборатором, и просит, чтоб ево в ту должность определить. Приказали: одного студента Клементьева, какие он в химии успехи имеет, и лаборатором быть хотя несколько может ли, освидетельствовать доктору и профессору химии Салхову, чего ради к нему, Салхову, взяв из собрания, отослать поданную от него, Клементьева, диссертацию, а по свидетельству ему, Салхову, подать в Канцелярию репорт» (*Биллярский*, с. 307–308).

У.Х. Сальхов, только что прибывший в Петербургскую Академию наук на должность профессора химии взамен Ломоносова (см. примеч. 7 к документу № 158), уклонился от возложенного на него поручения, указав в своем репорте от 31 мая 1756 г., что ему «не можно у г[осподина] советника яко у старшего профессора химии отнять первенство» (*ЛФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 210. Л. 253–254*).

Полтора месяца понадобилось Ломоносову, видимо, для того, чтобы окончательно присмотреться к своему ученику, о чем может свидетельствовать ре-

порт Ломоносова от 19 июля 1756 г., написанный в ответ на данное письмо Шумахера: «Студент Василей Клементьев по отбытии лаборатора Бетхера [!] от академической Химической лаборатории упражнялся в оной в химических операциях и приводит материалы в порядок, а к лучшему своему ободрению в химических практических трудах ожидает он милостивого решения на всенижайшее свое прошение в химические лаборатории.

Того ради Канцелярию Академии наук покорнейше прошу, да соблаговолит оного Клементьева определить при Химической академической лаборатории лаборатором и жалованье определить до ста пятидесяти рублей в год, начиная оное со вступления его в лабораторию после Бетхера, ибо оный Клементьев слушал у меня весь курс физической химии, подал в Конференцию химическую диссертацию, которая похвалы достойна, и практику химическую довольно для лабораторского дела знает, которая ему для дальнейшего знания в химии служить будет» (*ПСС* 9, с. 60).

30 июля 1756 г. Клементьев был назначен лаборатором с просимым Ломоносовым жалованьем (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 210. Л. 262*). Однако чем именно он занимался в Химической лаборатории — в точности неизвестно. По имеющимся документам можно указать лишь упоминание об изыскании способа делания «верховых зеленых звездок» для фейерверков в репорте Ломоносова К. Г. Разумовскому 1756 г. (*ПСС*, с. 393).

22 января 1759 г. Клементьев умер «от пьянства, не оправдав возлагавшихся на него Ломоносовым надежд» (*Сочинения* 8, с. 141 второй пагин.). Впоследствии интерпретаторы от истории науки попытались смягчить эту жестокую правду: «Есть основание предполагать, что причиной преждевременной смерти Клементьева было отравление химическими препаратами» (*Кулябко*, с. 88); «Умер на 27-м году жизни, возможно, отравившись химическими препаратами» (*КЭС*, с. 71).

Дополнительно см.: *Раскин Н. М.* Василий Иванович Клементьев — ученик и лаборант М. В. Ломоносова. М.; Л., 1952.

88.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

2 сентября 1757 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович.

Полученное от Вашего Превосходительства милостивое пис[ь]-мо¹ с радостью прочитал и уведал я непременно Ваше старание

о прославлении бессмертных дел блаженных памяти Государя Императора Петра Великого на иностранных языках. К сему делу, по правде, господина Вол[ь]тера никто не может быть способнее; только о двух обстоятельствах несколько подумать должно. Первое, что он человек опасной, и подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера². Второе, хотя довольно может он получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знаемой, великаго труда и времени требует. Что до сего надлежит, то принимаю смелость предложить следующее. Во-первых, должен он себе сделать краткой план, которой может сочинен быть из сокращенного описания дел Государевых, которое я имею³, к чему он и сочиненной мною панегирик не без пользы употребить может, ежели на французской язык переведен будет. Профессор Штрубе перевел уже великую его часть; однако я не мог упротить, чтобы он привел к окончанию, а приказать власти не имею⁴. По сочинении плана и по его сюда сообщении, думаю, что лутче к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не все вдруг. И как станет он сочинять начало, между тем протчей перевод поспевать может, и так сочинение скорее начаться и к окончанию приходить имеет. Ускорение сего дела для престарелых лет Вол[ь]теровых⁵ весьма надобно.

У меня сколько есть записок о трудах великаго нашего Монарха, все для сего предприятия готовы. О состоянии России во время царствования Государя Царя Михайла Федоровича должно сделать краткой экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени. Анекдоты при начале сего сочинения не так нужны; при том же нет уже никого, кто бы детския лета Государевы помнил; однако и о том постараюсь, чтобы хотя от других слышанное слышать⁶. При сем имею честь прислать к Вашему Превосходительству первой лист моей речи, которую буду говорить в 6 число сего месяца в Академическом публичном собрании⁷. А как обыкновенно такие речи подаваны были прежде в 5 число⁸ Ея Императорскому Величеству Всемилостивейшей Государыне, того ради Ваше Превосходительство всепокорнейше прошу, чтоб я мог удостоиться быть на сие торжество в Сарском Селе, как для подания речи, так же чтобы Ваше Превосходительство поздравить с пресветлым праздником и с возвращением дражайшаго Вашего здравия, о котораго

слабости безмерно я соболезнавал. Ожидая милостиваго соблаговоления, с глубоким высокопочитанием пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Сентября 2 дня,
1757 года.

Источники текста

Автограф: *ОР РНБ. Собрание П. К. Сухтелена. Картон 73.* Полное факсимиле: *Полевой П. Н. История русской словесности, т. 1.* СПб., 1903, между с. 552 и 553.

Описание: *Андреев, с. 396.*

Публикации: *Собственноручное письмо Ломоносова к И. И. Шувалову 1757 г.* / Сообщ. А. Бычковым // *Записки ИАН, 1866, т. 10, кн. 2, с. 186–187. Сб. статей, читанных в ОРЯС, 1867, т. 1, с. LXI–LXII; ср.: ЛII. Сочинения 8, с. 196–197. ПСС. 10, с. 524–526.*

Печатается по факсимиле.

Примечания

¹ Это письмо И. И. Шувалова к Ломоносову, написанное, очевидно, в августе 1757 г., сейчас неизвестно. Над книгой из истории Петра I Вольтер работал с начала 1757 г. Поручение исходило от И. И. Шувалова, исполнявшего волю императрицы Елизаветы Петровны. Через Шувалова же Вольтеру доставлялись и требовавшиеся ему исторические материалы.

В августе 1757 г. Вольтер отправил Шувалову восемь глав «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» («Истории Российской Империи при Петре Великом»). Шувалов переслал рукопись Ломоносову, который, как следует из данного его ответа Шувалову, только тогда и узнал об этой работе Вольтера.

² См. письмо № 42 и примеч. к нему.

³ В настоящее время эта рукопись неизвестна.

⁴ «Слово похвальное блаженных и вечнодостояния памяти Государю Императору Петру Великому...», которое Ломоносов произнес на публичном акте Петербургской Академии наук 26 апреля 1755 г. (см. примеч. 6 к документу № 43).

На французский язык панегирик был переведен только в 1759 г. бароном Т. Г. Чуди. Определение Академической канцелярии о его печатании датировано 12 мая 1759 г. (*Летопись, с. 311*).

Издание: *Panegyrique de Pierre le Grand* prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences, le 26. avril 1755. Par Mr. Lomonosow. Conseiller et professeur de cette Academie; et traduit sur l'Original Russien par Mr. le Baron de Tschoudy St. Pb., [1759].

Известен экземпляр с автографом Ломоносова, где на титульном листе после слов: et traduit sur l'Original Russien он приписал: «Mais traduit fort mal et contre les protestation de l'Auteur», то есть: «Но переведено очень плохо и вопреки возражениям автора». В настоящее время экземпляр находится в БАН (*Модзалевский*, с. 267; *СК ин.*, т. 2, с. 173).

Вольтеру издание было отправлено в июле 1759 г. Известно также, что осенью 1761 г. Ломоносов намеревался послать панегирик в переводе Чуди ряду иностранных ученых вместе с несколькими другими своими сочинениями (*ПСС 10*, с. 243–244, 679–680).

⁵ В 1757 г. Вольтеру было 63 года. Он умер в 1778 г., пережив Ломоносова на 13 лет.

⁶ О материалах, которые готовились при участии Ломоносова для Вольтера, далее см. документы № 90, 100, 110 и примеч. к ним.

⁷ Подразумевается «Oratio de generatione metallorum a terrae motu» («Слово о рождении металлов от трясения земли»), которое Ломоносов произнес в публичном собрании Академии наук 6 сентября 1757 г. Тогда же было выпущено и ее отдельное издание (*ПСС 5*, с. 296–347, 673–685; *СК 3*, с. 175).

⁸ 5 сентября — день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны.

89. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
27 сентября 1757 г. Петербург

Милостивый Г[осу]д[а]рь Иван Иванович.

По приказанию Вашего Превосходительства прилагаю при сем росписание разных цен мусии по разным сортам. Портреты обыкновенной величины состояются из третьяго и четвертаго сорта, которыхя пополам считая придет каждой квадратной фут от 50 до 60 рублей, или, короче сказать, сколько в нем кусков, столько копеек, выключая материю и излишние лики. Для скорого исполнения намерения Вашего Превосходительства желал бы я знать меру величины желаемого портрета¹, дабы заблаговременно отковать медную доску и наложить грунд мастичной. Что ж до портрета надлежит, с котораго делать, то я думаю, чтобы наперво

хотя один лик скопировать с самого лутчаго приказать Федору².
 Ожидая милостиваго Вашего соизволения, с глубоким высокопочтением пребываю

Вашего Превосходительства
 всепокорнейший и нижайший слуга
 Михайло Ломоносов

Сентября 27 дня
 1757 года.

Выкладка, почему становится квадратной фут мусии
 по разным сортам

Материалы.		р.	к.
Материи мозаичной надобно на квадратной фут, глубиною в дюйм, весом обще считая один пуд, ценою все цветы так же положив оптом		3.	
Сковорода медная три или четыре фунта		1.	
Мастика			50.
	всего	4.	50.
Работа.		р.	к.
За вытягивание, разрезывание, приточку, заставку, шлифование, полирование и прикраску по сортам за каждой кусок копейка.			
1 сорт в квадратном футе 144 куска		1.	44.
Материалы		4.	50.
	всего	5.	94.
2 сорт в квадратном футе 576 кусков		5.	76.
Материалы		4.	50.
	всего	10.	26.
3 сорт в квадратном футе 2304 куска		23.	4.
Материалы		4.	50.
	всего	27.	54.
4 сорт в квадратном футе 9216 к[усков]		92.	16.
Материалы		4.	50.
	всего	96.	66.
5 сорт в квадрат[атном] футе 36864 куска		368.	64.
Материалы		4.	50.
	всего	373.	14.

Ко всему сему прибавки по пяти рублей на каждый лик, где истории или группы³.

Источники текста

Автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 56. Л. 4*. Выкладка: *Там же. № 55. Л. 26*.
Описание: *Модзалевский*, с. 45 и 94.

Публикации письма: *Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: Материалы для истории русского образования // Грот, с. 25–26*, откуда перешло в: *Труды Я. К. Грота*, т. 3. СПб., 1901, с. 52. *Биллярский*, с. 350. *Сочинения 8*, с. 198. *ПСС 10*, с. 526.

Публикации выкладки: *Пекарский II*, с. 954. *Мозаичные работы Ломоносова*. Описал Николай Макаренко // *Каталог, т. 8*, с. 144. *Сочинения 8*, с. 145 второй пагин. *ПСС 9*, с. 116–117.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Мозаичный портрет императрицы Елизаветы Петровны исполнялся по заказу И. И. Шувалова для Московского университета. Набор его начали в 1758 г. и окончили, по-видимому, в 1762 г. Портрет в Москву не отправлялся, возможно, в связи с уже предполагавшимся отъездом И. И. Шувалова за границу на длительный срок. Мозаика была сдана в Академию трех знатнейших художеств. В 1851 г. она была передана в Новый Эрмитаж; с 1913 г. находится в Русском музее.

² Автором картона, с которого производился набор, скорее всего был Ф. С. Рокотов — тем более что с живописного портрета его работы набирался в ломоносовской мастерской в 1758 г. и мозаичный портрет самого И. И. Шувалова.

Сопоставление имеющихся живописных портретов Елизаветы Петровны и получившейся у Ломоносова мозаики показывает, что «самым лучшим» изображением лица императрицы был признан поясной портрет кисти В. Эриксона, но общая композиция взята с парадного портрета работы Л. Токке 1758 г. (*Нехрасова*, с. 58–62).

³ И. И. Шувалов выдал Ломоносову задаток в 500 руб. Далее см. документ № 107 и примеч. к нему.

10 октября 1757 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Сокращенное описание самозванцов и стрелецких бунтов² еще переписав, имею честь подать чрез сие письмо Вашему Превосходительству. Сами можете отметить, что Вам не разсудится за благо перевести на французской язык. Сокращение о житии Государей Царей Михаила, Алексея и Феодора стараюсь привести к окончанию подобным образом³. Всепокорнейше прошу не причесть мне в предосуждение, что о своих свидетельствах и трудах при сем прилагаю⁴. Не ради своего самохвальства то сделать осмелился; но чтобы себя оборонить от моих презрителей и поносителей *с верху Парнасских гор долой*⁵. Домашняя моя забота в разсуждении строения фабрики и прочаго приходит к окончанию⁶, и я уповаю доказать великими доводами в самом деле, что оныя слова самая пустошь. В ожидании обещанного портрета⁷, хотя и в нетерпеливости, однако как всегда с глубоким высокопочитанием пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнейший и нижайший слуга
Михайло Ломоносов.

Октября 10 дня
1757 года⁸.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова*, ч. I, с. 342, откуда перешло в: *Собрание разных сочинений*, ч. II, с. 274–275; *Изд. Перевлесского*, с. 142–143; *Изд. Смирдина*, т. I, с. 682. *Биллярский*, с. 354. *Сочинения* 8, с. 199. *ПСС* 10, с. 527.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Письмо продолжает тему подготовки исторических материалов, необходимых Вольтеру для написания «Истории Российской Империи при Петре Великом» (см. документ № 88 и примеч. к нему).

² «[Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи]», на французском языке и в русском переводе, см.: *ПСС* 6, с. 98–161, примеч. с. 568–572.

³ Такая рукопись Ломоносова сейчас неизвестна.

⁴ Ломоносов составил это приложение, очевидно, в видах на собственное вице-президентство в Академии наук, однако при первой публикации письма оно не напечатано. Судя по названию, это был подбор выписок из сочинений и писем разных знаменитостей с похвальными отзывами о его трудах — подобно приложению, посланному Ломоносовым при письме к графу М. А. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139).

⁵ Эти слова в автографе, очевидно, подчеркнуты, а в первой публикации — выделены курсивом. Следовательно, они являются цитатой из какого-то произведения, скорее всего сатирических стихов, направленных против Ломоносова. Осенью 1757 г. таких стихов появилось немало в связи с оглаской «Гимна бороде», автором которого считается Ломоносов, хотя документальных доказательств этого, исходящих непосредственного от него, до сих пор не отыскано (подробнее см. документ № 53 и примеч. к нему в издании: *М. В. Ломоносов глазами современников* / Сост., подг. текста и примеч. Г. Г. Мартынова; Под ред. Б. А. Градовой. М.: Ломоносовъ, 2011, с. 161–163, 393–395).

⁶ Обращает внимание, что в первой публикации данного письма (1784 г.) между словами «строения фабрики» нет запятой, но в автографе она, возможно, была, по следующему соображению: поскольку обрудование Усть-Рудицкой фабрики закончилось еще весной 1754 г. (см. примеч. 7 к документу № 67 и примеч. 2 к документу № 71), здесь речь может идти о завершении строительства городской усадьбы Ломоносова на Мойке, куда он переехал из Бонова дома 9 сентября 1757 г. В таком случае в автографе начало фразы могло выглядеть следующим образом: «Домашняя мои заботы в разсуждении строения, фабрики и прочаго...»

⁷ А. Б. Модзалевский предположил, что здесь подразумевается собственный портрет Ломоносова, который по заказу И. И. Шувалова в это время гравировал Э. Фессар. Портрет предназначался для приложения к первому тому второго издания «Собрания разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова», в 1757 г. печатавшегося «при Московском университете» (*Сочинения* 8, с. 150–151 второй пагин.). Косвенным образом это подтверждается письмом Ломоносова к И. И. Шувалову от 23 ноября 1757 г. (см. документ № 95).

Тем не менее в 1957 г. комментаторы *ПСС* указали: «О каком обещанном портрете идет речь в последних строках письма, не выяснено» (*ПСС* 10, с. 841).

За неимением дополнительных данных остается добавить, что Ломоносов таким же образом мог ожидать от И. И. Шувалова и его живописный портрет работы Ф. С. Рокотова для перевода в мозаику (см. примеч. 2 к документу № 89).

⁸ Далее см. документ № 100.

27 октября 1757 г. Петербург

Wohlgebohrener Herr Hofrath,
Hochzuehrender Freund.

Ob ich s[ch]on vollkommen versichert bin, dass Ew. Wohlgebohrn von meiner Mosaischen Arbeit die beste und der Wahrheit gemäste Meinnung hegen; so habe doch für nöthig gefunden, Ew. Wohlgebohr. einiger Umstände zu erinnern, nähmlich: [1]) Dass diese Kunst, welche zu allen Zeiten in einer besonderen Hochachtung gestanden, allhier durch meine Bemühung in kurtzer Zeit in einem so[1]chen Stand gesetzt worden, zu welchem zu gelangen hat man in Rom einige Jahrhunderte und viele Unkosten angewendet; ohngeachtet, dass all dort so viele Meister in der Malerey und in der Glaskunst allemahl zu finden sind. 2) Dass die Materialien alle von derselbigen Festigkeit und Güthe als die Römische sind, und ihre Farben sind weder von Luft, noch Sonne, oder durch die Länge der Zeit veränderlich, weil sie im starken Feuer verfertiget werden. 3) Da nun diese Kunst hier so weit gebracht ist, so ist es sicher, dass sie durch mehrere Übung insonderheit im grossen zu der grös[s]ten Vollkommenheit, die man wünschen kan[n], gelangen wird. Diese Erinneru[n]g weil wahr und nicht nur mir, sonder[n] auch den schönen Kunsten überhaupt heilsam ist; so zweiffle ich im geringsten nicht, dass Ew. Wohlgebohr. dieselbe bey dem Raport in die Canceley in Betrachtung ziehen werden. Ich verharre mit aller Hochachtung

Ew. Wohlgebohr.
gehorsamster Diener
M. Lomonosow.

d. 27 Oct.
1757.

[Адрес:] A Monsieur Monsieur de Staelin Conseiller de la Cour et Directeur de l'Académie des Arts. Chez lui.

Высокоблагородный господин надворный советник,
высокочтимый друг.

Хотя я уже вполне уверен, что В[аше] Высокородие имеет о моей мозаичной работе самое лучшее и соответствующее действительности мнение, все же нахожу необходимым напомнить В[ашему] Высокоблагород[ию] некоторые обстоятельства, а именно: [1]) Что это искусство, которое во все времена пользовалось особым почетом, здесь моими стараниями в короткое время доведено до такого состояния, для достижения которого в Риме потребовалось несколько столетий и большие затраты¹; несмотря на то, что там всегда можно было найти так много мастеров живописи и по стеклу. 2) Что все материалы имеют такие же прочность и качество, как и римские, а краски их не изменяются ни от воздуха, ни от солнца, ни вследствие истечения времени, так как они изготавливаются на сильном огне. 3) Поскольку же это искусство здесь доведено до такой высоты, то несомненно, что при большом опыте, в особенности в большом объеме, оно достигнет такого высокого совершенства, какого только можно желать. Настоящее напоминание, будучи истиной, полезно не только мне, но и изящным искусствам вообще, поэтому я несколько не сомневаюсь, что В[аше] Высокоблагород[ие] примет его во внимание при репорте Канцелярии². Остаюсь с полным почтением

В[ашего] Высокоблагород[ия]
покорнейший слуга
М. Ломоносов.

27 окт[ября]
1757.

[Адрес:] Господину Штелину, надворному советнику и директору Академии Художеств. В собственном доме*.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РГБ. Собрание А. С. Норова. Авт. 3, 54.* Письмо запечатано печатью Ломоносова на красном сургуче, с изображением переплетающихся монограмм «МЛ» и «МЛ» под дворянской короною.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Описание: *Отчет Московского Публичного и Румянцовского Музеев за 1870–1872 гг.* М., 1873, с. 58.

Публикации: *Летописи*, 1859, т. 1, кн. 2, отд. III, с. 193–194 (немецкий текст, без адреса). *Билярский*, с. 352 (немецкий текст по копии Я. К. Грота, без адреса). *Сочинения* 8, с. 200–201 (немецкий текст и русский перевод). *ПСС 10*, с. 527–529.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Имеются в виду Ватиканские мозаичные мастерские. Искусство работавших в них художников достигло наивысшего расцвета к середине XVIII в. — после того, как Л. Маттиоли был открыт пурпурный колер в мозаике, давший возможность точнее воспроизводить живопись, прежде всего в портретах. Под влиянием таких образцов, вывезенных М. А. Воронцовым из Италии, Ломоносов и стал заниматься мозаикой (см. документ № 36 и примеч. к нему).

² Основывая фабрику цветного стекла, Ломоносов определенно не учел, что процесс получения готовых изделий окажется чересчур трудоемким, а следовательно, и невероятно дорогим (суммарные денежные выкладки см. в документах № 89 и 107). Поэтому частных заказов, насколько известно, у Ломоносова не было, а собственная продукция фабрики (вроде смальтовых пресс-папье и бисера) почти не находила сбыта. Между тем подходил срок возвращения ссуды в 4000 руб., полученной в 1753 г. из казны на 5 лет, но гасить ее было не из чего. К тому же процесс производства на любом химическом предприятии требует, как известно, постоянного цикла.

В 1756 г., только под гарантии И. И. Шувалова, отказать которому было невозможно, Правительствующий Сенат разрешил выдать Ломоносову вторую ссуду в 5000 руб., на этот раз на 10 лет (*ПСС 9*, с. 111). Одновременно Сенат потребовал от Ломоносова подписать обязательство в том, чтобы он свою «фабрику <...> распространил и в наилучшее состояние приводил» (*ПСС 9*, с. 112).

Ломоносов попытался организовать получение заказов от правительственных учреждений. 3 октября 1757 г. он подал в Сенат соответствующее прошение: «...И дабы Высочайшим В[ашего] И[мператорского] В[еличества] указом повелено было сие мое прошение в Правительствующий Сенат принять и Всемилостивейше указать на моих заводах составлять мозаичные живописные вещи для украшения казенных строений по данным оригиналам или рисункам за надлежащую цену, дабы возобновленное и в несравненно лучшее состояние приведенное мною сие в России искусство могло размножиться, положенные на изыскание оногo труды не были б[ез] тщетны и фабрика б[ез] моя пришла в цветущее состояние, а другие рачители новых полезных изобретений по сему примеру имели бы в своих добрых предприятиях большее поощрение» (*ПСС 9*, с. 119).

В этот же день «по челобитной <...> Ломоносова <...> Пр[авительствующий] Сенат приказали: оную челобитную отослать в Канцелярию А[кадемии] н[аук] при указе, <...> и велеть, рассмотря, оную мозаическую работу освидетельствовать и представить в Пр[авительствующий] Сенат» (*Биларский*, с. 352; см. также: *Грабарь*, с. 177).

Академическая канцелярия передала дело на отзыв по принадлежности — в существовавшее в то время при Петербургской Академии наук Собрание Академии Художеств, директором которого был Я. Штелин.

Таким образом, причиной переписки со Штелиным, произошедшей в последних числах октября 1757 г., была крайняя заинтересованность Ломоносова в получении положительного отзыва о его «мозаичной работе».

Далее см. документы № 92–94.

92. Я. ШТЕЛИН — ЛОМОНОСОВУ¹
27–30 октября 1757 г. Петербург

Mein Aufsatz zum Unterschreiben der übrigen von der Acad. des Arts ist längst fertig. Hier folgt er zu Ihrer Ansicht. Ich hoffe er werde Ihnen nicht missfallen. Jedoch wenn noch was zu erinnern seyn solte, will ich es mir ausbitten. Sonst erwarte ich mein schwartzes zurück um es heute in der Academie ins reine bringen u[nd] hernah unterschreiben u[nd] weiter befördern zu lassen

Votre très humble serviteur
J. Stählin.

Моя статья давно готова для подписания остальными членами Акад[емии] Художеств². Я надеюсь, что она не вызовет Вашего неудовольствия. Если, однако, нужно еще о чем-либо упомянуть, прошу мне сообщить. За сим ожидаю возвращения моего черновика, чтобы сегодня переписать его в Академии набело, после чего подписать и направить дальше.

Ваш нижайший слуга
Я. Штелин*.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 272.*

Печатается по первой публикации: *Сочинения 8*, с. 202–203.

Примечания

¹ Ответ Штелина на письмо Ломоносова от 27 октября 1757 г. (см. документ № 91).

² «Мозаичную работу» Ломоносова рассматривали Я. Штелин, Д. Валериани, И. Э. Гриммель и Г. Ф. Шмидт.

Ответ Ломоносова см. № 93.

93. ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ
27–30 октября 1757 г. Петербург

Ich bin damit recht zufrieden und meine Dankbarkeit werde ich
ander[n] Tag legen.

Das Wört[c]hen «ziemlich» könnte man wohl aduciren.

Ich bitte nur um eine baldige Expedirung.

Я вполне удовлетворен и не премину проявить мою благодарность.

Словечко «довольно»¹ можно было бы смягчить.

Прошу лишь о скорой отправке*.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 272.* Написано на обороте письма Штелина (см. документ № 92) и является ответом на него.

Описание: *Андреев*, с. 397.

Публикации: *Сочинения 8*, с. 203. *ПСС. 10*, с. 529.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ В окончательном тексте отзыва, известного сейчас только в русском переводе, слова «довольно» действительно нет (см. примеч. к документу № 94).

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Я. Штелин

Ich bitte Ew. Wohlgebohren meine Sache in die Canceley zu expediren; denn es wird darnach im Senat gefragt. Die Herrn Glieder der Academie der Künste können zu Hause unterschreiben. Denn so bald das Revier schlimm wird, so muss die Sache in der Canceley liegen und die Zeit von paar Wochen vergebens verlohren gehen. Sie können den Staffenhagen zu sich kommen lassen und durch ihn dieses ausrichten lassen.

Прошу В[аше] Высокоблагородие направить мое дело в Канцелярию, ибо о нем справляются из Сената. Господа члены Академии Художеств могут подписать на дому. Ибо как только обстановка становится неблагоприятной, дело залеживается в Канцелярии, и несколько недель теряются напрасно. Вы можете вызвать к себе Стафенгагена и осуществить это через него¹*

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 265.* На обороте помета Штелина карандашом: «Lomonosofs original Billets» («Подлинное письмо Ломоносова»).

Упоминание: *Биярский*, с. 037. Описание: *Андреев*, с. 396.

Публикации: *Летописи*, 1859, т. 1, отд. 3, с. 194 (немецкий текст). *Сочинения* 8, с. 202 и *ПСС* 10, с. 530 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Ввиду особой срочности дела Ломоносов в данном письме Штелину предлагает поручить архивариусу И. А. Стафенгагену осуществить оставшиеся необходимые действия — переписать набепо немецкий подлинник, перевести его на русский язык и собрать подписи членов Собрания Академии Художеств, не дожидаясь их появления на службе. Кроме Штелина, подлинник подписали Гриммель и Шмидт. «Господин Валериани был при том же свидетельстве, однако он на другой день заболел и еще ныне в тяжелой находится болезни и для того подписаться не мог под сообществом при сем мнением», — сказано в репорте Стафенгагена (*Сочинения* 8, с. 155 второй пагин.).

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Отзыв Собрания Академии Художеств был подан в Академическую канцелярию 1 ноября 1757 г. (ср. с предложениями Ломоносова в документе № 91): «По указу из Пр[авительствующего] Сената в Собрании Академии Художеств мозаичные работы г[осподи]на советника Ломоносова освидетельствованы, и найдено: 1) Что материя или цветные, из стекла сделанные камни хороши, способны и прочны, цветы тверды и не линючие и разность цветов столь многочисленна, сколько ко всякой живописной работе потребно быть может. 2) Мاستик или подмазка состоит из весьма доброй и чистой композиции, а вставленные в нее стеклянные камни близко и помощью оной композиции так твердо укреплены, что ни малой опасности нет, чтоб раздаваться и выпадывать могли. 3) Таким образом, сия мозаичная работа, по его образу в дело произведенная, с пользою и великолепием употреблена быть может к живописным всякого звания малым и большим изображениям в церквах, залах, садах, гротах и в прочих монументах. 4) И ежели трудящиеся в сем деле от часу более упражняться станут в живописи красками, в практике смешивания и оттенивания красок и в искусстве пристойного положения свету и тени, то сомневаться невозможно, чтоб в сем художестве от часу более не успевали и чтоб таким образом со временем не достигли совершенства по примеру наилучшей мозаичной работы в Италии. А понеже в прочем со удивлением признавать должно, что первые опыты такой мозаики без настоящих мастеров и без наставления в такое малое время столь далеко доведены, то Российскую Империю поздравляем с тем, что между благополучными успехами наук и художеств, по Всемилостивейшею Державою Ея Императорскаго Величества процветающими, и сие благородное художество изобретено и уже столь далеко произошло, как в самом Риме и других землях едва в несколько сот лет происходить могло» (*Билярский*, с. 353).

4 ноября 1757 г. отзыв был отправлен в Сенат, который, спустя всего лишь 10 дней, вынес определение «в Канцелярию от строений и протчие места, где публичные здания со украшениями строятся, с прописанием представленного от Академии наук Собрания Художеств со достоинством мнения, послать указы, чтобы его, Ломоносова, для убраняния оных, где потребно будет, мозаикою за надлежащую цену призывать и для составления потребных вещей оригиналы или рисунки ему давать» (*Сочинения* 8, с. 156 второй пагин.).

Ни одно правительственное учреждение на это предложение не откликнулось. В 1758 г. Ломоносов сумел добиться лишь заказа на монумент Петру I для Петропавловского собора (см. примеч. к документу № 97). С 1761 г. литое цветное массивное стекло (разноцветные «мозаичные составы») с Усть-Рудицкой фабрики поступало еще на украшение строившегося в это время по проекту А. Ринальди Китайского дворца («Ораниенбаумского дома») и на отделку ораниенбаумского Большого (Меншиковского) дворца, работами в котором руководил Ф. Б. Растрелли.

23 ноября 1757 г. Петербург

Милостивый Г[осу]д[а]рь Иван Иванович.

По милостивому Вашего Превосходительства люблению и доброжелательству к наукам нагрыдорованного моего портрета несколько листов отпечатано, как Вы приказать изволили, из которых пять при сем приложены. Мастер Вортман, уповаю, что скоро исправит известные в нем погрешности¹. Ваше Превосходительство изволили говорить, чтоб под помянутой портрет подписать какие-нибудь стихи. Но того, Милостивый Г[осу]д[а]рь, отнюд[ь] не желаю², и стыжусь, что я нагрыдорован. Я прошу только того, что мне надлежит по справедливости, чем Всемилостивейшая Государыня усердных рабов своих обыкновенно жаловать изволит, что по моей службе и дороге следует, и что больше отечеству, нежели мне, нужно и полезно. Для того прошу всеуниженно прежнее мое пис[ь]мо еще прочесть однажды и отдать справедливость моему законному прошению. Вашего Превосходительства ко мне благодеяния хотя многи и велики, однако желаемое будет всех больше не тем, что я о том прошу больше трех лет³, но для того, что оно соединено с общею пользою и что оным новая кровь в жилы мои вольется к совершению начатаго героического описания трудов Петровых, которых окончание выше всех благополучий в жизни моей почитаю⁴.

Милостивый Г[осу]д[а]рь,
Вашего Превосходительства
всеуниженный слуга
Михайло Ломоносов.

Ноября 23 дня
1757 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 56. Л. 5.

Описание: Модзалевский, с. 94.

Публикации: *Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: Материалы для истории русского образования // Грот*, с. 26, откуда перешло в *Труды Я. К. Грота*, т. 3. СПб., 1901, с. 52–53. *Биллярский*, с. 356. *Сочинения* 8,

с. 203–204. ПСС 10, с. 530–531. Факсимиле части письма приложено к обеим публикациям Грота.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Э. Фессар, по заказу И. И. Шувалова гравировавший портрет Ломоносова (см. примеч. 7 к документу № 90), изобразил его «в образе придворного поэта с условной декоративной панорамой, не связанной с действительным обликом поэта. Изображение распадается на две части: справа фигура Ломоносова, слева — море с двумя кораблями и густыми черными тучами, прорезанными огненными стрелами молний. Ломоносов изображен пишущим “Оду Ее Императорскому Величеству” <...>. Отвергнутый Ломоносовым портрет этот сохранился в единственном экземпляре в Государственном Эрмитаже» (*Сочинения 8*, с. 150–151 второй пагин.). Воспроизведение гравюры см. при статье Д. С. Бабкина «Образ Ломоносова в портретах XVIII в.» (*Ломоносов 2*, с. 306–309) и в альбоме «М. В. Ломоносов в портретах, иллюстрациях, документах», составленном В. А. Ченакалом (М.; Л., 1965, с. 105).

Медная доска была прислана И. И. Шуваловым для печати гравюры в Петербурге, однако это первое изображение собственного облика, которое предназначалось для публикации, Ломоносову решительно не понравилось. Переделку он поручил академическому гравёру Х. А. Вортману. «Исправления его выразились в следующем: ранее откинута назад правая нога передвинута значительно вперед и поставлена в естественное вертикальное положение. Полученный от этой перемены дефект в общем рисунке отразился только на поле камзола. Пола неестественно удлинилась. Более существенные изменения касались пейзажа. Искусственный литературный пейзаж был по указанию Ломоносова заменен конкретным, бытовым. В окончательном виде в гравюре на месте моря, кораблей и грозowych туч с молнией изображена мозаичная фабрика Ломоносова в Усть-Рудицах с дымящейся плавильной печью, мукомольная мельница и поленица дров» (*Сочинения 8*, с. 158–159 второй пагин.).

В таком виде переделанная гравюра была отпечатана и, как предполагалось И. И. Шуваловым, приложена к первому тому второго издания «Собрания разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова», отпечатанного «при Московском университете» с датой «1757» на титульном листе. Фактически книга вышла лишь во второй половине следующего года, так как еще 17 августа 1758 г. «в Академической канцелярии велено было перепечатать в типографии Академии наук несколько страниц <...>. Кроме гравированного на меди портрета Ломоносова, на заглавном листе первой части помещена также резанная на меди виньета с изобра-

жением горы Парнасса [!], увенчанного храмом, от которого готов воспрянуть Пегас; у подножья горы муж в греческой одежде и сандалиях, в лавровом венке играет на лире» (*Пекарский II*, с. 622).

Очень быстро гравюра в исполнении Вортмана получила самое широкое распространение. По ее композиции было написано несколько живописных портретов Ломоносова, в т. ч. работы Л. С. Миропольского (1787), В. М. Скородумова и неизвестного художника первой половины XIX в. Известен даже барельефный портрет Ломоносова из моржовой кости работы неизвестного мастера, также первой половины XIX в. (см. его воспроизведение в указанном выше альбоме «М. В. Ломоносов в портретах, иллюстрациях, документах», с. 213).

С начала XIX в. и по сей день гравюра Вортмана и сама по себе воспроизводилась множество раз. Кроме того, она и живописные изображения с нее вызвали бесчисленное множество подражаний, наиболее известные из которых: гравюры Н. И. Соколова (1802), А. Г. Ухтомского (1821), Н. И. Уткина (1834), литографии Дрегера (1846) и А. И. Лебедева (1869), акварельный рисунок И. И. Бармалева (1854), офорт М. В. Рундальцева (1912). См. их воспроизведение в альбоме «М. В. Ломоносов в портретах, иллюстрациях, документах» (с. 45, 79, 119, 127, 154, 215, 225).

²Гравюра Вортмана была отпечатана все-таки со стихами:

Московской здесь Парнасс изобразил Витию,
Что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Virgilius был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл природы храм богатым словом Россов,
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Стихи не имели подписи, но автор их знающим людям был, конечно, известен. Во всяком случае, Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о Российских писателях» (1772) сначала назвал Н. Н. Поповского, однако ниже оговорился: «Стихи к портрету г[осподина] Ломоносова хотя изданы мною под именем г[осподина] Поповского, но по отпечатании того листа получил я от некоторой особы достоверное известие, что они сочинены г[осподином] Графом [!] Шуваловым; что также подтверждает, сколь много любил он науки и покровительствовал ученых людей» (*Новиков*, с. 130 и 249).

Впоследствии Л. Б. Модзалевским было доказано, что автором стихов действительно является Поповский. Надпись же «эта была, на основании требования И. И. Шувалова, по постановлению Канцелярии А[кадемии] н[аук] от 23 мая 1758 г., вырезана на доске гравером А[кадемии] н[аук] М. И. Махавым (см.: *Сочинения* 8, с. 159 второй пагин.).

³ В настоящее время это письмо к И. И. Шувалову неизвестно, но о чем просит его Ломоносов, догадаться нетрудно — речь идет о повышении в должности или производстве в следующий чин. Впервые, насколько известно, Ломоносов поднимал эту тему перед И. И. Шуваловым действительно около трех лет назад, в письме от 30 декабря 1754 г. (см. документ № 77 и примеч. к нему). Об этом же Ломоносов продолжал хлопотать в письме к графу М. А. Воронцову 30 декабря 1759 г. и в письме к И. И. Шувалову от января 1761 г. (см. документы № 105 и 106).

⁴ Подразумевается героическая поэма «Петр Великий», сочинять которую Ломоносов начал в 1756 г. (*ПСС 10*, с. 393). Первая песнь, с посвящением «Его Высокопревосходительству, Милостивому Государю Ивану Ивановичу Шувалову, генералу-адъютанту, действительному камергеру, Московского университета куратору и орденов Белого Орла, Святого Александра, Святой Анны кавалеру», была выпущена отдельным изданием в декабре 1760 г., вторая песнь — в июле 1761 г. Третьей песни в печати не появлялось, как неизвестны и какие-либо рукописи поэмы (подробнее см.: *ПСС 8*, с. 695–734, 1125–1149).

96. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
1755–1757 гг. Петербург (?)

Как я радуюсь тем, что имел Вас издавна друга, а ныне еще сверх того благодетеля, не токмо мне, но и всем ученым общаго Мецената. Как не быть *Виргилиям* и *Горациям*, когда имеем *Мецената*¹.

Источники текста

Черновой автограф: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 5. Л. 53об.*

Описание: *Модзалевский*, с. 55 (№ 100).

Публикации: *Сочинения 4*, с. 236 второй пагин. (только первое предложение). *Сочинения 8*, с. 204 (полностью).

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ Набросок находится среди материалов Ломоносова к «Российской грамматике» (ранее см. документы № 43, 83, 96 и примеч. к ним) на листе, имеющем отношение к «Письму о пользе книг церковных» (1755), чем и объясняется предположение о верхней дате его написания.

С другой стороны, набросок может быть связан с надписью Н. Н. Поповского к гравированному портрету Ломоносова (1757), особенно с ее 3-й и 4-й строками (см. примеч. 2 к документу № 95).

97.

ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ

27 июня 1758 г. Петербург

Hochwohlgebohrner Herr Hofrath,
Hochgeschätzter Freund.

Wi[e]der mein Vermuthen ist die Sache im H. Senat so lange verzögert worden, dass es nur vor acht Tage zu Stande [ge]kommen ist. In Erwartung dessen halte ich so viel Leute auf meinen Kosten, dass ich allein wegen Fabrique am Ge[l]de 600 Rubeln jährlich bezahle, ohngerechnet was auf Provision und Materialien ausgegeben wird. Desswegen bitte mir zu verzeihen, dass ich nicht auf den Termin meine Schuld bezahlen konnte, und auf Morgen gehets gar nicht an; aber die Woche will ich auf alle Art suche[n] dieselben (auf alle Art) mit grossem Dank zu befriedigen. Ich habe vier Hundert Faden Holtz auf dem Ufer zu Caravaldai stehen, ich kan[n] aber noch niemand finden, der die 300 F. kauft und ein Hundert h[i]er fährt, wie zuvor geschehen ist. Ich verharre

Dero ergebenster Diener
M. Lomonosow.

d. 27 jun.
1758.

[На обороте:] A Monsieur le Conseiller Sthelin.

Высокоблагородный господин надворный советник,
высокочтимый друг.

Вопреки моему предположению, дело в П[равительствующем] Сенате настолько затянулось, что окончилось лишь восемь дней тому назад¹. В ожидании я держу на свой счет так много людей, что по одной только фабрике плачу ежегодно деньгами 600 руб-

лей, не считая того, что выходит на припасы и материалы. Поэ-
тому прошу извинить меня, что я не мог уплатить долг мой в срок
и что никак не смогу сделать этого и завтра; но в течение недели
я буду изыскивать все способы удовлетворить Вас с величайшей
благодарностью. Я имею четыреста сажень дров на берегу у Ка-
равалдая², но не могу еще никого найти, кто бы купил у меня
из них 300 с[ажень] и кто перевез бы сюда, как делалось это пре-
жде. Остаюсь

Вашим преданнейшим слугой
М. Ломоносов.

27 июн[я]
1758.

[На обороте:] Господину советнику Штелину*.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 273*. Письмо было запечатано печатью Ломоносова на красном сургуче. Факсимиле начала письма: *Каталог выставки*, с. 58.

Описание: *Андреев*, с. 397.

Публикации: *Летописи*, т. 1, кн. 2, 1859, отд. III, с. 194–195 (немецкий текст). *Биллярский*, с. 372–373 (немецкий текст). *Пекарский II*, с. 635 (русский перевод без обращения и заключительных слов). *Сочинения 8*, с. 205–206 (немецкий текст и русский перевод). *ПСС. 10*, с. 531–532.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹26 января 1758 г. Мануфактур-коллегия отказала Ломоносову в отсрочке погашения первой ссуды в 4000 руб., полученной им в 1753 г. для обзаведения фабрики цветного стекла (см. примеч. к документу № 91). Ломоносов оказался под угрозой принудительного взыскания. Спасти положение могли только правительственные заказы, но, несмотря на сенатское определение от 14 ноября 1757 г. (см. примеч. к документу № 94), ни одно учреждение к изделиям из «му-сии» интереса не проявило.

Покровители Ломоносова, Шуваловы, воспользовались тем, что в это время после пожара, произошедшего 30 апреля 1756 г. от удара молнии в шпиль, восстанавливался Петропавловский собор.

---

* Перевод А. Б. Модзалевского.

30 января 1758 г. «в собрании Правительствующего Сената сенатор генерал фельдцейхмейстер и кавалер граф Петр Иванович Шувалов словесно предлагал, <...> не соизволит ли Правительствующий Сенат приказать ему, Ломоносову, сделать внутри состоящей в Санктпетербургской крепости церкви Святых апостол[ов] Петра и Павла приличные на достохвальную память блаженных и вечной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великого мозаичные украшения и что к монументу сего мудрого монарха изобразить пристойно будет».

В этот же день Сенат направил Академической канцелярии определение «сочинить прожект, снесшись с ним, советником Ломоносовым, для способного сочинения объявленных изображений, також дабы он мог сочинить между тем смету» (*Грабарь*, с. 177–178). Во исполнение определения Канцелярия послала указ в Собрание Академии Художеств Петербургской Академии наук.

В репорте, поданном в Академическую канцелярию 30 марта 1758 г., сказано, что «члены оногo Собрания в разных заседаниях прилежно рассуждали, какой монумент для вечной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великого в соборной Святых апостолов Петра и Павла церкви по назначенному в ней месту и, как предписано, мозаичною работою сделан быть может.

И в силу того сделаны приложенные при сем два архитектурные проекта с инвенциями* об аллегорическом представлении, поставляемые на стене над самым надгробным местом <...>.

А ежели б в церкви другое место назначено было, на котором бы свободно стоящее здание с пиластрами и столбами в настоящую величину и достойныя великого такого Государя знатностию соорудить можно было, то Академия Художеств, наблюдая того, другие бы прожекты сделала. А по ея мнению мозаичною работою надлежащие барельефы и стоящие и сидящие свободные статуи, в которых при таких монументах великолепие свойственно состоит, сделать не можно, но точию плоское какое представление как картина употребляемое.

Из оных же прожектов первая изобретена г[оспо]д[и]ном надворным советником и директором Штелиным, вторая г[оспо]д[и]ном архитектором Шумахером, третья г[оспо]д[и]ном Дункером, а четвертой номер, представляющей картину, сочинен г[оспо]д[и]ном Валериани по инвенции г[оспо]д[и]на надворного советника Штелина, а употреблена быть может во всех трех посланных прожектах как свободными фигурами, так и мозаикою плоским представлением» (*Биллярский*, с. 369).

Позже, в записках «О мозаике» (1769), Я. Штелин сказал об этом так: «В 1757 году советник Ломоносов подал в Высокий Сенат программу — соорудить

---

* Инвенция (от *лат.* *inventio*) — набросок, проект.

дить в крепостной церкви мозаичный монумент для Петра Великого над его могилой и выложить всю церковь внутри мозаичными картинами. Все художники и знатоки очень смеялись над этой выдумкой и жалели церковь, если она будет выложена стеклом» (*Штелин*, с. 119, 122).

Тем не менее полагавшиеся формальности были соблюдены, и это позволило Ломоносову 7 апреля 1758 г. подать напрямую в Сенат свой проект о «мозаичных украшениях для монумента Петра I» с расчетом стоимости «сего строения» в 148 682 рублей, сроком на шесть лет (*ПСС 9*, с. 123–138).

Разумеется, утвержден был именно проект Ломоносова, хотя дело по нему и затянулось еще почти на два года из-за отсутствия резолюции императрицы.

Новое прошение об отсрочке погашения ссуды, взятой в 1753 г., Ломоносов смог подать только в феврале 1759 г. (*ПСС 9*, с. 143–145). Сенат формально запросил Мануфактур-контору о состоянии ее расчетов с Ломоносовым и определил 29 марта 1759 г. отсрочить возврат ссуды (*Ломоносов 3*, с. 398).

Указ Мануфактур-конторе был послан 3 июня 1759 г.: «...до воспоследования всемилостивейшей от Ея Иператорскаго Величества конфирмации на поданной от Правительствующего Сената доклад о украшении состоящей в Санктпетербургской крепости церкви Святых апостол[ов] Петра и Павла мозаичною работою из разноцветных стекол с ево заводов, для изображения высокославных дел блаженныя и вечно достойныя памяти Государя Императора Петра Великого; <...> а в случае невоспоследования оной, продолжить срок на 4 года, считая от того времени, когда минул первой срок платежа оных денег...» (*Ломоносов 1*, с. 152–153).

Далее см. примеч. 6 к документу № 100 и документ № 113.

² Каравалдай — одна из мыз, в которых Ломоносову были пожалованы деревни для заведения фабрики цветного стекла (см. примеч. 6 к документу № 67).

98.

ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ

1 июля — 13 октября 1758 г. Петербург

S. Exc. der Herr Graff P.J. verlangen, dass die Beschreibung von dem Feuer-Werke sollte im deutschen und frantzösischen gedruckt werden. Der Staffengagen hat es übersetzt, aber mir gefallen nicht die Verse in Prosa. Ich bitte Ew. Wohlgebohr., wegen der Ehre der Academie dies zu übersehen. Die Verse habe Wort zu Wort ins lateinische übersetzt. Es wäre zu wünschen, dass sie auch in deutsche Versen gesetzt wären. Kan[n] unsere frantzösische Translateur aus

dem deutschen ins frantzösische befördern, so haben Sie mehr Autorität ihm es zu thun zubefehlen.

Wenn die Verse französisch in Prosa sind, so will ich morgen schon einen Poet bekommen.

Е[го] Сият[ельство] господин Граф П[етр] И[ванович] требует, чтобы описание фейерверка было напечатано на немецком и французском [языках]. Стафенгаген его перевел, но мне не нравятся стихи в прозе. Я прошу В[аше] Высочород[ие] ради чести Академии их просмотреть. Стихи я дословно перевел на латинский. Было бы желательно, чтобы и по-немецки они были также переведены стихами. Поскольку нашего французского переводчика можно склонить к переводу с немецкого на французский, то Вы располагаете бóльшей властью приказать ему это выполнить.

Когда стихи будут переведены на французский прозой, я завтра же добуду и поэта^{1*}.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 267.*

Упоминание: *Биллярский*, с. 037. Описание: *Андреев*, с. 397.

Публикации: *Летописи*, т. 1, кн. 2, 1859, отд. III, с. 195 (немецкий текст, неточно). *Пекарский II*, с. 643 (немецкий текст, по автографу). *Сочинения 8*, с. 206–207 (немецкий текст и русский перевод). *ПСС 10*, с. 532–533.

Печатается по: *Сочинения 8*, с уточнением перевода по *ПСС 10*.

Примечания

¹ Фейерверк, о котором идет речь в данном письме, был «сожжен» графом П. И. Шуваловым перед его домом в Петербурге. В газете помещено краткое описание этого праздника: «Сего месяца [июня] 12 числа Ея Императорское Величество всемилостивейшая Государыня соизволила присутствовать в доме Его Сиятельства господина генерал-фельдцейгмейстера, где по окончании балу, которой начал Его Королевское Высочество Принц Польской, представлены были пред домом иллюминация и два фейерверка, первой за рекою большой, а другой малой в саду» (*СПб. ведомости*, 1758, № 48, 16 июня, с. 2).

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

1 июля Академическая канцелярия вынесла определение о гравировании двух рисунков фейерверка. После того как медные доски были готовы, 13 октября 1758 г. последовало распоряжение Канцелярии о напечатании описания фейерверка в Академической типографии в количестве 200 экз.

«Весь тираж этого издания поступил в распоряжение П. И. Шувалова, в связи с чем оно обратилось в величайшую библиографическую редкость, которую не удалось отыскать даже в самых крупных наших библиотеках, а текст публикуемого письма настолько неясен, что нет возможности установить, кто был автором стихов, переведенных Ломоносовым на латинский язык: сам ли Ломоносов или другое лицо, может быть, Штелин. Не найден и этот латинский перевод» (ПСС 10, с. 845).

99. Ломоносов — С. Я. Румовскому
11 сентября 1758 г. Петербург

Господин адъютант Румовской.

При сем посылается перевод речи господина профессора Епинуса о сходстве электрической силы с магнитною на русском языке, которой против оригинала исправить, и по исправлении подать в Канцелярию при репорте немедленно¹.

Михайло Ломоносов.

Сент[ября] 11 дня
1758 году.

Источники текста

Писарской рукою, подпись Ломоносова собственноручная: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 136. Л. 1–2. На письме помета Румовского: «Получен Сент. 11 дня».

Описание: *Модзалевский*, с. 137.

Публикации: *Ламанский*, с. 103. *Модзалевский*, с. 326 (в примеч. к ПСС 9, с. 787, ошибочно указано, что это первая публикация). ПСС 9, с. 336.

Печатается по публикации Модзалевского.

Примечания

¹ С. Я. Румовскому предписывалось исправить перевод М. Софронова речи «Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi», которую Ф. У. Т. Эпиниус про-

изнес в публичном собрании Академии наук 7 сентября 1758 г. К этому дню ее латинский текст был уже отпечатан отдельным изданием (в *СК ин. 1*, с. 27, предположительный год выхода — 1759-й, указан неверно; ср. *ПСС 9*, с. 787). Вопрос о публикации русского перевода, как следует полагать из данного письма, возник уже после произнесения речи.

Выполнив поручение в четыре дня, Румовский 15 сентября репортовал Академической канцелярии: «Что в присланном при ордере переводе речи г[осподина] Епиниуса оказалось нехорошо, и с оригиналом несходно, то мною исправлено, и притом недостаток, которой состоял в том, что примечания не переведены были, дополнил. Помянутые примечания, по моему мнению, столь важны, что тем, для которых речь переведена, без них, разумеется, будет трудно и для того думаю, что г[осподин] Авктор [!] не был бы доволен, ежели б она без примечаний была напечатана. Перевод помянутой речи при сем в Канцелярию Академии наук возвращаю» (*Модзалевский*, с. 326–327).

Получив исправленный перевод, Академическая канцелярия на следующий день, 16 сентября, сдала его в набор. Издание вышло в том же году или начале следующего под заглавием: «Речь о сходстве электрической силы с магнитною в публичном собрании Императорской Академии наук для торжественного дня Высочайшего тезоименитства <...> Императрицы Елисаветы Петровны <...> в день 7 сентября 1758 года. Говоренная Академии наук профессором физики Ф. У. Ф. Эпиниусом» (*СК 3*, с. 440).

100.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

8 июля 1759 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

По приказанию Вашего Высокопревосходительства сыскал я такого человека, которой в состоянии Вас удовольствовать историческими переводами и экстрактами с российского языка на французской¹. Господин Модрах², профессор истории, надеюсь, Вам известен, который по французски искусен, и российской язык основательно знает, весьма желает услужить сим трудом Вашему Высокопревосходительству, и уже начал делать экстракт из Камчатской истории³, в чем могу ему спомоществовать моим советом, и для переписки набело употребить студентов. Мои манускрипты могут ныне больше служить, нежели я сам, не имея от моих

недоброжелателей покоя⁴. Сверх того, не продолжая времени, должен я при первом случае объявить в ученом свете все новыя мои изобретения ради славы отечества, дабы не воспоследовало с ними того же, что с ночезрительною трубою случилось. Сей ущерб чести от моих трудов стал мне вдвое горестен, для того, что те, которые сие дело невозможным почитали, еще и по ныне жестоко с досадительными словами спорят, так что видя, не видят, и слыша, не слышат. Не взирая на то, стараюсь произвести в действие еще новой оптической инструмент⁵, которым бы много глубже видеть можно было дно в реках и в море, нежели как видим просто. Коль сие в жизни человеческой полезно, всяк удобно разсудить может. При сем не могу преминуть, чтобы не показать явного безсовестия моих недоброхотов⁶. В Трудолюбивой, так называемой, пчеле напечатано о мозаике весьма презрительно. Сочинитель того Тр[едиаковский] совокупил свое грубое незнание с подлою злостию, чтобы моему рачению сделать помешательство; здесь видеть можно целой комплот⁷. Тре[диаковский] сочинил, Сумароков принял в Пчелу, Та[уберт] дал напечатать без моего уведомления в той команде, где я присутствую⁸. По сим обстоятельствам ясно видеть Ваше Превосходительство можете, сколько сии люди дают мне покою, не престая повреждать мою честь и благополучие при всяком случае! Умилосердитесь надо мною, Милостивый Государь, свободите меня от таких нападков⁹, которые, меня огорчая, не дают мне простираться далее в полезных и славных моих отечеству упражнениях. Никакого не желаю мщения; но токмо всеуниженно прошу оправдан быть перед светом Высочайшею конфирмациею доклада от Правительствующаго Сената о украшении Петропавловской церкви, чего целой год ожидая, претерпеваю, сверх моего раззорения [!], посмеяние и ругательство. Ваше сильное ходатайство может меня от всего скоро избавить и уверить меня о неперменной милости, которую за особое щастие и честь в жизни моей почитаю

Вашего Высокопревосходительства
всенижайший и усердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
8 июля 1759 года.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Соч. Ломоносова, ч. I*, с. 340–341, откуда перешло в: *Собрание разных сочинений, ч. II*, с. 278–281; *Изд. Перевлесского*, с. 143–145; *Изд. Смирдина, т. 1*, с. 679–681. *Биллярский*, с. 389–390. *Сочинения 2*, с. 232 второй пагин. (отрывок). *Сочинения 8*, с. 207–208. *ПСС 10*, с. 533–534.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Эти материалы через И. И. Шувалова посылались Вольтеру для написания им «Истории Российской Империи при Петре Великом» (см. документы № 88, 90, 110 и примеч. к ним).

² Об отношениях Ломоносова с К. Ф. Модерахом (Модрахом) см.: *ПСС 9*, страницы по Указателю личных имен.

³ Имеется в виду «Описание Земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, изданное Петербургской Академией наук в 1755 г., в двух томах. «Екстракт» на французском языке, сделанный по этому труду, сохраняется в Библиотеке Вольтера в *РНБ*.

⁴ Недоброжелателями в данном случае оказались С. Я. Румовский и Ф. У. Т. Эпиниус, резко критиковавшие построенную Ломоносовым «ночезрительную трубу», или, как он именовал ее тогда, «машину для сгущения света». Примерно за две недели до написания этого письма Ломоносов получил от И. И. Шувалова новую английскую трубу из Кабинета Ее Императорского Величества. Конструкция трубы показалась Ломоносову лишаящей его права приоритета.

Подробнее см.: *Вавилов С. И.* Ночезрительная труба М. В. Ломоносова // *Ломоносов 2*, с. 71–92; *Problema physicum de tubo nuyctoptico* ([Физическая задача о ночезрительной трубе]) // *ПСС 4*, с. 112–119, 729–740.

⁵ В 1759 г. Ломоносов работал над изобретением «гидроскопической трубы». Текст задачи на эту тему, «которую следует предложить на соискание премии», он передал в Академическую канцелярию 13 июля 1759 г. (см. *ПСС 4*, с. 322–323, 445, 759–760).

⁶ Далее Ломоносов жалуется И. И. Шувалову на статью «О мозаике» за подписью В. Ті (В. К. Тредиаковского), напечатанную в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759, кн. 6, с. 360), издававшемся А. П. Сумароковым и ориентированном на великую княгиню Екатерину Алексеевну. В притчах, эпиграммах и прозаических сатирах журнала велась скрытая борьба с лицами, которым покровительствовали Шуваловы и М. Л. Воронцов. Официальными цензорами журнала с 22 апреля 1759 г. были С. К. Котельников и С. Я. Румовский.

*Великая княгиня Екатерина Алексеевна
(императрица Екатерина II)*

В статье Тредиаковского утверждалась невозможность «подражать совершенно камешками и стеклышками всем красотам и приятностям, изображаемым от искусных кисточки на картине из масла или на стене, так называемую фрескою». Это и вызвало обеспокоенность Ломоносова, опасавшегося, что статья могла неблагоприятно повлиять на и без того замедлившийся ход дела по получению государственного заказа на «мозаичные украшения» восстанавливаемого после пожара Петропавловского собора (см. примеч. 1 к документу №97). Одновременно статью Тредиаковского «О мозаике» Ломоносов послал другому своему покровителю, М. Л. Воронцову (см. документ № 101).

В ноябре 1759 г. через графа К. Г. Разумовского Ломоносов сумел добиться запрещения печатать в «Трудолюбивой пчеле» сочиненные Сумароковым так называемые «Оды вздорные», которые представляли собой пародию на его одический стиль (ЛСС 9, с. 404). В этой связи Сумароков писал И. И. Шувалову 15 ноября: «Сочинений мне никаких больше в народ пускать невозможно, ибо Ломоносов останавливает у меня их и принуждает имети непрестанные хлопоты...» (*Письма русских писателей XVIII века*: [Сб.] / Г. П. Макогоненко. Л., 1980, с. 87; дополнительно см.: *Алексеева Н. Ю.* Вздорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам // *XVIII век*, сб. 25, с. 4–25).

Тем не менее в «Трудолюбивой пчеле» все-таки появился ряд произведений, направленных против Ломоносова, в том числе пародийный «Дифирамв» Сумарокова:

Позволь, великий Бахус, нынѣ
Направити гремѣшу лиру
И во священном мне восторге,
Тебе воспеть похвальную песнь!
.....
Крепчайших вин горю в жару,
Во иступлении пылаю:
В лучах мой ум блистает солнца,
Усугубляя силу их...

(*Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского Ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова*, т. 2. СПб., 1781, с. 267).

⁷ Комплот (нем. Komplott) — заговор.

⁸ «Трудолюбивая пчела» печаталась в типографии Академии наук, следовательно, из Академической канцелярии посылались туда соответствующие отношения.

⁹ Столкновения Ломоносова с Сумароковым продолжались и дальше (см. документы № 109, 114 и примеч. к ним).

10 июля 1759 г. Петергоф

Государь мой Михайло Васильевич.

Я усматриваю, что содержание сообщенной мне от Вас печатной пиесы о мусии¹ не имеет другого основания, как только от одной жалузии², почему и не можно сомневаться, что все просвещенные люди, пренебрегая тщетныя сего славнаго художества охуления, не престанут отдавать справедливость Вашим похвальным стараниям и опытам в изыскании и произведении онаго в России, к немалой пользе и особливому имени Вашего прославлению в учоном свете. Я весьма согласен с учиненными примечаниями на помянутую пиесу³, и не думаю, чтоб кто ни есть тому спорить стал; и так, остается только презирать то, что ничего, кроме презрения, не заслуживает. Тем одним предупееете Вы уже принудить недоброжелат[ел]ей Ваших к молчанию; а что от меня зависеть будет, я, конечно, употреблю все возможное, дабы Вас удовольствовать явным засвидетельствованием той аппробации, которую Вы себе ревностию, искус[с]твом и трудами Вашими издавна приобрели.

В ожидании же к тому удобнаго случая, я прошу верить, что почтение мое к достоинствам Вашим равно доброжелательству, с коим я пребываю

Ваш, государя моего.

В Петергофе.

10⁴ июля 1759 года.

К г. Ломоносову.

Источники текста

Черновик писарскою рукой, с поправками Воронцова: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 40—40об.

Публикации: АВ, с. 496—497. *Сочинения* 2, с. 232 второй пагин. (отрывок). *Сочинения* 8, с. 209.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ Имеется в виду присланный Ломоносовым к Воронцову оттиск статьи Триадиковского «О мозаике» (см. документ № 100 и примеч. к нему).

² Жалузия — зависть. Первоначально в черновике так и было написано: зависти.

³ Примечания Ломоносова к статье Тредиаковского, о которых говорит Воронцов, неизвестны.

⁴ В черновике переделано из: 9.

102. ЛОМОНОСОВ — С. Я. РУМОВСКОМУ
14 июля 1759 г. Петербург

Благородный г[осподи]н адъюнкт!

Приложенную при сем французскую пиесу о воспитании Ерецгерцога Иосифа, касающуюся до разных наук, перевести Вам на российской язык с крайним прилежанием, требуя совету от других знающих французский язык, и по переводу подать оригинал с переводом в Канцелярию при репорте.

Вашего Благородия
готовый слуга,
Михайло Ломоносов.

Июля 14-го дня, 1759 года¹.

Источники текста

Подлинник писарскою рукой, с собственноручной подписью Ломоносова, поступил в свое время в *Отдел рукописей ИРБ*.

Описание: *Отчет ИРБ за 1906 год*. СПб., 1913, с. 159–160.

Печатается по первой публикации: *Ламанский*, с. 103.

Примечания

¹ К сожалению, подробности данного поручения остались нам неизвестны. В списке сочинений и переводов Румовского такая работа не упоминается (*Кулябко*, с. 173–175). Статьи о Румовском нет и в 3-м выпуске «Словаря русских писателей XVIII века» (СПб., 2010).

Июль 1759 г. Петербург

Высокородный милостивы[й] Государь Михайла
Васильевич.

Не мню, чтоб по толь явному как и тогда ж Всевысочайшим от Ея Императорскаго Величества милосердием по обороне меня бедного от сил[ь]ной персоны к моей притисненной жизни невинному с разорением и лишением по заслугам моим производства и уже чрез десять лет продолжающемуся, хотя Всемиловитейше и в команду Кабинета взят и о гонении ево и Вашему Высокородию по имени знатного характера да не было б о всем том известным, которая истинная нёсность в число самого бесчеловечного состояния горес[т]ной мой живот включила, а страх со отчаянием по такому неотступному и поныне немилосердию ево отвсюды спасения из поисками в публичных что и при самом Дворе между протчими оклеветанный точным волжским с разбиванием городов и атаманом разглашаем почему б в случае уловления удобнее дамой издавна желаемое надобное безчеловечное оказательство свое произвести не имея уже нигде прибежища во всегдашнем рвении и ежеминутной плачь отняв с смертными болезнями всю крепость мою презренным взором снабден и колико ж лет поистинне не к своей собственной, но яко раб Всероссийскому Скипетру пол[ь]зе ревнуя неусыпно трудясь в получении скрытого от древнейших химического секрета которым бы при продолжающихся едино афицерских более двадцети летних беспорока заслугах моих дамой еще и тою верно подданническою Ея Императорскому Величеству должности моею рабское усердие оказать, но ослабленное чрез бывшее едва не пяти летнее безчувствител[ь]ство сила моя по неизвес[т]ности содержанной люд[ь]ми в огне препорции отняв ко окончанию зрения тот весь плод лишить меня могла; а паки ныне начинать хотя оно не в груди да как и безо всяких же кочтов, но в собственном обращении натуры свою весьма продолжительно притом же и видя себе без свобождаемое от него истребление да и всегда являющуюся глазам моим в такой не мерной тягости смерть уже и неспособным к тому приведен, чего ради не мною, а почти и всему свету известно, что Ваше Высокородие отменно разумнейшею поверхностью Божиего дарования награждены, в которое благоволение я тот состо-

ящей, дабы обще и со мною втуне исчезнуть же не мог, хотя по недостатку науки и безкрасноречно но в самой единой, что оказатца могло истинне труд мой в подлинное рассмотрение и предприял меру снискател[ь]но при сем Вашему Высокородию вручить, и егда полагаемое в практике з действием мое примечание к точной правде нипочем признано быть не может то к воздержанию от заблужденных по потемнениям филозовским с кочтами дейстивев и протчих, для чего оно на тот случай яко и вселичным изданием описано, которое я без рассмотрения Вашего Высокородия как и командующей над тем художеством особы и доказать еще никому мог, прошу позволить хотя не для разумнейших, а может в свете сыщутся либо и такие, что не имея понятия моего бол[ь]ше и тем будут довол[ь]ны, в месечных примечаниях напечатать¹. Что ж зависит до моего так много летно с прилежанием употребленного в том естестве труда, то я оной еще тогда не по фантазии как сильнешнею б слабостию моею продолжать и изследуя весь тот род в тонкость видел удивител[ь]ные от самой натуральной, а не едовитых бы каких специев и безвредной известий, но как за не окончанием хотя и не совершенно с точностию, а действител[ь]ные сие удобоверным от единого золотника до двадцети пяти пуд незгараемого в корпусы вхождения метал[л]ом превращений, да и подлинной рубин и фарбу с ломом ☉, так небезважно за несостоянием к сравнению во всех сортах в преимуществе того естества какая ни есть да должна быть непостижная излишность чему я при сем Вашему Высокородию в подлинное со изследованием рода того зрения прилагаю с надписью некоторые и пробы нежели в случае предвидимой и с того точно пол[ь]зы то я при пожаловании мне от такого несносного гонения безопасности и со определением по заслугам моим к состоящей з званием моим где способен явлюся должности а под протекциею как и отменно разумнейшей Вашего Высокородия персоны в случае продолжения жизни моей и окончить верно обязуюсь; и при том как и толь во многих годах невинно будучи страждущей препоручившись врожденным от Вас Милостиваго Государя великодушием и слезно помилования себе прося остаюсь

Милостивы[й] Государь,
Вашего Высокородия наипокорнейший слуга
Алексей Дедюлин.

Июля² дня
1759 г.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 3. Л. 87–88.

Описание: Модзалевский, с. 273.

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 210–212.

Примечания

¹ Ломоносову была послана рукопись «Сочиненное ведомства Ея Императорскаго Величества Кабинета подпоручиком Алексеем Дедюлиным на покрытое от древнейших философов о универсальном лекарстве изъяснение». Заявитель просит напечатать ее в издаваемом Академией наук журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», который ранее выходил под заглавием «Ежемесячные сочинения...» (см. примеч. 3 к документу № 65).

Рукопись Дедюлина сохранилась (ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 3. Л. 53–62). Насколько известно, она до сих пор не напечатана. Каких-либо других его публикаций в периодике XVIII в. также не выявлено.

² Число месяца утрачено вместе с краем листа.

104. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО — ЛОМОНОСОВУ
15 сентября 1759 г. Петербург

Memento, vir illustris, scriptions, quam tibi tradere ausus sum.
Illustrissimus Comes haud diu amplius hic moraturus dicitur. Vale.

15
17–59.
IX

Вспомните, муж славный, о писании, которое я вручить Вам осмелился. Говорят, что Его Сиятельство Граф не задержится здесь надолго. Прощайте¹.

15
17–59.
IX*

---

* Перевод М. Е. Сергеевко.

Источники текста

Автограф на латинском языке: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 2. Л. 451.

Публикации: Модзалевский, с. 273 (латинский текст). Сочинения 8, с. 212 (латинский текст и русский перевод).

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ Понятно, что под «Его Сиятельством Графом» подразумевается президент Академии наук К. Г. Разумовский, живший в Петербурге до середины февраля 1760 г. (см. примеч. к документу № 105), однако фамилия автора данной записки и повод к его написанию без дополнительных сведений определению не поддаются.

105. Ломоносов — графу М. А. Воронцову
30 декабря 1759 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

В надежде на высокую Вашего Сиятельства милость, принимаю дерзновение утруждать Вас, Милостиваго Государя, всеуниженным прошением¹, касающимся больше до общей, нежели до моей пользы, в котором уповаю милостивейшаго от Вашего Сиятельства извинения, когда Вам усердные мои труды представляю. Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии², то есть в обоим красноречии, в истории, в физике и в химии, и оные отправляю не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатныя изобретения: в красноречии ввел в наш язык свойственное стихов сложение и штиль исправил грамматическими и риторическими правилами и примерами в разных сочинениях; в физике разныя публичныя речи и диссертации в Ком[м]ентариях³, от великих учоных людей вес[ь]ма похваленныя⁴; в истории показанное истинное происхождение российскаго народа в первом томе Истории Российской⁵; в химии, кроме других изобретений, мусия. Сверх сего уже три года отправляю дела канцелярския⁶, стараясь о распространении наук в отечестве. В Гимназии через тридцать лет было такое бедное состояние,

что учащиеся ходили в классы в толь нищетском виде, что стыдно было их показывать честным людям; получая жалованье, на пищу отцам своим отдавали и, будучи голодны и холодны, мало могли об обучении думать; и сверх сего хождением домой чрез дальное расстояние и служением дома отцу и матери теряли почти все время, имели случай резвиться и видеть дома худые примеры. Для того не дивно, что с начала Гимназии не произошли не токмо профессора или хотя адъюнкты доморощен[н]ые, но ниже достойные студенты. Ныне, по моему представлению и старанию⁷, все гимназисты чисто одеты одинаким зимним и летним платьем; имеют за общим столом довольную пищу, время употребляют на учение и ведут себя порядочно; и потому были в один уже год несколько в классах произведений, и вос[с]емь человек от Профессорскаго собрания удостоены в студенты по строгом экзамене⁸. Введенными мною российскими классами в Гимназии пользуются не токмо россияне, но и чужестранцы. Таким же образом и о Университете крайне стараюсь, но мало к тому моего авторитету. Товарищи мои по Канцелярии, имея в смотреии людей нижних чинов, легко могут с ними управиться. Напротив того, мне в нынешнем чине не сметь и напомянуть профессорам о исполнении должностей, что почитают за обиду и ходят по знатным домам с ложными жалобами. Нынешний отъезд Его Сиятельства, Милостивого Государя Графа Кирил[л]а Григорьевича необходимо требует особливаго учреждения, затем что два иностранные в Канцелярии члены⁹ против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки приращения учоных россиян. Великой Академической корпус, состоящей из многих департаментов, неотменно должен иметь вице-президента, ибо оные положены в много меньших командах. К сему ежели кто определен будет извне Академии, то никакой не воспоследует почти пользы, затем что он долго будет должен признаваться ко внутреннему академическому состоянию, и между тем чужих умов слушать, которые в Академии коль несогласны, довольно известно. Напротив того, будучи дватцать лет в сем корпусе в разных чинах и уже девять лет советником¹⁰, три года членом Канцелярии и прежде в нескольких бывших в ней комиссиях быв судьей¹¹ и сверх того отправляя разных профессоров должности и чрез то вызнав и высмотрев во всей Академии, где есть излишества и недостатки, совершенное право имею всенижайше просить о произведении меня в оное до-

стоинство, представля[я] при том истинную и врожденную мою любовь и ревность к отечеству и к наукам, которая всего чувствительнее в моем сердце. Для сих причин не сомневаюсь, что Ваше Сиятельство будете мне в получении онаго, по древней Вашей отеческой милости, предстатель и помощник, и тем вяще ободрите мое рачение к размножению в отечестве природных ученых людей, в которых не без сожаления видим великий недостаток. В ожидании такой Вашей высокой отеческой милости с глубоким высокопочитанием пребываю

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Декабря 30 дня
1759 года.

Приложение¹²

РОСПИСЬ УПРАЖНЕНИЙ СЕГО 1759 ГОДА.

Сверх текущих дел канцелярских следующие суть, касающиеся до моего смотрения ученых департаментов:

1. В плане о строении главнаго Академического корпуса рописал все департаменты и зделал выкладку суммы, требуемой на строение 88 тысяч вместо от архитектора положенных 151 тысячи, что легче может быть исходатайствовано¹³.

2. В Географическом департаменте о сочинении новаго Российскаго атласа по крайней возможности старался; и естли бы господа профессеры Миллер и Гришов по силе инструкции поступали, то бы уже четыре карты к нагрыдорованию готовы были. Между тем, по моему расположению, представлению, и хождению Правительствующий Сенат приказал изо всех городов Российскаго государства присылать в Академию надежныя и обстоятельныя географическия известия, по тритцати запросам, от чего неотменно воспоследует не токмо Российской географии превеликая польза, но и экономическому содержанию всего государства сильное вспомошествование. Подобным образом, по моим представлениям, и Святейший Синод склонился сообщить Академии известия о всех монастырях и собирать

из них древняя летописцы. Наконец, сделал росписание, кому и в какие места должно быть послано для чинения астрономических наблюдений, коими надлежит утвердить геометрическое положение всего атласа¹⁴.

3. В Гимназии старался о порядочном содержании и учении, и было два экзамена и произведение из нижняго класса в средней, из средняго в верхней. А из верхняго класса есть уже несколько человек достойны в студенты, и было б и больше, естли бы учителя ходили в классы порядочнее и учили бы по данным от меня инструкциям¹⁵.

4. Сочинил Регламент для Университета и купно с сочиненным мною прошлаго году гимназическим Регламентом, данными для рассмотрения Канцелярии, исправил по учиненным на оныя примечаниям, которые были внимания достойны¹⁶.

5. Сочинил пункты и форму привилегии, которую должно испросить от Высочайшия власти для Санктпетербургскаго Университета¹⁷.

6. Расположил порядок, как должно происходить помянутаго Университета инаугурации¹⁸.

7. По моему представлению учреждены Академии наук корреспонденты, как [в] Парижской¹⁹.

В науках

В физике.

1. Сочинил и в публичном собрании читал рассуждения о большей точности морского пути, к чему сделаны вымышленные мною под моим смотрением новые и[н]струменты.

2. Вымышлен мною новой универсальной барометр, для познания перемены общей тягости, которой свое действие имеет.

3. Унижено мною над центроскопическим пендулом, мною же изобретенным, и над помянутым барометром универсальным 2100 наблюдений переменам, в них бывающим, каковыя еще нигде в учоном свете не деланы.

4. Изобрел новый инструмент для наблюдения звезд на одной вертикальной линии, чем избыть можно труднаго разделения квадрантов на градусы и минуты.

5. Делал опыты для изыскания оптических способов, как бы глубже дно в водах видеть можно было, нежели просто глазами²⁰.

В истории и в словесных науках.

1. Зделал краткой перечень Российской истории²¹.
2. Сочинил таблицу Российской Императорской Фамилии²².
3. Собрал великую часть рифмологии Российской²³.
4. Сочинил краткия стихи: 1) на Фортуну, 2) на ландкарту Его Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича, 3) на Ораниенбаумские экзерциции, 4) на Петров день в Петергофе²⁴, 5) на победу у Пальцига, будучи в Гостилицах²⁵.
5. Переводил стихи из Сенеки и с немецкаго²⁶.
6. Сочинил оду на тезоименитство Ея Величества и на победы²⁷.
7. Сочиняю програм[м]у и речь благодарственную для инавгурации Университета²⁸.

Источники текста

Автограф письма: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 14–15*. Копия писарскою рукой: *РГДА. Ф. Воронцовых. № 2847. Л. 11–12*. Приложение: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 54–55*.

Публикации письма: *АВ*, с. 484–486. *Сочинения 8*, с. 212–215. *ПСС 10*, с. 535–537. Публикации приложения: *Сочинения 4*, с. 267 второй пагин. (отрывок). *Сочинения 8*, с. 215–217. *ПСС 10*, с. 394–396.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ В данном письме Ломоносов излагает просьбу о «произведении» его в «достоинство» вице-президента Академии наук, чего он начал добиваться от своих покровителей еще за несколько лет до того (см. документы № 77, 80 и примеч. к ним). Одновременно в этот же день, 30 декабря 1759 г., он написал такое же письмо к И. И. Шувалову, но сейчас оно неизвестно.

² Ломоносов считает эти годы со дня своего назначения профессором химии, 25 июля 1745 г.

³ Журналы «Новые комментарии Императорской Петербургской Академии наук», в которых печатались диссертации Ломоносова (см. примеч. 2 к документу № 15, примеч. 1 к документу № 51, примеч. 3 к документу № 56).

⁴ См. документы 15, 51, 57 и примеч. к ним.

⁵ О работе Ломоносова над российской историей упоминается ранее в письмах к И. И. Шувалову (см. документы № 43, 49, 56, 70, 77) и Л. Эйлеру (документ № 67).

Первоначально рукопись первого тома действительно была готова в 1758 г. и сдана в Академическую типографию. К 8 марта 1759 г. из нее уже было на-

печатано три печатных листа (*Биллярский*, с. 744–745). Однако затем ее печатание было приостановлено по инициативе самого Ломоносова, взявшего рукопись из типографии, формально — для доработки избранной им формы примечаний. В результате первый и единственный том под заглавием «Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года» был выпущен только посмертно, в 1766 г.

⁶ Членом Академической канцелярии Ломоносов стал 13 февраля 1757 г., распоряжением графа К. Г. Разумовского: «По имянному Ея Императорскаго В[еличества] указу отправляюсь я в Малороссию, где нынешние обстоятельства требуют моего присутствия, и потому принужден от Академического корпуса на некоторое время отлучиться; а дабы в отсуствии моем в случае иногда болезни г[оспо]д[и]на статского советника Шумахера или иного приключения, которому он по дряхлости и старости лет своих подвержен быть может*, Канцелярия Академическая праздна не осталась, а паче всего в порядочном течении дел остановки не воспоследовало, и над всеми Академическими департаментами могло быть всегдашнее доброе смотрение, того ради во время моего отлучения вместе с упомянутым г[оспо]д[и]ном статским советником Шумахером присутствовать в Канцелярии Академической и все текущая по Академии дела обще с ним подписывать г[оспо]д[и]ну коллежскому советнику и профессору Ломоносову, и г[оспо]д[и]ну коллежскому асессору и унтер-библиотекарю Тауберту, поступая во всем по Регламенту и приложенной при сем особливою инструкции, о чем от меня и в Пр[авительствующий] Сенат доношением представлено. А г[оспо]д[и]ну надворному советнику Штелину быть по-прежнему во определенной от меня особливою комиссии по академическим строениям, о чем им всем объявить в Канцелярии» (*Биллярский*, с. 316–317).

⁷ Об этой стороне деятельности Ломоносова см. документы раздела «Организация учебного дела» и примеч. к ним (*ПСС 9*, с. 437–611, 847–933).

⁸ Определением Академической канцелярии от 19 января 1760 г. из гимназистов в студенты были произведены: Василий Матвеев, Дмитрий Легкой, Гур Иванов, Иван Петровский, Федор Васильев, Николай Стрешнев, Иван Лепехин и Василий Федотьев, «в рассуждении представленных о успехах в науках аттестатов» (*ПСС 9*, с. 555).

⁹ Т: е. И. И. Тауберт и Я. Штелин. Сам И. Д. Шумахер с 1758 г. «за дряхлостью» фактически оставил дела.

¹⁰ Таким образом, срок своего пребывания в Академии наук Ломоносов исчисляет со времени своего возвращения из Германии в 1741 г. Девять лет назад,

---

* В сентябре 1757 г. И. Д. Шумахеру исполнялось 67 лет. — Г. М.

1 марта 1751 г., ему был пожалован чин коллежского советника (см. примеч. 1 к документу № 38).

¹¹ Здесь подразумевается, очевидно, участие Ломоносова в расследовании дела о переписке Г. Ф. Миллера с И. Н. Делилем в 1748 г. (*ПСС 10*, с. 173–186, 632–639) и в «Комиссии для отрешения излишеств от Академии», образованной в 1754 г. (см. примеч. 13 к документу № 61 и примеч. 1 к документу № 70).

¹² Второе приложение к этому письму (копия писарскою рукой: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 49–52*) Ломоносов вновь послал Воронцову в дополненном варианте 19 января 1764 г. (см. документ № 139).

¹³ См. представление Ломоносова в Академическую канцелярию о постройке новых зданий для академических учреждений от 6 июня 1757 г. (*ПСС 10*, с. 195–198, 650) и его же представление в Академическую канцелярию об утверждении Регламентов Университета и Гимназии и плана новых академических зданий от 7 декабря 1759 г. (*ПСС 9*, с. 545–548, 889–890).

¹⁴ См. об этом документы 1759 г. и примеч. к ним (*ПСС 9*, с. 193–210, 721–727).

¹⁵ См. выписку из журнала Академической канцелярии от 19 января 1759 г. об «узаконениях» для гимназистов, представление Ломоносова в Академическую канцелярию от 25 февраля 1759 г. о выпуске для нужд Гимназии серии изданий, излагающих основные задачи всех наук, выписку из журнала Академической канцелярии от 29 сентября 1759 г. о представлении Г. В. Козицким и Н. Н. Мотонисом отчетов о преподавании в Гимназии и примеч. к ним (*ПСС 9*, с. 534–535, 536, 541–542, 881, 882, 886), а также выше, примеч. 8.

¹⁶ См. документы и примеч. к ним: проект Регламента Академической гимназии и проект штата Гимназии и Университета, составленные между 24 марта и 27 мая 1758 г.; план Регламента, проект штата, перечень привилегий и программу инаугурации Академического университета, подготовленные не позднее 23 июля 1759 г.; выписку из журнала Академической канцелярии от 17 сентября 1759 г. о передаче на отзыв проектов университетского и гимназического Регламентов; замечания Ломоносова по поводу возражений И. Э. Фишера против проекта университетского Регламента, написанные не ранее 16 октября 1759 г.; представление Ломоносова в Академическую канцелярию об утверждении Регламентов Университета и Гимназии и плана новых академических зданий от 7 декабря 1759 г. (*ПСС 9*, с. 477–527, 537–541, 542–548, 866–876, 883–889).

¹⁷ См. план Регламента, проект штата, перечень привилегий и программу инаугурации Академического университета, подготовленные не позднее 23 июля 1759 г., объявление о расширенном приеме учеников в Гимназию, составленное 14–22 февраля 1760 г., и примеч. к ним (*ПСС 9*, с. 537–540, 564–565, 883–885, 894–895).

¹⁸ См. те же план Регламента, проект штата, перечень привилегий и программу инаугурации Академического университета, подготовленные не позднее 23 июля 1759 г., представление Академии наук на Высочайшее имя о рассмотрении в Императорской Конференции проекта университетских привилегий от 17 февраля 1760 г. и примеч. к ним (*ПСС 9*, с. 537–540, 565–566, 883–885, 895–896).

¹⁹ См. представление Академической канцелярии, подписанное Ломоносовым, Таубертом и Штелиным на имя президента К. Г. Разумовского об учреждении «класса корреспондентов» и о принятии в академические корреспонденты П. И. Рычкова (*ПСС 10*, с. 76–77, 619–620).

²⁰ О перечисленных работах Ломоносова в физике см. *ПСС 4*.

²¹ В настоящее время известны только наброски плана русской истории Ломоносова, но они находятся в тетради материалов к «Российской грамматике», датированной концом 1740-х — серединой 1750-х гг. (*ПСС 6*, с. 87, 562–563).

²² Имеется в виду «Краткий Российский летописец с родословием», выпущенный отдельным изданием в 1760 г. (*ПСС 6*, с. 288–358, 588–591).

²³ Возможно, речь идет о продолжении «Российской грамматики», упоминания о которой см. ранее в документах № 28, 43, 83, 96 и примеч. к ним. Однако каких-либо определенных сведений о содержании работы Ломоносова, которая могла бы соответствовать «рифмологии Российской», не имеется.

²⁴ В копии *РГАДА* пункт 4 «на Петров день в Петергофе» отсутствует.

²⁵ Из перечисленных Ломоносовым пяти стихотворений в настоящее время известны тексты только первого и четвертого: «на Фортуну» — «Фортуну вижу я или Венеру...», и «на Петров день в Петергофе» — «Взойди, веселый дух, на ону высоту...» (см.: *ПСС 8*, с. 647, 667, 1090–1091, 1110–1111).

²⁶ О переводах из Сенеки, к которым Ломоносов обращался в 1747 и 1759 гг., см. *Сочинения 8*, с. 195–196 второй пагин. Что именно подразумевается из переводов с немецкого — неясно.

²⁷ «Ода Императрице Елисавете Петровне на торжественный праздник тезоименитства Ея Величества сентября 5 дня 1759 года и на преславныя Ея победы, одержанные над королем Прусским нынешняго 1759 года» (*ПСС 8*, с. 648–657, 1091–1095).

²⁸ Имеются только черновые наброски «Слова благодарственного <...> Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественной инаугурации Санктпетербургского университета, говоренное 1760 года» (*ПСС 8*, с. 677–684, 1116–1120).

При представлении¹ низжайше прошу напомнить:

1. Что служу 9 лет в одном чине и остался от многих².
2. Что в Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели.
3. Что Граф К[ирила] Г[ригорьевич] и прежде сего представлял о вице-президенте³.
4. Что всеми силами стараюсь о ученых россиянах, сочинил регламенты, привел в порядок Гимназию⁴.
5. И прежде сего советы давал о Московском университете⁵.
6. Что вице-президентский чин невеликой, а в Графских отсуствиях надобен.
7. Сие ободрит меня к сочинению в один год Петриады⁶.

НВ. Постарайтесь, Милостивой Государь, чтобы я благодарственное слово на университетской инаугурации проговорил с великим ободрением⁷.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 22–23.

Описание: Модзалевский, с. 94.

Публикации: *Биярский*, с. 433 (по копии Н. С. Тихонравова). *Пекарский II*, с. 688. *Сочинения 8*, с. 217–218 (с датой: январь 1760 г.). *ПСС 10*, с. 537.

Печатается по: *Сочинения 8*, с уточнением даты.

Примечания

¹ Данное письмо или, скорее, записка свидетельствует о продолжении усердных попыток Ломоносова заполучить место вице-президента Петербургской Академии наук, начатых им еще в 1754 г. (см. документы № 77, 80 и примеч. к ним).

30 декабря Ломоносов опять написал об этом М. А. Воронцову (см. документ № 105) и, одновременно, И. И. Шувалову, но это письмо до сих пор не обнаружено.

И. И. Шувалов

В следующий раз Ломоносов возвратился к этому сильно волновавшему его вопросу в письме к М. Л. Воронцову от 22 августа 1760 г. (см. документ № 112).

² См. примеч. 1 к документу № 38.

³ В 1751 г., перед отъездом в Малороссию, К. Г. Разумовский действительно писал императрице Елизавете Петровне о том, что в Академии «весьма бы полезно было прибавить вице-президента» (*Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*, т. 1. СПб., 1880, с. 147–148).

⁴ См. примеч. 13, 15–18 к документу № 105.

⁵ См. документ № 73 и примеч. к нему.

⁶ Пункт 7 вписан Ломоносовым позже окончания письма. «Петриадой» он называет свою героическую поэму «Петр Великий», работу над которой начал в 1756 г. (см. примеч. 4 к документу № 95).

⁷ См. примеч. 28 к документу № 105.

107.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

3 марта 1760 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

По Вашего Высокопревосходительства повелению составляется мозаичный портрет для Московскаго университета, и уже приходит к окончанию, и нынешнею весною готов будет¹. Между тем недостатки мои принуждают показать Вам счет, во что он мне ныне стоит, и всепокорнейше просить Вас, Милостиваго Государя, о вспомоении, чтоб я в нынешних нужных обстоятельствах мог исправить[ся] деньгами². Ежели угодно освидетельствовать, то оная работа здесь и трудящиеся мастеровые люди³. Ожидая милостивого неоставления, с достодолжным высокопочитанием пребываю

Вашего Высокопревосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Марта 3 дня
1760 года.

Счет, во что стало по сие время
делание мозаичнаго Портрета Ея Величества
для Московскаго университета

Мастеру мозаичных составов в год 80 р.	80	—
Двоим наборщикам по 50 р.	100	—
Ученику	25	—
Материю тянут, разрезавают, готовят и варят, прошлифо[вы]вают куски 4 человека по 25 р.	100	—
Двое стеклянных плавильщиков и гончар по 25 р.	75	—
Работников рубить дрова, жечь уголье, печи в Лаборатории и мастерских топить, материалы толочь и сеять, глину мять 8 человек по 18 р.	144	—
Итого за работу за год	524	—
а в два	1048	—
Ординарной мозаичной материи 9 футов, на фут исходит около 2 пуд, считая с обломками и с отшлифовками, пуд по 3 рубли	54	—
Дорогой материи 3 фута квадратных с обломками и с опилками 6 пуд по 10 р. пуд	60	—
Сковорода	24	
Крест	2	60 коп.
Проволока	1	60 коп.
Мастика и горшков, в чем варить, по 1 р. на фут	12	
Всего	1201	20 —
<i>В прошлом 1757-м⁴ году пятьсот рублей получено.</i>		

Источники текста

Автограф письма: *ПФАРАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 9–11*. На обороте помета: И. И. Шувалова: «Письмо от М. В. Ломоносова от 3-го марта 1760-го и притом счет о мозаичном портрете». Счет писарскою рукой, последняя строка рукой Ломоносова: *Там же. Л. 10*.

Описание: *Модзалевский*, с. 94.

Публикации письма и счета: *Бартенев П. И.* Ломоносов к Шувалову // *Зритель обществ. жизни, лит. и спорта*, 1862, № 28, 7 июля, с. 19–20 (неточно). *Пекарский П.*, с. 710–711. *Сочинения* 8, с. 218–219. *ПСС* 10, с. 537–538 и *ПСС* 9, с. 145–146.

Публикация только счета: *Макаренко Н.* Мозаичные работы Ломоносова // *Каталог*, т. 8, с. 13.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Темой письма является набор мозаичного портрета императрицы Елизаветы Петровны, выполнявшийся по заказу И. И. Шувалова (см. документ № 89 и примеч. к нему). К весне 1760 г. портрет закончен не был. Окончание работы над ним относится к 1762 г.

² И. И. Шувалов оплатил представленный ему счет в 1760 г. (*Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования, ч. 1. СПб., 1864, с. 27).

³ Портрет Елизаветы Петровны набирали мозаичисты, ученики Ломоносова Матвей Васильев и Ефим Мельников (*Макаров*, с. 156; ср.: *ПСС* 9, с. 704 и *ПСС* 10, с. 848).

⁴ *Первоначально было*: 1755.

108. Ломоносов — С. Я. Румовскому
12 апреля 1760 г. Петербург

Г[осподи]н адъюнкт Румовской!

В Канцелярии Академии наук, по представлению г[осподина] профессора Гришова, определено быть Вам при нем, Гришове¹, и упражняться в практике астрономической, дабы наблюдения продолжаться могли непрерывно и для всякаго случая был всегда

искусный запасный обсерватор; а чтобы он, Гришов, показывал Вам теорию и практику астрономическую со всяким прилежанием и отвел бы Вам покой в том доме, в котором он живет, ордер к нему, Гришову, послан, а о сделании перегородки в том покое, в котором Вы жить будете, мастеру Фричу ордер же дан.

Михайло Ломоносов.

Протоколист *Дмитрий Тимофеев.*

Канцелярист *Яков Волков.*

Апреля 12-го дня,

1760 года.

Источники текста

Автограф писарскою рукой, подписи собственноручные: *Отдел рукописей РНБ. Ф. 1000. Ломоносов. Л. 5.* Вверху листа помета Румовского: «Получен того же дня».

Описание: *Отчет ИГБ за 1906 год.* СПб., 1913, с. 160. *Андреев*, с. 397.

Печатается по первой публикации: *Ламанский*, с. 103–104.

Примечания

¹ Определение Академической канцелярии о назначении Румовского адъюнктом при А. Н. Гришове подписано Ломоносовым, Таубертом и Штелиным 3 апреля 1760 г. (*ПСС 9*, с. 341). Однако учиться Румовскому у Гришова почти не пришлось — 4 июня тот умер. 16 июня 1760 г. астрономическая обсерватория была поручена Ф. У. Т. Эпиниусу с предложением «адъюнкту Румовскому подавать всякое наставление как в теоретической, так и в практической астрономии и при собственном его прилежании привести его до такого совершенства, чтоб он мог заступить место профессорское астрономии и нужды бы не было постороннего выписывать» (*ПСС 9*, с. 343).

Спустя три года Румовский стал экстраординарным профессором астрономии, а в 1767 г. — академиком по классу астрономии.

17 апреля 1760 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович!

Вашему Высокопревосходительству довольно известно, что Александр Серге[е]вич весьма жалует Миллера, которой нигде не пропускает случая, чтобы какое нибудь зло против меня всеять. Того ради не удивлялся я Александра Сергеевича издавна холодности¹, вместо которой ко мне для любления наук должен был я ожидать такой горячности, какую Вы оказали ко мне и Его Сиятельство Роман Ларионович, приехав из Москвы. Имея охоту к российским словесным наукам и к минералам, как бы можно было пренебрегать меня, естли бы от Миллера предъверение не усилилось. К сему присовокупилось еще новое неудовольствие, что я печатать отсоветываю францу[з]скую речь, не ради того, что она вес[ь]ма нескладна, но для того, что все учиненныя в ней похвалы для России тем самым опровергаются, что он, не зная российского языка, рассуждает о российских стихотворцах и ставит тех в параллель, которые в параллеле стоять не могут. Ваше Превосходительство праведно рассуждаете по его тихим поступкам, чтобы мог кого избидеть. И я сам вчерась бранным словам его не верил, пока великой перемены в глазах и во всем его лице не увидел. Всю процессию могу с Вашего Превосходительства позволения, при нем на словах представить. Я сожалею сердечно, что Вас принужден представлением утруждать о моей неповинности, а особливо, видя из Вашего пис[ь]ма, что Вы уже моего обидчика защищаете². Едва принимаю смелость послать к Вам сии строки. И нонче бы не послал, естли бы меня общая польза отечества к тому не побуждала. Мое единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожденное течение Гимназию и Университет³, откуда могут произотти многочисленные Ломоносовы; и для того Ваше Высокопревосходительство всеуниженно прошу постараться, чтобы из Конференции, при Дворе учрежденной, дан был формуляр привилегии по прошению Его Сиятельства Академии наук господина Президента, чего при сем копии сообщаю⁴. Сие будет большее всех благодеяние, которое Ваше Высокопревосходительство мне в жизни зделали. По окончании сего только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лутче видеть было персон

высокородных⁵, которые мне низкою моею породою попрекают, видя меня, как бельмо на глазе, хотя я своей чести достиг не слепым счастьем, но данным мне от Бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно для учения⁶. И хотя я от Александра Сергеевича мог бы по справедливости требовать удовольствия за такую публичную обиду, однако я уже оное имею чрез то, что при том постоянные люди сказали, чтобы я причел его молодости, и его приятель⁷ тогда же говорил, что я напрасно обижен; а больше всего тем я оправдан, что он, попрекая не дворянство, сам поступил не по дворянски. И так, все позабывая, еще всеуниженно прошу Вашим предстательством для пользы учащихся россиян споспешествовать университетской привилегии, которая может быть и для Московского университета несколько послужит.

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
всеуниженный слуга
Михайло Ломоносов.

Апреля 17 дня
1760 года.

ПРИМЕЧАНИЕ⁸

Quand un tel parallele designe deux genius createurs.

Genie Createur перевел в свои трагедии из францу[з]ских стихотворцов все, что ни есть хорошево, кусками с великим множеством несносных погрешностей в российском языке; и оныя сшивал еще гаже своими мыслями и словами. *Genie Createur!* стихосложение принял сперва развращенное от Третьякова⁹ и на присланные из Фрейберга сродныя нашему языку и свойственныя написал ругательную эпиграмму¹⁰. Однако после им же последовал и писал по ним все свои трагедии и другие стихи. *Genie Createur!* Действиям учил Мелиссино¹¹; а он только вздорил и всегда представлял в комедиях комедии. *Genie Createur!* Директорство Российского театра¹² вел так чиновно, что за многия мечтательныя его неудовольствия и неистовыя наглости лишен полной прежней команды. *Genie Createur!* Сколько ни жилился летать одами, выбирая из других российских сочинений слова и мысли и хотя их превисить, однако толь же счастлив был, как Икар. *Genie Createur!*

Новое изобретение. Выдумал пчелку и посылал ее по мед на стрелку, чтобы притом жалила подъячих¹³. Изрядной нашол способ в крапиву испражняться! *Genie Createur!* Сочинял любовныя песни и тем вес[ь]ма счастлив: для того что вся молодиож, то есть пажи, коллежские юнкеры, кадеты и Гвардии капралы так ему последуют, что он перед многими из них сам на ученика их походит. *Genie Createur!*¹⁴

Источники текста

Автограф письма: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 12–13*. Примечание писарскою рукой с тремя поправками Ломоносова: *Там же. Л. 30*.

Описание: *Модзалевский*, с. 94.

Публикации письма: *Письма Ломоносова к И. И. Шувалову, читанные в Обществе любителей российской словесности, 4-го марта 1859* / [Сообщ. и примеч. П. И. Бартенева] // *Воронежская беседа на 1861 год* / Изд. М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб., 1861, с. 233–235 (по копии, без обращения и подписи). *Биллярский*, с. 431–433 (по копии Н. С. Тихонравова). *Пекарский*, с. 685–687 (без обращения и заключительных слов). *Сочинения* 8, с. 220–221. *ПСС* 10, с. 538–539.

Публикации примечания: *Летописи*, 1859, т. 2, кн. 4, отд. III, с. 105–106. *Пекарский II*, с. 686. *Берков*, с. 257–259. *Сочинения* 8, с. 221–222.

Печатается по: *Сочинения* 8, с уточнением по *ПСС* 10.

Примечания

¹ Из дальнейшего текста письма видно, что его написание было вызвано столкновением Ломоносова с бароном А. С. Строгановым, произошедшим накануне, 16 апреля, из-за речи аббата Лефевра «Discours sur le progrès des beaux arts en Russie» («Речь о постепенном развитии изящных искусств в России»). Лефевр произнес ее, вступая в члены литературного салона, организованного Строгановым и А. П. Шуваловым. О Ломоносове и Сумарокове в ней было в т. ч. сказано: «Quand un tel parallèle désigne deux genies-créateurs» («Если подобная параллель способна охарактеризовать двух гениев-творцов»). Через Г. Ф. Миллера Строганов пожелал напечатать речь в Академической типографии, и, разумеется, это вызвало сильное негодование Ломоносова.

² Упомянутое письмо И. И. Шувалова было написано, очевидно, в этот же день, 17 апреля. В настоящее время оно неизвестно.

³ См. примеч. 13, 15–18 к документу № 105.

⁴ Копии при письме не сохранились.

⁵ По родственным связям барон А. С. Строганов, которому в 1760 г. было 27 лет, приходился свойственником императрице Елизавете Петровне как через свою мать (она была урожд. Нарышкина), так и через женитьбу на дочери вице-канцлера графа М. Л. Воронцова, Анне Михайловне. В тогдашней России Строганов был, возможно, самым богатым человеком после императрицы.

⁶ «В этом предложении недостает чего-то». — Примеч. *Биллярского*, с. 532.

⁷ Приятелем барона Строганова был уже упомянутый выше А. П. Шувалов, сын графа П. И. Шувалова. 15 мая 1760 г. он выступил в литературном салоне со своим ответом. Затем текст его речи оказался в распоряжении Фрерона. Возможно, рукопись переслал в Париж Ле-Руа, воспитатель А. П. Шувалова, или живший в доме его родителей барон Т. Г. Чуди. Фрерон поместил речь в издаваемом им журнале, дав ей заглавие: «Письмо молодого русского вельможи***» (*Lettre d'un jeune seigneur russe à M. de*** // L'Année littéraire*, 1760, т. V). Русский перевод речи А. П. Шувалова см.: *Берков*, с. 262–265.

⁸ Приложенное к письму «Примечание» целиком посвящено Ломоносовым доказательству отсутствия у Сумарокова творческого дарования.

⁹ «Третьяковым» Ломоносов презрительно называет В. К. Третьяковского, автора «Нового и краткого способа к сложению российских стихов», изданного в 1735 г.

¹⁰ Первыми литературными произведениями Ломоносова, присланными из Германии, были переводная «Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон, архиепископ дук Камбрейский, Священный Римский Империи Принц» и собственная «Ода на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года», полученная в Петербурге вместе с «Письмом о правилах российского стихотворства». Ругательная эпиграмма Сумарокова на эти произведения или какое-либо одно из них — неизвестна. Более того, в начальный период их общения отношения между Ломоносовым и Сумароковым были вполне дружескими (см. примеч. 2 к письму № 23).

¹¹ О литературном творчестве И. И. Мелиссино, учившегося в Сухопутном шляхетном корпусе одновременно с А. П. Сумароковым, см.: *Словарь* 2, с. 280–282.

¹² Директором Российского театра в Петербурге Сумароков был в 1756–1761 гг.

¹³ Смысл этого предложения следующий: Сумароков, издающий журнал «Трудолюбивая пчела» (см. примеч. 6 к документу 100), ездит за вдохновением на стрелку — так в Петербурге называлось взморье с островом, принадлежащим другому недоброжелателю Ломоносова, И. П. Елагину (см. документы № 58–60 и примеч. к ним). По фамилии владельца остров получил название Елагин, что сохраняется за ним до сих пор.

Имеется и соответствующая «эпитафия» Ломоносова, сочиненная им также в 1760 г.:

Под сею кочкою оплачь, прохожей, пчелку,
Что не ленилася по мед летать на стрелку.
Из губ подъяческих там сладости збирать:
Кутья у них стоит, коль хочешь поминать (ПСС 8, с. 690).

¹⁴ О том, каким образом Ломоносов лично воспрепятствовал печатанию в Академической типографии речи Лефевра, известно из письма последнего к А. П. Сумарокову: «Мне сообщили, милостивый государь, что у Вас есть враг в лице одного писателя, члена вашей Академии, который в приступе исступления, раздосадованный тою справедливостью, которой я слишком слабо воздаю Вам в своем посредственном труде, хотел уничтожить произведение, его автора и похвалу, произносимую в нем самой истиной в честь Ваших талантов. Я узнал, что он, подобно тому как ваши казаки нападают на отряд пруссаков, обрушась на издание моей книги, с яростью разбил набор и уничтожил гранки» (*Сочинения* 8, с. 202 второй пагин.).

Речь Лефевра все-таки была выпущена в 1760 г., правда, без указания места издания: «Discours sur le progrès des beaux arts en Russie. MDCCLX». Ее набор и печать сделаны в какой-то другой типографии, судя по характеру оформления — за границей, скорее всего в той же Франции. В тексте имеется ряд изменений, главное из которых — отсутствие фразы о «гениях-талантах».

Резкие столкновения Ломоносова с Сумароковым продолжали происходить и в 1761 г. (см. документ № 114 и примеч. к нему).

110. ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ
20 апреля 1760 г. Петербург

Милостивый Г[осу]д[а]рь Иван Иванович!

Для приведения в порядок сокращения описания Камчатки¹, которое по частям переписывано и переводится, присылаю Вашему Высокопревосходительству оное в оригинале, чтобы француз[с]-кое по тому расположить можно было. При сем принимаю смелость, Милостивый Г[осу]д[а]рь, о моем всеуниженном прошении, для общей пользы наук в отечестве, докучать, чтобы Вашим сильным ходатайством по представлению Милостиваго Г[осу]-

д[а]ря графа Кирил[л]а Григорьевича из высокой Конференции дан был формуляр университетской привилегии² для ускорения инаугурации и порядочного течения учений. Сие будет конец моего попечения о успехах в науках сынов российских и начало особенного рачения к приведению в исполнение старания моего в словесных науках³. Дело вес[ь]ма Вам не трудное и только стоит Вашего слова, которым многие наук рачители обрадованы будут и купно я с ними, истинный и непреложный почитатель

Вашего Высокопревосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Апреля 20 дня
1760 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. От. 3. № 56. Л. 6.

Описание: Модзалевский, с. 95.

Публикации: *Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову*: Материалы для истории русского образования // *Грот*, с. 26–27, откуда перешло в: *Труды Я. К. Грота*, т. 3. СПб., 1901, с. 53. *Биллярский*, с. 434. *Пекарский II*, с. 687–688. *Сочинения 8*, с. 222–223. *ПСС 10*, с. 540.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Эта работа готовилась для Вольтера (см. примеч. 3 к документу № 100).

² См. примеч. 13, 15–18 к документу № 105. См. также примеч. 7 к документу № 114.

³ Возможно, это намек на работу Ломоносова над героической поэмой «Петр Великий» (см. примеч. 4 к документу № 95). Об истории ее написания есть косвенное свидетельство самого И. И. Шувалова: «Какая причина, спросил я, [говорит Тимковский], что Ломоносов, принявши в образец Энеиду, остановил свою поэму на двух песнях? — Я заставил его, [отвечает Шувалов], только сделать этот опыт для Императрицы» (*Записки Ильи Федоровича Тимковского «Мое определение в службу»*: Сказание в трех частях // *Рус. архив*, 1874, № 6, стлб. 1453).

ЛОМОНОСОВ —
ШВЕДСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
15 июля 1760 г. Петербург

Illustrissimae Academiae Regiae Scientiarum Sveciae
studia et officia sua devoto offert animo simulque

S. P. D.

Michaël Lomonosow.

Quum primum id honoris mihi obtigit, ut plenum humanitatis atque fa-
voris diploma acceperim, quo illustrissima Academia Scientiarum testari
voluit me in Societatem Illius esse cooptatum; officium fuit meum sine
ulla mora gratum significare animum pro tanto tamque singulari a cele-
berrima Societate accepto beneficio. Verum tamen, ne vacuus gratiarum
actor tantorum virorum litteris coetum alloquerer, sed ut jam socius so-
ciam Illi commodarem operam, muneris mei esse existimavi, exhibere
aliquod grati animi atque studii mei specimen. Offerre igitur ausus sum
libellum, quaedam communis nostri septentrionis phaenomena breviter
exponentem. Quae, quantum mihi quidem constat, non ut merentur, in
orbe litterario sunt cognita. Solidissimum veritatis erit argumentum de
illis sententia illustrissimae Regiae Academiae Scientiarum Sveciae, cujus
beneficium et favorem gratissimo animo colere nunquam desistam.

Dabam Petropoli die 15 julii.
A. S. 1760.

Славнейшей Шведской Королевской Академии наук
службу свою преданнейше предлагает и

н[ижайший] п[ривет] ш[лет]

Михаил Ломоносов.

Удостоившись чести получения любезной и благожелательной
грамоты, которой славнейшая Академия наук пожелала уведо-
мить меня об избрании в члены¹, почел я за долг свой незамед-

лительно изъявить благодарность за столь великую и особенную милость, от знаменитейшего общества полученную. Чтобы, однако, обратиться мне к собранию таковых мужей не с одной только пустой благодарностью, но как члену уже членскую работу предъявить, вменил я себе в обязанность предложить некий образец моей благодарности и усердия. Итак, дерзаю преподнести книжку, где вкратце изъясняются¹ явления, свойственные родному [Вам и нам] Северу нашему, которые, как мне, по крайней мере, то ведомо, в кругу ученых известны не так, как они того заслуживают. Действительнейшим доказательством ее верности будет суждение о них славнейшей Королевской Шведской Академии наук², милостивое внимание которой никогда не забуду чтить я благодарной душой.

Петербург 15 июля.
1760 г.*

Источники текста

Подлинник на латинском языке хранится в архиве Шведской Академии наук в Стокгольме. Собственноручный черновик Ломоносова на латинском языке: *ПФАРАН. Ф. 20. Оп. 1. № 3. А. 260.*

Публикации: *Будилович А. С.* Ломоносов как писатель // *Сборник ОРЯС*, 1872, т. 8, приложение № 1, с. 81 и 311 (черновой латинский текст, с неверной датой: 1763 г., повторенной в: *Пекарский II*, с. 822). *Иенсен А.* Ломоносов в шведской литературе // *Каталог*, т. 7, с. 207 (беловой латинский текст). *Сочинения* 8, с. 223–226 (беловой и черновой латинские тексты и их русские переводы). *ПСС* 10, с. 541–542 (беловой латинский текст с указанием вариантов по черновику и русский перевод).

Беловой латинский текст и русский перевод печатаются по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Шведская Королевская Академия наук была создана значительно позже Петербургской — в апреле 1739 г. Первым президентом ее стал Карл Линней. В 1754 г. он был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

Непременный секретарь Шведской Академии Петр Варгентин стал почетным членом Петербургской Академии наук 17 января 1760 г. (*Протоколы* 2, с. 443–444). В качестве дипломатического ответа почетным членом Шведской

---

* Перевод М. Е. Сергеевко.

Академии 30 (19) апреля 1760 г. был избран петербургский академик, более или менее соответствующий ему по рангу и тематике работ, т. е. Ломоносов.

Диплом Шведской Королевской Академии наук — один из документов, представленных Ломоносовым для его избрания в члены Болонской Академии при письме к М. Л. Воронцову от 19 января 1764 г. (см. документ № 139).

² Переpletенная рукопись на латинском языке, которую Ломоносов отправил в Стокгольм, называется «Рассуждение о происхождении ледяных гор в Северных морях». 10 июня 1761 г. оно было прочитано в заседании Шведской Академии, а затем переведено на шведский язык и опубликовано (Tankar om Is-bergens usprung uti de Nordiska Hafven, insände of Michael Lomonosow, Ledamot of Kejsrerliga Petersburgiska, samt K. Svenska Vet. Acad. Ifrån Latinska Språket öfversatte // Kongl. Vetenskaps Academiens Handlingar, För År 1763, vol. XXIV, p. 34–40).

Работа Ломоносова использовалась европейскими учеными, например, С. Энгелем в сочинении «Известия и замечания о местоположении северных частей Азии и Америки и о поиске пути через Северный океан в Индию» (*Engel S. Nachrichten und Anmerkungen über die Lage der nördlichen Gegenden von Asia und America und dem Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien*, Th. 2. Basel, 1777, S. 164–168, 174, 175 etc.).

Подробнее см.: *Модзалевский А. Б.* Ломоносов — член Шведской Академии наук // *Ломоносов 2*, с. 277–278; *ПСС 3*, с. 449–459, 577–579.

112. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. Л. ВОРОНЦОВУ
22 августа 1760 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивейший Государь Михайло Ларионович.

По высокой Вашего Сиятельства отеческой милости уповаю, что еще высокоблагосклонно изволите не предать забвению моего всеуниженного прошения о моем произведении, при чем сообщены мои труды и свидетельства¹. Сие возобновить в Вашем отеческом напоминании при нынешних многим оказаниях Всевысочайшая Монаршеская милости принимаю смелость. Ваше Сиятельство не утруждаю точным оных повторением и только о том всеуниженно прошу, чтобы оставлением моих законных прошений не приведен был я в уныние. Его Сиятельство Милостивый

Государь Граф Кирил[л]а Григорьевич, конечно, не может моим в вице-президенты произведением (ежели Монаршеская Всевысочайшая милость воспоследует) быть недоволен: за тем, что и так поручил мне главное правление учоных департаментов², и только не достает титула, котораго Его Сиятельство дать мне собою не может. Вашего Сиятельства милостивым и сильным ходатайством одержать сие поощрение моей ревности к расширению наук в России твердо уповаю, с глубоким высокопочитанием до смерти пребывая

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга.
Августа 22 дня
1760 года.

Р. S. Что ему помощник надобен, то Его Сиятельства при первом отъезде на Украину представление о вице-президенте явственно доказывает³.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 16–17.

Описание: Модзалевский, с. 95.

Публикации: АВ, с. 486–487. Сочинения 8, с. 226–227. ПСС 10, с. 543–544.

Печатается по первой публикации.

Примечания

¹ См. письмо Ломоносова к М. Л. Воронцову от 30 декабря 1759 г. (документ № 105), а также записку к И. И. Шувалову, датируемую между 14 февраля и 17 апреля 1760 г. (документ № 106). К Шувалову Ломоносов в очередной раз обратился по этому делу 19 января 1761 г. (документ № 114).

² 24 марта 1758 г. К. Г. Разумовский подписал определение, по которому Ломоносову поручалось «иметь особливое прилежное старание и смотрение» за Академическим, Историческим и Географическим собраниями Академии наук, а также Университетом и Гимназией, «и ежели что к лутшему произведению ученых дел и к приращению наук усмотрит, о том представлять в Канцелярии протчим г[оспо]дам членам, где по общему согласию о том чинить рассуждения и определения и докладывать для конфирмации Его С[иятельству] г[оспо]д[и]ну Президенту» (*Биллярский*, с. 368).

В 1759 г. Ломоносов много работал над планом регламента, проектом штата, перечнем привилегий и программой инаугурации Университета (см. примеч. 13, 15–18 к документу № 105).

19 января 1760 г. последовало еще одно распоряжение К. Г. Разумовского: «...господин Ломоносов между тем по сочиненному от него Регламенту Гимназии, поступая с моего позволения, привел своим старанием Гимназию во много лучшее состояние перед прежним. Того ради по данной мне от Ея Императорскаго Величества власти поручаю учреждение и весь распорядок Университета и Гимназии единственно оному господину советнику Ломоносову по сочиненным от него Регламентам, полагаясь на его знание и усердие и уповая, что он в произведении до цветущего состояния оных двух департаментов по должности сына отечества со всяким прилежанием и усердием поступать будет. И по сему Академической канцелярии чинить ему в проведении сей на него единственно положенной должности споможение, чтобы никакой больше остановки не учинилось в сем нужном деле к приращению наук в отечестве» (*Ломоносов в воспоминаниях*, с. 136).

³ См. примеч. 3 к документу № 106.

113.

ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ

7–13 ноября 1760 г. Петербург

Wegen der zwey Expeditionen nach Sibir meine Meinung ist diese, dass die zwey Observatores Popow und Rumowsky sein sollen. Zwar habe ich grosse Ursache zu zweifeln, dass die Astronomie eine solche leichte Wiissenschaft wäre, die man in einem halben Jahre, wie der Mr. Rumowski soll gethan haben, erlernen kan[n], und zwar so, dass man ihn bey denen, seltensten und schwersten Observationibus gebrauchen kan[n]. Einen Cameraden oder gar superiorem dazu zu ordiniren wäre es nicht übel. Ich will aber meine Meinung schriftlich geben. Darzwischen bitte ergebenst mit denen Monuments-Anschlagen nicht zu saumen, denn ich brauche χρῆμα, pecuniam, деньги, Geld, argent, Raha.

Мое мнение относительно двух экспедиций в Сибирь таково, что в них должны быть два наблюдателя, Попов и Румовской¹. Хотя у меня есть большие основания сомневаться, чтобы астрономия была столь легкой наукой, которой, как г[осподин] Румов-

ский, якобы, сумел, можно обучиться в полгода² и притом так, чтобы его можно было бы использовать при редчайших и труднейших наблюдениях. Не худо бы ему было придать товарища и даже старшего. Впрочем, я подам мое мнение письменно³. Между тем покорнейше прошу не медлить с проектом монумента⁴, ибо мне нужны χρῆμα, ресупат, деньги, Geld, argent, Раһа^{5*}.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 266.*

Описание: *Андреев, с. 397.*

Публикации: *Летописи*, т. 1, кн. 1, 1859, отд. III, с. 195 (немецкий текст). *Пекарский II*, с. 697 (русский перевод) и с. 711 (также русский перевод). *Сочинения 8*, с. 227 и. *ПСС 10*, с. 544–545 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения 8.*

Примечания

¹ 13 ноября 1760 г. в Академической канцелярии состоялось первоначальное обсуждение вопроса об отправке в Сибирь экспедиций для наблюдений предстоявшего редкого астрономического явления — прохождения Венеры через диск Солнца. Организовывались экспедиции на основании ордера К. Г. Разумовского от 23 октября 1760 г., «как честь и слава Академии Санктпетербургской требует» (*Биллярский, с. 468*).

В заседании 13 ноября было решено отправить в одну экспедицию С. Я. Румовского — в Иркутск, в другую Н. И. Попова и А. Д. Красильникова — в Нерчинск.

² Предложение обучать астрономии Румовского было направлено академику Ф. У. Т. Эпиниусу 16 июня 1760 г. (см. примеч. к документу № 108).

³ Насколько известно, отдельно такое мнение в письменном виде Ломоносов не подавал, разве что в его представлении президенту К. Г. Разумовскому о действиях Г. Ф. Миллера и И. И. Тауберта, поданном в январе 1761 г., сказано: «...от не знающего никакой практики Епиниуса Румовской выучился в три месяца! Между тем я бы весьма радовался как сын отечества Румовского успехам, и дай Бог, чтобы то была правда! да другим бы не обида и главной команде не следовало бы нареkania...» (*ПСС 10, с. 234*).

Экспедиция Румовского действительно закончилась неудачей, но совсем не по причине, которую предполагал Ломоносов (см. документ № 118).

---

* Перевод А. Б. Модзалевского.

⁴ Речь идет о проекте монумента Петру Великому в Петропавловском соборе. Хлопоты о получении государственного заказа на его сооружение Ломоносов начал еще в 1758 г., но почти полтора года дело оставалось без движения. Наконец 3 ноября 1760 г. в Академической канцелярии был получен из Правительствующего Сената Высочайший указ от 26 октября 1760 г., в котором говорилось: «...однакож прежде нежели за дело приняться, надлежит в рассуждение взять величество Государя, которому монумент посвящается, и знатность и силу Империи, которая изъявляет тем свою благодарность, да еще время славного государствавания Его Дщери, и потому сколько можно от большого числа ученых и искусных людей мнения собрать, каков бы сей монумент быть имел» (*Билярский*, с. 472). Проект монумента поручалось составить «главному директору» Собрания Академии Художеств Петербургской Академии наук Я. Штелину.

⁵ Стремясь подчеркнуть серьезность своих материальных затруднений, Ломоносов выписывает слово «деньги» сразу на шести языках: по-гречески, по-латыни, по-русски, по-немецки, по-французски и по-фински.

114.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

19 января 1761 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович!

Никто в жизни меня больше не изобидил, как Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня к себе. Я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям¹. Вы меня отозвали и тем поманили. Вдруг слышу: помиришь с Сумароковым!² то есть зделай смех и позор, свяжись с таким человеком, от коего все бегают; и Вы сами не рады. Свяжись с тем человеком, который ничего другово не говорит, как только всех бранит, себя хвалит и бедное свое рифмачество выше всего человеческого знания ставит. Тауберта и Миллера для того только бранит, что не печатают его сочинений, а не ради общей пользы³. Я забываю все его озлобления и мстить не хочу никоим образом, и Бог мне не дал злобнаго сердца. Только дружитья и обходиться с ним никоим образом не могу, испыт[ав?]⁴ чрез многие случаи, и знаю, каково в крапиву...⁵ Не хотя Вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал я Вам послушание, только Вас уверяю, что в последней раз. И ежели, несмотря на мое усердие, будете

гневаться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, Который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил перед Ним слезы в моей справедливости. Ваше Высокопревосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучше дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мне с ним не знаться. Буде он человек знающей и искусной, пускай делает пользу отечеству; я по моему малому таланту также готов стараться. А с таким человеком обхождения име[ть] не могу и не хочу, которой все протчие знания позор[ит], которых и духу не смыслит. И сие есть истинное мое мнение, кое без всякия страсти ныне Вам представляю. Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дурак[ом] быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, Который мне дал смысл, пока разве отнимет⁶. Г[осподин] Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет, и рад, что его Бог от меня унес. По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя привыкли сидеть дома и не желают с комедиантами обхождения. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сие время ужились мы в единомушии. Теперь по Вашему миротворчеству должны мы вступить в новую дурную атмосферу. Ежели Вам любезно распространение наук в России, ежели мое к Вам усердие не исчезло в памяти, постарайтесь о скором исполнении моих справедливых для пользы отечества прошениях⁷, а о примирении меня с Сумароковым, как о мелочном деле, позабудьте. Ожидая от Вас справедливого ответа, с древним высокопочитанием пребываю

Вашего Высокопревосходительства
униженный и покорный слуга
Михайло Ломоносов.

1761 года
Генваря 19 дня.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 55. Л. 14–15.

Описание: Модзалевский, с. 95.

Публикации: *Уrania*: Карманная книжка на 1826 г. для любительниц и любителей рус. словесности / Изд. М. Погодиным. М., [1826], с. 54–58, откуда

перешло в: *Изд. Перевлесского*, с. 149–151; *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 686–688; *Биллярский*, с. 486–487. *Пекарский II*, с. 718–719 (по автографу, без обращения и заключительных слов). *Рус. старина*, 1872, № 2, с. 335–336 (сообщ. П. А. Мухановым). *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 1. СПб., 1888, с. 318. *Сочинения* 8, с. 228–229. *ПСС* 10, с. 545–547. Полное факсимиле: *Берков*, с. 272–273.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Просьбой о доставлении ему места вице-президента Академии наук Ломоносов докучал своим покровителям с 1754 г. К М. Л. Воронцову он в последний раз, насколько известно, обращался с ней 22 августа 1760 г. (см. документ № 112).

² Известные сейчас документы сообщают о скандалах Ломоносова с Сумароковым, происшедших в присутствии Шувалова 2 января и 2 февраля 1761 г., если, конечно, речь идет не об одном и том же событии (*Сочинения* 8, с. 214 второй пагин.). В любом случае эти даты противоречат данному письму, но, очевидно, с подачи Шувалова скандалы происходили неоднократно. Ср. передачу И. Ф. Тимковским слов Шувалова: «Того же времени соперником Ломоносова был Сумароков. От споров и критики о языке они доходили до преимуществ с одной стороны лирического и эпического, с другой драматического рода, а собственно каждый своего, и такие распри опирались иногда на приносимые книги с текстами. <...> В спорах же чем более Сумароков злился, тем более Ломоносов язвил его; и если оба не совсем были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, так что он высылал или обоих, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносов занесется в своих жалобах (говорил он [Шувалов]), то я посылаю за Сумароковым, а с тем, ожидая, заведу речь об нем. Сумароков, услышав у дверей, что Ломоносов здесь, или уходит, или, подслушав, вбегает с криком: не верьте ему, Ваше Превосходительство, он все лжет; удивляюсь, как Вы даете у себя место такому пьянице, негодяю. — Сам ты подлец, пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые! — Но иногда мне удавалось примирять их, и тогда оба были очень приятны» (*Записки Ильи Федоровича Тимковского «Мое определение в службу»*: Сказание в трех частях // *Рус. архив*, 1874, № 6, стлб. 1452–1453).

³ Ср. в письме Сумарокова к И. И. Шувалову от 17 декабря 1760 г.: «...Помилуйте меня. Пускай Ломоносов обладает всеми науками. Помилуйте меня и освободите <...> от команды Тауберта, Штелина, Миллера и Ломоносова по печатанию книг. Помилуйте меня. А сверх того и чина я не получаю...» (*Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980, с. 88).

⁴Здесь и ниже в данном письме подобные конъюнктуры показывают, что в автографе часть букв оторвана по краю листа.

⁵Здесь точки в подлиннике, как утверждается в: *Сочинения 8 и ПСС 10*. В одном из экземпляров *Изд. Перевлесского*, ныне хранящихся в основном фонде РНБ (шифр: 18.212.6.38), в этом месте карандашом вписано: «жопой сесть».

Слова «Каково в крапиву...» являются автоцитатой из заключительных строк стихотворения Ломоносова «Злобное примирение г[осподина] Сум[арокова] с г[осподином] Тред[иаковским]» (1759):

Кто быть желает нем и слушать наглых врак,
Межь самохвалами с умом прослыть дурак,
Здружишь с сей парочкой: кто хочет с ними знат[ь]ся,
Тот думай, каково в крапиву испражнят[ь]ся (*ПСС 8*, с. 660).

⁶Фраза «Не токмо у стола знатных господ... пока разве отнимет» получила широкую популярность после публикации в 1841 г. незаконченной статьи А. С. Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835), в которой она цитируется, правда, не вполне точно (*Пушкин 7*, с. 196).

⁷Может быть, здесь говорится о помощи в Высочайшем утверждении «университетской привилегии», с чем Ломоносов уже обращался к И. И. Шувалову в письме от 20 апреля 1760 г. (см. документ № 110).

115. ЛОМОНОСОВ — Г. Н. ТЕПЛОВУ
30 января 1761 г. Петербург

Неоднократно писал я к Его Сиятельству и к Вашему Высокородию от истинного усердия к расширению наук в отечестве в Москву и на Украину и представлял здесь словесно и письменно о исправлении застарелых непорядков¹. Однако не по мере Монаршей к наукам щедроты воспоследовали решения и успехи, за тем что не отнято прежнее самовольство недоброхотам приращению наук в России; а когда злодеи ободряются, а добрые унижаются, то всегда добру вред чинится. Кроме многих, недавнейшей пример сами довольно помните и в совести своей представить можете; что Вы, осердясь на меня по бессовестным и ложным жалобам двух студентов, кои отнюд[ь] требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами от Университета вовсе отстали, и из коих, как я после уведо-

мился, один Вам сват², зделали неправое дело. Не спрося от меня ответу и оправдания, присоветовали, да и по штилю видно, сами сочинили мне публичной выговор: человеку, которой больше достоинств и услуг имеет, нежели за такую мелочь перед командою был обруган. И того еще Вам было [вранья] мало: в досаду мне прибавили Миллеру жалованья, якобы он отправлял три дела исправно. А именно за то, что он, будучи профессором тридцать лет, никогда лекций не читывал³ и не сочинил ничего, что бы профессора было достойно. 2) Что он, будучи конфе[ре]нц-секретарем, задерживает «Комментарии» неисправностию в сочинении сокращений⁴, ведет тайную, непозволенную и подозрительную с иностранными переписку⁵; 3) что в Ежемесячные сочинения⁶ вносит не токмо вещи, какия студент может, и кадеты с похвалою исправляют; но и везде, где только можно, предосудительныя нашему отечеству мысли вносит⁷.

Все сие показалось Вам заслугами. А мое представление, что я через шестнадцать лет одами, речьми, химиею, физикою, историею делаю честь отечеству, и всегда о добре Академии и о праведной, а не подложной чести Его Сиятельства усердствую, Вы прияли за погрешность, для того что я не удовольствовал бесстыдных требований Вашего свата. Поверьте, Ваше Высокородие, я пишу не из запальчивости, но принуждает меня из многих лет изведенное слезными опытами академическое несчастье. Я спрашивал и испытал свою совесть. Она мне ни в чем не зазрит сказать Вам ныне всю истинную правду. Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущаго промысла, которой не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже.

Некогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы к нему: *L'Académie sans Académiciens, la Chancel[1]erie sans membres, l'Université sans étudiants, les regles sans autorité, et au reste une confusion jusque à présent sans remède*⁸. Кто в том виноват, кроме Вас и Вашего непостоянства? Сколько раз Вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру и, что удивительно, мне? В том больше Вы следовали^o стремлению своей страсти, нежели общей академической пользе. И чрез таковыя повседневныя перемены колебали, как трость, все акаде-

мическое здание. Тот сегодня в чести и в милости, завтра в позоре и в упадке. Тот, кто выслан с бесчестием, с честью назад призван. Из многих примеров нет Миллерова чуднее. Для него положили Вы в Регламенте быть всегда ректором в Университете историографу, сиречь Миллеру. После, осердясь на него, сделали ректором Крашенинникова⁹; после примирения опять произвели над ним комиссию [!] за слово *Academie phanatique*¹⁰, потом не столько за дурную диссертацию, как за свою обиду, низвергнули Вы его в адъюнкты и тотчас возвели опять в секретари Конференции с прибавкою вдруг великого жалованья¹¹, представили его в коллежские советники, в канцелярские члены¹²; и опять мнение отменили; потом прибавили 200 рублей жалованья¹³ и еще с похвалами в ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю¹⁴. Все сие производили Вы по большей части под именем охранения Президентской чести, которая, однако, не в том состоит, чтобы делать вышепомянутые перевороты, но чтобы производить дело Божие и Государево постоянно и непревратно, приносить обществу беспрепятственную истинную пользу и содержать порученное правление в непоколебимом состо[я]нии, и в неразвратном и непрерывном течении. Представьте себе, что знающие думают, а знают все; представ[ь]те, что говорят? Миллер, штрафованный за вздорную диссертацию о российском народе и оному предосудительную и за то в определении подозрительным признанный, имеет уже позволение писать и печатать на немецком языке Российския известия без всякой опасности¹⁵. Изобличенной в непозволенной переписке и за то арестованный¹⁶, учинен секретарем Конференции и пишет [в чужие края], что хочет, без ее ведома! Всеватель недоброхотных и занозливых мыслей в Месячные сочинения получает за то похвалы и награждения. Все сие происходит чьим старанием? — Вашего Высокородия. [И] надеясь на Вас, не хочет и не думает отстать от своих наглых глупостей и презирает указы, посылаемые из Канцелярии.

Обратитесь на прошедшее время и вспомните, сколько раз Вы мне на Шумахера и на Миллера жаловались. Вспомните его самохвальное и российскому народу предосудительное Сибирской истории предисловие, которое Вы сами опровергли¹⁷; представьте его споры в комиссиях [!] с Шумахером, со всеми профессорами, с Вами, с Президентом; вспомните, с другой стороны, Ваши

споры с Шумахером, между тем письмо о моем уничтожении к Эйлеру и ответ, что Вы мне сообщили¹⁸. Вспомните сто рублей перед Вашею первою свадьбою, и между множеством подобных дел вспомните, что Вам благоразумный муж, Ваш благодетель, князь Алексей Михайлович Черкас[с]кой говаривал о сапожнике: не бывать де добру, пока он...¹⁹ А ныне его наследник и подражатель²⁰ то ж и еще дерзновеннее делает. Вспомните и то, что многими таковыми дурными переворотами обесславленную Академию вывести из нареkania отпущен был Бургав в чужие краи, и нарочной пункт о том написан в его инструкции²¹.

На все несмотря, еще есть Вам время обратиться на правую сторону. Я пишу ныне к Вам в последней раз, и только в той надежде, что иногда приметил в Вас и добрыя о пользе российских наук мнения. Еще уповаю, что Вы не будете больше ободрять недоброхотов российским учоным. Бог совести моей свидетель, что я сим ничего инаго не ищу, как только чтобы закоренелое несчастье Академии пресекалось. Буде ж еще так все останется и мои праведныя представления уничтожены от Вас будут, то я забуду во все, что Вы мне некоторыя одолжения делали. За них готов я Вам благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве, и против отца своего родново восстать за грех не ставлю. И так, ныне изберите любое: или ободряйте явных недоброхотов не токмо учащемуся российскому юношеству, но и тем сынам отечества, кои уже имеют знатныя в науках и всему свету известныя заслуги! Ободряйте, чтобы Академии чрез их противоборство никогда не бывать в цветущем состоянии, и за то ожидайте от всех честных людей роптания и презрения; или внимайте единственно действительной пользе Академии. Откиньте льщения опасных противоборников наук российских, не употребляйте Божиего дела для своих пристрастий, дайте возрастать свободно насаждению Петра Великаго. Тем заслужите не токмо в прежнем прощение, но и немалую похвалу, что Вы могли себя принудить к полезному наукам постоянству.

Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь дватцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину.

В[ашего] В[ысокородия]

[Р. С. Вчерашняго числа Клейнфельд удавился²². Тауберт, отозвав меня к стороне, просил никому того не сказывать ради чести Академии. А про Софронова дурную смерть²³ ходил везде сказывать, что русские пья[ницы] такие-то, сякие, не думал про честь Академии].

Источники текста

Собственноручный черновик: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 2. А. 24–28*. Сверху первого листа помета Ломоносова: «Копия с письма господину Теплову, посланного на Украину в 1761 году».

Публикации: *Вельтман А.* Портфель служебной деятельности Ломоносова // *Очерки России*, кн. 2, с. 34–39, откуда перешло в *Изд. Перевлесского*, с. 175–181, и *Изд. Смирдина, т. 1*, с. 702–708. *Биллярский*, с. 499–503. *Сочинения 8*, с. 230–234. *ПСС 10*, с. 547–548, 551–554. Факсимиле начального листа: *ПСС 10*, с. 549.

Печатается по: *Сочинения 8*, с указанием в примечаниях нескольких, наиболее значимых вариантов черновика.

Примечания

¹ Из этих упоминаемых Ломоносовым письменных обращений в настоящее время известно только черновое представление К. Г. Разумовскому о действиях Г. Ф. Миллера и И. И. Тауберта, написанное в январе 1761 г. (*ПСС 10*, с. 228–238).

² Речь идет об увольнении из Академического университета студентов из малороссийских дворян Афанасия Лобысевича и Семена Девовича «за нехождение их на профессорские лекции». В свойстве с Тепловым был Лобысевич.

В феврале 1761 г. Лобысевич распоряжением К. Г. Разумовского был произведен в академические переводчики и с 1 сентября откомандирован в фельдмаршальский штат Разумовского в Малороссии. Там же получил служебное назначение и Девович. Подробнее см.: *ПСС 9*, с. 568–569, 900–901; *Словарь 2*, с. 212.

³ Г. Ф. Миллер служил профессором (академиком) Петербургской Академии наук с 1730 г. В Академическом университете он действительно никогда не читал лекций, несмотря на то, что звания профессора и академика были разделены только в 1747 г. (см. ниже, сноску 3 в разделе «Краткий биографический словарь» настоящего издания), а сам Миллер в 1747–1750 гг. состоял ректором Университета (см. ниже, примеч. 9).

⁴ О значительной задержке в выходе журнала «*Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*» см. примеч. 3 к документу № 56.

⁵ Здесь имеется в виду история с перепиской Г. Ф. Миллера и И. Н. Делия, по поводу которой в Академии наук в 1748 г. было произведено целое следствие (см. примеч. 11 к документу № 105).

⁶ См. примеч. 3 к документу № 65.

⁷ См. документы: указ Академической канцелярии Г. Ф. Миллеру о запрещении печатать в «Ежемесячных сочинениях» эпиграмму А. П. Сумарокова и статью Г. А. Полетики от 13 марта 1757 г.; записка, представленная К. Г. Разумовскому по поводу запрещения печатать в «Ежемесячных сочинениях» статью Г. А. Полетики между 14 марта и 10 апреля 1757 г.; выписка из журнала Академической канцелярии о представлении перечней статей, намечаемых к опубликованию в «Ежемесячных сочинениях», от 2 июня 1757 г.; представление Ломоносова К. Г. Разумовскому о действиях Г. Ф. Миллера и И. И. Тауберта от января 1761 г. и примеч. к ним (*ПСС 10*, с 191–195, 228–238, 645–650, 671–675).

⁸ *Перевод*: Академия без академиков, Канцелярия без членов, Университет без студентов, правила без власти и в результате беспорядок, до сих пор без способа его исправить (*франц.*). В настоящее время это письмо Теплова к Ф. Г. Штрубе де Пирмонту неизвестно. Возможно, оно было написано в 1756 г.

⁹ Согласно академическому Регламенту 1747 г., должность ректора Университета совмещалась с должностью историографа, поэтому 10 ноября 1747 г. Академическая канцелярия и определила заключить с Г. Ф. Миллером такой контракт, по которому он назначался и тем, и другим. 18 июня 1750 г. Миллер был уволен от должности ректора, которую в этот же день занял С. П. Крашенинников.

¹⁰ *Перевод*: Академия фанатичная (*франц.*).

¹¹ Ордером К. Г. Разумовского от 6 октября 1750 г. Миллер был разжалован в адъюнкты сроком на один год, соответственно, со снижением жалованья с 1000 до 360 руб. в год. Непосредственной причиной такого решения стала диссертация Миллера «Происхождение имени и народа Российского», против которой тогда решительно выступал Ломоносов (подробнее см.: *ПСС 9*, 17–80, 546–558). Однако диссертация упоминается только в «исторической» части ордера Разумовского, в «результативной» же его части говорится, что взыскание налагается «за едины ругательства» Миллера «командиров его и его товарищей и за ослушание команды и дерзостные поступки» (*ПСС 10*, с. 857–858).

Тем не менее 21 февраля 1751 г. Миллер был восстановлен и в звании профессора, и в денежном содержании, причем «велено жалованье ему профессорское произвести за то время, которое он и адъюнктом был» (*ПСС 10*, с. 858).

Ордером Разумовского от 26 февраля 1754 г., которым Миллер был назначен конференц-секретарем, его годовой оклад повышался до 1500 руб.

Ломоносов получал 1200 руб. в год с 1 марта 1751 г., когда он «за его отличное в науках искусство» был произведен в коллежские советники (*Летопись*, с. 176).

¹³ О производстве в коллежские советники Миллер просил Теплова в 1753 г. Однако он, очевидно, ничего сделать не смог и предложил Миллеру место конференц-секретаря, которое тот и принял. Коллежским советником Миллер был пожалован в январе 1765 г. при назначении на должность главного надзирателя московского Воспитательного дома.

¹³ Прибавка в 200 руб. в год была дана Миллеру орденом Разумовского от 23 октября 1760 г. за редактирование «Ежемесячных сочинений...».

¹⁴ Ср. в воспоминаниях А. Л. Шлецера о службе в Петербургской Академии наук в 1761–1765 гг.: «Если бы мои раздоры с Ломоносовым случились в период правления этих обоих лиц (Елисаветы и [Петра] Шувалова), то в какой из сибирских степей была бы моя могила?» (*Шлецер*, с. 33).

¹⁵ Журнал «*Sammlung Russischer Geschichte*» издавался в 1732 г. (Г. Ф. Миллером), в 1733–1737 (Г. З. Байером) и в 1758–1764 гг. (снова Г. Ф. Миллером). Всего появилось 9 томов, каждый из которых состоял из 6 отдельных выпусков (ропись содержания см.: *СК ин. 4, вып. 1*, с. 515–524).

На полях черновика Ломоносова напротив этого места приписано и зачеркнуто: «NB Жаль мне добросердечн[ого] чел[овека] К[ирилла] Г[ригорьевича], благодете[ля], который дарованным ему от Бога счастьем, дородством, цветущими летами и богатством пользоваться должен. Вам верит. Ежели ты его от поношения не избавишь, это письмо будет в песнях петь и ходить по городу, как *pièce d'éloquence*. Стараюсь Академию очистить, а со стороны портят. Копию послать с Епинусовых отговорок. Тому двадцать лет, как стараюсь о пользе российского юношества. Ныне на старость не отстану» (*ПСС 10*, с. 552).

¹⁶ См. выше, примеч. 5.

¹⁷ Подробнее см.: *Миллер Г. Ф. История Сибири*. М.; Л., 1937, с. 83–84, 462–463.

¹⁸ См. примеч. 2 к документу № 15.

¹⁹ Многоточие в черновике. Под «сапожником» А. М. Черкасский подразумевал, конечно, Шумахера, фамилия которого (*Schuhmacher*) с немецкого языка переводится именно этим словом.

²⁰ Т. е. И. И. Тауберт.

²¹ В 1749 г., при отъезде в заграничный отпуск, А. Каау-Бургав (Бургав) получил инструкцию следующего содержания: «Понеже от недоброжелательных к Академии людей слух рассеялся, якобы Ея Императорское Величество, наша всемилостивейшая Государыня намерение восприяла здешнюю Академию наук отрешить и будто уже она в отсутствие г[осподина] Президента и действительно

рушилась, и понеже Вы, г[осподин] доктор и профессор, позволение получили отъехать за море на шесть месяцев <...>, то поручается Вашему Благородию следующая комиссия:

1) В какой город вы прибудете, то оный неосновательный слух везде вам стараться опровергать и ученых людей накрепко уверять, что Ея Императорское Величество никогда такого намерения иметь не изволила, чтобы отменить Академию, но всемилостивейшим попечением и неоцененными щедротами своими оную день от дня в лучшее состояние приводить благоизволяет.

2) Г[осподин] Президент хотя и в отсутствии находится, однако ж равномерно как и в присутствии благоразумным учреждением с знатным успехом оную управляет, как оно по изданным во время отсутствия его на свет делам и другим полезным учреждениям довольно явственно, чего ради Вашему Благородию из тех академических дел, кои в отсутствие г[осподина] Президента в народ вышли, дано по одному экземпляру, чтоб тем ложный слух вовсе опровергнуть» (*Пекарский II*, с. XLV).

²² Адъюнкт анатомии М. Клейнфельд повесился 29 января 1729 г.

²³ О трагичной судьбе и смерти М. Софронова см. примеч. 6 к документу № 69.

116. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ
15 февраля 1761 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Коль великую надежду Российским наукам подали Ваше Сиятельство контраст[с]игнованием Вашим Академической привилегии¹, толь чувствительное уныние приносит им замедление желаемого совершения. Сверх того наводит немалое ослабление в моих трудах², а особливо, что мои недоброхоты везде мое доброе предприятие осмежают и худыми прореканиями отнимают охоту у тех, кои таковою Монаршескою милостию давно себя ласкали и, оною пользуясь, большую пользу отечеству произвести уповали. Того ради Вас, Милостивый Государь, всеуниженно прошу именем всея Академии употребить высокое Вашего Сиятельства предстательство к исполнению законнаго нашего прошения к подлинной пользе отечества, которыя истинным рачителем почитает Ваше

Сиятельство все общество. В сем числе и я с глубоким и достойным высокопочитанием пребывать честь имею

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Февраля 15 дня
1761 года.

При сем приложить смелость принял просительные стихи к Всемилостивейшей Государыне, которые вчерашняго дня вручил я Милостивому Государю Ивану Ивановичу [Шувалову]. Может быть, чрез общее Ваше ходатайство подадут случай к желаемому успеху.

Богиня, Дщерь божеств, науки основавших,
И приращенье их Тебе в наследство давших,
Ты шествуешь по их божественным стопам,
Распротираючи щедроты светлость нам,
Мы признаваясь, что едва того достойны,
Остались бы всегда в трудах своих спокойны;
Но только к славе сей того недостает,
Чтоб милость к нам Твою увидел ясно свет,
Дабы признали все народы и языки,
Коль мирныя Твои дела в войну велики;
Дабы украшенный Твоей рукой Парнас
Любителей наук призвать возвысил глас,
И славным именем гремя Елисаветы,
При лике их расторг завистников наветы.
Теперь Германия войной возмущена,
Рыдания и слез и ужаса полна;
За собственных сынов с парнасскими цветами
Питает сопостат с кровавыми мечами³.
Любитель тишины, собор драгих наук,
Защиты крепкия от бранных ищет рук.
О коль велики им отрады и утехи,
Возследуют и нам в учениях успехи.
И славной слух, когда Твой Университет,

О имени Твоем под солнцем процветет,
Тобою данными красуясь вечно правы
Для истинной красы Российской державы.
И юношество к нам отсюда притекут,
К наукам прилагать в Петрове граде труд.
Петрова ревность к ним, любовь Екатерины⁴,
И щедрости твои воздвигнут здесь Афины.
Приемлемые в них учены пришлецы
Расширят о Тебе в подсолнечной концы,
Коль милосерда Ты, коль счастлива Россия,
Что царствуют с Тобой в ней времена златыя.
Рушитель знания, свирепой брани звук,
Под скипетром Твоим защитник стал наук,
Что выше мненья сквозь дым, сквозь прах восходят,
Их к удивлению, нас к радости приводят.
Мы сооружим похвал Тебе, Минерве, храм,
В приличность по Твоим божественным делам;
В российски древности, в природы тайны вникнем,
И тьмами уст Твои достоинства воскликнем.
Коль счастлив оной день, коль счастлив буду я,
Когда я, среди российских муз стоя,
Благодеяние Твое представлю ново,
Великостью Его о как возвышу слово!
Тогда мой средственной в российской речи дар,
В благодарении сугубой примет жар.
Когда внимания сей глас мой удостоишь,
И искренних сердец желанья успокоишь,
Ты новы силы нам, Богиня, подаришь,
Драгое отчество сугубо просветишь.
Сие исполнится немногими чертами,
Когда рука Твоя ущедрится над нами:
Для славы Твоея, для общего плода,
Не могут милости быть рано никогда.⁵

Источники текста

Автограф: *Отдел рукописей РНБ. Собрание И. П. Хрущева.* «Просительные стихи» писарской рукою, без поправок Ломоносова: *Там же.* Полное факсимиле письма, без «просительных стихов»: *Меншуткин Б. Н. Михайло Васильевич*

Ломоносов. Жизнеописание. СПб., 1911, между с. 40–41, и *Каталог выставки*, с. 65. Факсимиле начала письма: *Ломоносов М. В. Стихотворения* / Под ред. А. С. Орлова, при участии А. Маленина, П. Н. Беркова, Г. А. Гуковского. Л., 1935, с. 51.

Описание: *Отчет ИГБ за 1906 год*. СПб., 1913, с. 159. *Андреев*, с. 397.

Публикации письма: *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 713–714. *Билярский*, с. 506–507. *Сочинения* 8, с. 235–237. *ПСС* 10, с. 555.

Публикации «просительных стихов»: *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 280–281. *Сочинения* 2, с. 221–222. *ПСС* 8, с. 691–693.

Печатается по: *Сочинения* 8, с уточнением по *ПСС* 10.

Примечания

¹ Ломоносов напоминает Воронцову об ускорении решения вопроса утверждения привилегии для Академического университета. Ломоносов настойчиво хлопотал по этому делу с 1759 г., см. его письма к Воронцову и И. И. Шувалову (документы № 105, 109, 110 и примеч. к ним).

В феврале 1761 г. Воронцов как государственный канцлер наконец контра-сигновал (подписал) привилегии, однако необходимо было еще получить резолюцию императрицы. Содействие в продвижении дела Ломоносов рассчитывал получить от И. И. Шувалова и Воронцова, однако в последние месяцы жизни Елизавета Петровна сильно болела и не нашла времени подписать заготовленные документы.

Известно, что Ломоносов и сам неоднократно пытался добиться утверждения привилегии, но безрезультатно. У него даже есть «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»:

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты щастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед ними царь;
Ты Ангел во плоти, иль, лучше, ты безплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому;
Не просишь ни о чем, не должен ни кому (*ПСС* 8, с. 736).

В 1762 г. Ломоносов через Г. Г. Орлова делал попытки обратиться по тому же делу к императрице Екатерине II (см. письмо № 127).

² В *Сочинения* 8: «Сверх того наводит немалое ослабление в моих трудах».

³ Семилетняя война 1756–1763 гг.

⁴ Подразумевается намерение Петра I основать в России Академию наук, указ об учреждении которой был подписан 7 декабря 1725 г. уже Екатериной I.

⁵ Вообще подача прошений на Высочайшее имя в стихотворной форме в XVIII — начале XIX вв. не была редкостью, особенно если проситель или должностное лицо, через которого поступало прошение, имел отношение к литературе. См., например, о стихотворных прошениях, поданных через Г. Р. Державина: *Старинные острословия*. 2 / Сообщ. Н. И. Цылов // *Рус. старина*, 1873, № 5, с. 718; *Бобров В.* Очерки из истории новой русской литературы. <...> II. Второй Державин, обер-священник Иван Семенович Державин (1755–1826) // Сб. Учено-лит. общества при Имп. Юрьевском университете, т. 14. Юрьев, 1909, с. 211–222; *Корноухов Е. А.* Дело черниговского протопопа Корбелецкого / Примеч. М. А. Доброгаева // *Труды Черниговской архивной комиссии*, 1913, вып. 10, с. 196–203.

117.

ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ

2 июня 1761 г. Петербург

Ew. Wohlgebohren werden vorgerechtfertigt finden, dass man endlich der Unordnung Ende macht, und dass wir in der Canceley als in einem Hauptorte wiessen, was in der Bibliothek und Kunst-Cammer passiret: denn Höflichkeit und Complimenten gelten gar nichts bey Affairen, die das Wohl des Reichs angehen, wo die Unbilligkeit Gewart nim[m]t. Wenn Ew. G. sonst ausser der Höflichkeit darwieder zu sagen haben, so geben Sie es schriftlich. Ich bin nicht Schuld daran, dass Sie bey dieser Affaire in der Canceley nicht gegenwärtig gewesen. Ich muss dieses ins Werck bringen. Der Herr Taubert hat gestern sich declariret (welches auch protocoliret ist), dass die Canceley über die Bibliothek nichts zu sagen hat. Wenn Sie etwa[s] Reson finden, dass wir dem H. T. die Bibliothek etc. zu приданое abgeben, so schreiben Sie es auf: Unterdessen werde ich alles erfüllen, und dem Dir[igirenden] S[enat] alles aufs genaueste einen Bericht abstatten.

Lomonosoff:

В[аше] Благородие найдете справедливым, чтобы положить конец неурядице и чтобы мы в Канцелярии, как главенствующем месте, знали, что происходит в Библиотеке и Кунсткамере, потому что вежливость и комплименты ничего не значат в делах, касающихся государственного блага, когда несправедливость берет перевес. Если, [впрочем], В[аша] М[илость] имеете высказать что-нибудь против, кроме вежливостей, то выскажите это письменно¹. Я не виноват, что Вы не присутствовали при этом деле в Канцелярии. Я должен это осуществить. Господин Тауберт вчера объявил (что и занесено в протокол), что Канцелярия не может вмешиваться в Библиотеку². Если Вы находите справедливым, чтобы мы отдали г[осподину] Т[ауберту] в приданое Библиотеку и т. д., то подпишитесь под этим. Между тем я исполню все и представлю обо всем подробно Прав[ительствующему] С[енату]⁴.

Ломоносов*.

Источники текста

Автограф на немецком языке: *Отдел рукописей РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 270*. Внизу текста пометы Штелина: «♂ d. 5 Juny 1761 empf.» («5 июня 1761 получ[ено]») и «Lomonosoff». Письмо было запечатано печатью Ломоносова на красном сургуче. Полное факсимиле письма: *Каталог выставки*, с. 57.

Упоминание: *Биллярский*, с. 037. Описание: *Андреев*, с. 298.

Публикации: *Летописи*, 1859, т. 1. кн. 1, отд. III, с. 196 (немецкий текст). *Пекарский II*, с. 735–736. *Сочинения 8*, с. 237–238. *ПСС 10*, с. 555–556.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ 1 июня 1761 г. Академическая канцелярия определила произвести обследование Библиотеки и Кунсткамеры, в связи с тем, что унтер-библиотекарь И. И. Тауберт уже очень давно не подавал об их состоянии никаких отчетов. Определение было написано и подписано только Ломоносовым (*ПСС 10*, с. 241–243). Однако одной его подписи было, разумеется, недостаточно, и Ломоносов отправил документы на подпись Я. Штелину, который подписал только журнальную запись.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Данным письмом Ломоносов требует от Штелина либо подписать определение о ревизии Библиотеки и Кунсткамеры, либо подать письменное объяснение, почему он не желает этого делать.

² В протоколе заседания Академической канцелярии 1 июня 1761 г. записано: «...г[осподин] коллежский советник Ломоносов г[осподи]ну ж советнику Тауберту объявлял словесно, что хотя многократно в Канцелярии было словесно ему, г[осподину] Тауберту, напоминаемо, чтобы он подал известие в Академическую канцелярию о состоянии Библиотеки и Кунсткамеры и что определенными к оным департаментам людьми производится, ибо чрез много лет о том Академической канцелярии неведомо, а особливо, выписываются ли какие книги или нет для приумножения Библиотеки, в каком она состоянии и порядке, и нет ли недостатку нужных книг, <...> однако ж и поныне не дано. На что ему, г[осподину] Ломоносову, он, г[осподин] Тауберт, словесно объявил же, что Кунсткамера и Библиотека до Канцелярии не принадлежат, а должен обо всем оном знать он, г[осподин] Тауберт, яко унтер-библиотекарь, да притом и от Его Высокографского Сиятельства Академии наук г[осподина] Президента оба оные департаменты препоручены в особое его смотрение...» (*ПСС 10*, с. 241).

³ Возможно, Ломоносову действительно удалось бы привести свое намерение в исполнение, но месяц спустя, 2 июля 1761 г., скончался И. Д. Шумахер, и ситуация окончательно стала не в его пользу.

Более того, где-то в эти дни, в июне или июле, Штелин получил письмо и от самого И. И. Тауберта: «Я беседовал вчера вечером с Его Превосходительством г[осподином] камергером Шуваловым. Его весьма удивили затеи нашего дорогого коллеги [Ломоносова], некоторые образчики коих я ему показал. Он оставил у себя тот, который касался предполагаемого обследования Библиотеки, и обещал потолковать об этом также и с Романом Ларионовичем Воронцовым. Со вчерашнего дня, — как мне передавали, — наш первый писатель [Ломоносов] чувствует себя прижатым к стене и начинает догадываться, что все это дело может обернуться очень для него плохо. Если президент пожелает действовать строго, ничто не спасет его [Ломоносова] от его гнева» (*ПСС 10*, с. 678; подлинник по-французски).

Ревизия Библиотеки была произведена лишь в 1767 г., после того, как пропажи из нее стали уже общеизвестным фактом и дошли до Екатерины II, упоминавшей об этом в своих резолюциях (см.: *Пекарский I*, с. 665).

4 июня 1761 г. Селенгинск

Высокородный господин советник,
Милостивый Государь Михайла Васильевич.

Обо всем, что со мною происходило, посылаю я в Канцелярию Академии наук обстоятельные репорты. Из посланнаго при сем усмотреть изволите, *сколько для меня был несчастлив 26 день мая*¹. Я не знаю, что мне начать, дожидаться ли здесь явлений небесных к определению аккуратнее длины Селенгинска или, приметив несколько затмений спутников Юпитеровых, следовать отсюда скорее, чтоб на пути больше иметь времени определить длины и ширины мест, *чтоб хотя то привести Академии. Ежели бы 26 день мая был ясной*, и мне бы удалось сделать надежное примечание над Венерою, то я бы без всякаго сомнения остался в здешнем наилучшем всей Сибири городе до того бы времени, пока не определил аккуратно длину сего места. *Но мое наблюдение того не стоит.* Сожаления достойна Академия, ежели и г[осподин] Попов столько же был несчастлив. В Селенгинск, не имея надежды доехать до Нерчинска, поехал я по совету Федора Ивановича Сойманова, которой меня уверил, что в сию пору, то есть в мае месяце, небо обыкновенно бывает ясно, что и действительно согласно со всеми словами жителей здешних, и никто не запомнит, чтобы весна здесь столь была худа, как нынешняя. *Город весь окружен горами, из за которых по пяти или по шести раз на день вет[е]р поднимается и тучами помрачает небо. Из сего одного разсудить изволите, какова здесь погода, что после 26 мая один раз по сие время удалось мне взять корреспондентные высоты.* Г[осподину] профессору Брауну, Семену Кириловичу и Алексею Протасовичу покорно прошу засвидетельствовать мое почтение. В протчем, в твердой памяти содержа Ваши ко мне отменные милости, с истинным почитанием имею честь быть

Вашего Высокородия
всепокорным и верным
слугою Степан Румовской.

Июня 4 дня
1761
Селенгинск.

Р. С. В здешнюю воеводскую Канцелярию недавно прислан указ об описании города. Понеже я имею довольно времени, то я, в угодность Вашу, что здесь есть достопамятного опишу.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 1. Л. 363–364.

Описание: Модзалевский, с. 273.

Публикации: Билярский, с. 525–526. Сочинения 8, с. 238–240.

Печатается по: Сочинения 8.

Примечания

¹ В автографе этого письма подчеркивания, переданные здесь *курсивом*, были сделаны Ломоносовым.

119. Ломоносов — графу М. А. Воронцову
5 сентября 1761 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Всеуниженно и всеусердно поздравляя Ваше Сиятельство, Милостивого Государя, с сим великим торжественным праздником, желаю Вам совершенного здравия и непрерывного благополучия по мере Вашего доброхотного сер[д]ца, чтобы оныя всегда употреблять в пользу почитателей и истинных рачителей Вашего Сиятельства. При сем доношу Вам, Милостивый Государь, приятную ведомость, что господин надворный советник Попов прислал свои наблюдения из Иркутска, вес[ь]ма обстоятельно написанные. Им примечены все важные и желаемые пункты во время прохождения Венеры. И сверх того все надобные метеорологические наблюдения барометрами и термометрами при часах на обсерватории, которую он с 22 апреля строил по 23 мая, имея на работе по 40 и больше человек на день. Инструменты его при-

везены на место в целости и к наблюдению расположены были во всякой исправности. Атмосферу также он неким образом приметил. Наблюдения господина Шапа имею честь прислать при сем обратно, с глубоким высокопочитанием пребывая

Вашего Сиятельства
Милостивого Государя
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Сентября 5 дня
1761 года.

Р. С. Адъюнкту Румовской был вес[ь]ма несчастлив:

1) что лутчие инструменты его повредились, хотя здесь г[осподином] Епинасом и почти всею Кунсткамерою укладены были,

2) что выбрал себе самое дурное место, Селенгинск, окруженное снежными горами, где всегдашние почти облака и дожди. И для того Венеры не мог видеть, как на вес[ь]ма краткое время проходящую по середке Солнца, а наблюдений тогда никаких не сделал.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 18–19.

Описание: Модзалевский, с. 96.

Публикации: АВ, с. 487. Сочинения 8, с. 240–241. ПСС 10, с. 556–557.

Печатается по: Сочинения 8.

120.

ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ
Не позднее 25 ноября 1761 г. Петербург

Ich bitte um ein Paar Stunden Frist, denn ich habe noch keine Antwort daran[?] erhalten. Ich habe mit der Ode sehr viel zu thun, als wenn ich Kindbett wäre. Sind auch die Taschen-Calender fertig?¹

Прошу пару часов сроку, ибо я еще не получил [по этому делу] ответа. У меня очень много забот с одой, как будто я рожаю. Готовы ли карманные календари?*

Источники текста

Автограф: ОР РНБ. Погодинское собрание. Автографы. № 268. Л. 4.

Описание: *Отчет ИГБ за 1852 г.*, с. 41. Андреев, с. 398.

Публикации: *Летописи*, 1859, т. 1. кн. 1, отд. III, с. 196 (немецкий текст). *Сочинения* 8, с. 316, и *ПСС 10*, с. 557–558 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Письмо, которое еще в *Сочинениях* 8 (1948) «не поддавалось датировке и комментарию», в *ПСС 10* (1957) датировано предположительно по упоминанию об оде ко дню 20-летия царствования императрицы Елизаветы Петровны и «Карманном календаре Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича на 1762 год».

Дело, для которого Ломоносов просит обождать еще пару часов, не определено.

121. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ Р. А. ВОРОНЦОВУ
28 декабря 1761 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Роман Ларионович.

Не имея довольного случая изъяснить перед Вашим Сиятельством моей истинной радости и поздравить Вас, Милостивого Государя, с Высочайшею Монаршескою щедротою¹, принимаю смелость кратко засвидетельствовать усердное чувствование моего сердца сими строками о толь великой радости, которую все доброжелательные сыновья отечества за часть своего благополучия

---

* Перевод А. Б. Модзалевского.

почитают, ведая истинную Вашего Сиятельства ревность к пользе отечества и особливую Вашей природы склонность к благодеяниям, которыми и я пользоваться всегда, как и прежде через много лет, впредь не сомневаюсь непременно, с глубоким высокопочтанием пребывая

Вашего Сиятельства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов.

Декабря 28 дня.
1761 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 20.

Описание: Модзалевский, с. 96.

Публикации: АВ, с. 488 (ошибочно отнесено к М. Л. Воронцову). *Сочинения* 8, с. 241–242. ПСС 10, с. 558.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ «Монаршая щедрота» Петра III, вступившего на престол по смерти императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г., заключалась в первом же Высочайшем указе нового императора, данном Правительствующему Сенату 28 декабря: «Его Императорское Величество <...> всемилостивейше пожаловать соизволил <...> генерал-поручика и сенатора Воронцова в полные генералы, с настоящим по тому чину жалованьем, ему же присудствие иметь и в учрежденной Конференции при Дворе Его Императорского Величества» (цит. по: *Сочинения* 8, с. 238 второй пагин.).

Из Сената текст указа был получен в Академии наук только 2 января 1762 г. (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 968), но Ломоносов узнал о нем в самый день подписания и поспешил принести свои поздравления, очевидно, не без мысли обрести в этом любимце Петра III своего покровителя в новое царствование.

Одновременно, между 25 и 28 декабря, на свет Божий явилась еще «Ода всепресветлейшему державнейшему великому Государю Императору Петру Федоровичу, Самодержцу Всероссийскому, пресветлейшему владетельному Герцогу Голстинскому, высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, и протчая, всемилостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский наследный Импера-

торский престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинныя радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов»:

Сияй, о новый год, прекрасно
Сквозь густоту печальных тучь.
Прошло затмение ужасно;
Умножь, умножь отрады луч.
Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищ злата,
Сугубо нам возвращена.
Благополучный мы стократно:
Петра Великого обратно
Встречает Росская страна... (ЛСС 8, с. 751).

Очень скоро эта «политическая ошибка» весьма дорого обошлась Ломоносову.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1762–1765

122.

Ф. И. Соймонов — Ломоносову

5 января 1762 г. Тобольск

Государь мой Михайла Васильевич.

Полученное мною от Вас, государя моего, пис[ь]мо доказывает подлинные знаки Вашей ко мне благосклонности, за что я, також за присылку приложенных при том сочинений¹, свидетел[ь]ствую сим должную мою благодарность. И при том могу Вас, государя моего, уверить, что я с моей стороны, желая сердечного продолжения оной, пребуду навсегда с истинным и должным к Вам почтением, как и есмь *Ваш*,

Государь мой,
покорной слуга
Федор Соймонов.

ч. 5 Генваря
1762 году
Тобол[ь]ск.

P. S. При сем послал к Вам, государю моему, в знак моей благодарности и дружбы, сибирского, а паче якуцкого маниру чабак, которой прошу принять.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Что же принадлежит до того, что Вы, государь мой, требовать изволите о сообщении к Вам того, что у меня достойного до известия Вашего имеется, на оное ответствую, что я за онаю поверен-

ность приношу мое покорнейшее благодарение, а в ответ сообщая, хотя и сообщил господину профессору Миллеру некоторую часть из моего журнала при описании Каспи[й]ского моря о некоем огненном пламени, како без всякой материи горит и пламень являет, однако точную ис того журнала записку при сем посылаю, в той надежде, что, ежели следственно будет по Вашей о том науке и знанию изъяснение учинить и свету показать, оставить не изволите.

2. Экстракт из моего ж журнала [1]716 году некоторую часть, а паче о пребывании Его Императорскаго Величества на корабле Ингермо[н]ландии и о команде над четырьми флотами к Вам, государю моему, сообщая, в той надежде, что толь достопамятному (и не знаю бывалому ль в свете случаю) ежели ис того что либо принадлежать будет приличное к Вашим, государя моего, трудам, то я оставляю на рассуждение и соизволение Ваше; а приложенная при том экстракте картина ежели к тому потребна будет, то во что бо она работою ни стала, я ден[ь]ги заплатить имею.

А подобно же вышеписанному, что в низовом походе в [1]722-м году происходило, потому же уповаю от века неслыханное, чтоб Государь Император и Государыня Императрица шествовали по морю, да всего дивные на малом боту, что, ежели Вам угодно, по тому же обстоятел[ь]ной экстракт сообщу.

Здесь стеклянная фабрика имеется, тол[ь]ко хорошева хрусталь сделать не умеют, и для того покорно прошу одолжить меня присылкою рецепта петербургского хрустала, а ежели возможно и на зеленое стекло.

По той причине, что точить стекла у меня умеющие есть, покорно прошу прислать ко мне той трубы, в которую прохождение Венеры смотрели, обоим стеклам рисунки с мерою в диаметрах и толстоты выпуклостей, а лутче, чтоб деревянные модели точно противу оных.

Источники текста

Писарскою рукой, подпись собственноручная: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 2. Л. 102–103 (письмо и приложение).

Описание: *Модзалевский*, с. 273.

Публикации: *Биллярский*, с. 557–559. *Сочинения* 8, с. 242–243.

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ «27 сентября 1761 года в Канцелярии А[кадемии] н[аук] по доношению конференц-секретаря Миллера было определено: послать, с отправляющимся в Тобольск офицером, Ежемесячные сочинения и другие книги сибирскому губернатору Соймонову, который “обещает Академии служить всякими до истории и географии касающимися известиями”. Соймонов, как и Рычков, принадлежал к числу лучших людей своего времени, которые с своим практическим призванием совмещали в себе искреннее уважение к науке и бескорыстное усердие к распространению просвещения» (*Биллярский*, с. 558).

123.

ЛОМОНОСОВ — И. А. ЦИЛЬХУ

13 мая 1762 г. Петербург

Государь мой Иван Андреевич! Во исполнение учиненного в Главной Межевой канцелярии определения для отмежевания пожалованных мне в Копорском уезде Воронежской мызы в деревне Саволшине, да Косковской мызы в деревне Голубовицах крестьян и надлежащей им по препорции земли послан межевщик, по требованию которого должны Вы, а сверх того чинить с моей стороны надлежащее изъяснение, что надлежит до межевания. А на вспоможение тебе посылается мозаичного дела мастер Матвей Васильев, в чем я вам как в отводах при размежевании той земли, так и прикладывании к межевым книгам и к планам рук верю, и что учините, впредь прекословить не буду.

Михайло Ломоносов.

Маия 13 дня 1762 году.
Санктпетербург г. Цилху.

Источники текста

Писарской рукой, подпись Ломоносова собственноручная: РГАДА. Ф. Вотчинная контора. № 16788. А. 841.

Публикации: *Грбарь*, с. 194. ПСС 11, с. 15.

Печатается по последней публикации.

24 июня 1762 г. Петербург

Государь мой Федор Кондратьевич!

Указом Правительствующего Сената велено мне выдать на строение мозаичным художеством картины о делах блаженных памяти Государя Императора Петра Великого из Коллегии Экономии семь тысяч четырехсот шестьдесят рублей, о чем туда и указ послан. Того ради поверяю Вам принятие оных денег и перевод в Санктпетербург чрез вексель, как Вы лучше и скорее исправить можете, и вместо меня в книге извольте расписаться; притом попросите моим именем Его Сиятельство г[осподина] Президента с почтением, чтобы пожаловал своим снисхождением мое дело, о чем к Его Сиятельству на будущей почте писать не премину, а от Вас скорого ответа ожидаю.

Доброжелательный слуга Ваш
Михайло Ломоносов.

Июня 24 дня
1762 году.

Источники текста

Копия: ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 14/9.

Печатается по первой публикации: ПСС 10, с. 558–559.

24 июля 1762 г. Петербург

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Тяжкая моя болезнь, снова усилившись в другой ноге, не дает мне покоя и свободы не токмо из дому, но ниже и с постели вытти. И так, не имея случая персонально возобновить у Вашего Сиятельства мою всеуниженную просьбу, принимаю смелость напомнить

о том пис[ь]менно. Хотя я многими молодшими и многократно в произвождении обойден, или, лутче, наказан без всякой моей прослуги, и вижу множество статских и действительных статских советников, кои все во время моего советничества ассессорами и меньше были, но ныне всего несноснее я обижен, что господин Тауберт в одной со мною команде, моложе меня, коллежским советником восемь лет, пожалован статским советником без всякой передо мною бóльшей заслуги, да, лутче сказать, за прослуги и за то, что он беспрестанно российских учоных гонит и учащихся утесняет и мне во всех к пользе наук российских учиненных предприятиях всевозможные ставил препятствия. Итак, все мои будущия и бывшия рачения тщетны. Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничево не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы; для чего сегодня об отставке подал я челобитную Его Сиятельству Академии наук господину Президенту [Графу Разумовскому], и о награждении пенсиею для прокормления, до смерти, и с повышением ранга против тех, коими обойден. Вас, Милостивого Государя, всеуниженно прошу преклонить Его Сиятельство на сие Вашею дружескою важностию, которое благодеяние будет мне выше всех от Вас, Милостивого Государя, прежде показанных, которые я, с глубоким благоговением благодаря, почитаю.

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Июля 24 дня
1762 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 21–22.

Описание: Модзалевский, с. 96.

Публикации: АВ, с. 488–489. Сочинения 8, с. 244–245. ПСС 10, с. 559–560.

Печатается по: Сочинения 8.

Г. Г. Орлов

24 июля 1762 г. Петербург

Государь мой Михайла Васильевич.

Много сожалею я о случившемся Вам болезненном припадке и не менее того приемлю истинное участие в скорби Вашей, что Вы пред младшими Вас не повышены чином. А как я Вас искренно люблю и почитаю, то Вы можете уверены быть, что я по пис[ь]му Вашему, конечно, не оставаю просить Графа Кирил[л]у Григорьевича. И желаю от всего моего сердца, чтоб Вы по достоинствам Вашим справедливо и вскоре порадованы были, не сомневаясь ни-мало, что Всемиловитивейшая наша Государыня, по сродному своему милосердию, Монаршею щедротою Вас наградить не оставит. Наконец паче всего желаю Вам скорого и совершенного выздоровления, пребываю непременно.

В 24 день июля

1762-го года.

К Ломоносову

т[огож] числа отослано.

Источники текста

Черновик писарской рукою: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 43.

Публикации: АВ, с. 497. Сочинения 8, с. 245.

Печатается по последней публикации.

25 июля 1762 г. Петербург

Милостивый Государь
Григорий Григорьевич!

Обрадуй Всевышний Господь Ваше Превосходительство, сколько я милостивым Вашим присыланием обрадован сего дня. Поддай Вам во весь век столько чувствовать удовольствия, как я ныне. Но оно бесконечно умножится, когда совершение Вашего благоде-

26 июля 1762 г. Петербург

Милостивый государь,
Федор Григорьевич!

Для подтверждения моего законного прошения, еще документы моей службы при сем прилагаю, кои прошу всепокорно вручить Его Превосходительству, Милостивому Государю Григорью Григорьевичу, для показания Всемилолюбивейшей Государыне. К оным присовокупить можно, что в Германии знатных Профессоров жалуют высокими чинами, Баронами и Тайными Советниками, напр[имер] Вольф, Бильфингер и другие; в Швеции Профессор Линней носит кавалерию Северной звезды; в Париже Домеран орден Святого Людовика, Кондамин Святого Лазаря. Между тем отдаясь в Божие благоволение, Его прошу: *сотвори со мною знамение во благо, да видят ненавидящии мя и постыдятся: яко Ты Господи помог ми и утешил мя еси*. Вышеписанное сообщаю для примера, не для прошения, чтоб только желаемое во благо бы исполнить; благодарность моя Его Превосходительству бессмертна, будет утверждена публичными памятниками. И Вам с должным почитанием завсегда пребуду

Всепокорный слуга
Михайло Ломоносов.

Июля 26,
1762 года.

P. S. Здесь примечать надлежит, что в чужих краях жалуют Профессоров знатными чинами, а книгопродавцев и типографщиков, каков г[осподин] Таубергаупт, и других рукомышленных людей никакими чинами не повышают¹.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано С. Н. Глинкой: *Два письма Ломоносова // Рус. вестник*, 1808, ч. 2, № 6, июнь, с. 320–322, откуда перешло в: *Изд. Перевлеского*, с. 173, и *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 695–696. *Сочинения* 8, с. 247. *ПСС* 10, с. 561–562.

Печатается по первой публикации.

яния, истинно отеческого, воспоследует; ибо оным все истинные сыны Отечества от уныния восставлены или, лучше сказать, воскрешены будут. Напротив того, явные¹ недоброхоты российские, в коварных своих происках ослабься, не так станут посягать² на нас дерзостно. Ныне время, златой здешним наукам век поставить³, и от презрения (в которое я было сам первой попал) избавить возлюбленный российский род! Не укусни, Милостивый Государь, в отчаянии и дряхлости сетующее, учащееся здесь юношество оживить отрадою, и показать, что Ваше Превосходительство Бог возвысил истинным сыном Отечества на защищение верных природных подданных Ея Величества. В надежде несомненного отеческого Вашего покровительства, с глубоким высокопочитанием пребываю

Вашего Превосходительства
всеуниженный и⁴ всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Июля 25⁵ дня
1762 года⁶

Источники текста

Известно, что автограф находился в Берлинской Королевской библиотеке, откуда и был использован для публикации в журнале «Русская старина».

Публикации: *Два письма Ломоносова // Рус. вестник*, 1808, ч. 2, № 6, с. 323–324 (с неверной датой: 27 июля 1762 г.). Перепечатано: *Рус. вестник*, 1842, т. 5, № 3, отд. II, с. 224, откуда перешло в *Изд. Перевлесского*, с. 174–175, и *Изд. Смирдина*, т. 1, с. 696–697 (также с неверной датой). *Берлинские материалы для истории новой русской литературы*: Письма М. В. Ломоносова. I / Сообщ. И. Шляпкин // *Рус. старина*, 1895, № 4, с. 225 (латинский текст и русский перевод). *Сочинения* 8, с. 246. *ПСС* 10, с. 560–561.

Печатается по: *Рус. старина*.

Примечания

¹ В «Рус. вестнике» (1808): злые.

² В «Рус. вестнике» (1808): насягать.

³ В «Рус. вестнике» (1808): восставить.

⁴ В «Рус. вестнике» (1808) слов всеуниженный и нет.

⁵ В «Рус. вестнике» (1808): 27.

⁶ В «Русском вестнике» (1808) слова года нет.

Примечания

¹ Примечание С. Н. Глинки в «Рус. вестнике» (с. 320–321): «Подлинники сих писем, никогда еще не бывших в печати, находятся у Издателя Рус. Вест. Может быть, некоторые скажут, как же тот, кто написал:

По мне, хотя б руно златое
Я мог, как Язон, получить;
То б Музам для житья в покое
Не усумнился подарить!

Как же! Ломоносов домогался знаков отличия? Прочитав в письме его, «что русское учащееся юношество сетует и приходит в отчаяние», и припомня другие слова его, «что те, которым Россия дает покров, в пределах наших считают нас своими рабами», мы можем заключить, что русским питомцам нужны были тогда сильные заступники от утеснения иноплеменного».

129. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ К. Г. РАЗУМОВСКОМУ
28 января — 5 февраля 1763 г. Петербург

Сиятельнейший Граф,
М[илостивый] Г[осударь] К[ирилла] Г[ригорьевич].

По должности моей принимаю смелость Ваше Сиятельство всеуниженно уведомить о состоянии порученных мне в особое смотрение от Вашего Сиятельства в силу Генерального регламента Академических департаментов; и с достоподобным высокопочтанием и с благонамеренным усердием нижайше прошу рассмотреть оныя мои уведомления и мнения, представленные безо всякаго приватнаго пристрастия, кроме того, кое имею к распространению наук в отечестве. И ради того, Милостивый Государь, раболепно Ваше Сиятельство прошу, первое: в рассуждении Гимназии приказать учинить прибавку жалованья на содержание гимназистов по 12 рублей к прежнему, чтоб онаго выдавать в год по 48 рублей. Ей по нынешней дороговизне тридцати шестью рублями содержать невозможно. Второе, расположение Географического департамента оставить и подтвердить мне по прежнему Вашему определению, дабы произведенное мною толь уже далече сие полезное дело вступлением г[осподи]на Миллера, который всегда из зависти препятствовать

старается, не было по злобе рушено и начато снова дурным порядком без чаемого окончания, равно как его Сибирской истории, и ради того милостивейше благоволите приказать Ордером накрепко, чтоб сочиненныя девять карт, надлежащих к Российскому атласу, рассмотрев определенными в Географическом департаменте членами, по их апробации безо всякаго упущения времени печатать, и так же и впредь таким образом сочиненные и рассмотренные [ланд]карты печатать же. Третье, соблаговолите, Милостивый Государь, физические инструменты препоручить в смотрение другому, по моему мнению, г[осподи]ну Брауну, ежели г[осподи]н Епинус сию камеру привести в состояние приняться не захочет, и так, как он должен. Четвертое, позвольте, Милостивый Государь, чтоб Астрономическая обсерватория была невозбранна г[осподи]ну Попову, как старшему здесь астроному, и которой должен показывать астрономические лекции, так же г[осподи]ну Красильникову, и геодезистам и студентам астрономии и географии. Ибо она для того и построена, чтобы пользоваться природным россиянам к пользе отечества. На все сие ожидаю от Вашего Сиятельства справедливаго и милостиваго решения, ей, не для себя, но для пользы Академии и для Вашей чести, которую наблюдать справедливыми Вам представлениями как прежде, так и ныне усердно и непритворно стараюсь.

Источники текста

Автограф неизвестен.

Публикации: *Портфель Ломоносова. 2-е отделение // Очерки России*, кн. 5, с. 26–27 (с пометой: «Собственноруч. чернов.»). *Сочинения* 8, с. 248–259. *ПСС* 10, с. 562–563.

Печатается по первой публикации.

130. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ
5 февраля 1763 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь, Михайло Ларионович.

По обещанию моему и по усердной к Вашему Сиятельству должности принимаю смелость прислать к Вам, Милостивому Госуда-

рю, метеорологические дорожные инструменты, которые по моему изобретению так расположены, что с великою укромностию в дорогах по земли и по морю употреблять можно. Давно уже ученые искали и старались, как бы вымыслить барометер морской для предсказания штурмов, затем, что обыкновенный для великаго движения многой ртути совсем к тому неспособен. Сие изобретение к тому совершенно достаточно, а особливо когда практикою еще к лучшему предупест. Употребление сего инструмента хотя притом и напечатано, однако оно может изъяснит[ь] сего податель, мозаичнаго художества мастер Васильев, который послан от меня в Москву нарочно для исходатайствования определенной от Правительствующаго Сената на строение монумента годовой суммы. Ваше Сиятельство, яко перваго моего предводителя к сему славному делу, всеуниженно прошу Вашим милостивым представтельством учинить мне в том высокое покровительство и споспешествование, коим уже много лет пользоваться счастье имею.

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга.
Февраля 5 дня
1763 года.

P. S. Всепокорнейше благодарствуя за вступление Вашего Сиятельства за беднаго, нагло обиженнаго Федоровича, принужден теперь сам прибегнуть в надежное защищение Вашего Сиятельства. По оклеветанию господина Тауберта, который в издании Российскаго Атласа мне нагло препятствовал, прислан от Его Сиятельства Академии наук господина [Президента] ордер, чтобы Географический Департамент из моего смотра отдал господину Миллеру, который, имев прежде сего оный департамент семь лет в своем распоряжении, ни на волос добра не сделал. И для того оной департамент поручен мне в смотрение, и моим рачением исходатайствованы от Правительствующаго Сената географическия обстоятельныя описания изо всех городов российских и другия многия пользы: заготовлены многия ландкарты к новому алтасу и в печати задержаны Таубертовыми проискамы, которой, сам будучи остановки причиною, внушил Его Сиятель-

ству, во время моей болезни, якобы я был тому виновен. Сжалюсь, Милостивый Государь, обо мне, бедном человеке, который тяжкою болезнию столько изнурен, оставлен перед протчими в забвении и, будучи в свете известен как первой в России человек подлинно ученой, претерпеваю гонение от иноплеменников в своем отечестве, о коего пользе и славе ревностное мое старание довольно известно.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 24–25.

Описание: Модзалевский, с. 96.

Публикации: АВ, с. 490–491. Сочинения 8, с. 259–261. ПСС 10, с. 563–565.

Печатается по: Сочинения 8.

131. Ломоносов — графу Р. Л. Воронцову
5 февраля 1763 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Роман Ларионович.

Освободясь почти совершенно от долговременной моей болезни, не могу преминуть, чтобы по моему истинному к Вашему Сиятельству древнему усердию не объявить моего высокопочитания, во-первых, поздравлением с наступившим новым годом, которой Вам, Милостивому Государю, желаю препроводить во всяком вожденном удовольствии, в здравии и радости со многими ниже следующими. При сем, в надежде прежней Вашего Сиятельства отеческой ко мне милости, учинить мне милостивое предстательство в исходатайствовании определенной на строение мозаичного дела годовой суммы прошу всеуниженно, и о милостивом к тому благоволении не сомневаясь, потому что сие дело приняло свое начало от Вашего любезнейшего брата, Милостиваго Государя Михаила Ларионовича, и совершение онаго к особливой Его Сиятельства чести служить будет. Горная моя книжица с новыми прибавлениями печатанием к окончанию приходит, которая экземпляром служить Вам, Милостивому Го-

сударю, отнюдь¹ не примину. С достождным высокопочитани-
ем непременно пребывая

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Москвы [!].

Февраля 5 дня

1763 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 23—23об. Вверху листа помета неизвестною рукою: «В Москве. Получено 11 февраля 1763 года. Ответ 17 марта». Факсимиле начала письма: *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л., 1971, с. 44.

Описание: *Модзалевский*, с. 96.

Публикации: *АВ*, с. 489—490. *Сочинения 8*, с. 261—262. *ПСС 10*, с. 565—566.

Печатается по: *Сочинения 8*.

132. Граф М. А. Воронцов — Ломоносову
17 февраля 1763 г. Москва

Государь мой Михайла Васильевич.

Пис[ь]мо Ваше от 5 числа сего месяца получил я исправно и благодарствую по-премному за присланной с оным метеорологической инструмент, которой нашел я столь полезным и преимущественным от обыкновенных, что не умедлил нимало поднести оной Ея Императорскому Величеству; но Всемиловивейшая Государыня, удостоя изобретение Ваше Высочайшею своею похвалою, изволила мне оной обратно отдать, потому что имела уже тот, которой прислали Вы к Его Сиятельству Гр[афу] Григорию Григорьевичу Орлову.

По представлениям Вашим в Правител[ь]ствующий Сенат, по делу известного монумента, готов я, сколько могу, способствовать стараниями моими, дабы толь славное дело без остановки продолжаемо было¹.

Граф Р. Л. Воронцов

Что касается до поручению гос[подину] Миллеру Географического департамента, то желал я и в сем случае, по всегдашнему моему к достоинствам Вашим почитанию, показать Вам мою услугу; но, предвидя к тому мало вероподобия, дружески между тем советую оградить себя ведикодушием и ожидать от времени того, что может быть теперь многим подвержено трудностям².

С истинным почтением пребуду я навсегда

Ваш, Государя моего.

В Москве
17 февр[аля] 1763.
К Ломоносову.

Источники текста

Черновик рукою Воронцова: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 44*. Помета внизу листа писарскою рукою: «Отправлено на почте того же числа».

Публикации: *АВ*, с. 498. *Сочинения* 8, с. 262–263.

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ О метеорологическом инструменте и деле «известного монумента» см. в письме Ломоносова от 5 февраля 1763 г. (см. документ № 131), на которое Воронцов и отвечает.

² Относительно передачи Географического департамента в ведение Г. Ф. Миллера см. в письме Ломоносова к К. Г. Разумовскому от 28 января — 5 февраля 1763 г. (документ № 129) и в упомянутом письме Ломоносова к Воронцову (№ 131).

Ломоносов ответил Воронцову письмом от 6 марта 1763 г. (см. № 133).

133. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ
6 марта 1763 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович.

Милостивейшее Вашего Сиятельства писание получив и прочитав с великою радостью, несомненно уверяюсь о непреходящем продолжении отеческой Вашего Сиятельства ко мне милости, ко-

тору за великое мое счастье искренне признаю и всеуниженно почитаю. Метеорологической инструмент хотя я не дерзал точию для того послать, чтобы поднести Всемилостивейшей Государыне, зная некоторые в нем небольшие недостатки и не надеявшись довольно, чтобы он дошел в целости, как еще первой опыт, однако, Милостивый Государь, всеусердно благодарствую за Вашего Сиятельства высокое попечение о моем благополучии, чинимое без моих заслуг к Вашей особе. Как возможно скоро, постараюсь сделать оной таким образом, чтобы достоин был любопытства Ея Величества. При сем всеуниженно прошу продолжить Ваше высокое предстательство о ускорении определения о мозаичном деле, затем, что ежели нынешней пост минует без окончания, то приспеют праздники, потом переезд сюда, новоселья и протчая, и тем причинится сему делу долговременная остановка. В твердой надежде милостивейшего уважения сего славнаго дела, с глубоким и истинным высокопочитанием пребываю

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга.
Марта 6 дня
1763 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 26 и 33.

Описание: Модзалевский, с. 96.

Публикации: АВ, с. 491–492. Сочинения 8, с. 263–264. ПСС 10, с. 566–567.

Печатается по: Сочинения 8.

134. Граф М. А. Воронцов — Ломоносову
22 марта 1763 г. Москва

Государь мой Михайла Васильевич.

Вы столь много одарили меня изобретением метеорологических инструментов, навсегда славных трудов Ваших, что я истинно

не знаю, чем взаимно Вас одарить могу. Только буду стараться благодарность мою Вам оказать.

К прибытию Ея Императорскаго Величества в Санктпетербург я намерен пред домом моим, для общей радости, сделать приличную люменацию; того ради Вас, друга моего, прошу сделать проект оной сходно с званием чина моего, аллегорически в картинах, представляя великия добродетели и таланты, коими Всевышний одарил Ея Императорскаго Величества, неусыпные Ея труды и попечения о благе отечества нашего и ежедневно оказуемые благодеянии и милости народу своему; для сего случая, а паче для оказания моей искренней преданности и усердия к Ея Величеству, не пожалел бы я несколько тысяч рублей, но как казна моя в крайней немощи, и великия долги не дозволяют бол[ь]шие расходы держать; то я Вас прошу и сочинение люменации размерить по моим недостаткам, и к тому до 500 рублей употребить; а я на сей же почте писал к управителю Винтеру, чтоб он в сем деле во всем поступал по повелению Вашему. Я лутче желал бы, чтоб Вы, буде можно, изволили отдать академическим художникам на подряд, а управитель мой тол[ь]ко бы дело имел по повелениям Вашим ден[ь]-ги платить. Произведением сего дела в действо Вы крайне меня одолжить изволите, а паче ежели б потрудились к украшению сего торжества. И понеже я намерен Ея Величество и Государя Цесаревича к себе в дом просить, приличные стихи сделать и, напечатать в небол[ь]шом формате, мог я при сем случае поднести; сим усугубите Вы благодарность и признание мое к Вам. Во ожидании приятнаго ответа, пребываю с неперменным почтением

1763.

Марта 22 дня

В Москве.

К Ломоносову.

Отправлено на почте

того же числа.

Источники текста

Черновое, писарскою рукой: ПФАРАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 45–46.

Публикации: АВ, с. 498–499. Сочинения 2, с. 385–386 второй пагин. (отрывок). Сочинения 8, с. 264–265.

Печатается по последней публикации.

27 марта 1763 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь, Михайло Ларионович.

Всеуниженно поздравляя Ваше Сиятельство с нынешним всеобщим праздником² и желая Вам, Милостивому Государю, благословенного здравия и совершенного во всем сердечного удовольствия, раболепно благодарствую за высокое Вашего Сиятельства отеческое о моем деле предстательство и не премину самым делом вскоре доказать, что оно не вотще употреблено было³. Через неделю пришлю к Вашему Сиятельству проект, рисунок с описанием и стихи на иллюминацию, которые строение Ваше Сиятельство мне вверить изволили. Что за особенное оказание отеческого Вашего ко мне снисходительства искренне почитая, до смерти пребываю

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Марта 27 дня
1763 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 27 и 32.

Описание: Модзалевский, с. 99.

Публикации: АВ, с. 492. Сочинения 8, с. 265–266. ПСС. 10, с. 567.

Печатается по: Сочинения 8.

Примечания

¹ Ломоносов отвечает на письмо Воронцова от 22 марта 1763 г. (см. документ № 134).

² Пасха 23 марта 1763 г.

³ Речь идет о помощи Воронцова в деле исходатайствования Ломоносову «годовой суммы» на мозаичные работы для Петропавловского собора.

Следующее письмо Ломоносова, при котором он послал проект, рисунок и стихи на заказанную ему иллюминацию, было датировано 17 апреля, однако текст его неизвестен. Воронцов отдельно на письмо от 27 марта, кажется, не отвечал, отписав Ломоносову 24 апреля 1763 г. (см. документ № 136).

24 апреля 1763 г. Москва

Государь мой Михайла Васильевич.

Получа сего утра письмо Ваше от 17 числа, не хотел я упустить почты, чтобы не возблагодарить Вам как за оное, так и за присылку проектованного Вами плана иллюминации¹. Я нахожу оной столь хорошо вымышленным и расположенным, что отнюдь не усматриваю нужды делать какия-либо отмены, но только прошу в пристойных местах прибавить приличных из Горация, или собственного Вашего творения, надписи, дабы тем живее еще изобразить представляемые добродетели и великия качества Ея Императорскаго Величества нашей Всемиловитвейшей Государыни².

В прочем, полагаясь совершенно на дружбу и искус[с]тво Ваше в лутчем всей иллюминации произведении, уверяю я Вас с охотою о том отличном почтении и доброжелател[ь]стве, с коими всегда пребуду

Ваш, Государя моего.

В Москве
24 апреля 1763.
К Ломоносову.

Источники текста

Черновое, рукой Воронцова: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 48. Внизу листа помета писарскою рукой: «Отправлено на почте того же числа».

Публикации: АВ, с. 499–500. Сочинения 2, с. 386 второй пагин. (отрывок). Сочинения 8, с. 266–267.

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ Воронцов отвечает на письмо Ломоносова от 17 апреля 1763 г., при котором им были посланы план иллюминации, рисунок и стихи (см. письма № 134 и 135). В настоящее время ни письмо Ломоносова, ни проект иллюминации с рисунком неизвестны.

Относительно стихов М. И. Сухомлиновым в 1893 г. (Сочинения 2, с. 385–386 второй пагин.) на основании содержания писем Воронцова к Ломоносову от 22 марта и 24 апреля 1764 г. была высказана догадка, что это могут быть «Фор-

туну вижу я в тебе или Венеру...», недатированный автограф которых писарской рукой сохранился (ЛФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 69–70), но не озаглавлен:

Фортуны вижу я в тебе или Венеру,
И древняго дивляюсь художества примеру.
Богиня, по всему, котора ты нибудь:
Ты руку щедрую потщила протянуть.
Когда Венера ты, то признаю готову
Любителю наук и знаний Воронцову
Златое яблоко отдать за доброту,
Что присудил тебе Парис за красоту.
Когда ж Фортуна ты, то верю несумненно,
Что счастье его пребудет непременно,
Что так недвижно ты установила круг,
Коль истинен Патрон и коль он верен друг (ПСС 8, с. 667).

Однако еще П. И. Бартенев, впервые опубликовавший их в 1872 г. вместе со стихотворением «Оставь, смущенный дух, презрение сует...» (АВ, с. 502–503), содержание которого не оставляет сомнения в адресате, придал им заглавие «Стихи Ломоносова в честь Елизаветы Петровны». Затем время написания «Фортуны...» относили к 1750 г. (Сочинения 8, с. 268 второй пагин.; Макаров, с. 51). В настоящее время считается, что оно написано в 1759 г. в честь «патрона» М. А. Воронцова (ПСС 8, с. 1110–1111).

137. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ
18 июня 1763 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь, Михайло Ларионович.

Высокомилостивое от Вашего Сиятельства обнадеживание о моем заступлении от моих ненавистников и гонителей уверяет меня о снисходительном принятии моего всеуниженного мнения и представлении моего дела, которое за необходимо нужное почитаю Вам, Милостивому Государю и отцу, изъяснить, прежде нежели Ваше Сиятельство действительно употребите важное Ваше заступление и предстательство. По пословице, что *никто лутче не знает, где сапог ногу давит, как тот, кто его носит*, Вашему Сиятельству довольно известно, какие распри, тяжбы и почти волнения у Шумахе-

ра почти со всеми профессорами с начала Академии, с советником Нартовым и с другими академическими российскими служителями, и что так же поступает его зять и наследник; и можете милостивейше рассудить, сколь много я от обеих ношу коварных нападков. И так не могу больше терпеть таких злодейских гонений, и сил моих нет больше спорить, и наконец намерен остатки изнуренных на науки и на тщетные споры дней моих препроводить в покое, которой мне двумя способами от Всемилоостивейшия Государыни пожалован быть может. Первое, буде поручены мне будут учоные, поныне в моем смотреии бывшие, Академические департаменты и единственную дирекцию, выключая других товарищей, кои мне по сю пору мешали в добрых предприятиях; или мне дать полное увольнение от всех дел академических, ибо я не могу отнюдь тягаться и совсем боюсь иметь господина Тауберта товарищем, или командиром, или подчиненным и, словом, никакой по учоным делам коннекции, искусством изведав, как мне от него обороняться тяжело, и спорить с таким коварным и неусыпным наветником горестно, и бесполезно, и вредно слабому моему здоровью. При сем, однако, уповаю на всеильную Божескую десницу, что меня еще укрепит в трудах, служащих к размножению и установлению наук в России, ежели по первому моему желанию Всемилоостивейше благоволено будет. Для доказаня и лутчаго изьяснения вышеписанных, всеуниженно прошу Вас, Милостиваго Государя, дозволить мне с час времени, когда благоволите, прежде приезде Ея Величества в Сарское Село, для уверения Вашего о моей справедливости и для показаня границ моего законнаго исканя, чего несомненно ожидая, с досто-
должным высокопочитанием пребываю

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Июня 18 дня
1763 года.

[Проект Высочайшего указа] У[каз] Н[ашему] С[енату].

Всемилоостивейше пожаловали Мы нашего коллежскаго советника М[ихайла] Л[омоносова] за его отменное искусство в разных науках и за принесенную тем нашей Академии честь и пользу нашим действительным статским советником, с производением годово-

го жалованья по тысячи по осмисот рублей. И до наук надлежащие Академические департаменты, кои по силе генерального регламента поручены были от Президента по сие время в его особое смотрение, вверяем ему ж, Ломоносову, в единственное расположение и смотрение, дабы он без всякаго препятствия мог стараться о приращении наук в отечестве. И для того определенную на оныя департаменты сумму по штату отделить от протчей в особое комис[с]арство под его же, Ломоносова, единственное ведение. А что на оныя учоныя департаменты надлежащей суммы, за бывшим неимением положенных в штате профессоров, иностранных почтенных жалованных членов, конференцских адъюнктов и университетских студентов, не употреблено, как по штату быть надлежало, но издержано на другие расходы, оное вычестъ из общей академической суммы в [...] ¹ лет, а в случае нужды дополнить оное из Академической Книжной лавки, дабы чрез то пришел весь Академический корпус в свое равновесие, и чтобы определенная от Вселюбезнейшей нашей Тетки блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны сум[м]а на распространение наук в отечестве ни на что иное кроме онаго не тратилась. И нашему Сенату учинить по сему надлежащее исполнение.

Или:

Всемиловитейше пожаловали Мы нашего кол[л]ежскаго советника (тем же как выше), и от всех Академических дел для его слабаго здоровья увол[ьн]яем, разве он сам, как член оныя Академии, по своей силе и охоте в науках, что производить похочет, что ему позволяется.

Источники текста

Автограф письма: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 28–29. Автограф проекта указа: Там же. Л. 36–37.

Описание письма и проекта указа: Модзалевский, с. 99 и 103.

Публикации письма: АВ, с. 493–494. Сочинения 8, с. 267–268. ПСС 10, с. 568–569. Публикации проекта указа: АВ, с. 500–501. Сочинения 8, с. 269–270. ПСС 10, с. 354, 357.

Печатается по: Сочинения 8.

Примечания

¹Пропуск в подлиннике.

11 сентября 1763 г. Петербург

Благородный г[осподи]н профессор!

Находящимся при академическом Географическом департаменте Студенту Илье Абрамову, да ученикам, четырем человекам, каким образом употреблять астрономические инструменты, оное благоволите показывать им на академической Обсерватории, когда Вы на оной бываете, с ясным истолкованием, дабы они чрез то могли быть способными не только к копировке, но и к составлению ландкарт.

Вашего благородия
готовый слуга
Михайло Ломоносов.

Г. Румовскому.

Сентября 11-го дня, 1763 г.

Источники текста

Подлинник писарскою рукой, с собственноручной подписью Ломоносова, поступил в свое время в *Отдел рукописей ИРБ*.

Описание: *Отчет ИРБ за 1906 год*. СПб., 1913, с. 160.

Печатается по первой публикации: *Ламанский*, с. 104.

19 января 1764 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь Михайло Ларионович!

Уведомясь о благополучном Вашего Сиятельства прибытии в Италию, от искренняго сердца радуюсь и поздравляю всеуниженно, желая препроводить Вам время Ваше во всяком удовольствии и в совершенном укреплении Вашего дражайшаго

здравия. Милостивое Вашего Сиятельства ко мне снисходитель-
ство обнадеживает меня, что Вам, Милостивому Государю, не-
противно будет, ежели осмелюсь что донести о своем состоянии.
Здоровье мое, слава Богу, отчасу и чувствительно лучше стано-
вится, так что могу исполнять все мои должности без нужды.
По отъезде Вашем поднес я Всемилостивейшей Государыне на-
шей напечатанную и ей приписанную Металлургию и мозаич-
ной Ея ж Величества портрет, что все принято с удовольствием.
Его Высочество Цесаревичу поднесена от меня пис[ь]менная
книга о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибир-
ским океаном в Японию[!], Америку и Ост-Индию, почему
и велено в Адмиралтейской комиссии учинить расположение
с рассмотрением, и не сомневаюсь, что экспедиция туда вос-
последует. На сей новой год подал я оду, которая экземпляр
при сем для прочтения Вашему Сиятельству приложить честь
имею. Прошедшаго октября 15 дня Ея Императорское Величе-
ство всемилостивейше изволила меня пожаловать статским со-
ветником с жалованьем по 1875 руб. в год. В протчем чувствую
Ея Государскую милость довольно: несколько раз изволила меня
приглашать к себе в комнаты и довольно со мною разговаривать
о науках с оказанием своего Всемилолюбивейшаго удовольствия.
При сем принимаю смелость упомянуть Вашему Сиятельству
о прежней моей всепокорнейшей проз[ь]бе в рассуждении при-
нятия в члены Болонского института, коему Ученому обществу
для вручения осмелился я послать и мои сочинения, при пис[ь]-
ме к Вам, Милостивому Государю. Сверх всего, поздравляя Ваше
Сиятельство с наступившим новым годом, с достодолжным вы-
сокопочитанием пребываю

Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

В Санктпетербурге.
Генваря 19 дня
1764 года.

Vir juvenis praestantis ingenii Michael Lomonosow, ex quo studiorum gratia Marburgum accessit, frequenter lectionibus meis mathematicis et philisophicis, physicis praesertim interfuit, ac solidiori doctrina mirifice delectatus. Quod si igitur e[a]dem industria pergat, nullus dubito fore, ut aliquando in patriam redux utilem reipublicae operam praestet; id quod maxime in votis habeo. Dabam Marburgi Cattorum d. 20 julii 1739.

(L. S.)

Christianus Wolfius
Acad. Marb. p. t. Pro-Rector.

Молодой человек преимущественного остроумия Михайло Ломоносов с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто математическия и философическия, а особливо физическия лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впрядь с таким же рачением простират[ь]ся будет, то не сомневаюсь, что, возвратясь в отечество, принесет пользу обществу, чего от сердца желаю. Дан в Марбурге 1739 июля 20.

Христиан Вольф.

Экстракт из определения Академии наук.

Студент Михайло Ломоносов специмен своей науки еще в июле месяце прошлаго 1741 году в Конференцию подал, которой от всех профессоров оной Конференции апробован. К тому ж и в переводах с немецкаго и латынскаго языков на российской язык довольно трудился.

Генваря 28 дня 1742 года.

Ich habe mit vielem Vergnügen ersehen, dass Ew. Hochedl. sich der gelehrten Welt in den Actis der Academie der Wissenschaften zeigen, wodurch Sie ihrer Nation viel Ehre machen. Es wäre zu wünschen dass viele ihrem Exempel folgten.

С великим удовольствием я увидел, что Вы в Академических Комментариях себя учоному свету показали, чем Вы великую честь принесли вашему народу. Желая, чтобы Вашему примеру многие последовали.

Вольф в письме из Галы от 6 августа 1753 года.

4

Toutes ces pièces sont non seulement bonnes mais très excellentes, car il traite les matières de la Phisique et de la Chimie, les plus intéressantes, et qui sont tout à fait inconues et inexplicables aux plus grands Génies, avec tant de solidité, que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à Monsieur Lomonosow, qu'il possède le plus heureux Génie pour découvrir les phenomènes de la Phisique et de la Chimie et il seroit à souhaiter, que toutes autres Académies fussent en état de produire des découvertes semblables à celles que Monsieur Lomonosow vient de faire.

Все сии сочинения не токмо хороши, но и превосходны, ибо он изъясняет физическия и химическия материи самыя нужныя и трудныя, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самым остроумным учоным людям, с таким основательством, что я совсем уверен о точности его доказательств. При сем случае я должен отдать справедливость господину Ломоносову, что он одарован самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических. Желать надобно, чтобы все протчия Академии были в состоянии показать такія изобретения, которыя показал господин Ломоносов.

Ейлер в письме из Берлина в Академическую канцелярию.

5

Quo magis sagacitatem ac profunditatem ingenii tui in evolvendis difficillimis Chymiae quaestionibus sum admiratus, eo gratiores mihi fuerunt litterae tuae ### Ex tuis autem scriptis summa cum voluptate cognovi, te in explicandis Chymicis operationibus longe a recepto apud Chymicos more recedere atque cum amplissima experientia summam Physicae solidioris scientiam perpetuo conjungere. Ex quo non

dubito quin vaga et incerta hujus disciplinae principia tandem ad plenam certitudinem ita sis perducturus, ut [ei] posthac locus in Physica jure tribui possit.

Сколько много проницательству и глубине Вашего остроумия в изъяснении претрудных химических вопросов я удивлялся, так равномерно Ваше ко мне письмо было приятно ### Из Ваших сочинений с превеликим удовольствием я усмотрел, что Вы в истолковании химических действий далече от принятого у химиков обыкновения отступили и с [пре]пространным искусством в практике высочайше основательной физики знание везде совокупяете. Почему не сомневаюсь, что нетвердые и сомнительныя основания сея науки приведете к полной достоверности; так что [ей] после место в физике по справедливости дано быть может.

Ейлер в письме от 23 марта 1748 года.

6

Uti profundissimae sunt meditationes Tuae, quarum communicatione tam insigne specimen amoris Tui ac benevolentiae erga me edere voluisti, retardationem responsionis meae non aegre feres, cum tam abstrusae cogitationes, rerumque maxime abditarum et tempus et otium requirant.

Как преглубоки Ваши рассуждения, которых сообщением дали Вы мне чувствительный знак своей любви и благосклонности... О умедлении моего ответа прошу не погневаться, за тем, что рассуждать о толь трудных и сокровенных вещах мысли времени требуют.

Ейлер в письме от 24 августа 1748 года.

7

Cum semper fuerim admiratus felicissimum ingenium Tuum, quo vi tam diversis scientiarum generibus excellis, ac phaenomena naturae singulari cum successu per theoriam illustras, tum summo gaudio intellexi ### Omnino Te digna sunt, quae de omnis generis coloribus vitro inducendi es perscrutatus. Nostri Chimici hoc inventum maximi faciunt.

Как я всегда удивлялся счастливому твоему остроумию, которым в толь разных науках превосходишь и натуральныя явления с особливым успехом теоретически изъясняешь, так приятно было мне известие ### Достойное Вас дело есть, что Вы стеклу всевозможные цветы дать можете. Здешние химики сие изобретение за превеликое дело почитают.

Ейлер в письме из Берлина от 30 марта 1754 года.

8

Dahero die Bemühungen derjenigen, welche darüber arbeiten jeder Zeit grosses Lob verdienen. Um so viel mehr muss man also Ew. Wohlг. verbunden seyn, dass dieselben diese grosse Frage aus der Dunkelheit entristen und einen glücklichen Anfang zu Erörterung derselben gemach[t] haben.

Того ради старание тех, которые в сем деле трудятся, всегда великую похвалу заслуживают: тем должно больше Вам иметь обязательство, что Вы сей великой вопрос из тьмы исторгнули и положили счастливое начало в его изъяснение.

Ейлер в письме из Берлина от 11 февраля 1755 г.

9

Nullum adeo dubium mihi superesse videtur, quo minus origo vera frigoris acerrimi tam subito ingruentis hoc modo sit assignata. Post tam egregia incrementa, quibus scientia naturalis ab Inclыta Academia Imperiali in dies ditatur, ab ea quoque in posterum merito maximos ac felicissimos successus nobis pollicemurque, praesertim cum hujus modi studia alibi fere penitus jaceant derelicta.

Dabam Berolini d. 22 Januarij anno 1754.

Мне кажется, не остается более сомнения, чтобы внезапного мороза весьма жестокаго причину сему действию приписать. По таким добрым приращениям, коими натуральная наука чрез Императорскую Академию обогащается, вяще и вяще ожидаем и впрядь

по справедливости великих и благополучных успехов, а особливо, что такие изыскания в других местах вовсе оставлены.

Ейлер из Берл[ина] 22 ген[варя] 1754 г. после слова,
говоренного в Акад[емии] о электрических воздушных
явлениях.

10

Il y a dans le même volume un extra[it] du XIV des Mémoires de l'Academie Imp[ériale] de Russie, où j'ai parlé fort au long et avec beaucoup de plaisir de Votre beau mémoire sur la tei[n]ture des métaux.

В том же томе содержится экстракт 14 тома Академических Комментариев, где я пространно и с удовольствием описал Вашу прекрасную диссертацию о светлости металло[в].

Формей в письме из Берлина от 27 октября 1753 года.

11

Comme je suis parfaitement disposé de vous obliger en tout ce qui peut dépendre de moi, je me suis acquité de cette tâche et je vous envoie ci joint les feuilles de mon Journal, où cette pièce est imprimée, il étoit naturel de défendre une aussi bonne cause, que la votre contre des accusateurs si injustes.

Как я желаю Вам сделать обязательств[в]о во всем, что от меня зависит, я то исполнил, и посылаю Вам при сем листки из моего журнала, где она диссертация напечатана. Сие было должность, чтобы защитить толь праведное Ваше дело от таких неправедных поносителей.

Формей в письме из Берлина от 27 мая 1755 года.

12

Debitas Tibi persolvo grates ob actum Academicum et programma, dignum fama Tua opus, quae omnia mecum communicare dignatus es.

Должное воздаю Вам благодарение за акт академической и за программу, достойное Вашей славы сочинение, котораго сообщением Вы меня удостоили.

Кондамин в письме из Пломберии
в Лотарингии от августа 1754.

13

Quae sagacissimus Lomonosow circa fluxum hujus materiae subtilis in nubibus est meditatus, maximum subsidium iis, qui vires suas in hac quaestione enucleanda exercere volent, afferre debent. Eximiae quoque sunt ejus cogitationes de descensu aëris superioris, indeque tam subito orto gelu.

Что пронизательной Ломоносов о течении сей тонкой материи в облаках рассуждал, великую помощь подаст тем, котория в сем исследовании хотят своих сил отвеждать. Также преизрядны его размышления о нисхождении верхняго воздуха и о внезапных морозах.

Ейлер в письме из Берлина в Акад[емию] 1754 г.

14

Diploma

Qui suis in scientias praeclaris meritis jam diu per orbem litterarum celebre nomen obtinuit Nobilissimus Dominus Michael Lomonosow, Chemiae Professor et Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae Consiliarius ea diligentia et dexteritate scientias in primis Physicas adhuc excolit et illustrat, ut Academia Regia Scientiarum Sveciae et honori sibi et usui fere judicaverit cum egregio hoc viro propiore conjungi commercio. Ideoque Academia Regia Scientiarum Sveciae Celeberrimum Dominum Michaelem Lomonosow in suam cooptare voluit societatem, eumque his litteris amice invitat, ut socius sociam Regiae Academiae Sveciae, ut pote jam suae commodare velit operam. In rei actae fidem sigillum Regiae Academiae ipsius jussu apposuit. Die 7 Maji, anno 1760.

Petrus Vargentin
Acad. Reg. Scien. Sveciae
Secretarius Perpetuus.

L. S.

Санктпетербургской Императорской Академии наук господин советник и химии профессор Михайло Ломоносов давно уже преименитыми в учоном свете по знаниям заслугами славное приобрел имя, и ныне науки, паче же всех физическия с таким рачением и успехами поправляет и изъясняет, что Королевская Шведская Академия наук к чести и к пользе своей рассудила с сим отменитым мужем вступить в теснейшее сообщество. И того ради Шведская Королевская Академия наук за благо избрела славнаго сего господина Ломоносова присоединить в свое сообщество и сим писанием дружелюбно его приветствовать, дабы яко член соединенный Королевской Шведской Академии, уже как своей, взаимное подавал вспоможение. Во уверение сего по повелению Королевской Академии печать оныя приложил. Маия 7 дня 1760 года.

М. П.

Петр Варгентин
Шведской Королевской Академии наук
секретарь.

15

Из Енциклопедии, что издается в Литтихе о учоных людей упражнениях, напечатано в Рассуждении слова о цветах:

Nous n'irons pas plus loin dans cette exposition, elle suffit pour faire honneur au Genie et à la méditation de Monsieur Lomonosow et pour donner lieu d'admirer en même tems les progrès des sciences dans des contrées où nous les avons vu naître.

Мы не поступим далее в сем рассуждении; оно довольно приносит чести остроумию и рассуждению господина Ломоносова и подает причину удивляться приращению наук в тех краях, где мы недавно видели их рождение.

Источники текста

Автограф письма: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 30–31. Вверху начального листа помета Воронцова: «Получено в Вене 30 апреля». Приложение «Свидетельства о науках советника Ломоносова» писарскою рукой: Там же. Л. 60–63 (из 14 пунктов). Имеются также два черновика приложения

Князь А. М. Голицын

писарскою рукой, с поправками Ломоносова: *Там же. Оп. 1. № 5. Л. 153–158* (из 11 пунктов) и *Оп. 3. № 134. Л. 49–52об.* (из 15 пунктов).

Описание письма и приложения: *Модзалевский*, с. 99 и 266.

Публикации письма: *АВ*, с. 494–495. *Сочинения 2*, с. 361 (отрывок). *Сочинения 8*, с. 270–271. *ПСС 10*, с. 569–570.

Публикации приложения: *Доп. известия*, с. 93–98 (по черновику из 11 пунктов). *Биллярский*, с. 7–8, и *Куник II*, с. 360 (пункт 2). *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов — член Шведской Академии наук // *Ломоносов 2*, с. 279 (пункт 14). *Сочинения 8*, с. 280–288. *ПСС 10*, с. 570–580.

Печатается по: *Сочинения 8*.

140. ЛОМОНОСОВ — КНЯЗЮ А. М. ГОЛИЦЫНУ
24 января 1764 г. Петербург

Милостивый Государь, Князь Александр Михайлович.

Ваше Сиятельство всепокорнейше просить принимаю смелость о учинении мне милостиваго вспоможения в произведении некотораго дела, служащаго к чести российских предков. Всемилоостивейшая Государыня благоизволила повелеть чрез Его Превосходительство Ивана Ивановича Бецкаго, чтобы я выбрал из Российской истории знатные приключения для написания картин, коими бы украсить при Дворе некоторые комнаты. Не малой здесь нахожу недоста[то]к в изображении стариннаго нашего платья разных чинов. Сведение о сем сыскать едва ли где лутче можно, как в Архиве Коллегии иностранных дел. Особливо ж есть в оной описание коронации и других церемоний Государя Царя Михайла Федоровича с личными изображениями на пергаменте. Сообщением сего можете, Милостивый Государь, подать мне великое вспомошествование. В уповании сего, как и завсегда, с достодолжным высокопочитанием пребываю

Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Генваря 24 дня
1764 года.

Источники текста

Автограф: РГАДА. Ф. Госархива. Разряд XVII. № 19. А. 1. Внизу первого листа канцелярская помета: «По сему послан приказ в Московской архив 29 генваря 1764 го[да]»

Публикации: *Ааманский*, с. 106. *Записки ИАН*, 1868, т. 13, кн. 1, с. 180. *Сборник ОРЯС*, 1868, т. 2, с. XLVI. *Сочинения* 8, с. 288–289. *ПСС* 10, с. 581.

Печатается по: *Сочинения* 8.

141.

Ф. М. Цанотти — Ломоносову

После 2 (13) апреля 1764 г. Болонья

Объявляю Вам, что Академия наук Бононского института Вас, в науках по правде превосходнейшего мужа, чрезвычайным общим всех членов согласиём, апреля 13 дня в свое сообщество присокупила. Ибо как российской канцлер Сиятельнейший Граф Воронцов, министр, благородством, знатностию и благоприятством во всей Европе знаменитый, о Вас предложил (не думайте, чтобы Академия наша не приняла в рассуждение особых и несравненных Ваших достоинств: слава имени Вашего и до zde достигла), то всяк, кто о том услышал, признал, что Вы от такой особы, каков есть вышереченный Граф Воронцов, представлены быть достойны. И как наша Академия Его Сиятельству много долженствует за приращение нашей Академии преизрядными книгами и другими вещьми, то и впредь ему благодарность свою признавать будет за то, что Вас, во всяких науках превосходнейшего мужа, представил Академии нашей. И так, уповаем, что сие объявление нашего к Вам благоприятства с удовольствием и охотою примете, и Академию Бононского института отселе своею почитать изволите. При сем желаем Вам здравия для Вас самих, для нашей Академии и для всего ученого общества^{1*}.

Источники текста

Автографы неизвестны.

Публикации: *Перевод с письма, присланного от Академии наук Бононского института*, к статскому советнику и профессору господину Ломоносову, чрез

---

¹ Перевод XVIII в.

онья секретаря господина Цанотти, чем объявлено избрание его господина Ломоносова в члены помянутыя Академии // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах*, 1764, май, с. 465–466. *Билярский*, с. 634. *Сочинения* 8, с. 295–296.

Печатается по последней публикации.

Примечания

¹ В майском номере «Ежемесячных сочинений...» на 1764 г. помещено, прежде всего, извещение об избрании Ломоносова: «Господин статской советник и профессор *Ломоносов* получил на сих днях объявление из Бононии от секретаря тамошней Академии наук господина *Цанотти*, о том, что Бононская Академия его выбрала членом» (с. 464).

После публикации письма далее в журнале следует перевод статьи (с. 466–469):

Италия

Из ученых Флорентинских ведомостей от 12 Марта сего 1764 году

Известно, что мозаичное искусство впервые в России началось от Константинопольских художников, со времен Владимира Великого, когда христианской закон в России утвердился; видны оногo искусства отстатки в церквях Киевских. Но Греки, кои оную мозаику составляли, Россиян тому не обучили. После того восстали жестокия войны, и татарския нашествия, и сверх того в самой Греции многия несчастливья приключения, от чего сие художество рушилось, и все возвратилось в прежнее варварство. Наконец во владение блаженныя памяти великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Его Сиятельство канцлер Граф Михайло Ларионович Воронцов, возвращаясь из перьвого своего путешествия, бывшего в 745 и 746 году по разным европейским государствам, привез с собою мозаичныя вещи, иныя купленныя не малою ценою, иныя подаренныя от папы Веденикта Четвертаго на десять в Риме, где сие художество процветает. И сего одного уже довольно было к тому, что господин статской советник Ломоносов в славной Санктпетербургской Академии наук, химии профессор, увидев сие, положил намерение и действительно предприял сие трудное дело производить опытами по одному своему глубокому знанию в химии, в коей толь благоуспешно упражняется, и оградясь философскою терпеливостию, по многочисленном множестве опытов наконец достиг искусства производить все цветы к составлению мусии, кои будучи сравнены с римскими, оказались, что ни в чем оным не уступают. Сии изобретения такой успех возымели, что по многих трудах составлен мозаичным искусством образ Богоматере с оригинала славного живописца Солимены в шесть месяцев, и поднесен высокоупомянутой блаженныя памяти Государыне Императрице. Которая удостоила сие дело своєю высочайшия

аппробации и милости и достойному автору пожаловала для произведения сего художества привилегию и деревни в Ингерманландии, где господин Ломоносов завел фабрику для составления разноцветных мозаичных стекол, которая производится в совершенстве, и некоторые из тамошних крестьян обучены сему искусству.

Не останавливаясь ни где господин Ломоносов в толь трудном произвождении увидел наконец себя в состоянии предпрять сим художеством большия вещи.

Высокопомянутая блаженныя памяти Государыня Императрица изволила, и Правительствующий Сенат определил соорудить в Санктпетербурге великолепной мавзoley своему безсмертныя славы родителю Петру Великому, в церкви Святаго Петра, где почивает его тело, и указано оной украсить осьмью великими мозаичными картинами, изображающими знатнейшия дела сего Героя.

Господину Ломоносову поручено о сем попечение, и уже первая картина почти совсем готова. Изображен на ней Петр Великий, яко победитель Карла Второго на десять на славном сражении под Полтавою, шириною 10 ½ локтя, вышиною 7 ¾ (в самом деле по Российской мере шириною в три сажени, вышиною в две с полуаршином). Перспективное положение так состоит, что конная фигура Петра вышиною в 3 ½ локтя (в самом деле сидячее изображение Государево одно семь футов), подобие лица весьма сходственно, снято с гипсовой подлинной отпечатки и с самых лутчих портретов сего Монарха. Также представлены и бывшие с ним тогда на Полтавской победе знатнейшия Генералы, то есть Шереметев, Меньшиков, Голицын. Всем обще рисованием последовано картинам знатных живописцов, баталии представляющим, с выбором по приличеству обстоятельств сего изображения, которое расположил господин Ломоносов.

Сие изображение Полтавския победы набрано из мозаичных составов в медной плоской сковороде, которая тянет 3000 фунтов (больше осмидесяти пуд кроме рам медных) и укреплена железными полосами весом 2000 фунтов (с лишком 50 пуд), поставлена на бревенчатой машине, которая удобно поворачивается для лутчей способности самой отделки и для осмотра когда надобно.

Вторая картина Азовского взятия начата и производится не укоснительно, чтобы и протчие за нею следовали, к окончанию сего знатного предприятия.

В протчем какой плод получил себе господин Ломоносов своими многими трудами к приращению физического знания и к теоретическому изъяснению химической науки, доказывает его диссертация о свете и цветах новая их теория.

9 мая 1764 г. Петербург

Viro celeberrimo perillustri, doctissimo Francisco Mariae Zanotto, inclytæ Academiae Scientiarum Instituti Bononiensis a secretis, dignissimo Singularibus in orbe Litterario meritis excellentissimo Michaël Lomonosow, Sacrae Imperatoriae Ma[j]estatis omnium Rossiarum Consiliarius Status, in Academia Petropolitana Professor Chymiae P. O.

S. P. D.

Acceptis humanitatis plenis Litteris Tuis Vir perillustis, quibus me in vestram inclytam Academiam Scientiarum instituti Bononiensis communi omnium Academicorum consensu cooptatum esse indicare benevolentissime voluisti gaudeo vehementer, gratiasque quam maximas pro tanto beneficio Tibi, Vir celeberrime, atque integro illustrissimo coetui ago, et quantum in me situm est, referre curabo. Etenim nil gratius contingere posse homini litterarum studiis dedito existimo, quam esse probatum Viris, quorum ingentia atque spectatissima in Scientiis merita per orbem litterarium et ubique gentium percrebuerunt. Idcirca maxime enitendum mihi esse apud me statui, ut iis encomiis, quorum equidem haud me dignor honore, quantulumcunque in posterum respondere, et Academiae Vestrae, quam nunc etiam meam nuncupare jam auspiciis Vestris audeo, lucubrationibus meis satisfacere possim. Numerum earum constituent observationesⁱ et inde deducta ratiocinia circa nutationes penduli centroscopici, descripti in meditationibus meis de via navis certius determinanda § 77. Item variationes altitudinum barometri sigillati, ibidem propositi § 79, quae omnia initium sumpserunt Ao 1759, et hunc usque in diem continuantur, quantum quidem reliqua munera et valetudo mihi concedunt; denique observationes electricae spectatum sese praebentibus auroris, ut vocant, borealibus, quarum verum influxum in erectas supra tectum sagittas, electricitatis capaces, manifesto deprehendere mihi licuit, cum elapsa proxime hyeme et hoc primo vere ejusmodi spectacula hic loci praeter morem frequentia et luculentia contigerint. Omnia haec jam sub prelo sunt; et quam primum lucem publicam aspexerint, ad illustrissimam Academiam Bononiensem properabunt, judicio illius gravissimo sese submissura. Vale, vir celeberrime mihique, ut benevolentissime co-

episti favere atque collegis doctissimis ac praestantissimis officia et obsequia mea, gratumque animum ulterius commendare non desiste. Dabam Petropoli die 9 Maji, St. V. Ao 1764.

Франциско Марии Цанотти, секретарю славной Болонской Академии, мужу знаменитейшему, известнейшему и ученейшему, особыми заслугами в научном мире прославленному, Михайло Ломоносов, статский советник Ее Императорского Величества всея России, профессор химии в Петербургской Академии,

ш[лет] н[ижайший] п[ривет].

Получив любезнейшее письмо Ваше, которым пожелали Вы благожелательно меня уведомить о единодушном моем избрании всеми академиками в члены славной Болонской Академии, [я] весьма радуюсь и изъявляю Вам великую благодарность, знаменитейший муж, за такую услугу Вашу, а также всему славнейшему собранию, и постараюсь, насколько в моих силах, за это отблагодарить. Полагаю, что ничто человеку, преданному науке, столь приятно не бывает, как одобрение мужей, великие и славные заслуги которых в науке по всему миру и в ученой среде так известны. Поэтому я решил, что мне нужно приложить все силы, чтобы тем похвалам, которых не считаю себя достойным, хотя бы в малейшей мере впоследствии соответствовать и вашей Академии, которую теперь [вашими милостями] также и моею смею почитать, представить плоды моих трудов. В числе их находятся мои наблюдения и на них построенные вычисления относительно колебаний маятника для наблюдения перемещения центра земли, описанного в моих Рассуждениях о большей точности морского пути [§ 77], а также изменения высот в запаянном барометре, там же предложенном [в § 79]. Все это начало свое берет от 1759 г. и до сего дня продолжается, насколько мне позволяют [то другие] мои обязанности и [мое] здоровье. И, наконец, наблюдения за явлениями электрическими, которые в воздухе можно видеть и которые называются северным сиянием; истечения их в установленные на крышках электрические острия мне удалось [ясно] видеть собственными глазами, так как прошедшей зимой и ны-

нешней ранней весной эти явления [в здешних местах] против обыкновения случались часто, и были весьма заметны. Все это уже находится в печати, и как скоро появится в свет, то будет отправлено в знаменитейшую Болонскую Академию, на ее авторитетнейший суд. [Примите, знаменитейший муж, мои пожелания здоровья, не лишайте меня и впредь Вашей благожелательности и не откажите изъявить ученым и знаменитейшим коллегам мое уважение, готовность и признательность]. Петербург, мая 9 дня ст. ст. 1764*.

Источники текста

Беловой автограф на латинском языке находится в архиве Болонского института. Черновик Ломоносова на латинском языке: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 3. Л. 310.*

Описание черновика: *Модзалевский*, с. 99.

Публикации: *Биллярский*, с. 789–790 (черновик на латинском языке). *Сочинения* 8, с. 297–300, и *ПСС* 10, с. 583–586 (черновик на латинском языке и русский перевод). *Кацолла П.* Русские путешественники в Эмили и Романье с XV по XIX век // *Il Carrobbio* (Bologna), 1979, vol. V, p. 87–89 (подлинник на латинском языке). *ПСС* 11, с. 16–18 (подлинник на латинском языке и русский перевод).

Латинский текст печатается по последней публикации, русский перевод — по: *Сочинения* 8.

143. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ М. А. ВОРОНЦОВУ

9 мая 1764 г. Петербург

Сиятельнейший Рейхсграф,
Милостивый Государь, Михайло Ларионович.

Оказанныя Вашего Сиятельства высокия отеческия ко мне милости уже издавна многократно уверили, коль велико и коль истинно любление Ваше к наукам. Ныне же новое подтверждение вяще и вяще о том засвидетельствует. Вашим представлением

---

* Перевод М. Е. Сергеевко.

воспоследовавшее принятие меня в члены Академии Болонского института не меньше служит к чести отечества, нежели к моей похвале, за что от обоих заслужили Ваше Сиятельство досто-должную благодарность, которую воздавать Вам, Милостивому Государю, не премину до смерти. Помянутой Академии через приложенное при сем пис[ь]мо к господину Цанотти посыла-ется засвидетельствование моего истинного удовольствия и бла-годарности, и при том признания, что я таковых похвал не до-стоен, кои в присланном мне объявлении приписаны. При сем ничего так искренне не желаю, как не в долгом времени видеть Вас, Милостиваго Государя, обратно в отечестве в совершенном здравии и удовольствии, чем и других многих сердца обрадуете, кои не меньше Вам как себе доброжелательствуют. Мозаичное изображение Полтавской победы уже в марте месяце состав-лением окончано и теперь на месте отшлифовывается. Фигуры свыше чаяния хорошо выходят, и не сомневаюсь, что в полови-не июня месяца все дело начисто окончится; и милостивое Ваше попечение о внесении в Флорентинския учоныя ведомости не-тщетным быть докажется. Оканчивая сие, прошу всепокорнейше отпустить мне небольшое умедление на первыя пис[ь]ма, полу-ченные исправно. Оное произошло в твердом уповании скорого получения Вашего всегда вернаго, милостивейшаго обещания, коего исполнением в полученном вчера пис[ь]ме премного обра-дован. С достодолжным высокопочитанием пребываю,

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из С. П[етер]бурга маяя 9 дня
1764 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 34–35.

Описание: Модзалевский, с. 99.

Публикации: АВ, с. 495–496. Сочинения 8, с. 296–297. ПСС 10, с. 582–583.

Печатается по первой публикации.

Ad quaestiones propositas quod attinet, Vir Illustris, haec habeo, quae respondeam

1) Auctor est Wilson Anglus, Societatis scientiarum Lond. [socius], qui contra Aepinum scripsit in ultimo volumine Transactionum, quod vero nondum hic est. Eadem tamen controversia typis exscripta quoque est in peculiari epistola ad Aep. quam D. Dumaresque secum attulit, et Aepino tradidit. Controversia est de Electricitate potissimum. Tourmalini specialia nondum novi.

2) Eulerus in Recensionibus, quas ad Mullerum misit Aepinum refutare adgressus est. Forsitan in Archivo Recensiones Eulerianae servantur. Publicata, quod sciam non est haec refutatio Euleri.

3) Schloezeri res in conventu ordinario nupero a Mullero proposita est, Sententiam Tuam ego publice praelegi, quoniam noluit Mullerus; iudicium conventus eo redibat, conventum Acad. in hac causa efficere nihil valere. Praeterea nihil mihi compertum est de causa Schlözeri.

[Адрес:] Viro Illustri Lomonosow.

Что касается до предложенных вопросов, муж знаменитый, то вот что ответить имею:

1) Автор — Вильсон, англичанин, член Лонд[онского Научного Общества], который писал в последнем томе Сообщений, коего здесь пока еще не имеется. Этот же спор содержится и в отдельном напечатанном письме к Эп[инусу], кое Д. Дюмареск привез с собой и передал Эпинусу. Спор идет, главным образом, об электричестве. Свойств турмалина я еще не знаю².

2) Эйлер в отчетах, кои послал Миллеру, взялся опровергать Эпинуса. Может статья, в Архиве сохраняются отчеты Эйлера. Насколько мне известно, это Эйлерово опровержение не опубликовано³.

3) Дело Шлецера недавно представлено было Миллером на ординарном собрании. Я публично прочел Ваше мнение, так как Миллер не хотел. Суждение собрания сводилось к тому,

что собрание Акад[емии] в этом деле бессильно. Больше о деле Шлецера ничего мне не известно.

[Адрес:] Мужу славному Ломоносову*.

Источники текста

Автограф (без даты и подписи): *Отдел рукописей РНБ. Ф. 52. № 244.* [Альбом П. Н. и С. Н. Батюшковых, содержащий автографы разных лиц, письма и материалы семейного архива]. *Л. 111.*

Описание: *Отчет ИРБ за 1892 г.* СПб., 1895, с. 217 (указание авторства: «знаменитого академика Эйлера письмо, на латинском языке, к М. В. Ломоносову», — является ошибочным).

Печатается по первой публикации: *Сочинения 8*, с. 300–301.

Примечания

¹ Браун отвечает на устный запрос либо неизвестное письмо Ломоносова. Письмо датируется приблизительно, по содержанию.

² В первом пункте речь идет о статье Вильсона, посвященной электрическим свойствам некоторых камней (*Philosophical Transactions*, 1764, vol. LII, part. II, p. 443–447). Ранее подобные свойства в турмалине** уже обнаружил Эпинус, описав их в своей книге, изданной в Петербурге (*Tentamen theorie electricitatis et magnetismi. Accedunt dissertationes duae, quarum prior, phenomenon quoddam electricium, allera, magneticum, explicat*, 1759).

8 октября 1764 г. Эпинус представил в Академию наук работу о собственных опытах с несколькими кусками хризолита или смарагда бразильского, присланными ему Вильсоном через Дюмареска, приехавшего в Петербург весной этого года. Опыты не только подтвердили результаты Вильсона, но и дали «сверх того и совсем новые, которые по их удаче причину подали к сочинению сей диссертации».

Суть ответа Эпинуса была изложена в отделе «Известия о ученых делах» октябрьской книжки журнала «Ежемесячные сочинения» (см.: *Сочинения 8*, с. 289–290 второй пагин.). В печати же его работа под заглавием «*Descriptio novi phaenomeni electrici detecti in chrysolitho sive smaragdo Brasiliensi*» появилась уже после смерти Ломоносова (*Novi Commentarii Acad. scient. Imperialis Petropolitanae*, 1768, т. XII, p. 351–355).

---

* Перевод М. Е. Сергеевко.

** Турмалин (*нем.* Turmalin) — группа минералов, издавна обративших на себя внимание исследователей благодаря целому ряду очень резко выраженных физических, кристаллографических и химических свойств.

³ Упоминаемые во втором пункте «отчеты» Эйлера, написанные им в связи с научным спором между Вильсоном и Эпиниусом и посланные к Миллеру из Берлина, неизвестны.

Дополнительно см.: *Кладо Т. Н.* Иосиф Адам Браун и его сотрудничество с М. В. Ломоносовым // *Ломоносов* 8, с. 87–96.

145.

ЛОМОНОСОВ — И. И. ШУВАЛОВУ

11 июля 1764 г. Петербург

Милостивый Г[осу]д[а]рь, Иван Иванович.

Долговременное умедление ответом на м[и]л[ос]тивное пис[ь]-мо Вашего Высокопревосходительства, стараясь извинить, нигде не нахожу способа, как только в Вашем великодушии, о котором многократными опытами совершенно удостоверен. Правда, что ожидание выходу из печати моих сочинений, кои при сем Вам, М[и]л[ос]тивный Г[осу]д[а]рь, переслать честь имею, не последнею были сего укоснения причиною, и мои недоброхоты, не переставая делать мне препятствий в добронамеренных трудах моих, нередко отнимают у меня ко всему усердную охоту. По отъезде Вашем, употребляя мою тяжкую и долговременную болезнь и отсутствие отсюда Двора, привели было меня к крайному презрению и низриновению, естли бы меня второй мой Меценат, М[и]л[ос]тивный Г[осу]д[а]рь Граф Григорей Григорьевич, не оградил своим м[и]л[ос]тивным представтельством, и купно М[и]л[ос]тивный Г[осу]д[а]рь и древней мой благодетель Граф Михайло Ларионович, которой и вне отечества отменною своею милостию меня не забывает, коего представлением удостоен я недавно членом Бононской Академии; и Его же Сиятельства попечением известно учинено учоному свету о успехах моего мозаичнаго дела, что описано в Учоных Флорентинских Ведомостях. О сем могу уверить Вас, М[и]л[ос]тиваго Г[осу]д[а]ря, что окончанная набором в марте м[е]сяце великая картина Полтавской победы выходит из точения вес[ь]ма хорошо. Ваше Превосходительство ведаете, сколько благополучия мог бы я получить, когда бы прежния

Ваши предстательства не приведены были в закоснение происка-ми моих недоброжелателей; ныне ж, М[и]л[ос]тивный Государь, имеете случай наградить оной урон равномерным благодеянием. В Парижской Академии наук есть порожнее место иностраннаго почетнаго члена. А как не сомневаюсь, что Ваше Высокопревосходительство у тамошняго Двора знатных приятелей имеете, для того униженно прошу рекомендовать меня на оное место. Тамошняя Академия о моих учоных делах довольно известна. Ей же весьма пристойно и надобно иметь в здешней Академии члена, особливо ж природнаго Россиянина. Сие избрание послужить может не токмо к моей похвале, но и к подлинной славе нашего отечества, которыя Вас истинным рачителем почитают все знающие Ваше попечение о науках и художествах. В уповании милостиваго Вашего благоизволения, а паче скорога ожидая в любезное отечество возвращения в полном здравии и удовольствии, с непременною глубоким высокопочитанием пребываю

Вашего Превосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносов.

Из Санктпетербурга
Июля 11 дня
1764 года.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 56, 7.

Описание: Модзалевский, с. 99.

Публикации: *Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову*: Материалы для истории рус. образования // *Грот*, с. 27–28, откуда перешло в *Труды Я. К. Грота*, т. 3. СПб., 1901, с. 53–54. *Биллярский*, с. 643–644. *Сочинения* 8, с. 301–302. *ПСС* 10, с. 586–587.

Печатается по *Сочинения* 8.

13 августа 1764 г. Петербург

Hochwohlgebohrner Herr Etats Rath,
gnädiger Herr!

Auf Ew. Hochwohlgebohrnen Verlangen, habe die im Jahre 1762 in Conferenz Archive eingekommene Sachen durch gesehen, von eingeschickten Chinesischen Schriften aber nichts gefunden, welches Ew. Hochwohlgebohrnen gehorsamst zu berichten die Ehre habe. Der ich mit aller Hochachtung verharre

Ew. Hochwohlgebohrnen
gantz gehorsamster Diener
Joh. Julius Ungebauer.

d[en] 13 Augs.
1764.

[*Адрес:*] A Monsieur Monsieur de Lomonosow. Conseiller d'Etat de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies etc. Chez lui.

Высокородный господин статский советник,
Милостивый Государь!

По требованию Вашего Высокородия я просмотрел документы, поступившие в Конференц-архив в 1762 г., но никаких китайских рукописей не обнаружил, о чем имею честь покорнейше сообщить Вашему Высокородию. Остаюсь с полным почтением

Вашего Высокородия
покорнейший слуга
Иог[анн] Юлиус Унгебауер.

13 авг[уста]
1764.

[*Адрес:*] Господину Ломоносову. Статскому советнику Ея Величества Императрицы всяя России и проч. В собственный дом*.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Источники текста

Автограф: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 2. Л. 190–191. Письмо запечатано печатью на красном сургуче.

Упоминания: *Биларский*, с. 717. *Пекарский II*, с. 961. Описание: *Модзалевский*, с. 273.

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 303.

147.

Ломоносов — Г. Г. Орлову

10 сентября 1764 г. — март 1765 г. Петербург

Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь Григорей Григорьевич!

Вашего Сиятельства высокие достоинства и оказанные к ученому обществу благонадежные признаки милостивейшего любления и снисходительства отъемлют всякое обинование и подают незыблемую надежду, что Ваше Сиятельство великодушно благоизволите принять нас и общий труд наш в Ваше покровительство. Оный состоит в сочиненном новом стате, Регламенте и привилегии Санктпетербургской Императорской Академии наук, сочиненном по определению Академии наук г[оспо]д[и]на Президента Его Сиятельства Графа Кирила Григорьевича Разумовского. В сем нужном и полезном деле старались мы всею возможностью по нашему лучшему разумению и совести об одной только истинной пользе наук в России, как бы оные скорее распространились к умножению благополучия верных подданных Ея Императорскаго Величества и чтобы отвратить все прежние неудобности, бывшие в тягость наукам. И по долгом рассуждении и многократном рассматривании сего проекта единомысленно и согласно уверяем, поелику наше крайнее разумение достигает, примеры лутчих Европейских Академий предводительствуют и показывают долговременное искусство в бытность нашу в Академии, что по сему стату, Регламенту и привилегии здешняя Императорская Академия наук достигнет в краткое время до самого цветущего состояния к пользе отечества и к бессмертной славе Ея Императорскаго Величества. А как известно, что Его Сиятельство Академии наук г[оспо]д[ин] Президент

И. И. Бецкой

отъезжает в чужие края, и мы опасаемся, чтобы сие наше беспристрастное и добронамеренное старание не претерпело какого препятствия или помешательства, того ради единственно прибегаем в милостивейшее покровительство Вашего Сиятельства, униженно прося Вас, Милостиваго Государя, споспешествовать сему полезному и нужному делу высоким Вашим предстательством, с истинным высокопочитанием пребывая,

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства
всепокорнейшие и нижайшие слуги,
Академии наук члены.

Источники текста

Черновик писарской рукою, с собственноручными поправками Ломоносова: ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 2. Л. 324–326.

Публикации: *Билярский*, с. 669–670. ПСС 10, с. 589–590.

Печатается по последней публикации.

148.

ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ

20 сентября 1764 г. Петербург

Figurae chasmatum Borealium, aeri incisae, sunt egregie expressae, et pauca, quae correctione indigeant, reperio. Cras in Cancellaria de praemio agam, ubi praesentia Tua multum valebit. Caeterum autographus meus necessario requiritur, ut conferre eum possim cum apographo inciso. M. L.

Die 20 Sept.

1764.

Изображения северного сияния, вырезанные на меди, сделаны превосходно, и я нахожу мало такого, что нуждается в исправлении. Завтра в Канцелярии буду говорить о премии, и Ваше присут-

ствие будет весьма важно. Кроме того, обязательно требуется мой оригинал для сравнения его с вырезанной копией. М. Л.

20 сент[ября]
1764*.

Источники текста

Автограф на латинском языке: *ОР РНБ. Бумаги Я. Штелина. А. 7.* Письмо запечатано печатью на красном сургуче. Вверху листа помета неизвестной рукою: «Stahlino S.». На обороте: «Lomonossoff». Факсимиле верхней части письма: *Русский исторический альбом 1853 / Изд. М. П. Погодиным. М., 1853, л. 29.* Полное факсимиле: *Каталог выставки, с. 58–59.*

Описания: *Отчет ИИПБ за 1852 г., с. 41. Андреев, с. 398.*

Публикации: *Летописи, 1859, т. 1, кн. 2, отд. III, с. 196* (латинский текст). *Сочинения 8, с. 304 и ПСС. 10, с. 587–588* (латинский текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения 8.*

149.

ЛОМОНОСОВ — И. И. БЕЦКОМУ

7 октября 1764 г. Петербург

Милостивый Государь Иван Иванович.

Ваше Превосходительство униженно прошу меня в том извинить, что утруждаю Вас сею присылкою пробы при пис[ь]ме и при том некоторым всепокорнейшим прошением¹. Пробы географических обоев на тафте и на атласе препоручаю на Ваше благорассмотрение и потому ожидаю 140 аршин того или другою материалу и по прапорции гладкой хорошей холстины на подклейку, или всё купить приказать изволите. Первое для нас безответствен[н]ее².

Между тем Вам, Милостивому Государю, доношу, что через годичное время перебрано от меня, с заводов, к мастеру Мартино для Ораниенбаумскаго дому на украшение мозаичных материалов на 1077 рублей и тому подан реестр господину Снедкову, который, уповаю, дошел и до Вашего Превосходительства. Того ради униженно прошу для крайней моей нужды не укоснить приказанием выдачи оныя сумму³.

---

* Перевод М. Е. Сергеенко.

Болезнь моя не позволяет самолично отдать мое почтение, которого завсегда достождным рачителем пребуваю всеусердно. Вашего Превосходительства всепокорнейший и усердный слуга

Михайло Ломоносов.

1764 г. Октября 7 дня.

Р. С. Ежели в моем сочинении Вашему Превосходительству нет надобности, то прошу всепокорнейше приказать переслать ко мне для пересмотра и поправок⁴.

Источники текста

Автограф: РГИА. Ф. Общего архива Министерства Имп. Двора. Кн. 101. Оп. 73/187. С. 24.

Публикации: *Сборник ОРЯС*, 1897, т. 63, с. VI–VII. *Сочинения* 8, с. 304–305. *ПСС* 10, с. 588–589.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Ломоносов обращается к Бецкому как главному директору Канцелярии строений.

² Первая половина письма посвящена ходу работ над т. н. «географическими обоями», о которых говорилось в поступившем от Бецкого в Академическую канцелярию требовании, по которому 11 августа 1763 г. состоялось определение за подписью И. И. Тауберта и Ломоносова: «...по указу Ея Императорскаго Величества Канцелярия Академии наук, слушав сообщения от Его Превосходительства господина генерал-поручика, действительного камергера, над строениями домов и садов и Академии Художеств главного директора и кавалера Бецкого, в котором объявлено, что Ея Императорское Величество Всевысочайше повелеть соизволила в Летнем Ея Величества доме и одном покое вместо обоев на белой тафте написать ландкартами Российской Империи с прочими к тому пристойностями искусной работы от Академии наук...» (*ПСС* 9, с. 176).

Заказ поступил к Ломоносову как заведывавшему Географическим департаментом и был поручен им адъютанту Я. Ф. Шмидту. Предполагалось сделать семь ландкарт: 1) генеральную карту Российской Империи; 2) Европейской части России; 3) Азиатской части России; 4) завоеванных провинций; 5) Малороссии; 6) тракта от Петербурга до Москвы; 7) течения реки Волхов и Ладожского канала (крупнейшего гидротехнического сооружения Европы в XVIII в.).

О ходе работы Шмидт сообщал Канцелярии репортами (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп 1. № 277. Л. 70–75, 79; № 282. Л. 42–45; № 287. Л. 86–87, 278*), однако вопрос о том, в каком из дворцов должны быть размещены эти «обои», остается открытым, так как в журнале Канцелярии от 12 мая 1764 г. говорится уже не о Летнем, а о Зимнем дворце (см.: *Сочинения* 8, с. 305–306 второй пагин.).

Наконец 17 августа 1764 г. Ломоносов приказал: «Для писания на пробу ландкарт, требуемых в комнаты Ея Императорского Величества, купить белой тафты и атласу по одному аршину <...> а тафту и атлас по покупке отдать г[осподину] адъютанту Шмидту...» (цит. по: *ПСС* 9, с. 765).

Работа Шмидта продолжалась и в 1765 г., но в дальнейшем была, очевидно, приостановлена. Во всяком случае, попытка внести ясность в этот вопрос никаких дальнейших следов работы не обнаружила (см.: *Гнучева*, с. 84–85).

³ Вторая половина письма касается платы за литое цветное массивное стекло (разноцветные «мозаичные составы»), которое изготавливалось на Усть-Рудицкой фабрике Ломоносова с 1761 г. и поступало на Петергофскую гранильную фабрику, где путем обточки ему придавались самые разнообразные формы. Затем эти кусочки смальты — постепенно их набралось несколько сотен пудов — шли на украшение ораниенбаумских дворцов.

В данном случае речь идет о мозаичном поле и столах, которые складывались под руководством мастера Мартино по рисункам А. Ринальди в Стеклярусном кабинете строившегося в это время Китайского дворца («Ораниенбаумского дома»), по-другому первоначально называвшегося «Голландским домиком». В 1767 г. Мартини «проектировал было устроить из мозаики камины и зеркальные рамы в Голландском домике; но Ринальди не дал рисунков на эти работы, указывая на их «неспособность». Особенно же он был против мозаичных каминов: они, по его словам, «от огня стоять не могут»» (*Успенский Л. И. Императорские дворцы*, т. 2. М., 1913, с. 126).

«Мозаичные составы» использовались также для обрамления скульптурных барельефов Петра I и Елизаветы Петровны (исполнены около 1769 г. А. М. Коло) в Большом круглом зале Китайского дворца и при отделке полов в комнатах ораниенбаумского Большого (Меншиковского) дворца, украшением которого руководил В. В. Растрелли.

Мозаичный пол Стеклярусного кабинета, законченный 9 ноября 1766 г., не сохранился — поврежденный уже в конце XVIII в., он был снят в 1852–1853 гг. из-за необходимости ремонта прогнившего подстила в ходе ремонтно-реставрационных работ, которыми заведывали архитекторы Л. Л. Бонштедт и А. И. Штакеншнейдер. Столов, оформленных мозаичным стеклом ломоносовских составов, в Китайском дворце сохранилось два.

Дополнительно см.: *Сидоров Н. И.* Из истории мозаичных составов М. В. Ломоносова // *Изв. АН СССР*, VII серия, Отд. физ.-мат. наук, 1930, № 7–8, с. 691; *Безбородов М. А.* М. В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. К 200-летию первой научной хим. лаборатории в России. М.; Л., 1948, с. 219–223; *Махаров*, с. 71–72; *Кючарианц Д. А.* Художественные памятники города Ломоносова. Л., 1985, с. 99–101.

⁴О каком «сочинении» упоминается в конце письма — неизвестно. Возможно, это как-то связано с тем, что в 1763 г. (предположительно между 1 и 4 сентября) Ломоносов написал стихотворение на учреждение московского Воспитательного дома по проекту Бецкого:

Блаженство Общества всядневно возрастает;
Монархиня труды к трудам соединяет.
Стараясь о добре великих нам отрад,
О воспитании печется малых чад,
Дабы, что в отчестве оставлено презренно,
Приобрело ему сокровище бесценно,
И чтоб из тяжкаго для Общества числа
Воздвигнуть с нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите с радостью полезному питомству:
Похвально дело есть убогих презирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать;
Натура то гласит, повелевает вера.
Внемлите важности Монаршаго примера:
Екатерина вас предводит к чести сей,
Спешите щедростью, как верностью, за Ней (*ЛСС* 8, с. 784).

150. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ И. Г. ЧЕРНЫШЕВУ¹
22 октября 1764 г. Петербург

Сиятельнейший Граф,
Милостивой Государь Иван Григорьевич!

Известные Вашему Сиятельству штурманы, от команды Вашей посланные в Академию², не могут начать прямо своего учения, пока не будут иметь Гадлесвых квадрантов, которые мы от Вашей коман-

ды ожидаем³. И ради того всепокорно прошу достать их как можно скорее, и чтобы не утратить времени. Сего предприятия надобность требует всевозможного изыскания новейших известий, которые прежде отправления далее из Колы получить и в пользу употребить можно, при последней в север посылаемой инструкции. 1) Возвратившиеся со Шпицбергена офицеры или другие смышленные люди могут здесь показать какия-нибудь тамошния новые обстоятельства, к нашему лутчему наставлению⁴. 2) Команда подполковника Пленистера [!], или купеческие промышленные люди, обращавшиеся около Чукоцкого носу, много объяснить в состоянии дело наше. В 1763 году открыл он близ северных берегов Чукотского носу пять островов новых, Медвежьими названья, и сверх того матерую землю, с лесом стоячим; и послать хотел вторично изыскивать далее. Уповательно, что, конечно, есть много новостей, кои еще до весны получить кажется можно⁵. 3) Купец Снигирев с товарищем, хотя и сказывали, яко они о незахождении солнца на Умнаке не слышали от своих промышленников, с чего и положение онаго острова на карту внесено; однако оно может до четырехсот верст к Чукоцкому носу быть ближе, ежели незахождение солнца бывает действительно. И так весьма бы полезно было достать из промышленников, бывших на Умнаке, хотя одного человека для лутчаго сведения, как о сем, так и о прочем, кои может быть найдутся в Иркутске, в Якутске или Охотске⁶. О двух последних статьях отдаю и препоручаю рассуждать Вашему Сиятельству, стоит ли труда посылать в Сибирь курьеров. А для перьвой надобности рассуждаю, чтобы послать для того указ к Архангельскому городу. Во всем сем, полагаясь на Ваше попечение, между тем доношу, что мне за болезнию не можно засвидетельствовать самоличнаго Вам почитания, с которым непременно пребываю

Вашего Сиятельства
Всепокорный и усердный слуга
Михайло Ломоносов.

Октября 22 дня
1764 года.

Источники текста

Автограф: ЦГА ВМФ. Ф. 913. № 166 (13515). Л. 296а — 296б.

Публикации: Берх В. Н. Дополнение к жизнеописанию М. В. Ломоносова // *Моск. телеграф*. 1828, ч. 21, № 11, 21 июня, с. 295–297. [Соколов А.] Разные све-

дения, относящиеся к экспедиции Чичагова. V. Письма Ломоносова графу Чернышеву, по предмету снаряжения экспедиции // *Записки Гидрографич. департамента Морского министерства*, 1851, ч. 9, с. 116–118. *Сочинения* 8, с. 305–306. *Перевалов*, с. 343–344. *ПСС* 10, с. 590–591.

Печатается по: *Сочинения* 8.

Примечания

¹ Письмо посвящено насущным вопросам оснащения первой русской высокоширотной морской экспедиции, снаряжавшейся в это время по проекту Ломоносова и при его активном участии. Организация экспедиции находилась в ведении Адмиралтейств-коллегии, поэтому Ломоносов обращается к Чернышеву как ее фактическому руководителю (см.: *Ал. Ск.* [Соколов Л.] Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова 1765 и 1766 гг. // *Записки Гидрографич. департамента Морского министерства*, 1847, ч. 5, с. 240–251; [Он же] *Разные сведения, относящиеся к экспедиции Чичагова* // *Там же*, 1848, ч. 6, с. 100–141).

Сохранилась также полная копия с дела 1763–1764 гг. Адмиралтейств-коллегии «О рассмотрении Комиссии о проходе Сибирским океаном в восточную Индию» (*ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 9. № 92–93*).

Сочинения и материалы о полярных областях и плаваниях русских первопроходцев XVI–XVII вв. и участниках Первой (1725–1730) и Второй (1733–1743) Камчатских экспедиций интересовали Ломоносова, несомненно, уже с первых лет работы в Академии наук. Наиболее раннее напоминание о Второй Камчатской экспедиции, участники которой достигли западных берегов Северной Америки, содержится в «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»:

Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм!
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб Российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить (*ПСС* 8, с. 205).

В 1755 г. Ломоносов «сочинил письмо о Северном ходу в Остындию Сибирским океаном», текст которого неизвестен, но, надо полагать, был использован им при сочинении в 1762–1763 гг. «Краткого описания разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (*ПСС* 6, с. 417–498).

В связи с оживлением интереса к «нордическим путешествиям» в сторону Аляски и Чукотки, наблюдавшимся в начале 1760-х гг. у западноевропейских держав, русское правительство решило осуществить проект Ломоносова. 14 мая 1761 г. Екатерина II секретным указом повелела Адмиралтейств-коллегии организовать «поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку и далее», а Ломоносову присутствовать в коллегии «по сему делу» (*Перевалов*, с. 306–308). 25 июня 1764 г. начальником экспедиции был назначен капитан первого ранга В. Я. Чичагов.

² В § 88 «Краткого описания разных путешествий по северным морям...» Ломоносов указал на «штурманов, также и гардемаринов, из которых было бы на всяком судне по два или по три человека, знающих брать астрономические наблюдения для длины и ширины, в чем их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии наук» (*ПСС 6*, с. 484).

Первые восемь человек (один штурман — Осип Шелехов, три подштурмана — Ефим Ушаков, Федор Екатов, Василий Зиновьев, и четыре штурманских ученика — Афанасий Соколов, Василий Журавлев, Василий Цымулятин, Иван Михеев) от Адмиралтейств-коллегии явились в Академию наук 9 сентября, еще двое штурманов (Алексей Мухин и Алексей Ломов) — 3 октября, и, наконец, еще двое (Василий Ващугин и Иван Оконнишников) — 21 октября 1764 г.

Организации обучения штурманов посвящены записки Ломоносова в Канцелярию Академии наук от 24–28 сентября, 3, 16 и 31 декабря 1764 г. (*ПСС 9*, с. 602, 606, 609–610).

³ В § 93 «Краткого описания разных путешествий по северным морям...» сказано: «Инструменты требуются: 1) для наблюдений астрономических, к познанию долготы и широты служащих, 2) для исследования долготы и широты в море без помощи астрономических наблюдений, 3) для других действий, в плавании по неизвестным морям нужных» (*ПСС 6*, с. 486). Имеются составленные Ломоносовым списки разных инструментов и материалов, требуемых для экспедиции, среди которых показан «Гандлеев квадрант или два» (*ПСС 6*, с. 517–518).

Квадрант (астрономический инструмент, служивший для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между светилами) был заказан Адмиралтейств-коллегией в Англии. Несмотря на то что представитель Екатерины II Генрих Грос 10 (21) августа 1764 г. прислал из Лондона ответ, «что квадранты Гандлея <...> будут готовы в четыре недели» (*Перевалов*, с. 324), в Петербург они были посланы лишь в июле 1765 г., т. е. уже после ухода Чичагова в море. Неясно, можно ли интерпретировать данное обстоятельство как попытку повлиять на ход подготовки экспедиции, секретность которого

была нарушена публикацией 4 сентября 1764 г. во французской печати (Correspondance de Russie. Ministère des affaires étrangères à Paris, Tome 76: Béranger à Praslin, St.-Pétersbourg, le 4 septembre 1764; текст сообщения см.: *Каталог, вып. 7*, с. 199).

Изготовление инструментов по указанию Ломоносова было поручено академическому мастеру Ивану Беляеву, а сочинение таблиц — профессору Н. И. Попову и адъютанту А. Д. Красильникову (*Биллярский*, с. 645–647).

¹ Капитан-лейтенант М. С. Немтинов плавал к Шпицбергену в июле — сентябре 1764 г. для организации зимовочной базы готовящейся экспедиции. В заседании 26 октября 1764 г. Адмиралтейств-коллегия постановила: «В Архангелогородскую контору над портом послать указ: велеть, возвратившегося со Шпицбергена на [адмиралтейском] пинке [“Слон”] лейтенанта Немтинова, пути его из Архангельска с журналом, к тому принадлежащими делами, прислать в Коллегию курьером немедленно. Буде же он еще от болезни не свободился, то из офицеров, бывших тамо ж, одного, который бы все обстоятельства изъяснить мог» (*Перевалов*, с. 318–321, 486).

Необходимость предварительной зимовки на Шпицбергене (Груманте) Ломоносов обосновал в марте 1764 г. в работе «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану» (*ПСС 6*, с. 501–506). Обзор результатов археологического исследования остатков лагеря экспедиции Чичагова (1765) на Шпицбергене: *Старков В. Ф.* Новые данные об экспедиции В. Я. Чичагова // Памятники науки и техники. 1985 / Отв. ред.: Н. К. Гаврюшин, А. С. Федоров. М., 1986, с. 207–215.

⁵ Современные Медвежьи острова (Крестовский, Леонтьева, Четырехстолбовой, Пушкарева, Лысова) в Восточно-Сибирском море, к северу от устья Колымы, были известны русским мореходам и промышленникам по крайней мере с 1646 г., официальной датой их открытия считается 1655 г. (*Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов о великих рус. географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в.* / Сост. М. И. Белов. Л.; М., 1952, с. 60–61, 178–179; ср.: *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.; Л., 1946, с. 61, 109–111, 120–122, 283; *Боднарский М. С.* Очерки по истории русского землевладения. М.; Л., 1947, с. 46, 103, 127, 159, 175).

Насколько Ломоносов был об этом осведомлен, сказать затруднительно, однако под «открытием» вполне может подразумеваться и то, что острова лишь в 1763 г. были впервые нанесены на карту, описаны и названы. По распоряжению главного командира Охотского края Ф. Х. Плениснера, усиленно изучавшего береговые очертания Чукотки, работы проводил сержант Степан Андреев — тот самый, что в 1764 г. с самого восточного из островов (Четырехстолбового)

усмотрел таинственную сушу, ставшую одной из величайших загадок Арктики (см.: Белов М. И. Существовала ли «Земля Андреева»? // *Изв. Всесоюзного Географ. общества*, 1952, т. 84, вып. 5, с. 458–477; *Географическая энциклопедия*. М., 1960, с. 100–101). Название островам дал Плениснер: «А понеже как из журналу и репорту его, Андреева, усмотрено, что на тех островах очень довольно медвежьих следов, да и живых медведей несколько видели, а иных и убили, то такое обстоятельство придало мне причину назвать их Медвежьими, но только до тех пор, пока апробация Императорской Академии наук от господина профессора и секретаря Миллера, которому такая ж карта от меня и послана воспоследовать будет» (цит. по: *Перевалов*, с. 354).

Карта Андреева была представлена Ломоносовым в Адмиралтейств-коллегию 18 февраля 1765 г.

⁶ О Снегиреве с товарищем Ломоносов подробно говорит в датированном 24 апреля 1764 г. «Прибавлении втором, сочиненном по новым известиям промышленников из островов Американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снегирева и вологодского купца Ивана Буренина» (*ПСС* 6, с. 509–514).

Решение о немедленной отправке курьера к сибирскому губернатору Д. И. Чичерину с требованием прислать кого-либо из «бывших на Умнаке промышленников» (*Перевалов*, с. 347) Адмиралтейств-коллегия вынесла 26 октября 1764 г. — в один день с постановлением о доставлении в Петербург материалов Немтинова. Однако устюжский купец Василий Шилов явился в коллегию и был подробно расспрошен лишь 5 февраля 1767 г. [!] (*Перевалов*, с. 347–350).

151. ЛОМОНОСОВ — ГРАФУ И. Г. ЧЕРНЫШЕВУ¹
26 октября 1764 г. Петербург

Сиятельнейший Граф
Милостивый Г[осу]д[а]рь Иван Григорьевич!

Хотя и потеряется несколько времени на делание здесь Гадлеевых квадрантов, однако уповаю, что маи прибавления или исправления много к лутчему служить будут². Между тем, отысканной Вашим Сиятельством квадрант пожалуйста ко мне пришлите. А я между тем имею честь прислать одну трубу, зделанную для экспедиции, коих следует еще две; да в деле еще три особливья, для сумрачнаго времени, кои через м[е]с[я]ц поспеют³. Что же до нашего выезду

надлежит, то я еще вес[ь]ма слаб⁴ и до прямого закрытия речной влажности⁵ на воздух вытти не смею. В протчем пребываю з до-
стодолжным почитанием.

Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
Михайло Ломоносов.

Октября 26 дня
1764 года.

Источники текста

Автограф: ЦГА ВМФ. Ф. 913. № 166 (13515). Л. 296 в. Полное факсимиле: *Перевалов*, с. 345.

Публикации: *Верх В. Н.* Дополнение к жизнеописанию М. В. Ломоносова // *Моск. телеграф*, 1828, № 11, 21 июня, с. 297–298. [*Соколов А.*] Разные сведения, относящиеся к экспедиции Чичагова. V. Письма Ломоносова графу Чернышеву, по предмету снаряжения экспедиции // *Записки Гидрографич. департамента Морского министерства*, 1851, ч. 9, с. 118–119. *Перевалов*, с. 344, 346. *Сочинения* 8, с. 307. *ПСС* 10, с. 592.

Печатается по факсимиле.

Примечания

¹ Письмо продолжает тему снаряжения Северной морской экспедиции (см. документ № 150).

² См. примеч. 1 к документу № 180.

³ Это указание о ночезрительной трубе устанавливает, что на практике она впервые была применена во время экспедиции В. Я. Чичагова.

⁴ Вероятно, какой-то совместный деловой визит Ломоносова и Чернышева, связанный с подготовкой экспедиции. Журналы Академической канцелярии свидетельствуют, однако, что с 20 октября по 13 декабря 1764 г. Ломоносов по болезни из дома не выезжал (*ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 534. А. 212–214, 217, 219, 220, 222, 225об., 226, 228, 229, 231, 233, 236*).

⁵ То есть до закрытия навигации, пришедшейся на 23 ноября 1764 г. Неизвестно, состоялась ли эта поездка после.

Дополнительные сведения о снаряжении и проведении экспедиции В. Я. Чичагова, состоявшейся, но не достигшей своей цели: *Пекарский II*, с. 805–810; *Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра* // *Рус. старина*, 1886, № 10, с. 25–44; № 11, с. 239–258 (на с. 31–33 цитированы оба письма Ломоносова к Чернышеву, которые Чичагов «в бытность» его морским министром нашел в Морском архиве);

Боднарский М. Ломоносов как географ. М., 1912, с. 53–57; *Павлова и Федоров,* с. 335–341; *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий, т. 3. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1984, с. 214–215.

152. ЛОМОНОСОВ — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

9 ноября 1764 г. Петербург

Со всею бы охотою исполнил я свою должность посетить Вас и оказать мое к Вам почитание; только истинно ныне слабость ног не позволяет. Мне есть с Вашим Высокородием кое-чего поговорить, а иное и посмеяться некоторому новому Kretze-Luft-Vögelein. Покорно прошу после обеда чашку чаю выкушать, чем я весьма много одолжен буду.

М. Л.

9 ноябр[я] 1764.

Источники текста

Автограф: РГАЛИ. Фонд М. В. Ломоносова. № 1625.

Печатается по первой публикации: ПСС 10, с. 592.

153. ЛОМОНОСОВ — Я. ШТЕЛИНУ

Не позднее 27 декабря 1764 г. Петербург

Ich werde alle mahl für die Bemühung von ihrem H. Sohn dankbar bleiben und ferne sey, dass ich ihn blamiren oder abschrecken soll. Will auf alle Art suchen aufzumuntern. Denn spreche, wie ich denke, nicht wie die Katzen, die, vorne lecken, und hinter kratzen. Ex. gr. il bel quadro! es war aber nur eine Esquisse, oder nur eine Idee.

Я неизменно буду благодарен г[осподину] Вашему сыну за его хлопоты и далек от того, чтобы его осрамить или отпугнуть. Постараюсь всеми способами его ободрить. Ибо говорю, как думаю, а не как кошки, которые спереди лизнут, а сзади царапают.

К пр[имеру] — прекрасная картина! Это был, однако, только эскиз или лишь одна идея*.

Источники текста

Автограф: *Отдел рукописей РНБ. Бумаги Я. Штелина. А. 5.* После текста рукой Штелина дата: «d. 27 X^{br} 1764» и помета: «Lomonosoff». Факсимиле нижней части письма воспроизведено: *Русский исторический альбом 1853 /* Изд. М. П. Погодиным. М., 1853, с. 29.

Описание: *Отчет ИГБ за 1852 г.*, с. 41. *Андреев*, с. 398.

Публикации: *Летописи*, 1859, т. 1, кн. 2, отд. III, с. 196–197 (немецкий текст). *Пекарский II*, с. 708 (немецкий текст). *Сочинения 8*, с. 307–308, и *ПСС 10*, с. 593 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения 8*, с уточнением даты.

154. ЛОМОНОСОВ — КНЯЗЮ А. А. ВЯЗЕМСКОМУ
3 февраля 1765 г. Петербург

Милостивый Государь Князь Александр Алексеевич.

Для известного Вашему Сиятельству типографского дела обещался взять на себя переписку в Англию купец Клаузинг, и начало неукоснительно учинено будет, как только ему предписано будет, что сюда требуется; людей ли нужнейших выписать, или по данному примеру приказать там сделать требуемые Российских литер алфавиты? Последнее почитает он удобнейшим делом. Между тем весьма бы не худо было послать в Англию несколько молодых людей для обучения словолитного дела, кои могут достигнуть сего искус[с]тва, пока здесь служить будут выписанные алфавиты. На сие всепокорнейше прошу у Вашего Сиятельства милостивейшаго приказания и ожидаю с достодолжным высокопочитанием

Вашего Сиятельства
всепокорнейший и усерднейший слуга
Михайло Ломоносов.

Февраля 3 дня
1765 года.

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

Источники текста

Автограф: РГАДА. Генерал-прокурорские дела. 1765. Кн. 46. Д. 84. Л. 409—409об.

Публикации: Пекарский II, с. 870—871. Сочинения 8, с. 308. ПСС. 10, с. 593—594.

Печатается по: Сочинения 8.

155. Князь А. А. Вяземский — Ломоносову
3 февраля 1765 г. Петербург

Милостивый Государь мой Михайла Васильевич.

Письмо Ваше я получил и за труд Ваш, которой изволили принять по проз[ь]бе моей о выписке сюда для словолитного дела мастеров, или самих литер, покорно благодарствую. Но мне кажется, что гораздо бы лутче и полезнее для типографии было, естли бы выписать для того нужнейших людей, и потому паки Вас, Милостиваго Государя моего, прошу принять на себя труд уговорить купца Клаузинга на сие последнее намерение, и за какую цену он выписать может, меня пожаловать и уведомить, а я пребываю с истинным почтением всегда,

Милостивый Государь мой,
Ваш покорной слуга
Князь А. Вяземской.

3 февраля 1765.

Источники текста

Канцелярский отпуск: РГАДА. Генерал-прокурорские дела. 1765. Кн. 46. Д. 84. Л. 410. Перед подписью Вяземского помета: «У подлинного подписано тако:».

Печатается по первой публикации: Сочинения 8, с. 309.

156. Ломоносов — князю А. А. Вяземскому
4 февраля 1765 г. Петербург

Для заведения новой типографии в Санктпетербурге при некотором высоком правлении потребен 1) словолитной мастер,

которой бы был самой искусно
рез[ь]бою пунсонов, выбиваньем
фии поставить исправныя самок
ры были бы деланы граждански
дут с самага хорошаго латинскаго
будут самыя лутчия, деланныя в
мастер имеет привести с собою
добен мастер печатнаго дела, от
как зделанными по вышеписанно
книги чисто и исправно, то есть н
но, умеренно и совершенно прям
и накладывать чернила, также и
наго тиснения надлежит, знать сл
также может принять и привести
мастерья. 5) Оба реченные маст
в Сан[к]тпетербурге при оном пр
типографию. 6) Набор книг, пе
правляться имеющимися здешни
а оные мастера должны смотрет
литер и в их употреблении при
сущим своим мастер[а]м общи

4 февраля 1765 г. Петербург

Милостивый Государь мой Михайла Васильевич.

Записку Вашу о выписании сюда для типографии потребных мастеров я получил и с моей стороны ничего прибавить не нахожу, почему и прошу Вас, М[илостивого] Г[осударя] моего, пожаловать приложить труд к ним таким образом писать. Только, что надлежит до мастера печатного дела и ево подмастерья, то мне кажется, чтобы, учиня с ними особой договор, и делать. Пребываю с истинным почтением всегда

М[илостивый] Г[осударь] мой,
Ваш покорный слуга
Князь А. Вяземский.

4 февраля 1765.

Источники текста

Канцелярский отпуск: РГАДА. Генерал-прокурорские дела. 1765. Кн. 46. Д. 84. Л. 410об. Перед подписью Вяземского помета: «У подлинного подписано тако:».

Печатается по первой публикации: *Сочинения* 8, с. 311.

Не ранее 21 февраля 1765 г. Петербург

Ich habe mich höchst verwundert, dass Ew. H...² als ein [sehr] grosser Gelehrter und schon betagter Man[n], über diess ein grosser Rechenmeister in Ansehung ihrer letzten Aufführung gar zu sehr verrechnet haben. Man siehet es deutlich, dass die höchste Algebra in [politischen] moralischen Sachen ein elendes Mittel ist, die so viele Data bekan[n]ter Zahlen sind für Sie nicht zulänglich gewesen eine schon halb bekan[n]te kleine Zahl zu evalviren. Sie wussten genug was Schumacher in Ansehung der Gelehrten für ein Schelm gewesen, und dass sein Lehrling, Schwieger-Sohn und Nachfolger noch ärger ist; dass Müller ein Ignorant und von den aller ersten Professoribus flagellum professorum genannt, ein lebendiger Machiavel und stetiger Stöhrer

der Academischer Ruhe ist und immer gewesen. Und Sie haben doch ihre falsche Insinuationes in Ansehung des Taubertischen Schosshündchen des Rumowsky nicht einsehen können. Den[n] der Taubert, wenn er etwa einen Hund auf der Strasse siehet, der mich anbellt, so ist er imstande so eine Bestie sich an den Hals [als einen kleinen] zu hängen und stets unter dem Schwantz zu küssen. Und er thut es so lange, biss er sein Gebelle nicht nöthig hat, da schmeist er ihn ins Dreck und hetzet auf ihn andere Hunde. Was Ew. H. an den Ertzfeind aller ehrlichen Leuten den Müller geschrieben haben, davon lege ich einen Extract hie[r] bey, sammt meinen Anmerkungen U[e]brigens meine harte Ausdrücke werden Sie mir nicht verdenken, denn sie stammen von einem durch unerhörete Bosheit meiner Feinde erbitterten Herzen her, derer gottlose Anfälle will ich Ew. Hoch...³ kürztlich für die Augen legen. Dass Schumacherisch schelmische Principium divide et imperabis, ist auch noch biss dato bey seinem Successor in dem grös[s]-ten Schwang. Es ist Ew. [H.] sehr wohl bekannt, dass der Schumacher immer junge Professores auf die alte gehetzt hat. [Herman] Ich will aber ausser anderen melden, was ich ausgestanden habe. 1) Sobald mich die Conferentz zum Professor erwehlet und attestiret hat und die sehlige Kayserin darzu eingesetzt, so hat der Schumacher meine schon approbirete Dissertationes an Ew. H. geschic[k]t, in der Hoffnung eines schlechten Testimonii. Sie haben aber damahls als ein ehrlicher Man[n] gehandelt. 2) Ich habe Summa Geldes zum Laboratorio vom Cabinet erhalten bey der Academie zu bauen; dieses alles, wie auch die Chymische Profession, wol[l]te er dem Burhaav[e] zu schantzen; es gelang aber ihm nicht, und ich habe treffliche Experimente auf die Mosaique gemacht, wodurch ich Ehre, Landgüther und Gnade erhalten. 3) Dieses war dem Schumacher, Müller und Taubert ein greulicher Stachel in den Augen. Sie erschnap[p]ten eine Gelegenheit, da ich auf einen Befehl die Historie schreiben sollte; und haben den elenden Salchow vor die Chymie verschrieben, um mich vom Laboratorio und vom freyen Quartier zu vertreiben. Gott hat mir aber gleich zu eig[e]-nem Haus geholfen, dass ich mitten im Petersburg in einem geraumen, nach meinem Sinn erbaueten, mit einem Garten und Laboratorio versehene schon acht Jahr[e] wohne, und allerhand Instrumente und Experimente nach meiner Willkühr mache. 4) Da ich schon auch acht Jahr in der Cantzeley sitze (nicht um zu Commandiren, sonder unter Taubertischen Comando nicht zu stehen), so suchen hat [?] doch das gedachte Gesindel mich immer davon zu bringen.

В высшей степени удивился я тому, что В[аше] В[ысокородие]..., [весьма] великий ученый и человек уже пожилой, а сверх того еще и великий мастер счета, так сильно просчитались в последнем своем вычислении. Отсюда ясно видно, что высшая алгебра — жалкое орудие в делах [политических] моральных: столь многих известных данных оказалось для Вас недостаточно, чтобы вычислить одно маленькое, наполовину уже известное число. Вы достаточно хорошо знали, какой шельмой был для ученых Шумахер, и знали, что его ученик, зять и преемник еще хуже его; что Миллер — невежда и самыми первыми профессорами именуется бичом профессоров; что он сущий Маккиавель и постоянно был и есть возмутитель мира в Академии. И при всем том Вы не сумели разобраться в его лживых инсинуациях, касающихся Таубертовой комнатной собачки — Румовского. Тауберт, как только увидит на улице собаку, которая лает на меня, тотчас готов эту бесстию повесить себе на шею [как маленький] и целовать под хвост. И он прodelывает это до тех пор, пока не минует надобность в ее лае; тогда он швыряет ее в грязь и натравливает на нее других собак. Прилагаю при сем извлечение из того, что написано В[ашим] В[ысокородием] заклятому врагу всех честных людей, Миллеру, с присовокуплением моих замечаний⁴. Впрочем, Вы не поставите мне в вину моих резких выражений, потому что они исходят из сердца, ожесточенного неслыханной злостью моих врагов, безбожные нападки коих я хочу кратко представить В[ашему] Выс[окородию]... Мошенническое правило Шумахера *divide et impregabis*⁵ донныне в превеликом ходу у его преемника. В[ашему] Выс[окородию] очень хорошо известно, что Шумахер всегда натравливал молодых профессоров на старых. [Герман]⁶ Кроме всего прочего, сообщаю, что сам я претерпел: 1) Когда Конференция избрала меня в профессора и аттестовала и покойная Императрица это утвердила, Шумахер послал к В[ашему] В[ысокородию] мои, уже одобренные диссертации, надеясь получить дурной отзыв. Но Вы поступили тогда как честный человек⁷. 2) Я получил из Кабинета сумму, чтобы устроить при Академии лабораторию; все это, равно как и место профессора химии, хотел он доставить Бургаву; но это ему не удалось, а я произвел удачные опыты в мозаике, чем стяжал себе почет, поместья и милость. 3) Шумахеру, Миллеру и Тауберту это была страшная спица в глазу. Они уличили случай, когда я, выполняя полученный приказ, должен был писать Исто-

рию⁸, выписали для химии несчастного Сальхова, чтобы выгнать меня из Лаборатории и из казенной квартиры⁹. Но вскоре Бог помог мне обзавестись собственным домом в центре Петербурга, помещительным, устроенным по моему вкусу, с садом и лабораторией, где я проживаю уже восемь лет и по своему благоусмотрению произвожу всякие инструменты и опыты. 4) Так как я восемь же лет заседаю в Канцелярии (не для того, чтобы начальствовать, а чтобы не быть под началом у Тауберта), то эта сволочь неизменно старается меня оттуда выжить*.

Источники текста

Черновой автограф на немецком языке, без даты: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 1. № 2. А. 336–337.*

Публикации: *Вельтман А.* Портфель служебной деятельности Ломоносова // *Очерки России*, кн. 2, с. 69–72 (немецкий текст), откуда перешло в: *Изд. Смирдина, т. 1, с. 700–702. Билярский П. С.* Отзыв Эйлера о Ломоносове // *Записки ИАН*, 1864, т. 5, кн. 1, с. 105–106 (только русский перевод). *Пекарский П.*, с. 872–874 (русский перевод). *Сочинения 8*, с. 311–315 и *ПСС 10*, с. 595–598 (немецкий текст и русский перевод).

Печатается по: *Сочинения 8.*

Примечания

¹ Предыдущее известное письмо Ломоносова к Эйлеру написано десять лет назад (см. документ № 76). Наличие только чернового автографа данного письма, к тому же явно неоконченного, заставляет предполагать, что оно отправлено не было.

Год написания письма безошибочно определяется на основании слов Ломоносова о том, что в собственном доме на Мойке он проживает «уже восемь лет» и столько же времени заседает в Канцелярии Академии (оба события, как известно, произошли в 1757 г.).

Впервые год был правильно установлен П. С. Билярским в 1864 г. Несмотря на это, А. С. Будилович в своем «Указателе хронологической последовательности учено-литературных работ Ломоносова» почему-то неверно датировал письмо сентябрем 1764 г. (*Будилович А. С.* Ломоносов как писатель // *Сборник ОРЯС*, 1872, т. 8, приложение № 1, с. 88).

Месяц написания устанавливается приблизительно на основании упоминания письма Эйлера к «заклятому врагу всех честных людей, Миллеру», напи-

---

* Перевод Л. Б. Модзалевского.

санного 5 (16) февраля 1765 г. (*ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 3. № 321. Л. 127–128*) и оглашенного адресатом в Академическом собрании 21 февраля 1765 г. (*Протоколы II*, с. 533). Ломоносов в заседании не участвовал, но должен был узнать о содержании послания от кого-то из близких к нему профессоров: И. А. Брауна, С. К. Котельникова либо А. П. Протасова.

Бурную реакцию Ломоносова вызвали слова Эйлера: «...я самым лучшим образом г[осподина] Румовского рекомендовал г[осподину] канцлеру [М. А. Воронцову]. Положение его действительно заслуживает сожаления, потому что против него так сильно восстает г[осподин] советник Ломоносов. Конечно, у Румовского прекрасный ум, приносящий очень много чести русскому народу, и было бы в высшей степени непростительно, когда бы его стали притеснять его же собственные единоземцы. Я надеюсь, что г[осподин] канцлер всемерно заступится за него. Будьте так добры сказать г[осподину] Румовскому, что теперь он может свободно явиться к Его Сиятельству, но прежде пусть переговорит с молодым графом Воронцовым, которому я еще недавно дал истинное понятие о способностях Румовского...» (*Пекарский II*, с. 872).

Истоками конфликта являются отчет Ломоносова от 28 января — 5 февраля 1763 г. и представление в Канцелярию Академии наук от 4 марта 1764 г. (*ПСС 10*, с. 258–260, 264–266), в которых речь идет в т. ч. о неисправном состоянии академической обсерватории, формально находившейся в ведении Ф. У. Т. Эпинуса, фактически — в распоряжении прикомандированного к нему С. Я. Румовского. Последний в доношении Президенту К. Г. Разумовскому от 13 сентября 1764 г. просил оградить его от «напрасных» обвинений: «От утеснения его [Ломоносова] избавления мне нигде искать не дозволено, как у Вашего Сиятельства. И для того всепокорно прошу принять меня в свое покровительство и защитить от гонения г[осподина] статского советника [Ломоносова]» (*ПСС 10*, с. 693).

История стала известна Эйлеру либо от самого Румовского, либо, что вероятнее, от Миллера, который как конференц-секретарь информировал его о происходящем в Петербургской Академии.

² Многоточие в подлиннике.

³ То же.

⁴ Замечания не обнаружены, написал ли их Ломоносов вообще — неизвестно.

⁵ Разделяй и будешь властвовать (*лат.*). Выражение происходит от «divide et impera» (разделяй и властвуй) — политического девиза, сформулированного Н. Макиавелли.

⁶ В этом месте Ломоносов собирался было написать о швейцарском математике Якобе Германе, первом иностранном ученом — действительном члене Санкт-Петербургской Академии наук (с 1725 г.). После того как в 1728 г. другие члены

Академии ходатайствовали о назначении Германа директором, И. Д. Шумахер сумел сгустить обстановку настолько, что Герман подал в отставку и в январе 1731 г. навсегда покинул Петербург, произнеся на прощание в Академии «короткую и взволнованную» речь (*Пекарский I*, с. 68 и 70).

⁷ См. об этом в примеч. 2 к документу № 15.

⁸ «Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого, или до 1054 года...» (*ПСС 6*, с. 163–286).

⁹ Об устройстве химической лаборатории Ломоносов говорит в письме к Эйлеру от 27 мая 1749 г. (документ № 28 и примеч. к нему). В мае 1754 г. диссертация Сальхова «Отделение золота от серебра посредством царской водки» удостоилась хорошего отзыва Ломоносова, который рекомендовал ее на соискание премии Петербургской Академии наук. Однако позже Ломоносов изменил свое мнение и отдал предпочтение диссертации К. Дахрица (*ПСС 9*, с. 59, 671–675).

Далее произошло следующее: 18 августа 1754 г. Ломоносов заявил в Академическом собрании, что, будучи загружен «другими делами», к химии никакого отношения не имеющими (сочинением «Российской истории»), у него мало времени и он «больше не может трудиться в области этой науки», предложив пригласить на свое место Дахрица (*Протоколы II*, с. 311). Поскольку премию Академии получил все-таки Сальхов, Г. Ф. Миллер с согласия Разумовского, но без ведома Ломоносова, направил через Эйлера контракт на пять лет, который Сальхов и подписал, став профессором химии с 23 декабря 1755 г. (прибыл в Петербург ранней весной 1756 г. и 1 мая 1756 г. принес присягу).

Для Ломоносова, всегда уверенного в собственной правоте, появление Сальхова стало неприятной неожиданностью, но переменить он, разумеется, уже ничего не мог и вынужден был сдать Лабораторию, о чем имеется его специальная записка от 10 апреля 1757 г. (*ПСС 9*, с. 62). Однако при первой же возможности, в мае 1760 г., Ломоносов добился решения Академической канцелярии об отставке конкурента: «понеже <...> контракту пятилетний срок минует в нынешнем 1760-м году декабря 23 числа, а он, Сальхов, во всю оную его бытность в Академии пользы никакой не оказал, в рассуждении чего Академия по прошествии срока больше иметь в службе своей не намерена <...>. Михайло Ломоносов. Иван Тауберт. И. Штелин» (*ПСС 9*, с. 64).

В § 29 же «Краткой истории о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» (1764 г.) Ломоносов, стараясь предать забвению неудачно сложившиеся для него обстоятельства, написал следующее: «...Миллер <...>, согласясь с Шумахером, без дальнего изъяснения с Ломоносовым, скоропостижно выписал доктора Залхова, а не того, что рекомендовал Ломоносов, который внезапно увидел, что новый химик приехал, и ему отдана Лаборатория и квартира. Помянутый Залхов

был после весьма жалок. Ибо после выезду Ломоносова из квартиры, вступил ассессор Тауберт, а Залхов долго скитался по наемным, от Лаборатории удаленным квартирам и не мог за химию приняться. Между тем Ломоносов с ним приятельски обходился и не дал себя привести на неповинного Залхова в огорчение. А Залхов не пристал к шумахерской стороне, за что он выгнан из России бесчестным образом, ибо не токмо прежде срока дан ему абшид*, но Тауберт, будучи уже в Канцелярии членом, без спросу и согласия и без подписания своих товарищей, коллежского советника Ломоносова и надворного советника Штелина, послал промеморию в Адмиралтейство, чтобы оная коллегия послала указ в Кроншта[д]т и приказала у одного Залхова отнять данный ему диплом как академическому члену» (ПСС 10, с. 286).

После отъезда Сальхова Ломоносов в течение года вновь возглавлял Лабораторию, а затем она окончательно перешла к И. Г. Леману, работавшему в Академии вплоть до дня своей смерти 22 января 1767 г. (ПСС 9, с. 67–70, 681).

159.

ЛОМОНОСОВ — М. В. ГОЛОВИНОЙ

2 марта 1765 г. Петербург

Г[осу]д[а]р[ы]ня моя сестрица, Марья Васильевна,
здравствуй на множество лет с мужем и с детьми.

Вес[ь]ма приятно мне, что Мишенька¹ приехал в Санктпетербург в добром здоровье, и что умеет очень хорошо читать и исправно, так же и пишет для ребенка нарочито. С самого приезда сделано ему новое француз[с]кое платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы век у нас жил, не показал никакова виду, чтобы тосковал или плакал. Третьяго дня послал я его в школы здешней Академии наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцов обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано

---

* Абшид (*нем.* Abschied) — документ об отставке и сама отставка (увольнение от службы) в XVIII — начале XIX вв.

от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошо писать и танцевать. Вчерашняго вечера был я в школах нарочно смотреть², как он в общежитии со школьниками ужинает³ и с кем живет в одной камере. Поверь, сестрица, что я об нем стараюсь, как должен доброй дядя и отец крестной. Также и хозяйка моя и дочь⁴ его любят и всем довольствуют. Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным люблением пребываю брат твой,

Михайло Ломоносов.

Марта 2 дня
1765 года
из Санктпетербурга.

Я часто выдаюсь здесь с вашим губернатором⁵, и просил его по старой своей дружбе, чтобы вас не оставил. В случае нужды, или еще и без нужды, можете Его Превосходительству поклониться, Евсей Федорович⁶ или ты сама.

Жена и дочь моя Вам кланяются.

Источники текста

Копия XVIII в. писарскою рукой: *ПФА РАН. Ф. 20. Оп. 3. № 134. Л. 65.* Подлинник принадлежал А. И. Нестерову, по крайней мере, в 1828–1845 гг.

Публикации: *Моск. вестник*, 1828, ч. 7, № 4, с. 510–512 (напечатано П. А. Мухановым). *Москвитянин*, 1845, ч. 4, № 9, отд. I, с. 90 (доставлено А. П. Нестеровым, напечатано М. П. Погодиным), откуда перешло в: *Изд. Перевлесского*, с. 189–190, и *Изд. Смирдина, т. 1*, с. 712–713. *Избр. сочинения Ломоносова в стихах и прозе*. СПб., 1882, с. 134–135. *Пехарский II*, с. 874–875. *Ломоносовский сборник*. Архангельск, 1911, с. 151. *Сочинения 8*, с. 315–316. *ПСС 10*, с. 598–599.

Печатается по: *Сочинения 8*.

Примечания

¹ Михаил Евсеевич Головин, устроенный дядей Ломоносовым в Академическую гимназию с 1 марта 1765 г. на казенное содержание. Впоследствии адъюнкт по экспериментальной физике, фактический секретарь Л. Эйлера, автор семи учебных руководств по арифметике, геометрии, механике, физике, математической географии и архитектуре, которые выдержали несколько изданий, переводчик. Умер в возрасте 34 лет.

Подробнее см. о нем: *Бобынин В. В.* Михаил Евсеевич Головин // *Математич. образование*, 1912, № 4–8; *Райков В. Е.* Очерки по истории гелиоцентриче-

ского мировоззрения в России. 2-е изд., М.; Л., 1947, с. 348–355); *Сочинения* 8, с. 317 второй пагин.; *Шишкин* А. Б. Головин Михаил Евсеевич // *Словарь* 1, с. 216–217; *КЭС*, с. 42.

² В «*Москвитянин*»: нарочно, осмотреть.

³ В «*Московском вестнике*»: уживается.

⁴ Жена — Е. А. Ломоносова, дочь — Е. М. Ломоносова, впоследствии в замужестве Константинова.

⁵ Генерал-майор Е. А. Головцын, находившийся по делам в Петербурге в феврале — марте 1765 г.

⁶ Е. Ф. Головин, муж сестры Ломоносова.

160. И. В. Шенин — Ломоносову
3 марта 1765 г. Петербург

Милостивый Г[осу]д[а]рь мой Михайла Васильевич.

Коллегия приказали к господину Чичагову¹ вентилантру² послать модель, и я думаю, что надобно при том быть описанию, и толь, которое при сем прилагаю, или другое будет, о том я докладываю Ваше Высокородие, и со всегдашним почтением есмь,

Милостивый г[осу]д[а]рь мой
Ваш всепокорный слуга
Иван Шенин.

В 3-е марта
1765 г.

Источники текста

Автограф: ЦГА ВМФ. Ф. 913. № 166 (13515). Л. 398. Факсимиле: *Перевалов*, с. 329.

Публикации: *Перевалов*, с. 331. *ПСС* 10, с. 887 (без обращения, подписи и даты).

Печатается по факсимиле.

Примечания

¹ Письмо относится к подготовке Северной морской экспедиции под началом В. Я. Чичагова, который в данное время находился уже в Коле.

² Вентилантры (приборы для определения направления и силы ветра), которые должны были находиться на каждом из судов экспедиции, упоминаются

Ломоносовым в списках инструментов
ряжения (*ЛСС 6*, с. 517).

Возможно, эти приборы являлись
тром — изобретенным Ломоносовым в
шую скорость какого-либо ветра и купн
с. 206–217, чертеж на с. 218; ср.: *Перев*
представляла собой первую в метеороло
(т. е. автоматически) измерять скорость

Рисунки вентилантра Ломоносов
25 июня 1764 г. На следующий день ге
казал Интендантской экспедиции Адми
7 сентября 1764 г. готовая модель вен
тейств-коллегию капитаном М. И. Ряби
Ломоносов «словесно представлял, что
и предложить Коллегии» (*Перевалов*, с.

Таким образом Шенин напоминает
Текст описания сейчас неизвестен, поэ
ставил, или это сделал кто-то другой.

7 сентября 1764 г. — Г. М.), за неимением описания, не посылать» (*Перевалов*, с. 332, 490).

Вероятно, речь в ответе идет сразу о трех моделях — по числу судов, назначенных к участию в экспедиции и, недолго думая, поименованных фамилиями их капитанов — «Чичагов», «Панов», «Бабаев». При отсутствии других данных остается предположить, что Ломоносов еще не считал прибор полностью готовым, рассчитывая доработать его в грядущую навигацию; следовательно, не мог дать к нему и описания.

Однако жить Ломоносову оставалось всего один месяц.

Бецкому Высочайшим указом было поручено наблюдение над продолжением его мозаичных работ.

БРАУН Иосиф Адам (1712*, город Аш, Богемия, — 22 сентября 1768, Петербург) — сын пастора. Образование получил в Веймаре и Лейпциге. В 1746 г., по рекомендации Л. Эйлера, был приглашен в Петербургскую Академию наук на кафедру физики. С 1748 г. — профессор** логики, метафизики и нравоучительных наук и член Исторического собрания Академии. Участвовал в восстановлении сгоревшей в 1747 г. академической Астрономической обсерватории и затем осуществлял в ней систематические наблюдения. В 1761 г. вел наблюдения по прохождению Венеры по диску Солнца. Браун написал много статей по физике и метеорологии, но главным результатом его научных занятий является открытие свойств замерзания и ковкости ртути. В 1756 г. он женился на вдове академика Г. В. Рихмана, Анне Елизавете.

А. Л. Шлецер писал, что Браун был «единственным немцем», с которым Ломоносов состоял «в хороших отношениях, потому что тот все переносил» (*Сборник ОРЯС*, 1875, т. 13, с. 240). В 1764 г. он ответил на письмо Ломоносова по разным вопросам. Незадолго до смерти Ломоносов, всегда защищавший Брауна от академических интриг, предлагал назначить его конференц-секретарем Академии.

ВАРСОНОФИЙ, в миру Василий Арефьевич (25 февраля 1694, Орел, — 8 ноября 1759, Холмогоры) — из военного сословия. Образование получил в Москве. В 1714 г. принял постриг в Соловецком монастыре и был рукоположен в иеромонаха. В 1720 г., по возведении в сан архимандрита, назначен настоятелем Соловецкого монастыря, которым управлял около 20 лет (в годы игуменства Варсонофия монастырь служил местом заточения опальных вельмож — графа П. А. Толстого, князя В. Л. Долгорукова и др.). В 1732–1734 и 1737–1740 гг. Варсонофий состоял членом Святейшего Синода. С 1740 г. — епископ (с 1741 г. архиепископ) Архангелогородский и Холмогорский. Слыл ревностным и строгим архиереем, все свое небольшое имущество еще при жизни раздал на помин души (в числе благодетельствованных им лиц был и В. Д. Ломоносов).

---

* По свидетельству самого Брауна, он родился в 1716 или 1717 г.

** Профессор (академик) — первоначально: член Петербургской Академии наук, в обязанности которого вменялось вести работу в своей области, участвовать в заседаниях Академического собрания, сочинять книги и обучать молодых людей (студентов). По регламенту 1747 г. академики не должны были читать лекции в Академическом университете, поэтому звания профессора и академика были отделены друг от друга.

Принято считать, что М. В. Ломоносов и Варсонофий были в «давних отношениях», сохраняя их до смерти последнего (см.: *Сочинения* 8, с. 14 второй пагин.). Тем не менее начало единственного известного письма Ломоносова к архиепископу свидетельствует как будто, что личного общения между ними, по крайней мере до 1746 г., не было. В 1759 г. Варсонофий прислал от своего имени «Ломоносову — переднюю часть говядины и одну копченую семгу» (*Сибирцев И.* Еще один документ о Ломоносове // *Ломоносовский сб.*, Архангельск, 1911, с. 152).

Виноградов Дмитрий Иванович (ок. 1720, Суздаль, — 25 августа 1758, Петербург) — сын священника. С 1732 г. обучался в Славяно-греко-латинской академии в Москве. В 1735 г. в числе лучших учеников был направлен для продолжения образования при Петербургской Академии наук. В 1736 г., вместе с Ломоносовым и Г. У. Райзером, отправлен за границу. До 1739 г. занимался в Марбургском университете у Х. Вольфа и др., в 1739–1743 гг. — во Фрейберге, у И. Ф. Генкеля и др. По возвращении в Петербург в 1744 г. произведен в бергмейстеры (горные инженеры) и определен на Невскую порцелиновую мануфактуру. В 1747 г. впервые в России изготовил фарфоровую массу из гжельской глины. Разработал технологию производства фарфора. С 1748 г. до смерти возглавлял мануфактуру (с 1765 г. — Императорский фарфоровый завод).

Находясь за границей, Ломоносов и Виноградов в 1741 г. обменялись как минимум четырьмя письмами, из которых сейчас известно только одно письмо Ломоносова, в котором он упрекает Виноградова в необязательности. В Петербурге необходимости в переписке между ними, очевидно, не возникало. Вольф Христиан, или Кристиан (24 января 1679, Бреслау [совр. Вроцлав], — 9 апреля 1754, Галле) — родился в семье кожевнного мастера, давшего обет посвятить своего сына науке. Образование получил в Йене и Лейпциге. В 1706 г., по рекомендации Г. В. Лейбница, занял кафедру в университете Галле, где читал курсы математики, физики, метафизики, логики и нравственной философии*. В 1725 г. указом короля Фридриха I был выслан за пределы Пруссии и стал преподавать в Марбургском университете. С того же 1725 г. — почетный член Петербургской Академии наук. В 1736 г. под его смотрение на учебу в Марбург были отправлены Д. И. Виноградов, Ломоносов и Г. У. Райзер. В 1740 г. король Фридрих II пригласил Вольфа вернуться в Галле, где он и оставался до конца жизни.

Вольф высоко оценивал способности Ломоносова. В свидетельстве, выданном в 1739 г. по окончании его обучения, он записал: «...Не сомневаюсь, что возвратясь в отечество, принесет пользу обществу» (см. документ № 139

---

* Физика преподавалась тогда как часть философии.

в настоящем издании). В свою очередь, Ломоносов всегда относился к своему учителю с трепетным уважением. В 1753 г. Вольф написал Ломоносову письмо, известное сейчас только в отрывке.

Воронцов Михаил Ларионович, или **Илларионович** (12 июля 1714–15 февраля 1767, Москва) — сын стольника, воеводы, затем тайного советника и сенатора Л. (И.) Г. Воронцова. С 1728 г. — паж, с 1735 г. — камер-юнкер Двора цесаревны Елизаветы Петровны. В 1741 г. активный участник дворцового переворота, после которого был произведен в камергеры. В 1742 г. женился на двоюродной сестре императрицы, графине А. К. Скавронской. С 1744 г. — граф, действительный тайный советник и вице-канцлер. В 1758–1763 гг. — канцлер. С 1759 г. — сенатор. В 1762 г. сохранил верность императору Петру III и в 1763–1765 гг., после отставки, жил за границей.

М. Л. Воронцов — покровитель Ломоносова с 1745 г., помогавший ему устраивать многие дела. Так, например, в 1751 г. он представил императрице первые образцы ломоносовских смальт и «поощрил» его к заведению фабрики цветного стекла (см. документ № 36 в настоящем издании). Находясь за границей, Воронцов успешно ходатайствовал об избрании Ломоносова почетным членом Академии наук Болонского университета в 1764 г. Из переписки, существовавшей между ними в 1753–1764 гг., сейчас известно 16 писем Ломоносова и 6 писем Воронцова. По смерти Ломоносова на его могиле иждивением Воронцова в 1767 г. был установлен памятник из каррарского мрамора.

Воронцов Роман Ларионович, или **Илларионович** (17 июля 1707–30 ноября 1783) — брат М. Л. Воронцова. С 1733 г. служил в лейб-гвардии Измайловском полку (в 1741 г. — подпрапорщик). Снабжал деньгами цесаревну Елизавету Петровну. С 1742 г. — камер-юнкер. С 1746 г. — действительный камергер. С 1755 г. — генерал-поручик. С 1760 г. — граф и сенатор. С 28 декабря 1761 г. — генерал-аншеф. При императрице Екатерине II сначала находился в опале, затем наместник Владимирский (1778–1783), Тамбовский (1779–1781), Пензенский (1780–1781) и Костромской (1782–1783). Крупный землевладелец и заводчик, деятельный член учрежденного в 1765 г. Вольного экономического общества, принимал участие в издании его «Трудов», отстаивал программу дворянской монополии на землевладение и владение крепостными, был сторонником развития дворянского предпринимательства. В 1783 г. — член Российской Академии, созданной по проекту его дочери, княгини Е. Р. Дашковой.

Имеются два письма Ломоносова к Р. Л. Воронцову 1761 и 1763 гг., по содержанию обыкновенные для зависимого лица, однако подробности отношений Ломоносова с Р. Л. Воронцовым в точности неизвестны.

Вяземский Александр Алексеевич (3 августа 1727 — 8 января 1793, Петербург) — князь, сын лейтенанта флота А. Ф. Вяземского. Обучался в Сухопут-

ном шляхетском корпусе. Участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг.; исполнял за границей разные тайные поручения. В 1764–1792 гг. — генерал-прокурор Правительствующего Сената. Одновременно был членом Совета при Высочайшем Дворе (с 1769 г.), руководил Тайной экспедицией Сената, состоял государственным казначеем (1769–1781), президентом Канцелярии опекунов иностранных поселенцев (1775–1782), главой Экспедиции о государственных доходах (с 1789 г.). Среди многочисленных обязанностей Вяземского значатся и такие, как руководство работами по осушению болот вокруг Петербурга и благоустройству набережной реки Фонтанки. С 1776 г. — почетный член Петербургской Академии наук. В сентябре 1792 г. вышел в отставку по болезни.

В 1765 г. недавно назначенный генерал-прокурор Вяземский обратился к Ломоносову за советом в связи с расширением штата и функций петербургской Сенатской типографии, о чем имеются по 2 письма от каждого из них.

ГЕНКЕЛЬ Иоганн Фридрих (11 августа 1679, Мерзенбург, Саксония, — 26 января 1744, Фрейберг) — образование получил в Йене. С 1709 г. имел врачебную практику в Дрездене. В 1712 г. переехал во Фрейберг, причем со временем на него было возложено медицинское обслуживание всех горняков и металлургов местного округа. Вместе с тем изучал горное дело, металлургию и химию, овладел маркшейдерским и пробирным искусством. С 1726 г. — член Прусского научного общества (впоследствии Берлинской Академии наук). В 1728 г. издал книгу о профессиональных заболеваниях горнорабочих. С 1732 г. — горный советник курфюрста Саксонского. В 1733 г. построил во Фрейберге химическую лабораторию, в которой работал и преподавал всю оставшуюся жизнь. С 1737 г. — ассессор Главной горной канцелярии. Минералогический кабинет Генкеля приобрел Н. А. Демидов во время путешествия по Саксонии; в 1755 г. он пожертвовал его Московскому университету.

Генкель был учителем Г. У. Райзера, Ломоносова и Д. И. Виноградова во время их пребывания во Фрейберге (1739–1740). Однако методы его преподавания и неаккуратность ведения денежных дел вызвали острый конфликт, суть которого изложена в письме Ломоносова к Генкелю 1739 г. и сопутствующей ему переписке (см. документ № 8 в настоящем издании). Впоследствии Ломоносов отзывался о своем учителе с большим уважением.

ГИБЕРТОВСКИЙ Матвей Матвеевич (?), Познанское воеводство, — после 1772) — польский дворянин. Образование получил во Франкфурте-на-Одере. Участник Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. (потерял левую руку при осаде Очакова в 1737 г.) и начала Русско-шведской войны 1741–1743 гг. С 1741 г. служил в Выборгской крепости в чине капитана.

В 1751 г. получил разрешение найти место на гражданской службе, в связи с чем приехал в Петербург. В поисках места Гибертовский, по-видимому, написал некоторым влиятельным, по его мнению, лицам, в т. ч. Ломоносову. В 1765–1772 г. служил штатгальтером (наместником) Выборгской и Кексгольмской провинций.

Гмелин Иоганн Георг (12 августа 1709, Тюбинген, — 23 мая 1755, там же) — сын аптекаря. С 1722 г. обучался в Тюбингенском университете. В 1727 г., получив степень доктора медицины, приехал в Петербург и был зачислен адъюнктом* по химии и естественной истории Академии наук. С 1731 г. — профессор (академик). В 1733–1743 гг. вместе с Г. Ф. Миллером руководил работой академического отряда Второй Камчатской экспедиции, совершил путешествие от Тобольска до Якутска. По возвращении в Петербург исполнял обязанности профессора химии. В 1745 г. отказался от кафедры химии в пользу Ломоносова. В 1747 г. стал профессором ботаники, но из-за частых столкновений с И. Д. Шумахером в том же году выехал в Германию как бы в годовой отпуск, однако в Россию больше не вернулся, известив о своем избрании профессором химии Тюбингенского университета. В 1751 г. в Геттингене опубликовал собственные дневники под названием «Путешествие по Сибири». В 1747–1769 гг. Петербургская Академия наук издала его труд «Флора Сибири», в четырех томах.

В 1747–1748 гг. между Ломоносовым и Гмелиным происходила переписка, вызванная тем, что Ломоносов вместе с Г. Ф. Миллером материально поручились за него на случай невозвращения. В настоящее время из этой переписки известны 2 письма 1748 г.

Голицын Александр Михайлович (6 ноября 1723–15 ноября 1807, Москва) — князь, сын президента Военной коллегии М. М. Голицына Младшего. С 1742 г. — советник посольства в Голландии. С 1749 г. — посол во Франции. В 1755–1762 гг. — посол в Англии. С 1757 г. — камергер. С 9 июня 1762 г. по 1775 г. — вице-канцлер. С 1764 г. — действительный тайный советник. С 1773 г. — почетный опекун московского Воспитательного дома. В том же году содействовал Г. Ф. Миллеру, с которым состоял в переписке, в назначении его управляющим Московским главным архивом Коллегии иностранных дел. С 1775 г. — сенатор и обер-камергер. В 1777 г. вышел в отставку. В 1797 г. был вновь назначен сенатором, но в должность не вступал. Один из первых почетных любителей Академии трех знатнейших художеств, основанной в 1757 г.

---

* Адъюнкт — помощник профессора (академика), имеющий право вести самостоятельную работу и присутствовать на заседаниях Академического собрания.

В 1764 г. Ломоносов письменно обращался к Голицыну как к вице-канцелеру с просьбой о допуске для работы в архиве Коллегии иностранных дел.

Головина Мария Васильевна (ок. 1730, деревня Мишанинская Куростровской волости Двинского уезда Архангельской губ., — 25 или 26 [?] октября 1807, деревня Хетка) — сводная сестра М. В. Ломоносова (родилась от третьего брака В. Д. Ломоносова с И. С. Корельской). В 1749/1750 гг. была выдана замуж в село Николаевские Матигоры за черносошного крестьянина деревни Хетка (Водниковская) Матигорской волости Евсея Федоровича Головина (ок. 1726–1797). Имела четырех детей, из которых двоих — Матрену и Михаила — отправляла к дяде в столицу. Получив в 1790 г. известие о смерти Михаила, пешком ходила в Петербург на его могилу. Занималась костоправным искусством. Владела грамотой. Перешла из православия в раскол, но когда — неясно. В 1798 г. Высочайшим указом была освобождена с потомством от подушного оклада и рекрутского набора.

Своего сводного брата никогда не видала. Письмо Ломоносова к Головиной, написанное в 1765 г. за месяц до его смерти, — по сути, единственный образец переписки Ломоносова в привычном понимании этого слова (как документов частного характера).

ДЕДЮЛИН Алексей И(ванович?) — дворянин. Подпоручик ведомства Кабинета Ее Императорского Величества. Более подробных сведений о нем собрать не удалось.

В 1759 г. Дедюлин послал Ломоносову свое сочинение об «универсальном лекарстве», сопроводив его маловразумительным письмом, на которое он вряд ли ответил. В других известных документах Ломоносова фамилия Дедюлина не упоминается.

КОНДАМИН, или Лакондамин Шарль Мари де ла (28 января 1701, Париж, — 4 февраля 1774, там же) — физик, астроном, математик, географ, путешественник. Биографы приписывают ему «тяжелый характер». С 1736 г. — начальник Экваториальной экспедиции в Испанскую Америку и Бразилию по измерению дуги меридиана, осуществил первое исследование бассейна реки Амазонки и составил его точную карту. Вернувшись в 1745 г. во Францию, впервые дал подробное описание методов изготовления изделий из каучука, получавшегося из млечного сока (латекса) бразильской гевеи. В 1751 г. издал «Дневник путешествия по экватору» и в 1752–1754 гг. — два приложения к нему. С 1769 г. — член Парижской Академии наук. С 1776 г. — почетный член Петербургской Академии наук.

Из переписки, возможно, существовавшей между Ломоносовым и Кондамином, известен лишь отрывок одного письма 1754 г., написанного последним.

Корф Иоганн Альбрехт фон (11 декабря 1697*, мыза Ренгенгоф, Курляндия, — 7 апреля 1766, Копенгаген) — барон из древнего курляндского рода. По окончании в 1700 г. Йельского университета был назначен камер-юнкером Двора вдовствующей герцогини Курляндской Анны Иоанновны. В 1730 г. — камер-юнкер Российского Двора. С 1732 г. — действительный камергер. В 1732–1734 гг. готовил избрание Э. Бирона герцогом Курляндским. С 1734 г. — «главный командир» (или президент) Петербургской Академии наук. Способствовал увеличению ее штата и улучшению финансового положения. По его ходатайству в 1736 г. для обучения в Германию были направлены Д. И. Виноградов, Г. У. Райзер и Ломоносов. С 1740 г. — посланник в Дании, с 1746 г. — в Швеции, с 1748 г. чрезвычайный и полномочный министр, снова в Дании. С 9 марта 1762 г. — действительный тайный советник. Владелец библиотеки (свыше 36 тысяч томов), приобретенной в 1764 г. императрицей Екатериной II для великого князя Павла Петровича.

Общение Корфа и Ломоносова, в том числе по переписке, относится к периоду студенчества последнего и носит строго служебный характер.

Миллер Герард Фридрих, или Федор Иванович (18 [29] октября 1705, Херфорд, Вестфалия, — 11 октября 1783, Москва) — сын ректора Херфордской гимназии. Образование получил в Ринтельне и Лейпциге. В 1725 г. в качестве студента был приглашен в Петербургскую Академию наук. В 1726–1727 гг. преподавал в Академической гимназии. С 1728 г. — конференц-секретарь. С 1730 г. — профессор (академик) истории. В 1733–1743 гг. — один из руководителей академического отряда по изучению Сибири во Второй Камчатской экспедиции. В 1744 г. подал проект об учреждении при Академии наук Исторического департамента. В 1747 г. был назначен первым ректором Академического университета и получил звание российского историографа. В 1748 г. принял русское подданство. С 1754 г. — вновь конференц-секретарь. В 1765 г. — главный надзиратель московского Воспитательного дома, с сохранением званий академика и историографа. В 1766 г. назначен в Московский архив Коллегии иностранных дел. В 1773 г., при содействии князя А. М. Голицына, стал управляющим этим архивом. С 1775 г. — статский советник. С 1783 г. — действительный статский советник.

В целом отношения Ломоносова и Миллера были неприязненными.

Из их переписки известно 2 письма, которыми они обменялись в 1754 г.

Михаэлис Детлеф Фридрих (1675–1770) — университетский аптекарь в Марбурге. В известных документах Ломоносова его фамилия встречается лишь

---

* В других случаях датами рождения И. А. Корфа указывают 1677 или 1692 гг., но это несправедливо.

в списке марбургских кредиторов от 30 декабря 1738 г.: «Аптекарю Михелису» — 61 талер (?) и 12 горшей (*ИСС 10*, с. 325). Следовательно, уже в первый период своего пребывания в Марбурге (1736–1739) Ломоносов мог проводить химические опыты в его лаборатории.

Вернувшись в 1740 г. и проживая в Марбурге «инкогнито» в ожидании разрешения из Петербурга на возвращение в Россию, Ломоносов письменно обратился к Михаэлису за разрешением работать в его лаборатории, но осуществилось ли это намерение — неизвестно.

Орлов Григорий Григорьевич (6 октября 1734–13 апреля 1783, Москва) — сын генерал-майора, новгородского губернатора Г. И. Орлова. В 1749 г. был определен в Сухопутный шляхетский корпус. В 1755 г. — армейский поручик. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг. Адьютант графа П. И. Шувалова с 1760 г. Фаворит великой княгини Екатерины Алексеевны. Активный участник переворота 1762 г., после которого стал действительным камергером, графом, генерал-поручиком и генерал-адьютантом. С 1763 г. — князь Римской Империи. В 1765 г. выступил одним из учредителей Вольного экономического общества и стал его первым президентом. В 1771 г. находился в Москве с чрезвычайными полномочиями для борьбы с чумой и подавления возникшего в связи с ней бунта. В 1772 г. удалился от Двора. С 1775 г. — в отставке.

Ломоносов написал Г. Г. Орлову письмо вскоре после переворота, 25 июля 1762 г., попытавшись обрести в его лице покровителя в новое царствование. Орлов обещал поддержку Ломоносову в получении привилегии Академическому университету и в пожаловании ему чина статского советника. Незадолго до смерти Ломоносова он купил у него библиотеку, а на следующий день после кончины по распоряжению императрицы Екатерины II опечатал и перевез в свой дом все его бумаги.

Орлов Федор Григорьевич (8 февраля 1741–17 мая 1796, Москва) — брат Григория Орлова. Воспитывался в Сухопутном шляхетском корпусе. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг. После дворцового переворота 1762 г. стал графом, капитаном лейб-гвардии Семеновского полка и камергером. С 1763 г. — обер-прокурор 4-го департамента Сената, занимавшегося военно-сухопутными и военно-морскими делами. Принял участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. (за отличие в Чесменском сражении награжден орденом Св. Георгия II степени), получил чин генерал-поручика. В день заключения Кучук-Кайнарджийского мира, 10 июля 1774 г., был произведен в генерал-аншефы и в то же время уволен в отставку по собственному прошению. Оставшиеся годы жил в Москве, занимаясь литературой и наукой.

Судя по письму Ломоносова от 26 июля 1762 г., между ним и 21-летним Орловым должны были существовать какие-то личные отношения, но другие

материалы, свидетельствующие об этом, неизвестны. В июле 1762 г. Ф. Г. Орлов посетил Ломоносова в его петербургском доме, а затем вроде бы содействовал в получении им покровительства своего брата Г. Г. Орлова.

РАЗУМОВСКИЙ Кирилл Григорьевич (18 марта 1728, хутор Лемеши Козелецкого повета Черниговской губ., — 3 января 1803, Батурин) — сын малороссийского казака Г. Я. Розума. Начальной грамоте выучился у дьячка. После возвышения брата Алексея (в 1742 г. ставшего морганатическим супругом императрицы Елизаветы Петровны) был вызван в Петербург. С 1743 г. — камер-юнкер. В 1743–1745 гг., в сопровождении Г. Н. Теплова, находился для учебы в Германии и Франции. С 1744 г. — граф. С 1745 г. — действительный камергер. В 1746–1798 гг. — президент Петербургской Академии наук. В 1750–1764 гг. — одновременно последний гетман Малороссийский. С 28 июня 1762 г. — сенатор. С 1764 г., после упразднения гетманства, — генерал-фельдмаршал. Был женат на внучатой сестре императрицы Елизаветы Петровны и ее фрейлине Е. А. Нарышкиной.

Разумовский являлся главным начальником Ломоносова в Академии, но их отношения едва ли можно назвать ровно хорошими. Известны 2 письма Ломоносова к Разумовскому 1753 и 1763 гг. — это свидетельствует о том, что в действительности их должно быть гораздо больше, особенно помня о периодах долгого отсутствия Разумовского в Петербурге.

РИХМАН Георг Вильгельм (11 июля 1711, Пернов [совр. Пярну], — 26 июля 1753, Петербург) — родился в семье казначея города Дерпта. Образование получил в Галле и Йене. В 1732 г. приехал в Петербург и стал воспитателем детей вице-канцлера графа А. И. Остермана. По его рекомендации в 1735 г. был принят в Петербургскую Академию наук со званием студента* физического класса. В 1740 г. — адъюнкт по физике. С 1741 г. — экстраординарный, с 1747 г. — ординарный профессор (академик) физики. С 1744 г. — заведующий академическим Физическим кабинетом. Занимался исследованием электризации и электропроводности тел, создал первый в мире электрический измерительный прибор. Погиб от удара шаровой молнии, наблюдая во время грозы степень электризации атмосферы.

Живя в одном городе и работая в тесном сотрудничестве, Рихман и Ломоносов не имели необходимости в переписке. Известно лишь одно письмо Рихмана к Ломоносову 1749 г., касающееся конструкции предложенного по-

---

* Студент — первоначально помощник профессора (академика). Обучался у него лично, но получал академическую стипендию. Также вольнослушатель публичных лекций в Санкт-Петербургской Академии наук. После 1747 г. — учащийся Академического университета.

следним универсального барометра. После гибели Рихмана Ломоносов через И. И. Шувалова пытался исходатайствовать пенсию его вдове, а в 1761 г. распорядился принять в Академическую гимназию двух его сыновей.

Румовский Степан Яковлевич (29 октября 1734, Старый Погост Владимирской губ. [совр. Тверской обл.], — 6 июля 1812, Петербург) — сын сельского священника. Учился в семинарии при Александро-Невском монастыре (лавре). В 1748 г., среди лучших ее учеников, зачислен в Академический университет, где слушал лекции по химии Ломоносова, высоко оценивавшего его способности. С 1753 г. — адъюнкт по астрономии Петербургской Академии наук. В 1754–1756 гг. обучался в Берлине у Л. Эйлера. После возвращения стал преподавателем математики и астрономии Академического университета. С 1763 г. — экстраординарный профессор астрономии. С 1767 г. — академик по классу астрономии. В 1783 г. — один из учредителей Российской Академии. С 1800 г. — вице-президент Академии наук, первый в ее истории. С 1803 г. — попечитель Казанского учебного округа.

Имеются 4 письма Ломоносова к Румовскому 1758–1763 гг. и 1 письмо Румовского 1761 г., когда он, находясь в Сибири в экспедиции для наблюдения прохождения Венеры через диск Солнца, написал об этом Ломоносову. Впоследствии между ними возникла столь сильная взаимная неприязнь, что в 1765 г. в не отправленном, по-видимому, письме к Л. Эйлеру Ломоносов даже назвал Румовского «Таубертовой комнатной собачкой».

Рычков Петр Иванович (1 октября 1712, Вологда, — 15 октября 1777, Екатеринбург) — родился в семье купца, который в 1720 г. разорился и переехал в Москву. Арифметике, бухгалтерии, немецкому и голландскому языкам обучился в конторе директора полотняных фабрик И. Тамеса. С 1730 г. — правитель Ямбургских казенных заводов. Позже служил в Петербургской таможене. В 1734 г. поступил бухгалтером в Оренбургскую экспедицию, в которую в это время в качестве священника стремился попасть и Ломоносов. С 1744 г. работал в Оренбургской губернской канцелярии. Составил подробное описание Оренбургского края. В 1759 г. был избран корреспондентом Петербургской Академии наук, первым в ее истории. В 1761–1770 гг. находился в отставке. В 1764 г. препроводил Ломоносову через Г. Ф. Миллера рукопись своей записки «Описание медных руд Оренбургской губернии». С 1765 г. — член Вольного экономического общества. С 1770 г. — правитель Оренбургских соляных дел. С марта 1777 г. — главный командир Екатеринбургских заводских правлений.

Переписка Рычкова и Ломоносова относится к 1755 г., сейчас из нее известно 2 письма Рычкова.

Соймонов Федор Иванович (1692, Москва, — 11 июля 1780, там же) — сын стольника и воеводского товарища И. А. Соймонова Большого. В 1708 г.

поступил в московскую Навигацкую школу. С 1712 г. продолжал обучение в Голландии. В 1716 г. в чине мичмана был назначен на корабль, крейсировавший в Балтийском море под вице-адмиральским флагом Петра I. В 1719–1726 гг., будучи уже лейтенантом флота, участвовал в экспедиции по описанию побережья Каспийского моря. С 1730 г. служил в Адмиралтейств-коллегии (в 1739 г. был ее вице-президентом). В 1740 г. за участие в деле А. П. Вольтынского наказан кнутом и отправлен на вечную каторгу в Охотский острог. В 1742 г. освобожден и восстановлен в правах, но добровольно остался в Сибири. В 1753–1757 гг. возглавлял секретную экспедицию для описания рек Шика и Амур. В 1757–1762 гг. — сибирский губернатор, в чине тайного советника. В связи со своими историко-географическими работами вел обширную переписку с Г. Ф. Миллером (имеются 123 письма Соймонова и 61 письмо Миллера). С 1764 г. — сенатор московских департаментов. В 1766 г. вышел в отставку по собственному прошению.

Сохранилось письмо Соймонова, написанное в 1762 г. в ответ на письмо Ломоносова, текст которого сейчас неизвестен.

Соколов Федор Константинович (? — 1786) — студент Академического университета. В 1757 г. по представлению Ломоносова был произведен в младшие переводчики Петербургской Академии наук. С 1759 г. — бухгалтер Академической книжной лавки в Москве.

Единственное известное письмо Ломоносова к Соколову датировано 1762 г. Татищев Василий Никитич (19 апреля 1686, имение его отца около Пскова, — 15 июля 1750, Болдино) — сын стольника Н. А. Татищева. Обучался в московской артиллерийско-инженерной школе Я. В. Брюса. Участник взятия Нарвы (1704), Полтавской баталии (1709), Прутского похода (1711). Для выполнения разных поручений в 1713–1719 гг. неоднократно бывал за границей. В 1719 г. состоял при Я. В. Брюсе, президенте Берг- и Мануфактур-коллегии. В 1720–1723 гг. и 1734–1736 гг. — начальник Уральских горных заводов. В 1723–1734 гг. служил в Петербурге при Берг-коллегии, выезжал в Швецию. С 1736 г. — правитель Оренбургского края. С 1741 г. — астраханский губернатор. В 1745 г. был отставлен от службы, последние годы жизни провел в своем подмосковном имении Болдино Клинского уезда. Автор многотомной «Истории Российской с самых древнейших времен, через тридцать лет собранной и написанной».

В 1749 г. Татищев обратился в Петербургскую Академию наук с просьбой написать к первому тому его «Истории» посвящение великому князю Петру Федоровичу. Просьбу исполнил Ломоносов, переслав при письме к Татищеву это посвящение и все свои оды (кроме одной), напечатанные к тому времени отдельными изданиями.

Теплов Григорий Николаевич (20 ноября 1717, Петербург, — 30 марта 1779, там же) — сын истопника архиерейского дома. Учился в школе, учрежденной Феофаном Прокоповичем в Петербурге. В 1730 г. определен в Академическую гимназию, затем продолжил обучение в Германии. В 1736 г. студент, на следующий год — переводчик Петербургской Академии наук. С 1742 г. — адъюнкт натуральной истории. С 1743 г. — воспитатель К. Г. Разумовского. С 1746 г. — ассессор Академической канцелярии. В 1747 г., при участии И. Д. Шумахера, подготовил новый регламент Академии наук, в том же году стал ее почетным членом. С 1751 г. — коллежский советник. В 1758 г. был уволен от службы с чином статского советника. В 1762 г. — активный участник дворцового переворота. С 1763 г. — статс-секретарь Екатерины II. С 1765 г. — почетный член Академии трех знатнейших художеств. С 1767 г. — действительный тайный советник. С 1775 г. — сенатор.

Впервые Теплов и Ломоносов обменялись письмами в 1748 г., еще одно письмо Ломоносова к нему датировано 1761 г. В действительности их переписка скорее всего была значительно обширнее.

ТРЕДИАКОВСКИЙ Василий Кириллович (22 февраля 1703, Астрахань, — 6 августа 1769, Петербург) — сын священника. С 1723 г. учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве. В 1725 г. самовольно, без паспорта, выехал за границу, несколько лет провел в Голландии, Франции и Германии, в т. ч. слушая лекции в Сорбонне. В 1730 г. вернулся в Россию. В 1733 г. поступил переводчиком в Петербургскую Академию наук. Филолог и теоретик литературы, поэт, предшественник Ломоносова по введению в русскую поэзию тонического стихосложения, первым указал на необходимость фонетического правописания. В 1752 г. издал трактат «О древнем, среднем и новом стихотворении Российском». В 1759 г. был уволен из Академии по собственному прошению.

В 1745 г. Тредиаковский и Ломоносов одновременно стали профессорами экловенции (красноречия), однако их взаимные отношения, вначале вполне доброжелательные, постепенно переросли в откровенную вражду. Из возможно существовавшей между ними переписки имеется лишь письмо Ломоносова 1748 г. с мнением о регламенте Академического университета и о стихах А. П. Сумарокова.

УНГЕБАУЕР Иоганн Юлий (? — 17 октября 1788) — переводчик. В 1751 г. был принят на службу архивариусом при Конференц-архиве Петербургской Академии наук.

В 1764 г. письменно дал ответ Ломоносову на его запрос о наличии в архиве «китайских рукописей».

ФОРМЕЙ Жан Анри Самюэль, или Иоганн Генрих Самуил (1711–1797) — философ. С 1748 г. — неперемный секретарь Берлинской Академии наук.

С этого же года почетный член Петербургской Академии наук. Исполнял ее поручения в Берлине.

Многолетняя переписка Формея с Петербургской Академией, составившая в итоге сотни писем, занимает особое место в ученой корреспонденции XVIII в., подробно и ярко рисуя картину повседневной жизни и быта петербургских и берлинских академиков. Однако из переписки с Ломоносовым известны только отрывки двух писем Формея 1753 и 1755 гг. в переводах самого Ломоносова, и одно письмо к нему Ломоносова 1754 г.

Цанотти Франциско Мария (1692–1777) — брат итальянского художника и поэта Джованни Пьетро Цанотти. Профессор Болонского университета, секретарь его Ученого собрания, называемого Академией наук.

В 1764 г. написал Ломоносову письмо с извещением об избрании его почетным членом Академии наук Болонского университета. Ответное письмо Ломоносова также имеется.

Цильх Иоганн, или Иван Андреевич (1719 — после 1783) — шурин Ломоносова. В 1743 г. приехал в Россию из Германии вместе с сестрой Елизаветой Христиной (Елизаветой Андреевной Ломоносовой) и племянницей. В 1749 г. поступил на службу в Петербургскую Академию наук. В 1753 г. был послан в мозаичную мастерскую Ломоносова «для обучения мозаичных составов».

С 1763 г. «находился при составлении мозаичной материи и делал тому художеству разные генеральные цветы» — по сути, был единственным человеком, который наравне с Ломоносовым знал рецептуру смальт.

Черкасов Иван Антонович (1692 — между 7 сентября 1757 и 19 октября 1758) — сын уроженца украинского города Сосницы Антона Романовича по прозвищу Гусь, воспитывавшего и служившего в России и в 1705 г. получившего фамилию Черкасов. В 1705–1708 гг. служил подьячим приказной избы во Владимире. В 1710 г. поступил подьячим губернской канцелярии в Архангельске. В 1711 г. — подьячий Московской Оружейной палаты. С 1712 г. — подьячий-копиист в кабинете Петра I. Исполняя обязанности квартирмейстера, сопровождал царя в его поездках по России, в 1717 г. — в Голландию и Францию, в 1722–1723 гг. — в Персидском походе. С 24 ноября 1725 г. — тайный кабинет-секретарь. При Петре II и Анне Иоанновне за приверженность к Долгоруким находился в фактической ссылке в Архангельске, Казани и Астрахани. После переворота 29 ноября 1741 г. был назначен кабинет-секретарем императрицы Елизаветы Петровны и оставался в этой должности до конца жизни. С 1742 г. — барон. Играл исключительно важную роль при Дворе, через него проходили почти все государственные дела.

В 1749 г. Ломоносов в письме к Черкасову кратко изложил результаты анализов камчатской самородной меди, пробы которой были посланы в Академию наук из Кабинета Ее Императорского Величества.

Чернышев Иван Григорьевич (12 ноября 1726, Петербург, — 12 февраля 1797, Рим) — сын генерал-аншефа Г. П. Чернышева. В 1739 г. был определен в Сухопутный шляхетский корпус. В 1741–1745 и 1749–1755 гг. — на дипломатической службе в Европе. С 1742 г. — граф. В 1746–1749 гг. служил в лейб-гвардии Семеновском полку. С 1755 г. — действительный камергер. С 22 сентября 1762 г. — генерал-поручик. С 1763 г. — член Адмиралтейств-коллегии (ввиду малолетства президента коллегии великого князя Павла Петровича фактически руководил ею). С 1764 г. — докладчик при императрице по морским делам и главный командир галерного флота. С 1765 г. — член Вольного экономического общества. С 1769 г. — вице-президент Адмиралтейств-коллегии. С 1783 г. — сенатор. В 1796 г. — президент Адмиралтейств-коллегии в чине генерал-фельдмаршала по флоту.

В ведении Чернышева находилось снаряжение секретной экспедиции для поиска прохода Северным Ледовитым океаном к берегам Америки и на Камчатку, проект которой Ломоносов представил в 1763 г. через наследника престола. Сохранилось 2 письма Ломоносова к Чернышеву, написанных на эту тему в 1764 г.

Шенин Иван Васильевич — в середине 1760-х гг. обер-секретарь Адмиралтейств-коллегии. Имел сына Василия Ивановича, служившего на флоте, в 1803 г. — генерал-лейтенанта. Других биографических сведений о нем не найдено.

В 1765 г. Шенин письменно обращался к Ломоносову в связи со снаряжением первой русской высокоширотной морской экспедиции под начальством В. Я. Чичагова.

Штелин Яков фон, или Яков Яковлевич (10 мая 1709, Мемминген, — 25 июня 1785, Петербург) — по окончании Лейпцигского университета был приглашен в Петербургскую Академию наук. С 1735 г. — адъюнкт красноречия и поэзии; в его обязанности входило также сочинение проектов фейерверков. С 1737 г. — профессор (академик). В 1735–1737, 1748–1760, 1783–1785 гг. редактировал газету «Санктпетербургские ведомости». В 1742–1745 гг. — воспитатель великого князя Петра Федоровича, в 1745–1747 и 1754–1752 гг. — его библиотекарь. В 1757–1763 гг. — советник Академической канцелярии. В 1765–1769 гг. — конференц-секретарь; одновременно в эти же годы привел в порядок архив Академии. В 1757–1768 гг. — директор Собрания Академии Художеств, существовавшего при Петербургской Академии наук. С 1763 г. — статский советник. С 1766 г. — член Вольного экономического общества. Своей разносторонней деятельностью за полвека работы в Рос-

сии оставил след во всех областях культуры. Автор надписи для надгробного памятника Ломоносову.

Всего писем Ломоносова к Штелину известно 10 за 1757–1764 гг., писем Штелина к Ломоносову — 1, написанное в 1757 г.

Шувалов Иван Иванович (1 ноября 1727, Москва, — 14 ноября 1797, Петербург) — сын гвардии капитана И. М. Шувалова Меньшого. С 1742 г. — паж. В 1748 г. — камер-паж. С 1749 г. — камер-юнкер. С 1751 г. — действительный камергер. Приближенный императрицы Елизаветы Петровны. Первый куратор Московского университета и гимназий при нем со дня их основания в 1755 г. до конца жизни. С 1757 г. — главный директор основанной по его доношению Академии трех знатнейших художеств. С апреля 1762 г. — главный директор соединенных кадетских корпусов: Сухопутного, Морского и Артиллерийского. С 1763 г. жил за границей 14 лет, играл роль посредника императрицы Екатерины II при покупке произведений искусства, выполнял различные дипломатические поручения. С 1773 г. — действительный тайный советник. С 1778 г. — обер-камергер. С 1783 г. — член Российской Академии.

Меценат. Главный покровитель Ломоносова в царствование Елизаветы Петровны. Вообще из сохранившейся переписки Ломоносова к Шувалову адресовано больше всего его писем (34 — за 1750–1764 гг.), при этом известно только 1 письмо Шувалова к Ломоносову (1753 г.).

Шувалов Петр Иванович (1711–4 января 1762, Петербург) — сын генерал-майора И. М. Шувалова Старшего, двоюродный брат И. И. Шувалова. С 1723 г. — камер-паж при Дворе императрицы Елизаветы Алексеевны. С 1726 г. — камер-паж при Дворе герцога Гольштейн-Готторпского. С 1728 г. — гоф-юнкер. С 1731 г. — камер-юнкер при Дворе цесаревны Елизаветы Петровны. С 24 декабря 1741 г. — действительный камергер. С 31 декабря этого же года — генерал-майор. С 1744 г. — генерал-поручик и сенатор. С 1746 г. — граф. С 1751 г. — генерал-аншеф. В 1754 г. внес в Сенат доношение И. И. Шувалова об учреждении Московского университета. С 1756 г. — генерал-фельдцейхмейстер, создатель нового вида артиллерийского орудия (т. н. «гаубицы Шувалова», или пушки-единорога). С 28 декабря 1761 г. — генерал-фельдмаршал.

К П. И. Шувалову Ломоносов относился как к ближайшему родственнику своего всемогущего покровителя. В 1753 г. он поздравил его письмом с проявлением очередной «монаршей милости», а заодно прислал его жене и свои «мозаичные художества». В 1760 г. Ломоносов посвятил П. И. Шувалову стихотворение на изобретение им новой пушки.

Шумахер Иоганн Даниил, или Иван Данилович (5 сентября 1690, город Кольмар, Эльзас, Франция, — 2 июля 1761, Петербург) — с 1707 г. учился

в Страсбургском университете. В 1711 г. получил степень магистра. В 1714 г., по приглашению Ф. Я. Лефорта, приехал в Петербург и поступил секретарем по иностранной переписке при лейб-медике Р. Арескине и библиотекарем книжного собрания Петра I и его кабинета редкостей. В 1724 г. произведен в секретари Петербургской Академии наук. С 1737 г. — советник Академической канцелярии и самовластный ее руководитель почти до смерти (в 1758 г. «за дряхлостью» фактически оставил дела). С 1754 г. — статский советник. Завел при Академии типографию, Рисовальную и Гравировальную палаты, инструментальные мастерские. Постоянно заботился о распространении академических изданий за границей.

Отношения Шумахера и Ломоносова в самом начале были удовлетворительными, в дальнейшем же они дошли до открытой вражды. Поскольку почти постоянно оба жили в Петербурге, то и переписка между ними происходила по мере необходимости. В настоящее время известно 6 писем Ломоносова и 8 писем Шумахера за 1740–1756 гг.

ЭЙЛЕР Леонард (4 [15] апреля 1707, Базель, — 7 сентября 1783, Петербург) — швейцарец, сын пастора. В 1720–1724 гг. учился в Базельском университете. Получив приглашение от Петербургской Академии наук, в 1727 г. переехал в Россию, став сначала адъюнктом высшей математики, а с 1730 г. — профессором физики. С 1733 г. — профессор (академик) высшей математики. Одновременно участвовал в различных технических экспертизах. С 1741 г. работал в Берлинской Академии наук (с 1759 г. фактически ее руководителем). Одновременно оставаясь почетным членом Петербургской Академии, активно участвовал в научной жизни России (в частности, в эти годы в его берлинском доме жили на полном пансионе молодые российские ученые, присылаемые на обучение). В 1766 г. вернулся в Россию и жил в Петербурге до конца жизни. Крупнейший математик, физик, астроном и организатор науки XVIII в.

С Ломоносовым, которого высоко ценил, Эйлер никогда не встречался — они были знакомы только по переписке, которая продолжалась в 1748–1765 гг. и сохранилась не полностью: в настоящее время из нее известно всего 6 писем Ломоносова и 4 письма Эйлера.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Фронтиспис.* М. В. ЛОМОНОСОВ. Литография А. И. Лебедева, восходящая к гравюре резцом Х. А. Вортмана, переработавшего гравюру Э. Фессара (1757) // *Портретная галерея русских деятелей*, т. 2 / Изд. А. Мюнстера. СПб., 1869.
- Стр. 18.* КАИН. Ученический рисунок Ломоносова, приложенный к его письму барону И. А. Корфу от 15 (4) сентября 1737 г. из Марбурга // *Сочинения* 8, между с. 44 и 45.
- Стр. 29.* БАРОН И. А. КОРФ. Гравюра на стали В. Отто, восходящая к гравюре карандашной манерой Ф. Л. Брадта (после 1766) по оригиналу К. Г. Пило // *Blum C. L. Ein russischer Staatsmann. Leipzig; Heidelberg, 1857.*
- Стр. 108.* В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ. Фототипия с гравюры резцом, лицо пунктиром, А. Я. Колпашникова, приложенной к первому изданию трагедии «Деидамия» Тредиаковского. СПб., 1775 // *Ровинский III*, стлб. 2047.
- Стр. 121.* В. Н. ТАТИЩЕВ. Литография А. Э. Мюнстера // *Портретная галерея русских деятелей*, т. 2 / Изд. А. Мюнстера. СПб., 1869.
- Стр. 173.* ГРАФ К. Г. РАЗУМОВСКИЙ. Гальванопластика (1879) с гравюры резцом Г. Ф. Шмидта (1762), восходящей к портрету работы Л. Токке (1758) // *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 1. СПб., 1880, вкл. между с. 322–323.*
- Стр. 194.* Х. ВОЛЬФ. Фототипия гравюры Преислера, восходящей к гравюре И. М. Бернигерота (1755) // *Ровинский I*, стлб. 528.
- Стр. 208.* И. П. ЕЛАГИН. Литография А. О. Мошарского (1835—1836) // *Сорок семь литографированных портретов членов Императорской Российской Академии: [Альбом] / С ист. справкой Б. Л. Модзалевского. СПб., 1911.*
- Стр. 217.* А. П. СУМАРКОВ. Фототипия с гравюры резцом И. Г. Зейферта (1800), восходящей к портрету Ф. С. Рокотова (1777) // *Русская портретная галерея: [Альбом] / Изд. А. С. Суворина. СПб., 1887.*
- Стр. 231.* ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА. Фототипия гравюры резцом Е. П. Чемесова (1761), восходящей к портрету Л. Токке (1758) // *Малиновский К. В. Евграф Петрович Чемесов. СПб., 2006, с. 65.*
- Стр. 253.* Л. ЭЙЛЕР. Фототипия гравюры черной манерой, возможно, И. Штенглина (ок. 1760) с оригинала Хандмана (1756) // *Ровинский III*, стлб. 2179.

- Стр. 279. Граф М. А. Воронцов. Фототипия гравюры резцом Г. Ф. Шмидта (1758), восходящего к портрету работы Л. Токке // *Ровинский I*, табл. 532.
- Стр. 298. ФАКСИМИЛЕ НАЧАЛА ПИСЬМА («Уповая на благость и милость Вашу... пограничное состояние Оренбургской губернии») П. И. Рычкова к Ломоносову от 2 февраля 1755 г. из Селенгинска // *Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Сборник ОРЯС, 1867, т. 2, № 1, отдельный лист.*
- Стр. 331. Я. ШТЕЛИН. Фототипия гравюры черной манерой И. Штенглина (1764) с оригинала Г. Ф. Шмидта (1762) // *Ровинский III*, табл. 2164.
- Стр. 347. Великая княгиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА (ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II). Фототипия гравюры резцом И. М. Бернигерота (1757), восходящей к портрету работы Г. К. Грота (1749) // *Ровинский II*, табл. 777.
- Стр. 363. И. И. ШУВАЛОВ. Фототипия гравюры резцом Е. П. Чемесова (1760), восходящей к портрету работы П. А. Ротари (1760) // *Ровинский III*, табл. 2168.
- Стр. 410. Г. Г. Орлов. Гравюра на стали В. Отто, восходящая к гравюре Е. П. Чемесова по рисунку Ж. Л. де Велли (1764) // *Blum C. L. Ein russischer Staatsmann. Leipzig; Heidelberg, 1857.*
- Стр. 419. Граф Р. А. Воронцов. Фототипия с гравюры резцом А. Я. Колпашикова (1777) // *Ровинский I*, табл. 538–539.
- Стр. 437. Князь А. М. Голицын. Фототипия с гравюры акватинтой Ж. Якоба (1773), восходящей к портрету работы Д. Г. Левицкого (1762) // *Ровинский I*, табл. 601.
- Стр. 452. И. И. Бецкой. Литография А. Э. Мюнстера с гравюры резцом А. Радига (1794), восходящей к портрету работы А. Рослена (1777) // *Портретная галерея русских деятелей, т. 2 / Изд. А. Мюнстера. СПб., 1869.*
- На концевых полосах* — Т. Курочкин. «Абдурики», или «заставицы» для Академической типографии (1766) // *Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования / Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1973, вклейка № 42.*

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААН — см. *ПФАРАН*.

АВ — Письма М. В. Ломоносова к графу М. Л. Воронцову. Письма Ломоносова к графу Роману Ларионовичу Воронцову. Письма графа М. Л. Воронцова к Ломоносову / [Публ. П. И. Бартенева] // Архив князя Воронцова, кн. 4. Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. М., 1872, с. 480–500.

Андреев — Андреев А. И. Автографы Ломоносова в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ломоносов: Сб. статей и материалов. [Т. 1] / Под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1940, с. 396–398.

БАН — Библиотека Российской Академии наук.

Белявский — Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.

Берков — Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936.

Билярский — Материалы для биографии Ломоносова / Собр. экстраорд. акад. Билярским. СПб., 1865.

XVIII век — XVIII век, сб. 2. М.; Л., 1940; сб. 22. СПб., 2002; сб. 25. СПб., 2008.

ГАФКЭ — см. *РГАДА*.

Гнучева — Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1946. (Труды ААН, вып. 6).

Грабарь — Новые материалы о М. В. Ломоносове: Материалы о фабрике цветного стекла и бисера, заведенной М. В. Ломоносовым / Вступ. ст. И. Э. Грабаря; Подг. к печати и примеч. Е. П. Подъяпольской, Л. Л. Гришиной, И. И. Корневой // Красный архив, 1940, т. 3 (100), с. 158–194.

Гравировальная палата — Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сб. документов / Отв. ред. Б. В. Левшин; Сост.: М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий. Л., 1985.

Грот — Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: Материалы для истории рус. образования // Записки ИАН, 1862, т. 1, приложение № 1, с. 1–52 (имеются также отд. оттиск.).

Доп. известия — Пекарский П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова // Записки ИАН, 1865, приложение к т. 8, № 7.

- Ефремов* — Материалы для истории русской литературы / Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867.
- ИАН* — Императорская Академия наук.
- Изд. Перевлесского* — Собрание сочинений известнейших русских писателей, вып. 1. Избранные сочинения М. В. Ломоносова / Изд. П. Перевлесского. М., 1846.
- Изд. Смирдина* — Сочинения Ломоносова, т. 1 / Изд. А. Смирдина. СПб., 1847. (Полное собр. соч. рус. авторов).
- ИПБ* — см. РНБ.
- ИРЛИ* — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.
- Каталог, отдел VII* — Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов в Елизаветинское время», отдел VII. [Модзалевский Б. Л.] Ломоносов. Академия наук. Московский университет. СПб., 1912, изд. 1-е и 2-е.
- Каталог, т. 7* — Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», т. 7. Материалы по библиографии о Ломоносове на русском, немецком, французском, итальянском и шведском языках / Сост.: А. Г. Фомин, К. Дукмейер, Г. Эллис, А. Мартен и А. Иенсен. Пг., 1915.
- Каталог, т. 8* — Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», т. 8. Пг., 1917.
- Каталог выставки* — «Я знак бессмертия себе воздвигнул...»: Каталог выставки к 300-летию М. В. Ломоносова в РНБ. СПб., 2009.
- Костышин* — История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века): Сб. документов, т. 1. 1754–1755 гг. / Сост., авт. вступ. статей и примеч. Д. Н. Костышин, М., 2006.
- Крылов* — Крылов А. Н. Собрание трудов, т. 7. Ньютон. Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. с примеч. и пояснениями. М.; Л., 1936.
- Кулябко* — Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, 1977.
- Куник* — Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке, части I и II / Изд. А. Куник. СПб., 1865.
- КЭС* — Ломоносов: Краткий энциклопед. словарь / Ред.-сост. Э. П. Карпеев. СПб., 1999.
- Ламанский* — Ломоносов и Петербургская Академия наук: Материалы к столетней памяти его 1765–1865 года апреля 4-го дня / Сообщ. В. И. Ааманский. М., 1865 (отд. отт. из «Чтений в Имп. Обществе истории и древностей Российских при Моск. университете», 1865, кн. 1).

- Лепехин IV* — Путешествия академика Ивана Лепехина, ч. IV. В 1772 году / [Изд. подг. Н. Я. Озерецковский]. СПб., 1805.
- Летописи* — Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым, т. 1, кн. 1–2. М., 1859.
- Летопись* — Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова / Под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигурновского, В. Л. Ченакала; Сост.: Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. М.; Л., 1961.
- Летопись Шувалова* — Летопись жизни и деятельности Ивана Ивановича Шувалова: К 270-летию со дня рожд. 1727–1997 / Сост. Д. Н. Костышин. М., 1997 (не опубликована).
- ЛН* — Литературное наследство.
- Ломоносов I, 2, 3, 8* — Ломоносов: Сб. статей и материалов, [т. 1]. М., Л., 1940; т. 2. М., Л., 1946 (1948); т. 3. М., Л., 1951; т. 8. Л., 1983.
- Ломоносов в воспоминаниях* — М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / Сост. Г. Е. Павлова; Отв. ред. П. Н. Берков. М.; Л., 1962.
- Макаров* — Макаров В. К. Художественное наследие М. В. Ломоносова: Мозаики / Отв. ред. М. В. Доброклонский. М.; Л., 1950.
- Максимов* — Максимов С. В. Год на Севере. 4-е изд., доп. М., 1890.
- Материалы* — Материалы для истории Императорской Академии наук, т. 6. СПб., 1890; т. 9. СПб., 1897; т. 10. СПб., 1900.
- Меншуткин Ia* — Меншуткин Б. Н. М. В. Ломоносов как физико-химик: К истории химии в России // Известия СПб. Политех. ин-та, 1904, т. 1, вып. 1–2, с. 135–181; вып. 3–4, с. 369–424 (имеются также отд. отт.)
- Меншуткин Ib* — Меншуткин Б. Н. М. В. Ломоносов как физико-химик: К истории химии в России // Известия СПб. Политех. ин-та, 1904, т. 2, вып. 1–2, с. 3–178; вып. 3–4, с. 217–338.
- Меншуткин II* — Меншуткин Б. Н. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л., 1936.
- Михайло Ломоносов* — Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избр. труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нем / Сост.: Г. А. Павлова, А. С. Орлов, А. С. Федоров, И. А. Чудинов. М., 1989.
- Модзалевский* — Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР: науч. описание / Сост. Л. Б. Модзалевский; Предисл. Б. Н. Меншуткина; Под ред. Г. А. Князева. Л.; М., 1937. (Труды ААН СССР, вып. 3).
- Некрасова* — Некрасова Е. А. Ломоносов — художник. М., 1988.
- Новиков* — Опыт исторического словаря о Российских писателях: Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Н. Новиков. СПб., 1772.
- ОРЯС* — Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук.

- Очерки России* — Очерки России / Изд. В. Пассеком, кн. 2. М., 1840; кн. 5. М., 1842 (на обл.: 1840).
- Павлова и Федоров* — Павлова Г. Е., Федоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765 / Отв. ред. Е. П. Велихов. М., 1988.
- Патриот Севера* — Патриот Севера: Ист.-краевед. сб. / Сост. Ю. И. Колмаков. Архангельск, 1985.
- Пекарский* — Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870; т. II. СПб., 1873.
- Перевалов* — Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика: Из истории географ. науки и географ. открытий. М.; Л., 1949.
- Переписка Эйлера* — Леонард Эйлер. Переписка: Аннот. указ. / Сост. Т. Н. Кладо, Ю. Х. Копелевич, Т. А. Лукина и др. Л., 1967.
- Протоколы* — Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год, т. I. СПб., 1897; т. II. СПб., 1899.
- ПСЗ* — Полное собрание законов Российской Империи.
- Пушкин 7, 8* — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд., т. 7 и 8. Л., 1978.
- ПФА РАН* (ранее ААН) — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (ранее Архив Академии наук).
- ПСС* — Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, т. 1–10. М.; Л., 1950–1959; т. 11, дополнительный, справочный. Л., 1983.
- РГАДА* (ранее ГАФКЭ) — Российский государственный архив древних актов, в Москве.
- РГБ* (ранее ГБЛ) — Российская государственная библиотека (ранее Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), в Москве.
- РГИА* (ранее ЦГИА) — Российский государственный исторический архив (ранее Центральный государственный исторический архив), в Санкт-Петербурге.
- РНБ* (ранее ИПБ) — Российская национальная библиотека (ранее Императорская публичная библиотека), в Санкт-Петербурге.
- Ровинский* — Подробный словарь русских гравированных портретов / Сост. Д. А. Ровинский. Т. I–IV. СПб., 1886–1889.
- СК* — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800, т. 1–5. М., 1962–1967.
- СК ин.* — Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. 1701–1800, т. 1–3. Л., 1984–1986; т. 4, вып. 1–2. Периодика. СПб., 2004–2006.
- Словарь* — Словарь русских писателей XVIII века, вып. 1. Л., 1988; вып. 2. СПб., 1999; вып. 3. СПб., 2010.

Собрание разных сочинений — Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайлы Васильевича Ломоносова / Изд. новое, исправленное, с присовокуплением обстоятельного описания сочинителевой жизни, взятая из Моск. и Акад. издания, ч. I и II. СПб., 1803 г.

Соч. Ломоносова — Письма к Его Высочайшему Правительству Ивану Ивановичу Шувалову, которые никогда не были еще напечатаны // Полное собрание сочинений Михайлы Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений, ч. I. СПб., 1784, с. 319–345.

«Хотя сии письма и не заключают в себе много, касающагося до наук, и не обращают содержанием своим любопытство каждаго читателя; но поелику все, что произошло из пера г[осподина] Ломоносова, не может быть не драгоценно, то сей причины ради оне в собрании сем и напечатаны, тем наипаче, что оне открывают публике некоторыя обстоятельства жизни сего великаго писателя» (с. 318).

Третьим тиснением — 1803 г.

Сочинения — Сочинения М. В. Ломоносова, т. 1–8. СПб. / Л., 1891–1948.

Татищев — История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, кн. 1, ч. 1–2. [М.,] 1768–1769.

ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота, в Санкт-Петербурге.

ЦГИА — см. *РГИА*.

Шлецер — Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России, от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе / Пер. с нем., с примеч. и приложениями В. Кеневича // Сборник ОРЯС, 1875.

Штелин — Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России, т. 1 / Сост., пер. с нем., вступ. ст., предисл. к разделам и примеч. К. В. Малиновского. М., 1990.

Euler Briefwechsel — Leonhardi Euleri opera omnia. Series Quarta A. Commmercium epistolicum, vol. I. Descriptio commercii epistolici = Leonhard Euler Briefwechsel. Beschreibung zusammenfassungen der Briefe und Verzeichnisse / Hrsgb. v. A. P. Juškevič, V. I. Smirnov, W. Habicht. Basel, 1975.

УКАЗАТЕЛЬ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ЛОМОНОСОВА

(ПО НОМЕРАМ)

Письма Ломоносова

- Академическая канцелярия — 1, 5, 7, 40
Бецкой И. И. — 149
Варсонофий, архиепископ — 14
Виноградов Д. И. — 12
Воронцов М. Л. — 45, 55, 64, 66, 105, 112, 116, 119, 125, 130, 133, 135, 137, 139, 143
Воронцов Р. Л. — 121, 131
Вяземский А. А. — 154, 156
Генкель И. Ф. — 8
Гмелин И. Г. — 22
Голицын А. М. — 140
Головина М. В. — 159
Корф И. А. — 2, 4, 6
Миллер Г. Ф. — 71
Михаэлис Д. Ф. — 10
Неустановленное лицо — 152
Орлов Г. Г. — 127, 147
Орлов Ф. Г. — 128
Разумовский К. Г. — 44, 129
Румовский С. Я. — 99, 102, 108, 138
Соколов Ф. К. — 124
Татищев В. Н. — 27
Теплов Г. Н. — 18, 115
Тредиаковский В. К. — 23
Формей Ж. А. С. — 68
Цанотти Ф. М. — 142
Цильх И. А. — 123
Черкасов И. А. — 29
Чернышев И. Г. — 150, 151
Шведская Королевская Академия наук — 111
Шенин И. В. — 161
Штелин Я. — 91, 92, 94, 97, 98, 113, 117, 120, 148, 153
Шувалов И. И. — 34, 35, 36, 37, 41, 42, 43, 48, 49, 50, 54, 56, 59, 60, 61, 63, 65, 70, 73, 77, 80, 81, 88, 89, 90, 95, 96, 100, 106, 107, 109, 110, 114, 145
Шувалов П. И. — 47
Шумахер И. Д. — 9, 13, 32, 52, 85, 86
Эйлер Л. — 16, 20, 28, 67, 76, 158

Письма к Ломоносову

- Академическая канцелярия — 17
Браун И. А. — 144
Вольф Х. — 51
Воронцов М. Л. — 46, 75, 101, 126, 132, 134, 136
Вяземский А. А. — 155, 157
Гиббертовский М. М. — 38
Гмелин И. Г. — 24
Дедюлин А. И. — 103
Кондамин К. М. — 74

- Корф И. А. — 3
Миллер Г. Ф. — 72
Неустановленное лицо — 104
Рихман Г. В. — 33
Румовский С. Я. — 118
Рычков П. И. — 79, 84
Соймонов Ф. И. — 122
Теплов Г. Н. — 19
Унгебауер И. Ю. — 146
- Формей Ж. А. С. — 57, 82
Цанотти Ф. М. — 141
Шенин И. В. — 160
Штелин Я. — 93
Шувалов И. И. — 58
Шумахер И. Д. — 11, 25, 26, 30, 31, 39,
53, 62, 83, 87
Эйлер Л. — 21, 69, 78

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Г. Мартынов. От составителя 5

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ ГЕРМАНИЯ. 1737–1741

1. Общий репорт марбургских студентов (М. В. Ломоносова, Д. И. Виноградова, Г. У. Райзера) в Канцелярию Петербургской Академии наук. *Не позднее 15 (4) сентября 1737 г. Марбург*..... 11
2. Ломоносов — барону И. А. Корфу. *15 (4) сентября 1737 г. Марбург* 16
3. Барон И. А. Корф — марбургским студентам (М. В. Ломоносову, Д. И. Виноградову, Г. У. Райзеру). *7 (18) октября 1737 г. Петербург* 20
4. Ломоносов — барону И. А. Корфу. *20 (9) ноября 1737 г. Марбург*..... 23
5. Общий репорт марбургских студентов (М. В. Ломоносова, Д. И. Виноградова, Г. У. Райзера) в Канцелярию Петербургской Академии наук. *25 (14) марта 1738 г. Марбург*..... 25
6. Ломоносов — барону И. А. Корфу. *26 (15) марта 1738 г. Марбург* 28
7. Репорт Ломоносова в Канцелярию Петербургской Академии наук. *15 (4) октября 1738 г. Марбург*..... 32
8. Ломоносов — И. Ф. Генкелю. *Вторая половина (после 13) декабря — конец (после 24) декабря 1739 г. Фрейберг*..... 34
9. Ломоносов — И. Д. Шумахеру. *16 (5) ноября 1740 г. Марбург* 39
10. Ломоносов — Д. Ф. Михаэлису. *4 декабря 1740 г. Марбург*..... 51
11. И. Д. Шумахер — Ломоносову. *28 февраля 1741 г. Петербург* 53
12. Ломоносов — Д. И. Виноградову. *18 (7) апреля 1741 г. Марбург*..... 57

ОТДЕЛ ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ. 1742–1752

13. Ломоносов — И. Д. Шумахеру. *1 мая 1745 г. Петербург*..... 65
14. Ломоносов — архиепископу Архангельскому и Холмогорскому Варсонофию. *19 ноября 1746 г. Петербург* 69

15. Ломоносов — Л. Эйлеру. 16 февраля 1748 г. Петербург	70
16. Л. Эйлер — Ломоносову. 23 (12) марта 1748 г. Берлин	74
17. Ордер Ломоносову из Академической канцелярии. 20 апреля 1748 г. <i>Петербург</i>	75
18. Ломоносов — Г. Н. Теплову. 22 апреля 1748 г. Петербург	76
19. Г. Н. Теплов — Ломоносову. 22 апреля 1748 г. Петербург	77
20. Ломоносов — Л. Эйлеру. 5 июля 1748 г. Петербург	79
21. Л. Эйлер — Ломоносову. 24 (13) августа 1748 г. Берлин	99
22. Ломоносов — И. Г. Гмелину. 1 октября 1748 г. Петербург	101
23. Ломоносов — В. К. Тредиаковскому. 12 октября 1748 г. Петербург ...	107
24. И. Г. Гмелин — Ломоносову. 11 (1) декабря 1748 г.	111
25. И. Д. Шумахер — Ломоносову. 21 декабря 1748 г. Петербург	116
26. И. Д. Шумахер — Ломоносову. 26 января 1749 г. Петербург	118
27. Ломоносов — В. Н. Татищеву. 27 января 1749 г. Петербург	120
28. Ломоносов — Л. Эйлеру. 27 мая 1749 г. Петербург	127
29. Ломоносов — барону И. А. Черкасову. 27 июля 1749 г. Петербург	131
30. И. Д. Шумахер — Ломоносову. 28 сентября 1749 г. Петербург	132
31. И. Д. Шумахер — Ломоносову. 14 ноября 1749 г. Петербург	135
32. Ломоносов — И. Д. Шумахеру. 17 ноября 1749 г. Петербург	137
33. Г. В. Рихман — Ломоносову. Около 1 декабря 1749 г. Петербург	139
34. Ломоносов — И. И. Шувалову. Не позднее 1 декабря 1750 г. <i>Петербург</i>	143
35. Ломоносов — И. И. Шувалову. 8 мая 1751 г. Петербург	145
36. Ломоносов — И. И. Шувалову. 15 августа 1751 г. Петербург	146
37. Ломоносов — И. И. Шувалову. 10 сентября 1751 г. Петербург	149
38. М. М. Гибертовский — Ломоносову. 20 октября 1751 г. Петербург	152
39. И. Д. Шумахер — Ломоносову. 22 января 1752 г. Петербург	158
40. Репорт Ломоносова в Академическую канцелярию. 23 января 1752 г. <i>Петербург</i>	159
41. Ломоносов — И. И. Шувалову. 3 марта 1752 г. Петербург	161
42. Ломоносов — И. И. Шувалову. 3 октября 1752 г. Петербург	165

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕТЕРБУРГ. УСТЬ-РУДИЦЫ. 1753—1761

43. Ломоносов — И. И. Шувалову. 4 января 1753 г. Петербург	169
44. Ломоносов — графу К. Г. Разумовскому. 22 или 23 февраля 1753 г. <i>Петербург</i>	172

45. Ломоносов — графу М. Л. Воронцову. 25 марта 1753 г. Петербург.	175
46. Граф М. Л. Воронцов — Ломоносову. 5 апреля 1753 г. Москва	176
47. Ломоносов — графу П. И. Шувалову. 10 мая 1753 г. Петербург	177
48. Ломоносов — И. И. Шувалову. 10 мая 1753 г. Петербург	179
49. Ломоносов — И. И. Шувалову. 31 мая 1753 г. Петербург	183
50. Ломоносов — И. И. Шувалову. 26 июля 1753 г. Петербург	189
51. Х. Вольф — Ломоносову. 26 июля (6 августа) 1753 г. Галле.	192
52. Ломоносов — И. Д. Шумахеру. 18 августа 1753 г. Петербург.	195
53. И. Д. Шумахер — Ломоносову. 18 августа 1753 г. Петербург.	198
54. Ломоносов — И. И. Шувалову. 23 августа 1753 г. Петербург.	201
55. Ломоносов — графу М. Л. Воронцову. 30 августа 1753 г. Петербург.	203
56. Ломоносов — И. И. Шувалову. 7 октября 1753 г. Петербург	204
57. Ж. А. С. Формей — Ломоносову. 27. (16) октября 1753 г. Берлин.	207
58. И. И. Шувалов — Ломоносову. Не ранее 16 октября 1753 г. Петербург	209
59. Ломоносов — И. И. Шувалову. 16 октября 1753 г. Петербург.	211
60. Ломоносов — И. И. Шувалову. После 16 октября 1753 г. Петербург.	216
61. Ломоносов — И. И. Шувалову. 1 ноября 1753 г. Петербург	221
62. И. Д. Шумахер — Ломоносову. 10 ноября 1753 г. Петербург.	229
63. Ломоносов — И. И. Шувалову. Около 4–11 ноября 1753 г. Петербург	232
64. Ломоносов — графу М. Л. Воронцову. 3 января 1754 г. Усть-Рудицы	237
65. Ломоносов — И. И. Шувалову. 3 января 1754 г. Усть-Рудицы	238
66. Ломоносов — графу М. Л. Воронцову. 27 января 1754 г. Петербург.	240
67. Ломоносов — Л. Эйлеру. 12 (23) февраля 1754 г. Петербург	242
68. Ломоносов — Ж. А. С. Формею. 12 (23) февраля 1754 г. Петербург	249
69. Л. Эйлер — Ломоносову. 30 (19) марта 1754 г. Берлин	252
70. Ломоносов — И. И. Шувалову. 28 марта 1754 г. Петербург.	259
71. Ломоносов — Г. Ф. Миллеру. 7 мая 1754 г. Усть-Рудицы	263
72. Г. Ф. Миллер — Ломоносову. 8 мая 1754 г. Петербург	268
73. Ломоносов — И. И. Шувалову. Не позднее 19 июля 1754 г. Петербург (?).	271
74. К. М. де ла Кондамин — Ломоносову. 5 августа (25 июля) 1754 г. Пломбери (в Лотарингии)	277
75. Ломоносов — графу М. Л. Воронцову. 19 ноября 1754 г. Петербург.	278
76. Ломоносов — Л. Эйлеру. 28 ноября 1754 г. Петербург	282
77. Ломоносов — И. И. Шувалову. 30 декабря 1754 г. Петербург.	287
78. Л. Эйлер — Ломоносову. 11 января 1755 г. (31 декабря 1754 г.) Берлин.	289

79.	П. И. Рычков — Ломоносову. 2 февраля 1755 г. Оренбург	296
80.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 10 марта 1755 г. Петербург	299
81.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 12 марта 1755 г. Петербург	302
82.	Ж. А. С. Формей — Ломоносову. 27 (16) мая 1755 г. Берлин	305
83.	И. Д. Шумахер — Ломоносову. 4 июля 1755 г. Петербург	306
84.	П. И. Рычков — Ломоносову. 26 августа 1755 г. Оренбург	309
85.	Ломоносов — И. Д. Шумахеру. 2 апреля 1756 г. Петербург	311
86.	Ломоносов — И. Д. Шумахеру. 10 мая 1756 г. Петербург	313
87.	И. Д. Шумахер — Ломоносову. 17 июля 1756 г. Петербург	316
88.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 2 сентября 1757 г. Петербург	318
89.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 27 сентября 1757 г. Петербург	321
90.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 10 октября 1757 г. Петербург	324
91.	Ломоносов — Я. Штелину. 27 октября 1757 г. Петербург	326
92.	Ломоносов — Я. Штелину. 27–30 октября 1757 г. Петербург	329
93.	Я. Штелин — Ломоносову. 27–30 октября 1757 г. Петербург	330
94.	Ломоносов — Я. Штелину. 27–30 октября 1757 г. Петербург	332
95.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 23 ноября 1757 г. Петербург	334
96.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 1755–1757 гг. Петербург (?)	337
97.	Ломоносов — Я. Штелину. 27 июня 1758 г. Петербург	338
98.	Ломоносов — Я. Штелину. 1 июля — 13 октября 1758 г. Петербург ...	341
99.	Ломоносов — С. Я. Румовскому. 11 сентября 1758 г. Петербург	343
100.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 8 июля 1759 г. Петербург	344
101.	Граф М. Л. Воронцов — Ломоносову. 10 июля 1759 г. Петергоф	349
102.	Ломоносов — С. Я. Румовскому. 14 июля 1759 г. Петербург	350
103.	А. И. Дедюлин — Ломоносову. Июль 1759 г. Петербург	351
104.	Неустановленное лицо — Ломоносову. 15 сентября 1759 г. Петербург	353
105.	Ломоносов — графу М. Л. Воронцову. 30 декабря 1759 г. Петербург ...	354
106.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 14 февраля — 17 апреля 1760 г. Петербург	362
107.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 3 марта 1760 г. Петербург	364
108.	Ломоносов — С. Я. Румовскому. 12 апреля 1760 г. Петербург	366
109.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 17 апреля 1760 г. Петербург	368
110.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 20 апреля 1760 г. Петербург	372
111.	Ломоносов — Шведской Королевской Академии наук. 15 июля 1760 г. Петербург	374
112.	Ломоносов — графу М. Л. Воронцову. 22 августа 1760 г. Петербург ...	376
113.	Ломоносов — Я. Штелину. 7–13 ноября 1760 г. Петербург	378
114.	Ломоносов — И. И. Шувалову. 19 января 1761 г. Петербург	380

115.	Ломоносов — Г. Н. Теплову. 30 января 1761 г. Петербург	383
116.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 15 февраля 1761 г. Петербург	390
117.	Ломоносов — Я. Штелину. 2 июня 1761 г. Петербург	394
118.	С. Я. Румовский — Ломоносову. 4 июня 1761 г. Селенгинск	397
119.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 5 сентября 1761 г. Петербург	398
120.	Ломоносов — Я. Штелину. Не позднее 25 ноября 1761 г. Петербург	399
121.	Ломоносов — графу Р. А. Воронцову. 28 декабря 1761 г. Петербург	400

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕТЕРБУРГ. 1762–1765

122.	Ф. И. Соймонов — Ломоносов. 5 января 1762 г. Тобольск	405
123.	Ломоносов — И. А. Цильху. 13 мая 1762 г. Петербург	407
124.	Ломоносов — Ф. К. Соколову. 24 июня 1762 г. Петербург	408
125.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 24 июля 1762 г. Петербург	408
126.	Граф М. А. Воронцов — Ломоносову. 24 июля 1762 г. Петербург	411
127.	Ломоносов — Г. Г. Орлову. 25 июля 1762 г. Петербург	411
128.	Ломоносов — Ф. Г. Орлову. 26 июля 1762 г. Петербург	413
129.	Ломоносов — графу К. Г. Разумовскому. 28 января — 5 февраля 1763 г. Петербург	414
130.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 5 февраля 1763 г. Петербург	415
131.	Ломоносов — графу Р. А. Воронцову. 5 февраля 1763 г. Петербург	417
132.	Граф М. А. Воронцов — Ломоносову. 17 февраля 1763 г. Москва	418
133.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 6 марта 1763 г. Петербург	420
134.	Граф М. А. Воронцов — Ломоносову. 22 марта 1763 г. Москва	421
135.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 27 марта 1763 г. Петербург	423
136.	Граф М. А. Воронцов — Ломоносову. 24 апреля 1763 г. Москва	424
137.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 18 июня 1763 г. Петербург	425
138.	Ломоносов — С. Я. Румовскому. 11 сентября 1763 г. Петербург	428
139.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 19 января 1764 г. Петербург	428
140.	Ломоносов — князю А. М. Голицыну. 24 января 1764 г. Петербург	438
141.	Ф. М. Цанотти — Ломоносову. После 2 (13) апреля 1764 г. Болонья	439
142.	Ломоносов — Ф. М. Цанотти. 9 мая 1764 г. Петербург	442
143.	Ломоносов — графу М. А. Воронцову. 9 мая 1764 г. Петербург	444
144.	И. А. Браун — Ломоносову. После 4 июня 1764 г. Петербург	446

145. Ломоносов — И. И. Шувалову. 11 июля 1764 г. Петербург	448
146. И. Ю. Унгебауер — Ломоносову. 13 августа 1764 г. Петербург	450
147. Ломоносов — Г. Г. Орлову. 10 сентября 1764 — март 1765 г. <i>Петербург</i>	451
148. Ломоносов — Я. Штелину. 20 сентября 1764 г. Петербург	453
149. Ломоносов — И. И. Бецкому. 7 октября 1764 г. Петербург	454
150. Ломоносов — графу И. Г. Чернышеву. 22 октября 1764 г. Петербург ..	457
151. Ломоносов — графу И. Г. Чернышеву. 26 октября 1764 г. Петербург ..	462
152. Ломоносов — Неустановленному лицу. 9 ноября 1764 г. Петербург ...	464
153. Ломоносов — Я. Штелину. Не позднее 27 декабря 1764 г. Петербург ...	464
154. Ломоносов — князю А. А. Вяземскому. 3 февраля 1765 г. Петербург ...	465
155. Князь А. А. Вяземский — Ломоносову. 3 февраля 1765 г. Петербург ...	466
156. Ломоносов — князю А. А. Вяземскому. 4 февраля 1765 г. Петербург ...	466
157. Князь А. А. Вяземский — Ломоносову. 4 февраля 1765 г. Петербург ...	468
158. Ломоносов — Л. Эйлеру. Не ранее 21 февраля 1765 г. Петербург	468
159. Ломоносов — М. В. Головиной. 2 марта 1765 г. Петербург	474
160. И. В. Шенин — Ломоносову. 3 марта 1765 г. Петербург	476
161. Ломоносов — И. В. Шенину. 3 или 4 марта 1765 г. Петербург	477
<i>Корреспонденты Ломоносова. Краткий биографический словарь</i>	479
<i>Иллюстрации</i>	496
<i>Условные сокращения</i>	498
<i>Указатель корреспондентов Ломоносова (по номерам)</i>	503

Л35 Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765 / Составление, подготовка текста и примечания Г. Г. Мартынова ; под ред. Б. А. Градовой. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-91678-030-7

В настоящем издании представлен полный свод переписки выдающегося русского ученого-естествоиспытателя М. В. Ломоносова — 161 документ 1737–1765 годов на русском, латинском, немецком и французском языках. Ряд писем публикуется впервые, переводы с иностранных языков сверены и уточнены. В комментариях подробно раскрыты обстоятельства, послужившие причиной возникновения переписки между Ломоносовым и его корреспондентами, в числе которых были крупнейший математик XVIII века Леонард Эйлер, государственный канцлер Михаил Воронцов, всемогущий фаворит императрицы Елизаветы Петровны меценат Иван Шувалов, на протяжении долгих лет покровительствовавший Ломоносову, историк Василий Татищев и многие другие. Корреспонденция первого русского ученого мирового значения представляет огромную научную, историческую и общекультурную ценность. Она незаменима для изучения истории науки и жизни русского и европейского общества XVIII века.

УДК 929

ББК 72.3

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ

ПЕРЕПИСКА

1737–1765

Редактор В. Петров

Художник Е. Трушина

Макет и верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 25.11.10. Формат 60 × 90/16.

Усл. печ. л. 32,00. Тираж 3000 экз. Заказ № 4105.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119270 Москва, Лужнецкая набережная, д. 2/4,

стр. 8, 4 этаж, офис 400. Тел. (495) 788-85-20

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

www.оаомпк.ру, www.оаомпк.рф